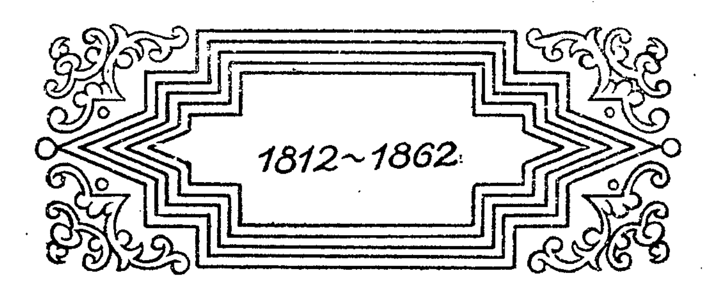
П. В. СЫТИН

ПОЖАР МОСКВЫ В 1812 ГОДУ И СТРОИТЕЛЬСТВО ГОРОДА В ТЕЧЕНИЕ 50 ЛЕТ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
И. С. РОМАНОВСКОГО

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ 1972

П. В. Сытин

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Автор «Истории планировки и застройки Москвы» доктор исторических наук Петр Васильевич Сытин скончался в возрасте 82 лет, 28 октября 1968 года.

Вся деятельность ученого в течение более полувека была посвящена изучению истории Москвы, преимущественно ее планировки и застройки. Когда в 1913 году Московская городская управа создала Музей московского городского хозяйства, П. В. Сытин был назначен его директором. В 1920 году этот музей был реорганизован в Московский коммунальный музей, и П. В. Сытин продолжал руководить им. Из этого музея впоследствии вырос ныне существующий Музей истории и реконструкции Москвы, активным членом ученого совета которого П. В. Сытин оставался до дня своей смерти.

Еще в начале 20-х годов П. В. Сытин начал публиковать в столичной периодической печати статьи по различным вопросам истории московского городского хозяйства, истории площадей, улиц и отдельных зданий столицы. Эти публикации привлекли внимание читателей и в немалой степени способствовали возрождению интереса к этой стороне истории нашего великого города. За полвека П. В. Сытиным в общей сложности опубликовано более 20 книг и свыше 300 статей, и во всех этих работах он остался верен однажды избранной им теме.

К наиболее значительным трудам покойного принадлежат книги: «Прошлое Москвы в названиях улиц», вышедшая двумя изданиями в 1946 и 1948 годах; «Из истории московских улиц», вышедшая тремя изданиями в 1948, 1952 и 1958 годах; «Происхождение названий московских улиц» (в соавторстве с П. Н. Миллером), 1938 год; «Откуда произошли названия московских улиц», 1959 год, и в особенности «История планировки и застройки Москвы».

Первый том этой фундаментальной работы, вышедший в свет в 1950 году, охватывает период с 1147 года — даты первого летописного упоминания о Москве — до 1762 года; второй том, опубликованный в

1954 году, — с 1762 до 1812 года; настоящий, третий том — с памятного пожара Москвы в 1812 году до 1862 года. В последних, заключительных строках этого тома автор обещал в четвертом томе осветить период с 1862 до 1917 года. Несомненно, что в последнем, пятом томе он предполагал рассказать о гигантском и всеобъемлющем процессе перестройки и перепланировки столицы в революционную эпоху — с 1917 года до наших дней.

Но — увы! — уже настоящий, третий том создавался автором в очень тяжелых условиях: прогрессировавшая болезнь глаз заставляла его работать с помощью чтецов и секретарей, записывавших под его диктовку, и лишь исключительные трудолюбие и целеустремленность автора обеспечили завершение тома.

Советское правительство высоко оценило многолетний труд историка: в 1947 году, когда отмечалось 800-летие Москвы, Петр Васильевич Сытин за свои работы, посвященные Москве, был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

ОТ АВТОРА

Третий том «Истории планировки и застройки Москвы» охватывает 1812—1862 гг. и представляет собой самостоятельное исследование, но в то же время автор предполагает, что читателям известны планировка и застройка Москвы с 1147 по 1812 г., изложенные им в I и II томах.

Третий том, как и первые два, основан на документальных данных, извлеченных из архивов и специальных печатных работ, на их комментариях и исследованиях, расположенных в хронологическом порядке.

Том содержит четыре главы и заключение. Указатели источников и литературы, на которые делаются ссылки в тексте, даются в конце книги порознь к каждой главе. Приложения и указатели — предметный и именной — помещены в конце тома, как и в предыдущих томах.

В первом разделе первой главы дается краткая картина состояния Москвы до нашествия французской армии в 1812 г. — приводятся сведения о территории города, его населении, планировке, застройке и благоустройстве, о промышленности, торговле и быте.

В трех последующих главах дается история планировки, застройки и благоустройства (инженерного оборудования) по периодам: во второй главе — за 1812—1825 гг.; в третьей — за 1825—1843 гг.; в четвертой — за 1843—1862 гг.

1812, 1825, 1861 гг. как рубежи исторических периодов России — общеприняты, 1843 же год является переломным в планировке и застройке Москвы. В этом году закончилась работа Комиссии для строения Москвы, которая в течение 30 лет (1813—1843 гг.) руководила планировкой и застройкой города и создала ряд ансамблей улиц, площадей и зданий в торжественном новоклассическом стиле.

С 1843 г. планировка и застройка Москвы были поручены Третьему, а затем Четвертому округу путей сообщения и публичных зданий, пустившим строительство на самотек, что привело к его упадку.

Четвертая глава заканчивается не 1861-м, а 1862 г., потому что только в марте этого года было издано новое положение о Московской городской думе, постепенно передавшее в ее руки руководство планировкой, застройкой и благоустройством города, бывшее до этого в ведении правительственных органов.

Благоустройство города, не выделявшееся в предыдущих томах, в данном томе выделено в особые разделы, так как в послепожарной Москве оно стало играть видную самостоятельную роль.

Во всех главах дается и общая часть, где кратко сообщается о территории, населении, торговле, промышленности и культуре города с 1812 по 1862 г.

Улицы, переулки и площади Москвы даются в названиях, соответствующих описываемому историческому периоду. Ввиду того что многие из них теперь переименованы, после каждого старого названия в первом случае его упоминания дается в скобках и его новое название.

Даты указываются соответственно историческим документам.

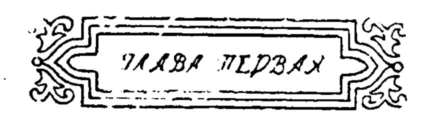
Измерения длины, ширины, высоты, глубины и площади различных объектов, упоминаемых в книге, даны в русских мерах XIX века, как обозначены они в документах, из которых сделаны в книге выписки.

Для перевода в метрические меры необходимо помнить следующее:

1 верста = 500 саж. = 1,06680 км.
1 сажень = 3 арш., или 7 футам = 2,13360 м.
1 аршин = 16 вершк. = 0,71120 м.
1 вершок = 4,445 см.
1 фут = 12 дюймам = 0,30480 м.
1 дюйм = 10 линиям = 2,54 см.
1 линия = 10 точкам = 2,54 мм.
1 кв. верста = 250 000 кв. саж. = 1,13806 кв. км.
1 десятина = 2400 кв. саж. = 1,09254 га.
1 кв. сажень = 9 кв. арш. = 49 кв. футам = 4,55 кв. м.
1 кв. аршин = 256 кв. верш. = 0,50581 кв. м.
1 кв. вершок = 19,76 кв. см.
1 кв. фут = 1,44 кв. дюйма = 0,09290 кв. м.
1 кв. дюйм = 100 кв. линиям = 6,45160 кв. см.

Автор считает своим долгом принести глубокую благодарность председателю Исполкома Московского Совета депутатов трудящихся В. Ф. Промыслову, оказавшему содействие в издании книги, и архитектору П. И. Гольденбергу, научным сотрудникам З. К. Покровской, Н. П. Сытиной, И. В. Эрн, а также секретарям Н. Н. Дунаевой и Т. В. Шлезингер, помогавшим автору, потерявшему зрение, подготовить рукопись к печати.

МОСКВА В 1812 ГОДУ

МОСКВА ПЕРЕД НАШЕСТВИЕМ ФРАНЦУЗОВ

Перед нашествием французов Москва была самым большим и богатым городом России по территории, населению, промышленности, торговле, культурному и политическому значению. Соперничать с нею в некоторых отношениях мог лишь Петербург [1].

На рукописном плане Москвы 1810 г. [2] Москва показана в виде неправильного параллелограмма, окруженного Камер-Коллежским валом, длиной 36 верст (38,405 км) с 16 заставами. Площадь города показана равною 6717 десятинам (7320 га). По продольной оси (диаметру) от Калужской до Преображенской заст. было 11,5 версты (12,228 км), по поперечной оси от Спасской (Крестьянской) до Тверской заст. — 6,75 версты (7651 км).

Рельеф города представлял собой широкую долину Москвы-реки, протекавшей посреди города с северо-запада на юго-восток. От Бабьего городка (западнее Большого Каменного моста) до Красного холма (южнее Краснохолмского моста) шел Водоотводный канал, построенный в 1783—1786 гг. на месте старого русла Москвы-реки.

Правый берег Москвы-реки был низкий; только за Коровьим валом (Добрынинская ул.) начинался медленный подъем к северу к Воробьевым (Ленинским) горам. Этот берег был покрыт травой, садов и рощ здесь почти не было. Левый же, в центре города, напротив, был весь в садах, а рощи и лес в 1812 г. находились уже только за Камер-Коллежским валом.

Левый берег Москвы-реки был высокий. Подъем к северу начинался от самой реки и шел почти без перерыва до самого Камер-Коллежского вала.

Левобережье Москвы было пересечено множеством речек и мелких холмов. Из больших притоков Москвы-реки отметим р. Пресню на западе, р. Неглинную — в центре и. р. Яузу — на востоке города. Пресня и Неглинная начинались в Бутырках, а Яуза — далеко на севере, за

Мытищами. Многочисленные речки и ручьи, впадавшие в эти главные притоки Москвы-реки, теперь большей частью заключены в трубы и текут под улицами Москвы, как и сами Пресня и Неглинная. Только Яуза и большая часть ее притоков еще текут открыто.

Левые берега Неглинной и Яузы были высокими, особенно близ устьев. Недалеко от устья Неглинной левый высокий ее берег образовал вместе с левым же высоким берегом Москвы-реки холм, занятый Кремлем и Китай-городом. Севернее склон к р. Неглинной виден еще на Знаменке (ул. Фрунзе), в Кузнецком пер. (часть теперешней ул. Кузнецкий мост), на Петровском бульв. и на Садовой-Самотечной ул. По направлению к левому же берегу Неглинной виден склон на Садовой-Сухаревской ул., у Рождественского бульв. («Рождественская гора»), в 1-м и 2-м Неглинных пер. и на Кузнецком мосту.

К р. Пресне наиболее ясно виден склон на Кудринской (Баррикадной) ул., к р. Яузе — возле ее устья от Устьинской набережной до Таганской (Интернациональной) ул., где еще видна «Таганская гора».

Холмистый рельеф определил кривизну многих улиц и переулков города, которая полностью не изжита и до сего времени.

Территория Москвы делилась в это время на четыре исторических «города»: Кремль, Китай-город, Белый город (в Бульварном кольце) и Земляной город (в Садовом кольце).

Местности между Садовым кольцом и Камер-Коллежским валом носили название «За Земляным городом». Они состояли из бывших слобод, монастырских и других земель и неофициально сохраняли старые наименования: на юго-западе, между Крымским мостом, Лужниками и Дорогомиловским мостом, были Хамовники; к западу от Дорогомиловского моста — Дорогомилово; к северу, между Москвой-рекой, Пресненскими прудами и Садовым кольцом — Новинское; к западу от прудов — Пресня, а к северу от Пресни — Грузины. На северо-западе, за Грузинами, лежали три Тверские-Ямские слободы. К востоку от них — Сущево и Новая слобода. За р. Неглинной и ее притоком р. Напрудной — четыре Мещанские слободы. Восточнее их — Красное село, Елохово и с. Покровское. За р. Яузой к востоку — Лефортово. К западу от Яузы — Немецкая слобода и Басманные Слободы (улицы). На юго-востоке — Таганка и Симоново. В Замоскворечье, за Земляным валом, располагались огороды Данилова и Донского монастырей и ряд больших фабрик (мануфактур).

Кремль был огражден дошедшими до нас с XV века стенами и башнями. Китай-город тоже был огражден стенами с несколько меньшими башнями.

Вокруг Кремля и Китай-города в 1708 г., при Петре I, были насыпаны земляные бастионы, которые к 1812 г., простояв более 100 лет, значительно обветшали и осыпались. В 1799 г. было решено их надсыпать, но этот проект не был осуществлен. Эти бастионы занимали место современных Александровских садов, пл. Революции, южную половину пл. Свердлова, часть просп. Маркса, две трети пл. Дзержинского и всю местность между стеной Китай-города и пр. Серова до пл. Ногина включительно. Дальше они шли по Китайскому пр. и сохранялись еще отчасти на Москворецкой и Кремлевской набережных, а также на Красной пл. ниже Спасских ворот. Земляные бастионы окружал неглубокий крепостной ров, заполненный водой. На своем протяжении от современного Малого театра до устья Неглинной он питался водой последней. Ров по бывш. Театральному пр. от пл. Свердлова до пл. Дзержинского, а также от нее по Китайскому пр. до Мо-

сквы-реки питался водою из подземных источников, входивших в ров на Никольской пл. (пл. Дзержинского).

Стены и башни Белого города были разобраны во второй половине XVIII века, и на их месте по указу 1797 г., в соответствии с планом 1775 г., кроме существовавшего уже с 1796 г. Тверского бульв. были намечены и другие бульвары по линии теперешнего Бульварного кольца. Это были узкие аллеи на месте стены Белого города с одним рядом деревьев с каждой стороны. Длина бульваров достигала 7 км.

На месте современных Садовых улиц шел Земляной вал, к 1812 г. уже кое-где снесенный для площадей Смоленской, Сухаревской (Колхозной) и др.

В соответствии с планом 1775 г. в 1782 г. вал был исправлен на небольшом пространстве в северной части; на остальном протяжении он оставался в полуразрушенном виде.

Камер-Коллежский вал со рвом впереди него был в довольно исправном состоянии, так как он являлся таможенной границей города и содержался за счет питейных сборов.

Окружавший четыре «города» Земляной вал и Камер-Коллежский вал ярко подчеркивали кольцевую планировку Москвы. Радиальная же планировка была отчетливо представлена линиями больших улиц, отходивших во все стороны от Кремля и Китай-города.

От Боровицких ворот Кремля шли ул. Волхонка и Знаменка до современного Бульварного кольца; до него же от Троицких ворот Кремля — Воздвиженка (просп. Калинина) и Большая Никитская (ул. Герцена). От Никольских ворот Кремля до Никольских ворот Китай-города шла Никольская (ул. 25 Октября). От Спасских ворот Кремля до Ильинских ворот Китай-города — Ильинка (ул. Куйбышева); от заложенных еще в XVII веке Константино-Еленинских ворот Кремля до Варварских ворот Китай-города — Варварка (ул. Разина).

От Воскресенских ворот Китай-города до Тверских ворот Белого города шла Тверская ул. (ул. Горького). От этих же ворот Китай-города получали начало улицы: Большая Дмитровка (Пушкинская) и Петровская (Петровка). От Никольских ворот Китай-города шли улицы: Сретенка (ул. Дзержинского), Малая Лубянка и Мясницкая (ул. Кирова). От Ильинских ворот Китай-города шла Покровская улица (ул. Богдана Хмельницкого) и Георгиевский (Лучников) пер. От Варварских ворот — Варварская ул. (южная часть пл. Ногина), ул. Солянка и Большой Ивановский пер. От Москворецких ворот — деревянный Москворецкий мост и ул. Балчуг.

От ворот Белого города также расходились пучки улиц. От Пречистенских (Кропоткинских) ворот шли улицы: Остоженка (Метростроевская), Пречистенка (Кропоткинская) и Старо-Конюшенная (ул. Рылеева). От Арбатских ворот — улицы Арбат, Поварская (ул. Воровского) и Большая Молчановка. От Никитских ворот — Большая и Малая Никитские (ул. Герцена и ул. Качалова) и Малая Бронная. От Тверских ворот (Пушкинская пл.) — Тверская (ул. Горького) и Малая Дмитровка (ул. Чехова). От Покровских ворот отходили две улицы — продолжение Покровской ул. Белого города и Барашевский пер. с расположенными далее Казенными пер. От остальных ворот Белого города шло только по одной улице, продолжавшей соответствующую главную улицу в Белом городе.

От некоторых ворот Земляного города тоже расходились пучки радиальных улиц. От Таганских ворот — Большая Алексеевская (Б. Коммунистическая), Семеновская (Таганская) и Воронцовская ул.

От Серпуховских ворот — Большая Серпуховская и Малая Серпуховская (Люсиновская ул.). От Калужских ворот — ул. Шаболовка, Донская и Большая Калужская (ныне Ленинский просп.). От Красных ворот (Лермонтовская пл.) — Каланчевская и Новая Басманная. От других же ворот Земляного города шло к заставам большей частью по одной улице.

Эти радиальные и кольцевые улицы вместе с переулками, параллельными тем и другим, и составляли исторически сложившуюся радиально-кольцевую систему планировки города. Спланированные между Земляным городом и Камер-Коллежским валом по линейной системе (длинные параллельные улицы с несколькими поперечными переулками, не связанными друг с другом) ямские, иноземные и солдатские слободы не нарушали радиально-кольцевой планировки.

Из всех мостов, переброшенных через Москву-реку, каменным был только Большой Каменный мост, соединявший Всехсвятскую ул. (ул. Серафимовича) с Ленивкой. Остальные мосты через Москву-реку — Дорогомиловский *, Крымский, Москворецкий и Большой Краснохолмский были деревянными. Через Водоотводный канал напротив Большого Каменного моста был перекинут Малый Каменный мост, напротив Москворецкого — деревянный Высокопятницкий, напротив Большого Краснохолмского — деревянный Малый Краснохолмский мост.

Мосты на Водоотводном канале также являлись центрами, от которых отходили улицы: от Малого Каменного — Приказная (Старомонетный пер.), Козьмодемьянская (Большая Полянка), Малая Якиманка и Большая Якиманка (ул. Димитрова); от Высокопятницкого моста — Пятницкая ул. и Большая Ордынка.

Через р. Неглинную было переброшено три каменных моста: Кузнецкий, Воскресенский и Троицкий. Боровицкий мост был деревянным. Выше по Неглинной было еще несколько деревянных мостов.

Через р. Пресню было переброшено два каменных моста — Горбатый мост и мост, ведущий на ул. Большую Пресню (Красную Пресню).

На р. Яузе было два каменных моста — Яузский у Яузской улицы и Дворцовый на Вознесенской ул. (ул. Радио). Кроме того, было на Яузе и несколько деревянных мостов.

В отчете обер-полицмейстера Москвы генерал-майора П. А. Ивашкина на 20 января 1812 г. значилось, что через реки и ручьи города Москвы переброшено 17 каменных мостов и 21 деревянный (см. приложение 1).

На плане 1810 г. видно, что сплошная застройка города кончалась чуть дальше Земляного вала. До Камер-Коллежского вала застроены были лишь главные магистрали, идущие к заставам, с переулками возле них, да на востоке Немецкая слобода и Таганка. Между главными магистралями находились большей частью сады, огороды и даже пахотные поля с небольшим числом улиц, редко застроенных дворами.

По данным «Статистической ведомости», помещенной в «Истори-

---

* Деревянный Дорогомиловский мост, длиной 185,6 м, шириной 8,5 м, лежал на плотах и паромах. Он был сооружен в 1787—1788 гг. вместо ранее бывшего здесь «живого» моста. К нему была устроена 15-метровая деревянная мостовая. По этому мосту после Бородинского сражения прошли русские, а за ними и французские войска. В 1837 г., в память Бородинского сражения, он был переименован в Бородинский[3].

ческом, статистическом и географическом журнале» в кн. I за 1823 г., в Москве в 1812 г. было 2567 каменных домов и 6591 деревянный, всего 9158 домов. Из них 387 принадлежали казне и общественным организациям (кроме церквей), а 8771 — частным лицам.

Кремль, Китай-город и Белый город со времен Петра I застраивались исключительно каменными домами. В Земляном городе было больше деревянных домов, чем каменных, а за Земляным городом раскинулось сплошное море деревянных строений с садами, прудами, колодцами, небольшими огородами. Исключение составляли островки каменных строений на Таганке и в Немецкой слободе.

Об этих контрастах поэт П. А. Вяземский писал[4]:

Здесь чудо — барские палаты
С гербом, где вписан знатный род.
Вблизи — на курьих ножках хаты
И с огурцами огород.

Из больших зданий Москвы того времени надо отметить:

В Кремле: Большой дворец (1000 комнат), построенный архитектором В. В. Растрелли в 1740-х годах, с Грановитой палатой и Теремами. Здание Оружейной палаты (впоследствии — казармы) на Троицкой пл., снесенное при постройке Дворца съездов в 1960—1961 гг. Арсенал. Сенат (ныне здание Совета Министров СССР).

В Китай-городе: Присутственные места (теперь на этом месте здание Государственного Исторического музея). Второе здание Присутственных мест и рядом здание Монетного двора XVII века (с корпусом за северной стеной Китай-города). Гостиный двор — Верхние (на месте ГУМа) и Средние ряды, Новый Гостиный двор между Ильинкой и Варваркой.

В Белом городе: Университет (старое здание, ныне № 18 по просп. Маркса). Дом московского генерал-губернатора (ныне перестроенное здание Московского Совета). Воспитательный дом на Москворецкой набережной (теперь здесь Артиллерийская академия имени Ф. Э. Дзержинского).

В Земляном городе: Коммерческое училище на Остоженке. Покровские казармы на Покровском бульваре. Военный комиссариат в Замоскворечье. Винно-соляной двор у Большого Каменного моста.

За Земляным городом: Хамовнические казармы. Вдовий дом на Кудринской пл. (пл. Восстания). Бутырская тюрьма. Александровский институт (на пл. Борьбы). Мариинская больница на Новой Божедомке (ул. Достоевского). Екатерининский институт (ныне Дом Советской Армии). Екатерининская больница (ныне МОНИКИ). Шереметевская больница (ныне Институт имени Склифосовского). Спасские казармы. Казармы в Екатерининском дворце в Лефортове. Красные казармы в Лефортове. Крутицкие казармы. Павловская больница. Голицынская больница на Большой Калужской ул. (Ленинский просп.).

Население Москвы, по отчету П. А. Ивашкина от 20 января 1812 г., в 1811 г. составляло 270 184 человека (157 152 мужчины и 113 032 женщины). По другой полицейской «Ведомости» — 275 281 человек[5].

По сословиям население распределялось следующим образом (см. стр. 14).

Как видим из этих цифр, «первейшее сословие государства» — дворяне — составляло лишь одну шестнадцатую часть населения города, хотя Москва считалась тогда «дворянской столицей» и дворяне задавали тон всей ее общественной и культурной жизни. Они были окружены многочисленной дворней (12 674 человека). У некоторых дворян, в осо-

Сословная группа	Численность	В %
Дворяне	17 432	6,3
Купцы московские	15 839	5,8
Купцы иногородние	3 285	1,2
Мещане московские	15 131	5,5
Мещане иногородние	3 007	1,1
Цеховые	8 000	2,9
Дворовые, приписанные к домам	12 674	4,6
Дворовые, не приписанные к домам	76 866	27,9
Крестьяне казенные	37 523	13,6
» помещичьи	41 153	14,9
Фабричные	4 275	1,6
Разночинцы	10 771	3,9
Приказнослужители	375	0,1
Церковнослужители и монахи	5 104	1,9
Нижние чины, военнослужащие и отставные	19 079	6,9
Иностранцы	3 214	1,2
Ямщики	1 553	0,6
Всего	275 281	

бенности у чиновников мелкого разряда, дворовых не было вовсе, зато у представителей знати их было по нескольку сотен человек. Так, у графа А. Г. Орлова, например, в 1807 г. было 375 человек только домашней крепостной прислуги.

Московские купцы приближались по численности к дворянам, а с иногородними купцов было еще больше. К ним примыкали мещане московские и иногородние, по численности приближавшиеся к купцам и представлявшие собой большей частью торговцев, не платящих купеческой гильдии (взноса за звание купца), и потому не считавшиеся купцами, но фактически мало чем от них отличавшиеся. Правда, некоторое число мещан занималось ремеслами и сельским хозяйством на окраинах города, но таких было сравнительно немного.

Ремесленниками по официальному званию были цеховые, представители уже отживших средневековых цехов, но, как увидим далее, эта сословная группа в начале XIX века была накануне исчезновения.

Самой большой сословной группой были дворовые, не приписанные к домам (76 866, или 27,9% населения), затем шли крестьяне помещичьи (41 153, или 14,9%) и крестьяне казенные (37 523, или 13,6%). Все эти три группы объединяли 155 542 человека, или 56,4% всего населения. Это были крепостные помещиков или казны, отпущенные за вносимый ими ежегодно оброк на вольнонаемные работы или на занятие торговлей в городе. Часть их работала по вольному найму в мануфактурах (будущих фабриках и заводах), другие служили продавцами в лавках купцов и мещан, некоторые занимались ремеслами. Все это были люди, больше всего страдавшие от крепостничества.

Среди других групп населения выделялись своей численностью (19 079, или 6,9%) нижние воинские чины, служившие в размещенных в Москве войсках, или отставные военные. Группа фабричных в 4275 человек, или 1,6%, включала немногочисленных крепостных, работавших на фабриках, и так называемых «посессионных» крестьян, приписанных в XVIII веке с потомством в крепостные привилегированных фабрик и заводов. Но не они, конечно, составляли главную массу рабочих, а дворовые и крестьяне.

Разночинцы (10 771, или 3,9%) и приказнослужители (375, или 0,1%) представляли: первые — профессоров, учителей, литераторов, врачей и прочих людей свободных профессий; вторые — чиновников не из дворян, служивших в немногочисленных в Москве «присутственных местах» — казенных учреждениях. Ямщики (1553, или 0,6%) в связи с развитием пассажирских перевозок между городами в почтовых каретах являли собой вымиравшую профессию. Иностранцы (3214, или 1,2%) по занятиям примыкали и к группе купцов, и к группе ремесленников, и к группе разночинцев.

В каких же домах преимущественно жили названные сословные группы населения? Об этом дают представление статистические данные, записанные на плане Москвы 1806—1808 гг.[6]. Полагаем, что к 1812 г. соотношение между количеством домов, принадлежащих представителям этих сословий, мало изменилось.

Сословная группа	Каменные дома	Деревянные дома
Дворяне и чиновники	674	2087
Купцы, мещане и цеховые	1095	2221
Духовенство и церковнослужители	185	1107
Военные чиновники и офицеры, служащие городской думы и казны	147	153
Крестьяне	27	252
Разночинцы	12	433
Ямщики	60	290
Всего	2200	6543
Итого	8743	

Особо выделялись построенные выдающимися русскими архитекторами правительственные здания и частные дома знати.

Из правительственных и общественных зданий на первом месте следует поставить построенные М. Ф. Казаковым здание Сената в Кремле (1776—1788 гг.) и здание Московского университета (1786—1793 гг.), затем построенную им же в 1796—1801 гг. Голицынскую больницу на Больщой Калужской ул.; здание Воспитательного дома, возведенное под наблюдением архитектора К. И. Бланка в 1764—1770 гг.; Хамовнические казармы, построенные М. М. Казаковым (сыном знаменитого зодчего) в 1808 г.; Екатерининский дворец в Лефортове, построенный в 1770—1790 гг.; военный госпиталь там же; Дом Благородного собрания в Охотном ряду (ныне Дом союзов на просп. Маркса), перестроенный М. Ф. Казаковым в 1782—1784 гг. для кн. В. М. Долгорукова-Крымского.

Из частных домов особо замечательны: дом Пашкова, создание великого зодчего В. И. Баженова (1784—1786 гг.), ныне здесь Библиотека имени В. И. Ленина; деревянный дом-дворец А. К. Разумовского на Гороховской ул. (ул. Зодчего Казакова), построенный арх. А. А. Менеласом в 1801—1803 гг.; дом Баташева в Таганке (ныне Яузская больница), построенный Р. Казаковым в конце XVIII века.

Красоту архитектурному облику Москвы придавали многочисленные церкви, колокольни, монастыри. На 20 января 1812 г. в городе насчитывалось 329 соборов и церквей, 24 монастыря, 33 часовни. Особо выделялись три старейших собора в Кремле (Успенский, Архангельский и Благовещенский), колокольня Ивана Великого; соборы Василия

Блаженного и Казанский — в Китай-городе. Из монастырей наиболее красивы были Андроников, Симонов, Новоспасский, Донской и Новодевичий. Славились своей красотой церкви Успения на Покровке, Грузинской богоматери в Китай-городе, Рождества в Путинках, Филиппа-митрополита на 2-й Мещанской (ул. Гиляровского), Мартына-исповедника на углу Большой и Малой Алексеевских (Коммунистических) ул., Климента на Пятницкой ул.

Современники высоко ценили красоту Москвы того времени. Поэт К. Н. Батюшков писал[7]:

«Когда вечернее солнце во всем великолепии склоняется за Воробьевы горы, то войди в Кремль и сядь на высокую деревянную лестницу. Вся панорама Москвы за рекою! Направо Каменный мост, на котором беспрестанно волнуются толпы проходящих; далее — Голицынская больница, прекрасное здание, дома графини Орловой с тенистыми садами и, наконец, Васильевский огромный замок (так называемая «Мамоновская дача». — *П. С.*), примыкающий к Воробьевым горам, которые величественно довершают сию картину. Чудесное смешение зелени с домами, цветущих садов с высокими замками древних бояр, чудесная противоположность видов городских с сельскими видами...»

Среди указанных на плане 1806—1808 гг. домов нет упоминания о домах самых многочисленных в городе сословных групп — дворовых, приписанных к домам и не приписанных. Вероятно, как и большая часть крестьян, они жили в чужих домах. Про дворовых, приписанных к домам, это можно сказать положительно, но надо думать, что это относится и к остальным группам. Работавшие на мануфактурах жили в построенных для них владельцами казармах и в отдельных домах. Другие рабочие снимали каморки у бедняков на окраинах. Служившие у купцов и мещан в торговых заведениях жили в нижних этажах и подвалах домов своих хозяев. А ремесленники, должно быть, снимали помещения и «углы» в разных домах.

«Каковы были жилые помещения для рабочих, — пишет М. К. Рожкова[8], — видно из самого названия «спальня»; это были казармы, приспособленные только для ночевки, — рабочий спал на полатях, устроенных обычно в два этажа. Состояние этих помещений с гигиенической точки зрения было чрезвычайно плохим».

Со второй половины XVIII века в Москве усиленно насаждались мануфактуры с вольнонаемными рабочими — крестьянами и дворовыми, отпущенными на оброк. По упомянутому уже отчету обер-полицмейстера, в Москве на 20 января 1812 г. таких мануфактур насчитывалось 464 (по позднейшим данным — 441). Они располагались главным образом по Яузе и Москве-реке — в Лефортовской, Таганской, Серпуховской и Пресненской частях города. В последней находилась с 1798 г. одна из самых больших мануфактур будущего — Прохоровская «Трехгорная мануфактура». Это были большей частью именно мануфактуры, т. е. предприятия с техническим разделением труда, но труда ручного, без машин, а не «фабрики и заводы», как они значатся в отчете. Но еще до 1812 г. в Москве было несколько фабрик в настоящем смысле этого слова, т. е. с механическим производством.

К сожалению, мы не имеем точных сведений о количестве различных предприятий в Москве до 1812 г. Знаем лишь, что в 1808—1809 гг. в Москве было 142 фабрики и 241 завод, тех и других — 383.

Одной из первых была создана ткацкая и ситцевая мануфактура купца А. Грачева, бывшего крестьянина графа Шереметева. В 1807 г.

здесь уже было прядильное отделение с 5 машинами, 300 веретенами и работала цилиндрическая ситцепечатная машина.

В 1808 г. московский купец Пантелеев с купцом Герасимовым и фабрикантом Александровым основали механическую бумагопрядильню, на которой в 1812 г. действовало 100 прядильных машин. Новая русская ситценабивная цилиндрическая машина была изобретена и установлена на мануфактуре купца Гребенщикова.

В 1810 г. в Москве было 4 механические бумагопрядильни, в 1812 г. — 11. Но после пожара 1812 г. не осталось ни одной из них.

В 1810 г. правительством был издан запретительный таможенный тариф на ввоз в Россию набивных и крашеных иностранных тканей. Миткаль, как полуфабрикат, ввозился с очень высокой пошлиной, а бумажная пряжа — сравнительно с небольшой пошлиной. Этим русская промышленность, работавшая преимущественно на английской бумажной пряже, была ограждена от иностранной, главным образом английской, конкуренции.

Основная причина быстрого роста хлопчатобумажных предприятий заключалась в требованиях растущего русского рынка. Крестьяне, раньше изготовлявшие ткани дома, теперь становились потребителями промышленных изделий: приходя в города на заработки, они покупали большей частью мануфактурные ткани. Простота обработки хлопка, дешевизна сырья и производственных операций стимулировали быстрое развитие хлопчатобумажной промышленности.

Перед нашествием французов в 1812 г. Москва была крупнейшим торговым центром страны. В нее стекались, как пишет «Журнал Министерства внутренних дел», «все богатства нашей торговой мены с Европой и Азией, с тем, чтобы потом растекаться оттуда по внутренности империи» [9].

Центром оптовой и розничной торговли был Гостиный двор — не только его здание на Ильинке, построенное по проекту Кваренги в 1793—1805 гг., но и здания Верхних и Средних рядов, которые тоже назывались тогда Гостиным двором. Разница между ними была в том, что на Ильинке заключались оптовые сделки, а на Красной пл. торговали в розницу. В обоих зданиях было на 20 января 1812 г. 192 торговых ряда с 8521 лавкой (6324 каменных и 2197 деревянных). Нам кажется, что эти цифры относятся ко всей Москве, а не только к Гостиному двору в Китай-городе, ибо там деревянные лавки с 1775 г., когда они были запрещены, могли насчитываться лишь единицами, в виде анахронизма, а 2197 деревянных лавок не могло быть.

Кроме лавок в рядах в городе было множество мелких лавочек в домах, а на 25 площадях города было 16 рынков, торговавших преимущественно съестными припасами. Особенно выделялись рынки: в Охотном ряду, где шла торговля главным образом мясом, птицей и зеленью; на Болотной пл., где продавались мука различных сортов, зерно и фураж; в нескольких Лесных рядах (на Миусской пл., на Каланчевской ул. и др.), где стояли штабеля досок и бревен для строительства. В Дровяных рядах, разбросанных по Москве, продавали дрова и древесный уголь. У Тверской заст. находился рынок булыжного камня для мощения улиц. На Смоленской и Сухаревской пл. кроме съестных припасов торговали старой одеждой, обувью и другими вещами.

Готовой пищей и напитками торговали «герберги» (небольшие рестораны). Их было 41. Кроме них, существовали 204 трактира, 11 кофейных домов, 183 винных погреба, 99 полпивных («полпиво» — лег-

кое пиво пониженной крепости), 200 питейных домов (кабаков), 3 кухмистерских стола, 159 хлебных изб, 132 калачные избы. Сверх того, приезжие могли найти пищу и питье в 568 постоялых дворах.

Многие мануфактуры имели свои магазины в Москве, а большинство предпринимателей выезжали со своими товарами на ярмарки — на знаменитую «Макарьевскую» в Нижнем Новгороде и в другие города и села.

Крестьяне привозили в Москву свои деревенские продукты, сено и дрова и продавали их с возов на площадях у больших улиц (на Смоленской пл., у Красных ворот и на других площадях).

Перед 1812 г. Москва была крупным научным и культурным центром России. По отчету Ивашкина, в Москве был 1 университет, 3 академии, 1 гимназия, 22 школы (народные училища), 24 пансиона, 1 театр (построенный к 1808 г. архитектором К. И. Росси на Арбатской пл.), 2 клуба (дворянский и купеческий), 5 казенных и 9 частных типографий.

В центре научной жизни Москвы стоял Московский университет. Кроме лекций для студентов, читавшихся знаменитыми профессорами, университет устраивал и научные чтения для всех желающих, в том числе и для женщин, а с 1804 г. при университете образовались научные общества, в которых надолго сосредоточилась научная жизнь России: «Общество истории и древностей российских», «Общество испытателей природы», «Физико-медицинское общество», «Общество любителей российской словесности». Заседания этих обществ были доступны и для нечленов обществ. При университете было богатейшее музейное собрание естественнонаучного характера.

Разложение феодального строя и развитие капиталистического уклада сопровождались не только образованием новых классов, но и возникновением новых потребностей и вкусов. В массах трудящегося населения пробуждалось стремление вырваться из замкнутого круга традиционных понятий и привычек. В театральном партере дворяне встречали плотную стену купцов. В маскараде, устраивавшемся в залах театра, купцы и купчихи танцевали вместе с дворянами. Дворовые смотрели спектакли и слушали концерты, сидя и стоя в райке театра.

У москвичей чрезвычайно развилась любовь к русским книгам. Их продавали в нескольких книжных магазинах, сосредоточенных главным образом на Никольской ул.

Славилась Москва и многими богатейшими частными библиотеками, например библиотекой графа А. И. Мусина-Пушкина в его доме на Разгуляе, князя Голицына — на Волхонке, Д. И. Бутурлина — близ Госпитального моста и др. Но они были недоступны для широких масс, да и книги в них были главным образом на иностранных языках, которых трудовое население не знало.

Развивались также русская живопись, музыка. После пожара Петровского театра в 1805 г. архитектор Росси в 1807—1808 гг. построил большой деревянный императорский театр на Арбатской пл., сгоревший в первые дни пожара Москвы 1812 г. Постоянными посетителями его были не только дворяне, но и купцы, разночинцы, ремесленники, даже дворовые. «Лакеи подчас говорили цитатами из «Русалки» (одной из популярных новинок московской сцены), а горничные, случалось, распевали арии из той же пьесы» [10].

Жизнь крупных дворян проходила в клубах, на балах и в других увеселениях. Кроме картежной игры, обедов и ужинов в Английском

клубе (находившемся тогда на углу Петровки и Страстного бульвара), балов в Благородном дворянском собрании (ныне Дом союзов), богатое и именитое дворянство веселилось на балах, устраиваемых в больших дворянских домах. Летом дворяне, разночинцы и купцы гуляли на Тверском бульваре или в Дворцовом саду на Яузе, в саду И. Н. Римского-Корсакова на Божедомке (Делегатская ул.) и др.

Кроме постоянно проживающего в Москве дворянства, лишь на лето выезжавшего в свои близкие и дальние деревни, в Москву на зимнее время приезжало много дворян из соседних губерний. Наблюдательный современник Ф. Ф. Вигель писал[11]. «...Помещики соседственных губерний почитали обязанностью каждый год в декабре со всем семейством отправляться из деревни, на собственных лошадях, и приезжать в Москву около Рождества, а на первой неделе поста опять возвращаться в деревню. Сии поездки им недорого стоили. Им предшествовали обыкновенно на крестьянских лошадях длинные обозы с замороженными поросятами, гусями и курами, с крупою, мукой и маслом, со всеми жизненными припасами. Каждого ожидал собственный деревянный дом, неприхотливо убранный, с широким двором и садом без дорожек, заглохшим крапивой, но где можно было, однако же, найти дюжину диких яблонь и сотню кустов малины и смородины. Все Замоскворечье было застроено сими помещичьими домами (главным образом в Серпуховской части, за Земляным валом. — *П. С.*). В короткое время их пребывания в Москве они не успевали делать новых знакомств и жили между собою в обществе приезжих деревенских соседей: каждая губерния имела свой особый круг. Но по четвергам все они соединялись в большом кругу Благородного собрания; тут увидят они статс-дам с портретами, фрейлин с вензелями, а сколько лент, сколько крестов, сколько богатых одежд и алмазов! Есть про что целые девять месяцев рассказывать в уезде, и все это с удивлением, без зависти: недосягаемою для них высотой знати они любовались, как путешественник блестящей вершиной Эльбруса!»

Где же и как проводило досуг трудовое население? В Москве, особенно летом, было много народных празднеств: знаменитое Подновинское гулянье, гулянье под Новодевичьим монастырем, первомайское гулянье в Сокольниках и др. Здесь были представлены все классы населения, но преобладали рабочие, ремесленники, торговцы, дворовые. В обычное же время они проводили досуг в окружавших Москву рощах, на Воробьевых горах, на больших кладбищах, превратившихся в своего рода парки. В центре города рабочих и ремесленников мало было видно, так как дешевых средств передвижения по городу не было, и утомленные за неделю тяжелой работой в мануфактурах и в ремесленных заведениях рабочие предпочитали отдыхать близ своих жилищ. Только одиночки из трудового населения ходили в театр и на публичные лекции университета.

Управление городом находилось в руках главнокомандующего (генерал-губернатора) Москвы. С 1809 г. до февраля 1812 г. этот пост занимал генерал-фельдмаршал граф И. В. Гудович, а с 8 июня 1812 г. по 30 августа 1814 г. — граф Ф. В. Ростопчин[12].

Ближайшим помощником главнокомандующего по городу был обер-полицмейстер. В 1811—1812 гг. им был генерал-майор П. А. Ивашкин. В его ведении находилась вся полиция города, т. е. 20 полицейских частей, на которые была разбита тогда Москва[13].

В Городской части находились Кремль и Китай-город. Тверская и Мясницкая части располагались в Белом городе. В Земляном городе

на западе находились Пречистенская и Арбатская части, на севере — Сретенская часть, на востоке и юго-востоке — Яузская часть, на юге (в Замоскворечье) — Пятницкая и Якиманская части. За Земляным городом, от Земляного вала до Камер-Коллежского вала, на юго-западе лежала Хамовническая часть; на западе — Новинская и Пресненская части; на севере — Сущевская и Мещанская; на северо-востоке — Покровская; на востоке — Басманная и Лефортовская; на юго-востоке — Рогожская и Таганская; на юге (в Замоскворечье) — Серпуховская часть.

Во главе каждой части стоял частный пристав. Под его начальством находились: квартальные поручики, хожалые и будочники. В разных местах, большей частью на углах улиц, стояло 360 полицейских будок. В каждой жил будочник, обязанный днем стоять у будки на часах с тяжелой алебардой в руках. Будочниками были главным образом старые отставные солдаты. Практически их главной обязанностью было своим грозным видом пугать мирных обывателей и отдавать честь проезжавшим и проходившим генералам и офицерам.

В Москве было и «общественное управление» — шестигласная городская дума. Эта дума, учрежденная в 1785 г., избиралась каждые три года и была постоянным органом. Шесть ее «гласных» избирались сословиями, на которые тогда делилось население. Первый «гласный» избирался дворянством, второй, третий и четвертый — купцами I, II и III гильдий, пятый — мещанством и шестой — именитыми гражданами. Кроме указанных шести членов в нее входил еще председатель — городской голова, избираемый всеми сословиями.

Самостоятельной роли Шестигласная дума не играла: она была, как тогда говорили, «служанкой» главнокомандующего и полиции. Ежегодно она составляла смету доходов и расходов города (см. приложение 2), утверждаемую с изменениями, сделанными главнокомандующим, собирала по ней налоги и сборы, шедшие главным образом на содержание помещений для войска, полиции, жандармерии и пожарной охраны. Дума ведала ремонтом мостов и мостовых перед казенными и общественными учреждениями, освещением улиц фонарями с конопляным маслом, освещением и очисткой казарм и т. п. Важнейшие же отрасли городского хозяйства находились в ведении правительственных учреждений: больницы и школы — в ведении Приказа общественного призрения, водопровод — Главного управления министерства путей сообщения, полиция и пожарная охрана — военного министерства и министра полиции.

МОСКВА ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ НАШЕСТВИЯ ФРАНЦУЗОВ

В ночь на 12 июня 1812 г. Наполеон с 600-тысячной армией перешел через р. Неман и, не объявляя войны, вторгся в пределы России[14].

26 августа 1812 г. произошло знаменитое Бородинское сражение. В нем участвовало со стороны французов 130 тыс. человек с 587 артиллерийскими орудиями, со стороны русских 120 тыс. человек с 640 орудиями.

У французов было убито 20 тыс. человек и 40 тыс. ранено; у русских — убито 15 тыс., ранено 30 тыс. человек[15].

Наполеон впоследствии так оценивал Бородинское сражение: «Самое страшное из всех моих сражений это то, которое я дал

под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские оказались достойными быть непобедимыми...»[16]

Несмотря на то что поле битвы осталось за русскими, большие потери, отсутствие резервов для развития наступления и невозможность получения их в скором времени заставили Кутузова, не возобновляя боя на следующий день, отдать приказ об отступлении войск к Можайску, а затем к Москве.

К 31 августа это отступление закончилось. 1 сентября на военном совете в Филях, где одни генералы высказывались за битву под Москвой, другие — за оставление Москвы французам без боя, Кутузов склонился к последнему мнению. Выгодных позиций для ведения боя перед Москвой не было. Оставшуюся часть армии необходимо было сохранить. Войскам было приказано проходить через Москву на Владимирскую дорогу, как бы в направлении к Нижнему Новгороду и Казани.

По требованию Кутузова начальник русского арьергарда генерал Милорадович договорился с начальником авангарда французских войск, во избежание напрасной резни в городе, не вести 2 сентября боев в Москве и дать русской армии спокойно выйти из города.

Действительно, французы вступили в Москву лишь вечером 2 сентября, когда русские войска уже были около застав. Оставляя Москву, генерал Милорадович велел сжечь баржи с сеном для войск, стоявшие на Москве-реке (от этих пожаров загорелись Замоскворечье и часть города, ближайшая к Москве-реке), и склады с продовольствием для войск в других частях города.

Перед сдачей Москвы Кутузов сделал следующие распоряжения, о которых пишет С. Глинка в своей книге[17]:

«*Во-первых:* для удаления обывателей из Москвы Кутузов посылал конных чиновников, которые к вечеру 1 сентября от Драгомиловской или Смоленской заставы, мчась вихрем по улицам, кричали: *спасайтесь! спасайтесь!*

Во-вторых: к утаению от неприятеля движений своих в Москве, он вытребовал, *НЕ У ГРАФА РОСТОПЧИНА, но У ТОГДАШНЕГО ОБЕР-ПОЛИЦМЕЙСТЕРА ИВАШКИНА* опытнейших частных приставов, для провождения его дальнейшими дорогами, чтобы, коснувшись различных застав, развлечь внимание неприятеля, а войско русское вывесть на предположенную *Рязанскую* дорогу.

В-третьих: к уловлению неприятеля за Москвою Кутузов остановил на Владимирской дороге войско, вновь устроенное князем Д. И. Лобановым во Владимире. Главный корпус находился в двадцати; авангард в четырех верстах от Москвы в *Новой деревне.* А чтобы показать Наполеону, будто бы и войско и обозы движутся к *Казани,* Кутузов приказал обер-полицмейстеру (также МИМО графа Ростопчина): пустить по *Владимирке* весь огнегасительный снаряд, к которому прикинул несколько конных отрядов. *Я видел оба предписания Кутузова Ивашкину, начертанные карандашом собственною его рукою.* Слышал я также, что перед Бородинскою битвою и обозам приказано было повернуть на Владимирскую или Казанскую дорогу...

...Окинув таким образом сетями сдаваемую или, лучше сказать, оставляемую Москву, Кутузов второго сентября в девятом часу поутру стал выступать через Москву за Москву. С возвышенного берега Москвы-реки у Дорогомиловского моста (вероятно, с Мухиной горы у Ростовской набережной. — *П. С.*) мы смотрели на веяние отступавших наших знамен. Кутузов ехал верхом спокойно и величаво. А полки на-

ши, объятые недоумением, тянулись в глубоком молчании, но не изъявляя ни отчаяния, ни негодования. Они еще думали, что сразятся в Москве за Москву».

2 сентября штаб Наполеона был уже на Поклонной горе, где император ожидал, по примеру заграничных городов, депутации от населения. Но ее не было, а проскакавшие через город вечером 2 сентября французские кавалеристы донесли императору, что Москва пуста: почти все население из нее ушло. Наполеону пришлось заночевать в трактире у заставы и лишь утром 3-го въехать в Москву.

Прибывшие с императором маршалы восхищались видом Москвы с Поклонной горы. Состоявший в свите Наполеона Е. Лабом писал [18]: «Пока строили переправу через реку Москву... генеральный штаб расположился на высоком пригорке. Оттуда мы вдруг увидели тысячи колоколен с золотыми куполообразными главами. Погода была великолепная, все это блестело и горело в солнечных лучах и казалось бесчисленными светящимися шарами. Были купола, похожие на шары, стоящие на шпице колонны или обелиска, и тогда это напоминало висевший в воздухе аэростат.

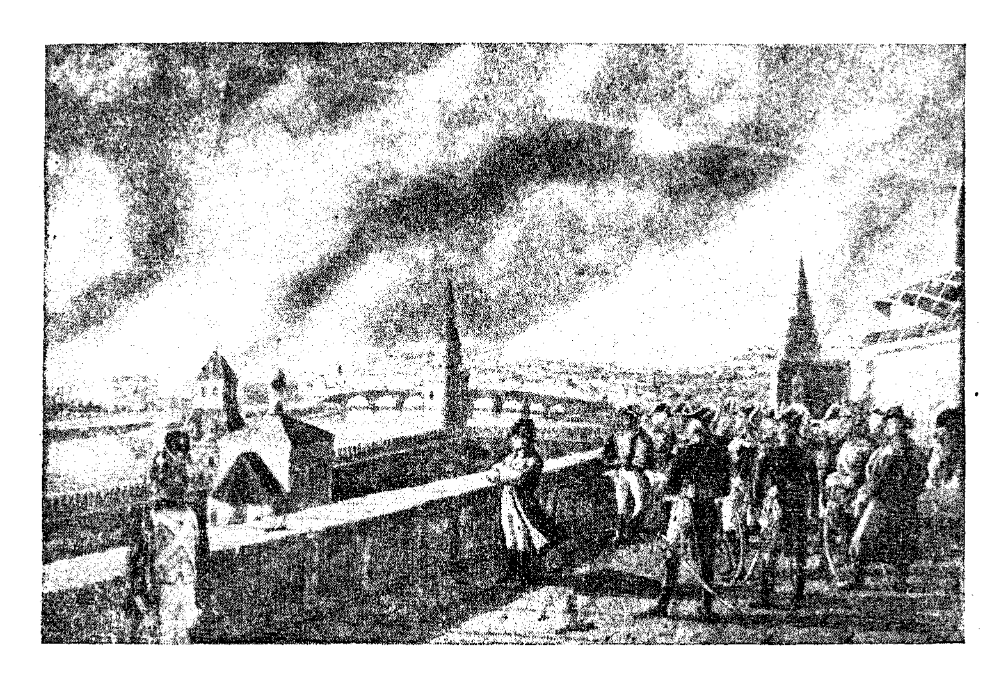
Москва-река течет по светлым лугам; омыв и оплодотворив все кругом, она вдруг поворачивает и течет по направлению к городу, прорезывает его, разделяя на две половины и отрывая таким образом друг от друга целую массу домов и построек; тут деревянные, и каменные, и кирпичные; некоторые построены в готическом стиле, смешанном с современным, другие представляли из себя смесь отличительных признаков каждой из отдельных национальностей. Дома выкрашены в самые разнообразные краски, купола церквей — то золотые, то темные, свинцовые и крытые аспидным камнем. Все, вместе взятое, делало эту картину необычайно оригинальной и разнообразной, а большие террасы у дворцов, обелиски у городских ворот и высокие колокольни на манер минаретов, все это напоминало, да и в самом деле представляло из себя картину одного из знаменитых городов Азии, в существование которых как-то не верится и которые, казалось бы, живут только в богатом воображении арабских поэтов».

Французский генерал Сегюр дополняет Лабома [19]:

«Эта столица, справедливо называемая поэтами «Златоглавая Москва», представляла обширное и странное собрание 295 церквей и 150 дворцов с их садами и флигелями. Каменные дворцы и парки, чередовавшиеся с деревянными домиками и даже хижинами, были разбросаны на пространстве нескольких квадратных миль на неровной почве. Дома группировались вокруг возвышенной треугольной крепости, окруженной широкой двойной оградой, имеющей около полумили в окружности. Внутри одной ограды находились многочисленные дворцы и церкви и пустые, вымощенные мелким камнем пространства; внутри другой заключался обширный базар, это был город купцов, где были собраны богатства четырех частей света. Эти здания, эти дворцы, вплоть до лавок, все были крыты полированным и выкрашенным железом».

Красота Москвы поразила и Наполеона. В первом письме императрице он пишет [20]: «Город так же велик, как Париж. Тут 1600 колоколен и больше тысячи красивых дворцов, город снабжен всем. Дворянство уехало отсюда, купцов также принудили уехать, народ остался... Неприятель отступает, по-видимому, на Казань. Прекрасное завоевание — результат сражения под Москвой».

Когда москвичам стало известно об оставлении русскими армиями

Наполеон со свитой смотрит из Кремля на горящее Замоскворечье 4 (16) сентября 1812 г. (Фото из альбома худ. В. В. Верещагина «Москва в 1812 году».)

Смоленска, они уже тогда стали массами выезжать из Москвы, запрудив все заставы. Когда же войска Наполеона вечером 2 сентября вошли в Москву, из почти 300 тыс. ее населения в ней оставалось не более 10 тыс. человек[21], главным образом, дворовых и помещичьих крестьян, оставленных для охраны барского имущества. Обер-полицмейстер Москвы не только вывел из города всю полицию и пожарную команду, но вывез даже пожарные трубы. Оставшееся в городе население в первое время пряталось от врагов, так что город казался совершенно вымершим. Но скоро вспыхнувшие сразу в нескольких местах пожары показали французам, что в городе еще остались патриоты, решившие лучше сжечь дома, продовольствие и фураж, чем оставлять их неприятелю.

Французы вступили в Москву 2 (14) сентября вечером, оставили город в ночь с 10 (22) на 11 (23) октября. Их пребывание в Москве ознаменовалось пожаром Москвы при вступлении и взрывом Кремля при отступлении. Пожар начался 2(14) сентября, окончился к 8 (20) сентября.

Пожар Москвы в 1812 г. описан в официальных отчетах того времени и в многочисленных воспоминаниях современников. Наиболее точным из последних нам представляется описание пожара, сделанное аббатом Сюрюгом, священником французской церкви св. Людовика на Малой Лубянке, остававшимся в Москве во все время пребывания в ней Наполеона. Вот что он записал[22]:

«*3 сентября.* Сперва пожар начался на Ильинке в Гостином дворе, около Биржи. Остановить его было нечем. Начался грабеж лавок, сперва населением, потом и войсками.

По словам шевалье д'Изарна (француз, давно живший в Москве. —

П. С.), пожар вспыхнул сперва на Солянке, возле ворот Воспитательного дома, и потом уж в Гостином дворе. С Солянки пожар перекинулся на Яузский мост.

4 сентября. К вечеру поднялся ветер со всей яростью урагана. Несколько загоревшихся домов по ту сторону двух речек Яузы и Московки (Москвы-реки. — *П. С.*) вдруг стали при помощи ветра вулканом, охватившим все кварталы. Между тем как с другой стороны Арбат, Пречистенка, Моховая и Тверская представляли самое плачевное зрелище.

5 сентября. Огненное море наполнило всю атмосферу Москвы; волны пламени, гонимые ветром и походившие на волны морские во время сильной бури, охватили в своем вихре Сретенку, Мещанскую, Трубу, Мясницкую, Красные ворота, Лесной базар (на современной Каланчевской улице. — *П. С.*), Новую и Старую Басманные и всю Немецкую слободу. Это был огненный поток.

... С другой стороны и в течение той же ночи добычею огня была улица Покровка. Из лавок, смежных с Кузнецким мостом, уже образовался обширный очаг.

... Уцелел (благодаря заливке ведрами крыш домов отрядами французской гвардии. — *П. С.*) во всем городе только этот единственный квартал. Он заключает в себе: улицу Кузнецкого моста, две Лубянки, почту, банк, Мясницкую, Чистые пруды и часть Покровки, что между Мясницким (Чистопрудным. — *П. С.*) бульваром и лавками.

6 сентября... Наконец, небо покрылось облаками, а к 3 часам утра ветер утих, и проливной дождь погасил остатки пожара. В течение следующих двух дней пожар обнаруживался еще во многих местах, но он ограничился истреблением лишь нескольких частных домов».

Наполеон об этом пожаре писал так[23]:

«Это было огненное море, небо и тучи казались пылающими, горы красного крутящегося пламени, как огромные морские волны, вдруг вскидывались, подымались к пылающему небу и падали затем в огненный океан. О! Это было величественнейшее и самое устрашающее зрелище, когда-либо виденное человечеством».

«Москвы — одного из красивейших и богатейших городов мира — больше не существует» — так было сказано о результатах пожара в 20-м бюллетене наполеоновской армии[24].

Но город понес ущерб не только от этого пожара. В первые же дни после вступления французов в Москву был взорван Новый артиллерийский двор у Красного пруда (на месте Ярославского вокзала) и пробравшимися в Москву 3 сентября казаками сожжен деревянный Москворецкий мост. Тогда сгорел Арбатский казенный театр, а еще раньше, до прихода французов, был подожжен французской артиллерией Вдовий дом в Кудрине, в котором находились тяжело раненные русские солдаты.

При уходе из Москвы Наполеон велел подложить мины под Грановитую палату, Арсенал, колокольню Ивана Великого и под башни Кремля. «Я покинул Москву, приказав взорвать Кремль», — писал Наполеон жене 10 (22) октября[25]. Но фактически были взорваны лишь Водовзводная башня Кремля (до основания) и верхушка Никольской башни, 1-я Безымянная и Петровская башни, часть Арсенала и две пристройки к колокольне Ивана Великого, в нескольких местах стены Кремля.

Сейчас же по выходе неприятеля из Москвы, после 11 октября 1812 г., полицией был составлен «Список сгоревших, взорванных и уцелевших строений»[26]. Из него видим, что сгорела почти вся Москва. На Тверской ул. остались целы 12 домов, в Китай-городе — 2 дома, на Большой Дмитровке — несколько домов; по бульварам, от Тверских ворот до Покровских, уцелела только левая, внешняя сторона; на Гороховом поле — 1 дом, на Гороховской ул. (ул. Казакова) — 7 домов, на Старой Басманной (ул. Карла Маркса) — 5 домов, на Новой Басманной — 1 дом. За Москвой-рекой, в частях Новинской, Пятницкой, Серпуховской и Якиманской, а также в частях Хамовнической и Пречистенской осталось цело всего 700 домов. «Часть Мясницкой, Рождественки и Грузины, одна сторона Покровки и Почтамт до Кузнецкого моста целы».

Обер-полицмейстер Ивашкин 16 октября 1812 г. доносил Ростопчину [27]:

«Сего числа, в 12 часов пополуночи, прибыл я в столицу, где нашел многие улицы, по распоряжению господина генерал-майора Бенкендорфа, от трупов людей (11 959. — *П. С.*) и мертвых лошадей (12 576. — *П. С.*) очищенными, и спокойствие водворено. Отправясь немедленно в Кремль, усмотрел я, что Арсенал от Никольских ворот подорван, Грановитая палата сожжена, а Колокольня Ивана Великого осталась посреди окружающих ее колоколен, кои также подорваны, невредимою, крест же с оной снят и взят неприятелями. Все места, где были торговые ряды, ныне выжженные, покрыты пеплом и обломками взорванного строения».

18 же октября 1812 г. он доносил: «Спокойствие в древней столице водворяется; многие из обывателей, по разным местам рассеянные, мало-помалу приезжают. Из окружных селений торговцы с жизненными припасами начинают прибывать, и продовольствие становится не столь затруднительно. Памятник Великия Екатерины остался в выжженном Доме Благородного собрания, покрытый развалинами и обломками кирпичей, так что о совершенной целости его удостовериться еще невозможно. Я приказал отрядить туда значительное число колодников, чтоб очистить оный».

Более подробные сведения дают: статья в журнале «Сын Отечества» за 1812 г. под заглавием «О сгоревших и уцелевших в 1812 году в Москве домах», письма и статья А. Я. Булгакова, опубликованные в «Русском архиве» за 1864 и 1866 гг.; и особенно помещенная К. Кузьминским в ноябрьском номере «Известий Московской городской думы» за 1910 г. обстоятельная статья «Что осталось от Москвы после пожара 1812 года», вышедшая и отдельной брошюрой с планом Москвы 1813 г., на котором указаны сгоревшие и уцелевшие от пожара в 1812 г. кварталы города в пределах Камер-Коллежского вала, и Список сгоревших в 1812 г. церквей (см. приложение 3).

Впервые план сгоревших и уцелевших в 1812 г. строений был опубликован, без указания имени автора, в апреле 1813 г. в книге, носившей обычное для того времени пространное название: «Русские и Наполеон Бонапарте, или рассмотрение поведения нынешнего обладателя Франции с Тильзитского мира по изгнании его из древней Российской Столицы с присовокуплением многих любопытных анекдотов и плана Москвы, в коем означены сгоревшие и оставшиеся в целости части города. Писано Московским Жителем 1813 года». Книга издана в Москве, в типографии С. Селивановского. Цензурное разрешение на выпуск книги помечено апрелем 1813 г. (без указания числа) [28].

Исследовавший эту книгу и данный в ней план Москвы К. Кузьминский пишет: «Автором этой книги, как выяснилось впоследствии, был Александр Яковлевич Булгаков, состоявший в год выпуска книги при Ростопчине для дипломатической переписки по секретной части».

Зная этот факт, можно предположить, что упомянутый план составлен на основании каких-то официальных источников. Это подтверждается опубликованным К. Кузьминским в 1910 г. в «Известиях Московской городской думы» официальным «Списком оставшимся не сгорелым соборам, монастырям, церквам, казенным зданиям и обывательским домам», подписанным обер-полицмейстером Ивашкиным. Число уцелевших от пожара домов, указанное на плане и в этом списке, совпадает, если не принимать во внимание несгоревших храмов и монастырей, так как в примечании к плану говорится только об «оставшихся домах». Составитель означенного плана не делал новой съемки, а воспользовался старым планом, составленным по рукописному плану 1810 г. Пользуясь упомянутым списком уцелевших от пожара зданий, он обозначил места их расположения пунктиром, а все остальное пространство затушевал штрихами. Отличаясь наглядностью, план этот может служить ценным материалом для истории Москвы после 1812 г.

Отличия плана 1813 г. от плана 1810 г. несущественны. На плане 1813 г.:

В Белом городе квартал у самой Москвы-реки за банями у Большого Каменного моста, доходивший до Лесного (теперешнего Соймоновского) пр. и занятый перед 1812 г. лесными рядами, исчез, очевидно, сгорел. Небольшая площадь по северной стороне Волхонки, между Большим Знаменским пер. (ул. Грицевец) и исчезнувшим переулком с Волхонки между ним и Малым Знаменским пер. (ул. Маркса и Энгельса) не показана, исчез переулок, соединявший Газетный и Долгоруковский пер., западнее здания современного Центрального телеграфа. Не показан и второй переулок между Чернышевским и Брюсовским пер. (современными ул. Станкевича и ул. Неждановой), шедший к церкви Воскресения и параллельный Елисеевскому пер. Появился строительный квартал к югу от Кузнецкого моста до переулка, идущего по территории совр. площади Свердлова к р. Неглинной и являющегося как бы продолжением совр. ул. Петровки. Нет Чистого пруда на Чистопрудном бульв.

В Земляном городе нет дома в Соймоновском проезде у Пречистенских ворот, но виден в этом проезде лоток р. Черторыя. Показан и ручеек от Бутиковского пер., впадавший в Москву-реку у Савеловского пер. Нет тупика из Криво-Никольского пер. на юг к церкви Николы Явленного, бывшего в первой половине XVIII века переулком на Арбат. Из середины 1-го Каковинского пер. показан выход на Смоленский рынок. В конце Сытинского туп. показан тупичок к югу, навстречу которому с Большой Бронной ул. также показан тупичок. В Старомонетном пер. появился переулок, обтекавший Кадашевский монетный двор с востока. Между 1-м и 2-м Петропавловскими пер. у Большой Якиманки показан переулок, ей параллельный. Из Старого Огородного (Мароновского) пер. показаны к востоку два тупичка.

За Земляным валом между Москвой-рекой, Дербеневской ул. и 1-м Дербеневским пер. показаны два новых переулка. Вместо тупика показан сквозной переулок между южным коленом 1-го Кожевнического пер. и Жуковым пр. К востоку от 1-й Тверской-Ямской ул. (ул. Горького) показаны не три, а две параллельные ей улицы, доходившие до Оружейного пер. Севернее здания Мариинской больницы на Новой Бо-

жедомке показан переулок от Екатерининской пл. (пл. Коммуны) до Александровской (Октябрьской) ул.

Вот главнейшее, что отличает план 1813 г. от плана 1810 г.; в остальном он его повторяет.

Покойный П. Н. Миллер в своем докладе в Московском коммунальном музее (ныне Музей истории и реконструкции г. Москвы) 11 августа 1921 г. сообщил, что в Музее старой Москвы (позднее влившемся в состав Государственного Исторического музея) имелся рукописный план Москвы крупного масштаба (100 саженей в дюйме), с рукописным же к нему описанием. Назывался он «План столичного города Москвы с показанием погорелых мест в 1812 году», за подписью: «Московский губернский землемер надворный советник Филин». П. Н. Миллер докладывал: «Сравнивая с ним (с указанным планом. — *П. С.*) почти в четыре раза уменьшенные печатные планы погоревшей в 1812 г. Москвы, можно предположить, что перед нами оригинал, с которого они гравировались, хотя в надписях и наблюдается кое-какая разница. План находится в роскошном, тисненном золотом, сафьянном переплете с золотым обрезом».

Так как ни в одном архиве, кроме маленьких печатных планов сгоревших в 1812 г. домов, большого рукописного плана не обнаружено, возможно, что названный большой план действительно является их первоисточником.

Общее направление пожара Москвы в 1812 г. было, судя по плану 1813 г., с юго-востока на северо-запад, но не на всем пространстве города, а главным образом в черте Земляного вала. Но и здесь значительная часть города не была охвачена пожаром. Так, почти уцелел Кремль и полоса Белого города внутри будущего Бульварного кольца от Покровских ворот до середины Тверского бульв., а также между Маросейкой (ул. Богдана Хмельницкого), Новой пл., Кузнецким мостом, Столешниковым пер. и поворотом к югу Большого Гнездниковского пер. К западу эта полоса продолжилась в Земляном городе между Тверской и Малой Бронной ул., а за Земляным городом до Камер-Коллежского вала между Пресненской и Тверской заст.

За Земляным валом значительно погорела лишь восточная часть (Сыромятники и Немецкая слобода) до р. Яузы. За Яузой, между Андрониковым монастырем и р. Хапиловкой, пожар почти не затронул строительных кварталов. На юге, в Замоскворечье, осталась нетронутой территория за Земляным валом между Жуковым пр. и Щипком и у Москвы-реки за Большой Калужской ул. На юго-западе не горели, как и следовало ожидать, огромное Девичье поле и его окружение, кроме нескольких кварталов между Земляным валом, Зубовской ул., проездом Девичьего поля и Плющихой.

На западе мало пострадали от пожара Дорогомилово и Пресня за Пресненскими прудами. На северо-западе погорела лишь Тверская-Ямская слобода (современные Брестские ул.); пожар не затронул местностей ни к западу от нее до Живодерки (ул. Красина), ни к востоку — до Новослободской ул. На севере столицы пожаром были охвачены лишь ближайшие к Земляному валу кварталы по 1-й Мещанской ул. (просп. Мира) до Ботанического сада, а от него до Камер-Коллежского вала между Миусской (Бутырской) и Троицкой заст. дома не горели. Дальше, к востоку от Каланчевской ул., севернее Ольховской ул., не горело до р. Рыбенки. К югу пожар охватил пространство до Гороховской ул.

Такова картина пожара 1812 г. по плану 1813 г. Суммируя все эти

сведения и анализируя вышеуказанный план сгоревших и уцелевших кварталов Москвы после пожара 1812 г., получаем следующую картину:

Кремль в общем уцелел. Сгорели лишь деревянные части дворца, Грановитой палаты и комендантского дома (Потешный дворец). Взорваны пристройки к колокольне Ивана Великого. Взорван, значительно разрушен и погорел Арсенал. От его взрыва разрушилась верхняя часть Никольской башни и частично был поврежден Сенат (ныне здание Совета Министров СССР): разрушилась верхняя его часть, пострадали стены Кремля по обеим сторонам здания Сената. Взорвана до основания Водовзводная башня и повреждены в двух местах южные стены Кремля. Повреждена мостовая набережной у Кремля, а часть ее решетки упала в Москву-реку. Подорваны 1-я Безымянная и Петровская башни.

Красная площадь. Повреждены взрывом и сгорели ряды лавок у рва, построенные в 1786 г., ров засыпан обломками кремлевских стен, зданий Сената и Арсенала; полностью сгорели Верхние и Средние ряды (в них остались только 3 лавки). Храм Василия Блаженного уцелел, а здание городской думы, стоявшее на месте нынешнего Исторического музея, только частично было повреждено от взрыва Арсенала.

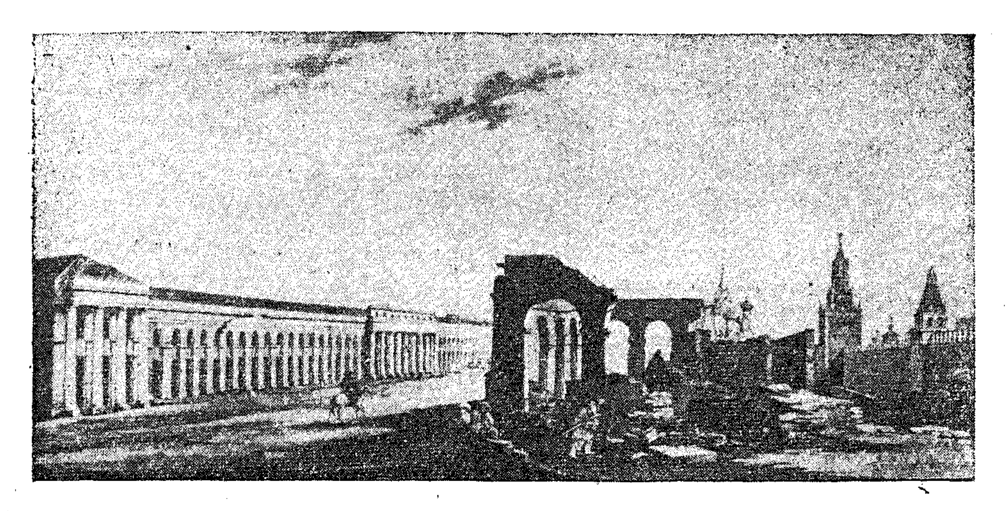
Китай-город сгорел почти полностью. Уцелела только северная сторона Никольской ул. с Заиконоспасским и Греческим Никольским монастырями, Духовной типографией (ныне в этом здании Историко-архивный институт), а между Богоявленским (Куйбышевским) и Большим Черкасским пер. уцелел только дом Шереметева (современный № 10). Пострадал от пожара и незадолго перед тем законченный постройкой Гостиный двор между Ильинкой и Варваркой. В общем в Китай-городе уцелело только 2 казенных и 9 частных домов.

Белый город тоже значительно погорел; уцелели только отдельные дома с садами в виде островков среди пепла да полоса кварталов на северной стороне Белого города — между впадением в Леонтьевский пер. (ул. Станиславского) Большого Гнездниковского пер., бульварами и Столешниковым пер., Софийкой (Пушечной ул.) и Лубянским (Серова) пр. до Маросейки. Сохранился и Воспитательный дом.

Из больших зданий сгорели или значительно пострадали от огня: университет, Дворянское собрание (ныне Дом союзов), дом Нарышкиных, стоявший на месте нового здания Библиотеки имени Ленина, дом Пашкова (просп. Маркса, 20). Пострадали также от огня весь Охотный ряд, почти вся Тверская от Воскресенского моста до генерал-губернаторского дома (ныне дом Моссовета), Большая Дмитровка до Столешникова пер., частично улицы Кузнецкий мост, Петровка, Лубянка (ул. Дзержинского), Мясницкая и Покровка. Из больших домов на Тверской ул. сохранились: дом генерал-губернатора, дом гр. Салтыкова возле Козицкого пер., дом кн. Прозоровского на углу Малого Гнездниковского пер., дом Казицкой (в нем ныне «Гастроном» № 1).

К западу от Тверской ул. все кварталы Белого города сгорели, за исключением квартала между Волхонкой и Малым Знаменским пер. (ул. Маркса и Энгельса), где теперь находятся институты Академии наук СССР (Волхонка, 14) и Музей Маркса и Энгельса.

На Большой Никитской уцелел лишь большой дом во дворе гр. А. Моркова, на углу Газетного пер. (ул. Огарева). На Кузнецком мосту сгорел лишь один флигель дома Бекетова (№ 9—11). По внешней стороне бульваров и близ них от Никитских ворот до Сретенских

Разрушения на Красной площади.

все дома остались целы, то же по Сретенке, Лубянке, уцелел среди них и дом Ф. В. Ростопчина близ Фуркасовского пер. От Никольских ворот Китай-города до Мясницких ворот Белого города тоже все дома уцелели.

На Покровке (ул. Чернышевского) до Покровских ворот уцелела лишь левая, нечетная сторона; по правой же стороне и южнее ее вплоть до Воспитательного дома все сгорело. Сгорели и монастыри Белого города: Георгиевский, Алексеевский, Никитский и Ивановский.

Земляной город, с Замоскворечьем в его пределах, весь сгорел, за исключением небольшой, примыкавшей к Бульварному кольцу полосы между Покровкой и Мясницкой, а также между Страстной (Пушкинской) пл. и Большой Садовой ул. По Земляному валу здания сгорели все, кроме Шереметевского странноприимного дома и больницы (ныне здесь Институт имени Склифосовского), главного корпуса Спасских казарм и Сухаревой башни.

Из значительных зданий в Земляном городе сгорели: дом оберполицмейстера на углу Садовой-Черногрязской и Большого Харитоньевского пер., Покровские казармы (кроме нижнего этажа со сводами), пострадали от огня дом кн. Трубецких (Покровка, 22) и дом Дурасовой на Покровском бульв.

Почти все церкви уцелели, частично погорел лишь Страстной монастырь. Остался цел и Винно-Соляной двор на Болоте.

За Земляным городом до Камер-Коллежского вала горели лишь кварталы, ближайшие к Земляному валу. Так, например, выгорели Кожевники, от Москвы-реки до Большой Серпуховской ул. и Жукова пр. Павловская больница, находящаяся южнее, не горела. 7 октября погорел Симонов монастырь [29].

В Хамовниках сгорел лишь квартал между Москвой-рекой, Земляным валом и Теплым пер., а также кварталы между Девичьим полем, Зубовской ул. и Плющихой.

Полностью сгорело Новинское, между Земляным валом и Пресненскими прудами, Смоленской ул. и Кудринской, а также местность за ним — до места, где теперь планетарий (на Садовой-Кудринской ул.).

На севере сгорела 1-я Тверская-Ямская. Здесь уцелели только

несколько зданий у Тверской заст. и район между Земляным валом и Селезневкой от Кривого пер. до Миусской пл. Дальше горели: Самотека до современной пл. Коммуны, Мещанские ул. и Переяславская слобода до Красных ворот и Каланчевской ул.

На Каланчевском поле (Комсомольской пл.) взорвался и сгорел Полевой артиллерийский двор, стоявший на месте теперешнего Ярославского вокзала. Сгорели дома между *Ольховской* и *Старой Басманной* (Карла Маркса) ул. На Старой и Новой Басманной сохранились только 4 дома, в том числе Запасный дворец на месте теперешнего дома Министерства путей сообщения (Новая Басманная ул., 21).

Немецкая слобода и село Покровское сгорели почти целиком — от Покровской (Бакунинской) ул. до р. Яузы и Вознесенской (Радио) ул. Усадьба Демидова на Вознесенской ул. (д. 12) и усадьба гр. Разумовского (в ней ныне Институт физкультуры) уцелели.

Сгорели все Сыромятники и вся Таганка, за исключением кварталов, ближайших к заставам.

Всего в Москве сгорело в 1812 г., кроме церквей, монастырей и дворцовых зданий, 6532 дома из бывших до пожара 9158 домов, т. е. более 70% (191 казенный и общественный из 387 и 6 341 обывательских из 8 771). Из общего числа 2 567 каменных домов сгорело полностью или частично 2041, или 76,6%; из 6591 деревянных домов сгорело 4 491, или 67,8%. Осталось после пожара в целости лишь 526 каменных домов и 2100 деревянных[30]. Из 237 приходских церквей, бывших в Москве перед пожаром 1812 г., сгорели 122 церкви (см. приложение 3).

Сравнительно высокий процент сгоревших каменных домов объясняется тем, что горели главным образом центр Москвы и Немецкая слобода, где была большая часть каменных зданий города.

Яркую картину облика Москвы после пожара рисуют сохранившиеся воспоминания современников. Так, например, купец из Ростова-Ярославского М. И. Маракуев в своих «Записках» пишет о том, что рассказывали ему знакомые земляки, побывавшие в Москве тотчас после ухода из нее французских войск[31]:

«От самой Крестовской заставы, вплоть до Кремля, по большим улицам и переулкам лежали в беспорядке груды мертвых тел неприятельских и лошадей, так что пройти пешком не было возможности. Церкви все, кои они видели, были растворены, и в них были конские стойла... Между трупов и развалин блуждали жители Москвы, тут проживавшие с неприятелем; бледные, тощие и закоптелые лица их являли все страдания...»

После того как Маракуев сам побывал в Москве, он пишет далее:

«1812 года декабря 24-го приехал я в Москву. Народу было уже много, но мест для жительства недоставало совершенно: лавок для торговли тоже не было, все сгорели, а по площадям были настроены временные, деревянные; также столики и рогожи заменяли гостиный двор... В Кремль и тогда еще никого не пускали. Спасские ворота как были перерыты (перекрыты? — *П. С.*) неприятелем в арке срубом деревянным и землею в него насыпанною, так и оставались; Никольские повреждены были от взрыва арсенала... Взорванный арсенал представлял картину совершенного ужаса; на великое от него пространство кирпичи и камни покрывают улицы, особенно Моховую и Неглинную (ныне Манежную. — *П. С.*). Между грудами камней торчат огромные бревна, концами вверх; все это более чем на полвершка было покрыто седой пылью. Боровицкая (ошибка: Водовзводная. — *П. С.*) башня

взорвана до самой подошвы, так что и следов ее не осталось; Кремлевская стена от Москвы-реки также взорвана в двух местах и от чрезмерной силы взрыва каменная мостовая и набережная дрогнули, часть плит и железная решетка скинуты в реку. Кремлевский дворец и Грановитая палата стояли обгорелые и представляли болезненную для сердца картину, а Иван Великий стоял, как сирота, лишенный подпор своих. В каком виде тогда остались и были Кремлевские соборы, я не видал...

Замоскворечье все было выжжено и, кроме церквей, представляло гладкое поле, покрытое пеплом и развалинами. Воздух во всей Москве был смраден и душен... Дома от сильного жару большей частью повреждены, а другие и совсем разрушились».

Уже упоминавшийся А. Я. Булгаков писал жене из Владимира 19 октября 1812 г.[32]:

«... Ты не можешь себе представить, какое впечатление произвел на народ вид Ивана Великого и кремлевских соборов, оставшихся совершенно не поврежденными; все вокруг или сожжено или разрушено, а церкви стоят по-прежнему... Китай-город с лавками весь сожжен, только уцелел греческий монастырь, дом Кусовникова и еще домов с 5... Загородный дом графа (Ростопчина в с. Воронове. — *П. С.*) сожжен, городской — нет...»

В письме от 21 октября 1812 г.:

«...Курьер сказывал нам, что (во время пребывания Наполеона в Москве. — *П. С.*) черный хлеб продавался по 8 коп., а теперь по 4, сено — по 75 коп. пуд, овес по 7 р. 50 коп., лучшая говядина по 20 коп.».

В письме от 24 октября 1812 г. он писал: «... Москва — не что иное, как обширная развалина».

Письмо от 25 октября 1812 г.: «... Мы проехали Рогожскую, Таганскую, Солянку, Китай-город, — и не было ни одного дома, который бы не был сожжен или разрушен... Через Варварку, где тоже все сгорело, въехали мы в Яблочный ряд (близ Василия Блаженного.— *П. С.*)... Направились к Иверским воротам; лавки (на Красной пл. — *П. С.*) все сожжены и уничтожены... Спасские ворота заперты, а так как Никольские завалены обломками башни, шпиля и Арсенала, то нам нельзя было въехать в Кремль ни теми, ни другими воротами и мы принуждены были ехать по Моховой мимо Пашкова дома через Боровицкие ворота...

... Выехали мы из Кремля теми же воротами. От Пашкова дома до Апраксина все сожжено, и театр (на Арбатской пл. — *П. С.*)... На Пречистенке едва есть пять домов. Арбат, Поварская (ул. Воровского.— *П. С.*) почти все сожжены... От Арбатских ворот до Никитских ворот все сожжено кроме дома Луниных, Лобанова и трактиров. От них до Тверских ворот по левую сторону все сожжено. Тверская от Тверских ворот до дома Главнокомандующего по обеим сторонам вся цела, а потом от дома Черткова (на южном углу Советской пл. — *П. С.*) до Моховой вся выгорела по обеим сторонам. Благородное собрание (Дом союзов.— *П. С.*) сгорело...»

Как курьез Булгаков передает, что на углу Петровки и Кузнецкого моста каменные дома сгорели, а деревянный дом Хомякова остался цел. Кузнецкий мост с магазинами (до Неглинной) сгорел, а выше, до Лубянки — остался цел.

«... Лубянка вся цела... — пишет далее Булгаков. — На Мясницкой целы все дома до почты, угольный трактир у Мясницких ворот цел, а от него по обеим сторонам все выгорело. На Новой Басманной и Раз-

гуляе почти все сожжено. В Старой Басманной целы только три дома, на Разгуляе все сожжены...»

«На Вознесенской ул. (ул. Радио. — *П. С.*), — сообщает Булгаков, — от церкви Вознесения правая сторона, где и наши дома, до Дворцового моста и до Салтыкова моста, все цело... ни один дом не остался цел во всей слободе Немецкой... Образовалось обширное поле, покрытое обгоревшими трубами, и когда выпадет снег, они будут казаться надгробными памятниками, и весь квартал обратится в кладбище». На Покровке, отмечает он, «от Ильинских ворот по обе стороны все цело до Покровских ворот. Сожжено лишь несколько домов».

«Вот, что видел я собственными глазами, — заключает Булгаков свое письмо жене, — а потому как истинное тебе даю; будет станут у тебя справляться, ты можешь на меня ссылаться смело».

Тема нашей работы не требует ответа на вопрос, кто и для чего сжег Москву в 1812 г.

Современники, включая Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Герцена, народ в своих сказаниях и песнях о 1812 г. считали, что Москва сожжена русскими патриотами, чтобы враг не мог ничем здесь воспользоваться, — это было в русских традициях и уже применялось в 1812 г. в Смоленске и других городах, селах и деревнях. Французам чаще всего не удавалось поймать «зажигателей», поэтому вместо них они расстреляли несколько десятков совершенно случайных людей.

Что касается обвинений Ростопчина в сожжении Москвы, то они все основываются только на косвенных доказательствах. Во-первых, на том, что он вывел из Москвы полицию и пожарную команду с пожарными трубами и этим как бы заранее обрек город на сожжение. Во-вторых, что он сжег собственное имение Вороново за Калужской заставой. Но при этом забывают, что и полиция, и пожарная команда были в то время воинскими частями и оставить в занимаемой неприятелем Москве даже одну пожарную команду, насчитывавшую 2100 солдат при офицерах, Ростопчин не имел права без прямого о том приказания царя или Кутузова. Он сжег Вороново, но оставил несожженными в городе два своих дома. Поэтому можно поверить его «Правде о пожаре Москвы»[33], в которой он в 1823 г., живя в Париже, опровергал обвинения его как виновника пожара Москвы в 1812 г.

В русской литературе установилось мнение, что пожар Москвы 1812 г. в основном — патриотический подвиг оставшихся в городе простых русских людей.

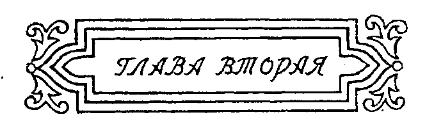
А. С. Пушкин писал[34]:

Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар —
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.

У М. Ю. Лермонтова читаем[35]:

...ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана.

Граф Ланжерон, русский генерал, в своих записках о 1812 г. писал[36]: «Пожар Москвы — это геройское деяние, это ужасное величавое решение, вызванное удивительным самоотвержением и патриотизмом самым пламенным, — уничтожил припасы, которые рассчитывал найти Наполеон для поддержания армии во время предстоявшей зимы».

ПЛАНИРОВКА, ЗАСТРОЙКА И БЛАГОУСТРОЙСТВО МОСКВЫ в 1812–1825 гг.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

Высокий патриотизм русского народа, проявленный во время нашествия французов, после их изгнания обратился на восстановление лежавшей в развалинах Москвы. В это время росло население города, развивались промышленность, торговля и культура.

Население Москвы, насчитывавшее перед нашествием французов около 300 000 человек зимой и около 200 000 летом, составило: в 1812 г. до нашествия — 275 281 человек, во время нашествия — около 10 000, в 1814 г. — 161 986, в 1816 г. — 166 515, в 1825 г. — 257 694 человека [1].

Таким образом, к 1825 г. довоенная численность населения была восстановлена более чем на 90%.

Число жителей мужского и женского пола в Москве[2]:

Год	Мужчин	Женщин
1814 (январь) . . .	102 514	59 472
1816 (август) . . .	121 867	44 648
1825	163 737	93 957

Соотношение числа мужчин и женщин по отдельным социальным группам сохранилось в общем такое же, как в конце XVIII века.

В 1814 г. среди казенных крестьян было 18 631 мужчина и 6544 женщины; среди помещичьих — 21 474 мужчины и 6522 женщины.

Среди дворовых — мужчин считалось 18 385, а женщин — 17 269. Но дворовые делились на две группы: приписанные к помещичьим домам и неприписанные. Первые, работавшие на дворянскую семью, имели в своей среде 4738 мужчин и 9333 женщины: женский труд в помещичьих домах Москвы требовался в большей мере, чем мужской. Не приписанные к домам дворовые, работавшие на фабриках и заводах, занимавшиеся ремеслом, торговлей и другими промыслами, составляли 13 647 мужчин и 7936 женщин. В остальных группах населения мужчин и женщин было почти поровну. Преобладание мужчин над женщинами среди казенных и помещичьих крестьян и дворовых, не при-

писанных к домам, объясняется тем, что среди них было очень много отходников, отпущенных из деревни в город на заработки за оброк, выплачиваемый крестьянами общине или помещику.

Социальный состав населения Москвы в 1811, 1816 и 1825 гг.[3]:

Группа населения	1811 г.	1816 г.	1825 г.
Общая численность населения	275 281	166 515	257 694
Дворяне	17 432	8 976	15 876
Купцы	19 124	8 805	10 329
Мещане	18 138	18 171	33 417
Духовенство	5 104	3 544	4 991
Цеховые и фабричные	12 275	—	8 800
Военные, служащие и отставные	19 079	23 109	20 665
Крестьяне казенные	37 523	—	39 900
» помещичьи	41 153	—	39 193
Дворовые	89 540	34 065	66 281
Прочие	15 913	69 845*	18 242

Как видно из этой таблицы, население Москвы, уменьшившееся во время нашествия на Москву французов до 10 000 человек, к 1816 г. возросло почти до двух третей допожарного 1811 г., а к 1825 г. почти достигло допожарной цифры.

Из дворян, многие из которых были чиновниками, возвратилось в Москву к 1816 г. немногим более 50%, и даже к 1825 г. численность их не дошла до численности 1811 г.

Купцы же к 1816 г. составляли менее чем половину своего допожарного числа. Многие из них, несомненно, обанкротились и перешли в мещане, почему число последних уже к 1816 г. достигло допожарного и сильно возросло к 1825 г.

Численность духовенства немного уменьшилась вследствие ликвидации некоторых сгоревших в 1812 г. церквей.

Число цеховых и фабричных к 1825 г. достигло только двух третей своего допожарного числа вследствие медленного восстановления сгоревших фабрик и заводов, а также вследствие закрытия некоторых фабрик, происшедшего до указа 1822 г. о покровительственной системе в отношении отечественного производства.

Общее число казенных и помещичьих крестьян остается в 1825 г. на уровне 1811 г., но первых на 2377 стало больше, а вторых — на 1960 меньше.

Военных, служащих и отставных, было в 1811, 1816 и 1825 гг. почти одинаковое число. Некоторое их увеличение в 1816 г. по сравнению с 1811 г., несомненно, объясняется тем, что в Москве после войны еще оставались больные, раненые и инвалиды.

После пожара московская промышленность быстро восстанавливалась. Уже в конце 1812 г. в ней действовали 64 предприятия с 12 303 рабочими, а в 1814 г. — 253 предприятия с 27 314 рабочими. Это составляло 7% всех тогдашних предприятий России и 16% всех их рабочих. Больший процент рабочих, чем предприятий, показывает, что в Москве были сосредоточены более крупные предприятия, чем в среднем по всей стране.

Но о восстановлении промышленных предприятий (мануфактур) было бы опрометчиво судить только по общему числу их. Рост про-

* В число прочих включены, вероятно, цеховые, фабричные, крестьяне казенные и помещичьи.

мышленности характеризуется не столько количеством предприятий, сколько числом их рабочих и стоимостью выпускаемой продукции. После 1812 г. произошло укрупнение многих предприятий, увеличилась и их выработка.

Дворяне еще владели несколькими мануфактурами, но подавляющее большинство мануфактур перешло в купеческие руки, превращаясь постепенно в фабрики и заводы с механическими двигателями. Особенно ярко это сказалось в текстильной промышленности, господствовавшей в Москве с допожарного времени.

«В Москве растут крупные мануфактуры, на которых трудятся десятки пришлых вольнонаемных рабочих (из крестьян и дворовых, отпущенных на оброк. — *П. С.*); Москва — сложившийся центр всероссийского обмена, торгующий продуктами крупной промышленности; московская буржуазия численно превосходит дворянскую прослойку и непрерывно упрочивает свое социальное положение путем накопления капитала» [4].

По числу предприятий на первом месте в Москве в 1825 г. стояло производство бумажных материй (48), на втором — шелковых материй и парчи (30), на третьем — пивоварение (20), следующие места занимали кожевенное производство (19), суконные фабрики (18), табачные фабрики (16), мыльные и свечные заводы (15), водочные заводы (13). Всего же насчитывалось в этом году 252 предприятия.

Наиболее насыщенной различными предприятиями была Серпуховская часть (59 предприятий); в ней было сосредоточено большинство имевшихся в городе кожевенных заводов и табачных фабрик. На втором месте стояла Покровская часть (46 предприятий); в ней была почти половина всех имевшихся в городе фабрик бумажных материй. На третьем месте была Рогожская часть (24 предприятия), имевшая около трети всех фабрик бумажных материй.

Большинство фабрик и заводов было расположено на окраинах города, за Земляным валом. В Белом городе находились лишь 3 предприятия: 1 макаронная фабрика и 2 табачные; в Земляном городе — 39 предприятий (7 шляпных, 5 мыльных и свечных, по 4 кожевенных и уксусных завода и др.). В Сретенской и Сущевской части не было ни одной фабрики или завода.

По числу рабочих отдельные отрасли московской промышленности распределялись в 1814 г. следующим образом[5]:

Отрасль промышленности	Число рабочих	%
Текстильная	25 604	93,8
В том числе:		
суконная и шерстяная	6 486	23.8
шелковая	4 369	16,0
хлопчатобумажная (ткацкая и набивная)	14 749	54,0
Шляпная	495	1,8
Позументная	378	1,4
Металлообрабатывающая	151	0,5
Кожевенная	214	0,8
Сахарная	128	0,5
Остальные	344	1,2
Итого	27 314	100,0

Среди этих 27 314 рабочих 40 человек (0,1%) являлись помещичьими крепостными, 518 (1,9%) — приписанными к фабрикам крепостными, а 26 756 (98,0%) — вольнонаемными.

Из 66 московских хлопчатобумажных мануфактур 49 принадлежали купцам, 3 — дворянам, 8 — крестьянам и 6 — иностранцам. Таким образом, купеческой мануфактуре принадлежало в Москве неоспоримое господство.

По числу занятых рабочих московские хлопчатобумажные мануфактуры этого времени можно разделить на следующие группы: больше 1000 рабочих — две; от 500 до 1000 — четыре; от 200 до 500 — шесть; от 100 до 200 — одиннадцать; от 50 до 100 — двенадцать; от 16 до 50 — восемнадцать; меньше 16 — тринадцать.

Самой большой хлопчатобумажной мануфактурой была мануфактура купца Григория Чорокова с братьями, на которой работало 5966 рабочих. Уже значительно меньше была мануфактура коммерции советника Михаила Титова с 1036 рабочими [6].

Хлопчатобумажные мануфактуры вырабатывали главным образом дешевые ситцы, пользовавшиеся огромным спросом в городах и деревнях России. Таможенный тариф 1810 г., увеличивший пошлину на ввоз из-за границы набивных и крашеных тканей и удешевивший ввоз английской хлопчатобумажной пряжи, позволил московским мануфактурам вырабатывать ситцы почти без конкуренции. Располагались мануфактуры главным образом близ Яузы и Москвы-реки.

Суконные и шелковые мануфактуры Москвы по числу занятых в них рабочих далеко отставали от хлопчатобумажных, но неуклонно росли и, как увидим далее, к середине XIX века перегнали по числу рабочих хлопчатобумажную промышленность.

Суконных мануфактур было 19. Из них 12 — собственно суконных, 7 — красильных (по окраске сукон). В семи крупнейших суконных мануфактурах работало 5552 рабочих (85% всех занятых в этой отрасли промышленности). На двух крупнейших суконных мануфактурах работало примерно по полторы тысячи человек, на двух — от 500 до 1000, на трех — от 300 до 500 человек.

Шелковых мануфактур было 42. Из них 6 принадлежали крестьянам, 36 — купцам и мещанам. По количеству рабочих самой большой была мануфактура Александра Александрова с 894 рабочими. В пяти же крупнейших шелковых мануфактурах работало 2582 рабочих (около 60% всех рабочих шелковой промышленности).

Полотняных мануфактур в Москве перед войной 1812 г. совсем не было [7].

Исследователю невольно приходит на ум вопрос: если во всех отраслях промышленности Москвы было занято лишь 27 314 рабочих, то чем же занимались отпущенные в Москву на оброк дворовые, не приписанные к домам, казенные и помещичьи крестьяне, общая численность которых в августе 1814 г. достигала 74 154 человек? Исключая из этого числа 27 314 рабочих, имеем 46 840 человек, т. е. несколько меньше трети всего населения Москвы. Огромная часть их, несомненно, служила в торговых заведениях купцов и мещан, часть торговала самостоятельно, часть была занята ремеслом, некоторые работали на пашнях, лугах и огородах москвичей. Нельзя не обратить внимания на то, что значительное число из этих трех групп проживало в частях города, почти не имеющих промышленности, — Пресненской, Сущевской, Мещанской и Покровской. Некоторые представители этих групп имели даже собственные дома, большей частью, конечно, деревянные.

Текстильная промышленность в Москве развивалась в те годы не только путем увеличения числа предприятий и рабочих, но и за счет увеличения и улучшения оборудования. Вот, например, данные о развитии хлопчатобумажной промышленности в 1814 и 1827 гг.:

Год	Число рабочих	Число ткацких станков	Число набивных станков[8]
1814 . . .	14 749	8 576	595
1827 . . .	21 903	13 383	1 679
Увеличение на	48%	56%	182%

Росту производительности способствовало и все большее распространение прядильных, ситценабивных и ситцепечатных машин. Были изобретены русские бумагопрядильные машины. На шелковых мануфактурах совершенствовались ручные станки. Появился станок Жаккарда. К 1827 г. в Москве наряду с простыми станками на шелковых предприятиях действовало уже 975 станков Жаккарда. На них вырабатывались узорные ткани. В 1828 г. русские, главным образом московские, хлопчатобумажные и шелковые ткани демонстрировались на лейпцигской выставке и получили всеобщее одобрение[9].

Торговля в Москве после пожара 1812 г. началась сейчас же по изгнании французов. Возвращавшееся в Москву население нуждалось прежде всего в продуктах питания, и из всех ближайших деревень крестьяне привозили продукцию своего хозяйства.

Москва быстро возрождалась и скоро опять стала центром оптовой и розничной торговли страны. Гостиный двор, погоревший во время пожара, был восстановлен, и в него стали поступать партии ценных товаров для оптовой продажи. Уже в 1818 г. здесь была открыта московская контора Коммерческого банка, выдававшая ссуды под товары, принимавшая деньги на хранение, учитывавшая векселя.

Внутригородская торговля сосредоточивалась по-прежнему в восстановленных рядах на Красной площади, в которых насчитывалось несколько тысяч лавок. Но, кроме них, торговля открылась и на нескольких главных улицах Москвы (Тверской, Кузнецком мосту, Никольской, Ильинке и др.). Здесь продавались ткани, готовое платье, обувь, предметы убранства квартир, товары косметические, ювелирные и др. В отличие от лавок эти места продажи называли магазинами и депо.

Лавки же, главным образом со съестными припасами, находились в рядах на площадях, мелочные лавочки — в домах. На площадях же продавались привезенные из деревень продукты. Некоторые площади были предназначены для специальных товаров. Например, Охотный ряд был рынком мяса, птицы и зелени, здесь продавали также певчих птиц, дворовых и комнатных собак. На Дровяных площадях продавали дрова, Угольных — древесный уголь, Сенных — сено. Болотная площадь была местом продажи муки, зерна и пр.

Возобновились герберги, трактиры, питейные дома, винные погреба, «полпивные», харчевни, блинные, хлебные и калачные избы, постоялые дворы с продажей постояльцам готовой пищи и питья.

Рост торговли шел довольно ровно, без скачков. Он характеризуется числом лавок в домах и в торговых рядах. До пожара 1812 г. их было 8521, после пожара в том же году 1368, а к 1825 г. — 8415. Иначе говоря, допожарное число лавок к этому году было почти восстановлено, а вся торговля даже приумножена [10].

Натуральное обслуживание дворянских семей крепостными портными, сапожниками, парикмахерами заменялось наемным трудом или покупкой в лавках готовой продукции.

На гуляньях, балах, в общественных собраниях, в садах и театрах рядом с дворянами все чаще стали появляться не менее нарядно и богато одетые купцы, фабриканты и крупные торговцы.

Развивались также наука и культура. Московский университет, погоревший в 1812 г. и лишившийся многих ценных коллекций, возобновил свою учебную, научную и просветительную работу в наемных помещениях, пока в 1817—1819 гг. не было отстроено его здание на Моховой. Снова начались занятия в Благородном университетском пансионе на Тверской ул. и в 1-й мужской гимназии, помещавшейся на Малой Кисловке, 4, пока в 1817 г. не было восстановлено ее погоревшее здание в Большом Знаменском пер. (ул. Грицевец).

Возобновили свою деятельность Общество истории и древностей российских при университете, Общество сельского хозяйства и другие научные общества. Открылись и Академия практических наук на Покровском бульв., и Коммерческое училище для детей всех сословий, где обучались большей частью дети из малозажиточных слоев населения.

Раньше других учреждений начали работать типографии, Университетская типография, тоже погоревшая, в 1818—1822 гг. разместилась в доме на углу Большой Дмитровки и Страстного бульв. Очень скоро опять стала выходить и газета «Московские ведомости».

К действовавшим в 1812 г. Военному госпиталю в Лефортове, Павловской, Екатерининской и Голицынской больницам в 1825 г. присоединилось еще одно лечебное заведение — была учреждена 1-я Глазная больница, для которой несколько позже граф Мамонов пожертвовал свой большой дом на Тверской ул., построенный М. Ф. Казаковым[11].

Сейчас же после ухода из Москвы французов в сохранившихся от пожара домах богатых и знатных дворян начались на радостях балы. Первый бал был дан богачкой Полторацкой в ее доме на Большой Калужской, что рядом с 1-й Градской больницей (ныне в этом доме размещены институты Академии наук СССР).

Английский клуб, прежде помещавшийся в доме Гагарина на углу Петровки и Страстного бульв., тоже пострадавшем от огня, с 1 марта 1813 г. разместился в доме Бенкендорфа на Страстном бульв., 6, а с 31 июля того же года — в доме Муравьева на Большой Дмитровке, 11. Несколько позже открылся и Купеческий клуб. Возобновило свою деятельность и Благородное дворянское собрание в доме, ныне известном как Дом союзов, восстановленном после пожара на средства, отпущенные царем. В этом Собрании давались балы, на которых, приезжая в Москву, бывала и царская семья.

В конце 1824 г. открылся Малый театр, а в начале 1825 г. и Большой, оба — в доныне занимаемых ими зданиях. Возобновилось весеннее Подновинское гулянье, как и прежде, москвичи прогуливались на Тверском бульв. и в других местах.

Произошли изменения в московской администрации. Главнокомандующий г. Москвы граф Ф. В. Ростопчин 30 августа 1814 г. был уволен со своего поста, и должность главнокомандующего была заменена должностью военного генерал-губернатора. На нее был назначен генерал от кавалерии А. П. Тормасов. После его смерти с 1820 по 1843 г. эту должность занимал генерал от кавалерии князь Д. В. Голицын [12].

ПЛАНИРОВКА МОСКВЫ В 1812—1825 ГОДАХ

Прожектированный план Москвы, утвержденный Екатериной II в 1775 г., действовал до 1817 г., когда был утвержден новый план. Составленный в 1774—1775 гг. спешно, непродуманно и неполно, он требовал очень осмотрительного использования. Пока строительство в городе осуществлял Каменный приказ, крупных ошибок почти не делалось. Но когда в 1782 г. Каменный приказ был ликвидирован и строительство перешло в руки Управы благочиния (полиции), отступления от плана стали обычным явлением. При главнокомандующем Москвы П. Д. Еропкине 27 марта 1786 г. был создан рукописный поправочный план к плану 1775 г., но он не получил большого распространения.

Преемник П. Д. Еропкина князь А. А. Прозоровский обратил внимание Екатерины II на печальное положение с планом реконструкции Москвы и добился от нее согласия на учреждение под его надзором особой комиссии по составлению нового прожектированного плана Москвы. В комиссию входили: полковник Огарков, инженер Бланкеннагель и архитектор М. Ф. Казаков с небольшим составом служащих.

Открывая эту комиссию в 1794 г., А. А. Прозоровский подверг критике план 1775 г. и последующее его проведение в жизнь, заявив: «...паче рассмотреть потребно переулки, которые с такими непристойными изворотами, что стыдно видеть такую связь улиц в сей древней столице, а паче в городе Земляном и за оным в окружности Камер-Коллежского валу. Представляется, будто б каждый обыватель строился самовластно и будто здесь в городе не было никакого начальства, которое бы сохраняло порядок общественной и частной, как в части и за Москвой-рекой таковое же в переулках неустройство, то и нужно из сего непристойного лабиринту выйти и сколь можно поправить...»

Одновременно А. А. Прозоровский получил разрешение Екатерины II изменять план 1775 г. и поправки к нему 1786 г. Но в 1797 г. Павел I ликвидировал комиссию по составлению нового плана, не дав его закончить.

В 1806—1808 гг. при главнокомандующем Москвы Т. И. Тутолмине Комитет по уравнению городских повинностей (основанный в 1802 г.) создал рукописный план Москвы с указанием горизонтальных отметок над московским нулем по шести прямолинейным диаметрам, проходящим через центр города от одной заставы к другой и пересекающимся у Сретенских ворот. Этот план, вероятно использованный в Межевой и других канцеляриях, не получил, однако, широкого распространения.

Впоследствии, в 1808—1812 гг., Комитет по уравнению городских повинностей провел большую работу по составлению новых планов Москвы — планов действительных, а не прожектированных, но и он не закончил своей работы. Комитет сделал несколько генеральных (общих) планов всей Москвы в пределах Камер-Коллежского вала, не-

сколько генеральных и 20 специальных планов полицейских частей (по числу их), с показом на каждом плане всех казенных зданий и обывательских домов, а также несколько тысяч планов отдельных казенных и обывательских дворов. После 1812 г. Комитет не смог продолжать свою деятельность, так как почти все планы Москвы погибли во время пожара 1812 г.[13].

Здесь следует сделать некоторое уточнение. Из журнала членов Комитета для уравнения городских повинностей от 4 декабря 1812 г. и из донесения начальника этого Комитета А. А. Петрово-Соловово министру полиции А. Д. Балашеву от 19 декабря 1812 г.[14] видно, что архив Комитета 31 августа, перед приходом в Москву неприятеля, был перенесен для хранения в каменный дом Петрово-Соловово. Дом этот во время пожара 1812 г. не сгорел, а был лишь разграблен. Планы и дела названного Комитета были свалены в кучу, после разборки которой оказалось, что большинство планов исчезло, а среди оставшихся — многие попорчены. Пропали, в частности, 20 специальных планов полицейских частей, а из 9637 планов на отдельные казенные и обывательские дворы сохранились только 6453. Случайно уцелели, правда поврежденные, два генеральных плана Москвы 1810 г. в масштабе 120 сажен в дюйме, те самые, которые в 1811 г. были представлены (через Балашева) на рассмотрение Александру I. «На одном из них показаны границы Частей Города (полицейских. — *П. С.*), а на другом по предполагаемому их разделению вновь». Один из этих планов сохранился доныне, находится в Военно-историческом архиве в Москве и будет разобран нами со стороны его содержания [15].

Утрата планов потребовала незамедлительного создания для Москвы, лежащей в развалинах, нового плана. Для этого Александр I пригласил архитектора В. И. Гесте — главного архитектора Царского Села. Раньше Гесте планировал города на юге России и составил для всех русских городов образцовые планы улиц и площадей, которые были разосланы в виде альбома губернаторам в начале 1812 г. В письме министра полиции А. Д. Балашева к главнокомандующему Москвы Ф. В. Ростопчину 5 декабря 1812 г. сообщалось[16]: «Государь император, во уважение тому, что не все архитекторы имеют искусство хорошо составлять планы городам, а еще менее — старинные города поправлять, положить изволил, чтобы отправить отсюда (из Петербурга. — *П. С.*) известного мастерством в сем деле архитектора Гесте в Москву, в повеление вашего сиятельства, дабы он, руководствуясь приказаниями вашими, составил новый план сей столице, с сохранением всех тех зданий, которые вами признаны будут оставить надобными в теперешнем их виде и месте».

Архитектор Гесте приехал в Москву в феврале 1813 г. Он запросил у Ростопчина план Москвы с показанием на нем каменных и деревянных домов. Ростопчин обратился за этим к Петрово-Соловово, но тот ничего не мог прислать, кроме одного генерального плана Москвы.

Так как при планировке Москвы после 1812 г. в обязанность Гесте вменялось сохранять уцелевшие или мало поврежденные дома, особенно каменные, то Комитет по уравнению городских повинностей в феврале — апреле 1813 г., при участии Гесте, составил новые планы отдельных частей города.

До недавнего времени ни в одном из архивов Москвы и Ленинграда эти планы обнаружены не были. Появились они случайно.

Вот как об этом писала «Литературная газета» в номере от 16 июня 1948 г.:

«Недавно в книжный магазин № 35, что на Арбате, женщина, не пожелавшая себя назвать, принесла небольшой сверток. Это был картонный футляр с 20 аккуратно переплетенными папками. В папках оказались складные рукописные планы 19 частей (районов) Москвы.

На каждом плане пояснения: «Прикрытые красною краскою означают каменныя строения, уцелевшия от пожара» — «Прикрытые тушью означают каменныя строения обгоревшия» — «Цифры 1, 2, 3, 4 обозначают число этажей» — «Под литерою П каменныя строения поправленныя» — «Под литерою В каменныя строения ветхия, к поправке неудобныя».

Даже для непосвященного человека при первом взгляде на план любого района становится ясно, что это — карта Москвы, составленная после нашествия Наполеона... В папках нет плана Кремля, который в то время входил в число дворцовых сооружений и не был подведомствен Комиссии строения»*.

Оказался утерянным план Пятницкой части. Планы полицейских частей начерчены на бумаге с водяными знаками 1814 г., что заставляет думать, что они являются копиями, а не подлинниками, составленными в 1813 г. Эти ценнейшие планы были приобретены Музеем архитектуры имени А. В. Щусева и находятся в его фонде [17].

Было понятно, что для планомерной застройки Москвы недостаточно одного лишь составления плана города, порученного Гесте, а необходимо создать и учреждение для проведения этого плана в жизнь, подобно тому, как для осуществления прожектированного плана 1775 г. был создан Каменный приказ. Поэтому письмом к Ростопчину от 3 января 1813 г. Балашев просил прислать ему «к высочайшему усмотрению сведения, кои служили основанием составления Каменного приказа».

13 февраля 1813 г. Ростопчин ответил: «... о доставлении к вашему превосходительству выписок касательно каменного приказа, с приложением моих мыслей, я имел счастие получить и по оным сделаю исполнение» [18].

14 же февраля 1813 г. Александр I направил Ростопчину письмо с указанием учредить специальную комиссию для руководства восстановлением Москвы, назвав ее «Комиссией для строений в Москве», и изложил основания, на которых она должна быть создана (см. приложение 4).

Очевидно, после этого Ростопчин представил Александру I через Балашева проект Комиссии для строений в Москве и свои соображения на этот счет, предложив поставить во главе этой комиссии князя Цицианова. Об этом свидетельствует переписка между Балашевым и Ростопчиным.

Из письма Балашева Ростопчину:

«11 мая 1813 г. Г. Левенберг... Подносил я проект Ваш об образовании Комиссии для строения Москвы, который и удостоен Высочайшей конфирмации, равно и назначение князя Цицианова (начальником комиссии. — *П. С.*), и я с своей стороны очень рад, что Вы остановили выбор Ваш на сем достойном человеке. Теперь я в нетерпении нового плана Москвы или, лучше сказать, поправленного плана

* Комиссии для строений тогда еще не было, а был Комитет по уравнению городских повинностей.

елико возможно, дабы если также его удастся не скоро поднести к подписанию, то не заставить бы долго ждать желающим вновь производить строения»[19].

5 мая 1813 г. был опубликован указ[20], который назывался «Высочайше утвержденное образование Комиссии для строений в Москве. С приложением штатов оной и трем кирпичным заводам».

В отличие от Каменного приказа, который должен был сам набирать и даже обучать штат своего архитекторского класса, Комиссия для строений при самом учреждении получила довольно многочисленный штат опытных городских архитекторов и их помощников от Управы благочиния, которая одновременно с этим прекратила выдачу обывателям разрешений и планов на постройку в их дворах зданий. От Комитета же по уравнению городских повинностей Комиссия строений получила землемеров и чертежников, опытных в составлении генеральных и специальных планов Москвы и ее отдельных частей.

Подобно Каменному приказу, Комиссия строения Москвы находилась под председательством главнокомандующего и состояла из директора, советника, инспектора, архитекторов и других чиновников, которые «будут признаны нужными» (см. приложение 4). Они составляли присутствие комиссии, собираемое для разрешения порученных ей вопросов. Исполнительным же органом присутствия являлась Чертежная, состоявшая из двух отделений — землемерного и архитектурного.

В обязанности землемерного отделения входило: «а) измерение в натуре всей Москвы и каждой части порознь, кварталов, казенных и обывательских владений, улиц, площадей, переулков и проч.; б) сочинение геометрических с натуры планов на части, кварталы, казенные и обывательские дворы и места; в) по вновь прожектированному плану назначение в натуре линий улиц, площадей казенных и обывательских владений к построению и по другим случаям»[21].

В обязанности архитектурного отделения входило: «а) сочинение планов и фасад на произведение обывательских строений и надзор за прочностию при постройке оных; б) наблюдение за производством строений в точности по прожектированным линиям, а также выданным планам и фасадам; в) смотрение за добротою материалов, к построению нужных, и выделкою по данной форме кирпича как на казенных, так и на партикулярных заводах, равномерно наблюдение за установленною пропорциею белого камня».

«Сверх сих обязанностей Комиссии предоставляется право употреблять землемеров, архитекторов и их помощников в должности, какие она за благо признает нужными».

Кроме того, «в оной Комиссии присутствует также Обер-полицмейстер и как начальник полиции имеет право смотреть за правильностию строений и доводить до сведения Комиссии о всякой неисправности или упущении, кои по части сей встретиться могут.

Примечание. С учреждением Комиссии строительная часть, при Московской управе благочиния состоящая, упраздняется сама собою; почему архитекторы и канцелярские служители, в штате ее находящиеся, поступают в Комиссию. Комитет же уравнения городских повинностей, входя в состав Комиссии, остается при прежних своих занятиях, не касаясь, впрочем, части строительной. Землемеры и прочие чиновники, в штате его состоящие, употребляются по должностям, ниже сего изъясненным. Сверх сего Комитет обязан доставлять в Комиссию все планы и сведения, до строений относящиеся».

Как мы уже указывали, директором Комиссии для строений Моск-

вы Ростопчин назначил М. Д. Цицианова, работавшего до того в Комитете уравнения городских повинностей. Начальником Чертежной был назначен С. С. Кесарино, бывший директор Чертежной в том же комитете[22].

Комиссия фактически начала работать 9 июня 1813 г., но формально считалась действующей с 26 июня 1813 г., когда Сенат утвердил донесение Ростопчина о создании комиссии.

Разместилась комиссия в доме № 6 по Малому Успенскому (Сверчкову) пер., где раньше находилась Чертежная Комитета по уравнению городских повинностей. Здесь же в 1775—1782 гг. помещался Каменный приказ.

В многочисленных печатных работах о строительстве Москвы после 1812 г. почти совсем не освещается деятельность 1-го землемерного отделения Чертежной Комиссии для строения Москвы, между тем как эта деятельность была не менее важной и плодотворной, чем деятельность 2-го архитектурного отделения Чертежной.

По «Положению» Комиссии для строений Москвы от 5 мая 1813 г. землемеры 1-го отделения должны были проделать огромную работу — составить планы всех обывательских дворов и мест, улиц, переулков, площадей, кварталов, частей города и всей Москвы.

Штат отделения состоял в 1813 г. всего из 11 человек (директора, двух землемеров 1-го класса, двух — 2-го класса, одного помощника землемера 1-го класса, двух — 2-го класса, одного письмоводителя, двух писцов). В 1817 г. штат этот был усилен еще одним землемером 1-го класса, одним — 2-го класса, тремя помощниками землемера 1-го класса, двумя — 2-го класса и двумя сторожами и доведен, таким образом, до 20 человек. В помощь землемерам придавались рядовые солдаты из военно-рабочих батальонов.

Тем не менее за четыре первых года работы (1813—1817) землемерное отделение сняло на планы все московские улицы, переулки, набережные, тупики и прочие проезды и составило так называемые прожектированные планы масштабом 10 сажен в дюйме. На плане изображалось натуральное положение улицы, с очертанием выходящих на нее частей дворов и домов, с отметкой начала и конца каждого двора по улице, с его крепостным (городским) номером и указанием в экспликации владельцев. Затем по обеим сторонам улицы проводились красные линии, обозначавшие необходимое выпрямление и расширение улицы. Между красными линиями показывалась цифрами ширина, требуемая для улицы. Последнее было нововведением, так как до этого красные линии на планах давались только графически.

По этим прожектированным планам и обстраивались улицы, переулки и площади Москвы после 1812 г. Множество этих планов до сих пор сохраняется в Геодезическом бюро Моссовета.

Кроме того, землемеры составили еще в более мелком масштабе планы на каждую полицейскую часть, дающие полную картину каждой части города. На них под отдельными номерами показаны все улицы, переулки, площади, владения и дворовые места с находящимися на них постройками, садами, прудами, огородами; по бокам планов проставлены крепостные номера дворовых мест и земель с указанием, кому принадлежит каждое отдельное владение. Но планы эти были готовы лишь к 1830 г., и поэтому мы их разберем в следующей главе.

Одновременно с составлением планов землемеры производили нивелировку и составляли профили улиц. Под их наблюдением велись на улицах земляные и мостовые работы, хотя главное руководство по-

следними находилось в руках военных инженеров, стоявших во главе военно-рабочих батальонов, которые производили в это время замощение Москвы [23].

Землемерное отделение участвовало в составлении в 1813 и 1814 гг. плана сгоревших и уцелевших кварталов Москвы, планов 1817, 1819, 1824 гг. и др.

Комиссия для строений Москвы, действовавшая с 1813 по 1843 г., когда ее функции были переданы 4-му округу Главного управления путей сообщения и публичных зданий, уже в 1813 г. получила от Ростопчина инструкцию, которая предписывала землемерам: «прожектировать улицам и переулкам обе стороны прямыми линиями шириною не менее: улицы в 10 саж., а переулки в 6 саж.; буде оные ныне не шире сей меры, имея к тому соображением местное положение и каменные значительные здания, которые в случае необходимости можно оставлять в выступах, буде от того в проезде не предвидится стеснения; те же улицы и переулки, которые по нынешнему их положению шире назначенной меры, без особой надобности не уменьшать».

«Таким образом, постановление 1752 г. не только сохраняло тогда свою силу, но было принято к руководству и комиссией 1813 г. Работы комиссии, несмотря на несовершенство тогдашних геодезических приемов, имеют то важное значение, что они были не только продолжением, но и дальнейшей разработкой всего совершенного в предыдущее время. Комиссии, сравнительно в короткое время, удалось нанести на планы с достаточной точностью все городские проезды сначала в пределах Белого города, а потом и Камер-Коллежского вала, причем были обозначены на частных подробных рисунках все владения (каждое в отдельности), все входившие в состав их постройки, с отметкой числа этажей, и даже проверены по купчим крепостям поземельные права владельцев. Пустыри и незастроенные места также были нанесены на планы с отметками меры владений по тем же актам, и по таким местам проложены будущие проезды с сохранением установленной меры их ширины. Наконец, на этих планах были намечены и установленные красные линии по всем владениям.

Эта обширная, в высшей степени кропотливая работа, с возможной в то время точностью, была совершена в течение пяти лет — к 1818 г. был уже окончен общий проектный план Москвы, в масштабе 125 сажен в дюйме. Хотя этот план в свое время и не был утвержден, однако он имел значение документа, малейшее отступление от которого влекло за собой строгое взыскание с виновного» [24].

Пока Комиссия строений налаживала свою работу, Александр I и его министр полиции Балашев интересовались, как идет работа архитектора Гесте, и переписывались по этому поводу с Ростопчиным.

9 июня Балашев писал Ростопчину: «... Государь изволил у меня наведываться об успехе работы архитектора Гесте в рассуждении исправления плана Московской столицы» [25].

3 июля 1813 г. Ростопчин сообщил Балашеву [26], что Гесте выполнил возложенное на него поручение по составлению плана Москвы и этот план с замечаниями его (Ростопчина) отсылается Балашеву через военного министра Вязьмитинова. При этом он отметил, что «предположенные площади будут прекрасны и без больших расходов для казны».

Архитектор Гесте, вручив план Ростопчину, отправил министру полиции Балашеву отдельный рапорт, полученный Балашевым 15 июля 1813 г.:

«При сем имею честь донести: в исполнение приказаний г. Министра полиции для обозрения погорелых мест в Москве и сочинения плана сей столицы, прибыл я в сей город 9-го числа февраля сего года и явился к г. Главнокомандующему, который приказал городскому архитектору и Комитету уравнения городских повинностей доставить ко мне все планы и сведения касательно к сему делу. От комитета доставлен генеральный план в малом масштабе, а именно в дюйме 120 сажен, с означением одних кварталов и казенных строений, а о подробных частных планах, с показанием строений и мест, оный объявил, что сии планы были все истреблены, но для снятия и сочинения вновь будет сопряжено с великим трудом и требует много времени, следовательно, я считал лучше для поспешности требовать одни каменные строения с означением погорелых и негорелых и во сколько этажей, которое было приказано снять и готовить со всевозможной спешностью, хотя и сам с инженерами помогал в увеличивании частных планов с генерального, но сие продолжалось до 7-е июня. После сего поспешил сколько возможно и проектом, который при сем представляю, на коем показано, для лучшего понятия, одни существующие каменные строения; целые означены красною, на легком грунте, а сгорелые тушью, на темном грунте, прожект же показан одними кварталами.

1) *Китай-город,* выстроенный сплошным каменным строением, следовательно, всякая перемена была б сопряжена с великим трудением и суммою, и для того *оный оставлен по-прежнему,* кроме переднего и заднего рядов лавок, первого для уширения площади и Москворецкой улицы, которая весьма стеснена, а задний ряд, для уширения места перед новым гостиным двором, а улица, идущая от него до Никольской улицы, сии лавки весьма стеснены и ветхие, но почти все починены после пожара; церковь Василия Блаженного, окруженная лавками и ветхим строением, весьма безобразит сие древнее строение и, по мнению моему, должны быть сняты; ров между сею церковью и Кремлевскою стеною засыпается мусором, время от времени, и, по мнению моему, если угодно будет начальству, оный ров засыпать, то через оное откроется от Кремлевской стены до второго ряда лавок площадь шириною 70 саж., длиною от присутственных мест до Спасских ворот 160 саж., земляные бастионы, окружающие Кремль и Китай-город к стороне Белгорода, осыпаются, и ров почти засыпан мусором и сором, и если угодно начальству выровнять сии бастионы и досыпать ров, то на сем месте может быть сделан бульвар, кругом сей части, который, по мнению моему, украсит сии древние стены и башни и был бы полезен жителям Китай и ближайшей части Белгорода, которыя отделены от бульвара около версты.

2) *Тверская часть* также застроена важным каменным зданием, следовательно и *оставлена по-прежнему,* кроме некоторой перемены в Охотном ряду, которая должна представить регулярный фасад к Кремлю и Китай-городу, а улица между Знаменской и Тверской (часть проспекта Маркса. — *П. С.*) должна быть уширена от 15 до 20 саж., чем не стеснит университет и прочих важных строений в сей части города. Кругом Петровского театра назначена площадь, которая служит для театра и дворянского собрания. Между Тверскою и Никитскою улицами расстояние у бульвара около 400 саж. и для того назначена новая улица, прямая от Тверской заставы до университета в три версты и в 20 саж. ширины; сия улица может быть проведена от заставы до бульвара с малым трудом, от бульвара до университета будет

немало ломки в строениях не важных и в устье сей улицы, между университетом до Тверской, назначена площадь (часть современной площади 50-летия Октября. — *П. С.*).

3) *Мясницкая часть,* как большая часть оной осталась в целости, то никакой перемены не сделано, кроме некоторых переулков, между банком и почтовым двором и от Покровки до Воронцовской улицы.

4 и 5) *Пятницкая и Якиманская части* вовсе сгорели, и сохранены по-прежнему улицы Пятницкая и Ордынка, а прочее приведено в регулярство.

6 и 7) *Пречистенская и Арбатская части* вовсе сгорели и приведены в регулярство.

8 и 9) *Сретенская и Яузская части* почти вовсе сгорели, но по причине важных строений и господских садов поправлены, сколько возможно, без важной ломки. В прочих частях кругом Земляного вала, приведено мною, сколько возможно, в регулярство, сохраняя строения и господские сады.

Бульвар и Земляной вал делает великое украшение городу, и, по мнению моему, на оных не должно быть никакого строения, кроме некоторых гостиниц, которые могут быть полезны для людей, там гуляющих.

Площади назначены при всякой заставе и во внутренней части города, в приличных местах, где возможно.

Впрочем, как г. министр полиции довольно известен о Москве, который по плану может судить, а в рассуждении каменных строений и важных садов, оные сохранены мною, сколько возможно, и все строения, которые означены в сломку, состоят в одноэтажных и малой части двухэтажных домов, весьма не важных; в рассуждении обывательских мест, сохранить их в целости невозможно, и хотя могут случиться некоторые перемены при разбивке города, но сии не должны быть важны, как план был сочинен в Москве; я сам осматривал места, сколько возможно, судя по обширности города, но будет ли угодно начальству привести сей план в действо, необходимо нужно иметь подробные сведения, не только одни каменные строения, но также деревянные существующие и с обывательскими местами и господскими садами, и украшение оных, для сочинения плана и со всею точностию и красотою, как требует столь важный город» [27].

На вопросы Балашева от 9 июня 1813 г., как подвигается работа Гесте, Ростопчин ответил общей запиской от 29 июня 1913 г., посланной 3 июля царю вместе с планом Гесте [28].

В ней сказано: «Москва при начале застроения не следовала постановленным правилам, потому что оные изменялись по воле начальствовавших в городе. Первый из них, который издал план всему городу (прожектированный план 1775 г. — *П. С.*), был граф Захар Григорьевич Чернышев. Мысли его, соединенные с красою в строении и пользою жителей, удостоились высочайшей конфирмации государыни императрицы Екатерины II, но вместо того, чтобы не отступать от правил, постановленных графом Чернышевым, все наместники его постепенно более или менее, но портили без поправки план Москвы, или раздавая вновь места под строения, где им быть не долженствовало, или допуская вновь строить там, где должно было обветшалые строения уничтожать вовсе. К совершенному безобразию города члены Управы благочиния по строительной части, полицейские чиновники и сами архитекторы терпели и позволяли застраивать улицы, переулки и, для собственных выгод, от небрежения и послабления портили город.

Теперь, хотя пожар, истребивший 6307 домов деревянных и каменных, представляет, кажется, удобный случай исправить испорченное, спрямить кривое и расширить узкое, но в сем намерении предстоят великие затруднения. В числе сгорелых каменных строений есть много значащих зданий и обширных домов, коих приобретение стоило бы казне нескольких миллионов рублей. Уничтожение же вовсе сих строений, исключая знатного убытка, хозяевам нанесет огорчение и произведет ропот, быв совсем несогласно благотворным видам государя императора.

И для сего, если новый план Москвы, составленный архитектором Гесте, удостоится высочайшего утверждения, то я представляю следующие мои замечания, произведенные познанием города и частым обозрением всех его частей.

1-е. Хотя лавки, построенные в рядах по позволению графа Брюса, и утверждены после Екатериною II, но быв ныне и расстрелены и подорваны неприятелем, должны быть уничтожены, потому что они стесняют площадь, не довольно и без того обширную; также должно сломать и те лавки, кои закрывают прекрасное здание церкви Василия Блаженного, а взамен всех сих мест отвести места вокруг стены города Китая.

2-е. Стену Китай-города, хотя она и требует поправления, должно оставить, потому что она по долговременности своей заслуживает уважения и дает вид величественности части города, ею окруженной; исправление ее возложить на тех вотчинников, коим раздадутся места.

3-е. Ров, идущий от Москвы-реки, завалить землею сделанных укреплений вокруг стены Китая-города, отчего выйдет преобширная площадь, украшенная на великом расстоянии лавками.

4-е. Для сделания обширной площади в Охотном ряду должно сломать дома, купленные у князя Сибирского театральною дирекциею, кои все сгорели и треснули. Один дом частный, который стоит между сгоревшего театра и Дома дворянского собрания, купить на сломку и тогда учредится первая пространством в Москве площадь.

5-е. Сгоревший театр (Большой. — *П. С.*) должно опять восстановить, удобность местоположения в средине города, обширность площади для разъезда и притом прочность здания суть причины к его возобновлению.

6-е. Площадь на Моховой, уничтожением небольшого сгоревшего каменного корпуса лавок, будет обширна и полезна для торга.

7-е. У Красных ворот был деревянный дом Татищева, занимавший пространное квадратное место, дом сей сгорел, а место сие, принадлежащее одному иностранцу, удобно для новой большой площади и весьма пристойно к сооружению храма, памятника или другого значительного здания».

Александр I, шедший в это время триумфальным маршем на Париж, не разобрался в плане Гесте и утвердил его, сопроводив своими замечаниями. Об этом сообщил Ростопчину Балашев из г. Теплица 28 августа 1813 г.:

«Спешу Вас уведомить, что едва я получил из С.-Петербурга план Москвы, то и озаботился поднесением его Государеву усмотрению, который ныне же и возвращаю с запискою, по приказанию Государя сделанною, хотя она и не по форме написана, но поспешное возвращение и высочайшее одобрение Вам, конечно, будет приятнее...»[29]

В тот же день Балашев написал Ростопчину второе письмо, посланное уже официально через Петербург: «Я имел счастие подносить к

Высочайшему усмотрению Государя Императора прожектированный план для урегулирования некоторых частей Столичного города Москвы, Вашим Сиятельством ко мне доставленный через С.-Петербург. Его Величество, удостоивая одобрением расположение сего проекта во всех его главных частях, изволил заметить следующее к особенному наблюдению:

1-е. Сходственно мнению Вашего Сиятельства, лавки на Красной площади со входа из Воскресенских ворот направо, закрывающие вид Кремля, уничтожить.

2-е. Лавки, закрывающие вид здания церкви Василия Блаженного, равномерно уничтожить же, но самую церковь оставить и поддерживать ее в прежнем виде.

3-е. Стены Кремля и Китай-города поддерживать в первобытном их положении.

4-е. Прочие земляные укрепления Китая и Кремля срыть и рвы засыпать и через то площади, окружающие их, увеличить.

5-е. Лавки учредить Его Величество полагает не в стене Китая, и не подле оной, но на противуположенной стороне вокруг площадей, стены сии окружающих от стороны Белого города, так, чтобы через то все сии места, буде можно, урегулировать, а самые стены оставить неприкосновенными и не закрывая их виду.

6-е. Для расширения площади, прилегающей как к зданию бывшего Театра Петровского, так и к дому Благородного Собрания, домы, купленные у князя Сибирского, и прочие треснувшие и сгоревшие. сломать по представлению, а частный дом, состоящий между Театра и Собрания, купить на сломку же.

7-е. Предположение о возобновлении Петровского театра равномерно Государь Император одобрить изволит.

8-е. Площади, как на Моховой, так и прочих местах, утверждаются.

9-е. Ров между церковью Василия Блаженного и Кремлевскою стеною, равно как и прочие, засыпать.

10-е. Бульвар или обсадка деревьев вокруг стены Китая и Кремля, если останется довольно места при постройке лавок на противоположной стороне, допущена быть может, буде для разъезду не стеснит места.

11-е. Места, разровненные как из-под Земляного вала, так и из-под каменной стены, окружавшей в древности Белой Город, должны служить единственно удобностью для сообщения проезжающих и для прогулки пешеходов, а отнюдь застраиваемы нигде быть не должны, и впредь сего нигде под строгою ответственностию не дозволять, где же по злоупотреблению или от слабости присмотра построены были и строение сгорело, так обгорелые остатки снять и вновь строить отнюдь не дозволять.

12-е. На сих основаниях составить *настоящий* план Москве и поднести к Высочайшему утверждению, равно как и фасады упоминаемых вновь лавок».

На этом документе имеется пометка: «Подлинное подписал министр полиции А. Балашев, сверял правитель канцелярии Аркадий Рунич» [30].

Это письмо Балашева и при нем одобренный Александром I план Гесте военный министр С. Д. Вязьмитинов переслал Ростопчину 11 сентября 1813 г. [31]. Одновременно ему возвращена была его докладная записка и рапорт архитектора Гесте.

24 сентября 1813 г. об их получении Ростопчин уведомил Балашева:

«Главнокомандующий в С. Петербурге доставил мне через нарочного проект плана Москвы и Высочайшую волю на составление другого, для поднесения к конфирмации ЕИВ. Приступая к исполнению, имею честь сообщить вашему превосходительству мои мысли насчет Китайской стены и лавок. Если сии последние строить вновь, отступя от стены, так, чтобы мог быть проезд, то улица будет узка, пропадет прекрасная площадь от самых ворот Ильинских к Охотному ряду. А выстроя новые лавки задом к Китайской стене, они не будут ничего стоить починкой, здание лавок будет величественнее и украсит на большем пространстве город; а на самой площади, где был пушечный двор, если угодно будет Государю Императору, то можно назначить место для нового Спасского собора (храма Христа Спасителя. — *П. С.*), который отовсюду будет в виду.

Три церкви, кои стоят на площадях в Охотном ряду и на Моховой, быв разорены, одна сожжена и без приходов, назначены Августином (архиепископом. — *П. С.*) в сломку. Я надеюсь, что прямизна улиц и проулков от строгого наблюдения комиссии согласит и красу города и неудовольствие помещиков строящихся домов. Ибо если бы следовать плану г-на Гесте, тогда бы сотни каменных больших домов уничтожились и стоили бы казне несколько миллионов для приобретения прямой линии. Улица, которую предполагал г-н Гесте с Газетного переулка (ул. Огарева. — *П. С.*) до Земляного вала, имеет те же самые неудобства и вовсе не нужна в рассуждении малого расстояния двух параллельных улиц — Тверской и Никитской. К уничтожению рва вокруг китайской стены я приступлю немедленно, также и при Торжке двух домов частных людей: одного на Охотного ряда площади, а другого у Красных ворот. И о последствии буду иметь честь донести вашему превосходительству. Известие о сумме (150 тыс. руб. — *П. С.*), кою Государь Император соизволяет пожаловать на исправление дома Дворянского собрания, очень обрадовало и польстило здешнюю публику. Старшины собрания намеревались заложить дом в Опекунский Совет. Но заемная сумма не была бы достаточна для отделки...»[32]

Как видим, Ростопчин расходился с царем в отношении устройства лавок к востоку от стены Китай-города: он находил более удобным разместить их вдоль стены, задом к ней, что сохранило бы площадь от Ильинских ворот до Охотного ряда. На этой площади, между современными пл. Дзержинского и Неглинной ул., где стоял срытый в 1803 г. Пушечный двор, он находит возможным поместить Спасский собор, т. е. храм Христа Спасителя, о строительстве которого как памятника 1812 г. уже шла в это время речь [33].

Одновременно Ростопчин подверг критике план Гесте в отношении устройства магистралей, ибо для этого надо было уничтожить сотни больших каменных домов, что стоило бы казне несколько миллионов рублей. Он признает ненужной и улицу от Тверской заст. до Моховой, которую заново пришлось бы пробивать между Земляным валом и Газетным пер. Извещает, что уже приступает к исполнению относительно засыпки рва и составления нового плана Москвы.

После получения плана Гесте, одобренного царем и снабженного его замечаниями, Ростопчин 29 сентября 1813 г. передал Комиссии для строений план Гесте, свои и царя замечания на него для составления ею настоящего плана реконструкции Москвы [34].

Нами не обнаружено ни в ЦГВИА, ни в МОИА плана и доклада,

подписанных Гесте. Но мы знаем, что Комиссия для строений в ближайшие же месяцы внимательно рассмотрела все переданные ей материалы и сделала выводы, легшие в основу ее плана реконструкции Москвы вместо плана Гесте. Общие выводы комиссия изложила в сводке, приложенной к ее журналу от 13 февраля 1814 г. Так как эта сводка никогда не печаталась, а для понимания созданного комиссией в 1816—1817 гг. нового прожектированного плана Москвы имеет чрезвычайно важное значение, не безразличное даже для настоящего времени, то ниже мы публикуем ее целиком.

17 октября 1813 г. С. С. Кесарино выступил на заседании Комиссии строений с рапортом, в котором доказывал невозможность выполнения проекта Гесте. При этом он заявил, что приступил к выполнению поручения комиссии — «столь важного и обширного в своем роде дела, соображая все предметы и обстоятельства и сличая означенный план с натуральным положением». После чего нашел, что «прожектированный план хотя заслуживает полное одобрение касательно прожектов теоретических, но произвести оные в исполнение почти невозможно, ибо многие годы и великие суммы не могут обещать того события, чтобы Москву выстроить по оному плану, поелику художник, полагая прожекты, не наблюдал местного положения»[35].

Основные возражения против проекта Гесте состояли в следующем:

1. Вновь назначенные площади располагались на владельческих пустых и застроенных землях, покупка которых обошлась бы во много миллионов рублей; некоторые из площадей назначались «в излишней и ненужной обширности», а другие «между существующих из давних лет площадей и рынков, торговыми домами и лавками обстроенных», некоторые же в отдалении от населенных кварталов и поэтому не могли быть заняты торговлей.

2. Улицы и переулки в 17 частях «все почти уничтожены и прожектированы вновь прямыми линиями через обывательские владения по гористым, неровным и низменным местам, а тем великое число дворов и земель раздроблены на части или оставлены в середине кварталов и других владений без всякого с теми улицами и проулками сообщения».

3. «Из числа каменных зданий большая часть к тем улицам и проулкам должны оставаться не передними фасадами, а задними или боковыми, или же углом и другими неправильными фигурами, по внутреннему положению комнат к жительству уже неспособными».

4. «Устроение и планировка вновь прожектированных улиц и проулков при употреблении нескольких тысяч работников и при издержке на сие великих сумм, долженствующая продолжаться многие годы, остановили бы обывателей в обстройке каменных и в построении вновь деревянных домов своих».

5. «Вознаграждение владельцев за оставшиеся внутри других владений без выездов на проложенные улицы и проулки или раздробленные оными дворы и земли стоило бы неисчислимых сумм; а при всем том Москва долгое б время должна оставаться необстроенной и незаселенной»[36].

В качестве иллюстрации вышеизложенного Кесарино представил комиссии намеченную Гесте застройку новой Тверской ул. от Тверской заст. до Моховой ул.

В своем рапорте Кесарино заявил:

«Итак, для строения Москвы необходимо составить новый про-

жектированный план, сообразный с нынешним положением столицы и существующих площадей, улиц и зданий на тех самых правилах, кои Комиссия учредила и на которых позволяет производить строения».

Чтобы избежать недостатков, усмотренных им в схеме Гесте, Кесарино предлагал все проекты производить «по подробным планам в натуре, лишь несколько регулируя и уравнивая искривленные и безобразные смежности с переломами по владениям».

Комиссия согласилась с доводами Кесарино и добилась от главнокомандующего Ф. В. Ростопчина распоряжения о составлении нового плана Москвы, «долженствующего быть *програмой прожекта»*.

5 января 1814 г. комиссия, по распоряжению Ростопчина, приказала Кесарино срочно сочинить планы всем площадям, существующим, предполагаемым комиссией и назначенным Гесте, с указанием отходящих под площади строений и дворов, их примерной стоимости и владельцев, а также нанести эти площади на генеральный план Москвы 1810 г.

Выполненная Кесарино работа, сопровожденная «особенными замечаниями о неудобстве или неимении надобности в площадях, по прожекту назначенных», была представлена им Присутствию комиссии 13 февраля 1814 г. и легла в основу принятых комиссией решений.

«Предположение комиссии для строений в Москве о прожектировании в сей столице площадей, на оных зданий, некоторых проездов, разрывов и прочего к основанию общего Генерального плана Москвы с объяснениями на прожект архитектора Гесте[37].

О площадях

По прожекту арх. Гесте: в Китае Городе: План № 1. 1-я). *Красная.* К открытию и распространению оной назначено в сломку здание Присутственных мест величественной древней архитектуры с башнею, разрушению не подверженное, и лавки между Никольских и Спасских ворот, вид Кремля закрывающие, да на противоположной стороне два выступа и целое отделение разных рядов с фряжскими под ними погребами, при начальном в самой давности сих рядов основании устроенными, и с того время существующими, по обширности торговли важной доход владельцам приносящие и по оценке стоящие 2 194 000 рублей.

Комиссиею полагается: По плану под № 2-м. Часть здания присутственных мест, от разрушения уцелевшую, также два выступа и отделение рядов с фряжскими погребами — вновь исправленные и занятые торговлею оставить, а лавки между Никольских и Спасских ворот, к стене Кремля бывшие и почти до основания разрушенные, согласно высочайшим замечаниям ЕИВ, сломать и ров засыпать, владельцам же сих лавок дозволить выстроить новую линию на противоположной стороне между выступов по вновь прожектированной фасаде под литерою А, чем откроется вид Кремля и площадь при довольном ее распространении образуется величественным зданием, а владельцы, при малом пособии заимообразною ссудою материалов, вознаградятся за убытки без значительной от казны издержки, простирающейся с засыпкою рва и планировкою до 200 000 рублей.

По прожекту Гесте: 2-я). *Вновь предполагаемая от Спасских ворот до Москвы-реки.* К открытию сей площади назначены к уничтожению 24 владения с значительными, важной доход приносящими зда-

ниями, и все лавки яблочного и живорыбного рядов. За сии здания с землями по примерной оценке полагается 2 642 800 рублей.

Комиссией полагается: Согласно высочайшим замечаниям к открытию здания церкви Василия Блаженного, окружающие оное по возвышению лавки и другие строения от Спасских ворот до Варварской улицы сломать, а торговые лавки с погребами по улице Москворецкой, ниже горизонта той церкви, остающиеся по отломке части, за полуциркульную по плану линию выходящей, обстроить в виде контрофорса к поддержанию основания церковного здания нужного, по приличной сему зданию фасаде, без всякого внутрь горы углубления и не закрывая возвышением их горизонта церкви; прочие ж здания от Варварской улицы к Москве-реке, как по низости местоположения вида сего не закрывающие, оставить, а вновь дозволять строить одноэтажные только строения, ров подле стены Кремлевской засыпать для устроения бульвара вокруг оной и проезда от Спасских ворот к набережной с площадкою, называемою *МОЛОЧНОЮ*. На противоположной же стороне церкви Василия Блаженного часть лавок, выдавшихся к Лобному месту в улицу и при безобразии проезд стесняющих, сломать по прожектированной линии. На назначаемые в сломку строения и планировку мест полагается 1 145 000 рублей *.

По прожекту Гесте: Сверх сего позади двух отделений торговых рядов к распространению проездов назначены в сломку семь и к расширению против Лобного места три — итого десять парталов лавок, важной доход владельцам приносящих, оцененные в 3 245 000 рублей.

Комиссией полагается: По неимению надобности в столь обширном распространении проездов, против Гостиного двора лавки, по прямой линии расположенные, оставить в нынешнем виде, а между Ильинской и Никольской улиц, при построении вновь с самого основания зданий несколько регулировать прямыми линиями, без излишнего убытка владельцам и без всякой от казны издержки, а к распространению проезда против Лобного места лавки по прожектированной линии сломать. За сии лавки с планировкою места полагается 781 500 рублей.

По прожекту Гесте: Торговые лабазы от Москворецких ворот до Воспитательного дома подле стены Китая Города, к открытию оной и распространению набережной, назначены в сломку, оные по оценке стоят 73 000 рублей.

Комиссией полагается: Сии лабазы, единственно для ссыпки доставляемого водою хлеба устроенные, которой выгружается в оные рабочими прямо с судов, к берегу причаливаемых, признается нужным оставить, приведя их наружностью в вид, соответствующий древности стены и укрепления величественной цитадели, через переведение же сих лабаз на отдаленное от реки место издержка за перевозку хлеба, из судов выгружаемого, сделает чувствительное возвышение цен за оной.

* Как видим, Красную площадь Комиссия строений изменяла иначе, чем проектировал Гесте. Лавки у рва сносились и ров засыпался, как проектировал и Гесте. Но между ризалитами Верхних торговых рядов прибавлялся, лицом на площадь, еще один ряд, который скрадывал излишнюю после засыпки рва ширину площади. Присутственные места на месте нынешнего Исторического музея не сносились, как у Гесте, а оставались. Площадь у собора Василия Блаженного комиссия предполагала открыть только с севера от него, оставляя к югу от него застроенные кварталы, так как эта застройка связывала собор Василия Блаженного с подолом от него к Москве-реке. Лавки к востоку от него же на Москворецкой улице комиссия предлагала сломать, расширив эту улицу.

По прожекту Гесте: Строения, в сломку по сему прожекту назначенные, с положением за планировку и вымощение мест 236 850 рублей, по примерному исчислению составляют 8 391 650 рублей.

Комиссиею полагается: Все по сему плану строения вокруг церкви Василия Блаженного и на противоположной стороне, с планировкою по примерной оценке, стоят 2 126 500 рублей.

По прожекту Гесте: 3-я) Ильинская. Сия площадь оставлена в нынешнем положении.

Комиссиею полагается: Оставя сию площадь в настоящем виде, регулировать малою отрезкою от домов синодальных певчих.

По прожекту Гесте: В Белом городе. По плану № 3-й, 4-я) Неглинная и 5-я) Моисеевская. К открытию первой и соединению с сею последнею, назначены в сломку все существующие каменные двухэтажные лавки и жилые здания, в твердом виде почти все отделанные и значительный доход владельцам приносящие, существующая издревле смежная с сими Моховая площадь расположена под застройку. Строения, в сломку назначенные, с планировкою по примерному исчислению стоят 1 387 600 рублей.

Комиссиею полагается: По плану № 4-й. Все здания, к открытию вновь Неглинной площади без всякой в ней надобности, к сломке назначенные и великих сумм стоящие, — оставить в нынешнем их положении, с некоторою при новой постройке отрезкою для регулирования улиц.

Вместо оной, площадь Моховую, издревле существующую и устроенную планированием и вымощением, оставя, распространить сломкою двух каменных обгорелых корпусов, без отделки остающихся, и выпланировать до кремлевской стены.

При каковой планировке открытой бассейн Неглинной, ниже горизонта сей площади находящийся и по недостаточному течению воды от накопляющегося ила производящий в воздухе тягостное испарение, перекрыв арками, засыпать, через что при небольшой издержке площадь сия распространится до стены Кремлевской и соединится с следующими вокруг стен площадями, а к регулированию разрыва от Троицких к Боровицким воротам два двора с частью от третьего и существующими двумя незначительными каменными корпусами уничтожить.

За строения и планировку сей площади и разрыва от стены полагается 192 200 рублей *.

* Площадь от Большой Дмитровки до Неглинной, запроектированную Гесте, предлагалось оставить, а за р. Неглинной «планировать возвышение, где находился Пушечный двор, а открытый канал с бассейнами внизу этого возвышения, перекрыв арками засыпать». Благодаря этому получилась бы непрерывная площадь от Большой Дмитровки до Варварских ворот Китай-города. Это предложение, принятое Ростопчиным и царем, скоро было приведено в действие, но не до конца. Вопреки проекту Гесте, комиссия не согласилась уничтожить Моховую пл. (на месте современного Манежа) и расширить Моховую ул. до 15—20 сажен; было признано достаточным расширить ее до 10 сажен. (Впоследствии, в 1817—1825 гг., при постройке на площади Манежа, Моховая ул. здесь все же была расширена.) Бастионы Петра I и ров перед ними решено было ликвидировать, вследствие чего Моховая пл., как полагала комиссия, распространится до Кремля.

Под Неглинной пл. здесь разумеется современная пл. 50-летия Октября, на месте которой тогда были Обжорный и Лоскутные пер., застроенные преимущественно двухэтажными домами, с лавками в первом этаже. Вообще же Неглинной пл. в то время называли пространство по течению р. Неглинной от современной Пушечной ул. до Боровицких ворот. После заключения р. Неглинной под землю здесь проектировалась площадь на месте южной половины современной пл. Свердлова и пл. Революции, а также квартала между нею и просп. Маркса, далее проектировалась пло-

По прожекту Гесте: От Моховой площади к расширению улицы и разрыва между квартала и стены назначена отрезка разных владений, и четыре каменные дома, из коих один в 4 и 3 этажа с лавками и подвалами прочной, полагаются в сломку. Сии строения и земли с планировкой по оценке стоят 362 850 рублей.

Комиссиею полагается: По неимению надобности в столь обширном распространении сей улицы оставить оную в десятисаженной пропорции, по высочайшему учреждению о Каменном приказе назначенной. Площадь Моисеевскую оставить в нынешнем расположении без всякой застройки *.

По прожекту Гесте: 6-я) Охотный ряд. К каменным лавкам, в прямой линии расположенным, назначена от площади некоторая прирезка, а лавки и другие здания на противоположной стороне Китайской стены в квартале, на площадь выходящем, вновь выстроенные и после пожара исправленные, по прочности здания и доходу с них получаемого значительной суммы стоящие, назначены в сломку. За сии строения по примерной оценке положено в 250 000 рублей.

Комиссиею полагается: Все строения, в правильной линии расположенные, оставить, и жилые здания, против стены Китая имеющиеся, соединить одинакою фасадою, с расположением по нижнему этажу лавок **.

По прожекту Гесте: 7-я). Площадь от Благородного собрания и вокруг Петровского театра, к открытию которой назначены в сломку все дворы, между сих зданий и против театра до проезда к Каналу имеющиеся, и часть от дворов по Спасскому переулку, с оставлением небольшого квартала дворов церковнослужительских подле Кузнецкого моста. Строения и земли, под сию площадь подходящие, с планировкою по примерному исчислению стоят 331 790 рублей.

Комиссиею полагается: Сию площадь, как первейшую по ее при публичных домах Императорского театра и Благородного собрания устроению и пространству, наименовав Дворянскою, соединить со всеми площадьми, по окружности стен Китая-города расположенными, и для того все строения и дворы, по силе высочайших замечание ЕИВ, между собрания и театра и от Кузнецкого моста к Охотному ряду по левой стороне имеющиеся (кроме церквей, на площади сей остающихся), уничтожа, обратить в площадь, и сверх того два двора, закрывающие от сей площади вид Китая, и предполагаемых вновь против стен оного лавок до прожектированной через двор Сенатской типографии улицы купить на сломку и места обратить в площадь, для соединения оной с пространством, стены Китая окружающим, по переулку же

щадь на месте Александровских садов и квартала между Троицкими и Боровицкими воротами. На востоке эта площадь соединялась бы с территорией снесенного в 1803 г. Пушечного двора, рвов и бастионов Петра I и шла бы между стенами Китай-города и Лубянским пр. до Варварской пл. Целью создания этой площади было окружить Кремль и Китай-город красивыми зданиями — Пашкова дома, университета, Благородного собрания, театров, церквей, а также устроить у самых крепостных стен аллеи бульваров.

Но, к сожалению, дело ограничилось тем, что срыли валы, засыпали рвы, заключили под землю р. Неглинную и устроили фонтаны-водоразборы на четырех площадях. Площади же, как они были задуманы, открыты не были.

* Моисеевская пл. лежала в северо-восточном углу современной пл. 50-летия Октября.

** Охотный ряд тогда занимал и часть современной пл. Свердлова — от Неглинной, к западу. Здесь, лицом к Китай-городу, стояло длинное двухэтажное каменное здание, в первом этаже которого были лавки, а во втором — квартиры торговцев. Комиссия оставляла это здание нетронутым, объединяя лишь этажи общим фасадом.

Спасскому угольный дом на Петровскую улицу приобресть покупкою для помещения дворов причту церквей, на площади остающихся, взамен отходящих под площадь, а прочие дворы по оному оставить без отрезки.

К соединению сей площади с окружностию Китайских стен возвышение, где находился старой Пушечный двор, планировать и открытый канал с бассейнами, внизу сего возвышения пролегающий, по недостаточному в нем течению воды от накопляющейся нечистоты, производящий неприятность в воздухе, перекрыв арками, засыпать, и тем соединя площади, сделать свободной проезд вокруг стен Китая, бульваров и лавок, противу оных расположенных.

За строения и земли, под сию площадь отходящие, с планированием оной полагается 467 150 рублей *.

По прожекту Гесте: От Никольских ворот к бассейну для регулирования против окружности стены назначена пунктирами прирезка к обывательским и другим владениям от существующей ныне площади, чем она и обращается в равной по окружности стены разрыв с невозможностию по возвышенности места и планировке к соединению с площадью при Петровском театре.

Комиссиею полагается: На сей площади, кроме народных увеселений и гулянья, бывает в осеннее время единственный во всем городе из отдаленных губерний привоз и торговля в балаганах фруктами, а по торговым дням большой съезд с дровами, почему и признается нужным сию площадь увеличить и по местоположению наименовать Никольскою, к распространению и регулированию оной назначить в сломку три каменные корпуса, из коих два ветхие и деревянные, в противность закона, воспрещающего в Белом городе таковую постройку, сделанные, питейный дом и три обывательские флигеля, в крайней ветхости состоящие, и отрезать часть владельческих порозжих земель**.

По прожекту Гесте: 8-я). Близ Варварских ворот, под которую назначено обширное пространство земли, Воспитательному дому принадлежащей, с двумя обывательскими дворами, каменными и деревянными строениями, Воспитательному дому и церкви принадлежащими, за которые, а также два двора и две земли владельческие на разрыве, с планировкою той площади и всего разрыва до Никольской площади, по примерному исчислению выходит суммы 961 085 рублей.

Комиссиею полагается: По неимению надобности в столь обширной площади и по великой издержке суммы, на засыпку низменных мест и вымощение потребной, сообразно местоположению и удобности для приезжающих с продуктами и припасами к распространяющемуся рынку, для жителей сего края весьма нужному, регулировать оную в симметриальной вид Никольской площади, а потому, наименовав сию площадь Варварскою, к распространению и регулированию ее назначить в сломку каменные корпуса — четыре двухэтажные обывательские и одноэтажные — один церковный, три на земле Воспитательного дома

---

* Петровская (Театральная, ныне Свердлова) пл. проектировалась между домом Благородного собрания и Неглинной ул. от Спасского (Копьевского) пер. до северной части современного просп. Маркса. Неглинная заключалась в подземную трубу. Ее высокий левый берег, на котором видны были еще остатки стен здания Пушечного двора, предполагалось выровнять и сделать пологим от современной Неглинной ул. до современной пл. Дзержинского. Для открытия вида на Китай-город предполагалось часть домов по левому берегу Неглинной сломать (приблизительно к востоку от старого фонтана на пл. Свердлова).

** Так запланирована архитектором Гесте и комиссией современная пл. Дзержинского.

с надстроенным над одним деревянным этажом, да деревянный корпус и отрезать порозжие владельческие земли, с малою частью, Воспитательному дому принадлежащей, через что сия площадь при меньшей издержке будет иметь лучший вид к украшению города и удобности как для приезжающих с продуктами, так покупателей и торговцев на сем рынке; с сей площади в Воспитательный дом предполагается устроить улицу, и к открытию оной сломать два каменные корпуса, тому дому принадлежащие, и два обывательские с отрезкою части земли *.

По прожекту Гесте: Вокруг стен Кремля и Китая, начиная от Водовзводной кремлевской башни у набережной Москвы-реки к Каменному мосту до угловой башни Китайской стены против Воспитательного дома, по разрытии земляных укреплений назначено пространство с обсадкою деревьев подле стен.

Комиссиею полагается: На сей дистанции, сообразно с прожектом, сделать обсадку и бульвар подле стен, по удобности местоположения и по силе высочайших замечаний ЕИВ назначается по прожектированным фасадам выстроить торговые лавки — от Воскресенских ворот до Никольской площади один квартал с отступом от стены на обсадку, за невозможностью отдалить оного на середину по случаю имеющегося канала и бассейна Неглинной, по фасаде под литерою В, а между Никольских и Варварских ворот на противоположной стороне два квартала с двумя в каждом разрывами по фасаде под литерою С. От Варварских же до реки обсадка деревьев и проезд, к расширению коего неминуемо должно отрезать часть каменного одноэтажного строения и порозжей земли Воспитательного дома.

За строения и землю, под Никольскую и Варварскую площади подходящие, с планированием оных и всего разрыва до реки 866 435 рублей**.

По прожекту Гесте: Строения, по сему прожекту в сломку и земли, под площади и проезды назначенные, с планированием оных по примерному исчислению составляют 3 293 325 рублей.

Комиссиею полагается: Вообще по сему плану строения и земли, под площади, разрывы и проезд назначенные, с планированием оных по примерному исчислению стоят 1 525 785 рублей.

По прожекту Гесте: 9-я). Против дому Главнокомандующего назначена в нынешнем виде.

Комиссиею полагается: По достаточному пространству и правильности фигуры оставить в настоящем положении.

По прожекту Гесте: 10-я). У Арбатских ворот оставлена в настоящем положении.

Комиссиею полагается: По плану под № 5-й. По уважению великого съезда поселян для продажи городским жителям разных потреб-

---

* Варварскую (Ногина) пл. комиссия сочла нужным уменьшить и сделать ее симметричной с Никольской (Дзержинского) пл.

** Гесте предполагал освобожденное от земляных бастионов пространство по западной стороне Кремля, северной и восточной сторонам Китай-города засадить бульварами, что было бы хорошо ввиду недостатка бульваров в центре города. Комиссия же, исходя из практических интересов, после срытия земляных бастионов возле стены Китай-города от Воскресенских ворот (Исторического пр.) до Никольской пл. решила занять это пространство лавками в одном квартале, обсадить деревьями лишь небольшие аллеи между лавками и стеной Китай-города. И только современный Китайский пр. от пл. Ногина до набережной она решила полностью засадить деревьями, расширив проезд за счет лавок и стоявших на нем старых зданий Воспитательного дома. Это хуже проекта Гесте, но в два с лишним раза дешевле.

ностей и по местоположению, от прочих площадей отдаленному, к распространению сей площади и к открытию великолепных зданий, ее окружающих, признается нужным, по сломке фундамента из-под сгоревшего деревянного театра, три двора с двумя каменными и одноэтажным корпусами, и четыре порозжих земли купить, на покупку оных и планирование сей площади по примерному исчислению полагается 99 625 рублей *.

По прожекту Гесте: В Земляном городе. 11-я). Между Пречистенской и Арбатской улиц вновь назначенная площадь, пересекающая Большую Арбатскую улицу, на 25 владениях обывательских расположенная, за покупку коих и планирование с вымощением сей площади по исчислению выходят суммы 462 960 руб.

Комиссиею полагается: План № 6-й. Сия обширная площадь, расположенная не в дальнем расстоянии от двух издревле существующих — Смоленского и у Арбатских ворот рынков, торговыми лавками и домами обстроенных, не может быть занята каковою либо торговлею или съездом поселян, приобыкших останавливаться при рынках, где по продаже своих продуктов закупают нужное для своей потребности; если же устроить ее в намерении восстановления на оной рынка, то нельзя ожидать, чтобы решился кто на постройку в таком месте лавок употребить важный капитал, следовательно площадь сия должна оставаться многие годы не занятою, а потому и признается совершенно не нужною**.

По прожекту Гесте: 12-я). Вокруг Зачатейского монастыря вновь назначенная площадь. К открытию сей площади несколько дворов владельческих должно уничтожить, а у многих отрезать земли и строения сломать, за покупку и планировку сей площади выходит по исчислению 283 875 рублей.

Комиссиею полагается: План № 7. Местоположение сие, в конце населенных кварталов состоящее, а притом гористое и к открытию на нем каковой-либо торговли совершенно неудобное, да и монастырь малозначителен, почему сия площадь признается совершенно не нужною, а к устроению вокруг монастыря проездов регулировать оной и проложить переулки, сделав замену обывателям за отведение земли при малом от казны пособии.

По прожекту Гесте: 13-я). Площадь Тверская оставлена в прежнем состоянии.

Комиссиею полагается: Сия площадь, окруженная огромными каменными зданиями, остается в настоящем виде***.

По прожекту Гесте: 14-я). Близ Тверской вновь назначенная площадь подле Страстного монастыря и бульвара, а через оную пунктирами улица к соединению Большой и Малой Дмитровки на обывательских и монастырской землях, стоящих по оценке с строением и планировкою 155 439 рублей.

Комиссиею полагается: По плану под № 8. По недостаточному пространству Тверской площади для помещения приезжающих поселян с дровами, сеном и другими потребностями, сия площадь и проло-

---

* Арбатскую площадь, ввиду приезда на нее в базарные дни возов с деревенскими продуктами, комиссия решила удлинить до Антипьевского пер. (ул. Шапошникова).

** Высказанные комиссией соображения о ненужности этой площади весьма вески, и нельзя было не принять их во внимание.

*** Тверская пл. — это площадь у Тверских ворот (Страстная, часть современной Пушкинской пл.).

жение вновь улицы к соединению Большой и Малой Дмитровки весьма нужны*; против прожекта Гесте назначается квартал для священно-служителей монастырских, по неимению другого для них места, и площадь, наименовав Дмитровскою, распространить по другую сторону улицы к открытию дворов владельческих; существующий переулок уничтожить, а проложить проезд подле бульвара. На удовлетворение за владельческие строения и земли, под площадь и улицу подходящих, с планированием оных же полагается 147 024 рубля.

По прожекту Гесте: 15-я). Близ Красных ворот, у церкви Трех Святителей расположенная квадратною фигурою; с прибавлением монастырского погоста в улицу, под сию площадь назначены обывательские владения, покупка коих и планирование по примерному исчислению будет стоить 126 560 рублей.

16-я). Соединяющаяся с сею площадь Сенная, в Земляном городе состоящая, увеличена (очевидно описка, надо — уменьшена. — *П. С.*) и тем почти уничтожена.

Комиссиею полагается: По плану № 9. Квадратное расположение сей площади (у церкви Трех Святителей. — *П. С.*) пересекает въезд с Большой Мясницкой улицы в Триумфальные, древней архитектуры, каменные ворота, Красными именуемые, и закрывает вид оных; два двора отрезывающиеся останутся неудобными к застройке; а главнейшая невозможность к расположению сего фигурою оной есть возвышенность места, но его планировать с прилегающим внизу разрывом Земляного города с улицею нет возможности, а потому и назначена сия площадь треугольником, и соединяющаяся с нею Сенная, по великому съезду поселян с дровами и сеном, признается нужною оставить и регулировать отрезкою части земли владельческой. За строения и земли, под обе сии площади подходящие, и планировку оных полагается 154 535 рублей**.

По прожекту Гесте: 17-я). Казицкая при церкви Ермолая, вновь назначенная на владельческих дворах и землях, к открытию оной 21 двор, от пожара уцелевшие, должно уничтожить. На вознаграждение владельцев, засыпку низменных и болотистых мест и планировку площади по примерному исчислению полагается 300 440 рублей.

Комиссиею полагается: План № 10-й. Сия площадь, выходящая на обширный разрыв Земляного вала, отдаленная от рынков, никакою торговлею или съездом занята быть не может и при важной издержке за владельческие строения и земли, также на засыпку низменных и болотистых мест, останется пустою, а потому и признается совершенно не нужною.

По прожекту Гесте: 18-я). Близ Кудрина при церкви Георгия вновь назначенная обширная площадь на владельческих дворах и землях, прилегающая к разрыву Земляного города и вблизи Кудринского рын-

---

* Согласно проекту Гесте, к востоку от Страстного монастыря прокладывалась новая улица, соединяющая конец Большой Дмитровки с серединой Малой Дмитровки близ начала Успенского пер. При этом квартал домов за Белым городом с переулком, идущим вдоль него. уничтожались, на их месте планировалась площадь, а у северной стороны аллеи бульвара прокладывался новый проезд. К сожалению, улица между Большой и Малой Дмитровками была впоследствии проложена на небольшом участке (современный Нарышкинский пр.), между тем как прямое соединение Пушкинской ул. с ул. Чехова теперь требуется еще в большей степени, чем 150 лет назад, когда она проектировалась.

** Площадь у Красных ворот, которую Гесте намечал сделать четырехугольною, комиссия запроектировала треугольною, с оставлением возле нее Сенной пл. (ныне занятой Лермонтовским сквером), которую Гесте предполагал уменьшить.

ка, с проложением Малой Никитской улицы через сад Вдовьего дома и каменные строения инструментального завода, каковою разрезкою обширный сад Вдовьего дома отделяется от оного предполагаемою улицею, и все здание останется между двух улиц. Вознаграждение владельцев за дворы и земли, под площадь подходящие, и планирование оной по примерному исчислению составляет 310 810 рублей.

Комиссиею полагается: По плану № 11. Открытие сей площади в таком месте, где никаких съездов и привозов не бывает, кроме поселян, для закупки нужных потребностей и продажи продуктов на Кудринском рынке останавливающихся, совсем не нужно; потому что по близости Смоленского рынка значительной торговли на оной быть не может, проложением же улицы через сад Вдовьего дома сие важное заведение останется с самым малым пространством земли, под передним двором имеющейся, и между двух улиц, а притом по возвышению места сего против горизонта соединения улица сия должна будет на значительном расстоянии углубляться, и важное здание сего дома подвергнуться может разрушению, почему и назначается к распространению на самом рынке Кудринской площади и расширению улицы одноэтажный корпус, к сему дому принадлежащий, сломать, а вместо оного построить вновь по линии и часть двора отрезать, строения же обывателей, на разрыве Земляного вала имеющиеся, по силе высочайших замечаний ЕИВ, сломать и сии разрывы, где во время святой Пасхи бывает главный съезд экипажей и народное гулянье, оставить открытыми без всякой застройки оных и площади. Суммы на постройку корпуса и ограды Вдовьего дома и на выдачу обывателям за строения, в сломку назначенные, и земли, с планированием сей площади полагается 233 350 рублей *.

По прожекту Гесте: 19-я). Болотная оставлена в настоящем положении.

Комиссиею полагается: По пространству сей площади остается без всякой перемены.

По прожекту Гесте: Площадь на Полянском рынке в прожекте не назначена.

Комиссиею полагается: По плану № 12-й. Сей рынок, для продовольствия замоскворецкого края необходимо нужный, из древности существующий, оставить, а площадь, при нем бывшую и впоследствии времени строениями стесненную, как оные почти все ныне разрушены, открыть, для распространения ж сего рынка учредить торговый двор и прочие лавки по предположению на плане. На удовлетворение владельцев за уничтожаемые строения и планировку сей площади полагается 155 480 рублей **.

По прожекту Гесте: 20-я). Серпуховская площадь вместо существующей на разрыве Земляного вала назначена вновь обширнейшая на владельческих дворовых 30 землях, за которые и за строения, на них имеющиеся, с выпланированием по примерному исчислению выходит 550 710 рублей.

---

* Суждения комиссии о ненужности Георгиевской пл. (у Вспольного пер.) верны, но о прокладке улицы, намеченной Гесте, для соединения конца Малой Никитской ул., восточнее Вдовьего дома с началом Большой Пресненской ул. (ныне Красной Пресни) комиссия судила неправильно. Это была бы почти прямая магистраль от Пресненской заставы до центра. Такая магистраль нужна и теперь.

** Как и Гесте, комиссия оставляла Болотную пл. (ныне занятую сквером) без изменений и открывала древнюю Полянскую пл., позже застроенную, для возобновления здесь пищевого Полянского рынка, ввиду отдаленности других таких рынков от этих мест.

Комиссиею полагается: П л а н № 13-й. Столь обширной в сем месте, при весьма незначительном рынке, площади совсем не нужно, тем более, что вблизости ее есть Калужская и Конная площади, существующая же Серпуховская, частию обстроенная по прожекту каменными зданиями, и для съезжающихся на оную в торговые дни поселян без увеличения с излишеством достаточна, почему и полагается оставить оную в настоящем виде.

По прожекту Гесте: 21-я). Калужская. Оставлена по прожекту без всякой перемены.

Комиссиею полагается: По довольному пространству и удобности сей площади оставить в нынешнем ее положении.

По прожекту Гесте: 22-я). Против дома Московского Комиссариатского депо вновь назначенная на казенных, тому Комиссариату принадлежащих, и обывательских землях. За последние с четырьмя каменными корпусами и планирование по исчислению полагается 83 110 рублей.

Комиссиею полагается: На сей площади, по отдаленности места от населенных кварталов, никаких съездов или торговли быть не может, а если назначена для открытия здания Комиссариатского, то главный его фасад выходит на берег Москвы-реки, а к площади выходят флигеля, почему оная и признается не нужною.

По прожекту Гесте: В п р е д м е с т и и г о р о д а. 23-я). Таганская, расположенная в большом пространстве, с назначением в сломку каменных значительных строений и лавок, стоящих по примерному исчислению с планированием места 816 805 рублей.

Комиссиею полагается: П о п л а н у № 14-й. Назначенная по прожекту обширность сей площади не соответствует торговле и съездам на оной, тем более, что прилегающий к ней разрыв Земляного вала от строений, по высочайшим замечаниям, долженствующий быть очищенным, весьма достаточен для съездов поселян, а потому к открытию сей площади сломать имеющиеся только на ней и на разрывах строения, по оценке с землею и планировкою стоящие 325 045 рублей.

По прожекту Гесте: 24-я). При Слободском дворце назначена полуциркульная площадь на земле новолютеранской кирки и двух обывательских, за которые с строениями и планировкою по примерному исчислению полагается 129 340 рублей.

Комиссиею полагается: П о п л а н у № 15-й. К открытию сей площади лютеранская кирка с строениями и двором должны уничтожаться, и расположена оная не против дворцовых апартаментов, а перед старым зданием Желтого дворца, почему и назначается существующую площадь распространить отрезкою казенных, одной обывательской и частию церковных земель, стоящих по оценке с планированием 9000 рублей *.

По прожекту Гесте: При Немецком рынке существующая площадка оставлена без прожекта.

Комиссиею полагается: П о п л а н у п о д № 16-м. По значительности сего рынка и довольному съезду на оный, к открытию площадки деревянное строение сломать и часть владельческих земель обратить в площадь по прожекту на сем плане; за сии строения и землю с выпланированием полагается 15 990 рублей.

* Площадь эта была нужна только для упражнений войск, встречавших и провожавших особ, пребывавших во дворце, другой надобности в ней не было, поэтому она и была закрыта, когда дворец получил другое назначение.

По прожекту Гесте: Вокруг церквей: 25-я). Никиты Мученика, 26-я). Мартина-Исповедника. Сии площади назначены к открытию церквей: подходящие под оные строения и земли владельческие с планировкою по примерному исчислению стоят: 1-я — 149 100 руб., 2-я — 69 150 руб.

Комиссиею полагается. План № 17; План № 19*. Обе сии церкви при величественной архитектуре окружаются обширными улицами и имеют довольные погосты, то устроение назначенных по прожекту площадей нужным не признается, потому более, что открытие вида сих храмов зависит от проложения к ним больших улиц, чего без сломки великого числа домов сделать нельзя.

По прожекту Гесте: 27-я). Вокруг церкви Здвижения (на Плющихе. — *П. С.*) вновь назначенная на владельческих 24 землях, стоящая по примерному исчислению с строениями и планировкой 136 125 рублей.

Комиссиею полагается: План № 19-й. Сия площадь никакою торговлею занята быть не может, потому что вблизи ее находится издревле существующий Смоленский рынок, с прилегающими обширными разрывами Земляного вала, и признается совершенно не нужною.

По прожекту Гесте: 28-я). В Дорогомиловской ямской слободе вновь назначаемая, к открытию которой должно сломать уцелевшие от пожара 22 двора обывателей бедного состояния, стоящих по примерному исчислению с выпланированием 121 545 рублей.

Комиссиею полагается: План № 20-й. Дорогомиловская слобода, населенная ямщиками и большею частью беднейшего состояния обывателями, отделяется от города Москвою-рекою, которою во время разлития весною воды потопляет оную, и сообщение прекращается до постройки моста; жители тамошние довольствуются потребностями с Смоленского в недальнем расстоянии рынка, и как в той слободе, изобилующей обширными порозжими местами, кроме нескольких мелочных лавочек, никакой торговли или съезда поселян по сие время не заведено, да и быть никогда не может, то предполагаемая площадь при значительной издержке останется навсегда пустою, а потому и признается совершенно не нужною.

По прожекту Гесте: 29-я). Против Екатерининской больницы вновь предположенная, под которую подходят обывательские владения со строениями, стоящие по примерному исчислению с планировкою 91 205 рублей.

Комиссиею полагается: В сем месте, прилегающем к полям, никакой торговли и съездов быть не может, а потому и площадь нужною не признается.

По прожекту Гесте: 30-я). Конная, 31-я). У Донского монастыря, 32-я). В Грузинах около церкви Георгия. Сии площади по прожекту переменены против нынешнего в фигуре с некоторым распространением.

Комиссиею полагается: Сии три и при Новоспасском монастыре площади, довольное пространство имеющие, оставить в настоящем положении с некоторым регулированием при общем прожекте.

По прожекту Гесте: Четырнадцать площадей при заставах, под которые подходят владельческие земли и строения, стоящие по примерному исчислению с планированием их 4 021 772 рубля.

Комиссиею полагается: На сих площадях при отдаленности от населенных кварталов никакой торговли и строений быть не может, и

* Ошибочно указан план № 19, надо — план № 18. (*П. С.*).

останавливаются у застав поселяне при выезде из Москвы по продаже своих произведений на краткое время, для чего достаточно пространства, при каждой заставе имеющегося, а потому все сии площади признаются не нужными.

По прожекту Гесте: При некоторых церквах распространены погосты и назначены к уничтожению причетнические и обывательские дворы.

Комиссиею полагается: По принятым комиссиею правилам, все церковные погосты регулируются и распространяются, сколько положение мест и возможность к тому дозволить может.

По прожекту Гесте: Вообще по прожекту Гесте за строения и земли, под площади назначенные, с планированием оных, по примерному исчислению выходят суммы 19 493 921 рубль.

Комиссиею полагается: По предположению комиссии, за строения и земли, с планированием площадей, проездов и разрывов полагается 4 792 334 рубля *.

О РАЗРЫВАХ ПО БЕЛОМУ И ЗЕМЛЯНОМУ ГОРОДУ

По прожекту Гесте: Пространство сих разрывов назначено в прожекте разной ширины с уничтожением многих строений и земель владельческих.

Комиссиею полагается: Натуральное пользование сих разрывов, где были стена, Белый город окружавшая, и Земляной вал, в некоторых местах довольно обширны, а в других стеснены обывательскими владениями или же и совсем были застроены. Основываясь на высочайшем соизволении ЕИВ, в замечаниях Г-на министра полиции в прошлых 1811 и 1813 годах изображенном, об очистке от всяких строений мест, где были каменная стена, Белый город окружавшая, и Земляной вал, по неимению основательного и сомнению неподверженного сведения о настоящей черте оных и пространстве поперечника, под ними бывшего, соображаясь при том с натуральным положением сих разрывов и существующих по оным значительных зданий, полагается:

1-е. Встроенные на основании высочайшего ЕИВ повеления, в 1798 г. бывшим в Москве Обер-полицмейстером Кавериным в рапорте объявленного, по Белому городу под названием гостиниц, каменные здания у ворот Пречистенских и Петровских по одну сторону, у Никитских, Сретенских и Покровских по обе стороны, а у Мясницких по одной стороне, задняя только часть по бульвару, оставя на нынешних местах, привесть наружностию против апробованных фасад, а во внутреннем их устроении, согласно предназначению, с достаточным числом номеров комнат для приезжающих, нужными принадлежностями и кухмистерскими столами, не дозволяя ни под каким предлогом быть в оных гербергам, питейным домам, съестным трактирам, харчевням и постоялым дворам, кроме ренсковых погребов, кондитерских, овощных, экипажных, с конскою сбруею и фуражных лавок, располагая сии три последние в боковых фасадах.

---

* Таким образом, общая сумма всех расходов на отчуждение строений и земель, а также на планирование площадей, проездов и разрывов по проекту комиссии уменьшалась по сравнению с проектом Гесте в 4 раза.

2-е. За излишнюю, сверх апробованного для сих гостиниц плана, занятую некоторыми землю, если оная для бульваров или чего другого к очистке при регулировании нужною не сочтется, положить единовременный платеж в пользу города по оценке, сообразной местному положению и выгодам владельца, с утверждения Главнокомандующего в столице.

3-е. У Мясницких ворот гостиницу докончить на том же основании, а каменные дома у оных, г-на Соколова, значительной и от пожара уцелевший, и у Яузских купца Заборова, обгоревший, двухэтажный, старинной архитектуры, но прочный, обратить в такие ж гостиницы, поставя на прежних местах, привесть наружностию в возможную сходственность против апробованных фасад, более ж никаких строений у ворот и на разрыве Белого города не дозволять.

4-е. Существующие каменные значительные здания на разрывах Земляного вала по обе стороны больших улиц Смоленской, Тверской и Новослободской, из застав въезды имеющих, обратить в такие же гостиницы, для временного квартирования приезжающим чрезвычайно нужные, и дать приличные им фасады, дозволяя завесть таковые ж на площадях Таганской, Калужской и Серпуховской, буде кто из владельцев пожелает, в назначенных по прожекту сим площадям границах и фигуре оных.

5-е. Прочие ж каменные значительные здания на сих разрывах при проезде с больших улиц Пречистенской, Петровки и Старой Басманной оставить для лавок и жительства во вторых этажах с приличною в тех лавках торговлею, не допуская отнюдь к заведению питейных домов или постоялых дворов, харчевен и тому подобного, что может делать безобразие от пристанища людей или от торговли товарами, наружной благовидности не имеющими, дав всем таковым зданиям приличные к украшению фасады, и более на сих разрывах строения нигде не дозволять, а существующие на некоторых по Белому и Земляному городу разрывах питейные дома и прилегающие к сим разрывам общенародные бани, сии открытые места обезображивающие, уничтожа, в течение одного года сломать.

6-е. По устроении таким образом на разрывах Белого и Земляного города гостиниц, дабы владельцы за издержки, на обстройку их употребленные, могли быть вознаграждаемы доходом, и места, единственно для временного квартирования приезжающих устроенные, были всякому известны; существование таковых гостиниц в разных домах, ныне имеющихся, воспретить и ни под каким видом заводить оных, кроме вышеименованных на разрывах, не дозволять. Таковое ограничение, кроме частной пользы, нужно и полиции для ближайшего сведения о временно прибывших и отъезжающих, тем более, что с сей цели и начальное о устроении по Белому городу при воротах гостиниц предположение было основано; для удобности же, при произведении публикации от содержателей гостиниц или квартирующих в них, дать каждой наименование губернским или уездным городом того тракта, к которому они принадлежат, с утверждения Главнокомандующего в столице, и сих наименований ни в каком случае не переменять.

7-е. Разрывы по Белому городу, владениями обывательскими стесненные, привесть в 20-ти саженную широту и, оставя в середине бульвары или места для оных, назначить по обе стороны проезды не менее 6-ти сажень, дабы через бульвар, единственно для прогулки и пешеходства устрояемый, переезду не было, в прочих же местах таковые разрывы, большую 20 сажень широту имеющие, а также и проезды с од-

ной стороны, ныне существующие, ни мало не стесняя, прожектировать только линии границ того и другого отделения, сколько можно регулярнее — к уничтожению безобразных выступов и переломов. Одному из сих разрывов от Яузских ворот с назначением гостиницы у оных же план под № 21-м.

8-е. На сем же точно основании прожектировать разрывы и по Земляному валу, оставляя в середине вместо бульваров ничем не занятые места для разъездов и всякого рода привозов в город.

Сим разрывам прилагаются два плана: под № 22-м — Смоленскому рынку с назначением гостиниц на оном и позади их площадей для съездов; под № 23-м от Триумфальных ворот до Самотечного пруда, с назначением двух кварталов для гостиниц и для жилых покоев с лавками и вновь предположенною площадью Угольною, поблизости кузнечных и каретных лавок, для привоза леса, на экипажи потребного, и уголья, весьма нужного.

9-е. По приведении в таковую широту по Белому городу и Земляному валу стесненных разрывов и по прожектировании по обе стороны того и другого отделения проездов с оставлением в середине бульваров или мест для оных, вошедшие в отрезку строения в течение одного года сломать, и если где за назначением разрыва или проезда останется во владении обывательском поперечника менее 10 сажен, таковые владения обратить в распространение оных и никаких строений не дозволять, на имеющих же большее пространство и на всех, в разрывы и проезды не вошедших, местах дозволить строить вновь и исправлять старые строения.

О ПОЛЯХ

По прожекту Гесте: Двенадцать полей, в предместии имеющиеся, назначено по прожекту застроить: 1-е) Коломенское, 2-е) Дорогомиловское, 3-е) Тверское, 4-е) Сущевское, 5-е) Переславское, 6-е) Покровское.

Комиссиею полагается: По положению мест и соображению общественной надобности для города и жителей сии шесть полей, огородами и пашнею занимаемые, или впусте лежащие, при общем прожекте назначить частию под застройку, расположа на каждом несколько кварталов сообразно удобности местоположения.

Нижеследующие же поля признается нужным оставить с некоторым их регулированием:

7-е. Донское, или Конская скачка. По обширному и ровному местоположению для военных экзерциций при квартировании войск в частях, на сей половине города расположенных, и для могущей по времени возобновиться конской скачки, на которую был великий съезд московской публики.

8-е. Девичье. На оном в течение лета бывает несколько раз великий съезд экипажей и народное гулянье, из первых в городе почитаемое, а сверх сего производится ученье войск, в Хамовнических казармах квартирующих.

9-е. Миусское. На сем поле обширный и главный торг во все время года лесными материалами.

10-е. Сокольничье. На котором производятся генеральные маневры войск, а 1 мая бывает великий съезд экипажей и народное гулянье.

11-е. Каланчевское. Где происходит летом артиллерийское ученье, а зимою обширный торг лесными материалами.

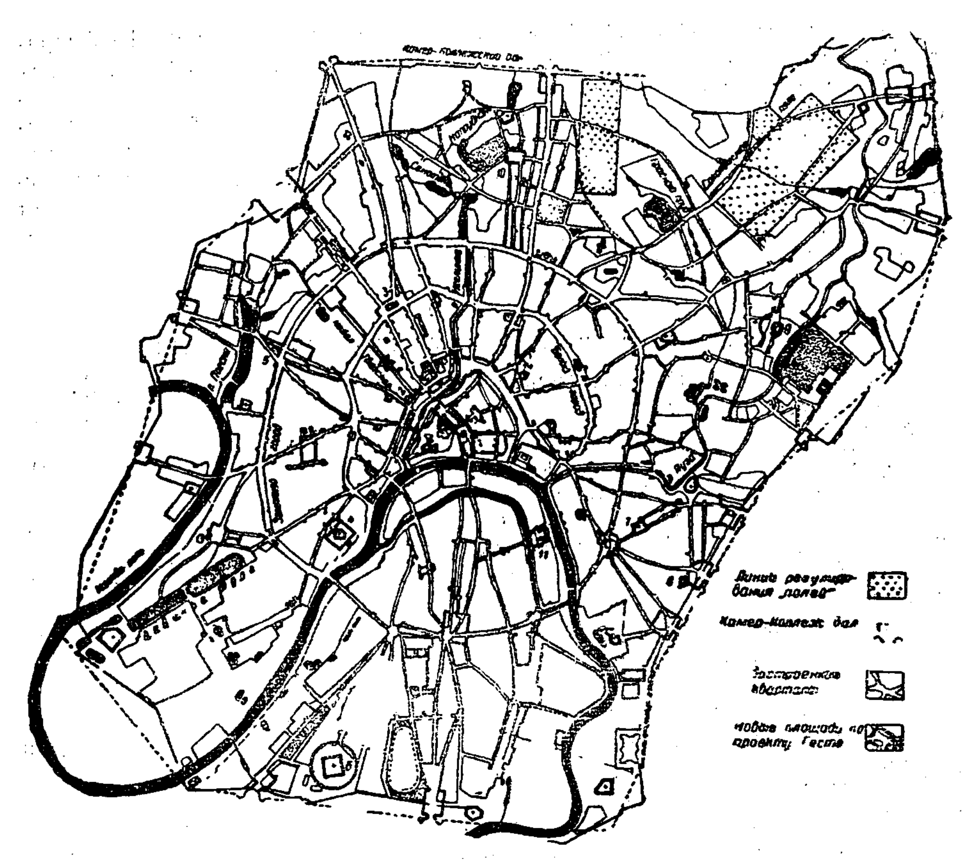

Схема проекта перепланировки Москвы арх. Гесте.

12-е. Андроньевское. По близости Екатерининских казарм занимается ученьем войск, в оных квартирующих.

О КАМЕР-КОЛЛЕЖСКОМ ВАЛЕ

По прожекту Гесте: Окружающий Москву земляной Камер-Коллежский вал по неправильности фигуры оного назначен по прожекту вновь, за исключением остающегося прежнего на дистанции 32, 12 верст с прирезкою во многих местах внутрь города полей.

Комиссиею полагается: Вал существующий в недавнем времени исправлен, расположение оного по удобности мест, вновь же на всей окружности предположенной для одной фигуры плана, кроме великих сумм на сделание его, более полутора миллиона рублей потребных, в некоторых гористых и болотистых местах не может быть устроен по черте его назначения, а потому и признается оставить нынешний вал с некоторою переменою в границах города по назначению на подносимом ЕИВ от Комитета для уравнения городских повинностей в 1811 году Генеральном Москвы плане и описанию в замечаниях Г-на Министра полиции по Высочайшему ЕИВ повелению о пределах Москвы и разграничении оной сделанному».

Таково содержание сводки выводов Комиссии для строений, публикуемой нами с частичным сохранением орфографии оригинала.

Представленный С. С. Кесарино Комиссии для строений 13 февраля 1814 г. план Москвы 1810 г., в масштабе 1 дюйм = 120 сажен, на котором начертаны существующие и запроектированные Гесте и Комиссией для строения площади [38], дает суммарный и наглядный итог решениям комиссии по проекту Гесте. В правом верхнем углу его имеются надписи, говорящие о том, что все площади разделены на четыре категории: А — признаны не нужными; В — оставляются с некоторыми в фигурах переменами; С — предполагаются вновь комиссией; D — площади и поля, остающиеся в прежнем положении с одним только регулированием.

К категории А отнесены площади:

1. У Крестовской заст. (перед нынешним Рижским вокзалом).

2. Между 3-й и 4-й Мещанскими ул., касающиеся северной стороной Старой Божедомки и отчасти Капельского пер.

3. За Тверской заст. (на месте нынешнего Белорусского вокзала).

4. У Пресненской заст. — до Камер-Коллежского вала.

5. У Земляного вала — между Большой Никитской ул., Гранатным пер. (ул. Щусева) и Спиридоньевским пер.

6. У Земляного вала — между Малой Бронной ул. и Ермолаевским пер.

7. У Бутырской заст. — к западу от Новослободской ул.

8. На Старой Басманной, вокруг церкви Никиты-мученика.

9. У Сокольнической заставы, между нею и Стромынкой.

10. У Преображенской заст.

11. Между церковью Преображения у Преображенской заст. и Яузой.

12. У Семеновской заст.

13. За Дорогомиловской заст. у Камер-Коллежского вала.

14. Между Сивцевым Вражком и Арбатом, между Серебряным и 2-м Николо-Песковским пер.

15. Вокруг Зачатьевского монастыря.

16. У Калужской заст.

17. Возле Серпуховской заст.

18. У Серпуховской пл. между нею и Погорельским пер.

19. От Варварских ворот до середины Солянки и от Ивановского пер. до сада Воспитательного дома.

20. У Спасской (Крестьянской) заст.

21. У Покровской (Абельмановской) заст.

22. У Проломной заст.

23. У Рогожской (Ильича) заст.

24. Между Большой и Малой Алексеевскими ул., у церкви Мартына-исповедника.

25. У Лефортовского дворца на Коровьем броду (2-й Бауманской ул.) — полуциркульная.

26. Около здания Нового Комиссариата на Комиссариатской наб.

27. Вокруг церкви Тихвинской божьей матери на Бережковской наб.

28. Вокруг церкви Воздвиженья на Плющихе.

К категории В отнесены площади:

1. Красная пл.

2. Вокруг собора Василия Блаженного.

3. Васильевская (Молочная) пл. от Спасских ворот Кремля до набережной Москвы-реки.

4. Вокруг стен Китай-города, от Неглинного канала до Варварской пл. (включая и ее), на месте земляных бастионов и рва.

5. Середина Петровской (потом Театральная, ныне Свердлова) пл.

6. Сенная — к востоку от Страстного монастыря.

7. У Красных ворот — между Мясницкой ул., Большим Козловским пер. и церковью Трех Святителей.

8. Большая и Малая Таганские пл.

9. Перед Лефортовским и Слободским дворцами на ул. Коровий брод, между Старокирочным и Бригадирским пер. — прямоугольная.

К категории С отнесены площади:

1. На Немецком (Бауманском) рынке.

2. На Полянском рынке.

3. Кудринская — на бывшем плацдарме Земляного города.

4. Арбатская — до Антипьевского пер.

5. У Кремля — на месте современного Среднего Александровского сада.

6. Между Каретным рядом и Малой Дмитровкой ул. — на бывшем плацдарме Земляного города — Угольная пл.

К категории D отнесены площади:

1. Миусское поле — между 1-й Тверской-Ямской, Лесной и Новослободской ул.

2. Между Новослободской, Лесной ул., Камер-Коллежским валом, Тверской и Бутырской заст.

3. Между 1-й. Тверской-Ямской ул., Староживодерным пер. (ул. Красина) и Грузинским валом.

4. Между Сущевским Камер-Коллежским валом и Старой Божедомкой ул.

5. Между Тверским бульв. и Страстным монастырем.

6. Напротив дома генерал-губернатора (современная Советская пл.).

7. Моисеевская пл.

8. Площадь Охотного ряда.

9. Моховая пл. (занята зданием Манежа).

10. У церкви Георгия в Грузинах.

11. Между Переяславской ул., Камер-Коллежским валом и полевым артиллерийским двором на Каланчевской (Комсомольской) пл. Между ним и прудом Балкан.

12. Сокольничье поле.

13. Между Большой Семеновской ул. и Военным госпиталем.

14. Сенная площадь за Красными воротами.

15. Между Москвой-рекой и Коломенско-Ямской (Дубининской) ул.

16. Между Серпуховским Камер-Коллежским валом и Мытным двором.

17. Между Мытным двором и Коровьим валом — Конная пл.

18. Серпуховская (Добрынинская) пл. (как в 1917 г. — овальная).

19. Калужская (Октябрьская) пл. (как в 1917 г. — круглая).

20. Вокруг Донского монастыря — круглая пл.

21. Между Москвой-рекой, Большой Дорогомиловской ул. и Можайским шоссе.

22. Болотная пл.
23. Площадь Смоленского рынка и Смоленская-Сенная.
24. Площадь у Новоспасского монастыря.
25. Девичье поле.
26. Карунинская пл.

Тогда же, 13 февраля 1814 г. С. С. Кесарино представил присутствию Комиссии кроме указанного плана Москвы и «Атлас» с 23 планами отдельных площадей города, сопроводив их «особенными замечаниями о неудобстве или неимении надобности в площадях, по прожекту назначенных». Комиссия приняла предложение Кесарино о площадях, намеченных Гесте. Далеко не все площади, проектируемые Гесте, Кесарино признал нужными. Комиссия с ним согласилась. «Атлас» Кесарино послужил программой площадей Генерального плана Москвы после 1812 г. [39].

Приводим описание этого «Атласа», составленное нами:

Лист 1. Красная пл., между Кремлевской стеной и рядами, китайгородскими стенами на севере (оставляемыми) и на юге (сносимыми) освобождается от всех построек, за исключением Лобного места и собора Василия Блаженного. Ров засыпается, мосты через него ликвидируются.

Ул. Москворецкая, шедшая от Спасских ворот Кремля, между Лобным местом и собором Василия Блаженного, или, точнее, между Лобным местом и бывшим между ним и собором Яблочным рядом, к востоку имевшая ряды Старый игольный, а перед ним Свечной-восковой, — входит здесь в площадь перед собором Василия Блаженного, а все ряды сносятся. Дальше улица имеет лишь восточную сторону, по которой сохраняются: выше и ниже Варварки — ряд Семенной и южнее его Мытный двор, который к 1814 г. еще не был восстановлен.

Такое регулирование Красной пл. и проездов от Лобного места до Москвы-реки, включая уплату за земли, отходившие под Красную пл. и проезды, обойдется в 8 391 650 рублей.

Живорыбный ряд (два ряда лавок) находился уже на набережной, между южной стеной Китай-города и Москвой-рекой.

За Верхними рядами ряды Истерия (так гласит надпись на плане; это искажение слова австерия — харчевня, трактир), Перинный, Ветошный и Свечной отходили под расширение Ветошного пер.

В Средних рядах под расширение Хрустального пер. отходили три секции Хрустального ряда — от Ильинки до Варварки.

Варварский пер. (позже Зарядьевский) не расширялся, так как был шире упомянутых.

На плане можно видеть, что большинство назначенных в сломку зданий имело два этажа.

Лист 2 показывает регулирование Красной пл., проектируемое Комиссией строений с учетом замечаний царя на проект Гесте. Ров засыпается, мосты через него сносятся. Сносятся и бывшие возле него с 1786 г. ряды, а также ряды Яблочный, Старый игольный и Свечной-восковой между собором Василия Блаженного и началом Ильинки. Присутственные места (на месте современного Исторического музея) сохраняются и восстанавливаются; сохраняются и здания южнее собора Василия Блаженного от продолжения к западу ул. Варварки до южной стены Китай-города. Для расширения Москворецкой ул. сносятся три секции Семенного ряда.

В Верхних рядах между ризалитами проектируется постройка лицом на площадь здания из четырех секций между Никольской и Иль-

инской, с тремя проходами в ряды с площади. Вследствие этого Верхние ряды выходят западнее даже линии Воскресенского (Исторического) пр., Средние же — значительно отступают от нее к востоку, а Нижние — тоже выступают к западу.

Вдоль Кремлевской стены запроектирован бульвар в два ряда деревьев. Стоимость регулирования определена в 2 126 500 рублей.

Лист 3 представляет составленный Гесте план регулирования местности вокруг Кремля и Китай-города и соседних с ними местностей.

Канал Неглинной заключается в подземную трубу. У стен Кремля и Китай-города проектируется сад в четыре ряда деревьев (кое-где больше, кое-где меньше), по восточной же стене Китай-города — в два ряда деревьев, а ниже Варварских ворот до набережной Москвы-реки — в один ряд. За садом образуется широкая улица. Вчетверо, до 27 сажен, расширяется и Моховая ул. — за счет владений на южной ее стороне. Сносятся все здания по Лоскутному и Обжорному пер. С Моховой, между восточной стороной здания университета и церковью Георгия на Красной горке, начинается улица на север — Новая Тверская, ограниченная, однако, красными линиями только до Долгоруковского пер. (ул. Белинского). Моховая площадь застраивается.

Площадь Охотного ряда сохраняется, и южная сторона ее с большими каменными зданиями продолжается к востоку до переулка к реке Неглинной. Канал Неглинной с бассейнами сохраняется. На Петровской пл. здания вокруг Большого театра сносятся до Большой Дмитровки на западе, Спасского пер. на севере, продолжения южной стороны Охотного ряда — на юге и... «беспредельно» на востоке: здесь образуется площадь от здания Благородного собрания (ныне Дома союзов) до Воспитательного дома. Стоимость расширения вокруг Кремля и Китай-города исчислена в 3 293 325 рублей.

Лист 4 — та же местность, планируемая Комиссией для строения. Бульвары вокруг Кремля и Китай-города оставляются, как у Гесте, но с меньшим числом аллей. Ширина улиц между ними и строительными кварталами также оставляется, как у него, но квартал с Лоскутным и Обжорным пер. не сносится, и Моховая ул. здесь почти не расширяется к югу, а Моховая пл. — не застраивается. Оставляется и маленькая Моисеевская пл. на углу Моховой и Тверской ул. Петровская пл. оставляется, как у Гесте, кроме южной стороны, которая, по сносе здесь всех зданий, доводится до стены Китай-города, точнее — до запроектированного у стены бульвара и лавок перед ним.

Середину широкого Китайского пр. от Никольской пл. предположено застроить от Никольских до Варварских ворот шестью каменными зданиями лавок (рядов). Между ними запроектированы широкие проходы.

Между Боровицкими и Троицкими воротами Кремля, на Аптекарском месте от Моховой до р. Неглинной, стояли в это время небольшие дворы купца С. Епанишникова и гвардии прапорщика князя П. Шаховского. За ними — земля, принадлежавшая Кремлевской экспедиции, с маленьким одноэтажным каменным строением посредине. Затем стоял двор купца С. Сысоева. К востоку от него, по высокому берегу Неглинной находились двор дьячка и дворы еще нескольких купцов. За ними, вблизи башни Кутафьи — церковь Николы в Сапожке. Аптекарское место слегка регулируется красными линиями, затрагивая церковь. Стоимость регулирования, планировки и прочих работ определена в 1 525 785 рублей.

Лист 5 — план Арбатской пл., предлагаемый Комиссией строений. Западная сторона площади — на той же линии, где и теперь. Северная сторона идет по линии к востоку от угла Поварской (ул. Воровского) и Никитского (Суворовского) бульв., на этой линии стоит дом, снесенный лишь в 1962 г., замыкавший с юга названный бульвар, а через проезд к востоку, на той же линии — дом Давыдовской пустыни, снесенный в 1930-х годах. За ним шел проезд у восточной стороны площади, начинавшейся у Калашного пер. На этой стороне площади стояло два больших двора с каменными домами, церковь Тихона Амафунского и еще три двора до ул. Знаменки, по другой стороне которой выходил на площадь и шел по ней к югу двор С. С. Апраксина. Перед ним еще показан отходящий под площадь Ивановский пер., шедший от Антипьевского пер. до Знаменки и названный так по стоявшей посреди него церкви Иоанна Предтечи.

Площадь доходила до Антипьевского пер., и Пречистенский (Гоголевский) бульв. начинался только отсюда. В Антипьевском пер. еще видна стоявшая против двора Апраксина церковь Луки Евангелиста, снесенная в 1816 г. По обеим сторонам Пречистенского бульв., представлявшего пока только его проект в одну аллею, находились проезды с Арбатской пл. к югу.

Для открытия площади назначены в сломку дворы между церковью Тихона Амафунского и Знаменкой, фундамент сгоревшего в 1812 г. Арбатского театра и стоявшие еще перед двором Апраксина погоревшие дома Хованского, А. Березникова, Е. Мельгуновой и Ф. Лаевского. Стоимость открытия площади — 99 625 рублей.

Лист 6 показывает запроектированную Гесте площадь между Сивцевым Вражком и церковью Николы в Песках в Большом Николопесковском пер. (ул. Вахтангова), Никольским (Плотниковым) пер. на западе и Малым Николопесковским пер. на востоке. Снос домов для открытия этой площади должен был обойтись в 462 960 рублей, так как сноситься должны были исправные каменные дома. Комиссия считала эту площадь ненужной.

Лист 7 показывает площадь вокруг Зачатьевского монастыря на Остоженке. Снос дворов с домами для ее открытия должен был обойтись в 283 875 рублей. Сочтена ненужной, а существующие вокруг монастыря переулки признано необходимым расширить и регулировать красными линиями.

Лист 8 представляет план проектируемых Гесте и признанных комиссией нужными улицы, соединяющей Большую и Малую Дмитровки близ начала Успенского пер., и новой площади у Страстного монастыря. От Тверской ул. (у южной стены монастыря) до Петровки идет Страстной бульвар — аллея из двух рядов деревьев. За ним, между монастырем и Петровкой, показан узкий квартал домов с переулком, идущим вдоль него (на месте современных северного пр. Пушкинской пл., пр. Скворцова-Степанова и Страстного бульв.). Проектируемая улица пересекает бульвар, квартал домов, переулок и идет дальше по сносимым дворам. Гесте предполагал открыть площадь между началом новой улицы (современным Нарышкинским пр.) и монастырем, но комиссия занимала большую часть этого места дворами причта монастыря, а потому распространяла площадь и по другую сторону улицы, снося для этого несколько дворов до пустыря перед домом Гагарина (Екатерининской больницы) и почти полностью уничтожая переулок (часть его оставлялась у северной стены монастыря). Проезд с площади к Петровке прокладывался у северной стороны аллеи буль-

вара. Стоимость открытия площади и улицы по проекту Гесте 155 439, по проекту комиссии — 147 024 рубля.

Лист 9 показывает Сенную площадь у Красных ворот, сильно уменьшаемую Гесте, но комиссией только слегка регулируемую в северной ее части путем прирезки земли от дворов купцов Сокольникова и Антипова. Примыкающая к Сенной Красноворотская пл. между Трехсвятительским (Боярским) пер., Мясницкой и Садовой-Черногрязской ул. (современная Лермонтовская пл.), планируемая Гесте квадратной, заменяется комиссией на треугольную. Затраты по проекту Гесте составляют 126 560, комиссии — 154 535 рублей.

Лист 10 показывает большую прямоугольную площадь у церкви Ермолая на Большой Садовой ул., простирающуюся от церкви как к востоку, так и к западу, а с юга доходившую до Большого Козихинского пер., который вливался в площадь, выходя на Большую Садовую ул. Церковь Ермолая сохранялась, но для этой площади требовалось снести много деревянных построек, почему стоимость открытия здесь площади определялась в 300 440 рублей. Но комиссия сочла эту площадь ненужной.

Лист 11. Большая площадь у церкви Георгия на Всполье — между Садовой-Кудринской, Большой Никитской ул. и Гранатным пер. (ул. Щусева). Сочтена ненужной. Здесь же пунктиром показана проектируемая Гесте улица, продолжающая Малую Никитскую ул., шедшая по саду Вдовьего дома и выходящая на Кудринскую (Баррикадную) ул. около церкви Покрова в Кудрине. И эту улицу комиссия считает ненужной и проектирует расширить Кудринскую ул. перед Вдовьим домом за счет земли, принадлежащей последнему. Затраты по проекту Гесте составляют 310 810, комиссии — 233 350 рублей.

Лист 12. Площадь Полянского рынка, предложенная комиссией. Для нее нужно было сломать старые ряды и лавки посреди площади и восстановить площадь в том виде, какой она имела до их постройки (до 1812 г.). Стоимость открытия площади — 155 480 рублей.

Лист 13. Серпуховская пл., проектировавшаяся Гесте в виде прямоугольника, доходившего на севере до Екатерининского (Погорельского) пер., а на востоке — восточнее Пятницкой ул., оставлена комиссией в старых габаритах. Стоила бы она 550 710 рублей.

Лист 14. Таганская пл. Гесте расширял ее к востоку почти до Грязного пер., к западу — до Больших Каменщиков, к югу — до церкви Воскресения в Таганке, а все внутри этого пространства сносил. Комиссия оставляла площадь в прежних размерах, лишь регулируя ее стороны. Стоимость площади по проекту Гесте 816 805, по проекту комиссии — 325 045 рублей.

Лист 15. Полуциркульная пл., проектируемая Гесте на ул. Коровий брод, напротив Лефортовского и части Слободского дворцов, на земле лютеранской кирхи. Для нее нужно было снести кирху с погостом. Стоимость ее составила бы 129 340 рублей. Комиссия предлагала сделать площадь прямоугольной, расширив ул. Коровий брод от Старокирочного до Бригадирского пер., главным образом за счет казенной земли, что стоило бы 9 тысяч рублей.

Лист 16. Площадь Немецкого рынка, предложенная комиссией. Ее предполагалось сделать в виде треугольника, основанием по Немецкому (Волховскому) пер., с лавками по сторонам. Стоимость ее открытия составляла 15 990 рублей.

Лист 17. Площадь вокруг церкви Никиты-мученика на Старой

Басманной ул. Стоимость ее определялась в 149 100 рублей. Комиссия считала ее ненужной.

Лист 18. Площадь вокруг церкви Мартына-исповедника в начале Малой Алексеевской ул., запроектированная Гесте. Стоимость ее открытия составляла 69 150 рублей. Сочтена комиссией ненужной.

Лист 19. Четырехугольную площадь вокруг церкви Воздвиженья на Пометном Вражке (Плющихе), проектируемую Гесте, комиссия полагала тоже ненужной. Открытие ее составило бы 136 125 рублей.

Лист 20. Четырехугольная площадь в Дорогомилове вокруг церкви Тихвинской божьей матери на Бережках. Открытие ее потребовало бы 121 545 рублей. Сочтена комиссией ненужной.

Лист 21. На месте бывшего плацдарма Белого города от Дегтярного (Казарменного) пер. до Яузских ворот предполагалось образовать проезд в 30 сажен шириной к площади у Яузских ворот, для чего снести стоявшие здесь каменные дома. Но это не было осуществлено, и старые каменные дома стоят здесь поныне.

Лист 22. На Смоленском рынке, по обе стороны проезда с Арбата на Смоленскую ул., предполагается по сносе Земляного вала сохранить стоявшие здесь здания и разбить вокруг них площадь. Это было осуществлено много позже.

Лист 23. Чертеж предназначенного к сносу Земляного вала, с регулированием красными линиями проездов по обеим его сторонам. Между Малой Дмитровкой и Новослободской (Каляевской) ул. на разрыве в 20 саж. Земляного вала намечены две гостиницы, а против Каретного ряда на разрыве Земляного вала — два здания с лавками. Между гостиницей у Малой Дмитровки и лавками у Каретного ряда запланирована Угольная площадь. Оставлен еще большой пруд у Земляного города с двумя деревянными мостами через него между лавками у Каретного ряда и Самотецким прудом.

Все листы «Атласа» подписаны Цициановым и Кесарино.

При поручении Кесарино начертить планы всех площадей была сделана оговорка — «кроме вновь назначенных по прожекту у застав». Но, кроме площадей у застав, в «Атласе» нет еще некоторых площадей, в большинстве случаев уже существовавших и не подвергающихся перепланировке, а только регулируемых.

Из всего сказанного о деятельности архитектора В. И. Гесте видим, что Александр I ошибся, назначив его планировать Москву, считая его более опытным в этом деле, чем московские архитекторы. Гесте планировал до этого южнорусские города, лежавшие на степных просторах, причем применял в них линейную и шахматную систему планировки. В Москве, исторически распланированной по радиально-кольцевой системе, ни шахматное, ни линейное планирование не были пригодны. Город занимал сильно пересеченную речками, холмами, оврагами территорию, притом она была занята строительными кварталами со старыми зданиями, что не допускало шахматной и линейной планировки. Препятствием служило и обязательство сохранить оставшиеся целыми каменные и деревянные дома.

Из доклада Гесте министру полиции, сопровождавшего посланный Ростопчиным план реконструкции Москвы, составленный Гесте, видно, что кроме новых площадей, в дополнение к существующим, он ничего не мог предложить для исправления исторического плана Москвы. Из этих площадей наибольшее значение имела площадь вокруг Кремля и Китай-города, освобожденная от земляных бастионов Петра I. Комиссия для строений Москвы приняла эту площадь и спланировала на

Воскресенский мост через р. Неглинную (до 1819 г.).

ней новый центр Москвы. Из 47 площадей, запроектированных Гесте *, 26 были комиссией отвергнуты. Здесь сказалось различное понимание Гесте и комиссией исторического развития города. Остались без рассмотрения комиссией намечавшиеся Гесте магистрали от Серпуховской до Тверской заст. и от Кремля до Пресненской заст.; принята во внимание только предлагавшаяся им магистраль от Охотного ряда до Бутырской заст.

Ростопчин предложил комиссии немедленно приступить к выполнению работ, встретивших одобрение царя и его самого при рассмотрении плана Гесте. Это в первую очередь были работы по планировке и переустройству Красной пл.

Но организационный период несколько затянулся, и срытие земляных укреплений Петра I на этой площади производилось с 17 мая по 7 декабря 1815 г. подрядчиком Сакулиным под надзором землемера комиссии Ладыгина.

Ров между Никольскими и Спасскими воротами Кремля начали засыпать в 1815 г., а окончательно, до Москвы-реки, он был засыпан и выровнен в 1817 г.; работали на засыпке рва арестанты. В ров пошла земля из земляных укреплений на Красной пл. и у Воскресенских ворот, всего 2607 куб. сажен. Спасский и Никольский мосты были при этом снесены.

В 1816 г. были снесены сооруженные в 1786 г. вдоль рва на Красной пл. ряды лавок, разрушенные пожаром 1812 г. Они загораживали вид с площади на Кремль, а их ризалиты — на храм Василия Блаженного. В 1814—1815 гг. были заново отстроены О. И. Бове торговые ряды на площади (см. об этом в разделе застройки), а в 1816 г. был

* В приведенном «предположении комиссии» насчитывается 46 площадей, намеченных Гесте, так как не указана площадь вокруг Кремля и Китай-города. В протоколе комиссии эта площадь числится под № 11 и число площадей равно 47.

утвержден разработанный Бове проект устройства контрфорсов из дикого камня, подпирающих гору, на которой стоял храм Василия Блаженного. Решетка по верху контрфорса была взята с ликвидируемого Неглинного канала.

В ноябре 1815 г. была начата посадка деревьев вдоль кремлевской стены. Бульвар этот был образован, чтобы после сужения площади с западной стороны собор Василия Блаженного казался стоящим посреди площади между Кремлем и торговыми рядами.

16 февраля 1814 г. все разработанные комиссией предположения к основанию плана и выполненные О. И. Бове виды столицы были переданы Ростопчину, а 21 февраля того же года Ростопчин распорядился отправить их с Бове в Петербург к управляющему министерством полиции и петербургскому военному губернатору С. Д. Вязьмитинову для представления их на высочайшее утверждение[40].

Александр I в это время шел с армией к Парижу. Поэтому утверждение проектов Комиссии строений затянулось. Царь вернулся в Россию лишь в декабре 1815 г. Тем временем Ростопчина (уволенного 30 августа 1814 г.) на посту главнокомандующего Москвы сменил генерал А. П. Тормасов. 30 ноября 1815 г. он потребовал от Комиссии строений сведения о всех землях, которые по ее плану надо было выкупить у частных лиц, и их стоимости [41].

К 14 января 1816 г. комиссия приготовила программу Генерального плана Москвы, но Александр I потребовал и самый план. Для него комиссия использовала уже готовый план, на котором было нанесено как прежнее положение площадей, улиц и разрывов с уцелевшими от пожара каменными, деревянными и обгорелыми каменными строениями, так и все, что вновь проектировалось или было уже регулировано комиссией, с указанием поправленных или уже возведенных построек [42].

Землемер Горчаков, которому комиссия поручила подготовить план, 26 января 1816 г. представил Комиссии для строений Генеральный план Москвы с кратким изъяснением прожектов комиссии и с показанием некоторых перемен против прежних ее предположений в феврале 1814 г.

Эти перемены сводились к следующему:

1. На Красной площади новый корпус лавок впереди прежнего между ризалитами Верхних рядов был отменен, а старый корпус этих рядов и его ризалиты были по проекту О. И. Бове, утвержденному главнокомандующим, отделаны по-новому.

2. В Белом городе: а) площадь при Петровском (Большом) театре увеличена за счет одного частного владения; б) Никольская пл. вместо овальной сделана, как у Гесте, четырехугольной; в) Арбатская площадь несколько увеличена.

3. В Земляном городе: а) Полянская площадь (рынок) несколько уменьшена для симметрии; б) Тверская площадь (позже Страстная, часть теперешней Пушкинской) увеличена за счет сломки колокольни и некоторых келий Страстного монастыря; в) Трехсвятительская (ныне Лермонтовская) площадь «изменена в фигуре».

4. За Земляным городом: а) Сенная площадь (у Красных ворот) «переменена в фигуре», б) Таганская площадь и в) площадь напротив Слободского дворца (ныне здание МВТУ имени Баумана) увеличены. Вновь назначены к открытию две площади: Миусская (Лесная) и Ямская у Триумфальных ворот (теперешняя пл. Маяковского).

Запроектировано 9 новых переулков, назначены к закрытию 4 пе-

реулка. Новая улица, соединяющая Большую и Малую Дмитровки, указанная в проекте Гесте, сохранилась и в проекте Горчакова.

К полям 1814 г. прибавлялось еще 3 поля: 1) Лазаревское, 2) у Преображенской заставы и 3) в Семеновском селе.

Запроектированы были новые набережные от Москворецкого моста к Новоспасскому монастырю, шириной в 10 сажен. Водоотводный канал регулировался в 12—14 сажен шириной, с устройством по обеим его сторонам набережных, шириной не менее 6 сажен.

Небольшие изменения в Камер-Коллежском вале касались его лишь в части между Калужской заставой и Андреевским монастырем и от последнего к Новодевичьему монастырю [43].

К новому плану Москвы были приложены спроектированные Бове новые фасады лавок на Красной площади и лавок по внешней стороне восточной стены Китай-города.

Все это было принято Комиссией строений и представлено главнокомандующему Тормасову. Последний, уезжая 6 февраля 1816 г. в Петербург с планом Москвы для представления царю, командировал туда же директора Комиссии строений Цицианова и архитектора Бове. Но только через три месяца Комитет министров утвердил основы для Генерального плана Москвы, о чем А. П. Тормасов 19 мая 1816 г. сообщил Комиссии строений свое предписание, заслушанное ею 22 мая 1816 г. (см. приложение 5) [44].

Общие его распоряжения и распоряжения по планировке Москвы сводились к следующему:

Так как капитал в 5 миллионов рублей, ассигнованный правительством в 1813 г. для выдачи ссуд на строительство беднейшим владельцам домов, погоревших в 1812 г., был уже значительно истрачен на другие нужды, Тормасов испросил разрешения взять из 5-миллионного фонда еще некоторые суммы. Кроме них он получил новые 2 249 042 рубля на вознаграждение владельцев домов, отходящих под прожектированные площади, и 1 516 790 рублей на «выпланирование и вымощение Москвы».

Для выполнения грандиозных работ по переустройству Москвы сил арестантов и вольнонаемных рабочих было явно недостаточно. Поэтому царь, по особому докладу Тормасова, еще 2 мая 1816 г. издал указ об образовании из рекрут соседних с Московской губерний двух рабочих батальонов, которые отдал в распоряжение Комиссии строений, позволив в случае надобности брать на работы и солдат четырех пехотных линейных полков, расположенных в Москве. Намечалась также заготовка комиссией строительных материалов для снижения рыночных цен.

Деньги на все эти работы были отпущены комиссии не сразу: к ассигнованным уже с 1813 г. 2 миллионам в 1816 г. был выдан еще миллион, а в 1817 г. — 2 миллиона. Остальные 3 765 832 рубля решено было выдавать равными частями в 1818 и 1819 гг.

Комитет министров предложил Комиссии для строений производить работы хозяйственным образом, «с тем, — как писал Тормасов, — чтобы производство построений... оканчивалось в год или два и потому не вдруг все работы начинать, но ежегодно столько, сколько в совершенной отделке оных позволяют в распоряжении моем имеющиеся способы».

Эти указания сильно стеснили свободу маневрирования комиссии, а некоторые работы, например нивелирование города, и совсем не позволили начать, ибо в два года их нельзя было окончить. Вскоре, уже

в том же 1816 г., Тормасов вынужден был отступить от этого правила, сдав работы по сносу земляных укреплений вокруг Китай-города подрядчику.

Тормасов обязал комиссию представить ему на утверждение план ее работ на ближайшие два года.

Пока не сформируются рабочие батальоны, дозволялось, с разрешения Тормасова, брать для работ солдат из пехотных полков.

Предписывалось заготовить для рабочих батальонов одежду, обувь и инструменты.

Один из пунктов предписания гласит: «Комиссия должна сочинить план предполагаемого по Земляному валу проезда в 12 сажен шириной, с означением, во-первых, домов, долженствующих остаться в виде гостиниц, присовокупя и фасады оным; а во-вторых, того, кому сколько земли по обе стороны сего проезда к домам отойти должно». Этот план и расчеты Тормасов обязует комиссию представить на его утверждение.

Дальнейшие пункты предписания касаются организационных вопросов и отчетности.

В заключение Тормасов потребовал, чтобы комиссия сделала через газету «Московские ведомости» или через полицию «обвещение, дабы каждый обыватель мог знать, где какое строение производить высочайше дозволено, и чего и по какому праву может он от Комиссии требовать».

Пункт 5 возложил на Комиссию строений новую большую работу — «нивелирование площадей и улиц *всего* города (подчеркнуто мною. — *П. С.*) так, чтобы оные имели скат в реки Москву, Яузу, Неглинную и в Пресненские пруды». Для этого комиссия должна была прежде всего измерить высотность различных мест, положить на планы Москвы горизонтали и затем уж произвести по ним срез высот и подсыпку низменностей, устроить лотки на улицах для направления в реки дождевых и талых вод, перебросить мостки через эти лотки. Комиссия взялась за эту работу, но в течение всего своего существования (по 1843 г.) полностью ее не выполнила: не с ее штатом и средствами, хотя те и другие были несколько увеличены в 1820-х годах, можно было это осуществить.

Пункт 8 отпускал деньги из того же фонда на «закрытие кирпичным сводом канала и бассейнов р. Неглинной». Это было сделано в 1817—1819 гг. от Кузнецкого моста до Воскресенского моста включительно, а позже — между Трубной площадью и Кузнецким мостом, Воскресенским мостом и Москвой-рекой.

Третий раздел предписания касался Китайгородской стены. Во избежание расходов на ее ремонт Тормасов предлагал ее разобрать, камень употребить на починку кремлевских стен и башен, а на месте стены позволить владельцам снесенных на Красной площади лавок построить свои новые лавки; на месте же стены на набережной и безобразных лабазов возле нее построить красивые двухэтажные дома с лавками внизу и квартирами вверху. Но Комитет министров не позволил уничтожить башни и ворота Китай-города, и Тормасов предложил комиссии исправлять и поддерживать их ежегодно, подобно кремлевской стене.

Что касается проектирования в Москве площадей и пр. «по вновь сочиненному на оную генеральному плану», Тормасов извещает, что Комитет министров с написанным о них согласился, за исключением следующего:

О разрывах по Белому и Земляному городу — оставить гостиницы у ворот Пречистенских, Петровских, Никитских, Сретенских, Покровских и Яузских, но так как «они открыты с четырех сторон и должны быть украшением города, то и иметь им отовсюду приличные фасады, но чтобы заборов ни с какой стороны не было; а где есть уж заборы, издавна устроенные, там велеть оные в назначенный от меня срок снять и застроить по приличной фасаде. В зданиях сих отнюдь не позволять гербергов, съестных трактиров, питейных домов и вообще таких заведений и лавок, кои не имеют благовидности и могут произвести нечистоту и неопрятность».

«Площадь каменного Петровского театра назначить регулярным (правильным. — *П. С.*) четырехугольником, как ЕИВ собственною высочайшей рукою на плане карандашом показать соизволил».

После этого площадь была сделана прямоугольной, какой остается доныне, а ул. Петровка стала ее стороной.

«Открыть вид церкви св. Василия Блаженного и вместо лавок сделась контрфорсы и сверху террасу».

Этим узаконялось постановление Комиссии строений о контрфорсах и требовалось устройство площади (террас) вокруг церкви выше контрфорсов, что и было сделано.

«По Земляному городу на улицах, ведущих от застав, домы, кои прочно выстроены, оставлять в виде гостиниц, в длину по валу, по примеру, как и на Белом городе, в 30 сажен, а поперек — в 18 сажен или как местное положение позволит, не стесняя проезда. Прочие же места из-под Земляного вала раздать владельцам, кои по обеим сторонам оного имеют свои домы, каждому в длину по мере места, а в ширину, как ограничится назначением посредине улицы, которая предполагается шириною в 12 сажен, с тем, чтобы сии прибавочные места были огорожены порядочными невысокими решетными заборами, у коих бы тумбы были совершенно одинакой высоты, толщины и фигуры; а решетка между тумбами по выбору владельцев из рисунков Комиссии; и чтобы в сих присоединенных к каждому двору местах хозяева оных старались разводить садики во всю длину мест своих перед домами на валу, дабы со временем весь проезд вокруг Земляного города с обеих сторон был между садами».

Этим было положено основание Садовому кольцу улиц в Москве.

Но требование «заборы у садиков перед домами делать из одинаковых тумб», равно как и насчет озеленения садиков, не было соблюдено владельцами по всем улицам кольца. С течением времени они стали считать садики своей собственностью и начали застраивать их, особенно у радиальных улиц. Между тем, как явствует из указа об образовании садиков, они давались владельцам на сервитутном праве и, по действовавшим в то время законам, могли быть в течение 10 лет отняты правительством у владельцев, если последние не соблюли условий, на которых к их владениям были присоединены эти участки.

В конце XIX—начале XX века Московская городская дума тщетно пыталась безвозмездно отнять садики у владельцев на некоторых улицах для расширения последних или без разрешения владельцев проложить под садиками канализационные трубы. Суд признал за владельцами право собственности на садики, узаконенное многолетним их использованием без протестов со стороны Городской думы, и последняя должна была выкупать их для своих нужд. Так, в 1880-х годах были выкуплены садики для расширения Сухаревской пл., а потом и в других местах.

Ширина улицы в 12 сажен была при ее прокладке сочтена излишней и сокращена до 10 сажен, согласно требованиям закона 1752 г. Только в советское время национализация земель позволила расширить Садовые улицы, упразднив садики.

Эти пункты предписания Тормасова были рассмотрены Комитетом министров, одобрены им и 24 апреля 1816 г. утверждены царем, с требованием представления ему планов гостиниц.

Вследствие указа Александра I на имя Тормасова в 1816 г. последний предписал Комиссии строений *«немедленно заняться составлением полного плана Москвы, сообразно последовавшим переменам, в вышепрописанных пунктах означенным, с подробным описанием и с показанием прожектных линий»*. План этот по окончании комиссия должна была представить царю на утверждение.

Полный план Москвы изготовлялся в Комиссии строений в 1816 и 1817 гг. В течение года его составлением руководил директор Чертежной С. С. Кесарино, душа перепланировки Москвы, который не дождался его окончания и умер 20 мая 1817 г. Директором Чертежной взамен него был назначен Челиев, который ничего существенного в план не внес. Экземпляр для Александра I делали землемеры Петров и Ладыгин.

19 ноября 1817 г. план был закончен (в масштабе: 1 дюйм=75 сажен), затем в течение двух месяцев с него делали 7 копий и 5 уменьшенных планов (в масштабе: 1 дюйм=150 сажен) «для членов царской фамилии и других высочайших особ». К планам были приложены экспликации.

Составленные комиссией рукописные оригиналы планов имеют следующие названия.

Первый план озаглавлен[45]: «План столичного города Москвы с показанием прожектов площадям и улицам существующим и вновь предположенным. Сочинен в Комиссии для строений в Москве, с границами дворовым местам, значущимся под номерами 1817 года». Масштаб — 75 сажен в 1 дюйме.

Второй план озаглавлен: «Прожектированный план столичного города Москвы. Сочинен в Комиссии для строений в Москве 1817 года». В нем под номерами указаны только церковные и публичные здания. Масштаб — 150 сажен в 1 дюйме[46].

Оба плана подписаны директором Чертежной Челиевым.

Для нас более интересен первый план, как по своему крупному масштабу и показанию на нем всех дворовых мест, так и потому, что к нему приложен рукописный указатель последних под номерами. Излагая содержание этого плана, мы проведем сравнение его с планами 1810 и 1917 гг.

Планировку Кремля, как и в I и II томах нашей работы, детально не будем рассматривать, а расскажем лишь кратко о его новой застройке и о тех новых улицах и площадях, которые в связи с нею появились. Отметим, что Бове проектировал внутри Кремля подсыпку кремлевской горы от Спасских до Боровицких ворот, оставив внизу только проезд у крепостных стен, а перед дворцом образовав площадь, на которой он предполагал «у великой решетки подле тротуаров поставить монументы основателям Москвы и строителям Кремля: Юрию Долгорукому, Иоанну Калите, Иоанну III и Дмитрию Донскому».

Как же рисуется на плане 1817 г. Москва «в прожекте»?

На Красной площади у стен Кремля на месте рва — два ряда де-

ревьев. Мостов у Спасских и Никольских ворот нет. Точно так же нет и остатков бастионов Петра I ниже Спасских ворот.

Кроме здания Присутственных мест, у северной стены Китай-города нет никаких построек. Строения между Лобным местом и собором Василия Блаженного показаны бледной краской, как подлежащие сносу. Но здесь еще оставлена улица, идущая полукругом от Спасских ворот до Москворецкой ул. Москворецкая же улица на плане начинается уже от Ильинки. Вокруг Лобного места показана площадь, сливающаяся на севере с Красной пл. Южнее храма Василия Блаженного, по западной стороне Москворецкой ул., напротив Варварки, бледной краской указаны дворы священника и пономаря собора; в «Указателе» о них сказано: «Оные дворы отошли в площадь около Покровского собора». На самом же деле они отошли не под площадь, а под проезд с Варварки на Васильевскую пл.

На месте бывшего рва южнее Спасских ворот показана площадь, позже названная Васильевской. Между нею и Москворецкой ул. показан прямоугольный квартал до самой южной стены Китай-города. В нем 9 дворов с жилыми строениями и лавками, среди которых 2 — принадлежащие церкви Николы Москворецкого.

Стена Китай-города, разорванная на месте Москворецких ворот для выхода к мосту Москворецкой ул., западнее еще сохраняется, доходя до Беклемишевской башни Кремля.

За стеной на набережной Москвы-реки показано примыкавшее к стене здание и такое же — напротив него. Объяснения нет, но это, очевидно, Живорыбный ряд.

По восточной стороне Красной пл., между стеной Китай-города и Никольской ул., показаны двор губернского правления и Казанский собор. Между Никольской и Ильинкой — Верхние торговые ряды, разделенные шестью проходами с севера на юг и тремя с запада на восток на 28 прямоугольников с лавками. Между Ильинкой и Варваркой — Средние торговые ряды, разделенные шестью проходами с севера на юг и двумя с запада на восток на 21 прямоугольник с лавками. Между Варваркой и Мокринским пер. в северной части — Нижние торговые ряды, разделенные тремя проходами с севера на юг и двумя с запада на восток на 12 прямоугольников с лавками. Но восточную половину квартала еще занимали 4 двора. В южной части квартала — огромный «Купеческого общества мытный двор», отделенный от Москворецкой улицы одним рядом лавок.

Таким образом, Красная пл. получила общие очертания, которые сохранялись 70 лет (с 1817 по 1887 г.).

Китай-город в остальной части имеет ту же сеть улиц и переулков, что и через 100 лет — в 1917 г. Между Мокринским пер. и стеной Китай-города у набережной показано 12 маленьких двориков, тянущихся от Москворецких до Проломных ворот, и 1 за ними. Карунинская пл. (пл. Куйбышева) показана узким прямоугольником, переходящим на юге через Ильинку, она включает в себя место, позднее занятое зданием Биржи, а западной своей стороной продолжает к северу восточную линию Гостиного двора в Рыбном пер. Фактически эта планировка была несколько изменена.

Гостиный двор, как и в 1810 г., состоит из отдельных зданий. Сплошная застройка только вдоль Ильинки, с небольшим заходом за углы Рыбного и Хрустального пер. В 1917 г. — сплошная застройка вокруг всего квартала.

Белый город. Под Кремлевской стеной, от Боровицких ворот до

Угловой Арсенальной башни, показана аллея между 4 рядами деревьев. Около Угловой Арсенальной башни — только 2 ряда деревьев, а от нее до Воскресенских ворот Китайгородской стены снова 4 ряда. Между южной стеной Кремля и берегом Москвы-реки — 1 ряд их у реки. Между аллеями с деревьями вдоль западной стены Кремля и строительным кварталом к северу — огромная площадь.

Вокруг стен Китай-города — площадь от Воскресенских до Варварских ворот, доходящая на севере до Спасского (Копьевского) пер. за Большим театром и от него — до Лубянского (Серова) пр. Эта площадь захватывает часть Софийки. Между Варварскими воротами и Москвой-рекой — идущий по теперешнему направлению, но более широкий, Китайский пр. Деревьев у китайгородских стен от Воскресенских ворот до Москворецкой набережной нигде не показано, лишь на этой набережной, ближе к реке, помечен 1 ряд деревьев.

На северном участке площади вокруг Кремля и Китай-города — канал Неглинной с тремя бассейнами: первым — чуть южнее Софийки, вторым — напротив Греческого монастыря в Китай-городе, третьим — напротив Арсенала. Бассейны и канал Неглинной нанесены бледной краской, как намеченные к ликвидации.

На Петровской пл. показано сгоревшее в 1805 г. здание театра Медокса. К западу от него, по Спасскому пер. — современный дом № 4 по Пушкинской ул., у театра — пустырь, принадлежавший Воспитательному дому. Южнее его — дворы дьячка и пономаря церкви Спаса в Копье, отделенные переулочком с севера на юг от дворов священника и просвирни (на месте современного палисада за домом № 4 по Пушкинской ул. со стороны театра). Стоявшая в 1810 г. в конце переулочка перед теперешним входом в Детский театр церковь Спаса в Копье отсутствует. Между ее местом и Петровской ул., шедшей тогда изгибом от современной Петровки в Охотный ряд, — еще 2 двора. По южной стороне Петровской улицы 4 двора, по восточной — 5 дворов, да еще 5 маленьких двориков у Кузнецкого моста.

Восточнее и южнее этих дворов показан канал Неглинной с бассейнами.

Петровская пл. намечена красными линиями (черными на плане): на севере — по прямой линии от Спасского пер. до Кузнецкого моста (именно моста, а не улицы с этим названием); на востоке — от моста под прямым углом к стенам Китай-города, точнее — до западного угла современных просп. Маркса и ул. Жданова; на западе — по Большой Дмитровке и линии, как бы продолжающей ее к югу до р. Неглинной; на юге — у стен Китай-города.

Благодаря этому площадь не делала еще тупого угла с Охотным рядом. Восточнее ее получился треугольный квартал между улицами Кузнецкий мост, Рождественкой и Театральным пр. Впрочем, южнее Софийки квартал отходил под площадь вокруг Китай-города и оставался только между улицами Кузнецкий мост, Рождественка и Софийка в виде трапеции. Часть этого квартала у Неглинной ул. срезалась проектируемой Петровской пл.

Канал и бассейны Неглинной подлежали засыпке, а Кузнецкий, Воскресенский и Боровицкий мосты через нее — сломке. Засыпке подлежал и канал восточнее стен Китай-города по бывшему Китайскому пр., а землю бастионов Петра I предполагалось использовать для подсыпки улицы на месте канала.

Квартал на набережной Москвы-реки от Большого Каменного моста до продолжения к реке современного Соймоновского пр. сохранял-

ся. В это время он был занят банями, каменными и деревянными лесными лавками купца В. Суровщикова.

Между этим кварталом и кварталом к северу от него показана по улице аллея из двух рядов деревьев, начинающаяся западнее бывшего еще в 1917 г. Всехсвятского пер. до Соймоновского пр. и по последнему до Пречистенских ворот.

Оставался еще переулочек, идущий вдоль северной стены Алексеевского монастыря. На южном углу Волхонки (названной на этом плане Ленивкой на всем протяжении до Пречистенских ворот) с Соймоновским пр. находились казармы.

Западнее Ленивки, с Волхонки шли рядом 2 переулочка к улице на современной набережной. На ней между этими переулочками показана церковь Всех святых, а на углу с первым от Ленивки переулком — церковь Похвалы богородицы, снесенная только в начале 1930-х годов.

Кварталы между Волхонкой и Знаменкой имеют уже только те переулки, которые сохранились и к 1917 г.

Арбатская пл. запроектирована прямоугольником от Антипьевского пер. Восточная и западная ее стороны параллельны. На восточной стороне ее 6 мелких дворов и церковь Тихона Амафунского (на ее месте теперь старый вестибюль метро «Арбатская»). Отсюда под прямым углом восточная сторона площади поворачивала на запад до существовавшего еще в 1917 г. проезда с Воздвиженки на Арбат.

К северу от Арбатской пл. показана малая площадь в виде трапеции: через нее шло движение с Арбата и Поварской ул. на Воздвиженку и в Нижний Кисловский пер.; а с Воздвиженки, позади церкви Бориса и Глеба, помечен прямыми линиями к Никитскому бульв. широкий проезд.

Для реализации новой планировки Арбатской пл. 6 дворов южнее церкви Тихона и Ивановский пер. полностью вливались в площадь, а восточнее его 3 двора с землею упраздненной церкви Иоанна Предтечи захватывались под площадь частично, остальная их земля присоединялась к дворам соседей. Антипьевский пер., который прежде не выходил к стене Белого города, а поворачивал коленом к Знаменке по Ивановскому пер., теперь получал выход прямо на современный Гоголевский бульв.

Между Пречистенскими воротами и Антипьевским пер., по современному Гоголевскому бульв., тогда еще не существовавшему, запроектирована аллея с двумя рядами деревьев по одну сторону и двумя по другую. У Пречистенских ворот (в конце будущего бульвара) оставлялась лишь церковь Святого духа и площадка вокруг нее, освобожденная от всех пристроек к церкви.

Между Знаменкой и Воздвиженкой нет никаких перемен, сравнительно с 1810 г. Здесь та же планировка, которая сохранилась и к 1917 г.

Между Воздвиженкой и Большой Никитской ул. — то же самое. Только на Моховой ул. вместо площади показан Манеж. В «Указателе» к плану сказано: «Моховая площадь, на коей ныне Экзерциргаус».

Показана аллея Никитского бульв. с двумя рядами деревьев по одну и по другую сторону, хотя бульвара тогда еще не было. Но здания, замыкавшие его с севера и с юга, тогда уже существовали.

Между Большой Никитской и Тверской ул. показан Тверской бульв. — аллея с двумя рядами деревьев по обеим сторонам. У Никитских ворот, на месте теперешней площадки у памятника К. А. Тимиря-

зеву, показан дом, тогда замыкавший бульвар с юга. Переулки те же, что и в 1810 г., но двух из них уже не было в 1817 г. Исчезло продолжение Большого Гнездниковского пер. вдоль Тверского бульв. почти до Никитских ворот, с выходом к бульвару. Вместо него проектируется выход из Большого Гнездниковского пер. на середину Тверского бульв. Исчез переулок западнее стен Центрального телеграфа на ул. Горького, соединявший Газетный и Долгоруковский пер. Конец Хлыновского туп. запроектировано соединить коленом с Леонтьевским пер. (ул. Станиславского) по границе двух частных владений.

Между Тверской ул. и Большой Дмитровкой — те же переулки, что и в 1810 и в 1917 гг. Между Большой Дмитровкой и Петровкой — то же самое. Сохранялся и параллельный Большой Дмитровке Вагин пер. между переулками Столешниковым и Богословским (ул. Москвина), которого нет на плане 1917 г.

Петровская пл. с театром на плане 1817 г. имеет, вместо небольшого треугольного пустого пространства, показанного перед театром на плане 1810 г., указанную нами выше «регулярную» форму.

Страстной бульв. указан от западных стен Страстного монастыря до Петровских ворот. Это длинная аллея, с одним лишь рядом деревьев по обеим сторонам.

Между Петровкой и каналом Неглинной (на современной Неглинной ул.), как и в 1810 г., идут только 3 переулка — Крапивенский, Рахмановский и Кузнецкий мост. Петровских линий, обозначенных на плане 1917 г., еще нет и в проекте. Южнее Кузнецкого моста, на месте строительного квартала 1810 г., — восточная часть запроектированной Петровской пл., оставлявшая у Кузнецкого моста только 5 двориков.

Петровский бульв. показан с одним рядом деревьев по каждой стороне аллеи; замыкается он домом у Петровских ворот.

На современной Неглинной улице Неглинный канал показан с севера до Кузнецкого моста и лишь ниже его скрыт под землю, что было тогда только в проекте.

Между Неглинной и Рождественкой те же переулки, что и в 1810 г. Площадь от Софийки до Китайгородской стены начинается не у Неглинного канала, как на плане 1810 г., а только от Рождественки. Она продолжает к востоку запроектированную Петровскую пл., и по северной ее стороне видна уже северная сторона запроектированной новой улицы — Софийки. Звонарский (2-й Неглинный) пер. не доходит до Рождественки, как в 1917 г., а коленом выходит в Нижний Кисельный пер., имея между собою и им еще параллельный переулочек от канала до колена у церкви Николы в Звонарях.

Между Рождественкой и Сретенкой те же переулки, что в 1810 и 1917 гг. Рождественский бульв. показан с домом у Сретенских ворот; дом существовал, а бульвар только проектировался.

Между Сретенкой (ул. Дзержинского) и Мясницкой те же переулки, что и на плане 1810 и 1917 гг., но Фроловский пер. в отличие от плана 1917 г. имел еще тупиковое продолжение за Юшков (Бобров) пер. Показан Сретенский бульв. с замыкавшими его домами у Сретенки и Мясницкой.

Между Мясницкой и Маросейкой-Покровкой (ул. Богдана Хмельницкого) те же переулки, что и в 1810 г. В отличие от плана 1810 г., Малый Успенский (Сверчков) пер. показан уже продолженным до Армянского пер., как в 1917 г. Чистопрудный бульв. доходит до Чистого пруда. У Мясницких ворот бульвар замыкал двор, а у Покровских ворот — 11 дворов.

Между Маросейкой-Покровкой и Солянкой те же переулки, что в 1810 и 1917 гг., но в отличие от последнего плана сохраняется еще переулок восточнее Петропавловского, параллельный ему, который как бы продолжает к Яузскому бульв. Хитровский пер. Несколько другой излом имеет Хохловский пер.

Покровский бульв. показан в виде аллеи с одним рядом деревьев по сторонам; начало его — у современного Казарменного пер. Яузский же бульвар не только доходит до Яузских ворот, но и продолжается за ними до Москвы-реки.

Между Солянкой и проездом у восточной стены Китай-города, как в 1810 и 1917 гг., только один внутриусадебный проезд — с Солянки к Воспитательному дому. Со стороны Устьинского пр. и набережной Москвы-реки границы Воспитательного дома красными линиями несколько раздвигаются, а со стороны Китайского пр. — суживаются для расширения этого проезда; при этом зарезаются даже некоторые строения Воспитательного дома.

Прожектированный план Москвы 1817 г., как и прожектированный план 1775 г., который он повторил в отношении устройства бульваров на месте снесенной в 1750—1780-х годах стены Белого города, не позаботился, за небольшими исключениями, о подводе к бульварам улиц, исторически отгороженных от стен Белого города застроенными в XVII—XVIII веках кварталами. Были продлены к бульварам лишь Антипьевский пер. и ул. Воздвиженка. Между тем следовало вывести на Пречистенский бульв. Большой Знаменский пер. от его поворота к югу; на Тверской бульв. — Большой Гнездниковский пер. от угла его поворота к югу. Этот последний переулок, наоборот, закрыли от этого поворота почти до Никитских ворот, с выходом на Тверской бульв. близ ворот, очевидно, чтобы удлинить дворы, выходившие на бульвар.

Со стороны Земляного города не продлены до Никитского бульв. выходившие до середины XVII века к стоявшей на его месте стене Белого города Хлебный и Скатертный пер.: они доныне отгорожены от бульвара строительным кварталом между бульваром и Мерзляковским пер. Не выведены на Тверской бульв. Большой Козихинский, Богословский и Трехпрудный пер., отгороженные от бульвара кварталами по Большой Бронной. (Проход и проезд из Богословского пер. к бульвару через бывший церковный двор устроены в советское время и до сих пор не оформлены в переулок.) Не сделан запроектированный в 1814 г. прямой проезд с Большой Дмитровки к углу Малой Дмитровки и Успенского пер., необходимый и в настоящее время. Не доведен до Петровского бульв. Большой Каретный пер.; его продолжением к бульвару мог бы служить, как сейчас, 3-й Знаменский (Колобовский) пер., но надо было их объединить, срезав угол у 1-го Знаменского пер. На Чистопрудный бульв. не выведен Фокин пер., а на Покровский бульв. — Барашевский пер.

Из-за этого жители ближайших к бульварам кварталов не могут пользоваться ими без излишнего обхода других улиц и переулков, и продолжается традиционное для старой Москвы использование кое-где проходных дворов.

ЗЕМЛЯНОЙ ГОРОД

Замоскворечье, между Москвой-рекой и Водоотводным каналом до Всехсвятской (Серафимовича) ул., называвшееся по старинке Верхними Садовниками, показано в 1810 и 1917 гг. прорезанным с запада

лишь одним переулком — Берсеневским. Болотная пл. тянулась почти до самого Балчуга. На ней от Фалеевского пер. и по Балчугу стояло лишь 14 небольших лавок.

Между Балчугом и концом Водоотводного канала, Москвой-рекой и Садовнической (Осипенко) ул. в Нижних Садовниках в 1810 г. показаны 4 переулка. На плане 1817 г. переулков — 5, так как появился 1-й Раушский пер. В 1917 г. также 5 переулков, но не одни и те же, что были в 1810 и 1817 гг.: исчез переулок, шедший у юго-восточной стороны «Нового Комиссариата», и появился новый, который шел от Большого Устьинского моста, построенного в 1883 г.

Между Садовнической ул. и Водоотводным каналом в 1810 и 1817 гг. указаны только 2 переулка: один — продолжение Комиссариатского пер., другой — Зверев пер. В 1917 г. кроме них — продолжение Николо-Заяицкого (2-го Раушского) пер.

Между Водоотводным каналом и Большой Ордынкой остались те же переулки.

Между Большой Ордынкой и Большой Полянкой — то же самое; нет только бывшего в 1810 и 1917 гг. переулочка, соединявшего в середине Лаврушинский пер. с 1-м Кадашевским, да тупичок на месте 2-го Казачьего пер. закрашен, как подлежащий закрытию.

Между Большой Полянкой и Большой Якиманкой те же переулки, что в 1810 и 1917 гг.

Между Большой Якиманкой и Москвой-рекой, в отличие от плана 1810 г., исчез переулок севернее 3-го Голутвинского пер., параллельный ему, идущий между Якиманкой и 1-м Голутвинским пер. Крымский тупик показан переулком с площадью возле церкви. 2-й Бабьегородский пер., шедший от Крымского вала и выходивший на пустырь, доведен до 1-го Голутвинского пер. Мароновский пер., существовавший только между 1-м Бабьегородским и Якиманским пер., продолжен к югу и близ Крымского вала сливается с 2-м Бабьегородским пер. Пунктирными линиями он соединен и с 1-м Голутвинским пер. На плане 1917 г. имеются уже 3-й Бабьегородский и Крымский пер. и снова показан Крымский тупик, а Мароновский пер. не соединен с 1-м Голутвинским пер. На небольшом участке южной стороны Крымского вала, против выхода на него Мароновского пер. и Крымского тупика, — ряд деревьев.

На левом берегу Москвы-реки, между нею и Остоженкой, на месте широкой прибрежной полосы, показанной в 1810 г., сделаны проекты строительных кварталов, причем почти все переулки, шедшие с Остоженки, продолжены сквозь них до самой реки. По северо-западной границе бывшей у реки площади между новыми и старыми кварталами намечена улица от 1-го Зачатьевского пер. до Крымского пр. На плане 1917 г. осталась лишь часть этой улицы — Бутиковский пер.

Из Среднего Ильинского (Обыденского) пер. к северу и в Лесной пр. показан коленчатый переулок, бывший и в 1810 г., а на плане 1917 г. отсутствующий.

Кроме Молочного и 2-го Зачатьевского пер. у стен Зачатьевского монастыря, помеченных на планах 1810 и 1917 гг., на плане 1817 г. видны еще переулки у северо-западных и юго-западных стен монастыря. Все переулки в 1817 г. здесь расширяются и выпрямляются красными линиями.

Между Остоженкой и Пречистенкой — те же 8 переулков, что и в 1810 и 1917 гг.

На месте Зубовского бульв. показан ряд небольших дворов частных лиц и «казенный питейный дом». Но на их месте уже запроектирован широкий проезд посредине и по одному ряду деревьев по его сторонам у домов. У Зубовской пл. показан большой дом, вероятно гостиница.

Между Пречистенкой и Арбатом те же переулки, что в 1810 и в 1917 гг.

На месте Смоленского бульв., от дома у Зубовской пл. проезд и ряды деревьев у домов тянутся до Глазовского пер. Дальше — площадь (Смоленская-Сенная) и замыкающий ее от Арбата до Смоленской ул. дом, который проектировался, но не был построен.

С Арбата, между Смоленским рынком и Спасопесковским пер., кроме Троилинского показан еще один переулок, который есть и на плане 1810 г., но на плане 1817 г. намечен к закрытию; на плане 1917 г. его уже нет. Остальные переулки те же, как и в 1810 и в 1917 гг., кроме имеющегося только на этом плане проходного переулка из Трубниковского пер. через двор церкви Рождества богородицы в Кудрине на Новинский бульв. На плане 1917 г. он входит в территорию церковного двора.

На бывшем плацдарме Земляного города у Арбата показано здание лавок, за которым к северу до Малого Толстовского (Рещикова) пер. — Смоленская пл. и на ней 5 лавок; далее до дома, выходившего на Кудринскую площадь, — пустырь посредине, а у домов по одному ряду деревьев. Это, вероятно, запроектированные в 1816 г. палисадники и место Подновинского гулянья.

Между Поварской и Малой Никитской (Качалова) ул. те же переулки, что в 1810 и в 1917 гг., кроме существовавшего в 1917 г. и существующего поныне проезда с Большой Никитской на Малую Никитскую перед входом в церковь Большого Вознесения. Кроме нового здания этой церкви, на плане показано к юго-западу от него и старое здание.

Кудринская пл. на бывшем плацдарме Земляного города застроена, как в 1810 г., и занята двором Вдовьего дома; окраска строений на плане 1817 г. означает, что они подлежали сносу. Сносятся дома и дальше по линии, начинавшей позднейшую Садовую-Кудринскую ул., а стоявшие здесь прежде казенные бани помечены как уже снесенные. Улица по обеим сторонам показана обсаженной деревьями — от Малой Никитской до площади Триумфальных ворот (пл. Маяковского).

Между Малой Никитской и Тверской ул. — те же переулки, что в 1810 и 1917 гг. Только Малая Бронная, на плане 1810 г. состоявшая из двух отрезков — со стороны Белого города и со стороны Земляного вала, теперь связана пунктирными линиями в одну улицу от Бульварного кольца до Земляного вала. Сытинский туп. есть на всех трех планах, но на плане 1817 г. он закрашен, очевидно, как подлежащий закрытию. Со Спиридоновки (ул. Алексея Толстого) к южной стороне Патриарших (Пионерских) прудов появился новый переулок — Большой Патриарший (Большой Пионерский), а переулок из Спиридоньевского переулка к Патриаршим прудам восточнее церкви Спиридония исчез.

Между Тверской и Петровкой — Каретным рядом — те же переулки, что в 1810 и 1917 гг. Но восточнее Страстного монастыря не показан уже бывший здесь в 1810 г. переулок, а от трех двориков причта у восточных стен монастыря показана площадь (Сенная), доходившая до

пустыря перед домом кн. Гагариных (позднее зданием Новоекатерининской больницы).

Воротниковский пер., как и теперь, доходит только до Дегтярного пер.

На Земляном валу, между Малой Дмитровкой и Петровкой — Каретным рядом, между зданиями — Большая и Малая Угольные пл. без деревьев. Далее деревья у домов показаны до канала р. Неглинной.

Между Петровкой—Каретным рядом и каналом р. Неглинной (Цветным бульв.), «открытой канавой», как он называется в «Указателе» к плану 1817 г., в общем те же переулки, что и в 1810 и 1917 гг. Большой Каретный пер., как и в 1810 г., доходит только до Среднего Каретного пер. (тогда они назывались Большим и Средним Спасскими). Продолжение его к 1-му Знаменскому (2-му Колобовскому) пер. намечено пунктирной линией, которая на плане 1917 г. заменена продолжением переулка. Несколько западнее пунктирная линия продолжает Большой Каретный пер. и южнее — до бульвара, но это не было осуществлено.

По обеим сторонам канала показаны, как и в 1810 г., свободные пространства на всем разрыве между строительными кварталами. В 1917 г. здесь был уже Цветной бульв. с проездами по сторонам.

Между каналом р. Неглинной и Трубной ул. на всех планах сохраняются 3 переулка, но не одни и те же. В 1810 г. существовал параллельный Трубной ул. Грязный пер., шедший между продолжением к каналу Пильникова (Печатникова) и Малым Сергиевским пер. Под ним шла галерея Мытищинского водопровода. В 1817 г. его уже нет. Но появилось продолжение к каналу Большого Сухаревского пер. — Малый Сухаревский пер. В 1917 г. исчезло продолжение к каналу Пильникова пер. и появился Цветной пер., параллельный Трубной ул., идущий между Малыми Сергиевским и Сухаревским пер. Между Трубной ул. и Сретенкой на всех планах — 7 поперечных переулков.

На Земляном валу деревья у домов показаны от канала до 3-й Мещанской (Щепкина) ул., а дальше к востоку до Сретенки — площадь (Малая Сухаревская).

Между Сретенкой и Мясницкой ул. — те же переулки, что и в 1917 г. Нет только, как и в 1810 г., Анановского пер., проложенного в 1880-х годах и соединившего Стрелецкий пер. с Земляным валом.

Далее деревья по Земляному валу идут только от Малой Спасской до Мясницкой ул.

Между Мясницкой и Покровкой видны бывший в 1810 г., но в 1817 г. уничтоженный квартал между Мясницкой ул., Большим Козловским и Трехсвятительским пер. Здесь намечена Трехсвятительская площадь, впоследствии не образованная. В нее вошел и Мясницкий (Кировский) пр. Остальные переулки — как в 1810 и 1917 гг., за исключением нового переулка, с трех сторон опоясывавшего Яузский частный дом, стоявший в проезде Чистопрудного бульв. (второй к югу от Большого Харитоньевского пер.).

Между Покровкой и р. Яузой те же переулки, что в 1810 и 1917 гг. К северу от Яузы тянулся от Большого Николоворобинского пер. до Земляного вала огромный пустырь с прудами, и проезда у Яузы не было.

Заяузье, между Яузой и Таганской ул., на плане 1817 г. имеет те же переулки, что в 1810 и 1917 гг. Между Таганкой и Москвой-рекой — то же самое. Но красная линия, зарезывая дворы, расширяет Котельническую набережную.

По Земляному валу всюду показаны деревья у домов — проектируемые палисадники, за исключением Таганской пл. и прилегающих к ней отрезков Земляного вала.

За Земляным валом. В Замоскворечье от Москвы-реки до Зацепы и Коломенско-Ямской ул. — те же переулки, что в 1810 и 1917 гг. Но восточнее Коломенско-Ямской, где в 1917 г. пролегали пути Павелецкой железной дороги и отведенная для ее нужд территория, в 1817 г. показаны луг и роща, вероятно орошаемые старицей Москвы-реки во время снеготаяния и дождей. К ним от Москвы-реки ведут несколько маленьких переулков, которые есть и в 1917 г. На Коровьем и Зацепском валах у домов — деревья по обеим сторонам улицы.

Западнее, между Щипком и Большой Серпуховской, внутри квартала показано поле, застроенное лишь у этих улиц, да и то не везде. Полностью застроенный квартал домов виден только между Серпуховской пл. и Стремянным пер. Строения Павловской больницы у Камер-Коллежского вала разбросаны среди парка. Перед этой больницей от Большой Серпуховской ул. прямой линией к Даниловскому валу идет Павловская ул., которой на плане 1810 г. еще не было. Между нею и Большой Серпуховской ул. на западе показана, как и в 1810 г., треугольная, вытянувшаяся к заставе площадь. На ней в два ряда стоят деревянные хлебные запасные магазины (26 зданий). На их месте на плане 1917 г. Александровские (Чернышевские) казармы.

От угла Стремянного пер. и Щипка ведет к Земляному валу переулок, до которого доходит с востока Зацепа. Этот переулок, вероятно, только проектировался в 1817 г. у западного края бывшей здесь в 1810 г. рощи; на плане 1917 г. его нет.

Между Большой и Малой Серпуховскими ул. (последняя ныне называется Люсиновской) до Даниловской пл. виден только Арсеньевский пер. (ул. Павла Андреева) да оформленный в переулок проход со Стремянного пер. на Малую Серпуховку через ограду церкви Вознесения. Южнее же показана к западу от хлебных магазинов огромная площадь, доходящая на юге до Камер-Коллежского вала, а на западе до современной Хавской ул. Западную половину ее составляет «Конная скачка» — большое, в виде трапеции, поле, в 1810 г. имевшее грушевидную форму с черенком на север. Севернее «Конной скачки», как и в 1810 г., был расположен «Мытный скотопригонный двор», а за ним почти до Коровьего вала (Добрынинская ул.) — Конная площадь, потерявшая уже данную ей в XVIII веке форму круга. Западную сторону этой площади составляла Мытная ул. На плане 1817 г. площади дана форма неправильного четырехугольника. В 1917 г. она была уже застроена Морозовской детской больницей и жилыми кварталами.

Между Мытной ул. и Шаболовкой, как и на планах 1810 и 1917 гг., 2 переулка, а между Шаболовкой и Донской ул. — один Ризположенский (Выставочный) пер., продолжающийся до Большой Калужской ул. Южнее его показан еще один параллельный ему переулочек, который в 1810 г. шел также между этими улицами. В 1817 г. на месте значительно расширенной в западной части Большой Калужской ул. появилась Малая Калужская ул. и вышеуказанный переулок стал доходить только до нее. Так было и в 1917 г.

Вокруг Донского монастыря большая площадь, усаженная деревьями, с западной стороны которой указан переулок (1-й Донской) между главными воротами монастыря и Большой Калужской ул. Между Боль-

шой Калужской ул. и Москвой-рекой один Титовский пер., существовавший еще и в 1917 г.

Камер-Коллежский вал в 1817 г., как и в 1810 г., проходил здесь южнее, чем в 1917 г., и охватывал с юга Андреевскую богадельню (бывший монастырь). От нее к северу начинался Нескучный сад, в котором, на месте выемки современной Окружной железной дороги, находился овраг и в нем пруд, тянувшийся к Москве-реке почти от Калужской заст. Сад в 1817 г., как и в XVIII веке, принадлежал трем владельцам: южная часть — надворному советнику Риттеру; средняя часть — кн. Наталье Голицыной (урожденной гр. Чернышевой, прототипу «пиковой дамы» А. С. Пушкина); северная часть — гр. А. А. Орловой-Чесменской.

За садом, до Титовского пер., находились суконная фабрика и дом купца Михаила Титова; за переулком — Голицынская больница; далее, на месте 1-й Градской больницы, в 1817 г. стоял дом той же гр. А. А. Орловой-Чесменской; севернее его, на месте позднее возникших Мещанских училищ, в 1817 г. был дом статской советницы А. П. Полторацкой, выходивший задами и на Крымский вал; еще севернее — дом малолетних детей Потемкиных, у самой Калужской пл. — коллежского секретаря Арсанова, а западнее его, по Крымскому валу, маленькие дворики купца Иванова и статской советницы Татищевой.

Посреди квартала между Большой Калужской ул. и Москвой-рекой показаны 4 больших пруда и 4 малых.

Владения Полторацкой, Орловой-Чесменской и Голицынской больницы доходили на западе до самой Москвы-реки. На их месте в 1917 г. были свалки снега и мусора, теперь же здесь Парк культуры и отдыха имени А. М. Горького.

Красная линия 1817 г. делает проезжей набережную Москвы-реки до современной Окружной железной дороги. Крымский мост через Москву-реку на планах 1810 и 1817 гг. показан деревянным, на плане же 1917 г. железным.

Хамовники. Теплый пер. в 1817 г., как и в 1810 г., имел продолжение до Москвы-реки, позднее им утраченное. Выходивший из него севернее на ул. Чудовку Чудовский коленчатый пер. в 1810 и 1917 гг. имел еще один переулочек, связывающий его второе колено с Теплым пер.

Проектировавшийся в 1817 г. переулочек между Несвижским пер. и Хамовническим (Фрунзенским) плацем, у северного торца Хамовнических казарм, есть и на плане 1917 г. Это — Ксеньинский пер.

Между Трубецким пер. и Трубецкой ул. лежал к востоку от Большой Царицынской (Большой Пироговской) ул. обширный пустырь, за которым до ул. Большие Кочки находилась усадьба кн. И. Д. Трубецкого с домом и садом. Теперь здесь парк юннатов.

За Большими и Малыми Кочками к юго-востоку до Москвы-реки тянулись огороды и пустыри.

Девичье поле, начинавшееся в 1810 г. у Зубовской ул., на плане 1817 г. дано в виде длинной усеченной пирамиды, основание которой у Новоконюшенного пер., а вершина — у большой площади перед Новодевичьим монастырем. По юго-восточной стороне поля шла намеченная здесь же Большая Царицынская ул., а по северо-восточной — улица, северная часть которой впоследствии исчезла, а из южной части образовалась современная Погодинская ул. От этой улицы, уходя от нее полукругом на запад и снова возвращаясь, шла Саввинская ул. С севера к ней подходила Плющиха, образуя с проездом Де-

вичьего поля треугольный садик. К 1917 г. поле было уже значительно застроено клиниками университета.

За монастырем, между ним и современным его кладбищем, показан переулок. С площади перед монастырем показан другой переулок, проходящий к Москве-реке между большим прудом на юге и двумя маленькими на севере у реки.

Местность между Зубовской ул. и Плющихой, как и между последней и Москвой-рекой, имеет все переулки 1810 г. и в 1917 г. Но вокруг церкви Благовещения (в 7-м Ростовском пер.) запроектирована четырехугольная площадь, доходящая до реки.

В 1810 г. в Дорогомилове строительные кварталы показаны только по обе стороны Большой Дорогомиловской ул., да и то лишь на двух третях ее от Дорогомиловского моста. За этими кварталами — сплошные луга. Несколько маленьких жилых кварталов с церковкой видны еще на Бережковской набережной. На плане 1817 г. от Дорогомиловского моста до заставы спланированы новые кварталы. Параллельно Большой Дорогомиловской ул. с севера и с юга идут по две улицы на запад. Их пересекают три улицы, направленные с юга на север. С Бережковской набережной идут пять коротких переулочков на запад и имеются три, их соединяющие. Есть переулок и между первой и второй улицами, отходящими на юг от Большой Дорогомиловской ул. В 1917 г. здесь совсем другая планировка.

Между Смоленской ул. и Проточным пер. на плане 1810 г. к востоку от 1-го Смоленского пер. видны шесть переулков, из которых 3 северных соединены в конце поперечным и выходят в 1-й Смоленский пер. возле церкви Николы на Щепах одним переулком. К 1817 г. один из этих трех переулков исчез. Между 1-м Смоленским пер. и Москвой-рекой — те же переулки, что и в 1810 и 1917 гг. К 1917 г. один из двух переулков на Варгунихиной горе, выходивших ранее на Смоленскую ул., уже не выходит на нее.

Между Проточным и Новинским пер. — три переулка, им поперечные, причем первый от реки, как и в 1810 г., продолжает к северу восточную линию площади у реки, а третий — это Прогонный переулок. В 1917 г. площади уже не было, все три переулка были почти одинаковой длины, а к северу, от реки, шел еще маленький четвертый переулочек — Лесной, продолжением которого за Новинским пер. был Дровяной пер.

Между Новинским и Девятинским пер. указана одна улица по берегу Нижнего Пресненского пруда (в 1917 г. — Дровяной пер.), один сквозной переулок с востока, ей параллельный, и выходящий из его середины второй переулок, ведущий в Девятинский пер. В 1917 г. из его колена с первым показан коленом в Новинский — Малый Новинский пер.

Между Девятинским пер. и Кудринской (Баррикадной) ул. на всех планах одни и те же переулки. В отличие от плана 1810 г. Кудринский пер., доходящий до Конюшковской ул., на планах 1817 и 1917 гг. доходит только до Большого Конюшковского пер.

Кудринская пл. показана в виде продолговатого четырехугольника, суживающегося на западе. Красная линия этого четырехугольника на севере срезает владение Вдовьего дома и простирается до Большой Никитской ул. По южной стороне красная линия — прямая и охватывает с юга квартал с церковью Покрова в Кудрине, а за дворами ее причта поворачивает на север до Кудринской ул. На плане 1810 г. южная граница площади шла прямой линией от конца Поварской ул.

до конца Кудринской ул., где Большая Конюшковская ул. продолжалась прямой линией на север, охватывая с запада владение и сад Вдовьего дома. На плане 1917 г. Кудринская пл. показана длинным, суживающимся в конце четырехугольником, доходящим на западе только до церкви Покрова в Кудрине, а на севере проходящим по границам двора перед Вдовьим домом, не срезая его, как предполагалось в 1817 г. По существу, площади почти не было.

Местность Пресня между прудами и Камер-Коллежским валом, Москвой-рекой и Большой Пресненской ул. имеет на плане 1817 г. все те же переулки и улицы, что и на плане 1917 г., кроме того, еще один переулок с середины Нижней Пресни (Рочдельская) ул. к Москве-реке. Этот переулок шел между владением кн. Гагарина и владением Резанова и Прохорова. В отличие от плана 1810 г., где все переулки, параллельные Москве-реке и Большой Пресненской ул., оканчивались у Большого Трехгорного пер. (за ним до Камер-Коллежского вала лежал пустырь), на плане 1817 г. уже показан Большой Предтеченский (Большевистский) пер., доходящий до вала. Большой Трехгорный пер., доходивший до Большого Предтеченского пер., продлен до Москвы-реки.

В Грузинах между Камер-Коллежским валом, Большой Грузинской ул., Большой Пресненской ул. и 2-й Брестской ул. планировка в общем та же, что и в 1917 г. Нет только, как не было и в 1810 г., Расторгуевского и Охотничьего (Столярного) пер., и к северу от Большого Тишинского пер. до Грузинского вала и 2-й Брестской ул. идет пустырь, в который вливается и Большая Грузинская ул. На месте Ново-Пресненского пер. с севера открыто течет в Верхний Пресненский пруд р. Пресня, а на месте Бубнинского туп. и Кабанихинского пер. текут притоки Пресни — Бубна и Кабаниха.

1-я и 2-я Брестские ул., такие же, как на плане 1917 г., тогда как на плане 1810 г. 1-я указана лишь половиной, ближайшей к Камер-Коллежскому валу, а 2-й нет. Большая Тверская-Ямская ул. показана застроенной посредине, по правой от центра стороне ее, пятью длинными, узкими зданиями лавок, вместо ряда мелких лавочек, бывших на этом месте в 1810 г.

Теперешние площади Белорусского вокзала и Маяковского и в 1810 и в 1817 г. еще застроены.

Проезд за лавками, к востоку на Большой Тверской-Ямской ул., уже в 1817 г. считался Задней Тверской-Ямской ул. и выходил в Оружейный пер. За ним шли Верхняя и появившаяся 4-я Тверские-Ямские улицы. Эти улицы пересекались переулками, образуя небольшие узкие строительные кварталы. Между ними и строительными кварталами к западу от Новослободской ул. лежал огромный прямоугольник Миусского поля, в 1810 г. не имевшего отчетливых очертаний и доходившего на севере до Лесной ул., а на юге — до Садовой-Триумфальной, которой тогда не было, а был Земляной вал. В 1817 г. южная сторона поля лежит на линии современных Весковского пер. и 4-й Миусской ул. Показана и 5-я Тверская-Ямская ул., идущая от 4-й Тверской-Ямской ул. коленом в середину южной стороны Миусского поля. В 1917 г. это поле значительно застроено и от него осталась небольшая квадратная площадь посредине.

Между Лесной ул. и Бутырским валом, как и в 1810 г., несколько небольших кварталов у начала Лесной ул. да Бутырская тюрьма в конце ее. В 1817 г. от Новослободской ул. к валу идут 2 переулка, параллельные Лесной ул. и как бы продолжающие Вадковский и Тихвинский пер. Остальное пространство занимал огромный пустырь, и к

1917 г. еще не полностью застроенный. Указанные же 2 переулка к 1917 г. превратились в тупики.

Между Новослободской ул. и Тихвинской — Сущевской-Пименовской (Краснопролетарской) ул. — те же переулки, что и в 1917 г. На плане 1810 г. Тихвинская ул. не доходила до Сущевского вала, теперь же она показана выходящей на него, и исчез тупик из Вадковского пер. к югу.

Между Тихвинской и Бахметьевской (Образцова) ул. показана, как и в 1810 г., текущая с севера Неглинная. Лишь у Камер-Коллежского вала указан один переулок, параллельный ему; южнее нет ни одного переулка до самой ул. Палихи. На плане же 1917 г. здесь целый ряд мелких переулков, а Неглинная уже заключена в трубу.

К востоку от Бахметьевской ул., как и в 1810 г., Александровская ул., с тремя переулками, а за нею — обширное пространство, среди которого островом лежал четырехугольник Лазаревского кладбища, вокруг которого намечен большой квадрат поля. С Бахметьевской ул. шел к воротам кладбища переулок, пересекающий Александровскую ул. Улица Новая Божедомка, застроенная на западе Александровским мещанским институтом, а на востоке — Мариинской больницей для бедных, проходит так же, как в 1810 и 1917 гг. Параллельно Новой Божедомке идут Институтский пер. и другой переулок севернее современного Театра Советской Армии (в 1817 г. квартал, ныне занятый театром, был застроен пятью небольшими дворами).

У южной границы Лазаревского кладбища идет проезд, соединяющий Бахметьевскую ул. с Александровской, в 1917 г. он назывался Бахметьевским пер. Далее к востоку его продолжала Трифоновская ул. Между последней и Камер-Коллежским валом показаны два пруда больших и пять малых. Пруды эти позднее исчезли. В 1917 г. на их месте уже была полоса отчуждения Московско-Виндаво-Рыбинской (Калининской) железной дороги.

На плане 1817 г. большие пруды показаны двумя прямоугольниками; из западного пруда текут к югу два ручья. Чуть севернее Трифоновской ул. они сливаются в один, южнее образующий три пруда: к востоку от церкви Трифона, к западу от нее и севернее Старой Екатерининской больницы. Далее к югу из среднего пруда вытекала р. Напрудная, в свою очередь образовавшая два больших и три малых пруда на территории, ныне занятой парком ЦДСА. Дальше Напрудная пересекала Самарский пер. и Старую Божедомку (ул. Дурова) и текла в Самотечный пруд, сливаясь недалеко от него с Неглинной.

Между концом Новой Божедомки и Самарским пер. к югу указана треугольная площадь. На плане 1917 г. это Екатерининская площадь, существовавшая и в 1810 г.

На плане 1810 г. на пустыре между Сущевской-Пименовской, Самотечной ул. и Божедомским пер. были только Щемиловский пер., Самотецкий пер., дугой идущий к Екатерининскому институту, и пруды Неглинной, а в 1917 г. здесь была уже сеть Самотечных пер. На плане же 1817 г. здесь пунктиром обозначено намеченное продолжение ул. Селезневки к востоку от Сущевской ул. с выходом на Новую Божедомку напротив Мариинской больницы для бедных.

Между Божедомским пер. и Самотечным прудом видим 3 параллельных Земляному валу переулка, бывших и в 1810 г. На плане же 1917 г. остались только 2 из этих переулков — 1-й и 2-й Волхонские пер.

Между Самотечным прудом, Старой Божедомкой и 4-й Ме-

щанской ул. на планах 1810 и 1817 гг. показана Троицкая ул. с отходящим от нее переулочком, который коленом вливается в длинный, коленчатый тупик, начинающийся у Самотечного пруда и идущий параллельно ему на север. Из его середины к пруду показан маленький переулочек. Улица Старая Божедомка на западе вливается в небольшую треугольную площадь против церкви Ивана Воина. К 1917 г. здесь была уже сеть Лаврских и Троицких переулков.

В конце 3-й Мещанской ул., между Капельским пер. и Трифоновской ул., на плане показано большое владение Екатерининской больницы (Старой).

Между 3-й и 1-й Мещанскими улицами — только Больничный и Капельский пер.; южнее их до Земляного вала, на месте простиравшейся здесь в 1810 г. рощи, показаны церковь и строительные кварталы. Между ними переулки: Пальчиков, Масленников и Андриановский.

К востоку от 1-й Мещанской ул. (просп. Мира) на плане 1817 г. показаны отходящие от нее 6 больших, почти параллельных улиц (шестая отходит несколько отступя от Мещанской) и один переулок (у самой Троицкой заст.). В 1810 г. были только 2 переулка, выходившие в обширное поле, распростертое от Камер-Коллежского вала до Красного пруда. В 1917 г. здесь были уже Большая Переяславская и Каланчевская ул. с сетью переулков. Указанные 6 параллельных улиц на плане 1817 г. ломаными линиями склонялись к юго-востоку. Первые три улицы выходили на Каланчевское поле, четвертая проходила между сгоревшим в 1812 г. Артиллерийским полевым двором и Красным прудом до южной границы поля, пятая — тоже, но шла по восточной стороне пруда, шестая шла параллельно Камер-Коллежскому валу, затем отклонялась от него и соединялась с Верхней Красносельской ул. Это, несомненно, новая планировка Переяславского ямского поля, задуманная, но не осуществленная, так как на плане 1917 г. совершенно другая сеть улиц и переулков. В восточной же части на плане 1917 г. показаны пути и другие сооружения Петербургско-Московской (Октябрьской) и Северной железных дорог.

От Камер-Коллежского вала указанные 6 улиц пересекаются четырьмя радиальными улицами. Первая (от Мещанской), третья и четвертая доходят лишь до Протопоповского пер., вторая — до пруда Балкан в Грохольском пер.

На плане 1810 г. ничего этого нет. В направлении некоторых улиц на плане 1917 г. с трудом можно найти сходство с направлением проектируемых улиц. Так, Большая Переяславская ул. в своей северной части (от Глинистого пер.) схожа с северной частью 1-й радиальной улицы. Южным окончанием 2-й радиальной улицы мог бы служить современный Астраханский пер., а продолжением — немного сдвинутым к западу — 1-й Коптельский пер. и Малая Спасская ул.

Между 1-й Мещанской и Каланчевской ул., Грохольским пер. и Земляным валом на плане 1817 г. в общем те же переулки и улицы, что и на плане 1917 г. Между тем здесь в 1810 г., кроме Большой и Малой Спасских ул. и Грохольского пер., ничего не было. Между Домниковской, Садовой-Спасской и Каланчевской ул. на плане 1817 г. нет ни одного переулка.

Каланчевское поле показано в виде неправильного прямоугольника, непараллельные стороны которого начинались у Каланчевской ул. и шли до Красного пруда, изображенного в естественных очертаниях — кривой неправильной формы, и вытекавшей из него р. Чечоры. На

этом поле, между теми местами, где теперь Ярославский и Казанский вокзалы, лежали еще обгорелые остатки Артиллерийского полевого двора, а к югу, до Новой Басманной ул. были те же улицы и переулки, что и в 1810 и 1917 гг. По этой местности с запада протекал ручей Ольховец, имевший много прудов между Ольховской и Новой Басманной ул. и сливавшийся с речкой Чечорой между Ольховской ул. и Елоховской (Бауманской) пл.

Между Новой и Старой Басманными ул. на всех планах имеются только Бабушкин пер. и Хомутовский туп.

Между Верхней Красносельской ул., Камер-Коллежским валом, Краснопрудной ул. и Сокольническим шоссе на плане 1817 г., как и в 1810 г., показан небольшой прямоугольный пруд, в который с северо-запада впадает р. Рыбенка, вытекая из него к юго-востоку. Все улицы, показанные на плане 1917 г., кроме 1-й и 2-й Рыбинских на месте засыпанного пруда и речки, имеются и на плане 1817 г. Между Ивановской (Маленковской) ул. и Сокольническим шоссе показан прямоугольник с 5 деревянными строениями по западной и южной стороне — Егермейстерский потешный двор. Между же Ивановской и современной Митьковской ул. — огромная дача Ф. В. Ростопчина, с прудами, образуемыми р. Рыбенкой, и двумя деревянными зданиями.

Дальше к востоку до Яузы видны улица и переулок лишь у самого Матросского моста.

На плане 1810 г. между Краснопрудной ул., Сокольническим шоссе, Стромынкой с севера и Покровской (Бакунинской) ул. с юга показан неоформленный пустырь, на плане же 1817 г. — огромный прямоугольник Сокольнического поля, на месте которого к 1917 г. возникли Сокольнические ул. и ул. Матросская Тишина. Западнее его обозначены, как и в 1917 г., Девкин (Бауманский), Гавриков и Рыкунов пер., южнее — Покровский дворец с прудами р. Рыбенки. В северо-восточном углу, у Матросского моста, показаны строения Смирительного дома, дома умалишенных (Преображенской больницы) и Екатерининской богадельни. Между ними и Стромынкой в 1817 г. проектировалась небольшая треугольная площадь. От нее к Сокольническому полю ведет улица, впоследствии продолженная на запад, — ул. Матросская Тишина.

За Яузой, между нею, Камер-Коллежским валом и Преображенской ул., показаны переулок и улица, параллельная Преображенской, а от Камер-Коллежского вала — 2 улицы, ей перпендикулярные. В перпендикулярных на плане 1917 г. можно предположить Потешную и 1-ю Петровскую ул., в параллельной же улице — 2-ю Петровскую, а в переулке — 3-ю Петровскую ул. 2-я Петровская ул. на плане 1817 г. тянется от самой р. Яузы, а не от Потешной ул., как на плане 1917 г. На плане 1810 г. здесь лишь переулок и отдельные части Потешной и 2-й Петровской ул. Таким образом, все остальное — результат осуществления проекта 1817 г.

Между Преображенской ул. и Хапиловским прудом видны, как и в 1810 и 1917 гг., 4 улицы, идущие с севера на юг. Между ними в 1817 г. столько же переулков, как и в 1917 г. В 1810 г. до Хапиловского пруда доходят только две восточные улицы, две же западные — только до середины своей длины 1817 г. От них до р. Хапиловки — пустырь, на котором нет даже Генеральной (Электрозаводской) ул., а показана только Лаврентьевская ул. между Большой Семеновской ул. и Хапиловкой, являющаяся теперь началом Электрозаводской ул. от Рубцова моста.

Южнее Хапиловского пруда, между ним и Большой Семеновской ул., показаны 4 переулка, как в 1917 г., и перпендикулярная им улица у северных концов их — теперешняя Малая Семеновская ул. К западу от этой улицы — треугольник Введенской (Журавлева) пл. Ул. Соколиной горы и Измайловского пер. на плане 1817 г. еще нет, как нет их, естественно, и на плане 1810 г.

Между Земляным валом, Старой Басманной, Покровской (ныне Спартаковской и Бакунинской) ул. на севере, р. Яузой на востоке, Вознесенской и Гороховской ул. на юге в 1817 г. — те же улицы и переулки, что и в 1810 и 1917 гг. В 1917 г. нет лишь одного Сенатского пер. с Немецкой ул. на восток, лежавшего напротив Гарднеровского пер. В 1810 и 1817 гг. здесь была еще большая площадь, продолжавшая современную Лефортовскую пл. к югу и вливавшаяся в площадь перед Слободским дворцом — до Бригадирского пер. Она вошла позже во дворы по западной стороне 2-й Бауманской ул. На плане 1917 г. ее нет.

За Яузой, между Большой Семеновской и р. Синичкой показаны 2 улицы, идущие с севера на юг от улицы, параллельной Семеновской, и 3 поперечных переулка между ними, которых нет на плане 1810 г. Первая улица (западная) продолжена и за рекой, вторая (восточная) не доходит до нее. На плане 1917 г. — улицы в ином направлении. Близ Синички значительное место на всех планах занимает Введенское кладбище.

Между р. Синичкой и Красноказарменной ул. на плане 1817 г. показано продолжение первой с севера улицы к югу, между Яузой и строениями Военного госпиталя. Не доходя до Лефортовского моста, эта улица имеет переулок к востоку, вливающийся в площадь перед госпиталем. На плане 1810 г. этой улицы и переулка нет, на плане 1917 г. есть.

Восточнее площади перед госпиталем на плане 1817 г., как и на планах 1810 и 1917 гг., идет к востоку улица с 6 поперечными переулками, в которых прямоугольниками расположено 14 строительных кварталов. Это — современная Владимирская ул. с Солдатскими пер., бывшая в XVIII веке Лефортова солдатская слобода.

Южнее показаны как на плане 1810 г., так и на плане 1817 г. строения Екатерининского дворца, бывшего тогда солдатскими казармами, в 1917 г. — Кадетскими корпусами. Между ними и Яузой сад (ныне парк Московского военного округа), а к востоку площадь — современная Краснокурсантская, но Анненгофской рощи за ней к востоку не показано, так как в 1810 и 1817 гг. она не входила еще в городскую черту. В 1904 г. эта роща была целиком снесена ураганом, и поэтому на плане 1917 г. на ее месте помечен лишь огромный квадрат — площадь бывшей Анненгофской рощи.

Между Гороховской и Вознесенской ул. на севере, Земляным валом на западе и Яузой на востоке и юге в 1810 и 1817 гг. шел параллельно Земляному валу и невдалеке от него с Гороховской до Верхней Сыромятнической ул. большой переулок, к которому от Земляного вала напротив Большого Казенного пер. отходили два переулочка, пересеченные посредине третьим. К 1917 г. эти маленькие переулочки превратились в Кобыльские (1—3) тупики, а большой переулок в Нижний Сусальный туп. (с Гороховской ул.) и Верхний Сусальный туп. (с Верхней Сыромятнической ул.). Территория же между ними на плане 1917 г. была занята путями Курского и Нижегородского вокзалов (с 1896 г.).

Южнее Верхней Сыромятнической ул. как на плане 1810 г., так и на плане 1817 г. показаны Криво-Ярославский (позднее Мельницкий) пер., а также отходящие от него к Верхней Сыромятнической ул. 2 переулка, вливающиеся в коленчатый Полуярославцевский пер., который доходил на юге до Яузы, а другим коленом до Нижней Сыромятнической ул. В 1917 г. переулок с Верхней Сыромятнической ул., доходивший до Полуярославцевского пер., получил самостоятельное продолжение к югу, а восточнее его появился еще один, параллельный ему, переулок до Яузы.

За поворотом р. Яузы на запад ниже Дворцового моста и близ Андроньева монастыря в 1810 г. от Камер-Коллежского вала до Золоторожской (Волочаевской) ул. и у самой Яузы лежали огромные пустыри. Золоторожская ул. начиналась у Красноказарменной пл., как и в 1917 г., и имела 2 переулка к западу до реки Яузы и 2 тупика, не доходящие до Яузы. Южнее находилась Андрониевская (Прямикова) пл. и Андроньевский монастырь. С Вороньей (Тулинской) ул. к указанной площади шли 2 переулка и 1 к улице, отходившей от площади на восток к Камер-Коллежскому валу. От нее на север отходил длинный, почти параллельный Камер-Коллежскому валу тупик, от которого к валу шел маленький переулочек.

На плане 1817 г. проектировалось: концы двух тупиков вблизи Яузы соединить переулочком, благодаря чему получался дугообразный переулок, начало и конец которого были на Золоторожской ул. Тут же этот проект отменен и тупики уничтожались. Пустырь перед Камер-Коллежским валом у Проломной заставы намечено превратить в прямоугольник Андроньева поля, открыв и продолжив до него тупик, шедший у вала. В 1917 г. у северной части Андроньева поля показаны здания Алексеевского военного училища и 3-го Кадетского корпуса, южнее — Красные казармы и Красноказарменная пл., а на остальном пространстве — новые переулки.

Между р. Яузой, Земляным валом и Николо-Ямской (Ульяновской) ул. в 1817 г., как и в 1810 и 1917 гг., было 3 переулка.

Между Вороньей ул. и Камер-Коллежским валом от Рогожской заст. до Покровской заст., как и в 1810 и 1917 гг., шли к югу 3 улицы, пересекаемые 5 параллельными переулками, доходившими до Большой Андроньевской ул. и за ней до ул. Хивы (Добровольческой ул.). От угла ул. Хивы и Николо-Ямской ул. уходил на юго-запад пучок из 3 проездов — Малой и Большой Алексеевских улиц и Дурного (Товарищеского) пер. В 1917 г. к ним прибавилось еще несколько небольших переулков.

Между Камер-Коллежским валом (от Покровской до Спасской заст.), Семеновской и Воронцовской ул. в 1817 г. были те же улицы и переулки, что в 1917 г.; не было только Новоселенского и Зонточного пер., а от Новоселенской ул. до Камер-Коллежского вала простирались огороды Покровского монастыря.

Между Воронцовской ул., Земляным и Камер-Коллежским валами и Москвой-рекой Новоспасский пр. в 1817 г. не поворачивал восточнее церкви Сорока мучеников на Сорокасвятскую (Динамовскую) ул. В 1917 г. здесь показан длинный тупик к Воронцовской ул. К западу от Новоспасской пл. находились пруды.

Южнее Сорокасвятской ул. на плане 1817 г. 3-й Крутицкий пер. продолжается к западу до 4-го Крутицкого пер., и из него был еще переулок на Сорокасвятскую ул. В 1917 г. между 4-м Крутицким и 2-м Сорокасвятским переулками был еще тупик.

Южнее Крутицких (Алешинских) казарм в 1810 г. показана улица, идущая вдоль стены казарм от Камер-Коллежского вала к Москве-реке, другая же шла к югу от ее середины. Но в 1817 г. здесь есть еще одна улица, параллельная стене казарм, а на плане 1917 г. сверх того еще два переулочка.

Еще южнее показаны на плане 1817 г., как и в 1810 и 1917 гг., расположенные на пустыре «Пороховые магазейны» (склады), а за ними — Симонов монастырь. Юго-западнее монастыря, у поворота Камер-Коллежского вала к западу, на планах 1817 и 1917 гг. — Симонова слобода. На плане 1810 г. ее нет.

Из сделанного нами подробного рассмотрения плана 1817 г., в сравнении с планами 1810 и 1917 гг., видно, что хотя сожженная в 1812 г. Москва представляла известные возможности для улучшения ее планировки, большинство улиц и переулков было восстановлено в старых очертаниях, с некоторым лишь их «регулированием» (выпрямлением и расширением). В этом, кроме финансовых соображений — невозможности выкупа у частных владельцев их участков для прокладки новых улиц в более или менее широком масштабе, несомненно, сыграла роль и необходимость срочно восстановить город, его жилища и учреждения, так как возвращавшемуся населению негде было жить и оно в первые годы после пожара проводило массовую застройку погоревших кварталов. Создание же новых улиц на месте старых кварталов вызвало бы большую волокиту при распределении участков вместо старых дворов; к тому же органы Комиссии строений были для этого недостаточны.

Какие же основные изменения мы видим на плане 1817 г. в сравнении с планом 1810 г.? Напомним, что эти изменения были только проектом и не всегда впоследствии реализовались.

В Китай-Городе была перепланирована Красная пл. (в таком виде она просуществовала до 1887 г.) и спроектирована Васильевская пл.

В Китайгородской стене после сноса окружавших ее земляных бастионов были намечены проломные ворота с Никольской ул. на Никольскую пл.

Можно предполагать, что около этого же времени были сделаны большая подсыпка земли вдоль Варварки и съезды и сходы с нее в Зарядье по пер. Зарядьевскому, Максимовскому, Псковскому и Кривому.

В Белом городе Петровская пл. на плане дана в линиях, указанных Александром I, но фактически осталась такой же, какой была до пожара 1812 г.

Неглинный канал и его бассейны между Кузнецким мостом и устьем р. Неглинной на прожектированном плане засыпаны, бастионы Петра I вокруг Кремля и Китай-города снесены, хотя, как увидим далее, все это было осуществлено позднее. На месте бастионов — деревья в 1, 2 и 4 ряда.

Арбатская площадь получила прямоугольную форму, для чего снесены дворы, стоявшие между Знаменкой и местом, где теперь Художественный кинотеатр и к югу, до Антипьевского пер.

Моховая пл. в 1817 г. была застроена Манежем.

Исчезло продолжение к Никитским воротам Большого Гнездниковского пер., исчез и переулок, шедший по западной стороне от теперешнего здания Центрального телеграфа на ул. Горького. Хлыновский туп. соединен коленом с Леонтьевским пер.

Никольская пл. сделана из круглой квадратной.

Малый Успенский пер. продолжен до Армянского.

Кварталы между Тверской и Большой Дмитровкой, Рождественкой и Сретенкой, Сретенкой и Мясницкой, Маросейкой и Солянкой не затрагивались ни планировкой 1817 г., ни последующими, вплоть до 1917 г.

В Земляном городе на плане 1817 г. нет строительного квартала между Хлебным (Фалеевским) пер. и Балчугом. Исчез переулочек, соединяющий Лаврушинский и 1-й Кадашевский пер., а также один из Голутвинских пер. Появился 1-й Раушский пер.

Возникли новые переулки и улица: переулок на Крымском валу (вместо тупика); продолжены до 1-го Голутвинского пер. 2-й Бабьегородский и Мароновский пер., а последний доведен и до Крымского вала; переулки у северо-западных и юго-восточных стен Зачатьевского монастыря; улица близ Пречистенской набережной между 1-м Зачатьевским пер. и Крымским пр., остатком которой является современный Бутиковский пер.

На Земляном валу от Крымской пл. до Глазовского пер. посреди — улица, у домов — деревья. Это проект палисадников, позже замененных здесь Зубовским и Смоленским бульв.

Исчез переулок между 2-м и 3-м Николощеповскими пер., параллельный им, а также переулок между Смоленским рынком и Спасопесковским пер.

Малая Бронная ул. соединена посредине с нынешними ее частями у Тверского бульв. и у Садовой ул. Появился новый переулок — Большой Патриарший (Большой Пионерский). Исчез переулок из Спиридоньевского пер. к Патриаршим прудам.

Показана новая площадь — восточнее Страстного монастыря. Большой Каретный пер. продолжен до бульвара.

Исчез Дурной, он же Грязный, пер. между Неглинным каналом и Трубной ул., под которым шла «галерея» Мытищинского водопровода. Появился Малый Сухаревский пер.

Запроектирована новая площадь — между Мясницкой ул. и Трехсвятительским пер.

По всему Земляному валу, кроме площадей, намечены деревья у домов.

За Земляным городом, до застав, показаны:

Новые улицы — Павловская и Малая Калужская. Прямоугольные площади на месте Конной скачки и Конной площади. Новый переулок с северной стороны Хамовнических казарм — Ксеньинский пер. Девичье поле дано в виде усеченной пирамиды до площади у Новодевичьего монастыря. Кудринская пл. расширена с запада и севера. Миусское поле дано в виде прямоугольника. Тихвинская ул. доведена до Сущевского вала. Селезневка продолжена до Новой Божедомки. Появились 2-я Брестская, 4-я и 5-я Тверские-Ямские ул.

К востоку от 1-й Мещанской ул., на месте Переяславского поля, возникла сеть из радиальных и кольцевых улиц. Из последних — две проходят и за Красным прудом. Сокольничье поле дано в виде прямоугольника. Создана треугольная площадь от Стромынки до Преображенской больницы.

За Яузой возникли Потешная улица, 1-я и 3-я Петровские ул. и Петровский пер. Между Семеновской и Красноказарменной ул. появились 3 новые улицы и переулки между ними. Между р. Яузой и зда-

нием Военного госпиталя возникла новая улица до Лефортовского моста. Вдоль ул. Коровий брод создана прямоугольная площадь от Лефортовской пл. до Бригадирского пер.

Между Красноказарменной и Вороньей ул., к востоку от Золоторожской ул., образовано прямоугольное Андроньевское поле. Тупики к западу от Золоторожской ул. уничтожены.

За Земляным валом не осталось почти ни одной местности, которая не изменила бы своей планировки к 1917 г.

Таково содержание плана 1817 г., сравнительно с планами 1810 г. и 1917 г.

Планы 1817 г. были изготовлены комиссией в рукописном виде, всего в семи экземплярах. Но требования на план были гораздо большие, и, чтобы удовлетворить их, директор Чертежной Челиев испросил у Тормасова разрешение отпечатать уменьшенный план за свой счет и продавать его. В 1818 г. был отпечатан «Прожектированный план столичного города Москвы». На нем написано: «Сочинен при Комиссии для строения в Москве 1818 года. Сост. Е. Челиев. М: 1 дюйм = =150 саж.»[47]. Он быстро разошелся, и потребовалось второе издание. В 1819 г. вышел план с тем же названием, но с другой надписью: «Издан надворн. советником и кавалером Челиевым 1819 года. М: 1 дюйм=300 саж.»[48]. Как видим, второй план вдвое меньшего масштаба, чем первый.

С первого же года своей деятельности Комиссия строений стремилась «регулировать» московские улицы и переулки, наиболее нуждающиеся в этом. Не имея специальных средств на это дело, она старалась осуществлять регулирование без затраты денег казною на уплату владельцам за отнимаемые у них земли. Делалось это за счет укрупнения кварталов путем закрытия излишних переулков, перепланирования дворовых участков, причем земли закрываемых переулков отдавались тем владельцам, у которых отбиралась часть дворов для прокладки новых переулков или расширения улиц.

Все выгоды такого регулирования Комиссия строений формулировала следующим образом: «Таковым прожектированием вновь переулков и разграничением владений при видимой благовидности городу доставится удобность в проездах, и обыватели, получая достаточное число земли в сравнении у них бывшей, а многие и с значительным излишеством, приведением в правильность границ их владения, будут иметь лучшую удобность в расположении строений, а притом все сии перемены никаких издержек казне не сделают»[49].

М. В. Будылина приводит четыре примера регулирования переулков, сравнивая имевшиеся в делах Комиссии строений их чертежи на плане 1810 г. (до регулирования) с их обозначением на «Плане столичного города Москвы с показанием прожектов площадям и улицам, существующим и вновь предполагаемым, сочиненном в Комиссии для строений в Москве 1817 года». Пользуясь приведенными М. В. Будылиной чертежами переулков до их регулирования, мы сравниваем их с планом действительного состояния улиц и переулков на плане Москвы 1825 г., составленном И. Сыроежиным и И. Трухачевым.

Серебряный пер. на Арбате. Дело о нем Комиссия строений рассмотрела еще 4 августа 1813 г. Переулок начинался у Арбата напротив Староконюшенного пер., шел на север напротив церкви Николы Явленного и за этой церковью поворачивал под прямым углом на

восток, но сейчас же получал направление прямой линией снова на север — до Большой Молчановки. Комиссия продолжила северное направление прямо до Арбата, срезав указанный угол и задев даже часть церковного здания, впрочем оставленного нетронутым до его сноса или переделки. Но только 28 июля 1814 г., т. е. спустя почти год, главнокомандующий Москвы Ростопчин утвердил проект комиссии. На плане 1825 г. он уже осуществлен[50].

На Смоленском рынке к церкви Николы в Щепах в современном 1-м Смоленском пер., к поперечному за ее алтарями небольшому переулку, шли с рынка три маленьких Безыменных переулка, а к западу от поперечного переулка к 1-му Смоленскому — один переулок. Комиссия строений рассмотрела, по докладу С. С. Кесарино, вопрос о регулировании этих переулков 16 декабря 1813 г. Средний переулок из трех был ею ликвидирован, остальные несколько расширены; земли ликвидированного переулка пошли безвозмездно на расширение и выпрямление дворов в укрупненном квартале. Но расчет с домовладельцами был произведен лишь в августе 1816 г. На плане 1825 г. это регулирование уже осуществлено.

Близ Трубной пл., между ней и Садовой-Сухаревской ул., находились три переулка: Трубный (Трубная ул.), Панкратьевский (Большой Сухаревский) и Грязный, параллельный Трубному, шедший между ним и Самотечным каналом от теперешнего Малого Сергиевского до Печатникова пер. В июле 1814 г. Комиссия строений рассматривала вопрос о регулировании этих переулков. Необходимость регулирования вызывалась тем, что Трубный пер. выходил на Рождественскую гору и неудобно было как въезжать, так и съезжать с нее. Панкратьевский пер. имел лишь небольшой тупичок западнее Трубного пер. Грязный пер., шедший в низком месте, по своду Екатерининского водопроводного канала, осенью и весной были непроходим из-за грязи от стекавшей сюда дождевой воды. Комиссия решила: для Трубного пер. сделать западнее другой выход прямо на Трубную пл., а его площадь присоединить к обывательским дворам; тупик Панкратьевского пер. превратить в сквозной переулок, продолжив его до Самотечного канала. Так как для этого пришлось взять большой участок огородной земли купца Лебедева, то он был компенсирован землей сносимых из-за неблагоустройства Трубяных деревянных бань, стоявших в начале Трубного пер., между ним и Самотечным каналом. Грязный же переулок был ликвидирован, и земля его вошла во дворы.

В июле 1814 г. Комиссия строений рассмотрела вопрос о регулировании Филипповского и Кривого Безымянного пер. Первый выходил кривым коленом на Арбатскую пл. Через двор от него, принадлежавший гвардии прапорщице Хомяковой, выходил на площадь Кривой Безымянный пер., соединявшийся с Большим Афанасьевским пер. Комиссия уничтожала кривые выходы обоих переулков на площадь, расширяла и выпрямляла часть переулка между Большим Афанасьевским и Филипповским пер. и продолжала его прямой линией через двор Хомяковой к Арбатской пл. Так получился современный Малый Афанасьевский пер. Филипповский пер. тоже был расширен и выпрямлен так, что он стал выходить в середину Малого Афанасьевского прямой линией. Остатками от уничтоженных переулков комиссия удовлетворила владельцев отошедших под новые частей дворов, произведя сложную операцию[51].

Примерно в это же время был регулирован Старомонетный пер. путем сноса стоявшего посреди него с XVII века Кадашевского монет-

ного двора; на плане 1825 г. его уже нет, и переулок регулирован прямыми красными линиями.

Этих примеров достаточно, чтобы видеть, как Комиссия строений регулировала переулки и укрупняла городские кварталы.

Регулирование же красными линиями большинства улиц и переулков затянулось на целых 100 лет и не было окончено до самой Октябрьской революции.

После представления в Петербург плана 1817 г. Комиссия строений занялась планировкой площадей в центре Москвы. Все эти проекты подлежали утверждению царем, поэтому комиссия не особенно стремилась выполнить все, начертанное на плане 1817 г., а позволила себе и отступления от него.

Уже в наброске карандашом границ и фигуры будущей Петровской пл., сделанном Александром I в 1816 г., можно видеть отступление от идеи создания вокруг Китай-города ряда непрерывно подходящих одна к другой площадей. Застройка в 1817 г. старой Моховой пл. Манежем нанесла этой идее второй удар.

Прежде чем устраивать в центре Москвы площади, необходимо было заключить в подземную трубу канал р. Неглинной и «планировать» местность. Под этим словом тогда понимали выровнение поверхности, с засыпкой рвов, срезом бугров и других возвышений, уменьшение покатостей. Вокруг Китай-города тогда находились еще ров и бастионы Петра I, правда значительно уже разрушенные временем. Их надо было уничтожить.

16, 23 и 30 марта 1815 г. объявлением в газете «Московские ведомости» были вызваны подрядчики для взятия на себя этих работ. 30 апреля 1815 г. московский генерал-губернатор А. П. Тормасов согласился сдать подряд на спланирование земель от Варварских до Воскресенских ворот, т. е. с восточной и северной сторон от Китай-города, московскому купцу Крылову за 36 тыс. руб., с тем чтобы приступлено было к работам в мае 1815 г. Наблюдение за работами по планировке было возложено на правительственного землемера Петрова[52]. Одновременно было решено закрыть канал и бассейн Неглинной от Кузнецкого до Воскресенского моста «с употреблением имеющегося в оных дикого камня и решоток на исправление Москворецкой набережной»[53].

Дело, однако, затянулось. 28 августа 1816 г. Комиссия строений представила московскому генерал-губернатору «Положение о регулировании Москвы, устроении площадей и проч.», но даже 12 января 1817 г. в журналах комиссии отмечалось, что «сии предположения и представленные с ними программы генерального плана г. Москвы высочайшего утверждения еще не удостоены».

Меж тем духовные власти Москвы сломали погоревшие церкви Спаса в Копье и Словущего Воскресения (на Петровке у Кузнецкого моста) и 26 января 1817 г. известили Комиссию для строений, что земля из-под сломанных церквей отдана ими под дома церковнослужителей остающихся церквей. Комиссия возражала против этого, так как означенные земли должны были отойти под площадь вокруг Петровского театра, и предлагала Консистории воздержаться до «высочайшего утверждения плана этой площади»[54].

По донесению Синоду архиепископа Августина, всего в Москве было сожжено и разорено в 1812 г. 122 церкви (см. приложение 3), некоторые из них необходимо было снести.

Кроме двух вышеуказанных церквей в 1816—1818 гг. были сне-

сены следующие погоревшие и обветшавшие церкви: в Кремле — церковь Николы Гостунского (1817 г.), стоявшая на углу Ивановской пл. и Спасской ул. перед домом митрополита Платона (позже Николаевским дворцом); в Белом городе — церковь Луки-евангелиста (1816 г.), стоявшая в тупичке Антипьевского пер. напротив дома гр. А. А. Апраксина; церковь Ильи-пророка на Тверской ул., во дворе дома между Моховой и Долгоруковским пер.; церковь Воскресения в Скоморошках (1816 г.), стоявшая на углу Столешникова пер. и Большой Дмитровки; Благовещенская церковь на Старом Ваганькове (1817 г.), в Ваганьковском пер.; церковь Иоанна Милостивого в Кисловке (1817 г.), на углу Малого Кисловского и Калашного пер.; церковь Иоанна Предтечи (1816—1817 гг.), стоявшая близ Знаменки и Пречистенского бульв.; церковь Василия Неокесарийского (1816 г.), стоявшая на углу Брюсовского пер. и Тверской; церковь Пророка Елисея (1818 г.), в Брюсовском пер., возле Чернышевских бань; в Земляном городе — Старовоскресенская церковь (1816 г.), на углу Остоженки и Савеловского пер.

Упразднены также три погоревших в 1812 г. монастыря: Георгиевский монастырь на Большой Дмитровке, Крестовоздвиженский — на Воздвиженке и Новинский — в Большом Новинском пер. Все три монастыря обращены в приходские церкви.

Об утверждении планировки Петровской пл. и раздаче лишней земли частным лицам Тормасов известил комиссию 9 июля 1817 г.[55]. Однако, очевидно, он имел в виду лишь приведение местности для площади в надлежащий вид, так как только 20 марта 1818 г.[56] был утвержден план Петровской пл., причем на нем имелось «назначение кварталов под застройку, предположение бульваров и проездов». Самого этого плана нам не удалось видеть, но, очевидно, он дан на плане Москвы Челиева 1819 г., сделанном с плана 1817 г. «с высочайшими исправлениями»[57].

Проектировал Петровскую пл. инженер Карбонье[58]. Но за Бове, несомненно, остается проект архитектурного оформления площади, утвержденный царем 10 ноября 1821 г. На прожектированном плане Москвы, изданном Челиевым в 1819 г., Петровская пл. изображена не так, как в 1817 г. Но на плане 1824 г. она уже такая, как теперь.

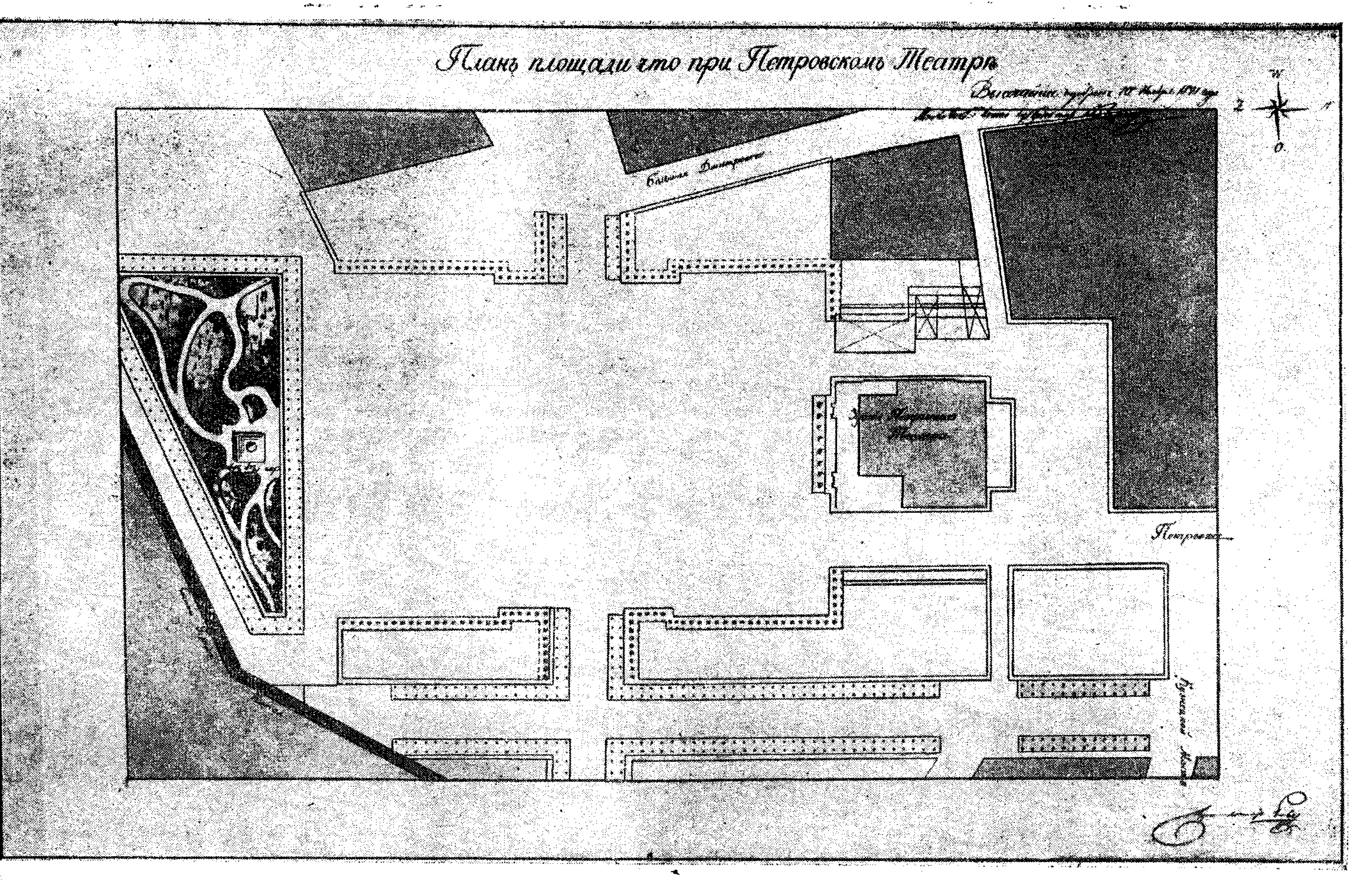
В Музее русской архитектуры имени А. В. Щусева имеется чертеж (Р. I, № 2311) планировки «площади, что при Петровском театре», выполненный тушью и акварелью на желтой бумаге, наклеенной на холст. Размер чертежа — 55×22 см. Приведем в извлечениях описание этого чертежа, сделанное Б. И. Алексеевым[59].

«Вверху надпись: «План площади, что при Петровском театре», ниже, в правом углу: «Высочайше одобрен 10 ноября 1821 года»; еще ниже: «Московский Воен. губернатор князь Голицын»; внизу под чертежом, в правом углу, характерная, с росчерком, подпись: «архитектор Бове».

«На плане нанесены улицы с надписями: «Большая Дмитровка», «Петровка», «Кузнецкий мост», «стена города Китая».

Кроме того, без надписей на плане показаны Неглинная ул., Театральный пр., Охотный ряд, нынешняя пл. Революции, Копьевский пер. и заново проектируемый переулок, параллельный Кузнецкому мосту, впоследствии неосуществленный» (соединявший Софийку с Копьевским пер. — *П. С.*).

«Сама площадь имеет форму замкнутого прямоугольника с домами, симметрично стоящими друг против друга. Площадь пересе-

План Театральной площади, утвержденный в 1821 г.

чена двумя осями под прямым углом. Ориентиры одной оси покоятся на здании Петровского театра, стоящего на одной стороне площади, и на вновь проектируемом сквере, разбитом в форме прямоугольного треугольника на другой стороне площади (у стены Китай-города. — *П. С.*). Другая ось проходит по линии новой магистрали: Театральный проезд — Охотный ряд. ...Сзади (театра. — *П. С.*) большая площадка, вроде площади; через последнюю проходит новая магистраль с Неглинной на Большую Дмитровку, через вновь проектируемый переулок, параллельный Кузнецкому мосту».

Б. И. Алексеев считает этот переулок только запроектированным, но не осуществленным, между тем как он был пробит и существовал с 1820 по 1840 г., когда его площадь была занята «галереей» (пассажем с магазинами) кн. М. М. Голицына.

Как видно из приложенного Б. И. Алексеевым чертежа площади, воспроизводящего вышеупомянутый план, ее западная и восточная стороны были параллельны и проходили в общем там же, где проходят и теперь. Театр же на северной стороне начинался там, где теперь начинается улица Петровка, у здания магазина Мосторга; сквер на южной стороне площади, в виде прямоугольного треугольника, одним катетом (западным) как бы продолжал западную сторону площади, северным катетом был параллелен театру, а гипотенузой — стене Китай-города, отделяясь от нее бульваром с двумя рядами деревьев.

Мысль о непосредственной связи Петровской пл. с площадями вокруг Китай-города, как мы уже указывали, была оставлена. Площадь спроектирована не от Большой Дмитровки до Неглинного канала, а в меньших размерах: между нею и улицами оставлены узкие строительные кварталы, и в них со стороны площади сделаны прямоугольные выемки в виде квадратных скобок. Такая же выемка сделана и позади театра, почему Спасский пер., шедший с Большой Дмитровки, здесь расширялся, делался коленчатым и ближе подходил к Кузнецкому мосту. От него к Неглинному пр. (на месте засыпанного на плане Неглинного канала) впервые сделан новый переулок, параллельный Кузнецкому мосту. На Неглинный пр. он выходил напротив Софийки. Сам Неглинный пр. показан превращенным в бульвар. Строительный квартал, занятый ныне Центральным универмагом и Малым театром, показан доходящим до современного просп. Маркса. Южнее его до стен Китай-города (на месте здания гостиницы «Метрополь») показана площадь с аллеями.

Между Петровской пл. и Большой Дмитровкой был тоже запроектирован строительный квартал до Охотного ряда, с выемкою в виде квадратной скобки со стороны площади. Этот квартал существует и теперь, в нем находятся Детский театр и дом № 4 по Пушкинской ул.

Неглинная на участке между устьем и Трубной пл. в 1817—1819 гг. была заключена в подземную трубу. Бастионы Петра I вокруг Китай-города снесены в 1816—1823 гг. В 1819 г. снесены Кузнецкий и Воскресенский каменные мосты через Неглинную. Петровская пл. была значительно подсыпана землей из-под бастионов, и образована новая — Воскресенская (Революции) пл.

В 1820 г., во время пребывания в Москве Александра I, он «повелеть соизволил от Воскресенских ворот до Боровицкого моста устроить гулянье (Верхний и Средний Александровские сады. — *П. С.*), а от Владимирских ворот до Петровской пл. оставить один строитель-

ный квартал, с оставлением проездов, как значится на плане, поднесенном Г-ном Директором Комиссии для строений»[60].

О каком квартале здесь идет речь? На плане 1819 г. уже имеется квартал от Неглинного пр. до ул. Рождественки, а в 1820 г. появился и второй квартал — между Рождественкой и Лубянской пл. Еще раньше появился третий квартал — от Неглинной до Петровской пл. Я думаю, что имеется в виду строительный квартал между Владимирскими воротами Китай-города и Петровской пл., ныне занимаемый гостиницей «Метрополь».

Одновременно с заключением в подземную трубу Неглинной был значительно подсыпан землей Петровский пр. (ныне часть просп. Маркса) от Петровской до Лубянской пл. Напротив Неглинной ул. проезд поднялся на 4 м. Спуск с Лубянской к Театральной пл. сделали пологим.

Кварталы между Лубянской и Петровской пл., очевидно, были распланированы под дворы до 1820 г., так как в этом году «Московские ведомости» уже помещали объявления с предложениями застраивать эти кварталы[61].

Квартал № 1 между Лубянской площадью и Рождественкой был разбит на 6 дворовых участков, общей площадью 2446 кв. сажен (11 136 кв. м), в среднем по 407,7 кв. сажен (1856 кв. м) на один двор.

Квартал № 2 между Рождественкой и Неглинной ул. был разбит тоже на 6 участков, но общей площадью больше — в 3458,5 кв. сажен (15 741,75 кв. м), в среднем на один двор по 576,5 кв. сажен (2624,3 кв. м).

Квартал между Неглинной ул., Петровской пл. и Петровкой (заключавший в себе тогда, собственно, два квартала, разделенных проездом, продолжавшим Софийку до Петровки) был разбит на 10 дворовых участков, общей площадью 3468,5 кв. сажен (15848,3 кв. м), в среднем на один двор — 346,8 кв. сажен (1584,8 кв. м). При продаже этих участков некоторые лица приобрели по 2—4 участка и образовали таким образом большие владения.

Проложенная по северной стороне кварталов № 1 и 2 ул. Софийка имела в ширину около 10 сажен, стороны — в прямых линиях и направление на запад для соединения через тогда же проложенное ее продолжение между Неглинной и Петровкой, шириной 10 сажен, со Спасским, Георгиевским, Долгоруковским, Шереметьевским (ул. Грановского), Ваганьковским и Малым Знаменским пер. Это полукольцо в центре города должно было иметь важное значение для транспорта.

Новая улица — Неглинный пр., созданный на месте Неглинного канала, — имела первоначально в ширину 32 сажени. Другой такой широкой улицы в центре города не было, и, чтобы уменьшить расходы на ее замощение, освещение и пр., ее сузили по 10 сажен с каждой стороны, оставив ей ширину в 12,7 сажени.

К владению № 2 на углу Театрального и Неглинного пр., имевшему по Неглинному пр. 44,5 сажени, прирезали 445 кв. сажен. О прирезке такой же полосы к владению № 4, находившемуся рядом, на углу Софийки и Неглинного пр., сведений нет, но это можно предполагать, так как на противоположном углу, между Софийкой и Кузнецким мостом, по Неглинному пр. было образовано в это время новое владение № 6 длиной 33 с третью сажени (70,1 м), шириной по Софийке в 11,17 сажени (23,8 м), по Кузнецкому мосту в 10,17 сажени (21,7 м). Оно образовало по восточной стороне Неглинного пр. одну

прямую линию с владениями Военно-сиротского отделения и царевича Ираклия от Кузнецкого моста до Театрального пр.

За Кузнецким мостом осуществили прирезку земли по 10 сажен к каждому владению с четной стороны улицы, до Сандуновского пер.

О прирезке 10 сажен к владению № 1 Малого театра и далее — до Кузнецкого моста мы не имеем прямых сведений. Но можно быть уверенным, что прирезка была произведена, потому что фасад Малого театра по Театральному пр. имеет 21 сажень, а дом по другую сторону площади, ему соответствующий, — только 11 сажен. Так как оба участка под эти дома были спланированы одновременно, в связи с новой планировкой Петровской пл., то, зная любовь архитекторов начала XIX века к симметрии, можно предполагать, что и участок Малого театра имел первоначально фасад не в 21, а в 11 сажен, а 10 сажен прибавлены к нему после. Это предположение подкрепляется еще тем обстоятельством, что канал Неглинной перекрывали сводом и устраивали на его месте улицу в 1817—1819 гг., и планировщики Петровской пл. вряд ли имели в виду захватить под дом Малого театра еще не урегулированный участок улицы. Прохождение же канала под юго-восточным углом здания Малого театра воочию открылось только через 100 с лишним лет, в 1923 г., когда этот канал ремонтировали.

Неглинный пр. (теперь улица), шириной 12,7 сажени, был позже доведен до Рахмановского и Сандуновского пер., а за ними остался Трубный бульв. с проездами шириной свыше 20 сажен.

По Театральному пр., к домам между Неглинным пр. и Рождественкой прирезки не было, а к дому № 5 между Рождественкой и Лубянской пл. в декабре 1821 г. было прирезано 45 кв. сажен, для чего от Театрального пр. была отрезана полоса шириной 2—3 сажени, к дому же № 7 (Лубянскому пассажу) было прирезано 92 кв. сажени, для чего от Театрального пр. была отрезана полоса шириной у дома № 5 в 2 сажени, а у Лубянской площади — в 1,4 сажени[62].

Неглинная, которая текла от Театрального пр. до своего устья по рву около земляных бастионов перед стенами Китай-города и Кремля, осталась во рву, но ров этот к 1820 г. был покрыт каменным сводом, опиравшимся на палисады (сплошные ряды вбитых с обеих сторон реки бревен), а поверх свода была насыпана земля из разобранных бастионов. Вследствие этого получилась ровная Театральная пл., а также Воскресенская пл.

Русло Неглинной на месте Кремлевских (с 1856 г. — Александровских) садов было слабо засыпано землей, но в северной части проложена путем подсыпки новая улица — Неглинная (ныне Манежная), подпертая стенками со стороны Александровского сада. Улица сделана в 1820 г., а сады от нее до кремлевских стен устроены в 1821—1823 гг. Улица Софийка к 1820 г. была уже полностью спланирована и имела в длину 174,3 сажени, а в ширину 9,82 сажени.

После постройки в 1817 г. Манежа на месте бывшей Моховой пл. остатки ее пошли на расширение перед Манежем Моховой улицы, Большой Никитской улицы и Воздвиженки (у домов № 1—2). Моховая ул. походила здесь на площадь, посреди которой еще оставалась церковь Николы в Сапожке. В то же время происходило срытие земляных бастионов и куртин Петра I вокруг Китай-города, оконченное в 1823 г.[63].

Здания на оси Охотный ряд — Театральный пр. имели одинаковые выступы в сторону площади. В них и в примыкающих к ним частях

зданий были запроектированы открытые галереи, перекрытые крестовыми сводами, что зрительно как бы расширяло площадь; перед боковыми зданиями и вокруг сквера проектировались аллеи деревьев. Они намечены были и на оси Охотный ряд — Театральный пр., по крайней мере, близ площади у Петровского театра, а также по вновь проектируемой Неглинной ул.

Благодаря скверу связь между Петровской и Воскресенской пл. осуществлялась в то время только нешироким проездом у дома на углу этих площадей, а не так, как теперь, когда пл. Свердлова почти сливается с пл. Революции. Это делало площадь у Петровского театра более строгой и замкнутой.

После 1819 г. происходил снос земляных бастионов на всем протяжении от Лубянской до Варварской пл. включительно. Вся местность была подсыпана землей из бастионов, ров перед ними засыпан, и образовалась обширная Лубянская пл., после частично занятая кварталами домов и сквером. В 1820 г., после сноса бастионов, сделаны в стене Китай-города новые проломные ворота с Никольской ул. на Лубянскую пл.

Еще до этого, в 1817 г., были устроены площади: Дмитровская — от Страстного монастыря почти до Петровских ворот, Сенная — у Красных ворот, несколько изменена Таганская пл. В 1819 г. была устроена Кудринская пл.

При главнокомандующем Москвы А. П. Тормасове[64] (1814—1819) были произведены следующие большие работы: «обстроены Театральная площадь, Гостиный двор и торговые ряды между улицами Никольской, Ильинской и Варварской; окончен проект устройства Красной площади и основания каменной стены вокруг великолепного храма Василия Блаженного от Спасских ворот до Варварской улицы; регулированы площади у Триумфальных, Красных и Арбатских ворот; назначены некоторые новые кварталы для застройки пустопорожних мест в частях Сущевской, Пресненской, Серпуховской, Покровской, Мещанской, Новинской и проч.»[65].

Дальше, в Земляном городе, где еще существовал Неглинный канал в прежнем открытом виде, был запроектирован бульвар, но он был устроен позднее, только в 1830-х годах.

На Земляном валу была Самотечная пл., к которой с севера примыкал Самотечный пруд. За ним в 1818 г. был устроен Екатерининский парк, доходивший до Самарского пер. В том же 1818 г. перед Екатерининским институтом благородных девиц (ныне в его здании помещается Дом Советской Армии) была разбита Екатерининская пл. К этой площади кроме Новой Божедомки и Старой Божедомки от Самотечной пл. была проложена новая улица — Самотечная и продолжена Селезневка, шедшая раньше с Новослободской ул. только до Марьинского пер.[66].

Кроме площадей, оставленных Комиссией строений после рассмотрения проекта Гесте, в описываемый период была образована еще одна — площадь Хитрова рынка. Отставной генерал-майор Хитрово, которому 13 февраля 1813 г. было «высочайше» разрешено «иметь въезд в обе столицы», купил в апреле 1823 г. дом, выходивший на Яузский бульв., в Подколокольный и Петропавловский пер. (современный № 2 по Яузскому бульв.). 29 октября 1823 г. он просил московского генерал-губернатора разрешить ему устроить позади этого дома площадь для торговли. Под эту площадь он имел в виду использовать часть своего двора и лежавшие против него пустопорожние участки

сгоревших в 1812 г. дворов: № 45 коллежской регистраторши Бажуковой и № 53 малолетних Калустовых. Сюда он думал перевести от церкви Всех Святых на Кулижках мясные и зеленные лавки, которые Комиссия строений нашла неудобным там оставлять. Для этих лавок на новой площади Хитрово обещал к 1 сентября 1824 г. построить каменный двухэтажный корпус с подвалами. На предварительную планировку площади он предлагал пожертвовать 1000 рублей.

Генерал-губернатор Голицын, заменивший А. П. Тормасова, согласился с предложением Хитрово и предложил Комиссии строений спланировать указанную площадь. Комиссия из участка в 1180 кв. сажен оставила для площади лишь 600 кв. сажен; остальная земля пошла на устройство по сторонам площади переулков, шириной 6 сажен каждый. Чтобы выровнять участок под площадь, пришлось произвести большие земляные работы.

19 апреля 1824 г. Хитрово писал Голицыну, что он уже построил на своей земле каменный двухэтажный корпус и вырыл фундамент для лавок, но площадь на месте бывших владений № 45 и 53 еще не спланирована и не огорожена, что безобразит местность. Хитрово просил ускорить работы по планировке площади.

Голицын ответил, что затрудняется это сделать, так как владения № 45 и 53, долго не платившие поземельного налога, стали выморочными, и советовал Хитрово купить их с аукционного торга. Оценивались эти владения по 5 руб. за кв. сажень. 25 сентября Хитрово уведомил генерал-губернатора, что участок № 45 он уже купил, жертвует его городу под площадь и просит скорее открыть ее, так как до открытия площади торговцы воздерживаются заключать с ним контракты на лавки. Очевидно, это ходатайство Хитрово было удовлетворено, так как в его записке от 11 января 1825 г. говорится, что на участке № 45 уже устроена площадь и выставлен флаг о торге на ней.

В это время торговля мясом и зеленью происходила уже не у церкви Всех святых на Кулижках, а на Конной площади в Замоскворечье, что было неудобно для жителей Мясницкой, Яузской и Мещанской частей. Хитрово, с согласия владельцев лавок, просил перевести их с Конной площади на вновь устроенную им площадь, а также поставить здесь полицейскую будку, несколько уличных фонарей и устроить биржу извозчиков. И это ходатайство Хитрово было удовлетворено.

После этого Хитрово замостил площадь «за свой счет»: замощение обошлось в 7 тыс. руб., но с дотацией от городской думы в 5 тыс. руб. Площадь, по ходатайству Хитрово, была принята в ведение города.

11 августа 1825 г. Хитрово подал Голицыну новую докладную записку, в которой высказал желание приобрести с аукционного торга владение № 53 и построить на нем 14 каменных лавок, по 4 аршина по фасаду каждая, для мясной торговли, а чтобы они не безобразили улицу, отгородить от нее лавки красивой каменной стеной. Голицын согласился, и лавки вскоре были построены[67]. Таким образом, появилась в Москве новая площадь — Хитров рынок, впоследствии получивший широкую, но печальную известность.

Проложенная в 1820 г. в связи с устройством Кремлевских (Александровских) садов Неглинная ул. отделила сады от так называемого «Аптекарского места» (где прежде находился Аптекарский сад). «Аптекарское место», принадлежавшее с 1768 г. Кремлевской экспедиции, 18 апреля 1823 г. Александр I разрешил продать под застройку

частным лицам, в связи с чем было поручено архитектору Мироновскому разбить это место на дворовые участки. Он разбил его на 7 дворовых участков, которые вскоре были проданы разным застройщикам[68].

Окончательная сводка всех планировочных мероприятий Комиссии для строения Москвы дана на «Прожектированном плане столичного города Москвы, с пополнением», изданном в 1824 г. Многое в нем — из планов Москвы 1817, 1818 и 1819 гг., копировавшихся с «прожектированного» плана 1817 г. Но на плане 1824 г. имеются и изменения, уже внесенные Челиевым в планы 1818 и 1819 гг. Остановимся на них и на «пополнениях».

На Красной пл. изменения, сравнительно с планом 1817 г., следующие: 1) между Москворецкой ул. и Васильевской пл. нет 9 обывательских дворов, а только 2, принадлежащие церкви; 2) Верхние торговые ряды разделены с севера на юг не 6, а только 3 проходами, так же разделены и Средние ряды; 3) почти посреди площади стоит памятник Минину и Пожарскому, поставленный в 1818 г.

На Москворецкой ул. перед Мытным двором нет бывших в 1817 г. лавок.

Зданий у южной стены Китай-города, внутри него (в Мокринском пер.) на плане 1824 г. не показано; вероятно, их проектировалось снести, но они не были снесены и через 100 лет.

У южной стены Кремля, на набережной, вместо одного ряда деревьев, показанного на плане 1817 г., помечен бульвар с клумбами. Между прочим, в Государственном Историческом музее, в отделе архитектурной графики, имеется чертеж, распространяющий этот бульвар с клумбами и на подол Кремля.

За западной же стеной Кремля вместо четырех рядов деревьев, намеченных на плане 1817 г., имеются уже Кремлевские сады и Неглинная ул.

Садик и проход возле него на восточной стороне *Воскресенской пл.*, отделявшие ее от треугольного сквера на Театральной пл., бывшие на плане 1818 г., на плане 1824 г. отсутствуют. Очевидно, они вошли в состав Воскресенской пл.

На плане 1824 г. *трасса закрытого Неглинного канала* неправильно показана проходящей у самой кремлевской стены, тогда как на плане 1817 г. она была верно изображена — приблизительно вдоль северной решетки Александровских садов.

Петровская пл. на плане 1824 г. названа уже Театральной пл., очевидно, потому, что в это время была закончена О. И. Бове постройка Большого и Малого театров.

Театральный пр. по южной стороне обсажен одним рядом деревьев.

Между *Софийкой и Театральным пр.,* от Рождественки до Лубянской пл., появился строительный квартал, которого не было на прежних планах.

Бывшие на плане 1817 г. старые *красные линии большой Петровской пл.* на плане 1824 г. отсутствуют.

Канал Неглинной, на плане 1817 г. показанный с севера до Кузнецкого моста еще открытым, на плане 1824 г. показан закрытым на всем расстоянии от Трубной пл. до устья р. Неглинной. Деревьев вдоль него нет.

На месте современного Китайского проезда вместо площади, сужавшейся от Варварских ворот к набережной, на плане 1824 г. изображен уже широкий проезд с параллельными сторонами и рядом деревьев у Китайской стены.

Покровский бульв. начинается у Трехсвятительского пер.

На месте Смоленского бульв. на плане 1824 г. отсутствуют деревья у домов; от Зубовской пл. до Ружейного пер. обозначено: «Летний бег» (ипподром. — *П. С.*), а между Ружейным пер. и Арбатом — Смоленская-Сенная пл. Это вносит поправку в принятую датировку начала Смоленского бульв. в 1820 г.

На месте Новинского бульв. за домом у Арбата — пл. Смоленского рынка. Пространство между Малым Толстовским пер. и Поварской показано без деревьев у домов и названо «Новинским гуляньем», имеющим у Кудринской пл. замыкающий его дом.

Передний двор Вдовьего дома на Кудринской пл., вопреки планам 1817 и 1818 гг., где на первом он показан красными линиями отходящим под площадь, а на втором — уже вошедшим в нее, на плане 1824 г. под площадь не отходит. Здесь план 1824 г. оказался реальностью, дошедшей до XX века.

На середине Малой Бронной ул. по плану 1817 г. намечалось пунктиром соединение двух ее частей — начала Малой Бронной ул. у Тверского бульв. и конца ее у Садовой Кудринской ул. — в одну улицу. На плане 1824 г. этот пунктир отсутствует и показаны два этих отрезка.

Намеченное в 1817 г. продолжение *Большого Спасского (Большого Каретного) пер.* от Садовой ул., между Средним Спасским и 1-м Знаменским пер., на плане 1824 г. показано осуществленным; намеченная же планом 1817 г. прокладка второго переулка из 1-го Знаменского пер. к бульвару (первый переулок, шедший к нему, — современный 3-й Колобовский пер.) на плане 1824 г. не помечена и, как мы знаем, не осуществлена до сих пор.

Трехсвятительской пл. между Мясницкой и Трехсвятительским пер. на плане 1824 г. уже нет. На ее месте два строительных квартала, разделенных Мясницким пр.

На *Чистопрудном бульв.*, вместо переулка в виде буквы П вокруг Частного дома (полицейского участка), теперь небольшой тупичок.

В Дорогомилове кроме небольших квартальчиков у *Бережковской набережной* все остальные на плане 1824 г. помечены буквой Z (зет), означавшей: «предположено застроить».

На *Пресне*, к западу от Большого Трехгорного пер., намечены строительные кварталы. В Грузинах на плане 1824 г., сравнительно с планом 1817 г., с *улицы Живодерки* прибавились к юго-западу два тупика.

Пять длинных и узких квартальчиков с лавками посреди на *Большой Тверской-Ямской* утратили из пяти один средний, на месте которого образовалась небольшая площадь.

Старая Триумфальная пл., имевшая еще в 1817 г. посреди квадратный строительный квартал, в 1824 г. свободна от него и «открыта».

Кварталы между Тихвинской ул., Новой Божедомкой и Лазаревским полем, до Сущевского вала, обозначены буквой Z (зет), о значении которой мы уже говорили.

К востоку от 1-й Мещанской ул. сеть проектированных улиц та же, что в 1817 и 1818 гг. Почти все кварталы, ими образуемые, обозначены буквой Z.

Кварталы между Сокольническим шоссе и р. Яузой также обозначены буквой Z. Ею же обозначены кварталы за Яузой к северу от Преображенской ул., к западу и отчасти к востоку (у р. Хапиловки) от Генеральной ул.

Из *Дурного переулка* на Таганке к югу показан тупик, отсутствующий на плане 1817 г.

Таковы пополнения и изменения, которые замечены нами на плане 1824 г., сравнительно с планом 1817 г. Как видим, они невелики, и в общем на этом плане изображена та же планировка, что и на плане 1817 г.

На плане 1825 г., преподнесенном обер-полицмейстеру Москвы Шульгину[69], несомненно, использован план 1824 г.; имеются лишь немногие отличия от него:

На Театральной пл. отсутствует квартал на месте современного здания гостиницы «Метрополь», а имеется только его контур. Этот земельный участок только в 1838 г. был продан купцу Челышеву, который построил на нем дом по типу здания Малого театра, впоследствии, в 1898—1907 гг., перестроенный под «Метрополь».

Анненгофская роща впервые после плана Мичурина (1739 г.) помещена на плане внутри Камер-Коллежского вала. Это объясняется тем, что в 1825 г. роща была отдана 1-му кадетскому корпусу, размещенному в 1824 г. в Екатерининском дворце в Лефортове, и таким образом вошла в черту города.

Снова появился квартал к югу от храма Василия Блаженного.

Большой Гнездниковский пер. продлен до Большой Никитской ул.

Покровский бульв. начинается у Казарменного пер.

Канал р. Неглинной показан заключенным в подземную трубу уже и на участке между Трубной пл. и Самотецким прудом.

По всему кольцу Земляного вала отсутствуют деревья у домов. Нет дома у Кудринской пл., замыкавшего современную ул. Чайковского, нет также дома, замыкавшего Зубовский бульв. у Зубовской пл.

Между Трубной ул. и каналом р. Неглинной — только один Малый Сергиевский пер.

Большой Каретный пер. не соединен с 1-м Знаменским пер.

В Дорогомилове показаны лишь ближайшие к Большой Дорогомиловской ул. кварталы.

Вокруг небольшого квадрата Лазаревского кладбища нет уже большого квадрата (поля), а с севера показана роща.

От сети проектируемых улиц к востоку от 1-й Мещанской ул. осталась только одна радиальная ул. (третья).

Камер-Коллежский вал не охватывает Андреевскую богадельню, а идет вдоль пруда в Нескучном саду.

Мароновский пер. не продлен до Крымского вала, 2-й Бабьегородский пер. не продлен до 1-го Голутвинского. Снова показан Крымский тупик.

Надо думать, что план 1825 г. точнее отразил действительность, чем окончательно проектированный Комиссией для строения Москвы план 1824 г.

На прожектированном комиссией плане Москвы 1824 г., изданном Челиевым в масштабе 150 сажен в 1 дюйме[70], как мы уже указывали при анализе этого плана, имеются за Земляным валом кварталы проектированные, но еще не застроенные. Они обозначены латинской буквой Z (зет). Начиная с 1825 г. они постепенно застраивались. Приведем сведения о застройке некоторых этих кварталов до 1917 г.

В *Замоскворечье* это три квартала к югу от Жукова пр., у изгиба к западу Москвы-реки, прорезаемые в настоящее время 1-м и 2-м Павелецкими пер.

К западу от стен *Донского монастыря,* на площади перед ним, был намечен один небольшой строительный квартал к северу от 1-го Донского пр. к Большой Калужской ул. и два по южной стороне, доходившие до Камер-Коллежского вала. Первый квартальчик существует и теперь, а второй и третий не доходят до Камер-Коллежского вала, ограничены 3-м и 4-м Донскими пр.

В *Хамовниках* не проектировалось новых кварталов.

В *Дорогомилове* запроектировано было семь новых кварталов к югу от Большой Дорогомиловской ул. с двумя параллельными ей и тремя поперечными улицами.

На Пресне были запроектированы два квартала между Большим Трехгорным пер. и Трехгорным валом, разделенные выходом к валу Большого Предтеченского пер. А. С. Пушкин в стихотворении, посвященном Е. Н. Ушаковой, упоминает, что при нем здесь еще было поле.

Между Малой Грузинской ул. и Пресненским валом были запроектированы под застройку три новых квартала, разделенные двумя переулками. Вдоль Грузинского вала, от Малой Грузинской до 2-й Брестской ул., тоже были запроектированы три новых квартала. Последний из них входил в три новых квартала по западной стороне 2-й Брестской ул. до Тверского-Ямского пер.

На севере Москвы, *от Тихвинской ул. до Лазаревского кладбища* (поля), были запроектированы пять новых кварталов и один к югу от Лазаревского кладбища до сада Екатерининского института (Дома Советской Армии). В настоящее время здесь проходят с юга на север большие улицы — Ново-Сущевская, Образцова, Октябрьская и Лазаревская и несколько поперечных улиц и переулков, в том числе Трифоновская ул.[71].

К востоку от *1-й Мещанской* ул., между нею и первой параллельной ей улицей, шедшей от Крестовского вала до Протопоповского (Безбожного) пер., намечались два новых строительных квартала, четыре квартала намечены были между первой и второй параллельными 1-й Мещанской улицами (вторая шла от Камер-Коллежского вала до пруда Балкан). Пять кварталов намечались между второй параллельной и третьей, шедшей от вала до Протопоповского пер. Еще пять кварталов были запроектированы от этой улицы до четвертой, шедшей от вала у Рыбенской ул. до Протопоповского пер. Наконец, три новых квартала намечались к юго-востоку от этой улицы до Каланчевского поля и Красного пруда[72].

Некоторые их этих улиц можно еще найти в современных Большой Переяславской, Астраханском пер. и других улицах, но после 1824 г. здесь была произведена еще бóльшая перепланировка, особенно перед 1851 г., когда здесь отчуждались земли для Петербургско-Московской (Октябрьской) железной дороги.

Выше мы уже писали, что в 1816 г. было ассигновано от казны на покупку мест для площадей 2 249 042 рубля и на выпланирование и вымощение Москвы — 1 516 790 рублей. Для выполнения работ было наряжено 4 пехотных полка, 2 пионерные роты и создано 2 специальных рабочих батальона.

Эти средства и оставшиеся от ассигнованных в 1812 г. 5 миллионов рублей на помощь жителям в отстройке Москвы после пожара предписывалось использовать на внешнее благоустройство Москвы: на нивелирование площадей и улиц всего города, с тем чтобы они имели скат к Москве-реке, р. Яузе и Неглинной и к Пресненским пру-

дам; на постройку вместо деревянного Москворецкого моста каменного или чугунного моста через Москву-реку и еще одного моста на Водоотводном канале; на обделку камнем с железной или чугунной решеткой обоих берегов Москвы-реки, Яузы и Водоотводного канала; на покрытие кирпичным сводом канала и бассейнов Неглинной; на бульвары вокруг кремлевской стены и в прочих местах, где они были назначены (см. приложение 5).

Таким образом, мы видим, что за 1812—1825 гг. был перепланирован весь центр Москвы вокруг Кремля и Китай-города: после сноса земляных бастионов Петра I и рва возле них возродилась Красная пл., с Москворецкой ул. от нее до набережной Москвы-реки появилась Васильевская пл.; созданы были Воскресенская пл., Петровская пл., Китайский, Театральный пр. и Лубянская пл., тянувшаяся вдоль восточных стен Китай-города до Варварских ворот.

Возникли Александровские сады и Неглинная ул. за ними; появилась Софийка, продолженная на запад переулком до Петровки. Моховая пл. была застроена Манежем.

Окончательно спланированы бульвары на месте стен Белого города. Образовано на месте Земляного вала кольцо Садовых ул. вокруг всего старого города с бульварами на западе и палисадниками в других местах, кроме площадей — Смоленской-Сенной, Смоленского рынка, Новинского гулянья, Кудринской пл., двух Угольных пл., Самотечной пл. и др.

На севере за Садовым кольцом образован новый планировочный центр — Екатерининская пл. с семью входящими в нее со всех сторон улицами.

Спланированы новые улицы и переулки на бывших полях и лугах, доходящие до Камер-Коллежского вала.

Спланирован Екатерининский парк и заключена в подземную трубу Неглинная от Трубной пл. до ее устья.

Многие площади, улицы и переулки выровнены путем среза их возвышений в одних местах и подсыпки земли в других, некоторые из них в это же время и «регулированы» (расширены и выпрямлены).

Архитектор Гесте в своем прожектированном плане в 1813 г. намечал три большие магистрали Москвы. Первая — генеральная магистраль города между Серпуховской и Тверской заст. Она должна была состоять из двух параллельных рядов улиц, продолжающих одна другую. Первый ряд состоял из Большой Серпуховской, Пятницкой, Балчуга, Москворецкой ул., Красной пл., Тверской и 1-й Тверской-Ямской ул. Второй ряд состоял из Малой Серпуховской ул., Большой Ордынки, части Болотной пл., Васильевской и Красной пл., новой улицы, прокладывавшейся между Тверской и Никитской ул. параллельно им и идущей к северу по переулкам и сносимым домам к 2-й Тверской-Ямской (1-й Брестской) ул. Вторая магистраль от Моховой ул. до Пресненской заст. включала в себя Большую и Малую Никитские ул., новый проезд по саду Вдовьего дома и ул. Большая Пресня от начала Большой Грузинской ул. Третья магистраль — от Охотного ряда до Миусской заст. должна была состоять из Большой Дмитровки, новой улицы, соединяющей ее с Малой Дмитровкой близ начала Успенского пер., затем Малой Дмитровки и Новослободской ул.

Комиссия для строений сразу отвергла две первые магистрали и оставляла лишь третью, признав нужным проложить улицу, соединяющую Большую и Малую Дмитровки. Но уже при подготовке плана 1816 г. отмечалась ненужность этой улицы, и она оставлялась только

в силу того, что была уже утверждена раньше. На плане 1817 г. ее нет.

Ни одна из предложенных Гесте магистралей никогда не была проложена, хотя необходимость последних двух ощущается и в настоящее время.

ЗАСТРОЙКА МОСКВЫ В 1812—1825 ГОДАХ

Издания, вышедшие в свет в первые 10—15 лет после пожара Москвы 1812 г., приводят различные числа бывших в городе домов до пожара, каменных и деревянных, и оставшихся после пожара, сравнивая которые между собою выводят заключение о числе сгоревших домов.

По данным обер-полицмейстера Москвы Ивашкина, на 20 января 1812 г. в городе числился 9151 дом, из них 2567 каменных и 6584 деревянных (см. приложение 1). Общая цифра домов близка к общей цифре их в 1810 г. — 9100 домов, среди которых тогда было 118 казенных и общественных, 8555 обывательских и 427 незастроенных владений. За два года — 1810—1811 — свободно мог прибавиться 51 дом.

«Ведомость о существующих в Московской столице церквах, казенных и обывательских домах 1812 года» указывает тоже 2567 каменных и 6584 деревянных дома, всего 9151 дом. «Сведения по Москве 1817-го года (Статистические сведения Москвы до нашествия неприятеля сравнительно с 1812 г.)»[73] дают до пожара 9158 домов, из них 2567 каменных и 6591 деревянный. Очевидно, когда составлялись эти «Сведения», были достроены 7 домов, которые вошли в статистический подсчет (см. приложение 7).

Сделанный по распоряжению обер-полицмейстера Москвы Ивашкина подсчет уцелевших от пожара домов по полицейским частям дает 2532 дома — по обозначению на рукописном плане и 2539 — на печатном плане сгоревших и уцелевших после пожара 1812 г. домов. В других изданиях этого плана подсчет по полицейским частям дает общую цифру в 2625, 2626 и 2655 домов. Наиболее вероятной можно признать цифру в 2626 домов — 2100 деревянных и 526 каменных.

Это позволяет, путем вычитания, определить число сгоревших обывательских домов (из 9158 вычесть 2626=6532 дома). Таким образом, обычно принятую цифру в 6500 сгоревших домов придется повысить на 32 дома.

Последствия пожара Москвы в 1812 г., по уточненным данным, рисуются в следующих цифрах.

Было до пожара 9158 домов, в том числе 387 казенных и общественных, — 2567 каменных и 6591 деревянный.

Сгорело 6532 дома, в том числе 192 казенных и общественных, — 2041 каменный и 4491 деревянный.

Осталось 2626 домов, в том числе 195 казенных и общественных, — 526 каменных и 2100 деревянных.

Таким образом, осталось годными для жилья менее 30% домов. Среди них были казенные, общественные и обывательские дома.

Довольно верную картину бедствия в отдельных частях города дает следующая таблица (данные о количестве домов до пожара относятся к 1807 г.)[74].

Части, где сгорело более 90% домов, были следующие:

	Кол-во домов до пожара	Осталось домов	В %
Пятницкая	533	5	1,0
Пречистенская	427	8	2,0
Таганская	506	13	2,6
Сретенская	519	16	3,1
Яузская	536	36	6,7
Городская	154	11	7,3
Якиманская	474	39	8,2
Всего	3149	128	В среднем 4,0

Из этих наиболее погоревших частей шесть находились в центре города, в современном Садовом кольце, и только Таганская за ним.

Более 80% домов сгорело в следующих частях:

	Кол-во домов до пожара	Осталось домов	В %
Рогожская	462	63	13
Басманная	307	48	15
Арбатская	491	92	19
Всего	1260	203	В среднем 16

Из этих частей только Арбатская лежала в Садовом кольце, Басманная же и Рогожская — за ним.

От 60 до 80% домов сгорело в следующих частях:

	Кол-во домов до пожара	Осталось домов	В %
Тверская	431	127	29
Лефортовская	306	121	39
Новинская	312	126	40
Всего	1049	374	В среднем 35

Тверская часть лежала в Садовом кольце, Лефортовская и Новинская — за ним.

Сгорело менее 60% домов и осталось более половины в следующих частях:

	Кол-во домов до пожара	Осталось домов	В %
Мещанская	422	182	43
Серпуховская	534	300	57
Хамовническая	348	208	60
Пресненская	413	279	68
Мясницкая	417	293	70
Покровская	407	355	88
Сущевская	358	333	93
Всего	2899	1950	В среднем 64

Из этих 7 частей только Мясницкая лежала в черте Садовых улиц, остальные — за этой чертой.

Мы видим, что наиболее пострадал центр города — в черте Садовых улиц.

Из частей со сплошной каменной застройкой сильно пострадала лишь Городская часть (Китай-город), где горели главным образом лавки. Тверская часть, где было сосредоточено наибольшее число каменных дворцов вельмож и больших домов вообще, погорела на 71%, Мясницкая же — только на 30%, благодаря ветру, отогнавшему от нее пламя пожара.

В застройке Москвы большую роль играли церкви с колокольнями при них. Они оживляли пейзаж улиц и переулков, поднимали высотность застройки. До пожара 1812 г. в Москве насчитывалось 237 приходских церквей. В пожар их сгорело 122 (см. приложение 3), из них 115 было восстановлено, а 7 разобрано. Кроме того, до 1818 г. включительно было разобрано еще 6 церквей.

Этот период жизни Москвы ярко иллюстрируют записки современников.

Е. П. Янькова рассказывала: «...При нашем приезде в Москву (в 1813 г. — *П. С.*) она уже начинала обстраиваться, но все-таки была еще ужасная картина. Весь город по сю (левую. — *П. С.*) сторону Москвы-реки был точно как черное большое поле, со множеством церквей, а кругом обгорелые остатки домов: где стояли только печи, где лежит крыша, обрушившаяся с домом; или дом цел, сгорели флигеля; в ином месте уцелел только один флигель»[75].

Ф. Ф. Вигель, приехавший в Москву в июле 1814 г., т. е. почти через два года после пожара, отметил в своих «Записках»: «Сама она (Москва. — *П. С.*) в отдалении по-прежнему казалась громадною, и только проехав Коломенскую заставу (современную Абельмановскую. — *П. С.*), мог я увидеть ужасные следы разрушения. Те части города, через кои я проезжал, кажется, Таганская и Рогожская, совершенно опустошены были огнем. Вымощенная улица имела вид большой дороги, деревянных домов не встречалось, и только кой-где начинали подыматься заборы. Далее стали показываться каменные двух и трехэтажные обгорелые дома, сквозные, как решето, — без кровель и окон. Только приближаясь к Яузскому (Астахову. — *П. С.*) мосту и Воспитательному дому, увидел я, наконец, жилые дома, уцелевшие или вновь отделанные»[76].

Д. Н. Свербеев писал: «Зимой 1814 и 1815 годов Москва была еще пуста: кто побогаче и познатнее, переселились в Петербург. Многие постоянные обыватели из помещиков, не успев еще отстроить своих погорелых домов, жили либо в провинциальных городах, либо по деревням... Больше говорить о тогдашней Москве не стоит... Не мешает, однако, для характеристики города и его окрестностей упомянуть о том... что от Петербургской заставы до самого дворца (Петровского. — *П. С.*) не было еще ни одного дерева»[77].

Сейчас же по выходе из Москвы неприятеля начало возвращаться в нее население. Найдя свои дома сожженными, оно сразу же принялось за их восстановление и постройку новых. Большая часть сгоревших домов была деревянная, лесу вокруг было много, и потому в первую очередь строились деревянные дома и деревянные флигеля сгоревших каменных домов. Сперва это строительство никем не регулировалось и производилось на старых дворах по выданным оберполицмейстером Москвы запискам-разрешениям. Когда же в конце 1812 г. возвратилась в Москву Управа благочиния с находившеюся при ней Строительной частью, строительство регулировалось по неот-

мененным правилам прожектированного Москве плана 1775 г. и Каменного приказа.

Возвратившееся в Москву население остро нуждалось не только в жилище, но и в пищевых продуктах. В Москву потянулись из деревень подводы с различными припасами, а возвратившиеся купцы, лавки которых сгорели, открыли на городских площадях множество деревянных лавочек. 14 ноября 1812 г. обер-полицмейстер Ивашкин доносил главнокомандующему Москвы Ростопчину: «Спокойствие, в городе водворившееся, и свободная промышленность собирают в оный купечество и др. торговцев, которые, не имея более лавок, кои все сгорели, выстраивают для торговли временные на казенных площадях, и таковых лавок выстроено в разных местах более двух тысяч»[78].

В свою очередь, Ростопчин 26 апреля 1813 г. сообщил министру полиции Балашеву: «После трехдневного дождя воды много в Москве-реке прибавилось, и барки скоро и свободно пойдут. Купцы почти все поправили каменные свои сгоревшие домы»[79].

Вероятно, купцы и торговцы, обладавшие денежными средствами, усиленно строили и деревянные дома взамен сгоревших: такие были расположены главным образом в Пятницкой, Якиманской и Сретенской частях города.

Городская, Тверская и Мясницкая части, в которых было запрещено деревянное строительство, не могли так свободно восстанавливать свои дома, так как строительных материалов для каменных домов было в городе недостаточно. Ростопчин просил царя разрешить в этих частях временно строить деревянные дома. Об этом говорит его письмо от 2 января 1813 г. Балашеву: «Я ожидаю с большим нетерпением разрешения о построении домов в Москве; требований множество, и весна приближается; не знаю, позволено ли будет строить вновь деревянные дома в тех частях города, где они прежде существовали»[80].

Здесь завуалировано желание Ростопчина получить разрешение на постройку деревянных домов в Городской, Тверской и Мясницкой частях, потому что в других частях города никаких особых разрешений на это не требовалось.

«Здесь стоит совершенно теплая погода, — писал Ростопчин Балашеву 13 февраля 1813 г. — Дороги очень испортились, и все ждут с нетерпением морозов. Лесу для строения везут множество, и купечество намерено приводить сгоревшие свои дома в первобытное состояние. Дворяне же мало о сем промышляют — причина та, что многие разорены»[81].

Отсюда можно предположить, что части Арбатская и Пречистенская, населенные по преимуществу небогатыми дворянами, не застраивались в начале 1813 г. так интенсивно, как купеческие части — Пятницкая, Якиманская, Сретенская и Таганская.

Из письма Балашева Ростопчину от 9 февраля 1813 г. видно, однако, отрицательное отношение царя к просьбе Ростопчина, хотя и переданное не от его имени: «Касательно вопроса Вашего Сиятельства, будет ли позволено строить вновь в Москве деревянные дома там, где положено быть каменным, думаю, что Государь Император и при нынешнем случае не изволит отменить сделанного уже правила касательно Китая и Белого города, чтоб в оных деревянного строения не производить»[82].

После получения письма Балашева от 9 февраля Ростопчин не стал уже более настаивать на постройке деревянных домов в Китай-

городе и Белом городе. Наоборот, даже уже построенные к этому времени дома он приказал в течение двух недель сломать[83]. Так, узнав из рапорта Комиссии строений, что в Китай-городе, в доме грека Мелле, выстроены деревянный на каменном корпусе мезонин и деревянные строения в каменных столбах, Ростопчин 20 мая 1813 г. предписал обер-полицмейстеру Ивашкину запретить деревянные строения и велеть греку Мелле сломать в две недели все, построенное им.

Правительство понимало, что без помощи населению от центральной власти Москва не скоро поднимется из пепла. Поэтому 18 февраля 1813 г., по именному указу Сенату[84], была учреждена особая Комиссия для рассмотрения «прошений обывателей Московской столицы и губернии, претерпевших разорение неприятельское», о помощи им от казны. Почти одновременно с этим был издан указ об отпуске из казны в течение пяти лет 5 миллионов рублей, по 1 миллиону ежегодно, для выдачи жителям Москвы беспроцентных ссуд на постройку ими домов. 5 мая 1813 г. были изданы «высочайше утвержденные правила», которыми комиссия должна была руководствоваться при рассмотрении прошений[85]. Но фактически в 1813—1814 гг., когда население наиболее интенсивно восстанавливало свои дома, ассигновано было около 1 миллиона рублей и получение ссуд было обставлено такими формальностями, что отбило охоту обращаться за ними. Население искало и находило средства на постройку домов в частном порядке, а 5 миллионов рублей пошли на восстановление полицейских домов, казарм и пр.

Уже 18 декабря 1813 г. Ростопчин предписал обер-полицмейстеру Ивашкину «из квартирных денег, ныне в Опекунском совете хранящихся», взять сумму, необходимую частным приставам для найма домов вместо сгоревших «съезжих дворов», а именно: Городской части — во флигеле дома гр. Орлова — 1500 руб.; Арбатской части — в доме генерал-лейтенантши Неклюдовой — 800 руб.; Хамовнической — во флигеле дома Изъединовой — 550 руб.; Сретенской части — в доме купца Козина — 1500 руб.; Таганской части — в доме купца Блохина — 1800 руб. Всего, таким образом, на аренду помещений для полицейских частей изымалось ежегодно по 6150 рублей.

Одновременно продолжали сносить деревянные постройки в центре города. Так как на площадях купцами было выстроено, без соблюдения строительных правил, много небольших деревянных лавок. Ростопчин 2 мая 1813 г. предписал обер-полицмейстеру Ивашкину: «По случаю наступления жаркого и сухого времени, опасного для пожаров, надлежит принять такие меры, которые бы к отвращению оных наиболее содействовать могли, а особливо в таких местах, где большею частию строение деревянное. А так как в Китае-городе все почти места застроены деревянными лавками, от которых при несчастном случае произойти может величайший пожар, то я побуждаюсь предписать вашему Пр-ву (превосходительству. — *П. С.*) все деревянные лавки в Китае-городе, на время только дозволенные, приказать снести непременно к 1-му числу будущего июня месяца... поелику Гостиный двор и прежние каменные ряды приведены в такое состояние, что торговля может быть и в них производима. Граф Ростопчин. № 1266»[86].

Но купцы просили об отсрочке сноса лавок, предлагая за это «пожертвования» в пользу пострадавших от пожара.

31 мая 1813 г. Ростопчин направил Ивашкину такое предписание:

«Некоторые из здешних купцов, производящих торг в деревянных лавочках, дозволенных им на местах казенных, во многих час-

тях города, изъявили желание сделать пожертвование в пособие бедным жителям московским, потерпевшим совершенное разорение от нашествия неприятельского. Разделяя такое их пожертвование на три рода, а именно: с лавки 1-го номера по 40 руб., 2-го по 20 руб. и 3-го по 10 руб., я рекомендую Вашему Пр-ву объявить купцам, делающим помянутое приношение, что им дозволяется торговать в деревянных лавках до 1-го декабря нынешнего года, назначив срок ко взносу денег 15-е число будущего июня месяца: если же кто из купцов к означенному времени не представит суммы по вышеизъясненному разделению, то в таковом случае торговлю им воспретить и лавки немедленно, без всяких отговорок снести. Граф Ростопчин. № 1616»[87].

Денег у Ивашкина накопилось порядочно, и он 26 июня 1813 г. запросил Ростопчина, куда передать «пожертвования» с лавок; при этом сообщал, что с некоторых лавок, за отсутствием в городе их хозяев, невозможно было взять «дань», некоторые же лавки снесены[88].

Ростопчин предложил собранную сумму в 24 540 руб. «причислить к Аукционной, вырученной от продажи вещей в Танцклубе, и строжайше взыскать дань с тех лавок, с которых она еще не взыскана»[89].

Но «дань» сохранила лавки не надолго. 4 декабря 1813 г. Ростопчин предписал Ивашкину: «Дозволенные токмо на время деревянные в разных частях города лавочки, за исключением хлебных на Болоте, непременно в двое суток снести, за ответственностью частных приставов»[90]. И они, вероятно, были снесены. К этому времени, должно быть, многие купеческие лавки в рядах и в домах были уже вновь отстроены или починены.

Хуже обстояло дело с регулированием строительства домов. Заявления в полицию поступали в таком множестве, что Управа благочиния не могла охватить своей деятельностью все владения, в которых требовалось строительство, и оно, как и раньше, большей частью разрешалось владельцам записками обер-полицмейстера. В 1812—1813 гг. не могло быть и речи о массовом каменном строительстве в Москве: не было достаточно ни кирпича, ни извести, ни квалифицированных рабочих рук. Деревянное строительство было более привычно, осуществлялось скорее и дешевле. Поэтому строились в это время почти исключительно деревянные жилые дома.

Ростопчин 26 апреля 1813 г. сообщал Балашеву:

«Жаль очень, что Комиссия строений, не получа еще своего образования (хотя, очевидно, доклад о ней был уже на подписи у царя. — *П. С.*), не может приступить к деланию кирпичей, от чего сей год почти останется бесполезен»[91].

Правительство Александра I придавало большое значение застройке русских городов, особенно их центров, красивыми зданиями. Для этого оно поручало лучшим столичным архитекторам разработку фасадов жилых зданий различных размеров и этажности и рассылало их по губерниям, вменяя в обязанность следовать этим образцам.

Первые «Образцовые проекты публичных по государству строений... для казенных зданий» были составлены академиком А. Д. Захаровым в 1803 г., утверждены царем и разосланы по губерниям для руководства[92].

В 1806 г. при министерстве внутренних дел для руководства строительством и архитектурой по всей империи был образован Строительный комитет и при нем чертежная, имевшая к 1818 г. 61 служащего[93].

С 1809 до 1812 г. «для лучшего устройства городов Российской

империи», а также из-за отсутствия квалифицированных архитектурно-строительных кадров не только в рядовых уездных, но и в губернских городах, Строительным комитетом были выпущены первые два альбома «образцовых» проектов фасадов жилых домов для частных строений.

При разработке типовых проектов был использован опыт строительства жилых домов предшествующего времени и учтено все ценное, что имелось в составленных академиком А. Д. Захаровым проектах казенных жилых домов. На основе этого материала архитекторы Л. И. Руска и В. И. Гесте составили 100 проектов фасадов жилых домов. Эти проекты, выгравированные и отпечатанные А. Г. Ухтомским, были сброшюрованы в двух альбомах, по 50 чертежей в каждом, и в количестве 650 экземпляров разосланы по губерниям с предписанием губернаторам «не иначе давать от сего времени дозволение строить дома в городах вверенных вам губерний, как по произвольному выбору тех, кто желает строиться, одного из высочайше утвержденных фасадов». В декабре каждого года губернаторы должны были доставлять в министерство внутренних дел ведомость (по специальной форме) о количестве построенных в городе домов по этим фасадам с указанием номера фасада, взятого из альбома[94].

В дальнейшем, в связи с тем, что первые альбомы апробированных фасадов не удовлетворяли полностью нужд заказчиков, Стасову было поручено в дополнение к ним составить проекты, более отвечающие требованиям массового застройщика[95].

В 1812 г. Стасовым было сделано 125 новых фасадов, переданных в том же году академику Ухтомскому в гравировку. В 1814 г. «образцовые» фасады, собранные, как и первые, в два альбома (III и IV — *П. С.*), были разосланы в количестве 800 экземпляров во все города России с циркулярным предписанием губернаторам, аналогичным указанию от 31 декабря 1809 г. Пользоваться ими рекомендовалось даже при застройке таких городов, как Царское Село, Гатчина, Павловск, в которых строительство велось «по особому повелению»[96].

Чем же эти проекты дополняют ранее выпущенные «образцовые» фасады Руска и Гесте? Стасов разработал также варианты домов со встроенными в первых этажах помещениями для торговли, производственных мастерских и др. В третьем альбоме таких проектов 14 из 50. Рост промышленности вызывал необходимость сооружения в городе специальных зданий для фабрик, мастерских и хозяйственных строений, «образцовые» проекты которых приводятся в альбоме.

В альбомы образцовых фасадов 1812 г. включены также трех- и четырехэтажные дома с простой обработкой фасадов. Эти проекты были рассчитаны на строительство домов «для отдачи внаймы по квартирам». В проектах доходных домов первые этажи часто отводились под лавки. В этой серии Стасовым впервые разработан тип доходного дома, который получил свое дальнейшее развитие в капиталистическую эпоху. Повышением плотности застройки и ростом стоимости городских земель объясняется и появление проектов домов с проездными воротами в центре фасада. Пополнилась группа проектов небольших домиков в одно, три и пять окон. Таким образом, альбомы Стасова существенно обогатили серию «образцовых» проектов 1809 г., сделав ее более полной[97].

Москва, которую в XIX веке недаром шутя делили на Москву-столицу — в пределах Бульварного кольца, Москву — губернский город — между Бульварным и Садовым кольцами и Москву — уездный

город — между Садовым кольцом и заставами, широко использовала альбомы фасадов 1809—1812 гг. И теперь еще встречаются каменные и деревянные дома, фасады которых точно сошли со страниц этих альбомов. Трудно даже представить себе, как застраивалась бы без них Москва после пожара 1812 г., когда в год появились тысячи самых разнообразных домов, а кадры архитекторов и их помощников были очень немногочисленны.

«В этих проектах (фасадов. — *П. С.*), выполненных ведущими мастерами того времени, предусматривались наиболее простые, технически грамотные, наиболее экономичные и художественно полноценные решения. Вместе с тем наличие альбомов решало трудный для того времени вопрос обеспечения проектами большого строительства в провинциальных городах»[98].

Все «образцовые» фасады домов 1809—1812 гг., как и казенных зданий, выполнены главным образом в господствовавшем в то время новом классическом стиле, что придавало застроенным новыми домами улицам, особенно же центральным площадям с казенными зданиями, до известной степени ансамблевый характер.

Забегая несколько вперед, скажем, что в 1816 г. Комиссия строений через газету «Московские ведомости» уведомила москвичей, желающих исправить или вновь построить дом, что они «должны избрать для дома своего одну из утвержденных фасад с обязательством окончить строения в течение 3 лет». Это объявление подтверждает, что комиссия рекомендовала в качестве образцов для строительства утвержденные фасады 1809—1812 годов. Об этом же говорят и сохранившийся до наших дней проектный материал комиссии, и самые дома первой половины XIX века. Например, широкое распространение в Москве получили небольшие одноэтажные дома или флигеля в три окна, фасады которых как по размерам, так и по архитектурной обработке очень близки к «образцовым». Сходство с утвержденным правительством образцовым фасадом № 92 (части II) имели, например, недавно снесенный дом на углу Сивцева Вражка и Плотникова пер., сохранившийся дом на углу ул. Щукина и Чистого пер. и многие другие. Это был очень распространенный образец дома.

Не менее часто можно встретить в Москве дома с мезонинами, сходные по силуэту и пропорциям с апробированными фасадами 1809—1812 гг. Дома эти делались с арками, колоннами, портиками или же гладкими по фасаду, который украшался лишь небольшой лепниной, рельефной или резной из дерева деталью и фронтоном сверху.

Например, дом № 5 в Малом Власьевском пер. имеет сходство с образцовым фасадом № 31 (части I); дом № 16 в Самарском пер. построен, возможно, по образцовому фасаду № 82 (части IV).

Общим для всех вариантов фасадов являлись строгая симметричность композиции, нечетное число окон, использование одинакового отделочного материала для стен главного фасада и штукатурки или обшивки тесом под камень, ограниченное применение декоративных деталей и, наконец, ордер.

Даже жителям, построившим ранее дома с «неапробированными» фасадами, было предложено сделать фасады по одному из указанных в альбомах 1809—1812 гг. чертежей, а каменные дома оштукатурить.

В небольшой статье «Из истории застройки Москвы в первой половине XIX века», помещенной в № 9 «Архитектурного наследства» за

1959 г. Л. Е. Чернозубова прекрасно описывает преобладавшее в 1812—1825 гг. деревянное строительство Москвы:

«Наиболее интересные и цельные по композиции дома были построены в период с 1813 по 1825 год. Этот период особенно богат разнообразными приемами решения главного фасада.

Используя такие архитектурные элементы, как портики, ризалиты, рустовка, замковые камни с львиными масками, арки, аттики и пр., архитекторы перерабатывали их применительно к малому объему жилого дома, достигая при этом сочетания монументальности с обликом, присущим жилью.

...В композиции фасада подчеркивалась центральная ось, на которой и размещалось окно. Более 11 окон в рядовых домах не встречается, так как длина фасада при этом количестве достигала предельных размеров — 26 м (12 сажен. — *П. С.*)... Наиболее распространенной формой окон были вертикальные, прямоугольные. Проектировщики исходили из того, что «в правильном фасаде число окон, равно и других отверстий, не должно быть четное».

...В архитектуре деревянных жилых домов довольно часто применялись портики из 4, 6 или 8 колонн, полуколонн или трехчетвертных колонн, не оправданных ни конструкцией, ни внутренней организацией пространства.

...Ордер не был строго каноническим... Иногда в одном портике соединялись особенности различных ордеров, например, капители колонн дорического ордера имели ионические детали (дом № 15 на Садовой-Кудринской, дом № 18 на ул. Чайковского).

Особенно широкое распространение получили портики, возвышавшиеся над зданием, что можно объяснить небольшой высотой домов, обычно не превышавшей 6 метров, и стремлением придать деревянному дому облик монументального каменного здания.

Портики завершались фронтонами или аттиками. Фронтоны, как правило, очень пологие, иногда венчали фасад, не имеющий портика (дом 31 на Новослободской). Аттики иногда имели ступенчатую конфигурацию (дом 15 в Гагаринском пер.).

...При сохранении неизменными основных композиционных приемов декоративные элементы располагались различно (дом 15 в Гагаринском пер., дом 16 в Никольском пер. (недавно снесен. — *П. С.*), дом 37 и 49 на Метростроевской ул.).

...Наиболее распространенные лепные или резные детали главного фасада можно свести к 7 основным видам: 1) медальон, два факела и гирлянда; 2) три медальона, нанизанные на копье, увитое листьями или лентами; 3) медальон и два венка; 4) медальон и две пальметки; 5) медальон и два рога изобилия; 6) три венка, увитые лентами; 7) венок и ленты.

Детали всех видов, кроме шестого, размещались обычно над окнами, детали шестого и седьмого видов в увеличенном размере располагались на фронтоне.

...Стены деревянного жилого дома рубились в сруб.

...Основной сруб ставился на сплошной или столбовой фундамент из кирпича или белого камня.

...Размеры дома во многом зависели от размеров строевого леса, который являлся в данном случае своеобразным модулем, определявшим длину и высоту фасада.

Наиболее распространенными были бревна в 6 аршин (4,26 м), 8 аршин (5,68 м), 10 аршин (7,10 м), 12 аршин (8,52 м)».

Не только государственные учреждения были обеспокоены скорейшим восстановлением города. В письме к Балашеву от 18 января 1813 г. Ростопчин сообщал: «Г. А. Апраксин и вельможа Валуев, составя коалицию, занимаются проектами о скорейшем восстановлении города, они так много пишут, что совсем заморились, и два их средства суть 40 мил. руб. и рубка Лосиного острова, зверинца (Измайловского. — *П. С.*) и Марьиной рощи. Пуа-Дебар, известный механик, сообщил мне также проект, посланный им в Петербург. Этот хочет заменить кирпичи составом, известку тестом и в один год доставить лесу на десять лет. Но, кажется, все сии проекты напрасны, ибо если бы и хотели вдруг много строить, то не достанет ни кирпича, ни леса, ни работников, и дороговизна уничтожит желание и нетерпение. Судите по одному предмету о возобновлении домов. Полагая кругом в 7000 сгоревших по 50 в каждом кресел и стульев, умеренною ценою и без роскоши выйдет их на два миллиона руб.»[99].

Как мы указывали выше, правительство считало необходимым создать особое учреждение для руководства застройкой Москвы и в этих целях изучало положение о Каменном приказе 1775 г.

Ростопчин писал Балашеву 2 февраля 1813 г.: «По Высочайшей воле, вашим превосходительством мне объявленной, я занимаюсь рассмотрением положения 1775 года о Каменном приказе, но положение столицы совсем необыкновенное — тогда хотели ее украсить, а теперь должно сооружать вновь. И заведение кирпичных заводов доставило бы пропитание бедным и хороший материал за умеренную цену желающим строиться. Возобновление же города в скором времени невозможно, ибо и денег и рук не достанет, а при том в числе 7000 истребленных домов 2000 наверно выстроены не будут от неимущества тех, коим они принадлежали»[100].

Мы уже писали, что 5 мая 1813 г. был утвержден царем специальный орган для руководства строительством Москвы после пожара 1812 г. — Комиссия для строений в Москве. В нее перешел полностью из Управы благочиния ее архитектурный отдел из 5 архитекторов и 18 помощников архитектора. В штате отдела находился еще 1 каменных дел мастер с помощником[101]. Им и предстояло руководить строительством зданий в Москве. Комиссия быстро организовалась и 20 июня 1813 г. поместила следующее объявление в «Московских ведомостях» [102]:

«Желающие производить вновь и отделывать или исправлять старые строения могут подавать в оную заявления для получения на сие планов и фасад».

Задачи 2-го архитектурного отделения комиссии были те же, что и Каменного приказа. Отличие было лишь в том, что архитектурное отделение сразу получило в свое распоряжение готовый большой штат опытных архитекторов Управы благочиния, не встречала помех в своей работе со стороны полиции и других органов, и во главе отделения вскоре был фактически поставлен талантливый архитектор О. И. Бове.

Как и Каменный приказ, Комиссия строений образовала в Москве 4 строительных участка, каждый из которых состоял из архитектора, двух старших и двух младших его помощников.

В 1-й участок, возглавлявшийся архитектором Ф. Д. Соколовым, входили полицейские части: Пятницкая, Якиманская, Серпуховская, Хамовническая и Пречистенская. 2-й участок, во главе которого стоял архитектор И. Д. Жуков, охватывал части: Сретенскую, Мещанскую, Басманную, Покровскую и Сущевскую. 3-й участок, имевший во главе

архитектора В. Балашева, состоял из частей: Мясницкой, Яузской, Таганской, Рогожской и Лефортовской. 4-й участок, который возглавлял старший архитекторский помощник Борисов, охватывал Городскую, Тверскую, Арбатскую, Новинскую и Пресненскую части.

В сентябре 1813 г. руководство 4-м участком было возложено на за-архитектора О. И. Бове. Однако 4 мая 1814 г. на Бове было возложено составление проектов и наблюдение за всеми казенными и общественными постройками, а также заведование всей «фасадической частью», в связи с чем на его место в 4-м участке был назначен архитектор Академии наук Матвеев[103]. Забегая несколько вперед, скажем, что в 1818 г. на место Матвеева в 4-й участок был назначен архитектор Л. Элькинский, но Городская часть была изъята из ведения этого участка и передана в непосредственное ведение Бове.

Руководя фасадической частью всех городских зданий, проектированием и постройкой казенных и общественных зданий, О. И. Бове фактически заведовал всей архитектурной частью восстанавливаемой после пожара 1812 г. Москвы. Помощниками у него были Иванов и Михаил Бове.

Среди других архитекторских помощников, перешедших из Управы благочиния, выделялись: Ф. М. Шестаков (впоследствии академик архитектуры), с 1813 г. работавший на 3-м участке, и Дормидонт Григорьев, работавший по восстановлению здания университета[104].

Задачей комиссии в первое время было оказание помощи жителям в массовом жилищном строительстве[105], выдача строящимся планов и фасадов, регулирование линий улиц и осуществление надзора за прочностью строений. Для обеспечения жителей стройматериалами она должна была завести казенные кирпичные заводы, поощряя при этом частную инициативу в ломке камня, жжении извести[106]. Эти материалы комиссия обязана была давать в ссуду строящимся беднейшим жителям (за счет 5-миллионного фонда), с возвратом стоимости материалов деньгами в казну[107].

Перед Архитектурным отделением Комиссии строений стояла грандиозная задача — восстановить жилой фонд Москвы, уничтоженный свыше чем на 70%. И надо сказать, что Комиссия строений в течение пяти лет успешно справилась с этим делом, почти без выдачи ссуд из 5-миллионного фонда. Беспорядочному строительству после пожара 1812 г., с позволением только полиции, был положен конец.

19 мая 1816 г. А. П. Тормасов отдал Комиссии для строений распоряжение (см. приложение 5), которым предлагалось остатки 5-миллионного фонда обратить, в частности, на следующие нужды:

«На отделку погорелых каменных домов, кои, находясь в примечательных и видных местах, принадлежат недостаточным людям», с тем, что комиссия «таковые домы, исправя своими материалами и на свои деньги, соображаясь относительно до внутреннего расположения с желаниями хозяев, по совершенной отделке каждого, отдаст хозяину с обязательством и с залогом того же самого дома в том, что всю употребленную на отстройку сумму выплатит в 5 лет на таком основании, как бы оказана была ему ссуда деньгами и материалами; что дома, коих хозяева не пожелают отделывать, Комиссия может по оценке купить и по отделке продать желающим так, чтобы все употребленные на те дома деньги были выручены. Сие же самое делать с домами разоренными, находящимися в разных местах в залоге, по согласию хозяев и тех мест, где они заложены, дабы не делали городу безобразия».

В последней фразе — суть распоряжения: не веря больше в инициативу хозяев сгоревших домов, Тормасов возложил исправление или замену сгоревших домов новыми на Комиссию строений, обязанную заботиться о благоустройстве Москвы.

Первым таким домом был Петровский театр, сгоревший в 1805 г. и лежавший в развалинах. На отделку его (пункт 2 предписания) комиссия должна была взять деньги из 5-миллионного фонда. Оттуда же — на «совершенную отделку всех без изъятия казарм» (пункт 3) и на «покупку и отделку домов под съезжие дворы и для помещения обер-полицмейстера и полицмейстеров» (пункт 4).

Дом обер-полицмейстера на углу Садовой-Черногрязской ул. и Большого Харитоньевского пер. и некоторые съезжие дворы (полицейские части) сгорели в 1812 г., и главнокомандующий, конечно, считал своим долгом устроить дома для «хранителей спокойствия и порядка» в столице.

По пункту 5 разрешалось устройство в частных домах гостиниц для приезжих. По пункту 9 полагалось необходимым перенести существующие по обе стороны разрывов Белого и Земляного города общенародные и другие бани, «питейные же домы по Белому городу» уничтожить «по истечении срока откупа, на который он дан».

Из-за недостатка жилищ, по личному распоряжению Александра I, Тормасов предложил комиссии «в Земляном городе все существующие прочные деревянные строения, хотя бы длиной были более положенной 12-саженной меры, только бы не выходили за линии (красные. — *П. С.*), не ломать, а позволить исправлять с тем, чтобы хозяева оные выштукатурили и покрыли железною крышкою».

Во время пребывания в Москве летом 1816 г. Александр I заметил, что многие дома выкрашены «грубою краскою», и приказал, «чтобы впредь дома и заборы крашены были нежнее и лучшими красками, для чего и назначены колеры светлые: дикой, бланжевой, палевой и с прозеленью, а каменные могут быть и выбеленные». Из запрещений Комиссии для строений мы узнаем, в какие цвета красились дома до того. 4 сентября 1816 г. комиссия постановила известить обывателей о запрещении при окраске домов, лавок, заборов и всякого наружного строения зеленых, красных, вишневых, темнодиких, голубых и тому подобных колеров. За исполнением этого было предписано наблюдать инспекторам. Архитекторы же, давая разрешение на наружную отделку строений, должны были брать с обывателей подписку «о неупотреблении грубого цвета красок». Образцы цветов для окраски домов в Москве были присланы из Петербурга. Это были цвета: белый, палевый, бледно-желтый, желто-серый, дикий (синевато-серый), бледно-розовый и «сибирка» с большой примесью белой краски[108].

В 1818 г. были введены стандартные цвета для крыш, и черная краска, которой они окрашивались в начале деятельности комиссии, была запрещена. 25 июля 1818 г. комиссии было предложено при выдаче планов и фасадов на построение домов «отбирать от хозяев расписку о том, в какой цвет они желают окрасить крыши из трех дозволенных цветов — дикого, зеленого и красного, других же красок отнюдь не дозволять, а черную совсем запретить, что наблюдать и при перекрашивании старых кровель». Стандартное окрашивание вводилось не только в Москве, но и в Московской губернии[109].

5 мая 1820 г. в «Московских ведомостях» Комиссия строений оповещала, что «воспрещается производить деревянные строения более 12 сажен (25,6 м. — *П. С.*) длины или ширины и 8 аршин (5,7 м —

П. С.) высоты в вырубке, а также в расстоянии от других деревянных строений ближе 4 саж. (8,5 м. — *П. С.*) и от соседних границ 2 сажен (4,3 м. — *П. С.*) и в два этажа; а позволено вместо изъясненных разрывов и отступов делать каменные брандмауэры, которые должны быть: поперечные — выше кровли на 8 вершков (0,36 м. — *П. С.*), а продольные сверх спуска крышек на 1 аршин (0,7 м. — *П. С.*), толщиною же сообразно высоты строения в два и в два с половиной кирпича»[110].

В 1813—1825 гг. деревянные дома строились на кирпичном или белокаменном фундаменте в один этаж, иногда с мезонином над ним. Ставились дома по красной линии улицы, отделяясь один от другого заборами и воротами. Вход в дома в это время устраивался со двора.

Главный фасад дома, выходящий на улицу, был обыкновенно рустован «под камень» снизу до окон или даже до наличников окон. Рустовка делалась по всей ширине фасада, либо только в середине, либо только по углам. Окрашивались дома, если только они не были оштукатурены и выбелены или не оставлялись в дереве без окраски, в один из колеров, определенных указом 1816 г.

Окна на главном фасаде были большей частью прямоугольные — в 2 квадрата в 1-м этаже и в 1,5 квадрата — в мезонине.

План дома и внутреннее распределение помещений долгое время предоставлялись усмотрению застройщиков. Обычно на улицу выходили окна парадных комнат, расположенных анфиладой, т. е. связанных одинаковыми боковыми дверьми на одинаковом расстоянии от наружных стен. Это создавало даже в небольших домах иллюзию большой длины комнат. Между парадными и жилыми комнатами оставлялся коридор, из которого вели лестницы в мезонин или на антресоли. Жилые комнаты, выходившие во двор или сад, были ниже парадных, и над ними часто устраивались антресоли высотой менее 2 м. Из коридора был вход в переднюю с дверьми в кабинет хозяина и в спальню. В мезонине помещалась обычно детская комната, на антресолях жила ближняя прислуга. Из передней шел выход на холодное крыльцо, пристроенное к дому для входа. Кухни и людские помещения находились обычно во дворе в отдельных строениях. За двором, а иногда рядом с ним и домом, располагался сад.

Фасады каменных домов тоже должны были строиться по апробированным фасадам. Утверждением «фасадической части» домов, как мы уже упоминали, ведал О. И. Бове. Он сыграл особенно выдающуюся роль в застройке Москвы после 1812 г. Рассматривая и утверждая фасады всех строящихся домов, он имел право допускать и небольшие отклонения с целью лучшего украшения фасадов.

Это позволило ему в течение ближайших лет создать ансамблевую застройку улиц и переулков Москвы, погоревших в 1812 г. А так как Бове, ученик великого зодчего М. Ф. Казакова, тяготел к классицизму в последнем его понимании Казаковым, то и созданные при нем в Москве новые дома все имели новоклассический стиль.

Архитектор О. И. Бове родился в 1784 г. в Петербурге, где отец его Винченцо Джованни Бове работал живописцем в Эрмитаже. Осип Иванович был старшим сыном. Два его младших брата, Михаил и Александр, впоследствии тоже ставшие архитекторами, работали под его руководством.

В конце XVIII века семья переехала в Москву, и Осип Бове в 1802 г. поступил учеником в архитектурную школу Экспедиции Кремлевского строения. Одним из первых учителей его был архитектор Франц Кампорези. Учили его также такие видные мастера, как

М. Ф. Казаков, К. Росси, И. В. Еготов, так что после шестилетнего обучения Бове овладел всеми нужными архитектору познаниями. Он участвовал в постройках своих учителей в качестве их помощника, чем приобрел значительную архитектурную практику. По окончании училища О. И. Бове получил звание архитекторского помощника и в этом качестве служил в Экспедиции Кремлевского строения. В частности, он участвовал в строительстве М. Ф. Казаковым Павловской больницы.

В 1809 г. Бове с тремя другими архитекторскими помощниками из Экспедиции Кремлевского строения участвовал, под руководством знаменитого архитектора К. Росси, в перестройке дворца великой княгини Екатерины Павловны в Твери, главным образом работая над сметами и планами и показав при этом полное знание предмета. По окончании работ он был награжден золотыми часами и повышен в чине, из коллежского секретаря произведен в титулярные советники.

В 1812 г. Бове находился в народном ополчении. Вернувшись из него, в сентябре 1813 г. поступил в образованную в этом году Комиссию для строения Москвы, в которой и проработал до смерти в 1834 г.

О. И. Бове поставил своей задачей не только восстановить жилой фонд Москвы, но и украсить город домами в новоклассическом стиле. Для ускорения и удешевления строительства домов Комиссия строений в основном ориентировалась на деревянную их конструкцию, легко совмещаемую с архитектурными формами классицизма.

«Простой бревенчатый сруб, — писал А. Бунин в «Истории градостроительного искусства», — покрытый штукатуркой, при наличии хороших дверей и окон и при минимальном количестве лепки уже производил удовлетворительное впечатление. Но если к этому добавлялось крыльцо с четырьмя деревянными колоннами и фронтоном благородных пропорций, то дом превращался в настоящее произведение искусства». Для этого Комиссия строений «наладила массовое изготовление оконных рам, дверей и лепнины. Оконные рамы и двери, изготовленные применительно к нескольким наиболее распространенным размерам жилых домов, продавались поштучно, а карнизные тяги — на погонные сажени. Вот почему при наличии столь большого количества застройщиков, обладавших разными вкусами и различными строительными возможностями, удалось добиться благоприятного единообразия и высокого художественного уровня работ, отвечающего запросам столичного города»[111].

Через руки О. И. Бове шли все выданные застройщикам планы и фасады их новых домов, и многие из них были искусно поправлены его талантливой рукой. Из построенных самим Бове, по его проекту, жилых домов наиболее замечательным был дом кн. Гагарина на Новинском бульваре, к сожалению, уничтоженный в 1941 г. фашистской бомбой, затем дом кн. Трубецкой, на которой О. И. Бове был женат (Богословский пер., 6), стоящий до сих пор.

Ростопчин писал Балашеву 3 июня 1813 г.: «Комиссия о строении Москвы с успехом продолжает свои занятия и столь успела выиграть доверенность, что многие, считая справедливо на дешевизну материалов, отложили построение значущих домов до будущего года... Москва Вам известна, она слишком долго строена и много перепорчена, чтобы возможно было ее исправить, но площади будут прекрасные и без больших расходов для казны. Вообще я особенно наблюдаю за фасадами и полагаю, что поправленных, сгоревших и вновь построенных к зиме будет до 2000 домов»[112].

21 февраля 1814 г. Ростопчин снова писал Балашеву: «Теперь сме-

ло можно сказать, что в течение пяти лет новая Москва заставит забыть старую, пострадавшую от злости Наполеона. Много иногородних купцов собираются переселяться сюда на житье».

Мы уже указывали, что для придания красоты городу комиссия могла и сама отделывать погоревшие каменные дома недостаточных владельцев и затем продавать их им под залог этих домов, для чего владельцы должны были брать ссуду из 5-миллионного фонда. Если владельцы погоревших домов никак не хотели их отстраивать, комиссия могла купить эти дома с дворовыми участками и, застроив, продать желающим. Но это дело подвигалось вперед очень туго.

Ввиду дороговизны рабочих рук (до 400 рублей в год) комиссия просила дать ей 600 каменщиков, кирпичников, печников, плотников и других из рекрут, не попавших еще в войска, из Ярославской, Владимирской, Костромской, Тульской и Московской губерний. Этот проект был осуществлен лишь при создании военно-рабочих батальонов. До этого же рабочих для кирпичных заводов привезли из Новоторжского уезда Тверской губернии и Каргопольского уезда Олонецкой губернии.

2 мая 1816 г. был издан указ о создании в Москве двух военно-рабочих батальонов[113]. Каждый батальон состоял из 1000 человек. Но второй батальон не был окончательно сформирован даже в феврале 1817 г.[114].

«Узким местом» был недостаток кирпича и других строительных материалов, почему позже, 21 июня 1821 г., было утверждено положение Комитета министров о том, что «погорелые дома владельческие должны быть непременно отделаны, а в случае неотделки велеть продавать аукционным порядком с обязанностию поставщика отделать оные»[115].

Так как дома строились владельцами за их счет и соответственно их потребностям, то еще в 1809—1812 гг. было выработано несколько типов домов различной величины и приняты меры к снабжению застройщиков строительными материалами хорошего качества и по недорогой цене.

Для регулирования рыночных цен на кирпич и выдачи его в ссуду строившимся домовладельцам из беднейших Комиссия строений приобрела Усть-Сетунский завод на Воробьевых горах и завод на Введенских горах. 14 августа 1813 г. Усть-Сетунский завод был принят комиссией от Приказа общественного призрения за 40 тысяч рублей. Второй завод на усадебных землях крестьян села Измайлова, принадлежавший купцу Павлову, был куплен за 50 тысяч рублей, причем за аренду земли пришлось платить крестьянам по 800 рублей в год. В январе 1814 г. к Усть-Сетунскому заводу был прикуплен за 20 тысяч рублей соседний кирпичный завод купца Макарова. В январе 1815 г. комиссия купила еще кирпичный завод на Воробьевых горах у крестьянина гр. Шереметева Целикова. Осенью этого же года комиссия построила рядом с Усть-Сетунским еще один кирпичный завод[116].

Для приобретения кирпича от Комиссии для строения желающие должны были представить свидетельства от полиции о том, что их дом сгорел в 1812 г. Цена на кирпич была установлена ниже себестоимости — от 19 до 20 рублей за тысячу штук, в зависимости от сорта, причем в одни руки отпускалось не менее тысячи штук кирпича и не более 50 тысяч [117]. Но вскоре цена была повышена до 24 рублей за тысячу, так как у частных предпринимателей в это время цена достигала 47—50 руб. за тысячу штук.

В 1815 г. комиссия получила недоданные ей в счет ссуды в 5 мил-

лионов рублей за 1813 и 1814 гг. 1486 тысяч руб. Один миллион был положен в Опекунский совет. Благодаря процентам, поступающим с этой суммы, комиссии удалось понизить цены на кирпич, а в 1817 г. добиться согласия частников продавать кирпич по 28 рублей за тысячу. Но к этому времени многие обыватели, строившие каменные дома, уже выстроили их, частное строительство затихало, и понижением цен на кирпич воспользовались главным образом казенные учреждения.

К 1 мая 1817 г. всеми заводами комиссии за время их существования было сделано 28 090 448 штук кирпича-сырца, обожжено 26 916 396 штук, продано 24 369 700 штук. Прибыль составила 96 520 руб. 57 коп.

В 1818 г. Усть-Сетунский завод был передан инженеру Карбонье для опытов машинного производства кирпича, а Введенский завод в 1823 г. был закрыт, как не приносящий дохода и «по обстройке большей части домов уже не нужный». Так закончилось производство комиссией кирпича[118].

Правительственная ссуда материалами и деньгами на постройку домов, вместо сгоревших в 1812 г., сыграла небольшую роль в застройке Москвы. В 1813 и 1814 гг. Комиссия строений, не получая вовремя ассигнованных средств и не имея достаточного количества строительных материалов, ссуд обывателям не выдавала. Полученный затем первый миллион рублей она употребила на заготовку строительных материалов и стала выдавать ссуды только осенью 1815 г., когда острая потребность в них у большинства населения миновала. При этом ставили условием, что каменные строения, под которые были взяты ссуды, должны быть построены в 2 года, деревянные — в 1 год. В ссуду выдавалось не более той суммы, в какую архитекторы комиссии оценивали строящийся дом с землею, и, во всяком случае, не более 30 тыс. рублей. Беднейшие жители, для которых, собственно, и предназначались ссуды, почти не прибегали к ним.

В ноябре 1818 г. по предписанию А. П. Тормасова выдача ссуд на постройку деревянных домов была вообще прекращена. Ссуда сделалась средством поощрения строительства каменных домов на видных местах города, для его украшения. Но и в этом деле она не оказала должного влияния, так как наиболее важные места в городе застраивались большей частью казенными зданиями.

По данным Комиссии для строений, на 1 ноября 1817 г. выдано было обывателям ссуд деньгами и материалами всего на 871 190 рублей[119]. За 1815—1830 гг. из 5 миллионов ссудной суммы было выдано только 2 с лишним миллиона, и воспользовались ссудами менее 300 владельцев домов, из которых 189 были дворяне и чиновники, 66 — купцы, мещане и разночинцы, 25 — духовенство и 3 — общества. Таким образом, ссудой воспользовался лишь ничтожный процент населения, восстанавливавшего после пожара 1812 г. свои жилища! (см. приложение 6).

Объем нового строительства был велик. «Сведения по Москве 1817-го года» говорят о том, что за пять лет в Москве было проведено большое строительство:

	Каменных	Деревянных	Всего
Было домов до пожара 1812 г.	2567	6591	9158
Сгорело в пожар 1812 г.	2041	4491	6532
Осталось	526	2100	2626
Вновь выстроено	623	5551	6174
Восстановлено поправкою	2514	—	2514

Если сложить цифры оставшихся после пожара, вновь выстроенных и восстановленных домов, то выйдет, что в 1817 г. Москва уже располагала 3663 каменными и 7651 деревянным домами, всего — 11 314 домами. Но из цифр вновь выстроенных каменных и деревянных домов видно, что каменные составляли лишь около 10%, а деревянные около 90% всех выстроенных домов. Деревянные, видимо, строились и там, где раньше были каменные. Причисление всех восстановленных домов к каменным явно ошибочно, так как известно, что сгорел всего 2041 каменный дом.

Эти же цифры — 3137 поправленных и выстроенных каменных и 5551 выстроенный деревянный дом к 1817 г. приводит В Андросов в своей книге «Статистическая записка о Москве»[120]. Он относится к ним также критически, так как в 1823 г. в графе выстроенных и поправленных домов находит меньшее число. Андросов говорит о «явной несбыточности» того, что за несколько лет Москва «потеряла» 606 новых каменных и 58 деревянных домов. Плохую постановку статистики того времени он объясняет тем, что «название: дом — весьма неопределенно относительно строений нашей древней столицы. Ветхая изба, обмазанная глиной, обставленная подпорками... также показывается в числе домов, как и каменная громада».

М. В. Будылина сделала в своей, не однажды нами цитированной работе интересную сводку, хотя и приблизительную, сколько в 1813—1816 гг. было вновь построено каменных и деревянных домов и флигелей и отделано вновь домов и служб (взяты не построенные дома, а лишь разрешения на их постройку)[121].

Год	Построено каменных и деревянных			Отделано обгорелых			Всего	
	домов	флигелей	всего	домов	флигелей и служб	всего	домов	флигелей и служб
1813	1 067	156	1 223	676	50	726	1 743	206
1814	661	1 095	1 756	220	119	339	881	1 214
1815	811	1 024	1 835	576	546	1 122	1 387	1 570
1816	294	353	647	47	28	75	341	381
Всего	2 833	2 628	5 461	1 519	743	2 262	4 352	3 371

Флигеля до М. В. Будылиной в общей статистике не приводились, хотя, несомненно, имели большое значение. 3371 флигель, если бы все они были выстроены, многим бы заменили сгоревшие дома.

По имеющимся статистическим данным, застройка Москвы новыми и восстановленными из пепла домами выражена в таких цифрах:

	Количество домов		
	каменных	деревянных	всего
На 1 июня 1812 г.	2 567	6 591	9 158
» 1 ноября 1812 г.	526	2 100	2 626
» 1 января 1814 г.	1 519	3 287	4 806
» 1 » 1817 г.	3 663	7 651	11 314
» 1 » 1823 г.	3 060	7 593	10 653

Если не принимать во внимание сомнительные цифры 1817 г., то можно сказать, что к 1823 г. Москва не только восстановила свой жилой фонд, но даже приумножила его. Соотношение каменных и деревянных домов, однако, осталось то же.

Из таблицы М. В. Будылиной видно, что уже в 1816 г. и новое строительство домов и флигелей, и поправка обгорелых сильно сократились: неотложные нужды в жилище в основном были удовлетворены. Но, может быть, и число жителей, постоянных и пришлых, к этому времени сократилось сравнительно с допожарным временем?

Цитированные выше «Сведения по Москве 1817-го года» говорят об обратном: в 1817 г. в Москве считалось мужчин 197 482 и женщин 114 518, всего же — 312 000 человек, на 40 000 примерно больше, чем в 1812 г. перед нашествием неприятеля. Таким образом, нужда в жилищах была еще большая, чем до 1812 года!

Не все каменные дома, погоревшие в пожар 1812 г., были отстроены: по данным М. В. Будылиной, на 1 января 1816 г. оставалось еще 429 дворовых земель с обгорелыми зданиями и 1763 пустыря без всякого строения.

В эти цифры может быть внесена поправка на основании подсчета числа домов и земель в «Алфавитных списках всех частей столичного города Москвы», изданных в Москве в 1818 г., но материал для которых, наверное, собран в 1817 г. В списках указаны сгоревшие в 1812 г. и еще не отстроенные каменные дома и лежащие впусте, хотя и числящиеся под полицейскими номерами, земли погоревших домов, по тогдашней терминологи, — «пустые, порозжие и пустопорожние». Пустыми назывались земли, никогда не бывшие застроенными, порозжими — освобожденные от застройки, а пустопорожними — некогда частично застроенные. Может быть, некоторые из последних трех категорий земель и до пожара 1812 г. были незастроенными, но выделить их мы не имеем возможности. Наш подсчет по отдельным полицейским частям города домов и земель указанных категорий дал следующие результаты (см. стр. 131).

Из таблицы видно, что на 10 126 дворовых участках внутри Камер-Коллежского вала к 1818 г. было не отстроено только 102 каменных дома и 1228 участков лежали еще впусте. Особенно много неотстроенных каменных домов и незастроенных дворовых участков было в Пятницкой части, затем в Якиманской и Пречистенской, наиболее пострадавших от пожара. Но и в них более $^3/_4$ владений уже были застроены. В Басманной же и Городской частях не было уже незастроенных дворовых участков, а погоревшие в 1812 г. каменные дома все были отстроены. В Арбатской и Таганской частях оставались незастроенными только несколько дворовых участков.

Подсчеты М. В. Будылиной (на 1 января 1816 г. 429 дворовых земель с обгорелыми зданиями и 1763 двора без всякого строения) и цифры «Алфавитных списков» (на 1 января 1818 г. 102 оставшихся дворовых участков с обгорелыми зданиями и 1228 пустырей без всякого строения) можно считать не противоречащими друг другу, так как за два года могло быть отстроено 327 погоревших каменных домов и на 535 пустых участках воздвигнуты вновь каменные и деревянные дома.

Возвращаясь к данным «Сведений по Москве 1817-го года», где все 2514 восстановленных домов отнесены к каменным, на основании подсчета невосстановленных домов по «Алфавитным спискам» можно сказать, что каменных домов могло быть восстановлено только 1939.

Таблица

обгорелых в 1812 г. и не восстановленных к 1818 г. домов и количество бывших к последнему году обгоревших (пустопорожних, пустых, порозжих) дворовых участков по «Алфавитным спискам частей Москвы» 1818 г.

Название полицейских частей	Общее число владений	Из них обгоревших домов	обгоревших земель	заселено участков (жилых дворов)
Городская	164	—	—	164
Тверская	471	2	25	444
Мясницкая . . .	422	5	68	349
Пятницкая . . .	624	25	129	470
Якиманская . . .	628	7	133	488
Пречистенская . .	516	1	116	399
Арбатская . . .	526	—	9	517
Сретенская . . .	654	6	97	551
Яузская	582	17	96	469
Серпуховская . . .	790	1	93	696
Хамовническая . .	396	—	69	327
Новинская . . .	372	—	63	309
Пресненская . . .	448	2	74	372
Сущевская . . .	752	1	48	703
Мещанская . . .	533	3	47	483
Покровская . . .	452	—	46	406
Лефортовская . .	430	23	76	331
Басманная . . .	474	—	—	474
Рогожская . . .	488	9	36	443
Таганская . . .	404	—	3	401
Итого . . .	10 126	102	1 228	8 796

Следовательно, 575 восстановленных домов были деревянные, частично обгоревшие.

Исследуя дела Комиссии для строения Москвы за 1813—1816 гг., М. В. Будылина на основании их дала сводку об этажности отстроенных и вновь построенных каменных домов на 1 января 1816 г.[122].

Количество этажей	Каменных домов вновь построено и исправлено		Каменных флигелей вновь построено и исправлено	
	кол-во	%	кол-во	%
1	497	31,4	582	62,4
2	977	61,7	347	37,2
3	106	6,7	4	0,4
4	2	0,2	—	—
Всего . .	1582	100	933	100

Отсюда видно, что почти две трети каменных домов были двухэтажными, одна треть — одноэтажными, трех- и четырехэтажные дома составляли менее 7%. Каменные флигеля, наоборот, на две трети были одноэтажными, на одну треть — двухэтажными; трехэтажные флигеля насчитывались единицами, а четырехэтажных совсем не было.

Интересно и указываемое М. В. Будылиной распределение построенных и восстановленных каменных домов по полицейским частям Москвы. Наибольшее количество их было в Таганской части — 228, в Тверской — 158, Якиманской — 154, Яузской — 132, Пятницкой — 124. Всего в этих 5 частях — 796 домов, т. е. половина построенных во всех 20 частях Москвы (1582). Это говорит о богатстве феодальной знати в Тверской части, купцов — в остальных указанных частях. По строительству же каменных и деревянных домов с флигелями и службами на первом месте стояла торговая Сретенская часть (797), на втором, третьем и четвертом местах купеческие жилые Яузская, Рогожская и Таганская части (755, 654, 630), на пятом —Тверская часть, занятая дворцами знати (271).

В соответствии с этим и нагрузка архитекторов участков Комиссии для строения Москвы по выдаче разрешений на постройки и перестройки во дворах распределялась неравномерно.

С 1813 г. по 1 января 1816 г. было выдано разрешений[123]

Фамилия главного архитектора	Входившие в участок полицейские части	Число домов	С флигелями и службами
Соколов, I участка	Пятницкая, Якиманская, Серпуховская, Пречистенская, Хамовническая	1131	1330
Жуков, II участка	Сретенская, Сущевская, Басманная, Мещанская, Покровская	565	1924
Балашев, III участка	Рогожская, Таганская, Яузская, Мясницкая, Лефортовская	1556	2557
Матвеев, IV участка	Городская, Тверская, Арбатская, Новинская, Пресненская	739	1176
Всего	По всем полицейским частям	3991	6987

Деля эти числа на два с половиной года деятельности комиссии (с июня 1813 г. по 1 января 1816 г.), получаем около 1600 выданных в среднем за год разрешений на дома и около 2800 разрешений на дома с флигелями и службами. Это была колоссальная нагрузка на небольшой в то время штат участковых архитекторов, которую он, однако, с честью вынес!

Все вновь строившиеся и возобновлявшиеся после пожара 1812 г. дома требовали кроме обследования на месте составления заново планов и выбора фасадов, что, как мы знаем, входило в обязанности заведовавшего «фасадической частью» комиссии О. И. Бове. Нужно удивляться его трудоспособности и энергии, видя, как блестяще справился он с порученным ему делом. А ведь на нем лежало еще много обязанностей по архитектурному оформлению строившихся публичных зданий, площадей и пр. Прекрасную характеристику деятельности Комиссии для строения по застройке Москвы дает «Краткий курс истории русской архитектуры», изданный в 1951 г.:

«Общий характер архитектуры города определяется рядовым жилым строительством, развернувшимся после пожара по всей территории Москвы. В процессе реконструкции Москвы новый архитектурный облик получили не только площади, но и улицы, застройка которых в этот период почти полностью обновилась. Дворянская усадьба XVIII в. с главным домом в глубине двора и хозяйственными устройствами теперь уступила место городскому особняку, вынесенному главным фаса-

дом на красную линию улицы. В то же время в ряде случаев в жилом строительстве города сохранялась традиционная усадебная система городской застройки, которая теперь изменилась соответственно масштабам и характеру городских особняков. Архитекторы Комиссии строений, осуществляя задачу создания художественного единого облика города, разработали правила и принципы городской застройки, учитывавшие традиционный характер московской застройки отдельными небольшими жилыми особняками. Этими правилами точно определялось положение домов на красной линии улицы, устанавливались габариты жилых и служебных строений, оград и пр., регламентировалась этажность зданий в зависимости от значения и характера улицы. Были выработаны типы жилых домов со строго отобранными формами, установленными соотношениями размеров этажей, проемов и архитектурных деталей. Фасад здания, вынесенный на улицу, получал плоскостную разработку и общую горизонтальную направленность, причем в общем ансамбле улицы московские зодчие, разнообразно используя немногочисленные приемы украшения фасада, умели сохранять архитектурную индивидуальность каждого особняка»[124].

До сих пор сохранились в Москве небольшие жилые особняки, построенные в ту эпоху: в Малом Власьевском пер., 5; в Гагаринском пер., 15 — дом Лопатиных; в Денежном пер. (ул. Веснина), 9.

Недавно снесены: дом № 35 на углу Сивцева Вражка и современного Плотникова пер., снесенный в 1960-х годах; дом поэта А. С. Хомякова на Собачьей площадке, 7, снесенный в 1963 г.

Существуют: деревянный дом Перовских (Новая Басманная, 27); дом Клаповской с двумя боковыми флигелями и оградой на Швивой горке (ул. Володарского, 16); дом с боковым флигелем, оградой и воротами в Старомонетном пер., 22; дома Н. Н. Римского-Корсакова на Тверском бульв., 24—26; отремонтированный под руководством О. И. Бове дом Всеволожского на Остоженке (Метростроевская, 49); дом С. П. Потемкина на Пречистенке, 21; дом № 27 по Зубовскому бульв., принадлежавший в начале XX века Дворцовому ведомству; дом № 12 на Смоленском рынке (Смоленской пл.), на углу Рещикова пер.; дом № 18 по Пятницкой ул.; дом Дворцового ведомства на углу Большого Левшинского пер. (ул. Щукина) и Денежного пер. (ул. Веснина, 8/1); дом Шаховской на Госпитальной площади, 2; перестроенный дом XVIII века на бывш. даче гр. Дмитриева-Мамонова на Воробьевском шоссе.

Датированы определенными годами следующие построенные в 1812—1825 гг. жилые дома: дом Лобкова на Софийской набережной, 22 —1813 г.; дом Хрущева на Пречистенке (Кропоткинская, 12), построенный архитектором А. Г. Григорьевым в 1814 г.; дом Е. А. Волковой в Леонтьевском пер. (ул. Станиславского, 4), построенный тем же А. Г. Григорьевым в 1815—1818 гг.; дом кн. Гагарина на Новинском бульв., 36, построенный О. И. Бове и уничтоженный в 1941 г. фашистской бомбой, — 1815—1817 гг.; дом в глубине двора по Тверской, 22, построенный в 1820-х годах (не сохранился); дом на Садовой-Кудринской, 15 (ныне детская больница имени Филатова) — 1820-е годы; дом Лопухина на Пречистенке (Кропоткинская, 11), построенный архитектором А. Г. Григорьевым в 1822 г.; дом Фонвизиных на Рождественском бульв., 12 — 1820-е годы; дом поэта И. И. Дмитриева по Спиридоновке (ул. Алексея Толстого, 17), построенный архитектором А. Л. Витбергом в 1820-е годы и снесенный в конце XIX века; деревянный дом купчихи Черной на Малой Молчановке, 2 —

1820-е годы; деревянный дом на Новослободской (Каляевская ул., 31) — 1821 г.; дом К. М. Полторацкого — 1821—1822 гг. (арх. Ф. М. Шестаков — ?) на Театральной пл. (пл. Свердлова), в нем теперь Детский театр; дом купца Патрикеева на углу Воскресенской и Театральной пл. (пл. Революции и пл. Свердлова) — 1822 г.; дом Лунина и рядом флигель для коммерческого банка («директорский дом») на Никитском бульв. (Суворовский бульв., 12а), построенные архитектором Д. И. Жилярди: первый в 1818—1819 гг., второй — в 1823 г.; дом грузинских царевичей Ираклия и Окропира Георгиевичей на Театральном пр. (проспект Маркса) — 1821—1823 гг. (перестроен); дом кн. Гагарина на Поварской (ул. Воровского, 25), построенный архитектором Д. И. Жилярди в 1820-х гг.; деревянный дом Н. А. Гончарова, тестя А. С. Пушкина, на Большой Никитской ул. (ул. Герцена, 50/8) — 1825 г., не сохранился.

Конечно, и этот довольно большой перечень не исчерпывает даже десятой доли всех построенных после пожара 1812 г. до 1825 г. частных жилых домов, а указывает только на более или менее заметные из них, сохранившиеся до сих пор или дошедшие до сравнительно недавнего времени.

Приведем примеры застройки новых кварталов. В это время были застроены новыми домами кварталы между Театральным пр. и Кузнецким мостом, пл. Петровского театра и Лубянской пл.[125].

Желающие застроить спланированные в этих кварталах к 1820 г. участки были вызваны публикацией в «Московских ведомостях». Условия им были поставлены следующие: участки в квартале между Лубянской пл. и Рождественкой продаются по 8 и 7 рублей за 1 кв. сажень; в квартале от Рождественки до Неглинной — по 6 рублей. Участки между Петровкой, Неглинной и вновь проложенным проездом, продолжавшим к западу Софийку, по той же цене 6 рублей, как к северу, до Кузнецкого моста, так и к югу, до Театрального пр.

Обязательным требованием было — застроить участки в течение 3 лет, причем на улицу должны были выходить каменные дома не ниже 13 аршин (9,25 м). Уплата денег за купленные участки рассрочивалась на 5 лет, а некоторым привилегированным покупщикам давалось и денежное пособие. Если купивший участок не застраивал его в течение 3 лет или отказывался от застройки, то внесенные им деньги пропадали, участок у него отнимали и продавали другим лицам за сумму, уменьшенную на сделанный первым покупщиком взнос. Деньги от продажи участков шли на планировку площадей вокруг Китай-города. Льготы покупщикам давались «с той единственной целью, чтобы сколько можно скорее застроить показанное место хорошими домами и, сделав тем украшение городу, доставить Городской Думе доход с тех домов»[126].

Участки были проданы следующим лицам:

19 ноября 1820 г. участки № 1, 2 и 6 (где был Лубянский пассаж), всего 1540 кв. саж. (7010 кв. м), — тайному советнику кн. А. А. Долгорукову; 19 ноября 1820 г. № 3 и 4 (на юго-восточном углу Софийки и Рождественки), 604 кв. саж. (2750 кв. м), — 3-й гильдии купцу С. Медынцову; 22 ноября 1820 г. № 5 (на восточном углу Рождественки и Театрального проезда), 302 кв. саж. (1374 кв. м), — купцу Юрцовскому, но он его в течение года не застраивал, участок был у него отнят и продан соседу — С. Медынцову 31 октября 1821 г.; в 1820 г. № 20 (на юго-западном углу Софийки и Рождественки), 564 кв. саж. (2567 кв. м), — мещанину Н. Пенкину, но он тоже к застройке не приступал, хотя внес при покупке 676 рублей; участок у него был

отнят, и в «Московских ведомостях» объявлены торги на него, купил участок полковник Аргамаков 26 августа 1821 г.; № 18 (рядом, западнее), 403,5 кв. саж. (2073 кв. м), — 23 мая 1821 г. был продан генерал-майору В. Титову, с пособием от казны на стройку 30 000 руб. деньгами и, кроме того, лесными материалами; «а за старостию генерал-майора Титова» все права на участок тогда же переданы полковнику Аргамакову; участок № 17 (на углу Софийки и Неглинной), 514 кв. саж. (2340 кв. м), был отдан в 1822 г. Военно-сиротскому отделению (позже в нем водворилось Театральное училище).

По Театральному пр. участки № 19 и 21 (на углу Неглинной), 1192 кв. саж. (5426 км. м), 12 июня 1821 г. были проданы грузинскому царевичу Ираклию Георгиевичу; участок № 22 (рядом, на углу Рождественки), 795 кв. саж. (3619 кв. м), 3 мая 1822 г. продан грузинскому царевичу Окропиру Георгиевичу; участки № 5, 6, 7 и 8 (между Кузнецким мостом и проложенным южнее параллельным ему переулком), 1212 кв. саж. (5514 кв. м), 11 февраля 1821 г. проданы действительному тайному советнику и сенатору Д. П. Татищеву; участки № 9, 10, 11 и 12 (к югу от указанного нового проезда, включая и современный северный ризалит Малого театра), 1313 кв. саж. (5976 кв. м), были проданы 17 февраля 1821 г. серпуховскому купеческому сыну В. В. Варгину; участки № 13 и 14, где ныне Малый театр, 943,5 кв. саж. (4295 кв. м), были проданы ему же еще 19 августа 1819 г. Эти же участки, значившиеся как пустопорожняя земля, 21 марта 1821 г. были отданы коллежскому советнику Ивану Томанскому, но 23 декабря 1825 г. они снова значатся за В. В. Варгиным, причем одноэтажное строение по Театральному пр., размером 237 кв. саж. (1078,8 кв. м), показано занятым Малым театром.

К этому времени — декабрь 1825 г. — все здания на участках были построены и сохранялись до XX века.

Аналогичным образом было застроено и «Аптекарское место» — квартал между современными ул. Фрунзе и просп. Калинина, просп. Маркса и Манежной. С 1769 г. эта земля находилась в ведении Кремлевской экспедиции и предназначалась ею под склад материалов для проектированного В. И. Баженовым нового дворца и для перевода сюда из Кремля конюшен. Но так как дворец в Кремле не строился, это место пустовало, и уже в XVIII веке его пытались занять под дворы обывателей. К 1823 г. «Аптекарское место» было окружено каменным забором, за которым находились лишь кузница и каменный дом со службами, ближе к Боровицкому мосту.

18 апреля 1823 г. военный генерал-губернатор Москвы Д. В. Голицын был извещен начальником Главного штаба, что Александр I «дозволяет Кремлевской экспедиции принадлежащее ей в Москве место между Моховою ул. и вновь проложенною вдоль Кремлевского сада в 1820 году Неглинной улицей, где построена кузница, отдать на установленных правилах желающим застроить оное»[127].

В журнале Кремлевской экспедиции от 7 мая 1823 г. записано: «...сделать план сему месту с разделением по участкам и кондиции на отдачу оных под застройку желающим на правилах, в Комиссии для строений в Москве для сего составленных, с назначением единовременного взноса денег по назначенной той Комиссией цене, также и за каменный, построенный экспедицией забор, во что обошелся казне, и все оное представить к г-ну Главноначальствующему (в экспедиции. — *П. С.*), на рассмотрение и утверждение». План места с разбив-

кой на дворовые участки было предложено составить архитектору И. Л. Мироновскому, и он разбил его на 7 участков [128].

30 мая 1823 г. Комиссия для строения уведомила Кремлевскую экспедицию (очевидно, вследствие запроса последней), что, по ее мнению, «продажа участков на Моховой могла бы происходить на тех же условиях, которые в 1820 г. были утверждены для продажи земли бывш. Пушечного двора от реки Неглинной до Никольских ворот Китай-города»; что военный генерал-губернатор Москвы согласен на это, «но предоставление 5-летнего срока покупщикам для выплаты стоимости участков и кирпича, если последний, как там, будет дан им заимообразно, зависит от самой Кремлевской экспедиции».

Из этого видим, что Кремлевская экспедиция сохраняла права собственности на отдаваемые под застройку участки, пока застройщики не уплатят ей полностью всех денег. В заседании Кремлевской экспедиции 1 июня 1823 г. она приняла указанные условия, постановила внести их в свои кондиции и представила на утверждение своего главноначальствующего кн. Юсупова[129].

Кондиции были следующие:

1) Цена за 1 кв. сажень — 6 рублей. При покупке участка покупатель вносит 20% всей суммы, остальные же деньги ежегодными равными взносами в течение 5 лет.

2) Кроме того, покупщик обязуется оплатить еще приходящуюся на его участок часть каменного забора.

3) Он обязуется представить Кремлевской экспедиции план и фасады предположенных к стройке зданий, покрытых железной крышей, которые экспедиция представит на утверждение Комиссии строений.

4) По утверждении их планы и фасады возвращаются покупщику, который обязан в первый год заготовить материалы, вырыть рвы для строения и забутить фундамент, во второй и третий годы закончить строительство с отделкой внутри, а в четвертый год оштукатурить снаружи.

5) Строения должны быть расположены по Моховой ул. и сзади вновь устроенной при Кремлевском саде улицы в два или три этажа, «хорошей фасады, в линию; а внутри для жилья и служб могут быть и в один этаж; дозволяется также к улицам выстроить и лавки, ежели покупщик пожелает, но хорошей фасады».

6) Каменный забор представляется в пользу покупщиков, они могут разобрать его и материал употребить на фундамент и нежилые постройки нового здания.

7) «Мостовая и тротуар против онаго места, с обеих сторон имеющаяся, предоставляются в пользу покупщиков безденежно, которые обязаны, наравне с прочими владельцами домов, содержать в исправности на будущее время от себя».

Следующие 8-й и 9-й пункты кондиций предупреждают покупщиков, что в случае невыполнения ими кондиций они лишаются всей внесенной ими вперед суммы и права на владение участком, «и та земля с начатыми строениями и заготовленными материалами продана будет другим и, за вычетом всей должной экспедиции суммы, оставшиеся деньги отдадутся ему или наследникам его».

10) Купленные участки до последнего взноса денег остаются в залоге у Кремлевской экспедиции.

11) Покупщикам, если пожелают, будет отпущено заимообразно сроком на 5 лет без процентов необходимое количество кирпича, с

платежом денег «по прошествии сего срока, а новые, выстроенные в 3 года дома будут еще 2 года освобождены от всех повинностей, кроме мощения мостовых»[130].

Приложенный план квартала, подписанный «правящим должность архитектора Томанским», дает разбивку его не на 7, а на 5 дворовых участков: из них № 2 и 3 разбиты каждый на два участка.

По Моховой ул., на запад от современного просп. Калинина, шла еще на 9 сажен церковная земля, очевидно, церкви Николы в Сапожке; за нею каменный дом купца Полякова с воротами на запад — в бывший с Моховой небольшой тупичок. За ним участок № 1 Кремлевской экспедиции, длиной 19, шириной 6 сажен. Далее — сквозной с Моховой к Кремлевскому саду участок № 2, длиной по улицам в 22 сажени, шириной между ними в 36 с третью сажен. За ним, по Неглинной ул., шел участок № 3, длиной по улице 36 сажен, шириной 15,5 сажени. От него к Моховой шел участок № 4, имевший по улице длину в 24 сажени, ширину в 22 с третью сажени. Внутри него был большой каменный дом и два небольших каменных строения. Рядом с ними по Моховой лежал участок № 5, длиной по улице 15,7 сажени, шириной 19,3 сажени. От него к Кремлевскому саду шел участок... опять № 3, имевший по современной Манежной ул. в длину 13 сажен, в ширину 21,3 сажени. Он лежал рядом с первым участком под тем же № 3 и, очевидно, предназначался к слиянию с ним [131].

Из этого видно, что план охватывал не только землю Кремлевской экспедиции, но и соседние дворы и составлен позже разбивки ее на 7 участков.

Первыми вызвались купить здесь дворовые участки, еще до вызова покупателей через газету, присутствовавшие в Кремлевской экспедиции статский советник Гедеонов (участки № 1 и № 2, за 4026 руб.) и камергер коллежский советник Сафонов (участки № 3 и 4, за 4890 руб.). Постановлением Кремлевской экспедиции 16 июля 1823 г. они и были им проданы.

Участок № 5, после напечатания в газетах объявления о продаже, купил надворный советник Ф. И. Тургенев, участок № 6 — московский купец Н. И. Уханов, а участок № 7 — работавший в Кремлевской экспедиции титулярный советник И. И. Гаврилов[132].

Насколько дешева была по тому времени продаваемая земля, видно из того, что купившему участок № 5 Тургеневу пришлось заплатить за нее всего 684 руб., а за часть каменного забора у нее, в 26 погонных сажен, 1252 руб. Не диво, что землю захватили сами чины Кремлевской экспедиции. В современном квартале это дома № 7—13 по Манежной ул., № 11—17 по просп. Маркса.

Дальше к западу шел большой участок кн. Шаховских, не входивший в «Аптекарскую землю», а за ним, по современной Боровицкой пл., еще два дома других владельцев.

Застройка «Аптекарского места» домами и службами произошла в 1823—1827 гг.[133].

Высокий патриотический подъем русского народа в войну 1812 г. и после победы над врагом, сказавшийся в политическом движении декабристов, в литературе и в других искусствах, не мог не отразиться и на архитектуре. Уже в XVIII веке наши замечательные архитекторы В. И. Баженов, М. Ф. Казаков и другие, строя дворцы для правящей верхушки и вельмож, примером для подражания избрали классическую архитектуру древних Греции и Рима, в республиках которых ви-

дели относительную гражданскую свободу, а в делах которых — героическую защиту отечества. Это течение после войны 1812 г. воспрянуло с новой силой и воплотилось в особые художественные формы.

Профессор А. А. Федоров-Давыдов пишет:

«Архитектура начала XIX века развивалась под знаком классицизма; в своем творчестве зодчие стремились исходить из форм и мотивов античного искусства. Но классическое наследие не копировалось русскими архитекторами, а перерабатывалось и видоизменялось творчески в духе национальных традиций и применительно к конкретным строительным задачам. Пользуясь переработанными формами и мотивами античности, русская архитектура отражала передовое содержание русской общественной жизни, в архитектурных образах выражала современные ей прогрессивные идеи, передовое мировоззрение. К классическому искусству обращались потому, что видели в нем воплощение искомой простоты и естественности, отлицетворение свободолюбивых и гуманистических идей.

...Создателями архитектурного облика послепожарной Москвы были талантливые архитекторы: О. И. Бове (1784—1834) — один из главных членов Комиссии для строений, создатель ансамблей Красной и Театральной пл. и ряда прекрасных зданий; Д. И. Жилярди (1788—1845) — автор восстановления и архитектурного убранства таких крупнейших зданий, как Московский университет, Слободской дворец (ныне МВТУ на 2-й Бауманской ул.), строитель ряда общественных зданий (Опекунский совет и др.), прекрасных усадеб и особняков; А. Г. Григорьев (1782—1868), много работавший как с Жилярди, так и самостоятельно и построивший немало красивых и оригинальных по композиции особняков; Е. Д. Тюрин (1792—1870), автор перестройки нового здания университета (дом № 20 по просп. Маркса. — *П. С.*) и ряда построек в Нескучном дворце; Ф. К. Соколов, руководивший восстановлением Кремля, и ряд других. Творчество этих архитекторов неразрывно связано с Москвой, но в ее строительстве участвовали своими проектами и зодчие Петербурга, как, например, А. А. Михайлов (1771—1849) или В. П. Стасов (1769—1848)»[134].

Кроме указанных ведущих архитекторов в строительстве не только жилых домов, но и некоторых общественных зданий принимали участие крепостные архитекторы; так, например, в 1815 г. великолепное здание Армянского училища (Армянский пер., 2) строили крепостные архитекторы Т. Г. Простаков и И. М. Подьячев.

В «Указателе жилищ и зданий в Москве» В. Соколова, изданном в 1826 г., приводятся адреса забытых в настоящее время архитекторов Москвы, несомненно принимавших участие в строительстве ее домов: В. В. Александров, В. И. Букин, С. В. Грознов, М. В. Горлицын, Х. И. Ежов, Ф. Ф. Казаков, А. С. Кутепов, П. Н. Менщиков, А. В. Никитин, К. С. Орденов, Ф. Ф. Рексродт, Н. И. Секстон, А. И. Старов, К. Л. Циглер. В строительстве Москвы участвовали и архитекторы Кремлевской экспедиции: А. Н. Бакарев, И. Л. Мироновский, И. Т. Томанский.

С 1816 г., в связи с затуханием массового частного строительства деятельность Комиссии строения была направлена на строительство больших казенных зданий (казарм, Манежа, театра и др.). Штат ее был расширен[135], для ведения новых работ она получила дополнительные средства к остаткам от 5-миллионной суммы, назначенной в 1813 г. для ссуд обывателям.

Во главе Комиссии для строения в Москве остался кн. М. Д. Ци-

цианов (с 1813 по 1824 г.). Кроме «присутствующих» в коллегии комиссии с 1813 г. советника — коллежского советника Петровского, инспектора — кн. Грузинского и обер-полицмейстера (по должности), в 1816 г. она пополнилась: из Оружейной палаты — Поливановым, московским комендантом Волковым, генерал-майором артиллерии Ильиным и предводителем дворянства Арсеньевым. Члены комиссии поделили между собою определенные участки работы. С 6 сентября 1816 г. в Комиссии строений работал и инженер Карбонье, в качестве начальника рабочих батальонов.

31 декабря 1821 г. был дан указ «Об улучшении устройства городов и посадов Московской губернии». Для надзора за строительством 12 уездных городов и 2 посадов были определены в Комиссию строений 2 новых советника — коллежский советник Ушаков и «состоящий в звании камергера» Кошкин[136].

Из руководителей двух отделений комиссии во главе 1-го землемерного отделения оставался до своей смерти 20 мая 1817 г. Кесарино, после чего с июня 1817 г. на его место был назначен Челиев. Кстати, хотя последний и подписал план Москвы 1817 г., но в составлении его он не участвовал.

2-м Архитектурным отделением, в качестве руководителя «фасадической части», заведовал О. И. Бове. Он же был районным архитектором Городской полицейской части и проектировщиком казенных и общественных зданий в Москве и губернии.

Дополнительно к оставшимся неизрасходованным деньгам из 5-миллионного фонда в 1816 г., в связи с расширением программы работ комиссии, было ассигновано 3 765 832 руб., из которых 2 249 042 руб. — на вознаграждение обывателям за их земли и дома, отходящие под площади и улицы, и 1 516 790 руб. — на выпланирование и замощение Москвы. Деньги эти предположено было дать фактически лишь в 1818 и 1819 гг., а до того черпать необходимые суммы из остатков 5-миллионного фонда.

Все это военный генерал-губернатор Москвы А. П. Тормасов указал в предписании комиссии от 19 мая 1816 г. (см. приложение 5). Из него видно, что до середины 1816 г. из 5-миллионного фонда было ассигновано только 2 миллиона рублей; в 1816 г. предполагалось ассигновать 1 миллион и в 1817 г. — 2 миллиона, почему дополнительные ассигнования в 3 765 832 руб. предположено было сделать только в 1818 и 1819 гг.

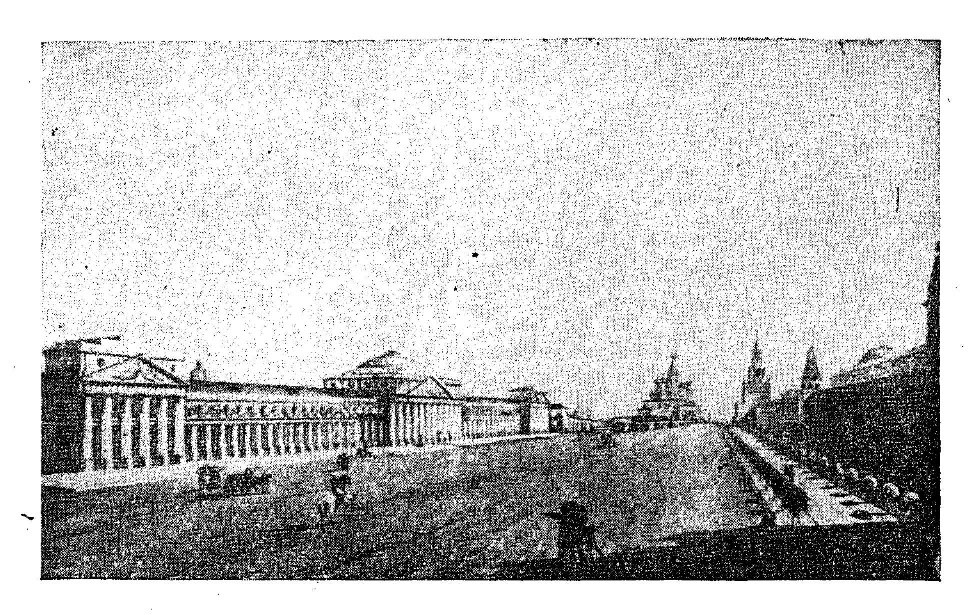
НАИБОЛЕЕ ВЫДАЮЩИЕСЯ ЗДАНИЯ МОСКВЫ, ВОССТАНОВЛЕННЫЕ ПОСЛЕ ПОЖАРА 1812 г., ВНОВЬ ВЫСТРОЕННЫЕ ИЛИ СНЕСЕННЫЕ

В Кремле. Отделка повреждений кремлевских стен и башен, порученная прежде Кремлевской экспедиции, с августа 1816 г. была возложена на Комиссию строения. Вел эти работы архитектор Ф. Соколов.

1. *Водовзводная башня,* взорванная при отступлении французов до основания, в 1817 г. была вновь выстроена О. И. Бове с некоторыми изменениями против старого плана.

2. *Верх Никольской башни,* разрушенный тогда же взрывом, сделан новым в 1817 г. по проекту О. И. Бове, несколько измененному архитектором Ф. Соколовым[137].

3. На месте взорванных тогда же французами звонниц колоколь-

Верхние торговые ряды, построенные архитектором О. И. Бове в 1814—1815 гг.

ни Ивана Великого архитектор Д. И. Жилярди построил в 1816 г. новые звонницы, почти тождественные старым.

4. В 1817 г. был снесен обветшавший *храм Николы Гостунского,* стоявший на меже между Ивановской пл. и Спасской ул.

В Китай-городе. На О. И. Бове еще 4 мая 1814 г. было возложено составление проектов и наблюдение за всеми казенными и общественными зданиями. Раньше ему поручены были, как мы уже указывали, составление проекта реконструкции Красной пл. и разработка фасадов Гостиного двора и Торговых рядов. Бове, в согласии с постановлением Комиссии строения при рассмотрении плана Гесте, сломал частично сгоревшие ряды вдоль рва на Красной пл., их выступы и части выступов Верхних рядов, закрывавшие с севера вид на храм Василия Блаженного, а также сломал лавки вокруг последнего.

5. *Верхним торговым рядам* Бове придал новую архитектурную форму. «Сохранив старые аркады, — пишет А. А. Федоров-Давыдов[138], — Бове украсил столбы парными колонками, на которые как бы опирались архивольты аркады. Вынужденный сохранить боковые выступы старого здания, Бове добавил в центре еще один больший по объему ризалит с приставным портиком мощных дорических колонн и воздвиг на нем плоский купол, еще более подчеркнувший центр здания и придавший ему торжественность и импозантность. Если, перерезав аркаду архитравом, Бове подчеркнул протяженность здания и объединил его, то композицией трех ризалитов он внес в него гармоническое членение. Характерно, что торговому помещению, поскольку оно находилось на главной, парадной площади города, приданы были черты общественного здания. Купол здания Торговых рядов как бы перекликался с куполом здания Сената, расположенного за кремлевской стеной. Реконструкция Торговых рядов была окончена в 1815 г. *».

* Эта дата оспаривается М. В. Будылиной, которая в своей диссертации (стр. 191) относит окончание работ по Торговым рядам к 7 июля 1816 г.

6. *Здание Присутственных мест* (на месте современного Исторического музея), занятое в 1812 г. Городской думой, Магистратом, Приказом общественного призрения и другими учреждениями и пострадавшее от пожара 1812 г., было отделано лишь к 15 июля 1819 г.[139].

Одновременно с устройством Петровской пл. после заключения в 1817—1819 гг. в подземную трубу Неглинной и срытия земляных бастионов Петра I, бывших между Неглинной и стеной Китай-города, был снесен Воскресенский мост, соединявший Тверскую ул. с Красной пл., и пространство по сторонам этого моста было обращено в Воскресенскую пл., названную так по имени моста.

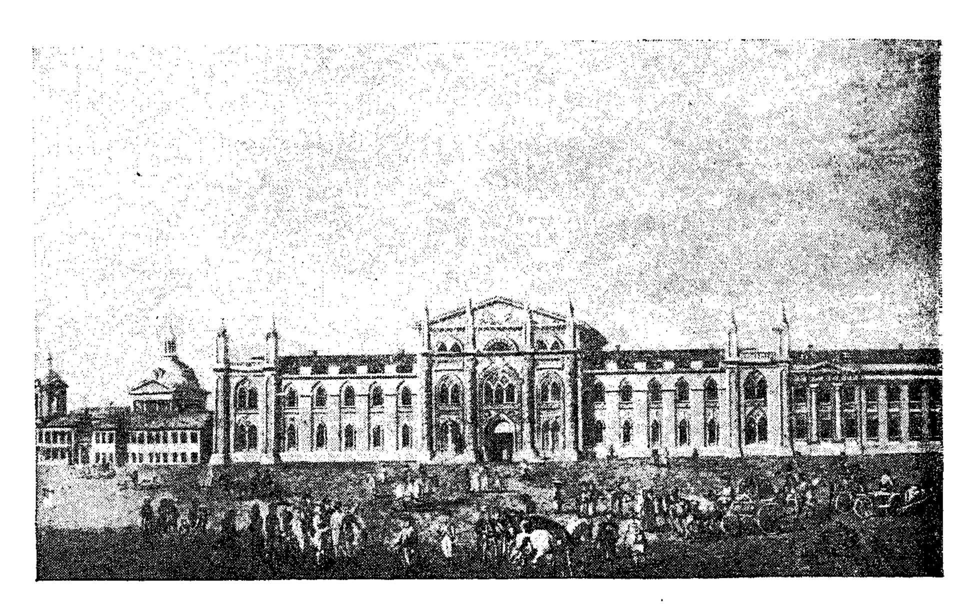
Выходившее на нее из-за стены Китай-города здание Присутственных мест, имевшее прежде только лестницу со двора на стену Китай-города, получило теперь два парадных выхода на Воскресенскую пл. Об этом здании «Новый путеводитель по Москве», изданный в 1833 г., пишет: «Присутственные места... имеют за стеной (Китай-города. — *П. С.*) прекрасный новой архитектуры дом...» Фасад построен по проекту архитектора Дюбу[140]. Далее в «Путеводителе» читаем: «... Площадь (Воскресенская. — *П. С.*), особенно украшающаяся прекрасным лицевым фасадом Присутственных мест. Здание сие о двух этажах, примыкающее заднею стороною к стене Китай-города, украшено одним рядом колонн дорического ордера; на фронтоне лепной работы герб Российского государства и литые бронзовые слова «1821 год». Это год окончания сего здания»[141]. Последнее верно только в отношении перестройки. Построено здание архитектором И. И. Гейденом еще в 1730-х годах.

7. В 1814 г. на Никольской ул. архитектором А. Н. Бакаревым построено в «готическом» стиле *здание Синодальной типографии,* сохранившееся и доселе.

В Белом городе. 8. Большим сооружением в центре города была постройка в 1817 г. *«Экзерциргауза» (Манежа)* на Моховой пл. Гесте, как мы выше указывали, предполагал ее застроить, но Комиссия строений отвергла его проект и оставила Моховую пл. Теперь, вопреки ее постановлению, она была спешно застроена Манежем. Строил его инженер Карбонье по проекту инженер-генерала Бетанкура, при участии главного архитектора строительства Ламони и инженер-поручика Кашперова — фактического производителя работ. С постройкой спешили, так как осенью 1817 г. ожидался приезд в Москву Александра I и смотр войск в Манеже. Начались работы весной 1817 г. и закончились в ноябре того же года.

Никакой внешней отделки здания сперва не было. Знаменитая крыша на деревянных стропилах, сделанная по проекту Бетанкура, скоро начала оседать, почему в 1819 г. Бетанкур возбудил ходатайство о ее перестройке. 24 февраля 1820 г. Александр I разрешил перестройку, но она совершена была лишь в 1823—1824 гг. по проекту и под руководством полковника Бауса. Исполнителем работ был инженер Кашперов. Для осмотра работ был назначен в 1824 г. О. И. Бове. Ему же в этом году было поручено украшение Манежа внутри и извне. В 1825 г. он представил генерал-губернатору Москвы Д. В. Голицыну соответствующие рисунки, которые были тем утверждены. Манеж отделан был полностью в 1825 г., а в январе 1827 г. передан для эксплуатации в ведение Кремлевской экспедиции[142].

9. На углу Волхонки и Большого Знаменского пер. был отстроен в это время *дом для Губернской (1-й мужской) гимназии*[143]. Гимназия до пожара 1812 г. помещалась в казенном доме в Китай-городе близ

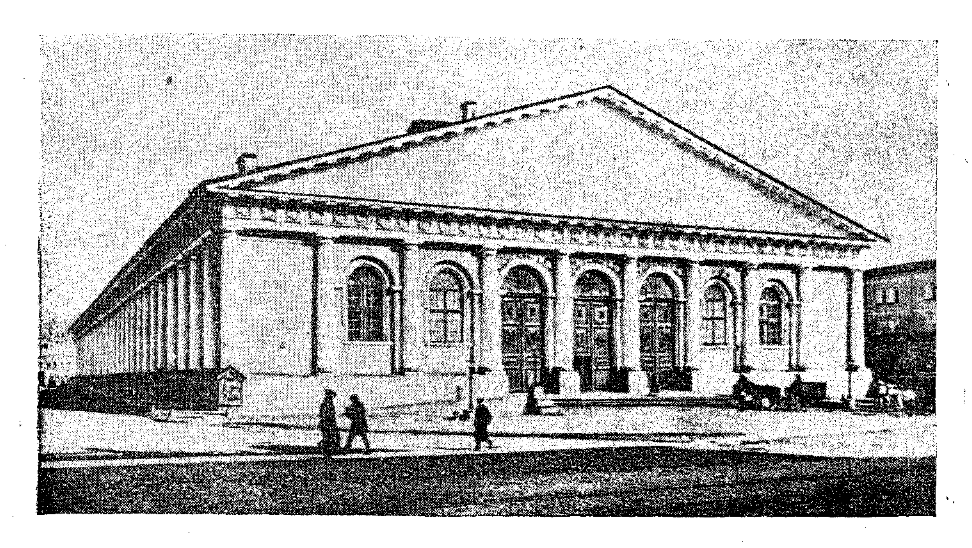

Здание Синодальной типографии на Никольской улице в 1814 г.

Варварских ворот. По ветхости этого дома и неудобству его расположения намечалось переместить ее в купленный казной у бригадира Лопухина дом, что у Пречистенских ворот, «высочайше пожалованный» гимназии. На отделку дома предполагалось отпустить 135 тыс. руб., и в 1811 г. уже было отпущено 45 тыс. руб. Но в 1812 г. этот дом сгорел, и до 1817 г. гимназия помещалась в наемном доме по Малому Кисловскому пер., 4. Отделка лопухинского дома для гимназии, с пристройкой к нему флигеля, обошлась в 53 тыс. руб. Дом этот стоит до сего времени.

10. На Моховой ул. главным зданием был *университет,* построенный М. Ф. Казаковым в 1786—1793 гг. После пожара 1812 г. от него остались лишь капитальные стены. Восстановление здания было поручено Д. И. Жилярди, который и сделал это в 1817—1819 гг. При этом он заново архитектурно обработал фасад здания, чтобы придать ему большую торжественность.

«В этих целях,— пишет А. А. Федоров-Давыдов,— архитектор усилил мощь и тяжесть центрального портика, сменив ионический ордер мощной дорикой, и воздвиг над ним ступенчатый аттик. Все это придало зданию большую тяжесть, усилив роль горизонталей. Жилярди убрал со стен членившие их пилястры и филенки, оставив большие глади стен. На них особенно рельефно выделяется пластичность колонн портика, кубикул на боковых торцах здания, наконец, лепных украшений. Это подчеркивает и окраска здания: белые колонны и детали на желтом фоне стен. За колоннами портика помещен прекрасный барельеф Г. Замараева, изображающий торжество наук и искусств. Лепные украшения в виде львиных масок, щитов с головой медузы, факелов, венков и пальметт, характерные для декоративных мотивов высокого классицизма, располагаются в строгом соответствии с архитектурой здания: на замковых камнях, между колоннами, между окнами, по их оси. Укрупнение деталей, усиление их рельефности, наконец, богатое лепное убранство обогатили, повысили выразительность, силу звуча-

Манеж, построенный в 1817 г. (со стороны Воздвиженки).

ния, образную содержательность здания. Ему был придан более нарядный, парадный облик, декоративными приемами был укрупнен его масштаб с тем, чтобы здание могло соответствовать величине и протяженности кремлевской стены и башен напротив него»[144].

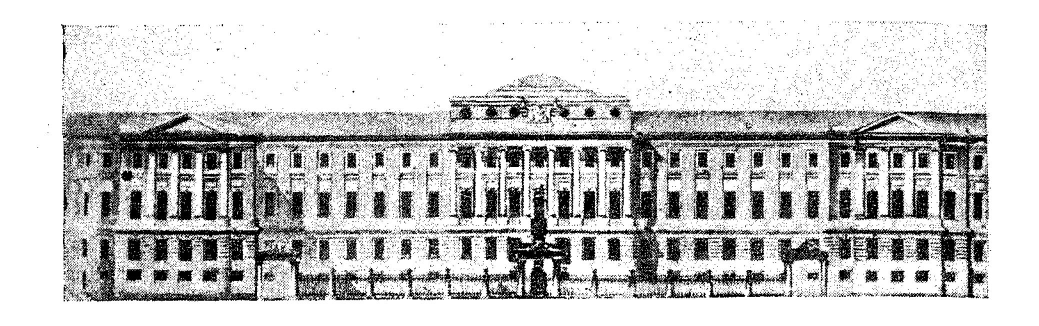
11. В 1821—1825 гг. произошла застройка Петровской (Театральной) пл. Как указано выше, она была окончательно спроектирована архитектором О. И. Бове, и этот проект был утвержден Александром I 10 ноября 1821 г. Центральным на площади было *здание Петровского (Большого) театра.* Гораздо больший по объему, чем сгоревший в 1805 г. театр Медокса, Петровский театр занимал не только его место, но и значительно выступал вперед. Ось его была направлена с севера на юг, тогда как прежде с запада на восток.

Строил театр О. И. Бове по проекту академика А. Михайлова-второго в 1821—1824 гг. Театр был перестроен архитектором Кавосом в 1856 г. после большого пожара театра в 1853 г. В таком виде здание сохранилось до наших дней.

Новейший исследователь истории этого театра Ю. Д. Хрипунов («Архитектура Большого театра», М., 1955) приводит о нем следующие данные.

Театр Медокса на современной площади Свердлова открылся 30 декабря 1780 г. пьесой Аблесимова «Странник» и балетом «Волшебная школа». Театр имел в длину 32 саж. (68 м), в ширину 20 саж. (42,5 м), в высоту — 8 саж. (17 м). Состоял из партера, 4 ярусов с ложами и галереи. Вмещал без галереи 800 человек. Портал сцены имел в ширину 13 м, в высоту — 9,2 м. Сцена имела глубину от авансцены до «горизонта» — 23,5 м.

В 1787 г. к театру с юга (вход в театр был с востока, с Петровки) был пристроен еще двусветный круглый маскарадный зал. 24 колонны коринфского ордера окружали его внутри; за колоннами шла приподнятая на две ступени галерея. Зал имел в диаметре 28,3 м, с галереями — 35,6 м. Общая площадь зала — 995 кв. м, высота колонн — 7,2 м, расстояние между их осями 3,65 м. Стены были украшены зеркалами. Освещался зал 42 хрустальными люстрами.

Старое здание университета, построенное архитектором М. Ф. Казаковым.

Снаружи кирпичные стены театра не были оштукатурены. В 1798 г. театр Медокса перешел в ведение Воспитательного дома (за долги.— *П. С.*), а 8 октября 1805 г. сгорел.

После этого пожара спектакли шли в тесном (на 300 зрителей) театре кн. Волконского на Самотеке, затем в доме Пашковой (Моховая, 9), а с 1808 по 1812 г. — в построенном Росси Арбатском казенном театре (с 1806 г. театр уже считался Императорским. — *П. С.*). Но Арбатский театр, деревянный, сгорел во время нашествия французов в 1812 г., и с 1812 г. по 1816 г. Императорский театр играл в здании крепостного театра С. С. Апраксина на Знаменке, 19, с 1817 же по 1824 г.— вновь в доме Пашковой.

В 1817 г. инженер Карбонье представил Александру I несколько проектов постройки театра на прежнем месте, выполненных московскими архитекторами. Царь утвердил план и фасад театра по проекту архитектора Комиссии для строений Ламони, но дальше этого дело не пошло, проект затерялся, и в 1819 г. его даже не нашли.

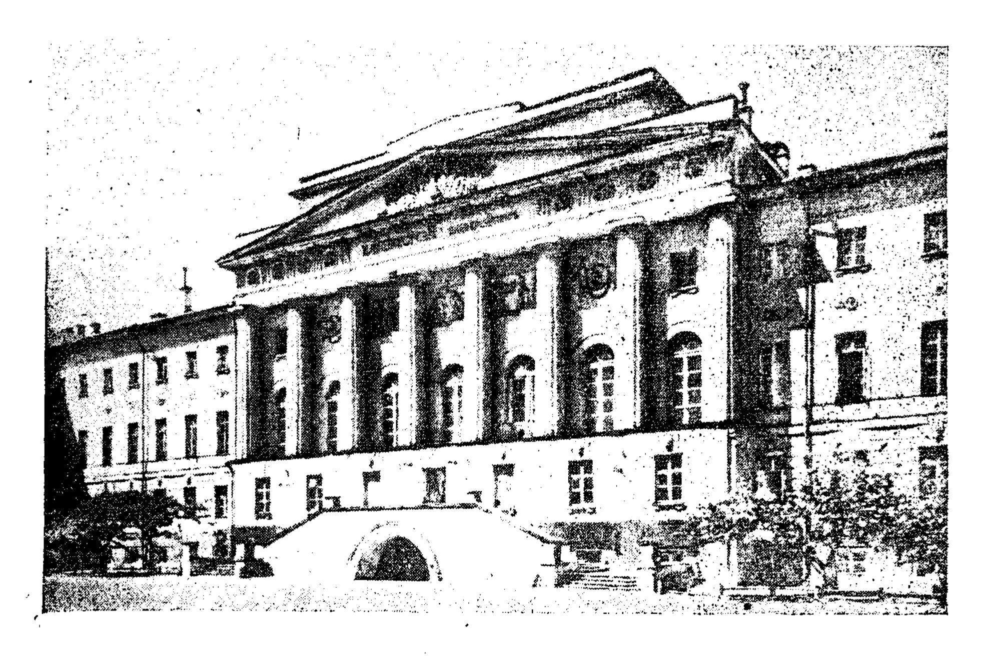
18 апреля 1820 г. новый военный губернатор Москвы Д. В. Голицын обратился к президенту Академии художеств А. А. Оленину с просьбой поручить лучшему архитектору Петербурга составить проект театра в Москве.

Подготовительными работами для постройки нового здания театра на старом месте с осени 1820 г. начал распоряжаться О. И. Бове. В ноябре были вырыты рвы для фундаментов, забиты в грунт сваи (2147 штук), так как театр стоял на заболоченном грунте. Все это Бове делал согласно своему плану. Но внешний архитектурный облик театра ожидался из Петербурга.

Из трех проектов, присланных Д. В. Голицыну А. А. Олениным — Андрея Михайлова, Мельникова и Беретти,— он остановился на первом и 30 марта 1821 г. предложил Комиссии для строения составить смету в двух вариантах. Комиссия поручила это сделать архитектору Элькинскому и каменных дел мастеру Карлони.

17 мая 1821 г. комиссия поручила О. И. Бове взять на себя все строительство театра, для чего Голицын освободил его с июня 1821 г. от наблюдения за всеми другими постройками. По просьбе Бове ему было разрешено предварительно изготовить модель будущего театра, которую он закончил в октябре 1823 г.

4 июля 1821 г. был утвержден Комиссией для строения и Голицыным рабочий проект театра, разработанный Бове. От проекта Михайлова он сделал существенные отклонения, «кои были необходимы в отношении удобностей, вкуса здешней публики и суммы, на сие ассигно-

Здание Московского университета, перестроенное после пожара архитектором Д. И. Жилярди.

ванной». Например, Бове отказался от сводов в нижнем этаже, устройства под ними торгового помещения, четвертого яруса и др. Стены старого Петровского театра были полностью разобраны.

7 декабря 1821 г. Бове привез из Петербурга утвержденный царем проект театра. По словам Оленина, проект Михайлова полностью не осуществлен из-за больших на то сумм. Точная дата утверждения проекта Бове царем — 10 ноября 1821 г.

Разработка и осуществление технической части строительства театра производились под руководством специально прикомандированного инженер-подпоручика Девиса.

В сентябре 1823 г. к театру был прибавлен еще один — четвертый ярус. Стоил театр почти 2 миллиона рублей. Открытие его состоялось 6 января 1825 года.

По западной и восточной сторонам площади, составляя как бы рамку для Петровского театра, были запроектированы четыре одинаковых двухэтажных здания, с трехэтажными ризалитами на линии Охотный ряд — Театральный пр. В нижних этажах, вместо окон, первоначально проектировались аркады, за которыми шли галереи, как бы расширявшие площадь.

12—13—14. В 1820—1824 гг. три дома одинаковых фасадов были уже построены: *дом В. В. Варгина*, построенный по проекту О. И. Бове на месте Малого театра, который с 1824 г. уже арендовал помещение в этом доме (в 1830 г. казна приобрела его в собственность театра); *дом напротив*, где теперь Детский театр и станция метро «Проспект Маркса», построенный в 1821 г. и принадлежавший тогда К. М. Полторацкому; дом по другую сторону Охотного ряда, построенный по проекту архитектора Матвеева в 1820 г. и принадлежавший тогда *Сенатской типографии* [145].

15. До 1838—1839 гг. оставался незастроенным участок, на котором теперь *гостиница «Метрополь».* В 1838 г. он был приобретен купцом Челышевым, который построил здесь дом, аналогичный трем вышеуказанным. Во дворе этого дома были помещены знаменитые впоследствии Челышевские бани. Все эти дома уже в 1840-х годах имели в нижних этажах, вместо открытых аркад, окна.

Во второй половине XIX — начале XX века все эти здания, кроме здания Малого театра, были перестроены до неузнаваемости, а здание «Метрополя» построено заново с использованием лишь старых наружных стен. Здание же Малого театра почти не изменилось, были лишь уничтожены аркады и пристроен в 1840 г. архитектором К. А. Тоном второй ризалит в конце здания, возле Петровки.

На северной стороне площади, по сторонам Большого театра, на равном расстоянии от него, предполагалось возвести два здания. Но построено было только одно — на углу Петровки, стоявшее до 1909 г. По западной же стороне место предполагавшегося здания очерчивается существующим уже более 100 лет палисадником за зданием Детского театра.

16. Для *университетской типографии* еще в 1811 г. был приобретен у Власова дом на углу Большой Дмитровки и Страстного бульв. Ввиду его ветхости он был в 1816 г. заново перестроен архитектором Ф. Бужинским. В 1818 г. к нему был прикуплен у Талызиной соседний, столь же ветхий, дом по Большой Дмитровке. В 1818—1821 гг. он также был перестроен по проекту архитекторов Н. Соболевского и Д. Григорьева. Первый из этих домов сохранился до наших дней.

17. В 1823 г. на Тверской пл. был построен *«Тверской частный дом»* (полицейская часть) с пожарной каланчой, пожарными сараями во дворе и гауптвахтой в первом этаже. Здание сохранялось до 1923 г.

18. Тогда же возникло *здание Армянского училища Лазаревых.* Построили его в 1814—1816 гг. крепостной архитектор Римского-Корсакова Тимофей Григорьевич Простаков и крепостной же архитектор Лазарева Иван Матвеевич Подьячев. Они же возвели в 1823 г. два примыкающих к главному корпусу флигеля. Вероятно, они же были авторами и обелиска в честь семьи Лазаревых, стоящего с 1822 г. перед главным корпусом здания, и ограды с улицы[146].

Профессор С. А. Торопов в архитектурном очерке «Дом культуры», помещенном 25 июля 1945 г. в газете «Вечерняя Москва», прекрасно рисует внешний и внутренний облик этого дома.

«Здание,— пишет С. А. Торопов,— удачно поставлено в глубине красивого парадного двора, отделенного типичной оградой и воротами от переулка. В центре возвышается эффектный обелиск, поставленный для увековечения памяти основателя. В каменные глади мощного памятника вделаны красивые медальонные барельефы. Монумент эффектно вздымается на ступенчатом подножии, огражденном символически тумбами и цепями. Проходы вокруг монумента подводят к торжественному шестиколонному ионическому портику, выразительно подчеркивающему парадный вход в здание. Красивая надпись и великолепная скульптура дополняют общую торжественность монументального портика — центра всей парадной части прекрасного ансамбля. Центральному выступу отвечают боковые, декорированные арочным мотивом на пилястрах, включающих троечастные окна. Просто и строго решенные части корпуса соединяют центр с боковыми выступами. Все здание поставлено на высокое подножие с торжественной лестницей к центральной триаде дверей, несущей на тумбах ограждающих стенок

Тверская полицейская часть с гауптвахтой и пожарным депо, построенные архитектором О. И. Бове в 1823 г.

великолепные, редкие теперь в Москве фонари, блестяще дополняющие характерный портик золотого века русского классицизма. За парадными дверями, когда-то красиво расчлененный колоннами, расположен парадный вестибюль, вполне еще сохранившийся и поддающийся восстановлению. Из вестибюля вход ведет в парадный зал — жемчужину интерьеров дома, к сожалению, несколько попорченный в последнее время».

Дом Армянского училища Лазаревых связан с именами учившихся здесь И. С. Тургенева, К. С. Станиславского, известного армянского поэта Сумбата Шахазиза и работавшего здесь революционера-демократа М. Налбандяна. Сейчас в этом здании размещается Институт народов Азии.

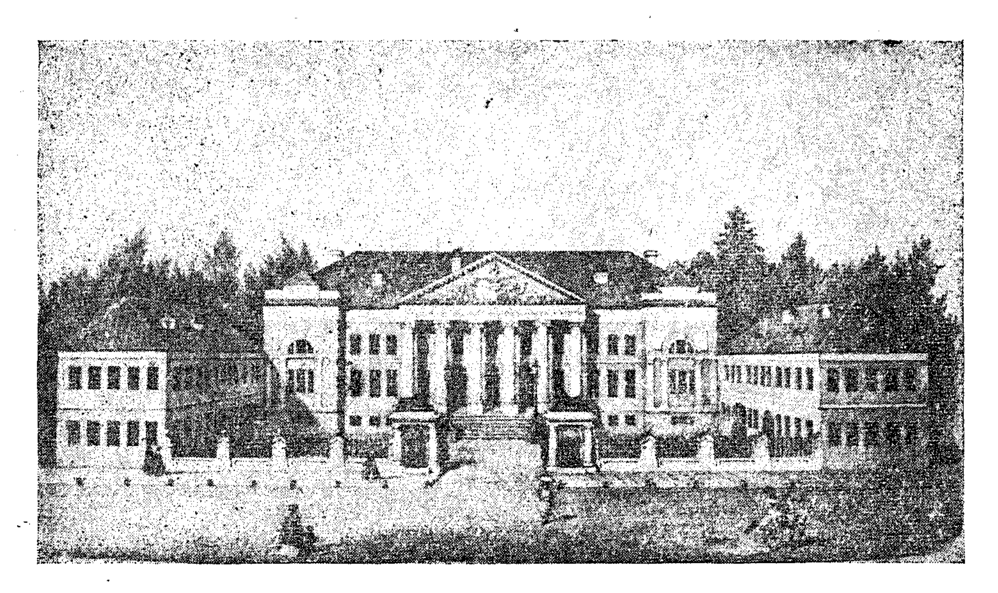
19. Нами уже отмечалось, что в 1812 г. погорел внутри великолепный Колонный зал Благородного Российского собрания — дворянского клуба *(ныне Дом союзов)*. Ростопчин сообщил об этом царю, и Александр I пожертвовал на восстановление зала 150 тыс. руб., заимствовав их из капитала в 5 млн. руб. Ремонт дома производился в 1814 г. по проекту архитектора А. Бакарева[147].

Из частных домов, построенных после пожара 1812 г., в Белом городе наиболее замечательны:

20. Дом генерала П. М. Лунина и флигель для коммерческого банка (разместившегося в доме, купленном у Луниной в 1821 г.) на Никитском бульв., 12а, построенные Д. И. Жилярди, первый в 1818—1819 гг., второй — в 1823 г. [148].

21. В *Леонтьевском пер.* построен в 1818 г. архитектором А. Г. Григорьевым красивый особняк для Е. А. Волковой, стоящий до сего времени (ул. Станиславского, 4)[149].

22. В 1825—1826 гг. на Лубянской пл. был построен 3-этажный большой *дом Шипова* с торговыми помещениями в 1-м этаже и кварти-

Дом Армянского училища, построенный в 1814—1823 гг.

рами во 2-м и 3-м. Дом выходил фасадами как на площадь, так и в проезды вокруг нее. Это был один из первых доходных домов послепожарной Москвы. Он простоял почти до наших дней и был снесен лишь в начале 1967 г.[150]

В *Земляном городе.* 23. В Земляном городе больших казенных и общественных зданий после пожара 1812 г. не было построено. Из частных домов выделяется возведенный в 1818 г. на *Пятницкой ул.,* 18, большой дом для богача Демидова[151].

На Пречистенке, 12, А. Г. Григорьевым в 1814 г. построен *дом Хрущевых,* ныне занятый Пушкинским музеем[152].

25. Почти напротив этого дома *(Пречистенка, 11)* тем же архитектором в 1816—1822 гг. построен дом для Лопухина, ныне здесь Музей Л. Н. Толстого[153].

26. Великолепный дом был построен в 1817 г. архитектором О. И. Бове для кн. *Гагарина на Новинском бульв.,* но он, как мы уже упоминали, в 1941 г. был разрушен фашистской бомбой[154].

27. Д. И. Жилярди построил на Поварской ул. в 1820-х годах для кн. Гагарина прекрасный особняк, ныне занятый Музеем А. М. Горького[155].

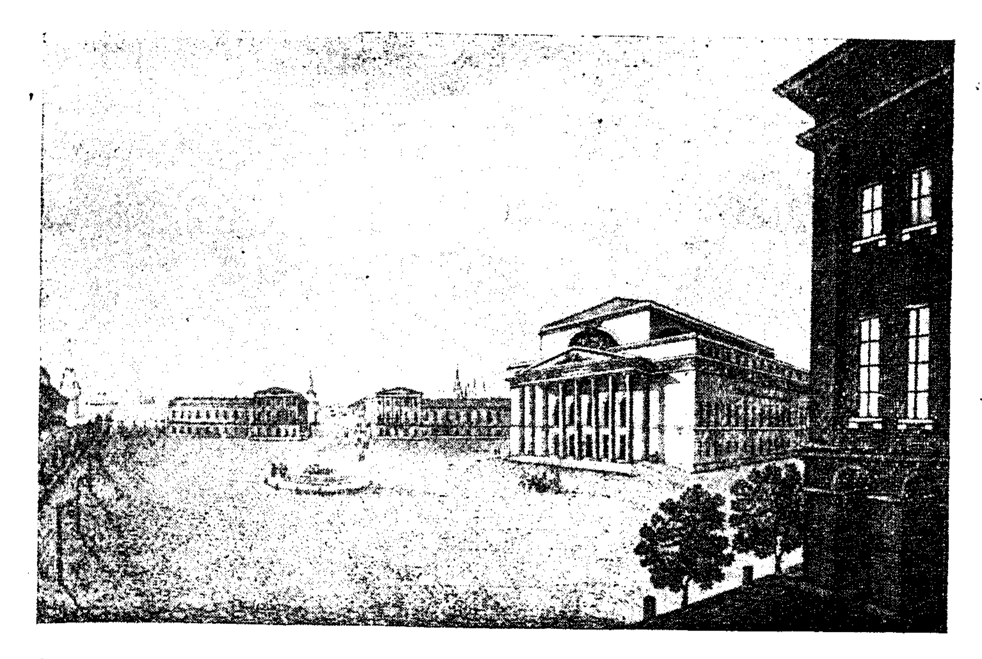
28. Из церквей, возведенных после пожара 1812 г., можно отметить собор Зачатьевского монастыря, построенный М. М. Казаковым (сыном знаменитого зодчего) в 1814 г.[156], а также

29. *Церковь Троицы в Вешняках,* с колокольней и воротами, построенную архитектором А. Г. Григорьевым в 1824—1826 гг.[157].

За Земляным городом. 30. В 1820—1823 гг. архитектор Д. И. Жилярди восстановил *Вдовий дом на Кудринской пл.,* поврежденный в 1812 г. пожаром и артиллерийским обстрелом.

31. *На Екатерининской пл.* Д. И. Жилярди в 1818—1819 гг. восстановил сгоревший в 1812 г. *дом Екатерининского института* благородных девиц[158] (ныне здесь Дом Советской Армии).

32. *В Лефортове* архитектор О. И. Бове в 1819 г. восстановил *здание военных казарм* (позднее Алексеевское военное училище)[159].

Петровская площадь с Большим и Малым (справа) театрами, построенными архитектором О. И. Бове в 1824 г.

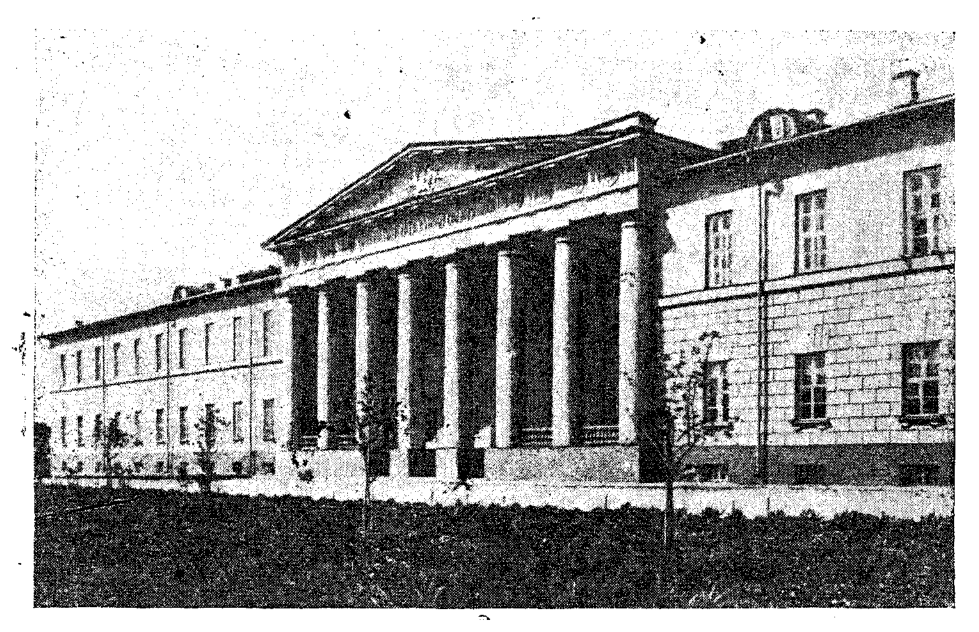
33. *На Таганской пл.* О. И. Бове в 1820-е годы восстановил *Торговые ряды*[160].

34. *На Павловской ул.* Д. И. Жилярди и А. Г. Григорьев построили круглый павильон и два боковых флигеля с оградой и воротами во второй двор *Павловской больницы*[161].

В это же время началось, но не пошло дальше котлована для фундамента строительство грандиозного храма Христа Спасителя на Воробьевых (Ленинских) горах по проекту художника А. Л. Витберга (см. приложение 10). Мы уже писали, что Александр I 25 декабря 1812 г. издал манифест о постройке в Москве храма во имя Христа Спасителя как памятника победы над Наполеоном и его армиями, изгнанными из Москвы, и что о выборе места для этого памятника министр полиции Балашев, по приказу царя, вел переписку с Ростопчиным.

Храм был заложен 12 октября 1817 г. на Воробьевых горах при огромном стечении народа, в присутствии царя, его семейства и генералитета. Строителем храма был назначен автор проекта — художник А. Л. Витберг. Для надзора за строительством в 1820 г. была назначена особая комиссия[162], в которую входили: генерал-губернатор, митрополит, директор строительства (Витберг) и, в качестве советника, коллежский советник Корсаков. Впоследствии комиссия была пополнена еще несколькими лицами. На постройку храма было занято в Опекунском совете 10 миллионов рублей, которые должны были погашаться ежегодными ассигнованиями из казны по 2 миллиона рублей, начиная с 1821 г.

Храм было положено строить на склоне Воробьевых гор, обращенном к Москве. Здание должно было состоять из трех храмов, связанных друг с другом внутренними лестницами: нижнего храма, в виде параллелепипеда, среднего — в виде креста, верхнего — в виде круга.

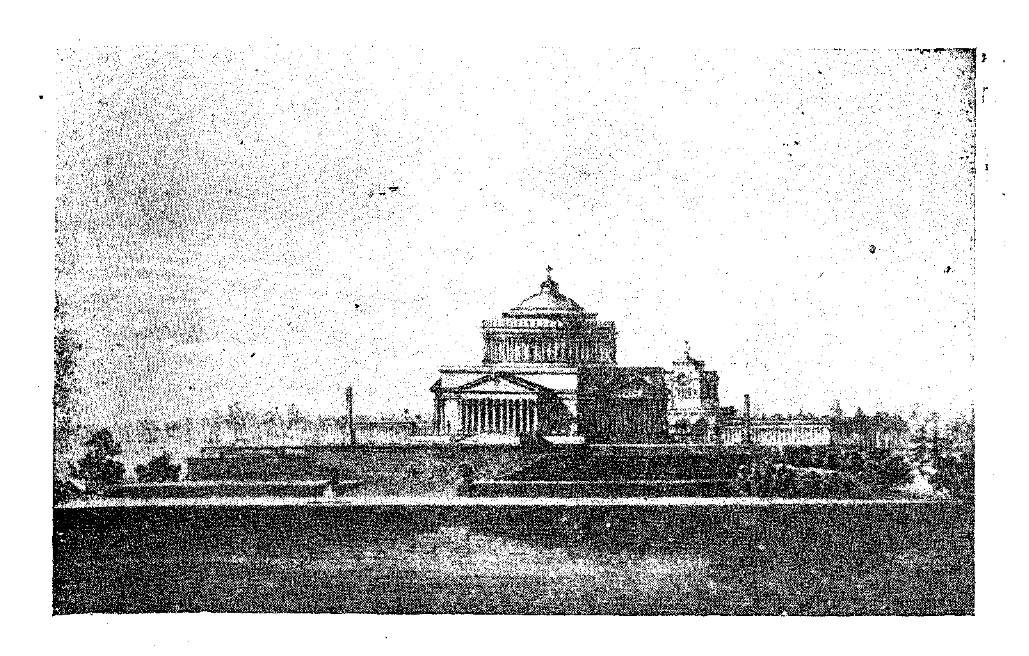

Вдовий дом на Кудринской площади, восстановленный после пожара архитектором Д. И. Жилярди в 1820—1823 гг.

В идее храма было заложено масонское представление о жизни человека: нижний храм «Во имя Рождества Христова» — должен был представлять тело человека; средний храм «Во имя преображения Господня» — его душу, а верхний храм «Во имя Воскресения Христова» — высший дух после смерти человека. Храм должен был поражать величием и грандиозностью и явиться крупнейшей постройкой в мире. От его основания, лежащего в 70 м над уровнем Москвы-реки, до креста на куполе верхнего храма должно было быть 110 сажен (234,7 м), а от подножия на вершине горы до креста — 80 сажен (170,7 м), высота Воробьевых гор принята в 30 сажен (64 м).

Но строительство храма не было обеспечено ни компетентным инженерным и архитектурным руководством, ни рабочей силой, ни материалами. Почти все деньги ушли на приобретение с большим трудом материалов и рабочей силы. До 1825 г. был вырыт, и то не полностью, лишь котлован для нижнего храма и выровнена площадка для набережной перед ним. В составе комиссии оказались взяточники, которые, не подчиняясь Витбергу, запутали денежные дела. В 1827 г. Николай I приостановил строительство храма, а Витберга и несколько членов комиссии отдал под суд. Суд признал их виновными в растрате около 900 000 рублей и конфисковал их имения. В 1835 г. Витберг был выслан в город Вятку. Материалы, закупленные для храма, были переданы различным ведомствам, а построенные деревянные вспомогательные здания — городу. Казна потеряла на этом строительстве более 4 миллионов рублей[163].

Вышедший в 1824 г. «Путеводитель в Москве», изданный С. Глинкой по французскому подлиннику Г. Лекоента де Лаво, вышедшему в том же году, дает интересные статистические сведения о застройке Москвы, хотя они, несомненно, относятся не к 1824 г., а к более раннему времени. Полная таблица этих статистических сведений дана в

Храм Христа Спасителя на Воробьевых горах. Проект художника А. Л. Витберга (1817 г.).

приложении 8, здесь же мы приведем некоторые наиболее показательные цифры из нее.

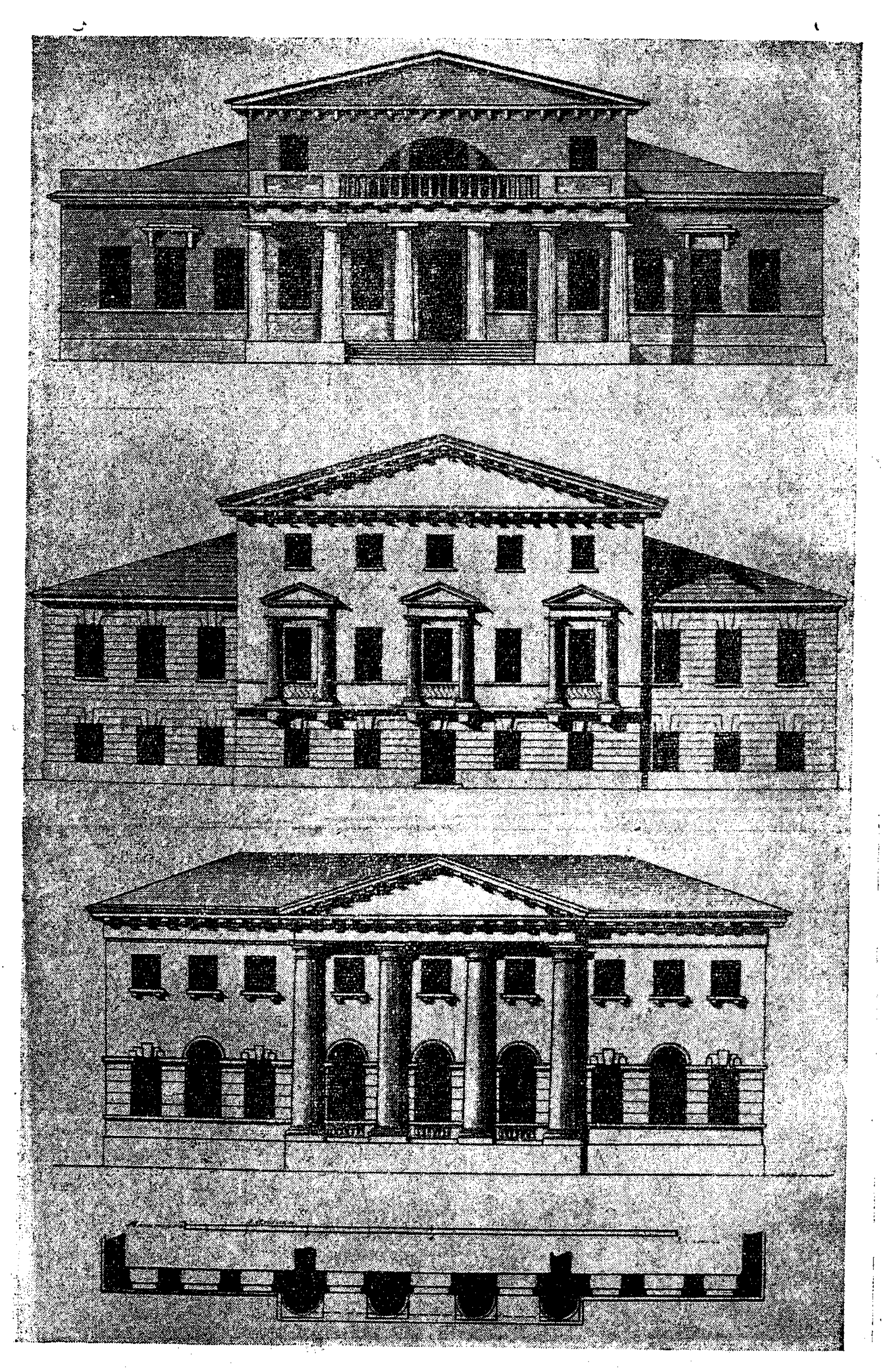
Общая цифра домов в Москве — 9358 — значительно ниже показанной в «Сведениях по Москве 1817-го года» (11 314) и ниже приводимой в «Историческом, статистическом и географическом журнале» за 1823 г. (10 653). Тем не менее из цифр «Путеводителя» видно, что даже в Городской части Москвы домов было на 21 больше (кроме лавок в рядах), чем до пожара Москвы в 1812 г. (в 1807 г.). В Пречистенской части — на 19 больше, в Сретенской — на 108, в Яузской — на 57, в Серпуховской — на 176, в Новинской — на 154, в Сущевской — на 308, в Рогожской — на 130, в Таганской — на 55, в Басманной — на 84, в Мещанской — на 105.

Количество домов, приближающееся к допожарному, было в частях: Пятницкой — 512, Якиманской — 479, Арбатской — 489, Хамовнической — 321, Пресненской — 420, Покровской — 381, Лефортовской — 346.

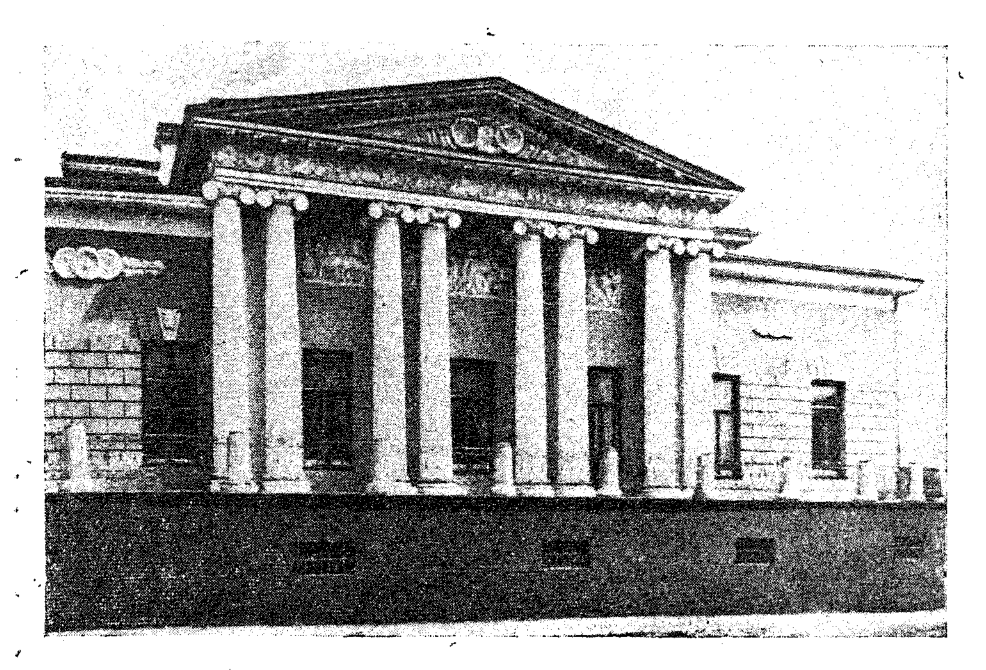
Значительно меньше домов, чем до пожара 1812 г., было в частях: Тверской — 324 и Мясницкой — 332.

Отстройка домов после пожара в Тверской и Мясницкой частях, заселенных богатыми дворянами, шла так слабо потому, что в первые после пожара годы дворяне еще не собрались с силами для восстановления своих сгоревших каменных дворцов.

По имеющимся в «Путеводителе» сведениям (хотя и неполным) о количестве деревянных и каменных домов в каждой части города, можно сказать, что первых было почти втрое больше. Особенно мало каменных домов было в частях, расположенных за Земляным валом, кроме Басманной части. Составленный В. Соколовым «Указатель жилищ и зданий», изданный в 1826 г., показывает 9851 двор (дом) в Москве, на 493 больше, чем у С. Глинки. Можно поверить, что со времени,

Образцовые фасады деревянного жилого дома, каменного двухэтажного и каменного трехэтажного дома, утвержденные в 1809—1812 гг.

Дом Хрущева на Пречистенке, построенный архитектором А. Г. Григорьевым в 1814 г.

к которому относятся использованные Глинкой цифры де Лаво, до 1825 г. включительно, когда составлялся указатель Соколова, в Москве могло прибавиться около 500 домов[164].

Сады при домах имелись во всех частях города, особенно в Басманной, Сущевской, Серпуховской, Пятницкой. По всему городу насчитывалось при домах 1082 сада и 132 оранжереи.

Гораздо меньше оставалось в Москве *огородов при домах,* но они имелись во всех частях города, кроме Городской (Китай-города). Наибольшее число огородов было в Сущевской части (31), затем в Серпуховской (25), Мещанской (20). Всего же в городе насчитывалось при домах 205 огородов.

Несмотря на то что в 1804 г. в Москву был проведен Мытищинский водопровод с чистой ключевой водой, он своими фонтанами снабжал только небольшую часть центра города, а большинство населения продолжало пользоваться домовыми и общественными колодцами и прудами. Первых насчитывалось 4041, вторых — 275, третьих — 314.

Особенно много колодцев при домах было в Якиманской части (385), Серпуховской (297), Пятницкой (291), Тверской (283) и в Басманной (281). Меньше всего их было в частях Новинской (76), Городской (67) и Арбатской (35).

Общественных колодцев (на улицах) было наибольшее число в частях Сущевской (63) и Рогожской (56). Вовсе не было общественных колодцев в частях Городской и Пречистенской. В 7 частях их было от 10 до 50, в 9 частях — менее 10 колодцев в каждой.

Прудов при домах, служивших главным образом для поливки огородов и других хозяйственных нужд, было больше всего в Басманной части (45) и Хамовнической (40). Совсем не было прудов в Городской и Якиманской частях.

Деревянный дом в Малом Власьевском переулке, построенный в 1817 г. под наблюдением архитектора О. И. Бове.

Общественные «торговые» бани были во всех частях города, от 1 до 4 в каждой, кроме Городской, Сретенской и Таганской частей, где вовсе не было бань.

Гостиниц в городе было 59, главным образом в монастырских подворьях, и находились они во всех частях города, кроме Новинской части. Особенно много их (12) было в Пятницкой части. В Тверской части показана всего лишь 1 гостиница, что явно неверно, так как на одной Тверской улице было несколько гостиниц (возможно, они включены в графу «трактиры»).

«Ряды» на Красной площади имели 5115 лавок. Еще 2395 лавок насчитывалось при домах. Особенно много их было в Китай-городе (495), Сретенской (221), Рогожской (199) и Серпуховской (194) частях.

Рынков в городе было (не считая Верхних, Средних и Нижних рядов на Красной площади) — 72 с 905 лавками. Только в Хамовнической и Мещанской частях не было ни одного рынка.

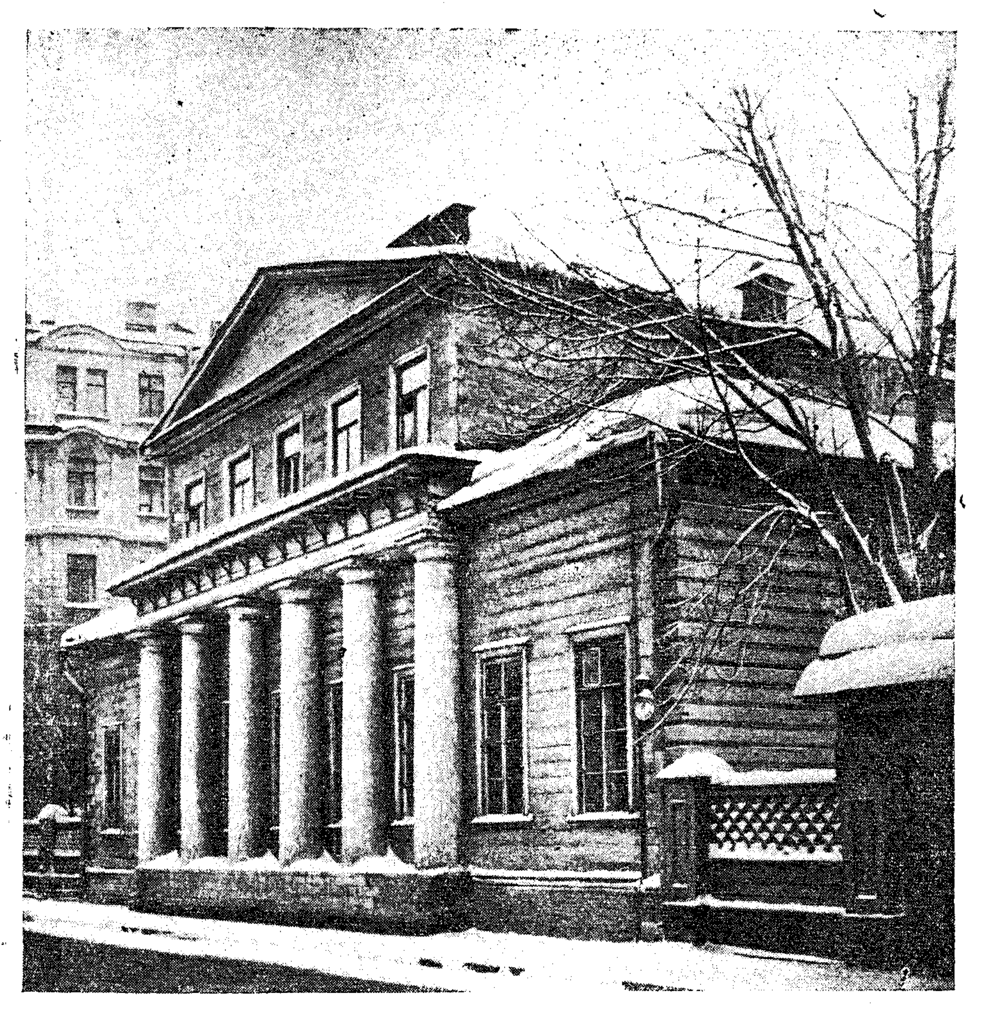
Кабаки имела каждая часть, от 5 до 11 в каждой, и только Пресненская часть имела 2, а Хамовническая и Лефортовская — по 4 кабака.

Кузницы были распространены по всем частям города. Всего их было 251, особенно много в частях: Сретенской (34), Сущевской (29), Тверской и Басманной (по 21), Якиманской (19) и Пресненской (18).

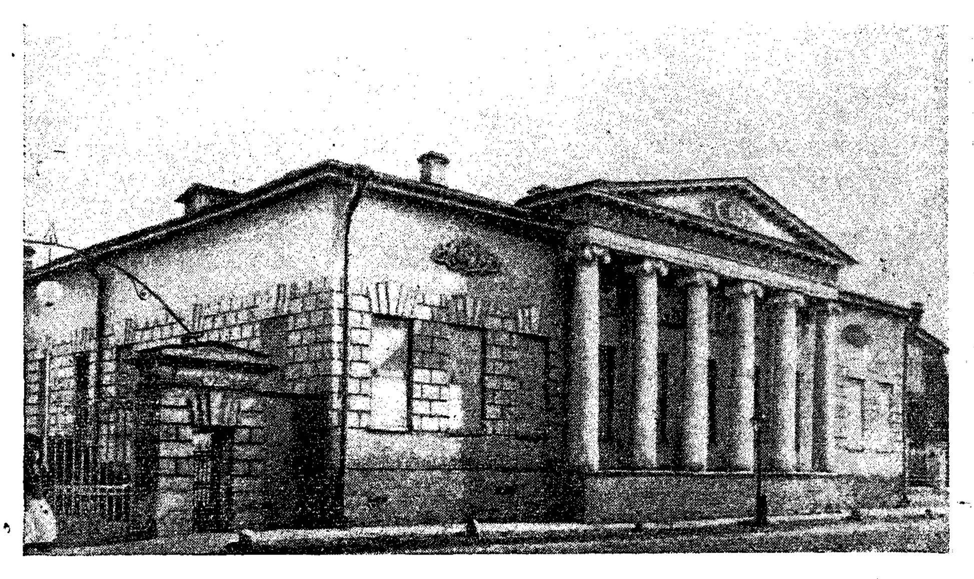
Такова картина застройки Москвы около 1825 г.

БЛАГОУСТРОЙСТВО И ИНЖЕНЕРНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ МОСКВЫ В 1812—1825 ГОДАХ

Хотя на Комиссию строений с самого начала ее деятельности в 1813 г. возлагалась по ее «Положению» работа по благоустройству и инженерному оборудованию Москвы, до 1817 г. она уделяла мало внимания этому предмету. Самыми необходимыми видами благоустройства: освещением улиц, прокладкой деревянных мостовых и тротуаров на месте сгоревших, сооружением мостков через реки и ручьи, протекавшие в канавах и лотках вдоль улиц,— всем этим ведала Управа благочиния, переложив часть работ на домовладельцев и Городскую думу. Только после постановления Комитета министров по докладу военного генерал-губернатора Москвы А. П. Тормасова в мае 1816 г. и ассигнования Комиссии строений свыше 1,5 миллиона рублей на нивелирование улиц и их благоустройство комиссия серьезно занялась этим де-

Дом в Денежном переулке, построенный в 1822 г. под наблюдением архитектора О. И. Бове.

Дом Лопухина на Пречистенке, построенный архитектором А. Г. Григорьевым в 1822 г.

лом, благо основная забота ее по оказанию помощи жителям Москвы в постройке после пожара 1812 г. хороших домов к этому времени потеряла свою остроту и позволяла осуществлять другие работы.

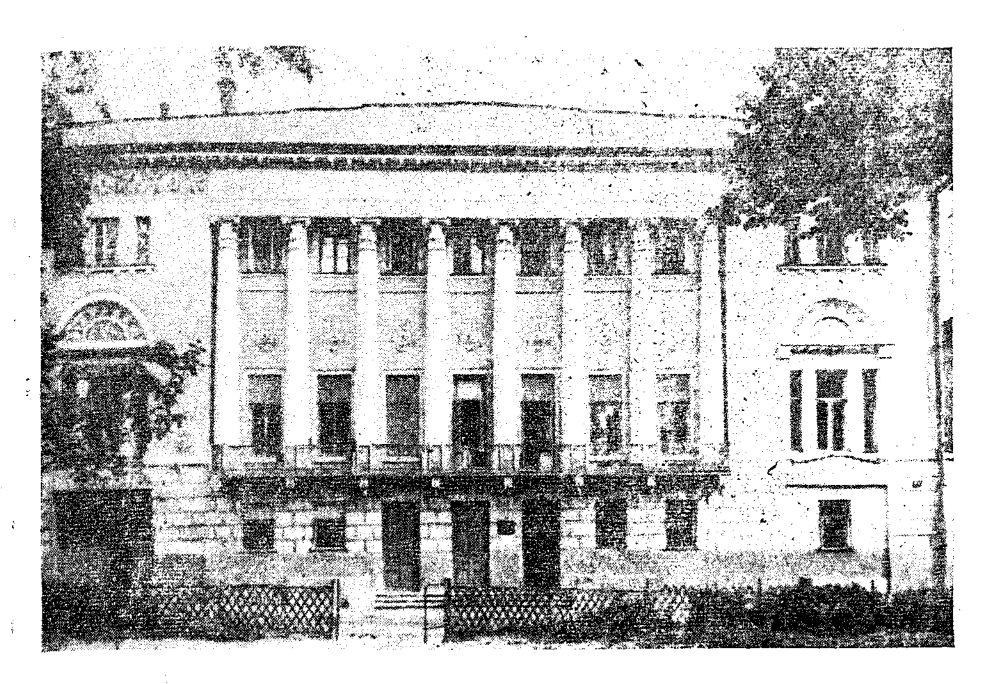
Основным в предписании Тормасова Комиссии строений от 19 мая 1816 г. было следующее:

Пункт 6-й обязывал комиссию построить «кроме существующего, еще один каменный или чугунный мост через Москву-реку в том месте, где находится деревянный Москворецкий мост, и один на отводном канале». На месте Москворецкого в 1829—1830 гг. был построен новый мост на каменных быках, но с деревянной фермой. А на месте деревянного Высоко-Пятницкого моста в 1822 г. инженер де Витте построил Чугунный мост.

7-м пунктом деньги из 5-миллионного фонда предлагалось обратить «на обделку камнем с железною или чугунною решеткой обоих берегов Москвы-реки, также реки Яузы и Отводного канала». В 1823—1824 гг. стенки Кремлевской и Москворецкой набережных были одеты камнем, а стенки Софийской и Раушской набережных и р. Яузы до Яузского моста также были одеты в камень, но много позже.

Стенки Кремлевской и Москворецкой набережных сделали почти вертикальными, но с лестницами к воде и съездами для водовозов, забиравших воду в Москве-реке. Это было особенно необходимо во время пожаров, так как немногочисленные запасы Мытищинского водопровода и колодцы во дворах не могли дать достаточно воды, и ее для тушения пожаров брали из прудов, из Москвы-реки, Яузы и Пресни. Более мелкие ручьи и речки для этих целей не годились.

Пункт 9-й отпускал из фонда деньги «на отделку бульваров вокруг Кремлевской стены и в прочих местах, где они назначены». Надо думать, что по этому пункту комиссия в 1817 г. устроила бульвар на Красной пл., на месте засыпанного рва у кремлевской стены, и в 1821—1823 г. Александровские сады. Под «прочими местами» подразумевались, очевидно, бульвары по Белому городу.

Дом Лунина на Никитском бульваре, построенный архитектором Д. И. Жилярди в 1818—1819 гг.

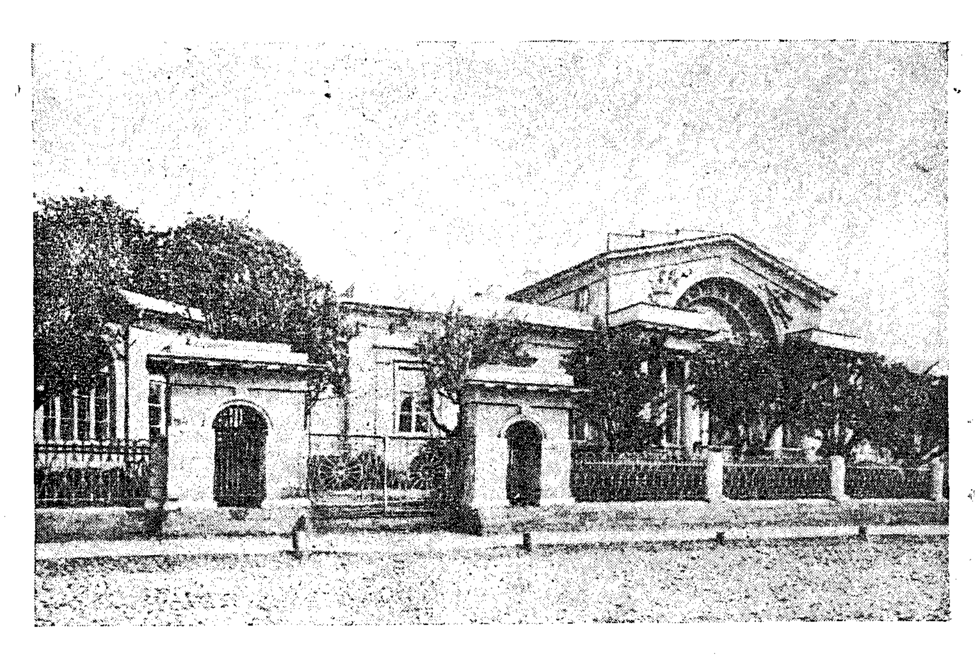
В этом же предписании Тормасов сообщает Комиссии строений личные распоряжения Александра I по его словесному докладу царю:

В Китай-городе и в Белом городе, где было воспрещено делать деревянные заборы, «дозволить делать заборы на улицу в каменных столбах с деревянными решетками, а внутри дворов деревянные сплошные, наблюдая только, чтобы в первом случае решетки были порядочные и выкрашены под вид чугунных».

Благоустройство допожарной Москвы и в первые после пожара годы, в смысле ширины и застройки по красным линиям улиц, переулков и площадей, их нивелировки, замощения и освещения, устройства каналов или лотков для многочисленных речек и ручьев и мостов для перехода через них, озеленения города и пр., не стояло даже на средней высоте. Улицы были узки и разной ширины в разных местах; они то поднимались в гору, то опускались вниз, что весьма затрудняло езду по ним; мостовые, большей частью деревянные, устройство и починка которых были возложены на полицию и домовладельцев, в некоторых местах не чинились и делали улицы непроезжими в дождь и грязь. Освещение улиц чем дальше от центра, тем было слабее, а на многих окраинных улицах его и вовсе не было.

Многочисленные ручьи и речки, пересекавшие город, текли большей частью в своих естественных руслах, разливаясь в половодье и большие дожди и затопляя окрестности; их берега не были ограждены даже лотками, и только в местах пересечения с большими улицами на них были мостки, чаще всего деревянные.

Камнем (булыжником) были замощены, да и то не везде, только улицы центра, в пределах Садового кольца, за ним — редко.

Дом Гагарина на Новинском бульваре, построенный архитектором О. И. Бове в 1817 г. (сгорел в 1941 г.).

Площади большей частью представляли собой обширные пустыри, незамощенные и неосвещенные, занятые часто свалками отбросов.

Зелени в городе было много, но на отдельных дворах или на окраинах. Для общественного же пользования, кроме Тверского бульв. и аллей у Пресненских прудов, ничего не было[165].

Пожар 1812 г. усугубил все проявления внешнего неблагоустройства Москвы и потребовал неотложных мер по его ликвидации.

Главным было благоустройство центра города.

В 1816—1817 гг. силами солдат и военно-рабочего батальона были разобраны ряды вдоль рва на Красной пл. и снесены все строения, загораживавшие храм Василия Блаженного, назначенные к уничтожению еще в 1814 г. В июле 1816 г. был утвержден разработанный О. И. Бове план контрфорсов вокруг храма. Тумбы из дикого камня и решетка между ними были взяты с Неглинного канала. Все работы здесь были окончены в 1817 г.[166].

Храм Василия Блаженного отстоял от кремлевской стены почти на 20 сажен, между тем как от храма до Средних рядов было менее 10 сажен. Поэтому, чтобы он казался стоящим посредине площади, вдоль кремлевской стены был насажен бульвар. Таким образом, в 1818 г. был создан ансамбль Красной пл., сохранявшийся в основном до конца 1880-х годов.

Мы уже писали, что в 1815—1823 гг. были снесены бастионы и засыпаны рвы Петра I вокруг Кремля и Китай-города и на их месте образовались площади и проезды (Театральный, Китайский); что в 1817—1819 гг. был перекрыт сводами и заключен в подземную трубу канал р. Неглинной; что в связи с этим были снесены Кузнецкий и Воскресенский каменные мосты через Неглинную и ряд деревянных мостиков. Все эти меры относятся как к благоустройству города, так и к его планировке.

Дом Лопатиных на углу Гагаринского и Хрущевского переулков, построенный архитектором А. Г. Григорьевым в 1817 г.

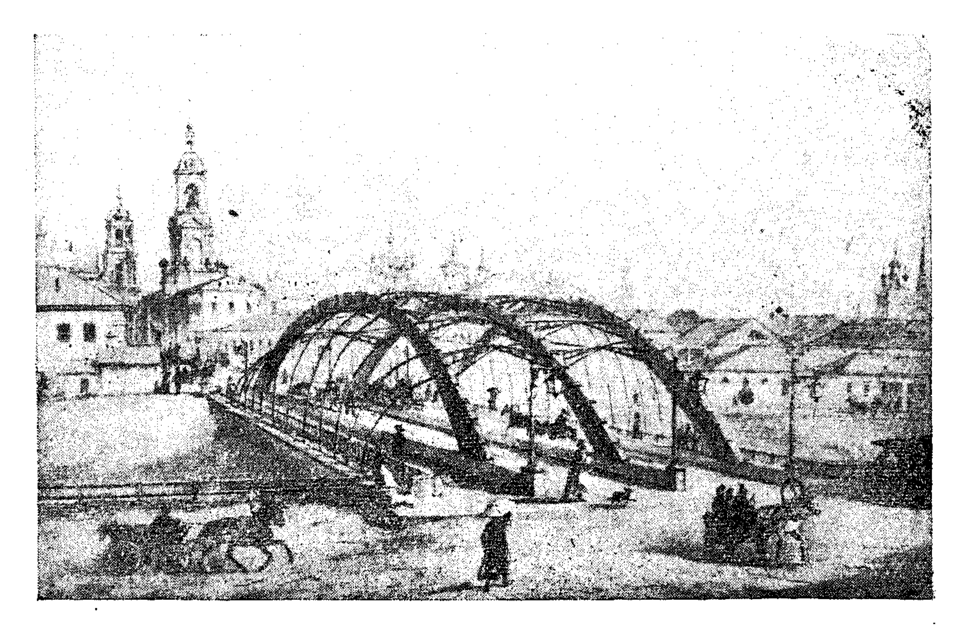
Между стеной Китай-города и Мясницкой ул. за крепостным рвом была низина; ее подсыпали землей из снесенных бастионов, ров засыпали и таким образом создали ровную площадь до Ильинских ворот. По ней прошел Лубянский пр., и образовался строительный квартал, в котором в 1826 г. был построен камер-юнкером Шиповым трехэтажный дом, замыкавший площадь с юга. Тогда же Театра́льный, образовавшийся из части Лубянского, и Китайский пр. были замощены булыжником и освещены масляными фонарями. Такие же работы были произведены на Васильевской пл. (часть Красной пл.) и на ул. Москворецкой, Остоженке и Пречистенке путем срезки их «гор» и устройства пологих спусков. Сделаны были и специальные дамбы: в Серпуховской части — Кожевническая, а в Покровской — Хапиловская.

Размеры проездов и площадей, образованных на месте земляных бастионов и рвов Петра I с восточной и северной стороны Китай-города, до самого сноса его стен в 1934 г. почти не изменялись. Поэтому ниже мы приведем их размеры в 1914—1915 гг.

Китайгородский (Китайский) пр. от Москворецкой набережной до ул. Варварки был образован еще в конце XVIII века. После засыпки рва в 1819—1823 гг. он был расширен до 6,72 сажени при длине в 190,6 сажени.

Варварская пл. между Лубянским пр. и стеной Китай-города имела в ширину 55,5 сажени при длине с юга на север в 58 сажен.

Китайский пр. от Варварской пл. до Ильинских ворот имел в ширину 7,65 сажени, в длину 141,7 сажени. Этот же проезд от Ильинских ворот до Никольской пл., вошедший в 1934 г. в состав Новой пл., имел

Чугунный мост через Водоотводный канал, построенный инженером де Витте в 1822 г.

в ширину 10,1 сажени, в длину — 154,7 сажени. Общая длина всего Китайского пр. была 487,1 сажени при средней ширине в 8,1 сажени.

Никольская пл. после ее превращения в прямоугольную имела в ширину, к востоку от стен Китай-города, 57,8 сажени, в длину с юга на север — 68 сажен.

Петровский (с 1830 г. Театральный) пр. имел в длину 160 сажен, в ширину — 14,9 сажени[167].

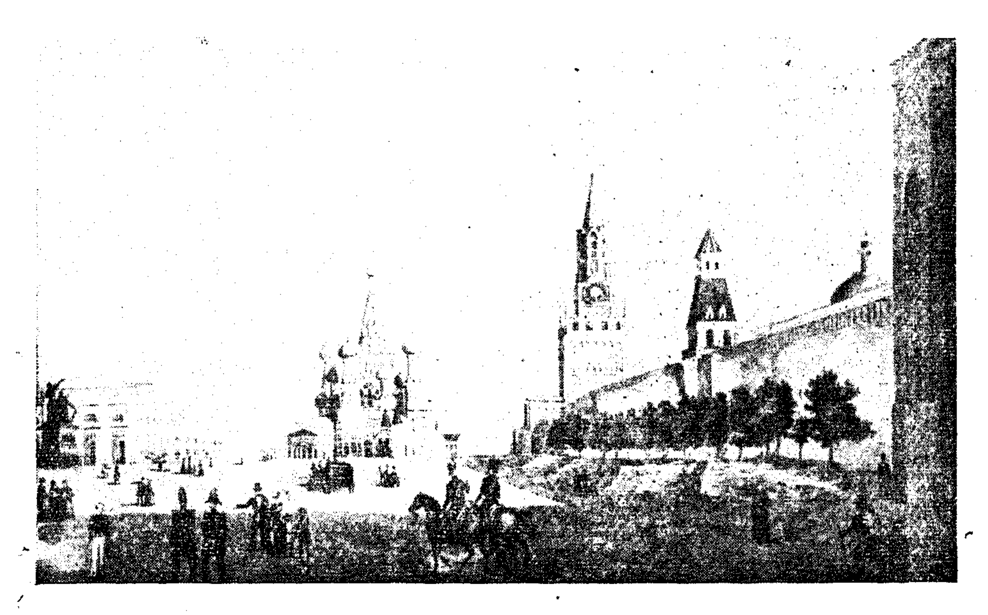
Петровская (с 1830 г. Театральная) пл. имела в ширину от Петровского пр. до Охотного ряда 84,6 сажени, длину от стены Китай-города до проезда у Большого театра — 160 сажен.

Воскресенская пл. имела в ширину с юга на север 32,3 сажени, в длину — от Петровской пл. до Александровских садов — 127 сажен[168].

В докладе А. П. Тормасова Комитету министров, в связи с которым было сделано им предписание Комиссии строений от 19 мая 1816 г., был затронут вопрос о сносе стен Китай-города. Комитет министров согласился на снос стен, но отверг предложение о сносе башен, предложив оставить их после надлежащего ремонта как памятник древнего величия Москвы, могущий служить не только напоминанием о былом, но и украшением центра города. В конечном счете были оставлены и башни и стены.

Северная стена Китай-города, более 100 лет простоявшая за земляными бастионами Петра I, сильно обветшала и после сноса бастионов имела вид неприглядный. У стен обнаружились различные разрушения, о которых сохранилась подробная опись, сделанная полицией в 1817 и 1818 гг. (см. приложение 9).

С 1817 по 1821 г. О. И. Бове ремонтировал эту стену и ее башни. Прилегавшие к стене изнутри арки с каменной площадкой на них, служившей в XVI—XVII веках для воинов, оборонявших Китай-город от врагов, были использованы владельцами примыкавших к стене дворов

Бульвар на Красной площади, насаженный после 1817 г.

Заиконоспасского и Никольского монастырей и Синодальной типографии под сараи, чуланы, кладовые и даже под «нужные места», от которых далеко вокруг распространялось зловоние. С разрешения архиепископа Августина О. И. Бове снес эти арки с площадкой вместе с находившимися в них чуланами, сараями и пр., уменьшив таким образом толщину стены во многих местах на целую сажень, вследствие чего, окончательно утратив всякое крепостное значение, она сделалась чисто декоративной.

Чтобы устранить сохранявшиеся здесь дурные запахи, на площади перед стеной был разбит сквер с пахучими растениями, а перед ним были устроены лавки для торговли цветами и декоративными растениями. В 1850 г. эти лавки были отсюда перенесены на Трубную пл. и поставлены в начале идущего отсюда на север бульвара, по которым он и получил название Цветного.

В книге «Москва или исторический путеводитель» было дано описание рынка у китайгородской стены, дающее нам представление о том, какое впечатление этот рынок производил на современников:

«Близ стены Китая Цветошной рынок. Не воображайте, чтобы это был просто рынок, то есть наставленные горшки с цветами в беспорядке, или безобразные балаганы, наполненные вырытыми деревцами, кустами и банками; напротив, это огражденный перилами искусно планированный сад, где можно гулять между куртин по прекрасным дорожкам, можете сидеть на устроенных скамейках и любоваться Театральной площадью и огромным и великолепным портиком Театра; здесь в нескольких местах расставлены полотняные домики, взойдите в любой из них, и чистота и порядок удивят вас, банки цветов и плодовитых деревьев расставлены в порядке, как бы в лучшей оранжерее, вокруг сих домиков куртины различных форм, образованные из цветов в грунте и во множестве банок; по всем извивам дорожек расставлены банки с померанцами, лимонами и различными растениями, и во всем соблю-

дена приличность и симметрия, и все сие находится в ведении не иностранцев, славных садовников, но русских огородников. Каждый из них есть ученик природы, и каждый из них не уступит в познании садоводства лучшему иностранцу; спросите его, он вам скажет латинское и русское название каждого растения, расскажет правила посадки их и не возьмет с вас за это ничего, тогда как иностранец-садовник или просто семянщик хранит познания свои в тайне и желал бы, кажется, скрыть от покупателя самую щедрость и красоту природы. Цветошной рынок сей отделяется от стены Китай-города широким бульваром, образовавшимся также в 1825 г. Бульвар сей чисто содержится, дорожки усыпаются песком, в разных местах выкрашенные зеленой краской скамейки предлагают прогуливающимся приятное отдохновение».

Линия от китайгородской башни до середины здания Большого театра являлась продольной осью Петровской пл. Чтобы зрительно объединить Китайский (Театральный) пр., Петровскую и Воскресенскую пл. с Красной пл. и стеной Кремля у будущих Александровских садов, О. И. Бове заменил мерлоны на стене Китай-города от Арсенальной башни Кремля до Никольской башни Китай-города на Никольской пл. зубцами наподобие кремлевских зубцов, имеющих вид ласточкиных хвостов. Мерлоны остались здесь только на том участке стены, который проходит во дворе современного здания Музея В. И. Ленина.

В 1819 г. были снесены Москворецкие ворота Китай-города, и открылся прямой путь с Москворецкой ул. на Москворецкий мост, который, как и улица, имел ширину в 10 сажен.

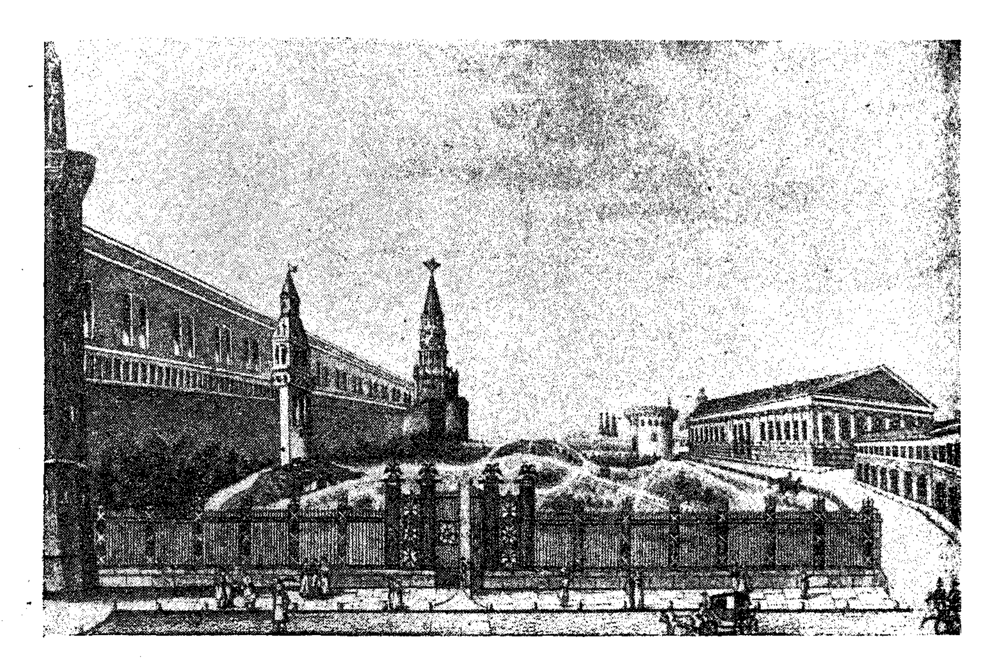
Еще раньше была снесена стена между кварталом у Москворецких ворот и Кремлем, и таким образом открылся выход на набережную с Васильевской пл. Но часть стены Китай-города между этой площадью и бывшими Москворецкими воротами, проходившая во дворах западной стороны Москворецкой ул., осталась неснесенной и сохранялась до 1938 г., когда эти дворы были ликвидированы для постройки теперешнего Москворецкого моста.

В 1820 г. в стене Китай-города, в которую упиралась Никольская ул., были устроены Проломные ворота, так как напротив ворот в Никольской (Владимирской) башне Китай-города находился еще выступ бастиона Петра I, а проломные ворота, сделанные в середине XVIII века, вели из Малого Черкасского пер. на Мясницкую ул. Новые проломные ворота создали прямой выход с Никольской ул. на Никольскую пл.

УСТРОЙСТВО КРЕМЛЕВСКИХ (АЛЕКСАНДРОВСКИХ) САДОВ

Над значительно подсыпанным землей из бывших бастионов старым руслом Неглинной были разбиты три Кремлевских сада. Первый (верхний) сад был открыт для посещений 30 августа 1821 г., второй (средний) — 30 августа 1822 г. и третий (нижний) — 30 августа 1823 г. Из первого сада во второй был сделан проход под Троицким мостом, а для подъема на мост сделаны пандусы из первого сада, уставленные статуями и вазами с цветами. Спуск с моста в средний сад шел по двум чугунным лестницам[169].

Главный вход в Верхний Александровский сад со стороны Воскресенской пл. был огорожен великолепными чугунными воротами и решеткой, сохранившимися до настоящего времени. Проектировал их архитектор Евгений Паскаль, изготовлял чугунолитейный завод Чесменского, управлявшийся купцом Немчиновым. Такие же ворота были

Верхний Александровский сад в 1822 г. со стороны Воскресенской площади.

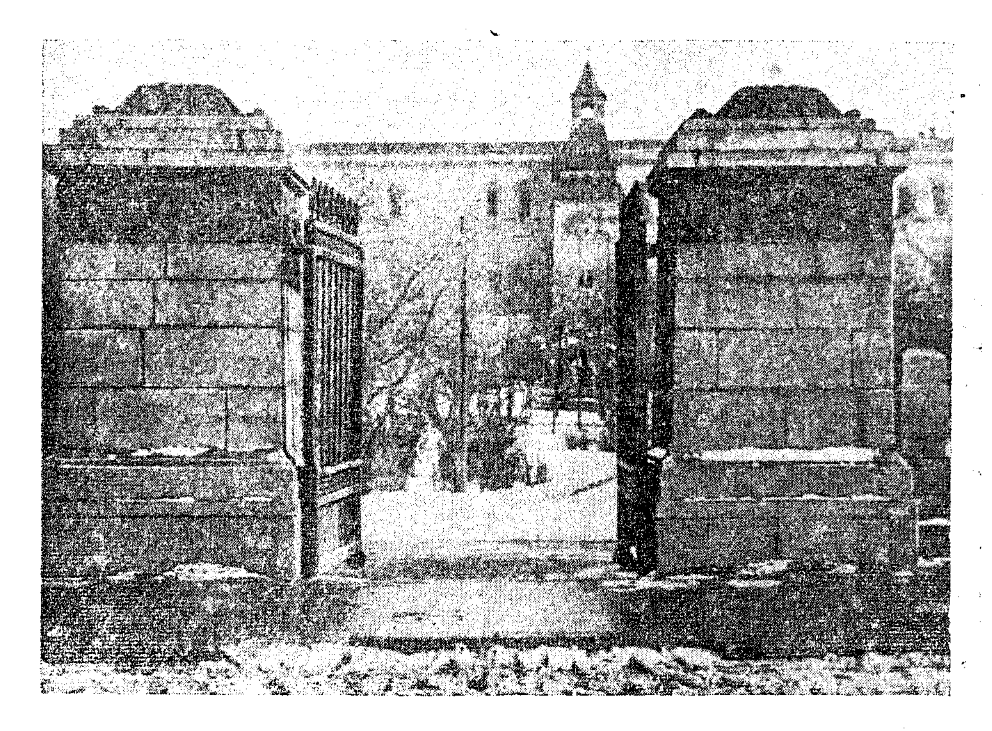
и со стороны Москвы-реки, но их снесли в 1872 г. Кроме главных ворот были устроены боковые ворота напротив Большой Никитской ул., снесенные при строительстве метро в 1935 г. Их проектировал архитектор Ф. М. Шестаков. В Музее истории и реконструкции Москвы хранится картина, изображающая эти ворота, она сделана в 1920 г. художником В. К. Коленда.

К нашему времени главные ворота претерпели некоторые изменения. Сняты с четырех чугунных столбов чугунные орлы, а двусторонние топорики на концах решетки заменены копьями.

Боковая сторона Кремлевских садов вдоль Неглинной ул., открытой в 1820 г., ограждена железной решеткой между каменными тумбами на каменном же фундаменте. Уточнение количества звеньев решетки и их размеров было поручено архитектору Е. Паскалю, но он скоро уехал из Москвы, и это поручение выполнил О. И. Бове, использовав каменные тумбы и железную решетку, оставшиеся после заключения в 1819 г. Неглинной в подземный канал. Сооружение боковых решеток во всех трех Кремлевских садах, а также боковых ворот напротив Большой Никитской ул. закончено было, вероятно, не позднее 1823 г.[170].

В 1821 г. у стены Кремля в Верхнем саду, напротив малых ворот на Никитскую ул., О. И. Бове устроил грот в классическом стиле, сохранившийся до настоящего времени. В нем играл оркестр.

Устраивая Кремлевские сады, О. И. Бове предполагал «основание Нижнего (Среднего? — *П. С.*) сада углубить на 4 аршина и на этом месте образовать пруд с дорожками и аллеями вокруг него. Из Мытищинского водопровода, протекающего под сводом в чугунных трубах через Верхний сад у Троицкого моста, из спуска на тот пруд устроить каскад, который может иметь падение более 7 аршин. Сток вод из пруда под великолепною аркою у Боровицких ворот провести до Москвы-реки... на пространстве между этих ворот, Водовзводною угловою

Ворота Александровского сада напротив Большой Никитской улицы, сооруженные архитектором Ф. М. Шестаковым.

башнею, набережною реки и садом г. Миротворцева устроить другой пруд, отделя под оный часть того сада, и в таком случае, вместо стока воды из верхнего пруда можно сделать другой каскад; но для этого надобно, чтобы место, предназначенное для нижнего пруда, было несколько углублено против верхнего. В воскресные дни на прудах могли бы разъезжать шлюпки и катеры с музыкою и песельниками, а вечером, при освещении сада и прудов в назначенные дни, за каскадами зажигать приготовленные для таких случаев лампы: воды, падающие сверху, представляли бы великолепное зрелище и напоминали бы стихи из «Водопада» бессмертного Державина... На тех прудах, зимою, в праздничные дни, дозволить кататься на коньках, и для высшего Общества, особенно же для Дам, устроить по сторонам несколько галерей, которые и для летнего гулянья были бы приличны»[171].

В 1818—1821 гг. был насажен бульвар и на Кремлевской набережной.

Эти работы произвели немалое впечатление на современников. А. Я. Булгаков, московский почтмейстер, писал в 1820 г. брату в Петербург: «Москва украшается: вдоль по стене Кремлевской, от Иверской до Боровицких ворот, делается гулянье, которое не хуже будет Прудов» (Пресненских.— *П. С.*).

Ф. Ф. Вигель в 1823 г. писал: «Всякий раз, что я приезжал, Москва являлась мне в новой красоте. В этом году весной открыт так называемый Кремлевский сад: грязная Неглинная, протекавшая через гадкое болото, заключена в подземный свод, а на поверхности ее явился прекрасный сад или бульвар, зеленой лентою опоясывающий почти весь Белый Кремль»[172].

Так же отзывается о благоустройстве Москвы в эти годы и писатель М. Н. Загоскин: «Нельзя довольно надивиться, когда посмотришь, что сделано для Москвы в течение последних 25 лет... Крутые спуски, от которых езда по Москве была не всегда безопасна, везде срыты, а грязные, заплывшие тиной пруды превратились в светлые бассейны, обсаженные тенистыми липами.

... Кто поверит, что несколько лет тому назад на том самом месте, где теперь красивые сады опоясывают западную часть Кремлевской стены, был безобразный ров, заваленный всякою отвратительною нечистотою?»[173]

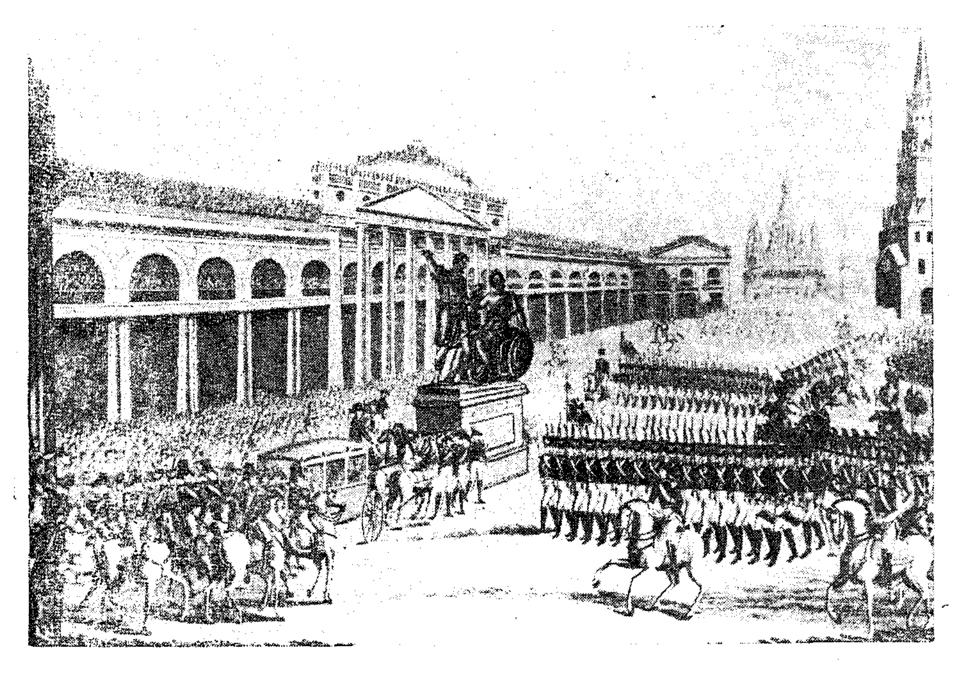
В 1823 г. в Москве было большое наводнение. В течение трех дней — 20, 21 и 22 ноября — от наступившей теплой погоды и дождей прибыло воды в Москве-реке на 3 аршина и 12 вершков (2,7 м). Лед на реке тронулся, и «сломало Дорогомиловский мост, части Крымского и Москворецкого, а Краснохолмский мост весь со всеми сваями без остатку снесло вниз по реке»[174]. От наводнения пострадали также не облицованные камнем берега Москвы-реки от устья Яузы до Краснохолмского моста и от «Сенатского курьерского дома» (ныне дом № 1 на Берсеневской набережной) до Козьмодемьянского (Малого Каменного) моста. В 1824 г. происходила починка мостов.

В 1812 г. сгорели деревянные мосты, перекинутые через ручьи и овраги на улицах. Их восстанавливали в первую очередь, и в 1817 г. считалось уже не 80 мостов в Москве, как в 1812 г., а 106 (в том числе 9 каменных). Увеличение мостов можно объяснить появлением новых мостов на прибавившихся в Москве 138 новых переулках (см. приложение 7).

Победа над вторгшимся в Россию Наполеоном требовала увековечения этого события в каком-нибудь величественном памятнике. Уже через месяц после изгнания Наполеона из Москвы, 14 ноября 1812 г., Александр I приказал Ф. В. Ростопчину поставить в Москве памятник из отбитых неприятельских орудий:

«Господину Главнокомандующему в Москве Генералу от Инфантерии графу Ростопчину. Хотя изгнанный из Москвы неприятель краткое время был в ней и хотя не преодолением противопоставленной ему обороны вошел в нее и не силою осадных оружий, но действиями неприличных и срамных для воина зажиганий, грабительств и подрываний нанес ей тяжкий вред; однако же он не престанет тем тщеславиться и величаться. Для уничтожения и помрачения сего самохвальства его, повелели мы Генерал-Фельдмаршалу князю Кутузову всю отбитую у него в разных сражениях артиллерию препровождать в Москву, где на память многократных побед и совершенного истребления всех дерзнувших вступить в Россию неприятельских сил имеет из сих отнятых у них орудий воздвигнут быть увенчанный лаврами столп. Да свидетельствует сей памятник не постыдные и хищные дела презренных зажигателей, но славные и знаменитые подвиги храброго народа и войск, умеющих на полях брани карать врагов и наказывать злодеев. Вследствие сего имеете вы сделать надлежащее распоряжение о приеме и хранении сей артиллерии, по мере доставления которой доводите оное до нашего сведения. В Санкт-Петербурге. Ноября 14 дня 1812 года. Александр»[175].

Через год, 25 декабря 1813 г., был поднят вопрос о сооружении в Москве храма Христа Спасителя как памятника войны 1812 г. и о постановке в Москве же запроектированного сперва для Нижнего Новгорода (г. Горького) памятника Минину и Пожарскому. Александр I за-

Парад войск на Красной площади при открытии памятника Минину и Пожарскому в 1818 г.

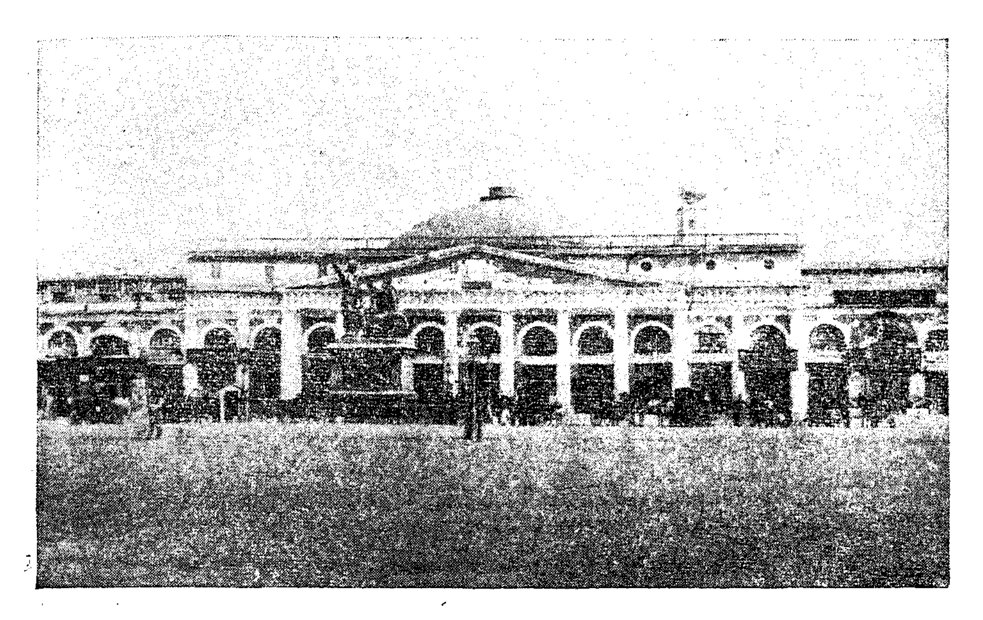
просил Ростопчина, где лучшее место в Москве для этих памятников. На это Ростопчин ответил 21 февраля 1814 г. письмом к Балашеву:

«Если Государю Императору угодно будет собор Спаса соорудить на площади Петровской, то снять должно театр. Другие же для сего здания места: 1) где был Пушечный двор; 2) у Красных ворот, где был дом Татищева, сгоревший и назначенный под площадь. Для памятника из пушек единственное место у Тверских ворот, против бульвара. Это самое высокое в Москве место и виден столп или пирамида будет со въезда из Петербурга и из всех сторон города и за городом, а для памятника Минина и Пожарского, так как г. Внутренний министр требует от меня ему назначения, то я нахожу, что пристойно ему быть на любом месте на Красной площади, против Спасских ворот и улицы, и другой на Москворецкий мост»[176].

Храм-памятник Христа Спасителя, как мы уже писали, был заложен в 1817 г. на Воробьевых горах. Памятник же из неприятельских орудий как самостоятельное сооружение не был воздвигнут, но в композицию набережной террасы храма Христа Спасителя на Воробьевых горах орудия должны были войти. Их предполагалось поставить по сторонам колоннады обелиска у входа в нижний храм. Позднее их поставили у Арсенала в Кремле.

До 1825 г. был сооружен лишь памятник Минину и Пожарскому работы И. П. Мартоса, но поставили его не там, где указывал Ростопчин, а посреди Красной площади, напротив купола здания Сената в Кремле и середины Верхних торговых рядов. Памятник открыт 20 февраля 1818 г. Бронзовые фигуры Минина и Пожарского отлил литейщик Екимов. Он же помогал в установке монумента[177].

Хотя на плане Москвы 1825 г. мы видим уже все бульвары по

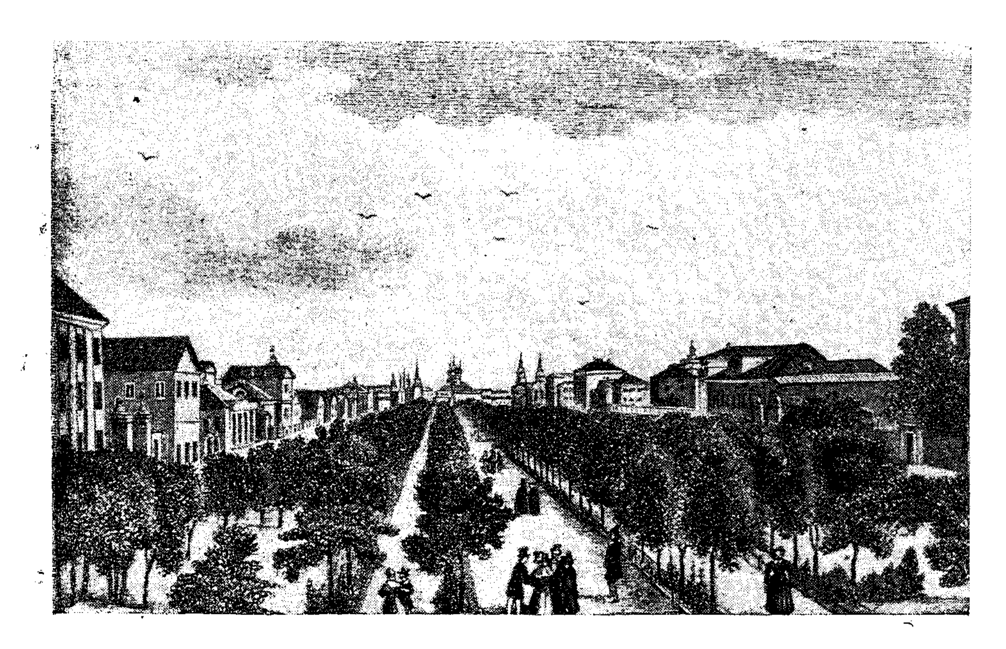
Верхние торговые ряды на Красной площади с памятником Минину и Пожарскому. **1820-е годы.**

Бульварному кольцу, и даже никогда не осуществленный бульвар по Устьинскому проезду, от Яузских ворот до Москвы-реки, но из других источников мы знаем, что к 1825 г. еще не все бульвары были устроены.

В «Статистической записке о Москве», изданной в 1832 г., Андросов писал: «Пространство от Алексеевской горы (у современного Соймоновского проезда. — *П. С.*) до устья Яузы, составляющее протяжение на 6 верст, совершенно преобразовано: в иных местах сделаны огромные насыпи, в других целые слои сняты; везде устроены Английские дорожки, во многих местах террасы, а места, оставленные для зелени, усажены липами и устланы дерном... Бульвары, занявшие место вала, окружавшего город, сделались местом общественных прогулок. Не говоря уже о Тверском, который отделан и содержится с особенной заботливостью, взгляните на другие: как хорошо обделаны эти склоны, отлого подымающиеся на горе к Алексеевскому монастырю (на его месте теперь бассейн для плавания у Кропоткинских ворот. — *П. С.*) и какой вид представляют самые стены монастыря, окруженные бульварами! Но чтобы достойнее оценить положение этого места, надобно взглянуть с этой высоты на Кремль и вверх по течению реки Москвы к подошве Воробьевских возвышенностей. Сколько надобно было употребить работы, чтобы из безобразной горы, где теперь устроен прекрасный Пречистенский бульвар, сделать такое приятное место: тут была произведена обширная планировка: срыли почти целую гору, которая была не ниже главы церкви Покрова что на Грязях, находящейся на другой стороне улицы.

Арбатская площадь, оканчивающая сей бульвар и разделяющая его от Никитского, есть одна из лучших площадей в столице. Ее много украшает и обделка около Борисо-Глебской церкви (стояла на северной стороне площади, снесена в 1930-х годах.— *П. С.*).

Место, по низменному положению своему всегда нечистое, площадь

Тверской бульвар в 1820-х годах.

на Трубе, при устройстве Петровского и Сретенского (Рождественского.— *П. С.*) бульваров видимо улучшилось: по окончании же теперешних работ она будет одна из лучших. Удобный всход, ведущий с нее на Сретенский бульвар, устроен прекрасно: два отлогие скаты по сторонам, между коими сделан простой, но очень красивый родник чистой воды... От Трубы до самых Кремлевских садов местность поднята почти на 4 аршина.

...Чистый пруд, урочище старинное, находящееся в конце Покровского (Чистопрудного.— *П. С.*) бульвара, отделан в виде овала: вокруг оного устроены планированные откосы и в них сходы к воде и водостоки с шлюзами из дикого камня; пруд окружен аллеями и дерном.

...Урочище Патриаршие (Пионерские. — *П. С.*) пруды, замечательное в историческом и топографическом отношениях, представляет теперь, вместо болота, чистый пруд, обделанный дерновыми склонами по берегам, дорожками и аллеями, что с поднятыми тут мостовыми вообще много содействовало к осушению этой низменности, известной в старину, и теперь еще, под народным названием Козьего болота.

Но какую неоценимую общественную пользу доставило городу осушение огромного болотного кочковатого пространства, занимающего около 300 десятин, находящегося за Бутырскою заставою! Где за 9 лет перед сим были гнилые топи, наполнявшие окрестность всегдашнею сыростию, там теперь луга и богатые поля»[178].

Пожар 1812 г., уничтоживший почти все постройки на Земляном валу, позволил привести в исполнение изданное еще в 1775 г. правительственное распоряжение об их сносе. Но вместо исправления Земляного вала, теперь, по проекту Комиссии строений, предположено было его совсем снести, ров засыпать и на их месте образовать вокруг города 15-верстную улицу, шириной между домами не менее 20 сажен (42,7 м). Это мотивировалось пожарными соображениями и большой

ездой с остановками на улицах подвод, с которых продавались деревенские припасы. Где было фактически шире 20 сажен, те места предполагалось оставить для привозных рынков. Там же, где было между домами менее 20 сажен, дома предназначались к сломке для расширения улицы. Только при пересечении Земляного вала с большими радиальными улицами комиссия оставляла на валу большие каменные здания, уцелевшие от пожара,— для гостиниц или лавок с жилыми покоями наверху.

Проект комиссии, в числе других предположений по устройству Москвы после пожара 1812 г., был рассмотрен в Комитете министров и утвержден в мае 1816 г., но с существенными изменениями:

«По Земляному городу на улицах, ведущих от застав, домы, кои прочно выстроены, оставить в виде гостиниц в длину по Валу по примеру, как в Белом городе, в тридцать сажен, а поперек в восемнадцать сажен, или как местное положение позволит, не стесняя проезда. Прочие же места из-под Земляного вала раздать владельцам, кои по обеим сторонам оного имеют свои домы, каждому в длину по мере места, а в ширину, как ограничится назначением посредине улицы, которая предполагается шириною в двенадцать сажен, с тем, чтобы сии прибавочные места были огорожены порядочными невысокими решетчатыми заборами, у коих бы тумбы были совершенно одинакой высоты, толщины и фигуры, а решетка между тумбами по выбору владельцев из рисунков комиссии, и чтобы в сих присоединенных к каждому двору местах хозяева оных старались разводить садики во всю длину мест своих перед домами по Валу, дабы со временем весь проезд вокруг Земляного города с обеих сторон был между садами»[179].

Таким образом, проект комиссии о разрыве между домами по Садовой улице всюду не менее 20 сажен, со сносом для этого, где нужно, домов, не был утвержден. Ширина улицы всюду определена лишь в 12 сажен (25,6 м). Территория между этой улицей и домами отдавалась домовладельцам под палисадники; линия домов не выравнивалась: в одних местах дома, стоявшие с обеих сторон улицы, имели между собой более 20 сажен, в других — менее, обязательным было лишь оставление между ними для улицы ширины в 12 сажен. Поэтому и палисадники в одних местах были глубже, в других — менее глубокими, а в иных местах их вовсе нельзя было устроить, так как между домами по ту и другую сторону улицы было 12 и менее сажен.

Через столетие, в 1915 г., по приведенным А. Петунниковым[180] данным, на Садовых улицах, где были устроены палисадники, расстояние между домами по сторонам улицы, глубина палисадников и ширина собственно улицы были следующими (см. стр. 170).

Из таблицы видим[181], что палисадники были заведены далеко не по всем Садовым улицам; там же, где они были устроены, разрыв между домами на 5 участках из 11 был менее 20 сажен; на палисадники по обеим сторонам улицы ушло из этого разрыва от 2,9 сажени до 29,18 сажени, т. е. в одних местах вдесятеро больше, чем в других; на улицу в собственном смысле слова, т. е. на мостовую и тротуары по сторонам ее, пошло из разрыва между домами от 6,39 до 9,76 сажени и в одном лишь месте — 13,63 сажени. Почему же улица была в общем сделана не в 12, а менее 10 сажен в ширину?

На заседании Комиссии строений 31 августа 1817 г. военный генерал-губернатор Москвы Тормасов заявил, что хотя по «высочайше» утвержденному докладу его и назначена ширина проезда по валу в 12 сажен, но «так как большим улицам положена ширина в 10 сажен, то

Отрезок Садовой улицы	Ср. ширина разрыва между домами	Ср. глубина палисадов с обеих сторон	Ср. ширина мостовой с тротуарами
От Кудринской (Восстания) пл. до старых Триумфальных ворот (пл. Маяковского)	27,56 саж. (58,82 м)	19,90 саж. (42,46 м)	7,66 саж. (16,36 м)
От старых Триумфальных ворот до Долгоруковской (Каляевской) ул.	18,58 саж. (39,65 м)	10,55 саж. (25,51 м)	8,03 саж. (17,14 м)
От Каретного ряда до Цветного бульв.	35,45 саж. (75,65 м)	29,06 саж. (62,01 м)	6,39 саж. (13,64 м)
От Цветного бульв. до Малой Сухаревской пл.	37,95 саж. (80,98 м)	29,18 саж. (62,27 м)	8,77 саж. (18,71 м)
От Большой Сухаревской пл. до Красных ворот	26,32 саж. (56,15 м)	17,36 саж. (37,05 м)	8,96 саж. (19,10 м)
От Красных ворот до Доброй слободки (Машкова ул.)	21,98 саж. (46,91 м)	12,22 саж. (26,07 м)	9,76 саж. (20,84 м)
От Воронцова поля до Высокояузского моста	24,23 саж. (51,71 м)	10,60 саж. (22,62 м)	13,63 саж. (29,09 м)
От Высокояузского моста до Таганской пл.	12,14 саж. (25,91 м)	2,90 саж. (6,19 м)	9,24 саж. (19,72 м)
От Таганской пл. до Краснохолмского моста	12,07 саж. (25,76 м)	3,48 саж. (7,42 м)	8,59 саж. (18,34 м)
От Краснохолмского моста до Серпуховской (Добрынинской) пл. .	13,73 саж. (29,30 м)	4,12 саж. (8,79 м)	9,61 саж. (20,51 м)
От Серпуховской пл. до Калужской (Октябрьской) пл.	13,65 саж. (29,13 м)	5,22 саж. (11,14 м)	8,43 саж. (17,99 м)

почитая оную достаточною и для вымощения обывателям не столь обременительною, приказал назначить сии проезды в 10 сажен». На том же заседании Тормасов указал проектировать улицу так, чтобы она была посредине, а садики по обеим сторонам равной глубины[182].

Заявление Тормасова было принято комиссией к исполнению, и для Садовой ул. всюду было отведено лишь 10 сажен. Это одна из причин уменьшения ширины улицы (проезжей части и тротуаров). Второй причиной был, несомненно, захват домовладельцами при поставке изгородей у палисадников части тротуаров и слабый надзор за этим со стороны городской администрации, позволившей по истечении срока давности (10 лет) считать захваченную землю, как и палисадники, собственностью домовладельцев.

Постройка палисадников впервые началась в 1818 г. на участке от Триумфальных ворот до Кудринской пл. В следующем 1819 г. генерал-губернатором было отдано распоряжение строить палисады от Триумфальных до Красных ворот, в 1823 г.— от последних до Покровки и т. д. Сперва планировалась (нивелировалась) местность, отводился участок посреди улицы для мостовой и тротуаров и определялся участок для палисада; затем требовалось от домовладельцев замостить проезды пе-

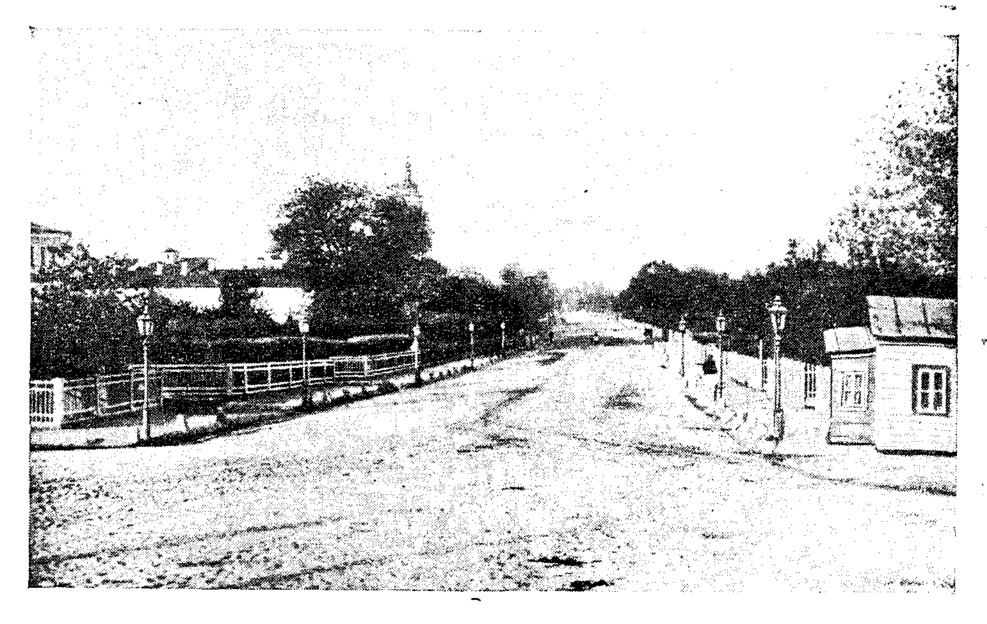
Подновинское гулянье в 1820-х годах.

ред своими домами, устроить тротуары и одновременно построить палисады и засадить их деревьями. В тех случаях, когда домовладельцы не имели средств на выполнение этих требований, устройство мостовой, тротуаров и палисадов производилось самой Комиссией строений на средства городской думы; израсходованные деньги дума затем взыскивала с домовладельцев вместе с городскими налогами.

В 1818—1819 гг. было отдано распоряжение об устройстве улицы с проездом посредине и палисадниками у домов от Кудринской пл. до Смоленского рынка и далее до Москвы-реки. Но это распоряжение не было выполнено, так как новый московский генерал-губернатор Д. В. Голицын предписал оставить здесь проезды там, где они были,— по обеим сторонам бывшего Земляного вала, а свободное пространство между ними, от Кудринской пл. до Смоленского рынка, где издавна на пасхальной неделе происходили народные гулянья и устраивались качели, оставить и впредь под гулянье, приняв следующие меры благоустройства: «середину разрыва, на пять участков проездами разделенную, по назначении на плане для постановления качелей, разных увеселений и народного гулянья, огородить деревянными надолбами с поперечными брусками, подобно существующей огородке вокруг бульваров, сделать внутри дорожки, утрамбовать их щебнем с глиною и песком, а остающиеся затем места застлать дерном»[183]. Таким образом было положено начало Новинскому бульв. По его образцу был устроен в 1823 г. участок между Смоленской пл. и Пречистенкой, а затем и далее, т. е. там, где впоследствии возникли Смоленский и Зубовский бульв.

Палисады здесь, конечно, были не нужны, да и негде было это сделать. Не устраивались палисады и между Крымским мостом и Калужской пл., но здесь, вероятно, только по той причине, что по обе стороны улицы лежали тогда пустыри и огороды и даже улицы в настоящем смысле слова тогда не было. Только в 1830—1831 гг. здесь была устроена дамба и шоссейная дорога шириной 7 сажен.

Устройство палисадов шло не очень успешно: многие домовладельцы уклонялись от этой повинности, так что приходилось понуждать их

Палисадники на Большой Садовой улице, в 20-х годах прошлого столетия.

даже через полицию. Главной же причиной была медленность в планировке улицы. Устройство улицы от Кудринской пл. до Покровки закончилось частью в 1822 г., частью в 1824 г. На других же участках устройство улиц продолжалось до 1831 г.

Кроме западной части Садового кольца, где вместо палисадников у домов были насажены Зубовский и Смоленский бульв., палисадники не были устроены на площадях: Смоленского рынка, Старой Триумфальной, Угольной, Большой и Малой Сухаревских, затем от ул. Добрая слободка до Воронцова поля, так как здесь находились рынки. Не устраивали их и между Большим и Малым Краснохолмскими мостами, где была не улица, а дамба.

Устройство Садовой ул. имело целью создать большую магистраль вокруг центра Москвы, необходимую ввиду увеличения легкового движения по городу, а палисадники устраивались на ней для защиты домов от пыли на улице. Конечно, лучше было бы устроить вместо палисадников широкие аллеи из деревьев для пешеходов, но это требовало принятия расходов на счет города, тогда как устройство палисадников было возложено на домовладельцев. Не предусмотрено было, что деревья в палисадниках, разросшись, закроют доступ света и солнца в первые этажи расположенных по улице домов, по преимуществу одноэтажных с мезонинами. Впоследствии это вынудило отдалить несколько палисадники от домов, устроив кое-где у домов вторые тротуары (первые находились по бокам мостовой). Но вначале палисадники, оживляя и украшая улицу, в то же время уменьшили средства, необходимые для ее замощения и освещения[184].

Кудринскую и Триумфальную пл. расширили, как и площадь между Новослободской ул. и Каретным рядом. На Самотечной пл. был устроен прекрасный фонтан с прудом. Две обширные площади по сторонам Сухаревой башни — Большая и Малая Сухаревские, площадь у

Красных ворот и площадь у Покровского (позже Земляного) рынка были благоустроены.

От Ружейного пер. до Арбата устроили на месте Земляного вала Смоленскую-Сенную пл., а между Арбатом и Проточным пер. площадь Смоленского рынка. Дальше, до Кудринской пл., оставалось неблагоустроенное, а лишь огороженное столбами с двумя линиями поперечных шестов Новинское, или Подновинское, гулянье.

В 1819—1820 гг. для перехода Садовой ул. через р. Яузу потребовалось поднять на ее уровень Высокояузский мост, что было связано с большими земляными работами. Точно так же для устройства на уровне Садовой ул. Большого Краснохолмского моста через Москву-реку и Малого Краснохолмского моста через Водоотводный канал потребовалось сделать к ним большую подсыпку, а между этими мостами — даже проложить большую земляную дамбу. Такая же подсыпка произведена была со стороны Крымского вала и Крымского пр. при поднятии до уровня Садовой ул. Крымского моста. Эти работы велись как до, так и после 1825 г.

«Сколько нужно было работы,— пишет Андросов,— устроить эти две насыпи, вышиною до 15 аршин, простирающиеся к реке Яузе, по обоим берегам оной, и чтобы вырыть для сих насыпей землю от Воронцовской улицы по обе стороны Яузы на 7 и 8 аршин, и уровнять, с мостом через Яузу, вышиною в 17 аршин? Следя далее по этому направлению, снято земли у моста и реки до поперечной Николо-Ямской улицы от 4 до 5 аршин в глубину, а за оною засыпано болото, где не было проезду; срыта гора до Таганского рынка; наконец, у Краснохолмского моста, по планировке крутизна горы скопана на 3 аршина. Садовая улица пойдет далее... до Зацепы. Таким образом в протяжении она составит до 15 верст.

...Остановимся на этой огромной насыпи, почти соединяющей улицу, находящуюся у Калужской площади, с Остоженкою, ведущей к историческому Крымскому броду. Кто не помнит бывшего здесь проезда? Теперь по всему этому пространству, понимаемому разливом Москвы-реки, устроена прочная насыпь на 370 саженей в длину, в 14 и 15 саженей шириною и в 7,5 аршина в вышину, покрытая шоссе: и проезд сделался удобнейший, какой только здесь существовать может.

В самых отдаленных частях города устроены удобные и красивые места для прогулки; бульваром в Зубове можно полюбоваться, и видевши бульвары внутренние. Нельзя не упомянуть и об месте летней скачки, тут же устроенной (на месте Смоленского бульв.— *П. С.*). Далее стоит только пробежать Садовую улицу, по многим отношениям оправдывающую свое название, чтобы видеть, какие улучшения сделаны даже в дальних местах!»[185]

Состояние благоустройства Москвы за 1812—1825 гг. видно из следующих цифр.

Мостов через реки, ручьи и овраги в 1812 г. насчитывалось 80, в 1814 г.— 76, в 1817 г.— 106 (за 1825 г. сведений нет).

Уличных фонарей (масленников) в 1812 г. было 7294, в 1814 г.— 1262, в 1817 г.— 4341, в 1823 г.— 5211. Как видим, сгоревшие фонари и через 10 с лишним лет после пожара еще не были полностью восстановлены: учитывая, что горели они очень тускло (по словам остряков того времени — «каждый фонарь освещал только свой собственный столб»), городское освещение явно было недостаточно.

Сведения о замощении улиц, переулков и площадей в 1812, 1814, 1817 и 1820 гг. дают одни и те же цифры: казенной мостовой было

7139, городской — 19 326, обывательской — 572 289 кв. сажен. Всего — 598 754 кв. сажени. Эти цифры не отражают действительности. В этот период грандиозных восстановительных и планировочных работ, когда возникали новые проезды и площади, производилось и их замощение, а также и перемощение старых мостовых. Сведения об этом встречаются в протоколах журналов Комиссии для строений за эти годы.

Многие бедные домовладельцы не могли за свой счет поправлять или делать новую мостовую перед своим домом. Поэтому в 1823 г. был издан указ «О составлении в Москве капитала для мощения улиц против домов бедных обывателей... из городских доходов»[186]. Была отпущена сумма в 40 тыс. рублей, и в том же 1823 г. студент Попов получил из этого капитала деньги для исправления мостовой перед своим домом[187]. Какова была практика в дальнейшем, мы сведений не имеем.

Общественных и частных садов в 1812 г. было 1393, в 1817 г. — 1021, в 1824 г. — 1082. Сгоревшие сады, конечно, трудно было восстановить за 12 лет.

Неудовлетворительная постановка статистики того времени не позволяет считать указанные цифры вполне точными, но все же после просмотра многих источников мы можем сказать, что они дают довольно верную картину бедствия, причиненного Москве нашествием и пожаром 1812 г., и восстановления городского хозяйства.

ВОДОСНАБЖЕНИЕ

Водоснабжение было всегда одним из главнейших видов благоустройства городов. Но Мытищинский водопровод, открытый в декабре 1804 г., тотчас же по открытии оказался неудовлетворительным. В Мытищах ежедневно поступало из колодцев в «галерею», проводившую воду в Москву, более 300 тыс. ведер, до Москвы же доходило едва 40 тыс. ведер, да и такого качества, что воду трудно было принять за мытищинскую.

Мытищинский водопровод обслуживал только ближайшие к центру города кварталы: два его колодца находились на Каланчевском поле, один — на Трубной пл., три фонтана — на Неглинной ул. между Трубной пл. и Кузнецким мостом, один — в Воспитательном доме. Большинство населения продолжало брать питьевую воду из Москвы-реки, Яузы, многочисленных ручьев и неглубоких колодцев во дворах. Только богачи могли посылать собственных водовозов за хорошей водой к Трехгорной заставе или к «святому» колодцу на современной Колодезной ул. близ Яузы.

В 1823 г. неожиданно выяснилось, что в Москву с самого открытия Мытищинского водопровода не доходило ни одного ведра мытищинской воды: в этом году в селе Алексеевском обрушилась водопроводная галерея, а в город по-прежнему регулярно поступало 40 тыс. ведер воды. Тогда стало ясным, что за 25 лет строительства «галереи» Мытищинского водопровода и за 19 лет ее эксплуатации она, несмотря на частые ремонты, до того прохудилась, что вся мытищинская вода уходила из галереи в землю, не доходя полностью даже до села Алексеевского, а в Сокольниках в галерею самочинно проникала сокольническая ключевая вода, которую москвичи и пили, считая ее мытищинской. Ремонт галереи в селе Алексеевском и замена ее оттуда до Москвы чугунными трубами, происходившие в 1827—1830 гг., будут рассмотрены нами в следующей главе.

ПОЖАРНОЕ ДЕЛО

В 1823 г. была реорганизована московская пожарная команда, и образовано на Волхонке, у Пречистенских ворот, Пожарное депо. Штат команды состоял из: 1 брандмайора, 20 брандмейстеров (по одному в каждой полицейской части), 23 их помощников (из них 3 в депо) и 1521 пожарного служителя (из них 201 в депо).

В инвентаре пожарной команды значилось: лошадей — 450 (из них 70 в депо), 2 трубы английские (обе в депо), труб большого разбора — 20, малого разбора — 44 (из них 4 в депо), повозок с лестницами, баграми и пр.— 22 (из них 2 в депо), больших бочек для возки воды к большим трубам — 80 (из них 14 в депо), малых бочек — 80 (из них в депо 8), линеек для отвоза людей на пожар — 26 (из них 6 в депо).

Большое число работников с оборудованием в Центральном депо заставляет предполагать, что на пожарные команды частей возлагалась борьба с мелкими пожарами, в случае же большого пожара на помощь местной команде выезжала центральная команда из депо.

Были устроены каланчи пожарных команд над домами всех полицейских частей. Первая же пожарная каланча в Москве, не считая используемой раньше колокольни Ивана Великого, была устроена в 1806 г. над крышей здания Губернских присутственных мест (Исторический пр., 1) специально для наблюдения за пожарами, возникавшими в Верхних торговых рядах.

СООБЩЕНИЕ С ПЕТЕРБУРГОМ И ГОРОДСКОЙ ТРАНСПОРТ

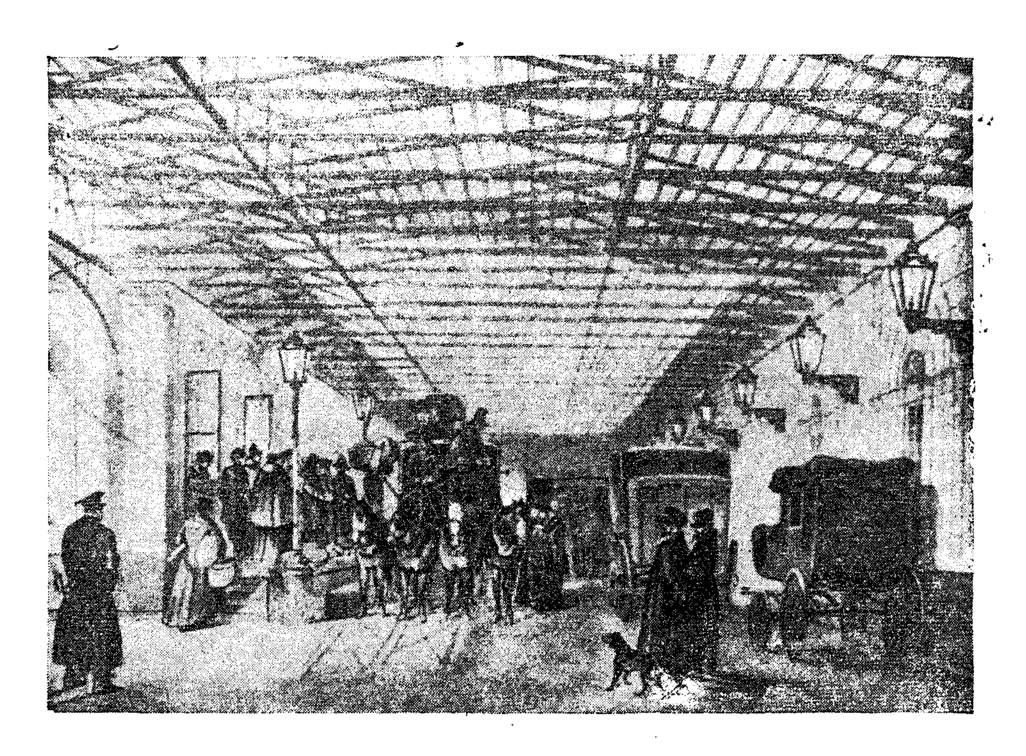
По инициативе нового посла в Лондоне гр. С. Воронцова Почтдиректор Петербурга К. Я. Булгаков образовал в 1820 г. частное общество дилижансов, ходивших между Москвою и Петербургом, в которое вложили капиталы многие известные лица.

Движение дилижансов открылось 1 декабря 1820 г. и из-за выпавшего перед тем большого снега осуществлялось сперва на санях. В них было 4 места, разделенных перегородкой, служившей спинкой для сидящих. Так как раньше в ямских санях путешествовали лежа, то ямщики дали дилижансам остроумное название «нележанцы»[188]. Ф. Ф. Вигель, одним из первых, 4—6 декабря 1820 г., проехавший в дилижансе из Петербурга в Москву и 29 декабря 1820 г.— 1 января 1821 г. обратно, ехал туда с четой старых немцев, обратно — с какими-то приказчиками, и отметил, что дилижансы — буржуазный способ передвижения — «ввели к нам понятие о равенстве»[189].

Поездка из Петербурга в Москву, как и обратно, длилась двое суток. Запись на дилижансы и посадка на них происходили в Москве в доме Шевалдышева, на углу Тверской и Козицкого переулка.

В 1821 г. дилижансы называются колясками. «Коляски сии,— писал А. Я. Булгаков брату,— отправляются из Москвы и из Петербурга в одно время три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу по утрам в 9 часов. Зимние на 8 человек, за передние места платят по 95 рублей, за задние — 55 рублей, летние на 5 человек, из коих 4 по 120 рублей, одно — в 60 рублей»[190].

Езда по городу, до 1812 г. осуществлявшаяся большей частью на собственных лошадях и в собственных экипажах, после 1812 г. «обур-

Московская станция дилижансов на углу Тверской улицы и Козицкого переулка.

жуазилась» — стала осуществляться в значительной степени в наемных экипажах разных категорий.

Совершенно исчезли экипажи Москвы конца XVIII — начала XIX века — «долгуши» (линейки) и «гитары» (укороченные линейки для одного седока, садившегося на линейку верхом). Зато появились новые экипажи — фаэтоны, кабриолеты, «калиберы» (род дрожек) и дрожки.

Современник писал: «Экипажи (извозчиков.— *П. С.*) состояли из дрог без рессор, на которые садились боком к кучеру, и чтобы ноги (опиравшиеся на подножку.— *П. С.*) не обрызгались грязью, на них накладывались кожаные фартуки. Только в 1825 г. ... было приказано приделать к дрогам спинки и с обеих сторон крылья, что и образовало так называемые дрожки-калибер»[191].

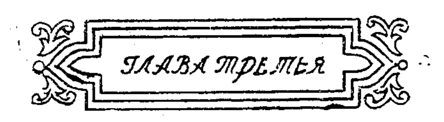
Обыкновенные же дрожки конца XIX — начала XX века образовались из гитары путем разделения сидений на переднее для возницы и заднее — для седока, с углублением, куда он мог опустить ноги.

После изгнания Наполеона процесс перерождения феодально-крепостнического строя в строй капиталистический развивался в стране и в Москве с еще большей силой, чем до 1812 г.

В Москве дворяне продолжали еще играть руководящую роль в политике, управлении, в правительственных учреждениях, в литературе, искусстве, просвещении, в газетах и журналах, в общественных собраниях и увеселениях, но в экономике должны были уступить господство купцам и мещанам. В Московской, Смоленской и в ближайших к ним губерниях дворянские усадьбы, села и деревни были сожжены французами; той же участи подверглись и дворянские московские дома, и многие дворяне должны были либо отсиживаться в дальних деревнях, на-

копляя средства для восстановления своих домов в Москве, либо, вновь поселяясь в Москве, значительно сократить прежний размах жизни. Многие из них, продав свои дворы с сожженными постройками, покупали новые дворы на окраинах Москвы и скромно застраивали деревянными домами Замоскворечье за Земляным валом, Хамовники, Пресню и другие тогдашние окраины. В Замоскворечье появились даже целые улицы, называвшиеся Большой и Малой Дворянскими (нынешние Большая и Малая Пионерские ул.).

Число дворовых в этих домах никогда уж не достигало тех громадных цифр, которые были до 1812 г. характерны для знати.

ПЛАНИРОВКА, ЗАСТРОЙКА И БЛАГОУСТРОЙСТВО МОСКВЫ в 1825—1843 гг.

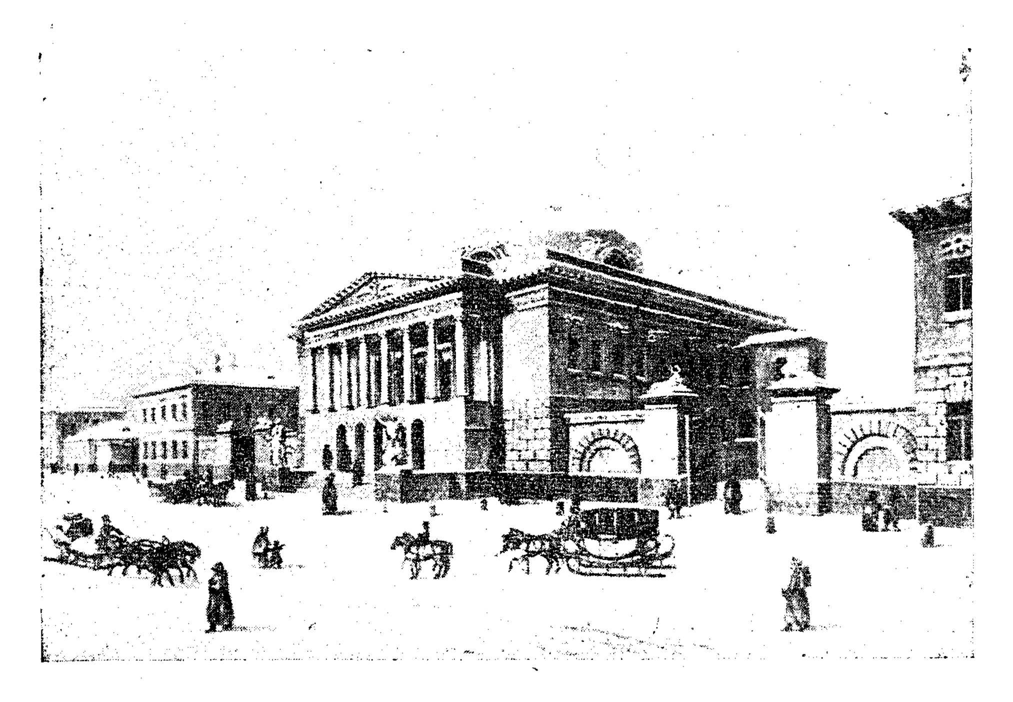
ОБЩАЯ ЧАСТЬ

Градостроительство в Москве в этот период носило четко выраженный характер. До этого, как пишет А. А. Федоров-Давыдов, русская архитектура «не ограничивалась созданием отдельных прекрасных сооружений, но решала большие градостроительные задачи. Русским архитекторам этого времени было в высокой мере свойственно ансамблевое понимание архитектуры»[1]. В подтверждение этой мысли достаточно указать на ансамбли Красной и Театральной площадей.

После 1825 г. строительство крупных общественных зданий постепенно замирает, пишет М. А. Ильин, заменяясь постройкой зданий для «казенной надобности». Театры, высшие учебные заведения, больницы заменяются казармами, провиантскими складами.

Некоторое время и после 1825 г. еще продолжалось строительство зданий прекрасной архитектуры. Так, например, на Солянке, к востоку от Китай-города, в 1823—1826 гг. Д. И. Жилярди и А. Г. Григорьев построили великолепное здание Опекунского совета, принадлежащее к лучшим творениям этих архитекторов.

А. А. Федоров-Давыдов пишет о нем так: «Сооружение это состояло из высокого главного корпуса с эффектно рисовавшимся на гладкой стене восьмиколонным портиком и плоским куполом и двух боковых корпусов, соединенных с центральным невысокой оградой (в 1840-х гг. ограда была застроена и все три корпуса объединены в один). В целом получилась очень выразительная и красивая пространственная композиция. Если протяженность главного корпуса внутрь двора была еще остатком старой планировки, то помещение ограды, объединявшей все три здания по линии улицы, являлось уже новым приемом: в нем сказалось подчинение здания городскому ансамблю. Отсюда и то значение, которое приобрела архитектура фасада. Это характерно сказалось в композиции объемов здания Опекунского совета. Здание, объем которого представляет собой параллелепипед, поставленный к улице узкой гранью, получило пространственную обработку именно с этой стороны. Здесь помещен выступающий вперед

Дом Опекунского совета на Солянке, построенный в 1823—1826 гг. архитекторами Д. И. Жилярди и А. Г. Григорьевым.

портик с пологой лестницей, в то время как противоположный торец, выходящий во двор, и особенно боковые стены имеют плоскостную обработку. Характерно, что самый купол сдвинут к фасаду, составляя одно композиционное целое с портиком. Купол перекрывает вестибюль, а не главный зал, который построен в виде продольного помещения, идущего по длинной оси здания, разделенного двумя рядами колонн и перекрытого коробовым сводом»[2].

В 1828—1832 гг. О. И. Бове построил на Большой Калужской улице чудесное здание 1-й Градской больницы.

В 1832—1835 гг. по проекту В. П. Стасова Ф. М. Шестаковым возведено на Остоженке монументальное здание Провиантских складов.

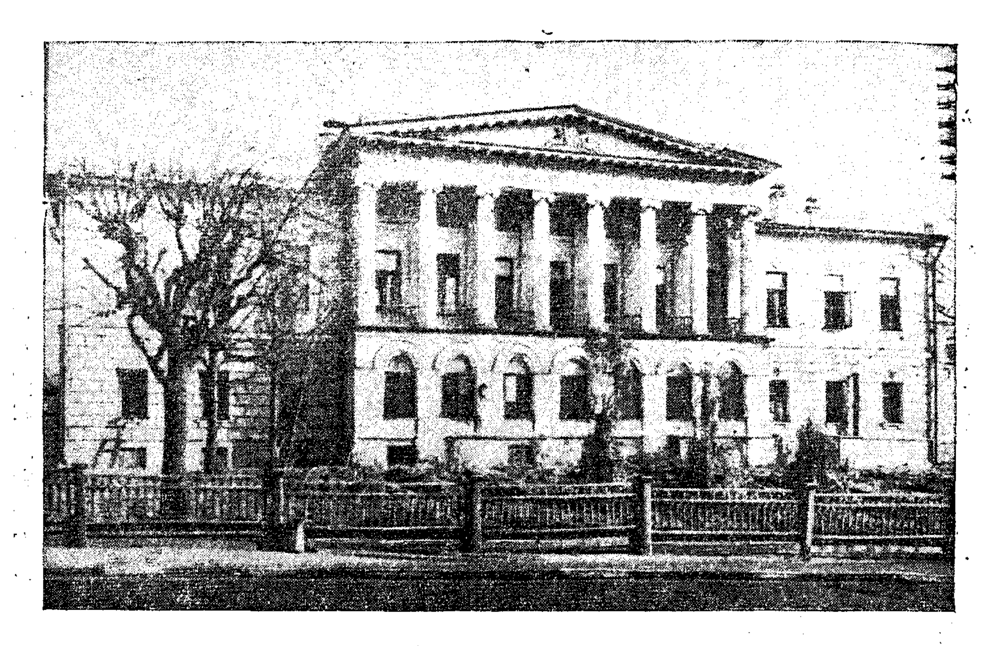
В 1827—1834 гг. у Тверской заставы О. И. Бове воздвиг Триумфальные ворота.

Из частных домов можно упомянуть построенную Д. И. Жилярди в 1829—1831 гг. на Земляном валу (ул. Чкалова) усадьбу для купцов Усачевых (ныне санаторий «Высокие горы»).

Как на памятник высокой архитектуры можно указать на церковь Скорбящей богоматери (Большая Ордынка, 20). В дополнение к сохранившимся колокольне и трапезной, возведенным в XVIII веке В. И. Баженовым, в 1828—1833 гг. О. И. Бове построил ротонду.

«Теряет общественное значение и архитектура жилого дома. Личное, интимное обозначается более отчетливо. Успехи Комиссии по строению не достигают более своей цели, и в 40-х годах (1843 г. — *П. С.*) она прекращает свою деятельность»[3].

После первой половины 30-х годов XIX века нельзя указать ни одного казенного или частного здания, которое можно было бы поставить в ряд со зданиями, построенными с 1813 г.

Дом купцов Усачевых на Садовой — Земляном валу, построенный архитектором Д. И. Жилярди в 1829—1831 гг.

Наилучшим показателем этого является начатый строительством с 1838 г. по проекту придворного архитектора Николая I К. А. Тона храм Христа Спасителя у Пречистенских ворот. В эти годы строили казенные и частные здания, непременным атрибутом которых был портик с колоннами. Но эти колонны не были органически связаны с зданием, как раньше. Их сравнивали с солдатами, вытянувшимися на смотру в шеренгу. А. И. Герцен, не без основания, писал в статье «Москва и Петербург»: «Надо бы признаться, плохо обстроилась Москва; архитектура домов ее уродлива, с ужасными претензиями; дома ее... малы, облеплены колоннами, задавлены фронтоном, огорожены заборами»[4]. Ярким примером такого архитектурного решения могут служить Покровские казармы, построенные в 1838 г.

То же говорит и другой современник — поэт А. К. Толстой в автобиографической повести в стихах «Портрет»:

В мои ж года хорошим было тоном
Казарменному вкусу подражать,
И четырем или восьми колоннам
Вменялось в долг шеренгою торчать
Под неизбежным греческим фронтоном.

Хотя неофициальною границей города по-прежнему считался Камер-Коллежский вал, площадь Москвы, составлявшая в 1825 г. 6825,5 десятины, или 7457,1 га, практически увеличилась к 1830 г. до 8750,1 десятины, или 9559,8 га. Эти 1925 десятин (2100 га) получились вследствие присоединения к Москве находившихся за Камер-Коллежским валом селений: Новой Андроновки, села Марьина, села Воробьева, села Троицкого и 7 приходов. В них было в 1830 г. 547 дворов[5].

Москва еще в 1829 г. была разделена на 17 полицейских частей

Церковь Скорбящей богоматери на Ордынке. Колокольня и трапезная построены в конце XVIII века архитектором В. И. Баженовым, остальные части достроены в 1833 г. архитектором О. И. Бове.

вместо прежних 20 [6]. Уничтожены были части: Новинская, Таганская и Покровская. При этом Новинская часть влилась в Пресненскую и Хамовническую; Таганская часть за Земляным валом — в Рогожскую, а внутри Земляного вала — в Яузскую; Покровская — в Лефортовскую часть.

Москва, сверх деления на 17 полицейских частей, была разделена еще на три полицмейстерства, в каждое из которых входило несколько полицейских частей. Полицмейстеры были помощниками обер-полицмейстера.

В 1830-х годах для обер-полицмейстера был приобретен дом на Тверском бульваре (№ 22) [7], в котором он находился со своими управлениями до замены его должности в 1905 г. должностью градоначальника, а последний с сыскными и прочими отделениями занимал этот дом до Великой Октябрьской социалистической революции.

Площадь и населенность полицейских частей в 1843 г.[8] были следующие:

Название частей в пределах Камер-Коллежского вала	Площадь без пригородов (в. кв. саж.)	Население (чел.)	Кв. саж. на 1 жителя
Городская	225 600	11 660	19
Тверская	564 000	23 786	23
Мясницкая	506 400	34 664	14
Пятницкая	537 600	15 225	35
Якиманская	449 200	16 303	27
Серпуховская	1 948 800	19 370	100
Пречистенская	393 600	14 705	27
Арбатская	432 000	16 134	26
Сретенская	408 000	20 773	19
Яузская	564 000	18 230	30
Хамовническая	1 773 600	20 015	88
Пресненская	904 800	19 300	46
Сущевская	1 245 600	16 013	77
Мещанская	1 632 000	17 056	95
Басманная	1 238 400	20 250	61
Рогожская	1 080 000	29 492	36
Лефортовская	2 167 200	35 490	61
Все 17 частей	16 070 800	348 466 В среднем 20 492 человека на 1 часть	В среднем 46 кв. саж. на человека

Как видим, самой большой по пространству и количеству жителей была Лефортовская часть. Благодаря большому пространству на 1 человека в ней приходилась 61 кв. сажень земли. Второй по величине была Серпуховская часть, но вследствие меньшей численности населения на 1 человека в ней приходилось 100 кв. сажен. Следующими по пространству были окраинные Хамовническая, Мещанская, Сущевская, Басманная и Рогожская части; население их, кроме Рогожской части, не превышало среднего по всем частям Москвы. На 1 человека земли в Хамовнической, Мещанской и Сущевской частях приходилось почти вдвое более средней нормы, но в Басманной только на 32,6% выше ее, а в Рогожской даже на 21,7% ниже. Здесь население жило скученнее. Самой маленькой по пространству была Городская часть, за ней шла Пречистенская, остальные имели от 408 тыс. до 564 тыс. кв. сажен, и только Пресненская со своими 904,8 тыс. кв. сажен приближалась к большим по площади частям. Наименьшую численность населения имели Городская и Пречистенская части. По числу квадратных сажен на 1 человека наихудшие условия были в Мясницкой части, а затем в Городской и Сретенской частях. Остальные части имели от 23 до 35 кв. сажен на 1 жителя.

Ниже средней численности населения имели Городская, Пятницкая, Якиманская, Пречистенская, Арбатская, Сущевская, Мещанская части. К средней численности населения относились части: Серпуховская, Сретенская, Яузская, Хамовническая, Пресненская, Басманная, Тверская[9].

Как видим, в естественные признаки отдаленных частей — большое пространство и малая численность жителей — в 1826—1843 гг. внесен

уже корректив, являвшийся следствием развития на окраинах Москвы промышленности и скопления на фабриках и заводах рабочих, многие из которых жили с семьями.

На планировку и застройку города оказывало несомненное влияние обуржуазивание Москвы. Так, состав населения Москвы с 1825 по 1842 г. изменился следующим образом:

Группы населения	1825 г.[10]	1830 г.[11]	1835 г.[12]	1842 г.[13]
Дворяне и чиновники	15 876	22 394	20 598	12 921
Купцы	10 329	16 210	16 233	16 535
Мещане	33 417	47 287	47 160	74 282
Духовенство	4 991	4 946	6 937	5 569
Цеховые и фабричные	8 800	12 461	11 860	Не указано
Крестьяне казенные	39 900	29 466	42 555	94 274
Крестьяне помещичьи	39 193	43 583	64 430	
Дворовые	66 281	70 920	70 394	54 722
Военные и отставные	20 665	27 476	29 641	45 035
Прочие	18 242	30 888	25 974	24 080
Общая цифра населения	257 694	305 631	335 782	327 438

За 1825—1842 гг. население Москвы увеличилось почти на 70 тыс. человек, причем особенно сильно в первое пятилетие (почти на 50 тыс.) и во второе пятилетие (на 30 тыс.), а к 1842 г. даже незначительно (на 8 тыс.) уменьшилось. Падение произошло за счет сокращения числа дворян (почти на 8 тыс.), духовенства (на 1,3 тыс.) и дворовых (на 15,6 тыс.). Другие группы населения, наоборот, возросли в числе: мещане — на 27 тыс., военные — на 15,3 тыс. человек.

В общем, в 1830—1842 гг. население Москвы превысило не только самую большую официальную цифру 20 января 1812 г., но и более оптимальные указания современников — 300 тыс. человек. Большой рост числа мещан объясняется облегчением перехода в это сословие из казенных и вольноотпущенных помещичьих крестьян, а рост числа военных — усилением войск в Москве для борьбы с возможными волнениями рабочих.

Возросло количество фабрик, заводов, ремесленных заведений и количество обслуживающих их рабочих.

	1825 г.	1830 г.	1838 г.	1842 г.
Фабрик	123	1 124*	392	482
Заводов	129		170	167
Ремесленных заведений	—	3 257	2 989	3 113
Рабочих на фабриках и заводах	27 314	22 254**	34 534	30 039
Рабочих в ремесленных заведениях	—	12 764**	29 720	31 751

* «С малыми заведениями» и заводами.

** Падение числа рабочих на фабриках, заводах и в ремесленных заведениях после 1830 г. в известной степени можно объяснить свирепствовавшей в Москве в 1830 г. холерой.

В этой таблице поражает огромный рост числа фабрик — почти в 4 раза, тогда как рост числа заводов составил не более 25%, а число ремесленных заведений оставалось почти на одном уровне.

Какие же фабрики дали столь сильный рост? И почему он не сопровождался столь же значительным ростом числа их рабочих?

Фабрики	1825 г.	1830 г.	1838 г.	1842 г.
Суконные	18	30	49	87
Шелковые	30	117	54	77
Полотняные	11	6	—	—
Хлопчатобумажные	55	135	205	283

Мы видим, что число суконных фабрик возросло почти в 5 раз, хлопчатобумажных — более чем в 5 раз, шелковых — в два с половиной раза, а полотняные фабрики в 30-х годах совсем исчезли в Москве. В абсолютных цифрах наибольшее увеличение — на 228 единиц — дали хлопчатобумажные фабрики. Действительно, 1825—1842 гг. являются временем их пышного расцвета в Москве. Он объясняется отменой в 1822 г. запретительного тарифа на ввоз в Россию бумажной пряжи, на которой главным образом работали наши хлопчатобумажные фабрики, а также отменой в 1827 г. привилегий на ситценабивные машины. Открытие этих фабрик, с одновременным преобразованием их из мануфактур путем замены ручного труда машинами, происходило таким образом: в 1812 г. — 2, в 1813 г. — 6, в 1814 г. — 11. Это восстанавливались закрытые в 1912 г. мануфактуры. В 1816 г. новых фабрик было открыто 2, в 1817 г. — 3, в 1818 г. — 3, в 1819 г. — 1, в 1820 г. — 3, в 1821 г. — 3, в 1822 г. — 5, в 1823 г. — 5, в 1824 г. — 14, в 1825 г. — 10, в 1826 г. — 7, в 1827 г. — 15, в 1828 г. — 12, в 1829 г. — 11 [14].

К 1842 г. Москва превратилась в центр хлопчатобумажной промышленности России. Введение машин сократило требования на рабочих, и потому число их увеличилось во всей фабрично-заводской промышленности Москвы только на 10%, а в хлопчатобумажной, вероятно, и того меньше.

Первую машину — жаккардов стан — ввели в 1823 г. купцы Рогожины на своей Фряновской шелковой фабрике в Богородском уезде. В 1824 г. была открыта в Москве знаменитая мануфактура Цинделя (ныне 1-я ситценабивная фабрика). За ними пошли и другие.

На московских бумажных фабриках 1830-х годов изготовлялись: «...ситцы разных узоров, полубатист, коленкор белый и цветной, русинет, плис, демикотон, нанка, холстинка, платки «на манер ост-индских», шали бумажные, кашемировые, кисея «на манер шотландской», платки головные и шейные, платки креповые персидские, панталонные материи, покрывала, кушаки и многие другие» [15]. Качество московских мануфактурных изделий было столь высоко, что они были представлены на промышленной выставке 1829 г. в Петербурге, а в 1831 г. в Москве, в старом Кремлевском дворце, была устроена первая выставка мануфактурных изделий. 16 июня 1834 г. последовал указ [16] об открытии с 2 по 25 июня 1835 г. второй мануфактурной выставки в Москве. Наконец, в 1843 г. была открыта в Москве, в Дворянском собрании, третья промышленная выставка.

Интересно, что в указе об открытии в Москве первой выставки мануфактурных изделий [17], данном 22 июля 1830 г., предписывалось «на московской выставке не допускать никаких наград... а только выдавать похвальные листы и присваивать публичные одобрения». Но лучшей наградой для фабрикантов был успех у публики экспонированных изделий, что чрезвычайно повысило спрос на них.

Из «Статистической записки» В. Андросова, где он пишет о петербургской выставке 1829 г., можно судить об успехах московской промышленности. «На бывшей в Петербурге выставке русских изделий лучшими из московских ситцев как по прочности красок, так и хорошей отделке признаны были ситцы фабрики Титова. Особенное внимание они заслужили еще и потому, что самый миткаль их выпряден и выткан был на его же фабрике. Холстинки там же найдены лучшими Прокофьева, которые, при умеренной цене, не уступают иностранным прочностью красок и чистотою отделки» [18].

Андросов приводит также сведения о том, что в 1830 г. на значительных бумажных как ткацких, так и набивных фабриках, которых было 135, имелось более 12 тыс. станов, а работников, живших при фабриках, — 17 266 мужского пола и 1742 женского. Интересно и его замечание, что все ранее открытые фабрики помещаются уже в собственных домах, а позже появившиеся, особенно набивные, находятся еще в наемных домах [19].

О размещении фабрик и заводов в 1843 г. по полицейским частям дает полное представление «Атлас промышленности Московской губернии» Л. С. Самойлова, изданный в 1845 г. [20]. В нем указано не только количество разного рода промышленных предприятий в каждой части города, но и число рабочих в каждом предприятии, его оборудование, предметы выработки и ее годовая стоимость. Для наших целей важно главным образом, где, какие и в каком количестве размещались разного рода предприятия, поскольку они характеризуют районы в промышленном отношении и оказали влияние на их застройку. Для этого мы свели материал атласа Самойлова в отдельную таблицу (см. приложение 11).

Из таблицы видно, что в 1843 г. в Москве было 462 фабрики, 178 заводов и 94 ремесленных заведения, которые по величине можно причислить к фабрикам. Всего 734 предприятия.

Наибольшее их число было в Лефортовской (108) и Серпуховской (103) частях. В Тверской было 66, в Рогожской — 60 и в Басманной — 61 заведение. В Пятницкой, Якиманской, Мясницкой, Яузской, Хамовнической, Пресненской частях — от 25 до 50 в каждой, в Сретенской, Сущевской и Мещанской — от 20 до 25 и в Городской, Пречистенской и Арбатской — менее 20.

По количеству предприятий разного рода, преобладавшему в той или иной полицейской части, можно определить промышленную специфику каждой части.

В Городской части из 13 предприятий было 4 часовых мастерских и 5 табачных фабрик.

В Тверской части из 66 предприятий было 23 заведения музыкальных инструментов и мебели, 12 часовых мастерских, 8 табачных фабрик.

В Мясницкой части из 37 было 7 заведений музыкальных инструментов и мебели, 8 табачных, 4 часовых мастерских, 4 бумаготкацкие и набивные фабрики.

В Пятницкой части из 46 предприятий было 7 табачных фабрик, 7 золотопрядильных, мишурных и канительных, 6 шерстоткацких и 5 бумаготкацких и набивных.

В Якиманской части из 32 заведений было 4 шерстоткацких, 4 золотопрядильных, мишурных и канительных, по 3 шелковых и полушелковых, помады и духов, табачных, кардочных и бердочных (изготовлявших части ткацких станков).

В Серпуховской части из 103 предприятий было 29 бумаготкацких и набивных фабрик, 15 кожевенных заводов, 8 химических, 8 шерстоткацких фабрик, 7 пивоваренных и медоваренных заводов.

В Пречистенской части из 8 предприятий было 3 часовых мастерских, 2 — музыкальных инструментов и мебели.

В Арбатской части из 19 предприятий было 7 заведений музыкальных инструментов и мебели, 6 табачных фабрик и 5 экипажных заведений.

В Сретенской части из 23 было 7 экипажных заведений, 3 табачные фабрики, 2 шерстоткацкие и 2 кардочные и бердочные.

В Яузской части из 33 предприятий было 8 экипажных заведений, 6 бумаготкацких и набивных, 3 шелковых и полушелковых и по 2 шерстоткацких, шерстобумажных, отбельных, пивоваренных и медоваренных завода.

В Хамовнической части из 36 предприятий было 13 бумаготкацких и набивных фабрик, по 3 шелкокрасильных, шерстоткацких, химических завода.

В Пресненской части из 44 предприятий было 8 пивоваренных и медоваренных заводов, 7 бумаготкацких и набивных фабрик, 4 шерстоткацких, 4 завода сальных свечей, 3 солодовенных завода, 3 шелковые и полушелковые фабрики.

В Сущевской части из 24 предприятий было 3 медных и бронзовых завода, 3 перчаточные фабрики, 3 экипажных заведения, по 2 золотопрядильных, мишурных и канительных, 2 табачные фабрики, 2 солодовенных завода.

В Мещанской части из 21 предприятия было 4 салотопенных завода, по 2 шелкокрасильных, шелковых и полушелковых и табачных фабрики, и по 2 колокольных, химических и гончарных завода.

В Басманной части из 61 предприятия было 18 шелковых и полушелковых фабрик, 12 бумаготкацких и набивных, 4 шерстоткацкие фабрики, 3 табачные.

В Рогожской части из 60 предприятий было 17 шелковых и полушелковых фабрик, 17 бумаготкацких и набивных, 6 шерстоткацких.

В Лефортовской части из 108 предприятий было 41 бумаготкацких и набивных фабрик, 16 шерстоткацких, 11 шелковых и полушелковых, 9 шерстобумажных, 5 бумагокрасильных, 3 завода сальных свеч.

Из этого перечня видим, что господствовавшее в то время в Москве бумаготкацкое и набивное производство, имевшее 137 предприятий, сосредоточивалось главным образом в частях Лефортовской, Серпуховской, Рогожской, Хамовнической и Басманной (во всех вместе — 112 предприятий).

Стоявшее по числу предприятий на втором месте шелковое и полушелковое производство сосредоточивалось главным образом в Басманной, Рогожской и Лефортовской частях (здесь было 46 предприятий из 64 на весь город).

Шерстоткацкое производство, находившееся по числу предприятий (55) на третьем месте, размещалось преимущественно в частях

Лефортовской, Серпуховской, Пятницкой и Рогожской (36 предприятий).

Стоявшие по числу предприятий на четвертом месте табачные фабрики (53) сосредоточивались главным образом в Тверской, Мясницкой, Пятницкой, Арбатской и Городской частях (34 предприятия).

Из остальных производств более или менее заметные их кусты находились: бумагокрасильные фабрики — в Рогожской и Лефортовской частях (10 из 15), шерстобумажные — в Лефортовской части (9 из 19), часовых дел — в Тверской части (12 из 25), пивоваренные и медоваренные заводы — в Пресненской и Серпуховской частях (15 из 24), кожевенные заводы — в Серпуховской части (15 из 21), фабрики мебели и музыкальных инструментов — в Тверской части (23 из 41), экипажные заведения — в Сретенской и Яузской частях (15 из 28).

Среди этих предприятий было множество мелких, имевших менее 10 рабочих. Но были среди них и крупные, имевшие несколько сот, а одна даже несколько тысяч рабочих.

Крупнейшей по числу рабочих была фабрика Гаврилы Урусова с сыном в Басманной части, вырабатывавшая холстинку, нанку, русинет, миткаль и платки. Она имела 2550 рабочих.

Второй по числу рабочих была фабрика Андрея Серебрянникова в Серпуховской части, вырабатывавшая ситец, дабу и китайку и имевшая 1047 рабочих.

На третьем месте по этому показателю стояла фабрика братьев Чернышевых в Басманной части, с 1040 рабочими, вырабатывавшая жилетные материи, бархат, марселин и тафту.

Четвертое место занимала шерстобумажная фабрика Ф. А. Гучкова в Лефортовской части, с 964 рабочими, вырабатывавшая полумеринос, камлот, мебельные материи и пр.

Пятое место принадлежало суконной фабрике М. В. Новикова в Басманной части, с 908 рабочими, вырабатывавшей сукно и драдедам.

На шестом месте стояла фабрика И. В. Алексеева в Лефортовской части, с 645 рабочими, тоже вырабатывавшая сукна, драдедам и драдедамовые платки.

Седьмое — десятое места занимали 4 фабрики, в каждой из которых было немногим более 500 рабочих: суконная фабрика Е. А. Алексеевой в Басманной части, выделывавшая сукна, драдедам и драдедамовые платки; ситценабивная фабрика братьев Прохоровых в Пресненской части, изготовлявшая ситец, кашемир, платки и полубархат; такая же фабрика А. М. Титова в Серпуховской части, вырабатывавшая миткаль, кисею, плис и ситец; бумаготкацкая фабрика М. Г. Горелова в Рогожской части, выделывавшая нанку, полубархат и тик.

Остальные фабрики имели менее 500 рабочих.

По числу фабрично-заводских рабочих первое место занимала Басманная часть с 9506 рабочими, второе — Лефортовская с 8485, третье — Серпуховская с 6632, четвертое — Рогожская с 3533, пятое — Хамовническая с 2695, шестое — Пресненская с 2270, седьмое — Яузская с 1508, восьмое — Пятницкая с 1467, девятое — Тверская с 1016 рабочими. Четыре части имели от 750 до 1000 рабочих, а именно: Якиманская — 960, Сущевская — 900, Мясницкая — 773, Сретенская — 769. Три части имели от 100 до 300 рабочих: Мещанская — 283, Арбатская — 191, Пречистенская — 113. Наконец, Городская часть имела всего 75 рабочих.

Как видим, наибольшее число рабочих имели периферийные, наименьшее — центральные части Москвы.

Комиссия строений, ведавшая застройкой города, должна была считаться не только с наличием на периферии крупных фабрик с большим числом рабочих, но и с вредностью производства некоторых из них. Оставление на периферии зеленых рощ, садов, огородов, возможно, имелось в виду при застройке кварталов фабричными строениями и рабочими жилищам.

Всего Москва к 1843 г. имела 41 176 фабрично-заводских рабочих и не менее 30 тыс. мастеров, подмастерьев и учеников в ремесленных мастерских. В совокупности они составляли около четверти всего населения Москвы, и на рабочих не без боязни посматривала местная администрация. Как узнаем из следующей главы, генерал-губернатор Москвы граф А. А. Закревский в 1849 г. добился запрещения впредь строить в Москве большие предприятия и расширять существующие. Правда, это запрещение было скоро обойдено жизнью.

ПЛАНИРОВКА МОСКВЫ В 1825—1843 ГОДАХ

Планировка Москвы за этот период отражена в изданных планах. То, что было запроектировано в планах 1817—1824 гг., изданных Комиссией строений и директором ее Чертежной Челиевым в 1818, 1819 и 1824 гг.[21], в той или иной степени было перенесено и на следующие планы. По исследовании оказалось, что изменения вносились в связи с фактическим осуществлением начертанного на «прожектированных» планах. Например, на всех последующих планах показаны: Манеж на Моховой ул., Воскресенская пл., Театральная пл. (в границах, утвержденных 10 ноября 1821 г.), застроенный квартал до Лубянской пл., Лубянская и Варварская пл. и пр.

После плана 1824 г. были изданы следующие планы: 1) Сыроежина и Трухачева в 1825 г. с 14 видами Москвы на полях (он упоминался выше)[22]; 2) два издания плана Савинкова в 1826 г. и одно в 1827 г.; на плане 1827 г. на полях справа и слева изображено по 5 зданий Москвы[23]; 3) официальный новый план 1830 г., напечатанный в Полном собрании законов Российской империи[24], на нем Москва разбита на 17 полицейских частей вместо 20; 4) план 1833 г. с 4 видами, размещенными по углам[25]; 5) план Одинцова 1836 г.[26], на нем на Воробьевых горах уже нет места, предназначавшегося для постройки храма Христа Спасителя; 6) план 1841 г., охватывающий и местности за Камер-Коллежским валом вблизи города, составлен генерал-майором Ф. Ф. Шубертом в Военно-топографическом депо[27] в Петербурге.

Из этих планов наибольшего внимания заслуживают план 1830 г. и план 1841 г., которые мы и сравниваем между собою, вспоминая и «прожектированные» планы 1817—1824 гг.[28].

План 1830 г., «Подлинный доставлен от Г. Московского Военного Генерал-Губернатора (Московской городской думе.— *П. С.*) Генваря 4-го дня 1830 года», о чем говорит надпись в левом верхнем его углу, очевидно, составлялся в 1829 г. На нем нанесено уже 17 полицейских частей вместо прежних 20, а деление Москвы на 17 частей было произведено именно в 1829 г.[29]. Н. А. Скворцов говорит об этом плане в своей книге: «В 1830 г. (неверно: в 1829 г. — *П. С.*) произведены измерения всех отдельных владений в Москве и границы их нанесены на план того же года, составленный в одном экземпляре и хранящийся в архиве Московской городской думы»[30]. Очевидно, с этого плана большого масштаба выгравирована копия в малом масштабе — 300 сажен

в дюйме[31] для Полного собрания законов, а затем и для общего употребления. План изображает московские улицы в утвержденных Комиссией строений «прожектных» красных линиях. Улицы, переулки, площади даны без названий. Здания на плане показаны только казенные, общественные, церковные и монастырские. Кроме того, на плане указаны реки, ручьи, пруды и отдельные местности. В предместья Москвы включены пространства, которые в 1722 г. по указу Петра I были введены в состав города.

Отдельные местности на плане 1830 г. имеют следующие отличия от плана 1825 г. (планировка Кремля, как и ранее, оставлена в стороне):

Китай-город. Гостиный двор, в отличие от предыдущих планов, где он был показан состоящим из отдельных зданий и только по Ильинке имел сплошную застройку, на плане 1830 г. застроен полностью со всех сторон.

Белый город. Арбатская пл. показана уже не в виде большого прямоугольника от Антипьевского пер. до Арбата, как в 1825 г., а начинается у Малого Афанасьевского пер., составляя между своим началом и церковью Тихона Амафунского (на ее месте сейчас первый вестибюль станции метро «Арбатская») квадрат, в середину которого вливается Знаменка.

Перед Троицкими воротами не прямоугольная, как в 1825 г., а квадратная площадь.

Исчезнувший на плане 1825 г. тупичок из Богословского пер. к Столешникову — остаток прежнего сквозного Важенского пер. — снова появился на плане 1830 г.

На Неглинной ул. показан старый Мытищинский водопровод с фонтаном напротив Рахмановского пер. Канал р. Неглинной в подземной трубе проходит под юго-восточным углом здания Малого театра, по южной половине Театральной пл., посреди Воскресенской пл. и теряется в средней аллее Верхнего Александровского сада.

Квартал на Театральной площади, ныне занимаемый гостиницей «Метрополь», уже запланирован под застройку.

Фроловский пер. вновь пересекает Юшков пер., а не только доходит до него, как на плане 1825 г.

Петроверигский пер. снова показан с тупичком от первого колена, идущего с Маросейки к югу.

Козьмодемьянский пер. дан не в виде колена из двух прямых линий, как на плане 1825 г., а в виде кривой линии, направленной от Покровки к Малому Ивановскому пер.

Показана уже Хитровская пл. в виде трапеции.

Покровский бульв. соединен с Яузским бульв.

Земляной город. Болотная пл. показана только между Всехсвятской ул. и Фалеевским пер., а не между Всехсвятской и Балчугом, как в 1825 г. По северной границе площади показана улица до Фалеевского пер. Кроме последнего к Софийской набережной помечен еще один переулок.

В 1830 г. не показан Зверев пер. с Садовнической ул. к Водоотводному каналу.

Между Большой Полянкой и Большой Якиманкой у Водоотводного канала начертан небольшой квартал, которого не было в 1825 г. и который позднее вошел в состав Якиманской набережной.

На Пречистенской набережной, к югу от Савеловского пер., намече-

ны два строительных квартала, малый и большой, которых не было на плане 1825 г.

На Земляном валу между Остоженкой и Пречистенкой показан уже Зубовский бульв. с замыкавшим его домом. Показан и Смоленский бульв., проходивший и по Смоленской-Сенной пл., до замыкавшего эту площадь дома на продолжении южной стороны Арбата к Смоленской ул.

Новинский бульв. начинался от дома, стоявшего на северной стороне продолжения Арбата к Смоленской ул. и, прерываясь у Карманицкого, Проточного, Новинского и Девятинского пер., доходил до дома, стоявшего на продолжении Поварской ул., к Кудринскому пер. Деревья на бульваре еще не насажены и между Проточным и Девятинским пер. показано Новинское гулянье.

По всему остальному кольцу Земляного вала показаны деревья у домов — палисады.

Из Трубниковского пер. на Новинский бульв. ведет переулок вблизи Поварской ул., которого нет на плане 1825 г.

Исчез бывший на последнем плане проезд между Большой и Малой Никитскими ул. западнее церкви Большого Вознесения: здесь стоит еще старое здание этой церкви.

С Большой Бронной идет тупичок к северу, к Сытинскому тупику, но не доходит до него. Между Трубной и Самотечной пл., на Самотечном (Цветном) бульв., показаны еще открытый канал р. Неглинной и насаждения по его сторонам, которых нет на плане 1825 г.

Между Цветным бульв. и Трубной ул. — три поперечных переулка вместо одного в 1825 г.

За Земляным городом. К востоку от Коломенской-Ямской ул., на месте путей нынешней железной дороги, показан ручей.

Между Серпуховским шоссе и Павловской ул. помечено не 19 продовольственных магазинов, а только 15.

Большая Калужская по обеим сторонам обсажена деревьями.

От стыка Стремянного пер. с ул. Щипок к Валовой ул. идут 2 переулка.

Арсеньевский пер. (ул. Павла Андреева) продолжен прямой линией до Шаболовки.

Камер-Коллежский вал с юга охватывает Андреевскую богадельню, Малая Калужская ул. начинается коленом от Большой Калужской ул. севернее Ризположенского пер.

На Воробьевых горах показан регулярный сад напротив проектированного места постройки храма Христа Спасителя. Так как строительство храма было отменено в 1827 г., это наводит на мысль, что план 1830 г. начал составляться уже в 1827 г., а может быть и раньше.

Вместо трех улиц, или дорог, в Лужниках — одной от слободы Лужники и двух от слободы Шереметевки к Лужнецкой заст. на Камер-Коллежском валу (у конца современного Лужнецкого пр. вдоль восточной стены Новодевичьего монастыря) — показана лишь одна средняя улица-дорога от слободы Шереметевки, с которой идет тупичок к слободке Лужники, южнее церкви в последней.

Большая Пресненская ул. показана обсаженной деревьями. С Живодерки появились два тупика к югу, в междуречье Бубны и Кабанихи.

Между Бутырским валом, Новослободской и Лесной ул. появились севернее Бутырской тюрьмы два переулочка, как бы продолжающие к западу два переулка от Тихвинской ул.

С Селезневки, к востоку от Сущевской ул., возник тупичок к северу.

Сеть радиальных и кольцевых улиц к востоку от 1-й Мещанской ул., не показанных на плане 1825 г., снова появилась на плане 1830 г.

От Преображенской ул. к северу идет уже не одна улица до вала, с переулком к Яузе и тупик на север, как в 1825 г., а две параллельные улицы, пересекаемые двумя к ним перпендикулярными.

Между дугой р. Яузы, Дворцовым мостом, Вознесенской ул. и Немецкой ул. на месте пустыря — парк.

Вот основные замеченные нами отклонения на плане 1830 г. от плана 1825 г. в пределах Камер-Коллежского вала. Как видим, они невелики и, вероятно, вызваны не планировочными задачами, а нуждами самой жизни, предвиденными в 1817—1824 гг. Комиссией строений. Основная же планировка Москвы как на плане 1825 г., так и на плане 1830 г. совпадает.

План 1830 г. был помещен в Полном собрании законов, что делало его официальным документом впредь до его законодательного пересмотра.

Одновременно с общим планом Москвы Межевым отделением Комиссии строений были составлены в более крупном масштабе планы на каждую из 17 полицейских частей города, рисующие полную картину каждой части. На них под отдельными номерами показаны все улицы, переулки, площади, проезды, а также дворовые места с находящимися на них постройками, садами, прудами, огородами. По сторонам планов проставлены крепостные номера дворовых мест и земель с указанием, кому они принадлежат. Это был новый тип «прожектных» планов, основанный не только на графическом изображении красных линий, как прежде, но и на числовых величинах. Эти планы частей, несомненно, служили для практических целей при разрешении построек и были взяты впоследствии за основу составленных в 1886—1901 гг. новых планов регулирования улиц города.

Москва середины XIX века — город, построенный по планам Комиссии строений. В этот период (1813—1843 гг.) достигла расцвета землемерная деятельность в области городских геодезических и нивелирных работ [32]. Выпрямление и расширение улиц по красным линиям, начертанным на планах улиц Межевым отделением Комиссии строений, вызывало неизменное сопротивление со стороны домовладельцев, не желавших идти навстречу нуждам города. При этом частные владельцы ссылались на закон 1752 г., обязывавший город покупать предназначенные к сносу строения по «справедливой цене» или ждать, когда строение совсем обветшает и домовладелец сам будет просить разрешения снести его, чтобы построить новое. К этому присоединилась вечная нехватка у города средств для выкупа подлежащих сносу домов. В силу этих причин расширение и выпрямление улиц шло чрезвычайно медленно, и сейчас еще можно видеть на некоторых улицах центра Москвы, например на ул. Герцена, выдвинутые вперед от общей линии улицы дома. Они принадлежали большей частью знати либо церквам. Однако новые дома ставились уже на красной линии, и улицы мало-помалу расширялись.

Приезжавшим в Москву из Петербурга и других новых городов, где все дома строились почти одновременно, по красным линиям, особенно бросались в глаза ломаные московские улицы. В. Г. Белинский писал в 1841 г.: «Петербуржцу, приехавшему в Москву, покажут Твер-

скую улицу, и он с изумлением увидит себя посреди кривой и узкой, по горе тянущейся улицы с небольшой площадкой с одной стороны (ныне Советская пл. — *П. С.*). Со странным чувством увидел бы он, привыкший к прямым линиям и к углам, что один дом выбежал на несколько шагов на улицу, как будто бы для того, чтобы посмотреть, что делается на ней, а другой отбежал на несколько шагов назад, как будто из спеси иль из скромности, смотря по его наружности»[33].

После плана 1830 г., основанного на материалах специальной съемки Москвы, в течение 10 следующих лет вышло только несколько переизданий прежних планов. Так, в 1836 г. вышло переиздание плана 1830 г., ничем почти от него не отличающееся[34]. О более мелких планах при разных указателях и путеводителях говорить не имеет смысла.

Лишь в 1841 г. вышел новый план Москвы в масштабе 200 сажен в дюйме, основанный на специальной тригонометрической съемке Москвы с ближайшими к ней окрестностями: на севере — село Бутырки; на северо-западе — село Всехсвятское; на западе — село Покров и дер. Фили; на юго-западе — село Троицкое-Голенищево; на юге — слобода Даниловская; на юго-востоке — село Карачарово; на востоке — село Александровское и на северо-востоке — село Черкизово. План озаглавлен так: «План столичного города Москвы, гравированный со съемки Г. Л. Шуберта при Военно-Топографическом Депо. 1841»[35]. План снабжен «Изъяснением» в двух отдельных книжках на русском и французском языках. Но так как план и «Изъяснение» составлялись не в Москве, а в Петербурге, то в «Изъяснение» вкрались некоторые ошибки и неточности, которые не были бы допущены москвичами. Например, церковь Антипия в Антипьевском переулке названа «ц. Антония Чуд.», Александровский сад у Кремля назван «Кремлевский Александровский сад», Молчановка — «Волчановка» и т. п. При всем этом по точности начертания и четкости обозначений план Шуберта 1841 г. — один из лучших планов Москвы первой половины XIX века.

Буквы на плане перед именем Шуберта — Г. Л. — обозначают не его имя и отчество, а чин — генерал-лейтенант. Звали же Шуберта Федор Федорович. Впоследствии он был начальником корпуса военных топографов и гидрографического депо в Петербурге.

Перейдем к тому, что дает нового этот план в сравнении с планом 1830 г.

Кремль. Планировка его остается прежней, как и в 1830 г. Новостью являются показанные на плане 1841 г. помосты для пушек перед старым зданием Оружейной палаты и Арсеналом.

Китай-город. Никаких изменений нет.

Белый город. Троицкий каменный мост в Александровском саду не имеет уже пандусов в Верхний сад и лестниц в Средний сад.

На месте церкви Николы в Сапожке — пустое место. На месте Алексеевского монастыря, кварталов и переулков близ него — квадрат с крестом внутри — проект строительства храма Христа Спасителя. Показана и лестница от храма к Москве-реке. Но на месте будущих скверов — пустые места.

В 1838 г. Алексеевский женский монастырь, стоявший с 1572 г. на холме в юго-западном углу Белого города, был переведен на Верхнюю Красносельскую ул., а его здания на старом месте снесены, как и здания в соседних кварталах между ул. Волхонкой и Москвой-рекой, Лесным и Всехсвятским пер. Стоявшее на Волхонке пожарное депо было переведено на Пречистенку. Образовавшийся здесь огромный пустой четырехугольник, подсыпанный землей и выровненный, был отве-

ден под строительство на нем огромного храма Христа Спасителя. Строительство его вчерне было закончено в начале 1860-х годов, но окончательно храм был завершен только к 1882 г. Автор проекта — архитектор К. А. Тон.

Перед домом Апраксина на Пречистенском бульв. показан пустой двор, намечающий красные линии внутреннего проезда этого бульвара и ул. Знаменки.

С Волхонки между Большим и Малым Знаменскими пер. — тупик к зданию 1-й гимназии.

Перед домом Пашкова на Моховой (ныне старое здание Библиотеки имени В. И. Ленина) только пруд, сада нет.

На Театральной пл. на месте здания гостиницы «Метрополь» — двор купца Челышева с банями во дворе. От дома Челышева у стены Китай-города — бульварчик до Воскресенской пл.

Тупика из Богословского пер. к Столешникову пер. на месте бывшего сквозного Важенского пер. больше нет.

На Неглинной ул. от Рахмановского пер. до Трубной пл. показан Трубный бульв. с проездами по сторонам, а у Рахмановского пер. — один фонтан (Сандуновский) вместо бывших на Неглинной ул. трех.

Фроловский пер. дан лишь в виде тупичка со Сретенского бульв.

В Петроверигском пер. в южном углу показана еще церковь (хотя она упразднена в 1840 г.).

От Хитровской пл. и Подколокольного пер. на Яузский бульв. показан один Петропавловский, а не два переулка.

Земляной город. С Садовнической ул. кроме Зверева и Комиссариатского пер. помечен еще один — в Овчинники. Все эти переулки с деревянными мостами через Водоотводный канал.

Между Татарскими ул. и Водоотводным каналом — большие огороды с редкими оазисами застройки.

Между Лаврушинским и 1-м Кадашевским пер. показан переулок, который продолжается тупичком к востоку и за 1-й Кадашевский пер.

По правой стороне Крымского вала, за вторым от Калужской пл. переулком до Москвы-реки, — большие огороды.

Смоленский бульв. доходит до Глазовского пер.

Из Трубниковского пер. показан переулок к церкви Рождества в Кудрине и через ее двор — на Новинский бульв.

Нет уже старого здания церкви Большого Вознесения, есть одна лишь ее колокольня, но проезда перед новым зданием церкви еще нет.

Малая Бронная соединена в одну улицу от Тверского бульв. до Садовой.

На месте канала р. Неглинной на Цветном бульв. уже показана аллея с двумя рядами деревьев. Между ней и Трубной ул. — 2 переулка, Малый Сергиевский и Малый Сухаревский.

С Таганской ул., лучше сказать — с Верхней Николоболвановской (ул. Радищева), переулок на север выходит в тупик, идущий на запад от Садовой ул.

Между Земляным и Камер-Коллежским валами. На Зацепском валу от Малого Краснохолмского моста до Большой Кожевнической ул. — большие огороды.

От Зацепы до Даниловского вала, по обе стороны ручья, на том месте, где теперь пути Павелецкой железной дороги, тоже большие огороды.

Между Коломенской-Ямской и Большой Серпуховской ул. внутри кварталов также огороды, сады. Сады и на землях Павловской боль-

ницы — к востоку от главного здания. У Серпуховской заст. нет уже провиантских магазинов. Вместо заставы — полукруглая площадь, от которой к центру идут три луча среди сплошных огородов: западный — к Мытной ул., центральный — к Малой Серпуховке, восточный — к Павловской ул. От современной же Даниловской пл., параллельно восточному проезду-радиусу, идет улица к углу Арсеньевского пер. и Большой Серпуховской.

Между Серпуховской заст. и современной ул. Орджоникидзе есть еще одна улица, перпендикулярная Камер-Коллежскому валу. Она идет от него на север — до Арсеньевского пер. Это современная Хавская ул. Она шла тогда среди огородов.

Между Хавской и продолжением Мытной, параллельно Камер-Коллежскому валу, показана новая улица, прерывающаяся дальше между тремя радиусами от заставы и затем продолжающаяся до Павловской ул. у Подольского пер. Севернее идет другая, параллельная первой, улица, уже без перерыва тянущаяся от Шаболовки до ворот Павловской больницы. Еще севернее третья параллельная улица показана только от Шаболовки до Мытной ул. Все они идут по местности, сплошь занятой огородами.

Это новая и последняя крупная перепланировка, осуществленная Комиссией строений. Она не была предусмотрена ни планом 1817 г., ни завершавшим его планом 1824 г. и вызвана, несомненно, ликвидацией провиантских магазинов и необходимостью как-то использовать их площадь. Сделана она после составления плана 1830 г., на котором еще показаны провиантские магазины.

Теперь, через 100 с лишним лет, мы видим, что восточный радиус был проложен — это Подольское шоссе. Параллельная восточная улица — это Серпуховское шоссе, недавно включенное в Большую Серпуховскую ул. Центральный радиус — Земляная ул., тоже недавно вошедшая в Люсиновскую ул. Осуществлен и западный радиус, продолжавший Мытную ул. от Даниловской пл. до Серпуховской заст. Из параллельных Камер-Коллежскому валу улиц первая совсем не осуществлена. Вторая параллельная улица, нынешний Хавско-Шаболовский пер., осуществлена только между Шаболовкой и Мытной ул. Третья параллельная улица — это современная ул. Шухова. Хавская ул. осуществлена полностью. Все эти улицы имеют теперь переулочки, но они — позднейшего происхождения.

Между Шаболовкой и Арсеньевским пер. современный Конный пер. раньше не сливался с Арсеньевским, продолжавшимся с востока только до Мытной ул. Теперь часть Хавской ул. между Арсеньевским пер. (ул. Павла Андреева) и Сиротским пер. носит название Дровяного пр. Параллельно Донской ул. и близ нее с востока, между Ризположенским пер. и 1-м Донским пр., показан новый переулок.

Между Донской ул. и современной Малой Калужской ул. (которой тогда еще не было, а вместо нее и ее квартала к западу была расширенная в площадь часть Большой Калужской ул.), Ризположенским (Выставочным) пер. и 1-м Донским пр. показан также переулок.

Здесь, между этим переулком и 1-м Донским пр., по Большой Калужской ул. изображены три больших каменных здания с садом к востоку. А между этим переулком и Ризположенским пер. — огород и сад, из построек же только церковь Ризположения с домиками причта.

По западной стороне Большой Калужской ул. от Калужской пл. до зданий бывш. Мещанских училищ — жилой квартал, выходящий и на Крымский вал, с большим домом по линии Калужской ул. На месте

Мещанских училищ — большой дом (Полторацкой, а ранее — Орловой-Чесменской) поодаль от улицы. За задним двором — большой огород и парк с прудами, тоже выходящие на Крымский вал.

Дальше — здания 1-й Градской больницы с огородами позади и Голицынская больница с парком, простирающимся до самой Москвы-реки.

Южнее Голицынской больницы виден переулок с Большой Калужской ул., за которым — многочисленные небольшие строения (фабрика Титова).

Далее идет дворец с регулярным парком впереди и пейзажным позади, называвшийся Александринским (по имени жены Николая I Александры, для которой им был куплен Нескучный сад). Восточнее дворцовых зданий выходили на самую улицу многочисленные служебные постройки, за ними регулярный и пейзажный парки до самой Москвы-реки. Петля Москвы-реки между Бородинским и Крымским мостами показана сплошь застроенной лишь до Малого Саввинского пер. на западе, Девичьего поля в центре и до Хамовнических казарм включительно на востоке. Вся остальная часть петли, кроме Новодевичьего монастыря и полуквартала южнее Малого Саввинского пер., покрыта сплошь полями и огородами, кое-где мелкие домишки.

Камер-Коллежский вал показан здесь только посреди петли реки — по линии современной Окружной железной дороги, а в Лужниках только одна улица — современный Лужнецкий пр. вдоль восточной стены Новодевичьего монастыря и южнее, делающий в середине Лужников колено к юго-востоку, выходившее на пустырь.

Современные ул. Малая Пироговская, Усачева, Большие и Малые Кочки лежат между сплошными огородами. Среди них только 4 владения с большими садами.

Девичье поле в виде продолговатого неправильного четырехугольника показано между Новоконюшенным пр. и монастырем, современной Погодинской ул. и (в северной половине) Боженинским пер.

В Дорогомилове Камер-Коллежский вал показан лишь от Красного луга (местности, занимаемой ныне железной дорогой). Редкая застройка вдоль Большой Дорогомиловской ул. и Бережковской набережной. Малая Дорогомиловская ул. идет среди огородов, с несколькими дворами в первой половине.

Близ Красного луга огороды распланированы двумя накрест лежащими дорогами и дорогами по периметру, граничащими с Красным лугом и Камер-Коллежским валом. На валу виден один лишь двор с 7 маленькими строениями.

На Пресне между Большим Трехгорным пер. и Трехгорным валом — поле с одним лишь двором на валу. Выход к валу Большого Предтеченского пер. только намечен.

А. С. Пушкин, бывавший в 1829 г. у Ушаковых на Пресне (ныне ул. Заморенова, 16), записал в альбом Елизаветы Ушаковой:

Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас певал
В те дни, как Пресненское поле
Еще забор не заграждал.

Большой Трехгорный переулок, имевший между Большой Пресней и Николо-Ваганьковским пер. только одну восточную сторону, отсюда до Москвы-реки продолжался настоящим переулком, имея по восточной стороне фабрику Прохоровых, а по западной — владения кн. Гагарина.

Почти таким же был тогда и современный Малый Ново-Песковский пер.: западной стороны у него не было, не было и квартала между ним и Москвой-рекой.

Кроме дворов по Большой Пресне между Камер-Коллежским валом и Малой Грузинской ул. к северу от вала были огороды и пустыри, на которых кое-где стояли маленькие домики. Малая Грузинская ул. на севере доходила только до современной ул. Климашкина. За ней до Большого Тишинского пер. строения стояли вперемежку с огородами, а дальше к северу, до Камер-Коллежского вала, одни только огороды. У Камер-Коллежского вала по обеим сторонам р. Пресни были сады.

Расторгуевский пер. на плане не показан. Волков пер. доходил только до современной Зоологической ул. Его продолжением к северу была открыто текущая Пресня. Большие огороды от нее доходили до строений по Большой Грузинской улице.

На Живодерке вся правая сторона этой улицы, до строений по Большой Садовой, занята огородами.

Миусское поле — огромный квадрат — доходило на севере до Лесной ул., на юге — до 4-й Миусской ул., на западе — до 3-й Тверской-Ямской, на востоке — до 1-й Миусской ул. У всех этих улиц застроенной была только одна сторона — противоположная Миусскому полю. Но 1-я Миусская ул. имела и здесь больше огородов, чем строений.

Между Бутырским валом, Лесной и Новослободской ул., за Бутырской тюрьмой, нет показанных на плане 1830 г. переулков, продолжавших к Бутырскому валу Вадковский и Тихвинский пер.; здесь только огороды без проездов.

Между Вадковским пер. и Сущевским валом — сады, а южнее — огороды до Палихи, со строениями по улицам и переулкам, но иногда выходящие и на них.

Между Тихвинской и Бахметьевской ул. нет ни одного переулка — сплошь огороды и сады, а текущая с севера на юг р. Неглинная в нескольких местах запружена.

Александровская ул. застроена с юга только до Трифоновской ул.; дальше по обеим ее сторонам — огороды, среди которых от угла ее с Трифоновской ул. кривая линия дороги ведет к воротам Лазаревского кладбища.

Между Щемиловским туп. и Божедомским пер. — огромные сады и большие здания; в северо-восточной части — три пруда Неглинной.

Среди огородов показаны с Селезневки переулочек и тупик к Новой Божедомке.

Лазаревское кладбище засажено только в восточной части. Между ним и 1-й Мещанской ул., севернее Трифоновской ул., — огороды. Они спускаются и к югу до Больничного пер.

Александровской пл. не видно. Екатерининская пл. спланирована полукруглой на юге. Екатерининский парк еще не насажен и спланирован только до линии Божедомского и Самарского пер. Южнее — огород и Самотецкий пруд. Между этой линией и 4-й Мещанской ул. — сады и огороды, прорезаемые одной Старой Божедомкой.

Между 1-й Мещанской ул., Крестовским валом, Протопоповским пер. и Краснопрудной ул. нет уже той сетки улиц, которая изображена на планах 1817—1830 гг. Здесь почти все пространство занято пустырями и огородами, между которыми видна только трасса Большой Переяславской ул., не доходящая на севере до 3-й Переяславской ул., и большая поперечная улица, начинающаяся у 1-й Мещанской. Она идет на востоке среди огородов и пустырей и спускается к концу современ-

ной Верхней Красносельской ул. Отсутствие прежней сети проектированных улиц стоит в несомненной связи с начавшимся здесь в конце 1830-х годов проектированием вокзала Петербургско-Московской железной дороги, ее главной магистрали и запасных путей.

Каланчевская ул. показана только между продолжением к ней Протопоповского и Грохольского пер. Южнее она составляла западную часть Каланчевского поля и лишь к югу от Домниковки — снова улицу.

Орликова пер. еще нет. Дьяковский пер. намечен как продолжение к востоку Докучаева пер.

Между Верхней Красносельской ул. и р. Рыбенкой (современные Рыбенские ул.) показан большой сад, вокруг которого пустыри и огороды

Сокольнический парк еще не распланирован по радиально-кольцевой системе, как теперь. У него близ Камер-Коллежского вала распланировано по шахматной системе несколько улиц. Южнее их, до Стромынки и за нею до ул. Матросская Тишина, — огромное Сокольническое поле в виде неправильного многоугольника (а не прямоугольника, как на предыдущих планах). По полю проложены разные дороги неправильной формы. Новая Басманная ул. за сплошной застройкой ее обеих сторон имеет огромные сады внутри кварталов, доходящие почти до Нижней Красносельской и Старой Басманной ул. С западной стороны Красного пруда показан на месте бывшего Артиллерийского полевого двора Артиллерийский полевой парк. Не описка ли это? От него и пруда к югу показано треугольником поле до Ольховской улицы, на нем — маленький двор и строение смотрителя Мытищинского водопровода.

На месте теперешнего Казанского вокзала — огород. Ольховская ул. доходила отсюда до Сокольнического поля.

Между Сокольнической рощей и Стромынкой близ Яузы показаны только Ермаковская (ул. Короленко) и Колодезная ул. Севернее последней на берегу Яузы виден участок, застроенный множеством небольших зданий (Матросская слободка?). Южнее же Стромынки — Екатерининская богадельня в виде квадрата с двором внутри, от западных ворот которого идет по южной стороне Сокольнического поля ул. Матросская Тишина.

За Яузой, севернее Преображенской ул., у Камер-Коллежского вала большой массив зелени — дача № 95. Восточнее ее — пустыри, разрезаемые лишь современной Потешной ул., и половина Петровской (5-й Бухвостовой) ул. близ Преображенской ул. Застройка показана лишь близ Преображенской ул., все же остальное пространство до Камер-Коллежского вала и Яузы покрыто полем и огородами.

Между окончанием на юге Генеральной, Бужениновой, Суворовской и 9-й роты ул. и Хапиловским прудом — огороды. Они же и между Генеральной ул. и Яузой.

К югу от р. Хапиловки, текущей из Хапиловского пруда в Яузу, — Введенская площадь и Малая Семеновская ул. К югу от Большой Семеновской ул. — множество огородов и полей, среди которых оазисом лежит какой-то небольшой поселок с садами, двумя прудами и уличкой со строениями. На правом берегу р. Синички расположено Немецкое (Введенское) кладбище с небольшими строениями, разбросанными у пруда.

К югу от р. Синички, близ впадения ее в Яузу, начинались сады и огороды, а затем и строения Военного госпиталя.

Кроме Госпитального моста выше по Яузе указан еще один мост.

Между Военным госпиталем и Владимирской ул. — большая Лефортовская пл.

Другая большая площадь лежит южнее, между Екатерининским дворцом и Анненгофской рощей, имевшей две крестообразно расположенные аллеи. Дворцовый сад (ныне парк МВО) отделяется от дворца обширным двором с двумя прудами.

По правому берегу Яузы от Екатерининской богадельни и Дома умалишенных (Преображенской больницы) к западу до Рубцова моста — очень слабая застройка среди полей, садов и огородов. Речка Рыбенка перед впадением в Яузу образует на территории Покровского дворца длинный пруд.

Южнее Покровской ул. показаны Ирининская и Большая Почтовая ул., но между последней и Яузой — только огороды и пустыри. Рубцов пер., Ладожская ул. и Госпитальный пр. лежат среди них. Ниже Госпитального пр. за огородом — обширный сад со строением и прудом.

Современная Лефортовская пл. тянется прямоугольником и по Коровьему броду — до места, где теперь здания МВТУ, и только отсюда продолжается улицей. Она вся в садах.

Гороховская ул. идет от Земляного вала. Между Нижним Сусальным пер., продолжавшимся параллельно Земляному валу до Сыромятников, и Яузой почти нет строений, одни сады и огороды. За Яузой — то же самое до Камер-Коллежского вала. Но здесь, за Единоверческим монастырем с двумя церквами, лежит прямоугольный квартал с улицами по краям и площадью к югу. Это — конец Золоторожской ул.

Южнее Крутицких казарм поселок Арбатец уже разделен не на два квартала улицей, идущей с севера на юг, а в восточном квартале видна и поперечная улица к Симоновскому валу, из которой к северу идет еще переулок.

Южнее поселка Арбатец среди полей лежат островами Пороховые склады, Симонов монастырь и у самого окончания Камер-Коллежского вала, у Москвы-реки, — Симонова слобода.

За Камер-Коллежским валом. Как указано выше, план Шуберта охватывает Москву не только в пределах городской границы — Камер-Коллежского вала, как все планы 1810—1830 гг., а дает также изображение местностей, лежавших за валом, которые только в конце XIX века вошли в границы Москвы. Поэтому мы опишем их возможно подробнее, пользуясь не только планом, но и «Изъяснением» к нему. Не будем называть лишь собственников дач и других владений.

На юге, за Серпуховской заст., видна большая часть современной Большой Тульской ул. с одним лишь Староданиловским пер., ведущим к Москве-реке, и современным Холодильным пер. — от него к югу. По восточной стороне улицы несколько отдельных застроенных участков, а дальше до Москвы-реки множество небольших, беспорядочно раскинутых строений. Между ними — огороды и пустыри. Они заполняют собой пространство и к западу от Большой Тульской ул. до проезда от Камер-Коллежского вала против Шаболовки. Здесь посреди садов — участок с маленькими строениями. Это миткалевая фабрика. За ней до тупиковой улицы, идущей от Серпуховской заст. на юго-запад, снова поля и огороды, а недалеко от Калужской заст. несколько небольших зданий паточного завода. Даниловское кладбище, видимо, не показано; но севернее его, у самого Камер-Коллежского вала, — зеленые насаждения.

Между Калужской заст. и развилкой Воробьевского и Калужского шоссе — улица, застроенная по обеим сторонам, с огородами позади зданий.

Между Нескучным садом и Мамоновской дачей — поле, а у Москвы-реки — здания Андреевской богадельни. Мамоновская дача показана с дворцовым и другими зданиями в западной ее половине, а в восточной — регулярный и пейзажный парки, тянущиеся до Москвы-реки. Дача начиналась как раз у развилки двух шоссе — Воробьевского и Калужского.

Дальше, от Воробьевского шоссе до Даниловского татарского кладбища, лежавшего к югу от миткалевой фабрики, среди полей — пять кирпичных заводов с небольшими строениями. На правой стороне шоссе, за Мамоновской дачей, — Воробьевские казармы из нескольких маленьких зданий. Вероятно, здесь жили строители витберговского храма Христа Спасителя на Воробьевых горах, стройка которого была прекращена в 1827 г. Напротив них, по левой стороне шоссе — «Загородный пересыльный замок». По берегу Москвы-реки — лес.

Недалеко от Воробьевского шоссе указано крестом место закладки храма Христа Спасителя. А почти напротив, по другой стороне шоссе, как мне кажется, ошибочно указано самое место для храма в виде неправильной формы овала. Судя по пейзажному парку позади него и регулярному юго-восточнее него, это скорее место Воробьевского дворца (существовавшего в XVI—XVIII веках), а не храма. Еще дальше, по обе стороны шоссе, указаны дворики села Воробьева; их много по левой стороне шоссе и несколько по правой; там же, справа, и церковь. За церковью — извилистая дорога по склону холма к Москве-реке, на берегу реки — лес. За селом Воробьевым шоссе идет по бровке берегового холма; между шоссе и Москвой-рекой — лес, а по другой стороне шоссе — поле, тянувшееся до р. Сетуни; на нем было разбросано шесть кирпичных заводов с 10—20 постройками в каждом.

На другом берегу Сетуни, недалеко от ее устья, находится скотный двор Воспитательного дома с садом и огородом; севернее его, близ Москвы-реки, — Красный луг, а за ним огороды до самого Можайского шоссе. По другой стороне этого шоссе находились Дорогомиловские кладбища (христианское и еврейское) и бойни. Затем параллельно шоссе шла линия из двух десятков маленьких двориков одинакового вида, с домиками впереди, огородами позади. Перед домиками намечена улица, по другой стороне которой перед каждым двориком показано маленькое строение. Похоже, что это — деревня Фили с намеченной новой ее планировкой в духе великорусской деревни. Но церкви Покрова в Филях и речки Фильки не видно.

За Трехгорной заст. показан Студенецкий пер. — прямой до прудов, из которых вытекал впадающий в Москву-реку ручей Студенец, и кривой дальше. По северной стороне этого переулка находились поля и огороды, по южной — вначале тоже огороды и пруд, а за ним дача «Студенец» с регулярным садом, прудами и большим барским домом на высоком берегу Москвы-реки. Ручей Студенец протекал по западной стороне этой дачи. За дачей была роща и продолжение Мантулинской ул. до другого ручья, впадавшего с севера в Москву-реку. Дальше — опять огород и рощи, а за ними большая деревня Шелепиха вдоль изгиба к северу Москвы-реки. Множество разновеликих двориков, расположенных в один ряд, с домиками впереди, показывали улицу, на другой стороне которой также стояли небольшие строения.

Ручей Студенец вытекал из двух прудов, расположенных с севера

на юг. По восточной стороне первого пруда и по западной второго было разбросано по нескольку маленьких строений. Между этими прудами намечался к востоку проезд по линии современного Шмитовского пр.

От Пресненской заст. к западу показано Звенигородское шоссе. По южной стороне его, среди полей и огородов, виден квадрат сального завода, а дальше — строения постоялого двора.

Севернее Звенигородского шоссе от заставы шла дорога к большому массиву зелени — Ваганьковскому кладбищу, перед которым было еще Армянское кладбище. За Ваганьковским кладбищем, севернее Звенигородского шоссе, показаны строения порошкового завода.

Перед кладбищем от Звенигородского до Петербургского шоссе проходила прямая дорога, в части которой можно узнать современную Беговую ул. Восточнее ее большой овал — Конская скачка, западнее — три параллельные дорожки с закруглениями по концам между ними — Рысистые бега.

В некотором отдалении отсюда видно начало Воскресенского (Хорошевского) шоссе, которое вело к трем десяткам выстроенных в линии однообразных строений — военных лагерей.

По левой стороне Петербургского шоссе видны маленькие дачи с садиками и большими огородами позади, конечно к ним не относящимися. Такие же дачи стояли и по правой стороне шоссе до ул. Старой Башиловки и поворачивали под прямым углом по ней у южного окончания Петровского парка. Между этими дачами показано еще пять спланированных, но не занятых строениями участков.

Петербургское шоссе пересекалось р. Пресней, которая текла от пруда в южной части Петровского парка, и ее притоком, соединявшимся с рекой на Ходынском поле, в огородах позади дач. Волоколамская дорога начинается у южной оконечности Петровского парка (а не у развилки шоссе, как теперь).

За Тверской заст. не видно места прежних медвежьей травли и заячьих садков.

Село Всехсвятское расположено главным образом по правой стороне Петербургского шоссе, вдоль него; только церковь и несколько дворов стоят по левой стороне шоссе.

Между Всехсвятским и военными лагерями — лес, за ним видны две дачи.

По правой стороне шоссе, ближе к городу, виден Петровский дворец с пятью лучевыми просеками за ним и парком вправо до Старой Башиловки (Новой Башиловки тогда еще не было). За дворцом и парком к северо-западу и северо-востоку много небольших строений (деревня Зыково и др.).

Дальше к северо-востоку показаны парк нынешней Тимирязевской сельскохозяйственной академии, поля, сады и огороды, отделяющие от современной академии Бутырскую слободу с четырьмя продольными улицами. Между слободой и Бутырской заст. — пруд. От заставы к Петровскому парку — улица, современная Нижняя Масловка. Верхняя Масловка до парка застроена лишь по левой стороне.

Марьина роща показана подлинной рощей с широкой продольной просекой посреди, идущей с юга на север. К северо-западной части рощи идет от Бутырской заст. прямая дорога, посреди которой среди огородов только один двор — сальный завод. Южнее показаны Миусское кладбище, огород от него к востоку и за ним мыльный завод с прудами. И кладбище и завод примыкают к Сущевскому Камер-Кол-

лежскому валу. Между мыльным заводом и Марьиной рощей — несколько маленьких строений Цыганского трактира.

За Крестовской заст. Ярославское шоссе идет сначала среди огородов, а затем среди полей. Справа от шоссе к северу — сальный завод, а за заводом — Холерное кладбище, где были похоронены умершие от холеры в 1830—1831 гг.

Слева от заставы отходит к Останкину прямая дорога, лежащая среди огородов, а затем среди рощ.

Сокольническая роща еще не спланирована по радиально-кольцевой системе, как теперь, а имеет много ручьев и дорожек, пересекающих ее в разных направлениях.

В восточной части Сокольнической рощи, между ее главным массивом и небольшим массивом у Яузы, на дороге в село Богородское — огромный пустырь, на нем показано: «Немецкие столы (станы)».

На левой стороне Яузы среди полей один кирпичный завод. А ближе к Преображенской заст. за Камер-Коллежским валом снова Холерное кладбище. К востоку от него за полями — обширное село Черкизово, с Архиерейским прудом посреди, из которого к югу, в Хапиловский пруд, течет речка Сосенка.

К югу от Преображенской заст. за Камер-Коллежским валом — два старообрядческих монастыря: мужской и женский, Преображенское старообрядческое кладбище и опять огороды до самого Хапиловского пруда.

По южному берегу этого пруда, к востоку от Камер-Коллежского вала, показаны два кирпичных и красильный заводы, белильная и суконная фабрики. У вала, южнее кирпичного завода, еще одна суконная фабрика. Большие кирпичные заводы показаны и на юго-востоке от Хапиловского пруда, а также по обеим сторонам дороги от Семеновской заст. Южнее вдоль Камер-Коллежского вала помечены два неправильных прямоугольника зелени. Это — Семеновское кладбище. Далее к югу, за огородами, на правом берегу р. Синички, лежит еще один зеленый массив — Немецкое кладбище.

Еще дальше к югу — опять огороды, а за ними — большой массив Анненгофской рощи. К востоку от рощи находился «Лазурный завод», должно быть, завод красок.

За Рогожской заст. до современной Авиамоторной ул. по обеим сторонам Владимирского шоссе — множество небольших двориков с огородиками позади, а за ними к северу и к югу — пустые поля.

К югу от заставы близ Камер-Коллежского вала — дегтярный завод.

За Покровской заст. у Нижегородского шоссе — Рогожское старообрядческое кладбище с церквами, многими небольшими однообразными строениями (кельями) живших при общине старообрядцев и парком в северной части.

Дальше по шоссе — деревня Хохловка с двориками по обеим сторонам шоссе, маленькими огородиками при каждом, еще дальше по шоссе — село Карачарово.

Вправо от Нижегородского шоссе показано Мирское кладбище (современное Калитниковское). Между ним и городом — бойни, восковой и сальный заводы. Вокруг — незастроенные поля.

От Спасской заст. показано Перервинское шоссе, в начале которого по обеим сторонам шоссе—поселок. Это деревня Дубровка. Вокруг— поля, среди которых маленькое старообрядческое кладбище. К востоку от Симоновского вала — поля. Среди них небольшими островками

расположены бывшие батареи, Холерное кладбище и огороженный квадратом стен неправильной формы Лизин пруд.

Южнее изгиба к западу Москвы-реки среди полей и огородов показано: «Промывка шерсти».

Таково в общем содержание плана Шуберта 1841 г. Он показывает не только планировку Москвы, но отчасти и ее застройку. И та и другая происходили до 1843 г. под руководством Комиссии строений.

План 1841 г. впервые дал Москву за Камер-Коллежским валом, когда эта территория официально еще не входила в состав города. Но здесь были расположены восемь больших городских кладбищ, созданных в 1771—1772 гг., к которым за счет города были проложены мощеные дороги, освещаемые по вечерам фонарями. Были здесь также маленькие чумные и холерные кладбища.

Множество фабрик и заводов, тяготевших к Москве, находились на этой же территории. В 1826—1827 гг. для Москвы здесь была построена Мытищинская водопроводная станция. В 1846 г. за Камер-Коллежским валом были устроены свалки нечистот, вывозимых из города в ассенизационных бочках.

В 1830-х годах на этой территории был организован для москвичей Петровский парк с театром и проложены вдоль шоссе бульвары от Петровского дворца до Тверской заст. У Петровского парка были розданы земли для постройки частными владельцами красивых дач.

Все это указывало, что ближайшая за Камер-Коллежским валом местность скоро войдет в состав г. Москвы и осуществится Положение 1648—1649 гг. о расширении Москвы на 4 версты вокруг Земляного вала, подтвержденное Петром I в указе 1722 г.

ЗАСТРОЙКА МОСКВЫ В 1825—1843 ГОДАХ

Мы уже указывали, что восстановление зданий, поврежденных или уничтоженных пожаром 1812 г., было в основном закончено уже к 1817—1823 гг., после чего началось обычное строительство, вызываемое расширяющимися потребностями в зданиях и необходимостью заменять обветшавшие здания новыми. По свидетельству статистика В. Андросова [36], к 1831 г. в Москве «обгоревших, остающихся еще необстроенными от 1812 г. 62 дома. Они находятся в дальних частях города: в Хамовнической, Рогожской, Серпуховской и Новинской, где, обстроенные, они не вознаградили бы издержек».

Как увеличивалось с годами число домов в Москве, видно из следующей таблицы [37].

Здания	1823 г.	1830 г.	1839 г.	1840 г.	1842 г.	Увеличение за 19 лет
Каменные	3 060	3 127	3 675	3 749	3 772	712
Деревянные	7 593	6 715	9 047	8 296	8 354	761
Все дома	10 653	9 842	12 722	12 045	12 126	1 473

Таблица показывает, что число каменных зданий неизменно росло, увеличившись за 19 лет на 23,2%. Число же деревянных домов то уменьшалось, то увеличивалось, в итоге за 19 лет увеличилось лишь на 10%. Уменьшение их в 1830 г. на 878 не компенсировалось увеличением каменных домов на 67. Снижение количества деревянных домов в 1830 г. объясняется холерой 1830 г. и сносом многих зараженных деревянных домов.

К 1839 г. число каменных домов снова возросло на 548, но число деревянных не только не убавилось, а увеличилось на 2332 (это, вероятно, статистическая ошибка). Через год, к 1840 г., число каменных домов возросло на 74, деревянных же — уменьшилось на 751. Наконец, к 1842 г. число каменных увеличилось на 23, а деревянных — на 58. Мы не имеем сведений не только о размерах полезной и жилой площади в этих домах, но даже об их этажности.

Статистик В. Андросов попытался установить размер домов, исходя из количества проживавшего в них населения. Чрезвычайно интересна приводимая Андросовым таблица населенности московских домов в 1830 г.[38]. Беря ее в более крупных, чем у него, группировках, видим, что домов, в которых жило от 1 до 25 человек, было в Москве тогда 6441, или больше половины; от 26 до 100 человек — 3168, или более четверти; от 101 до 500 человек — 361; от 500 до 1000 — 6; от 1000 до 3420 — 5 домов. «Совершенно пустых домов, — пишет Андросов, — было 145». В этом числе показаны многие небольшие домики в Сокольниках, занимаемые только летом (дачи. — *П. С.*). «Большая часть домов многолюдных, — продолжает Андросов, — находится во внутренних частях города, куда направлена деятельность общежития и где исстари имеет свои домы богатейшее дворянство, и в тех, где находятся огромнейшие мануфактурные заведения. Малые — занимают предместия и дальние части города... Многие домы, не только большие, но даже посредственные, имеют по два и три флигеля, кроме жилых людских изб... Флигелей сих, которые справедливо можно назвать другими домами, 2324 больших... Это особенно заметно в тех частях города, где отдача внаем доставляет значительные и верные доходы: в Тверской, Арбатской, Пятницкой, Якиманской; или в которых есть различные промышленные заведения: в Лефортовской, Таганской и Новинской... Домы в дальних частях города заняты более хозяевами, во внутренних же — наемщиками, различными заведениями, мастерствами, ремеслами и прочим тому подобным. Тут недвижимые собственности получили высокую ценность. Вообще, однако же, можно заметить, что с течением времени число малых домов в Москве приметно уменьшается. Всякий, кто только сколько-нибудь в состоянии, старается выстроить дом побольше для найма, хотя по разным причинам наемная плата и упала значительно, особенно на домы огромные. Недостаток небольших отдельных помещений причиною, между прочим, тому, что небогатые обитатели с трудом находят кров для себя, и бедный ремесленник, принужденный более и более стеснять себя, живет в атмосфере удушливой, особенно зимою, когда, по причине возвышающейся дороговизны дров, он тщательно старается закрыть свое тесное жилище от входа внешнего воздуха».

О том, каким группам населения принадлежали в 1830 и 1842 гг. каменные и деревянные дома, мы имеем следующие цифровые данные:

	1830 г.[39]		1842 г.	
	Каменных	Деревянных	Каменных	Деревянных
Дворцовые и казенные здания	128	15	186	34
Общественные здания	33	11	25	14
Духовного ведомства (включая дома причта)	202	853	266	865
Обывательские дома	2764	5836	3295	7441

Как видим, за период 1830—1842 гг. число дворцовых и казенных зданий увеличилось: каменных — на 58, деревянных — на 19. Число общественных каменных зданий уменьшилось на 8, деревянных увеличилось на 3. Число каменных зданий духовного ведомства увеличилось на 64, деревянных — на 12. Наконец, число каменных обывательских зданий увеличилось на 531, деревянных — на 1605. Отсюда видим, что каменное строительство за эти годы в Москве на 82,7% шло за счет обывательских домов. Обыватели же в еще большем проценте (98,7) увеличивали количество новых деревянных домов.

В каких частях Москвы происходило наибольшее строительство домов? К сожалению, мы не имеем материалов о количестве домов в каждой полицейской части за 1842 г., чтобы сопоставить с ними имеющиеся данные за 1824 г.

По словам статистика В. Андросова, «отстройка производилась преимущественно в частях: Басманной, Серпуховской, Мещанской и Хамовнической. Тут не было года, в который бы не строилось целых десятков новых домов»[40]. Можно думать, что в первых двух частях кроме обывательских домов строилось много и промышленных зданий.

Обывательские дома строились небольшие, без ссуды от правительства; из имевшегося для этого капитала были выданы ссуды: дворянам и чиновникам в 1827 г.— 15 000 руб.; в 1829 г.— 2500 руб.; купцам и разночинцам в 1829 г. — 2480 руб.[41].

О том, каким группам населения принадлежали жилые дома в 1830 г., Андросов дает следующие сведения[42].

Группа домовладельцев	Число жилых домов*		
	каменных	деревянных	всех
1. Правительство	128	15	143
2. Церкви	61	17	78
3. Монастыри	31	5	36
4. Разные общества	33	11	44
5. Дворяне, чиновники и чиновницы	996	2251	3242
6. Духовенство	110	831	941
7. Купцы и купчихи	1200	965	2165
8. Мещане и мещанки	407	1643	1990
9. Цеховые и их жены	40	260	300
10. Ямщики и их жены	54	332	386
11. Иностранцы	16	19	35
12. Солдаты	2	103	105
13. Крестьяне	2	90	92
14. Разночинцы, не имеющие звания	9	197	176
15. Мелкие благотворительные заведения	30	11	49
Всего	3127	6715	9842

* Мы оставили таблицу с теми неточностями, с какими она приведена у Андросова.

О динамике движения числа домов у разных владельцев он говорит[43]:

«Сравнивая домы по принадлежности, можно заметить, что дворянство в это время не сделало никаких приобретений недвижимостей; в Москве, по крайней мере, они незначительны в сравнении с средствами сего сословия и с числом приобретений, сделанных другими сословиями. Это, между прочим, служит доказательством, что Москва пе-

рестает быть сборным местом провинциального дворянства, куда оно съезжалось некогда проживать зимы, а с этим вместе мало-помалу теряет и старинный свой характер. Сильные политические движения... расстроили образовавшийся временем порядок в промыслах и сильно подействовали на упадок доходов, чем и принудили многих дворян, бывших прежде этого времени постоянными зимними обитателями Москвы, распрощаться со столичной жизнью. Следствием этого было... в столице — переход многих недвижимых собственностей во владение среднего сословия, которое с этого времени ощутительно начало усиливаться, ибо самая промышленность, возбуждаемая и поддерживаемая внутренним потреблением и покровительствуемая... правительством наблюдаемою запретительною системою, оказала успехи неимоверные.

Число недвижимостей купцов в Москве увеличилось с того времени целою $^1/_5$, не включая того, что они в это же время выстроили каменных домов более, нежели вдвое.

Приобретения мещан еще обширнее: они имеют теперь каменных домов почти в 24 раза более, нежели сколько имели за 40 лет перед сим, и втрое более деревянных. Объясним ли это редкое явление действительным усилением этого сословия или переходом в оное многих купцов в последние годы, заключение останется то же: что среднее сословие необыкновенно усилилось в Москве.

...Изменения сии в числах мало, однако ж, изменили расположение Москвы относительно обитаемости, бывшее в старину, оно остается еще по наружности в прежнем виде.

За Москвою-рекою и по Яузе жили некогда ремесленники: память о жилищах их осталась в названиях: Садовники, Овчинники, Кожевники, Монетчики... и теперь эти части города принадлежат купцам, мещанам и ремесленникам. Четвертая только часть, и то домов незначительных и в ближайших частях к Кремлю — Пятницкой и Якиманской, принадлежит чиновникам. Домы сии поступили в их владение в позднейшее уже время; чаще же самые владельцы оных перешли в высшее сословие.

Северо-западная и северная части города, лучшие, возвышеннейшие, заселены были некогда людьми, принадлежавшими к царскому двору... названия улиц напоминают еще о прежних владельцах... и теперь все эти места принадлежат большей частью дворянству; немногие только домы, купленные купцами на доходных местах, делают исключение.

Сильное, заметное движение в переходе собственностей происходит только в восточной, северо- и юго-восточных краях города, в частях: Лефортовской, Покровской, Таганской и Сущевской; в местах, где основываются мануфактурные заведения: тут обширные дворы, принадлежавшие по большей части владельцам из дворян, мало-помалу раздробляются и разделяются по рукам между мещанками, солдатками, крестьянками, производящими мелочную фабричную промышленность, которые, приобрев сперва средства выстроить домик на чужой земле, бывают потом в состоянии купить и самую землю. В последние, однако ж, четыре года, при общей остановке промышленности, и это движение приметно ослабело.

Вообще же заключения по принадлежности домов можно сделать следующие: 1) большая часть домов в Москве принадлежит теперь среднему сословию: т. е. купцам и мещанам (за 40 лет было напротив). 2) Большая часть домов каменных принадлежит купцам, потом чиновникам, затем мещанам. 3) Большею частию домов деревянных,

особенно малыми, владеют чиновники. 4) Целая треть домов в Москве написана на имя женщин; большая часть малочиновных, весьма много купцов и бо́льшая половина мещан имеют домы на имя жен. 5) Из домов, принадлежащих мелким владельцам, причисляемым к разночинцам, большею частью владеют солдатки»[44].

Каковы были по этажности жилые дома в центре и на окраинах?

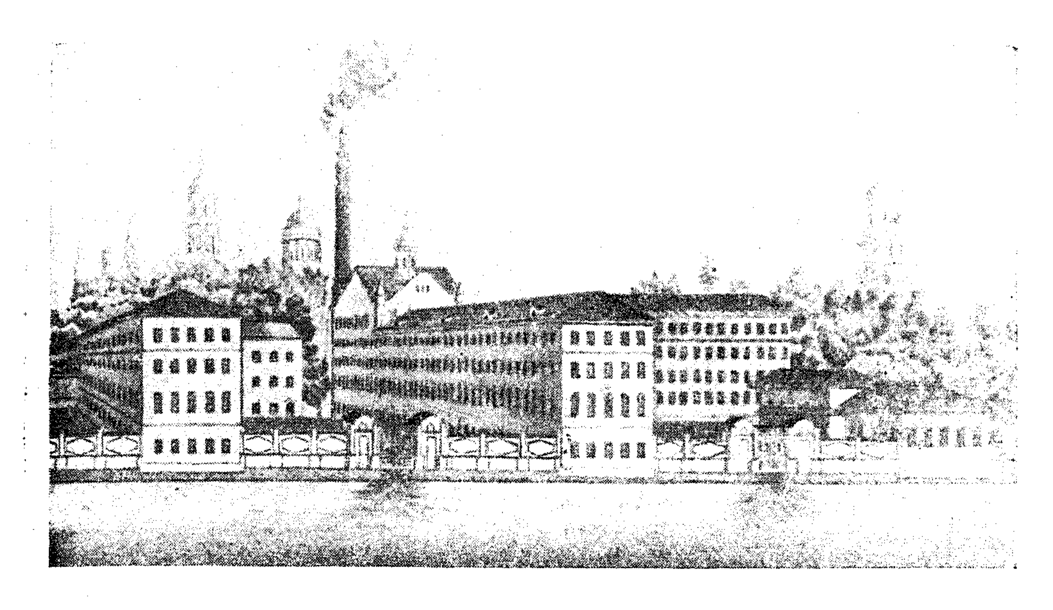
После того как указом Екатерины II в 1769 г. было разрешено торговцам иметь магазины и лавки не только в торговых рядах и на рынках, а и в жилых домах на улицах, в Москве до 1812 г. было построено множество двух-трехэтажных (и более) домов с торговыми лавками и магазинами в первом этаже и квартирами в верхних этажах. Особенно много таких домов было в Китай-городе, на Никольской, Ильинке и Москворецкой ул., а в Белом городе — на Тверской, Петровке, Кузнецком мосту, Мясницкой и Маросейке.

Со слов Андросова мы уже знаем, что более или менее достаточные домовладельцы стремились строить каменные дома с несколькими квартирами для сдачи их внаем. Но с этой целью строилось и большинство деревянных домов, особенно на рабочих окраинах, в Лефортовской, Рогожской, Басманной и Серпуховской частях. Некоторые из каменных и деревянных домов того времени дошли до нас. Мы видим, что большинство из них имело каменный цокольный этаж, над которым возвышался каменный или деревянный первый этаж с мезонином из соответствующего материала.

В «Истории Москвы»[45] читаем о зданиях, в которых были расположены московские промышленные предприятия в начале 40-х годов XIX века. «Всех зданий было 1259, из них каменных — 595, деревянных — 664. Деревянные дома были в подавляющем большинстве одноэтажные (двухэтажных было только 72). Каменные фабричные здания большей частью были тоже одноэтажными — таких домов было 377, т. е. около двух третей всех каменных промышленных зданий, двухэтажных каменных корпусов было 187, трехэтажных — 29, четырехэтажных — считанные единицы.

Общее число зданий значительно превышало количество промышленных предприятий, которых в 1843 г. было 732, включая сюда и мелкие заведения. Это объяснялось тем, что наряду с небольшими мастерскими, которые помещались в одном, нередко одноэтажном, деревянном доме, в Москве существовали и крупные предприятия, которые располагались в ряде корпусов. Таковы были фабрики Гучковых, Новикова, Прохоровых и многих других. Суконная фабрика Новикова имела в 1843 г. 3 четырехэтажных здания, 1 трехэтажное, 1 двухэтажное и несколько одноэтажных. Фабрика Гучковых в 1843 г. помещалась в 2 трехэтажных зданиях и в нескольких двух- и одноэтажных. В конце 40-х годов фабрика Гучковых была расположена в 22 корпусах, из которых 13 были каменными и 9 деревянными. Фабрика Прохоровых около 1850 г. помещалась в 4 трехэтажных зданиях и 14 двухэтажных деревянных.

Большое количество деревянных зданий и огромное преобладание зданий одноэтажных наглядно показывают нам промышленную Москву в ее незрелом состоянии; здесь еще много небольших предприятий; им уже противостоят крупные мануфактуры, сделавшие значительные шаги по пути превращения в фабрики, но по внешнему виду они еще представляют собой множество небольших помещений, которые даже при наличии больших фабричных корпусов сохраняют черты старых мануфактур».

Суконная фабрика Новикова в начале 40-х годов прошлого века

Окраска большинства жилых каменных домов была белая, а там, где их фасад украшался фронтоном с колоннами, — светло-желтая, в подражание казенным зданиям, где этот цвет был общепринятым. Фабричные здания из кирпича большей частью не имели ни штукатурки, ни окраски. Деревянные же здания, если были окрашены, то светлыми тонами: розовым, желтым, серым и др., согласно действовавшей со времени Александра I инструкции. Крыши домов имели либо зеленую, либо красную окраску.

Кроме обычных жилых домов, по проектам которых обязательно проходила, украшая их, рука Комиссии строений, строились особняки и огромные дома для сдачи внаймы не только квартир, но и магазинов, контор, складов и прочих помещений.

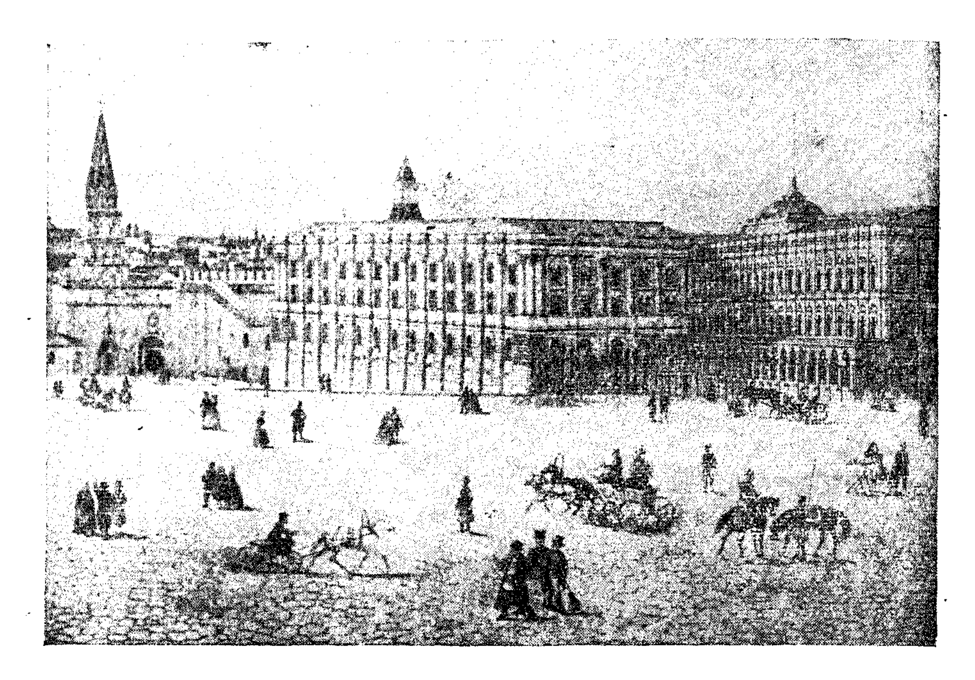
ЛУЧШИЕ ЗДАНИЯ, ПОСТРОЕННЫЕ ИЛИ ПЕРЕСТРОЕННЫЕ В 1825—1843 гг.

В Кремле. В 1824—1828 гг. надстроен третьим этажом бывший дом митрополита Платона на углу Ивановской пл. и Спасской ул., первоначально построенный М. Ф. Казаковым. В нем, приезжая в Москву, жил Николай I с семьей, почему дом и носил название *Малого Николаевского дворца* [46].

В 1838 г. был разобран старый Большой дворец, построенный архитектором В. Растрелли в середине XVIII века, и на его месте начал строиться по проекту архитектора К. А. Тона новый *Большой Кремлевский дворец,* оконченный в 1849 г. [47].

В Китай-городе. В 1839 г. на углу Ильинки и Рыбного пер. построено *здание Биржи.*

В 1825—1829 гг. на месте снесенной старой *церкви Ивана Богослова под вязом* (Новая пл., 12) построено для нее новое здание, в котором теперь размещается Музей истории и реконструкции Москвы [48].

Большой Кремлевский дворец, построенный архитектором К. А. Тоном в 1838—1849 гг., и здание Оружейной палаты, построенное им же в 1849—1851 гг.

В 1829 г. на месте старой *церкви Николы на Москворецкой ул.* построено для нее новое здание [49].

В 1830-х годах перестроена *церковь Троицы в Полях* в Никольском туп., построенная в 1566 г. [50].

В конце 1820-х годов *на Ильинке* и у Ильинских ворот купцами построены по проекту О. И. Бове 2 больших трехэтажных доходных дома с лавками в первом этаже и жилыми квартирами в верхних этажах [51].

В Белом городе. Дом *Удельного ведомства* на Пречистенском бульв., 10, был куплен в 1830 г. у Нарышкиной и перестроен в 1835—1840 гг. [52].

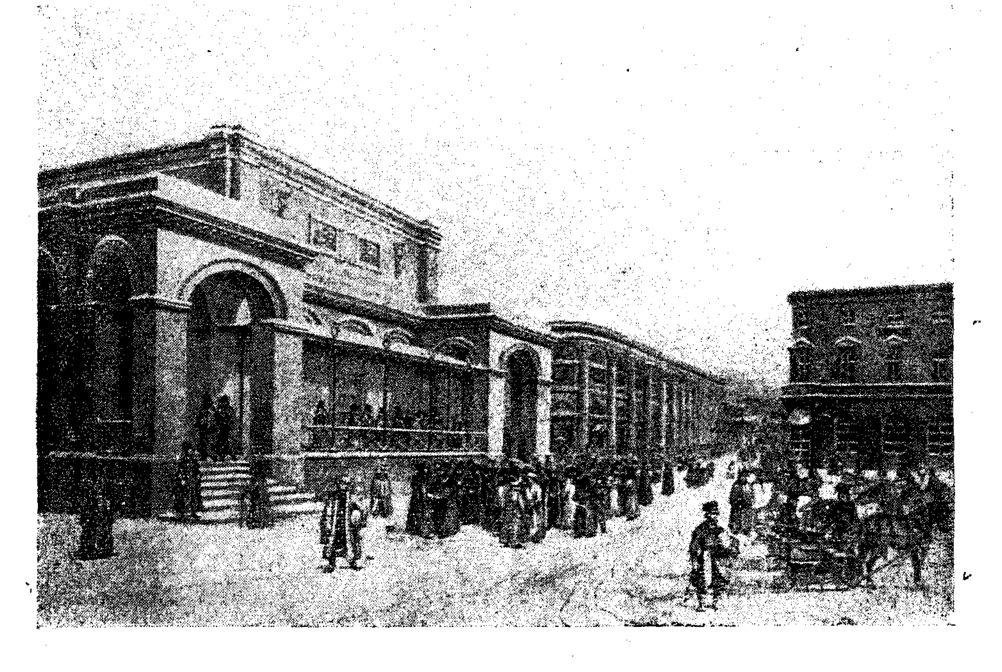
Дом Сиротского училища на Знаменке, 19, был приобретен у графа С. С. Апраксина и перестроен для приюта-училища детей офицеров, умерших в 1830 г. от холеры. При перестройке снабжен посреди портиком с колоннами [53].

Для расширения *Московского университета* в 1833 г. куплено у Пашковых *новое здание по Моховой ул., 9.* Манеж на углу Моховой и Большой Никитской перестроен архитектором Е. Д. Тюриным в церковь Татьяны с полукруглой абсидой на углу для алтаря [54].

В 1840 г. архитектор К. А. Тон пристроил *к Малому театру* в северной части его двора трехэтажный дом, подобный дому театра, выходящему на угол Театральной площади и Театрального проезда [55].

В 1823—1826 гг. архитекторами Д. И. Жилярди и А. Г. Григорьевым построено *здание Опекунского совета на Солянке,* о котором мы уже говорили [56].

Так называемый *«дом Верстовского»* (Антипьевский пер., 4) построен архитектором Ф. М. Шестаковым в 1827 г. [57].

Здание биржи, построенное в 1839 г. на углу Ильинки и Рыбного переулка.

Дом Кологривовых на Тверском бульваре, 22, построен Д. И. Жилярди в 1827 г., а в 1830-х годах приобретен для канцелярии обер-полицмейстера г. Москвы [58].

Большой доходный дом купца Челышева на Театральной пл., о котором мы уже упоминали [59], с магазинами в нижнем этаже, меблированными комнатами в верхних и знаменитыми Челышевскими банями во дворе построен в 1838 г.

Дом Трубецкой в Богословском пер., 6, построен О. И. Бове в 1833 г. [60].

О церковных зданиях заметим:

В 1838 г. снесена *церковь Всех святых,* что у Большого Каменного моста, при этом ее алтарь был перенесен в церковь Похвалы богородицы, стоявшую вблизи на углу набережной и Всехсвятского пер. (см. приложение 17).

В том же 1838 г. снесена *церковь Николы в Сапожке,* стоявшая у Троицких ворот Кремля, а ее алтарь перенесен в Манеж, для чего в южной стене Манежа сделана посреди абсида, обращенная к Александровскому саду [61].

В 1832 г. был дан царский указ (2ПСЗ, УП, № 5288) о строительстве грандиозного *храма Христа Спасителя* в Чертолье, между Москвой-рекой и Волхонкой, Всехсвятским пер. и Лесным пр. В 1837 г. были изданы «Правила» о построении этого храма [62], после чего территория для него была очищена от Алексеевского женского монастыря, перенесенного на Верхнюю Красносельскую ул., от Центрального пожарного депо, переведенного на Пречистенку, 22, и от других строений. Затем началось строительство храма, законченное почти через полвека — в 1883 г.

Новое здание Московского университета на Моховой улице, построенное в 1836—1840 гг. архитектором Е. Д. Тюриным.

В 1835 г. архитектором Н. И. Козловским построены *стены и колокольня Рождественского монастыря* [63].

В 1827—1830 гг. архитектором А. Жилярди (двоюродным братом знаменитого зодчего) построена *католическая церковь Людовика на Малой Лубянке* [64].

В Земляном городе. В 1832—1835 гг. Ф. М. Шестаков по проекту архитектора В. П. Стасова построил *здание Интендантских складов на углу Остоженки и Крымской пл.* [65].

В начале 1830-х годов большой дом у Петровских ворот, купленный у наследников князя Гагарина, был перестроен архитектором О. И. Бове для нужд больницы. В 1835 г. сюда и была переведена главная часть Екатерининской больницы, получившая название *Новой Екатерининской больницы* [66].

В 1830-х годах *Покровские казармы* на Покровском бульв. были надстроены третьим этажом [67].

Из церковных зданий наиболее замечательны трапезная и ротонда *церкви Всех скорбящих на Большой Ордынке,* о которой мы уже упоминали (построены архитектором О. И. Бове в 1828—1833 гг.) [68], а также колокольня и трапезная *церкви Николы в Толмачах* в Большом Толмачевском пер., построенные архитектором Ф. М. Шестаковым в 1833 г. [69].

За Земляным городом. В 1828 г. архитектор А. Г. Григорьев построил в Протопоповском пер. большое и красивое *здание Набилковской богадельни* [71].

Южная часть Театральной площади с домом Челышева, построенным в 1838 г. (слева).

В 1830 г. Д. И. Жилярди перестроил погоревший в 1812 г. *Слободской дворец* для ремесленного училища Воспитательного дома (Коровий брод, 5). На аттике главного входа помещена скульптура И. П. Витали [72].

Дом Полторацкой — первый большой дом по *Большой Калужской ул.* за Калужской пл. — в 1812 г. уцелел от пожара. В 1832 г. он был куплен Купеческим обществом для больницы, но в 1835 г. уступлен Мещанскому обществу, которое устроило в этом доме школу для мальчиков из своего сословия. К дому был пристроен флигель, доходивший до красной линии улицы. В 1843 г. с другой стороны главного дома был пристроен такой же второй флигель, и в нем помещено Мещанское училище для девочек [73].

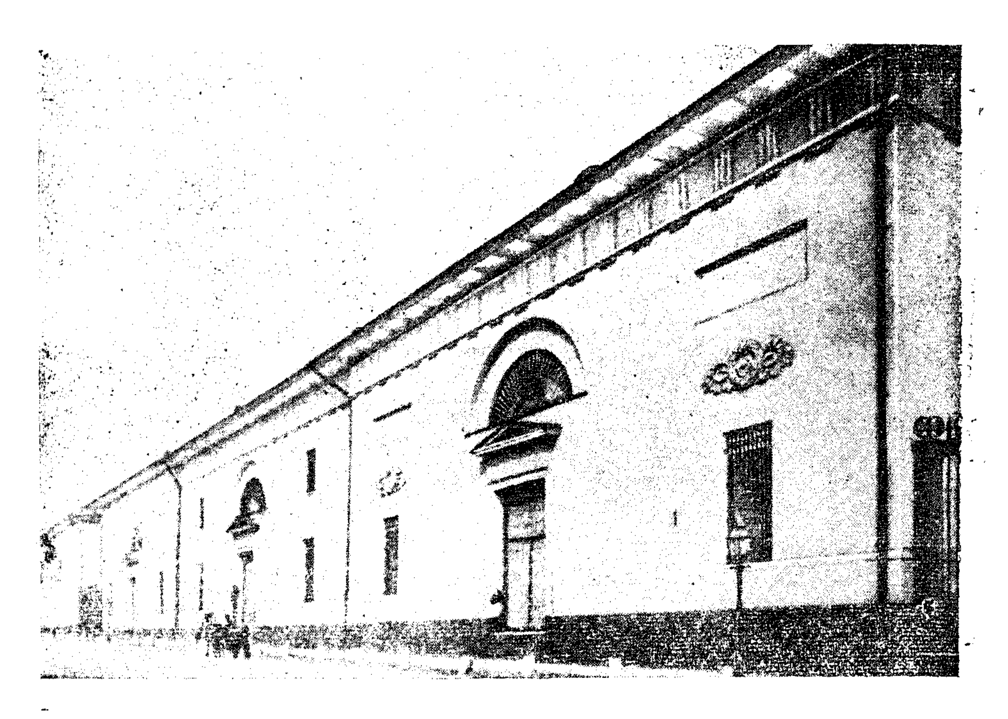
Рядом с этим домом в 1828—1832 гг. О. И. Бове воздвиг великолепное здание *1-й Градской больницы* [74].

В конце Большой Калужской ул., в Нескучном саду, архитектор Е. Д. Тюрин в 1830-х гг. перестроил *дворец Демидова,* возведенный в XVIII веке, для Николая I. Здесь же он построил гауптвахту, манеж и 3 служебных корпуса [75].

В 1830-х годах на Зубовском бульв., 27, был построен в новоклассическом стиле *дом Дворцового ведомства* [76].

Из церковных зданий отметим большую *церковь Богоявления,* которую в 1835—1845 гг. архитектор Е. Д. Тюрин построил на Елоховской пл., использовав часть старых построек XVII века [77].

В 1830 г. была закончена постройка *церкви Василия Кесарийского* на 1-й Тверской-Ямской ул. [78].

Провиантские склады на углу Остоженки и Крымской площади, построенные в 1832—1835 гг. архитектором Ф. М. Шестаковым.

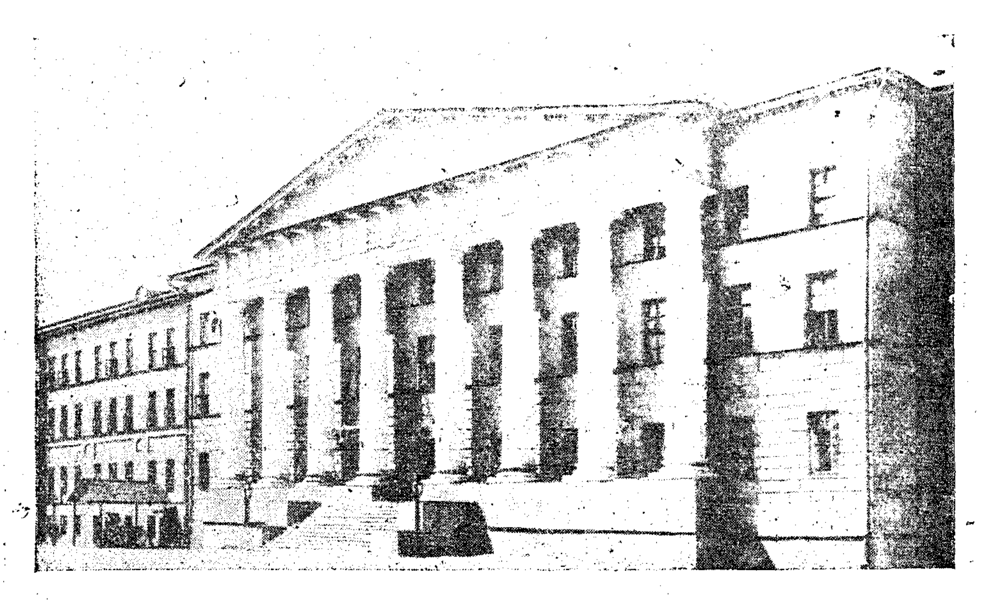
В 1838 г. *в Даниловском монастыре* построено здание нового *собора* в новоклассическом стиле [79].

В 1835—1839 гг. *в Симоновом монастыре* архитектором К. А. Тоном была построена пятиярусная *колокольня*, по высоте (85 м) превышавшая колокольню Ивана Великого в Кремле [80].

В ведение Комиссии строений постепенно перешли все казенные и общественные здания и сооружения — воинские казармы, съезжие дворы, дома присутственных мест, экзерциргауз (Манеж), Арсенал в Кремле, Петровский театр и пр. В 1839 г. круг действий ее был распространен и на уездные города Московской губернии [81].

А. С. Пушкин, посещавший Москву в 1826—1836 гг., подметил оскудение дворянства, особенно крупного, и переход больших дворянских владений в руки купцов и промышленников. В своем «Путешествии из Москвы в Петербург» в 1836 г. он пишет: «Ныне в присмиревшей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой, и садом, запущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного, который платит хозяину тридцать рублей в месяц за квартиру; великолепный бельэтаж нанят мадамой для пансиона — и то слава богу! На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается внаймы, и никто его не покупает и не нанимает... Но Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенной силой. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством».

Не только купечество, но и казна вместо строительства новых зданий для учреждений покупала в это время подходящие для них

Покровские казармы на Покровском бульваре в 1838 г. после надстройки здания третьим этажом с колоннами и портиком.

большие дворянские особняки. Мы уже указывали, что в 1830 г. был куплен казной у знатной дамы Нарышкиной для Московской конторы Удельного ведомства дом № 10 по Пречистенскому бульв. и в 1835 г. соответствующе перестроен.

В 1830 г. был куплен у Ф. А. Толстого дом на Большой Дмитровке для помещения в нем Театральной школы [82].

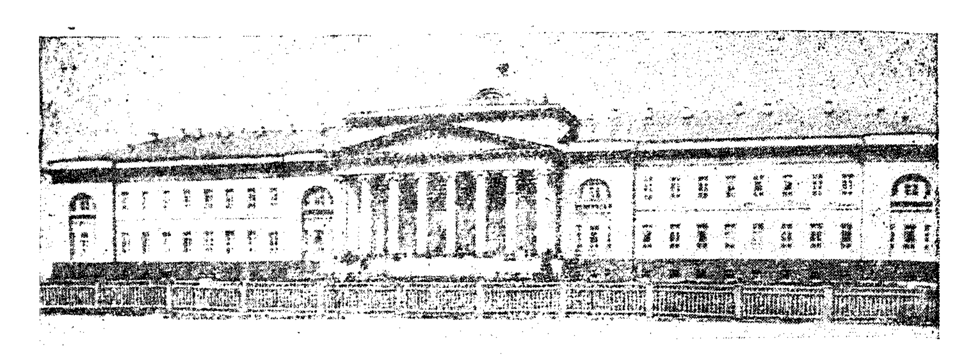
В том же 1830 г. у князя Гагарина был куплен дом у Петровских ворот для Екатерининской больницы.

В 1832 г. был куплен казной для великого князя Михаила Павловича дом Головкина в Немецкой слободе [83]. Казной были куплены дома и в других местах.

Некоторые правительственные учреждения были размещены в бывших дворцовых зданиях. Так, например, в Покровском дворце на Яузе, у Рубцова моста, были помещены инструментальный завод и Главная аптека Московской медицинской конторы. Ими была занята половина дворцовых зданий, а другая половина была предоставлена 2-му Карабинерному полку. В 1831 г. между ними был поставлен деревянный забор [84].

За казною следовали и общественные учреждения. Мы уже писали выше, что в 1832 г. Купеческое общество, например, купило на Большой Калужской ул. дом Полторацкой. Воспитательный дом приобрел часть Слободского дворца, где в 1833 г. поместил свое ремесленное училище, в 1844 г. преобразованное в техническое, а в 1866 г. — в Высшее техническое училище (ныне МВТУ имени Н. Э. Баумана) [85].

Благодаря постройке доходных домов для сдачи внаймы, постройке казенных зданий для правительственных учреждений или покупке для них больших барских особняков, размещению в дворцах различных казенных учреждений или продаже их, феодально-крепостническая Москва мало-помалу превращалась в Москву буржуазную и по своей застройке.

Здание 1-й Градской больницы на Большой Калужской, построенное в 1828—1832 гг. архитектором О. И. Бове.

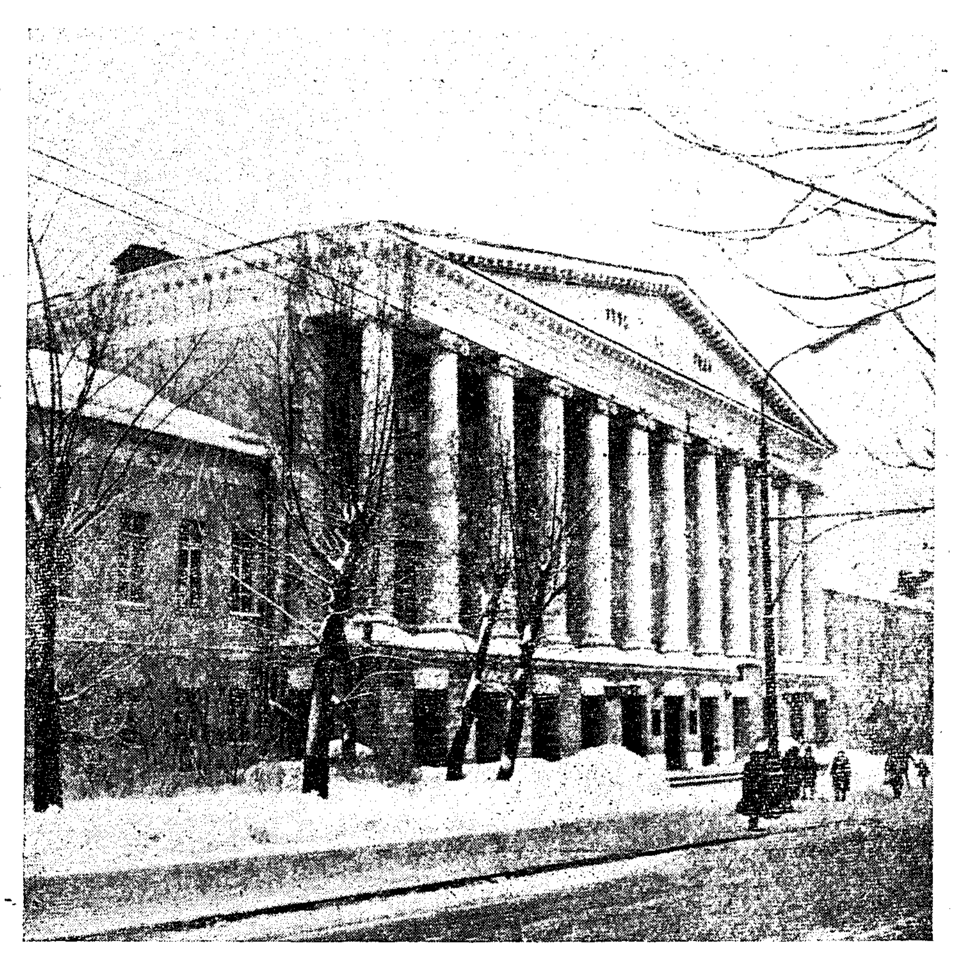
Определившийся переход от дворянско-помещичьего строя жизни Москвы к буржуазному не позволял уже пользоваться в качестве образцов проектами фасадов домов, утвержденными в 1809—1812 гг. В угоду новым вкусам появились и новые альбомы чертежей «образцовых» фасадов домов, предназначавшихся для руководства строителям. Так были выпущены Комитетом по устройству городов в 1840—1841 гг. «Образцовые фасады, высочайше утвержденные для обывательских в городах домов». Чертежи в альбомах были литографированы. В проектировании фасадов принимали участие архитекторы А. Тон, Бремер, Львов, Черник, Логановский, Панафидин и Андреев. Кроме того, было издано в те же годы еще 12 тетрадей со 178 фасадами частных домов. Издал их департамент военных поселений.

Главное управление путей сообщения и публичных зданий только с 1842 г. продолжило работу по изданию образцовых чертежей. Его чертежи дали увеличенные фасады домов от 5 до 13 окон. Эти проекты фасадов предназначались для состоятельных застройщиков и соответствовали их вкусам [86].

Новое строительство шло не только в особо спланированных для него кварталах на окраинах Москвы или на месте сносимых старых домов в центре, но и на месте ликвидируемых огородов. В 1830 г. огороды занимали одну шестую всей территории Москвы (1039 десятин 2140 кв. сажен), но застройка только с 1824 по 1830 г. уменьшила их площадь на 23%. Число садов при домах, наоборот, возросло: в 1830 г. их было 1639 — на 243 сада больше, чем перед 1812 г. Только в 1820—1830 гг. было устроено 618 садов, и их площадь в 1830 г. занимала 439 десятин 457 кв. сажен [87].

В 1830 г. в Хамовнической части и в бывш. Покровской, Новинской и Таганской частях находилось еще 18 лугов: казенных — 4, монастырских — 1, общественных — 4, приказа общественного призрения — 1, Ямского и Крестьянского обществ — 2, принадлежащих чиновникам — 2, купцам — 3 и крестьянам — 1.

Интересно с этой точки зрения описание застройки Пресненской части г. Москвы, данное в книге «Москва, или Исторический путеводитель», изданной в 1831 г.: «Ни одна из 20 частей города Москвы не имеет менее достопримечательного, как сия Пресненская; но зато часть сия представляет как бы загородное гульбище. Самая Садовая улица, идущая по направлению Земляного вала и отличающаяся огромными и прекрасными зданиями, представляет некоторым образом сельские

Дом князей Гагариных на углу Петровки и Страстного бульвара, восстановленный после пожара и украшенный колоннадой по проекту архитектора О. И. Бове.

дачи, расположенные в ряд. Почти все домы, кроме прекрасных палисадников на улицу, имеют сады и осенены густыми деревьями; остальное же, кроме небольшого уголка от улицы Кудринской до проулка Девятинского, представляет еще более сельское местоположение, чем особенно отличаются Грузины и все пространство за Преснею (рекою. — *П. С.*)»[88].

О значительности домов и земель под застройкой в различных частях г. Москвы в 1830-х годах говорит приводимая В. Андросовым их оценка для взимания поземельного налога в городскую кассу[89]. В Городской части средняя стоимость одного владения равнялась 21 893 руб., 1 десятины земли — 705 861 руб., в Тверской — 64 191 и 176 305 руб., в Мясницкой — 35 048 и 94 478 руб.; в Лефортовской — 6887 и 23 139 руб., в Таганской (Рогожской) — 6357 и 18 853 руб.

Как видим, средняя стоимость владения выше всего в Тверской части, где еще жила богатая знать, имевшая большие каменные дома и обширные при них дворы. На втором месте стояла Мясницкая часть,

где тех и других было меньше. На третьем — Городская часть, где большей частью были небольшие здания и владения. Владения в окраинных Лефортовской и Таганской частях в среднем оценивались почти в 10 раз дешевле, чем в Тверской части. Но земля непомерно выше всех остальных частей ценилась в Городской части, торговом центре тогдашней Москвы.

БЛАГОУСТРОЙСТВО И ИНЖЕНЕРНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ МОСКВЫ В 1825—1843 ГОДАХ

Объективным общим критерием благоустройства города является коэффициент заболеваемости и смертности его населения от инфекционных болезней.

В цитированной нами не однажды «Статистической записке» В. Андросова даются некоторые сведения по этому вопросу за 1828—1831 гг., а в годовых отчетах обер-полицмейстера г. Москвы — за 1838—1842 гг. Но абсолютные цифры, там приводимые, еще не позволяют составить суждение о заболеваемости и смертности жителей Москвы: необходимо сопоставить их с численностью населения города, а это очень трудно, так как в составе московского населения тех времен была значительная группа (около 25%) пришлого населения цветущего возраста, приходившего в Москву лишь на заработки, а также несколько тысяч питомцев Воспитательного дома — детей до года, высокая смертность которых чрезвычайно повышала показатель смертности в Москве. Сделав эту оговорку, мы приведем некоторые цифры из «Записки» Андросова.

Общая смертность жителей Москвы в 1828 г. выразилась в цифре 11975 человек (6508 мужского пола и 5467 женского пола). Из них 1036 умерло в одном Воспитательном доме. В 1829 г. «в московских церквах отпето было 8551 мертвое тело (4466 мужского пола и 4084 женского пола), кроме 1047 человек, умерших в Воспитательном доме...»[90]. «Общее число умирающих к народонаселению в процентах можно принять 1 : 25,05 (т. е. около 4%. — *П. С.*). В летние месяцы смертность увеличивается по мере наступления жаров. Наш простой народ понятия не имеет о предосторожностях»[91].

По отчетам московского обер-полицмейстера, число умерших в Москве в 1838—1842 гг. было следующее:

Умерло	1838 г.	1839 г.	1840 г.	1841 г.	1842 г.
Взрослых		3 729	5 151	12 103	7 765
Детей		5 460	4 783	6 353	6 268
Всего	8 486	9 189	9 934	18 456	14 033
В % к населению	2,45	2,64	2,86	5,27	4,21

Если сложить число умерших за все 5 лет и сопоставить его со средним населением Москвы за эти годы, то получится коэффициент общей смертности за год в среднем 3,44%. Сведений о числе умерших от инфекционных болезней в отчетах не имеется.

Хотя в 1841 и 1842 гг. коэффициент смертности значительно превысил выведенный Андросовым коэффициент (4%), нужно все же ду-

мать, что коэффициент в 3,44% более характерен для всего периода 1828—1842 гг.

В 1830 г. в Москве была вспышка холеры. Первые 7 человек заболели холерой с 16 до 21 сентября. Началась паника. Боясь народных волнений, 29 сентября прибыл в Москву Николай I. В этот день умерло от холеры 20 человек. Всего же с 16 сентября по 1 октября заболело холерой 212 человек, умерло 96. В дальнейшем более всего умерло 14 октября (118 человек). С этого дня смертность стала уменьшаться. За 4 января 1831 г. заболело 10, умерло 10, и оставалось в больницах 124 человека[92].

В отчете от 27 ноября 1830 г. напечатано, что до этого времени заболело холерой 8340 человек, умерло 4531; дальше были единичные случаи заболевания и смерти. 6 декабря Николай I распорядился снять все установленные на время холеры карантины в Москву, чем как бы официально объявлялось о прекращении холеры, хотя, как указано выше, заболевания были и в январе 1831 г.[93].

Для борьбы с холерой в каждой из 17 полицейских частей Москвы были назначены особоуполномоченные по холере и врач, а также открыта больница на 25—30 человек. Это было необходимо, потому что во всех больницах Москвы было тогда только 2827 кроватей, далеко не удовлетворявших даже обычную потребность населения в лечении. А если из них исключить 1850 кроватей военного госпиталя и 303 места, назначенные для тех учреждений, которым принадлежали некоторые больницы, то оставалось менее 700 коек для всего остального населения, перевалившего уже за 250 тыс., т. е. 2—3 кровати на 1000 человек.

Мы знаем, что дела планировки, застройки и благоустройства города еще в 1813 г. были переданы из полиции в руки Комиссии для строений. В отношении городского благоустройства круг ведения Комиссии строений определялся следующим образом: «...Комиссия для строений в Москве... Здесь производится самый бдительный надзор за строениями в Москве, за разведением бульваров, за содержанием их в чистоте, за расчисткою прудов, за проведением каналов, за устроением фонтанов и бассейнов»[94].

Большую помощь Комиссии строений оказывали учрежденные в 1816 г. специально для нее военно-рабочие батальоны. О них так говорится в 1831 г.: «Поворотив на Малую Петровку, вы имеете на правой руке дом или казармы, называющиеся Петровскими. В них расположены батальоны военнорабочих; оных в Москве два, и употребляются для разных работ по городу, как-то: для устроения бульваров, очищения водопроводных каналов, надзора за кремлевскими садами, делания бассейнов и т. п. Много обязан город старанию начальников к привлечению военнорабочей команды, рачительно исполняющей все препоручаемые ей поделки»[95].

К 1831 г. планировка местностей в Москве (снятие в одних местах возвышений и подсыпка в других местах углублений), а также постройка фундаментов для больших казенных зданий и т. п. была в общем закончена, и образованные в 1816 г. в помощь Комиссии строений рабочие батальоны были в 1831 г. расформированы. Вместо них для работ по благоустройству Москвы были образованы одна военно-рабочая рота и одна арестантская рота гражданского ведомства[96].

Существенную помощь оказывали городу и пожарные команды. Реорганизованная в 1823 г. пожарная охрана Москвы получила в 1827 г. пожарное депо[97], устроенное у Пречистенских ворот в конце

Выезд пожарной команды из Московского пожарного депо на Пречистенке.

Волхонки, на месте, ныне занятом бассейном «Москва». Это был главный штаб пожарных, ведавший и личным составом и материальной частью по всей Москве [98].

Большую роль в благоустройстве и санитарии Москвы должен был играть Мытищинский водопровод. О его мощности и об аварии, происшедшей с ним в 1823 г. в селе Алексеевском, мы уже говорили. Надо сказать, что катастрофа с галереей в селе Алексеевском не была для инженеров водопровода неожиданной. Еще в 1814 г. главный директор водопровода инженер Зеге фон Лауренберг требовал переустройства всего Мытищинского водопровода, указывая на полную негодность кирпичной галереи и несовершенство других водопроводных сооружений. Но он ничего не добился, и работы по водопроводу в течение многих лет ограничивались текущим ремонтом и самыми незначительными изменениями. Например, вместо двух фонтанов между Трубной площадью и Сандуновскими банями был устроен один — на Сандуновской площадке, напротив Рахмановского переулка.

Лишь 22 июня 1826 г., спустя три года после аварии, Николай I утвердил проект реконструкции водопровода, представленный его новым главным директором инженером Н. И. Янишем. По этому проекту была исправлена галерея от Мытищ до села Алексеевского, у провала устроен резервуар, принимавший из галереи ежедневно до 200 тыс. ведер воды. У резервуара была построена насосная станция, действовавшая попеременно двумя паровыми машинами, в 24 лошадиные силы каждая. Машины подавали воду из резервуара в чугунные трубы 10-дюймового диаметра, проложенные от машинного здания к Сухаревой башне. В восточной зале второго этажа Сухаревой башни был сделан чугунный резервуар на 6500 ведер, принимавший воду из села Алексеевского. Отсюда вода поступала в магистральные трубы 8-дюймового диаметра, проложенные по Сретенке и Большой Лубянке к фонтану на Никольской площади. От магистрального водопровода в Сухаревой башне было сделано ответвление к фонтану напротив Ше-

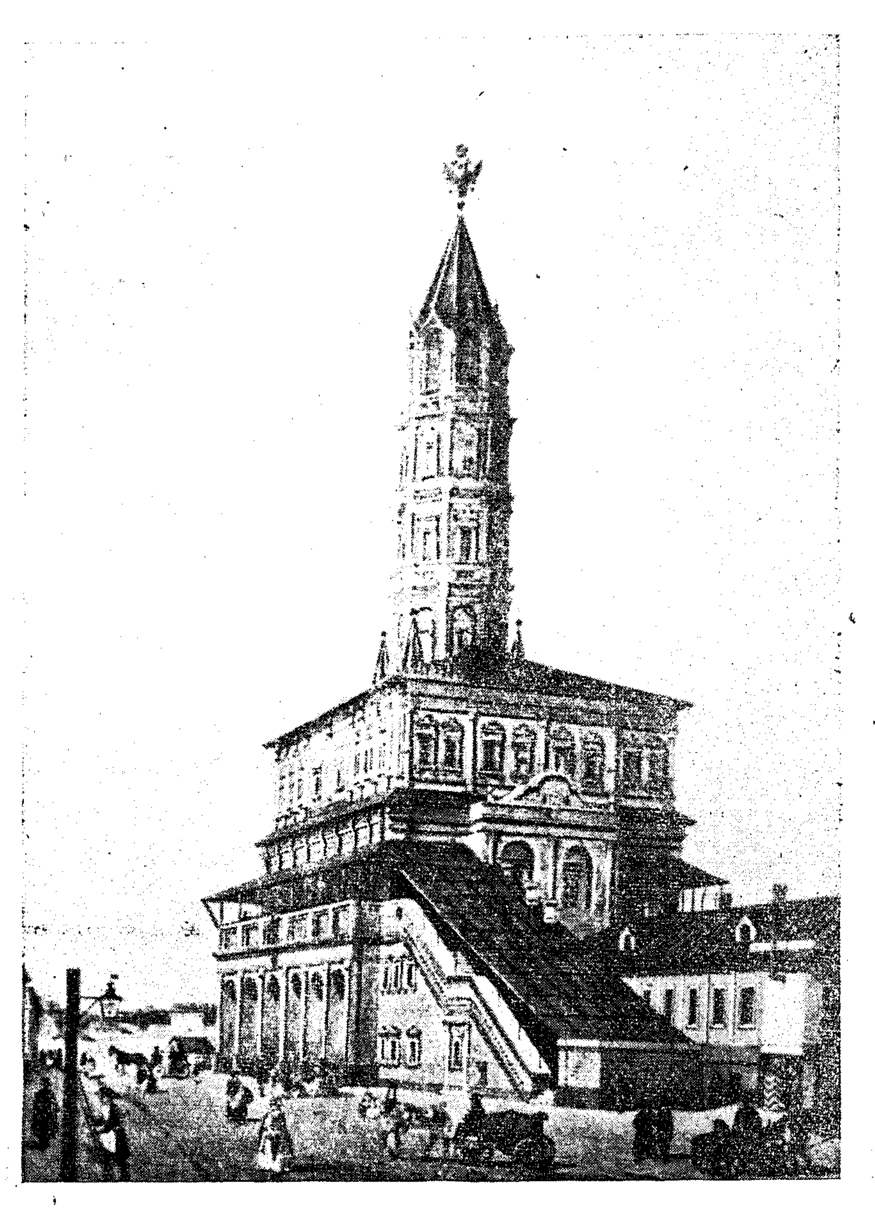

Лубянская площадь в 1830-е годы. В центре площади — фонтан Мытищинского водопровода. За фонтаном — дом Шипова, построенный в 1826 г. и снесенный в 1967 г. Справа — башня китайгородской стены и ворота на Никольскую улицу, проломанные в 1819 г.

реметевской больницы на Большой Сухаревской площади, от Никольского же фонтана были проложены чугунные трубы к новым фонтанам на Варварской, Театральной и Воскресенской площадях. Кроме того, было устроено соединение Сухаревского резервуара с галереей старого водопровода: сюда предполагалось пускать воду в случае, если бы в резервуаре оказался ее избыток. Устроены были также ответвления водопровода в Кремлевский дворец, Воспитательный дом, городскую временную тюрьму, Торговые ряды на Красной площади, в общественные бани, в Большой и Малый театры.

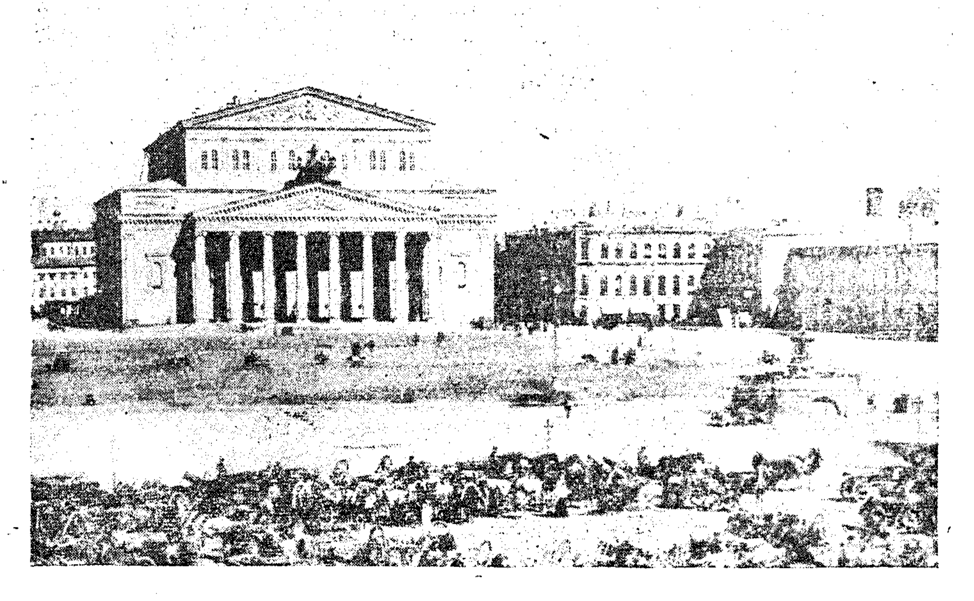
Общие работы по реконструкции Мытищинского водопровода производились с 1828 по 1835 г., они стоили 725 тыс. руб. ассигнациями, из которых 455 тыс. руб. были отпущены городской думой, а 270 тыс. руб. — казной. Для покрытия текущих расходов по водопроводу был установлен сбор с домов, прилегающих к нему, в размере 6% с полупроцентного оценочного сбора, взимавшегося по стоимости недвижимостей. Взимать сбор начали с 1830 г., когда пущены были Никольский и Сухаревский фонтаны. Остальные фонтаны были пущены позже, фонтан на Театральной площади с фигурами работы скульптора И. П. Витали был пущен в 1835 г.

Однако новый Мытищинский водопровод доставлял в город только 180 тыс. ведер воды, а старый по-прежнему 40 тыс. ведер сокольнической воды, оба же вместе 220 тыс. ведер, которых было совершенно недостаточно для всего города. Поэтому к проектировавшемуся одновременно устройству фонтанов на Арбатской и Кудринской площадях и на Собачьей площадке и не приступали [99].

Сухарева башня на Садовой-Сухаревской. С 1827 по 1893 г. использовалась как водонапорная башня Мытищинского водопровода.

Ротонда Мытищинского водопровода на Трубной пл. была снесена, и на ее месте осенью 1825 г. был устроен «бассейн, иссеченный из дикого камня. В недалеком от него расстоянии был отделан также огромный Рождественский бассейн с фонтаном, названный так потому, что он питался подземным каналом из горы Рождественского монастыря. Долго был он в совершенном запустении; теперь же его расчистили, и он снабжал жителей ключевой водой. Впоследствии оказа-

Театральная площадь в 1850-х годах. Справа — фонтан Мытищинского водопровода. В глубине площади — Большой и Малый театры.

лось, что ключевая вода в этот большой бассейн шла не от Рождественского монастыря, а от Сретенских ворот. Все же большая часть населения Москвы брала воду из старых ключей и колодцев.

В 1824 г., как мы уже указывали в главе второй, водоснабжение Москвы удовлетворялось 5 фонтанами и 2 колодцами (на Ольховской ул.) Мытищинского (вернее — Сокольнического) водопровода, 4041 домовыми и 275 общественными колодцами, 314 обывательскими прудами [100]. В 1830 г. в Москве было уже 4813 небольших колодцев [101].

Из общественных колодцев особенно славился своей водой колодец за Трехгорной заставой. В «Историческом путеводителе Москвы», изданном в 1831 г., писалось: «Трехгорная вода до сих пор есть лучшая в Москве». За нею богатые люди присылали своих водовозов с бочками изо всех районов Москвы, иногда весьма отдаленных, даже из районов Мытищинского водоснабжения [102].

В 1838 г. было 11 бассейнов водопровода (фонтаны также назывались бассейнами), 5486 колодцев, 25 городских и 264 обывательских пруда [103]. В 1842 г. было 11 бассейнов водопровода, 5829 колодцев, 32 городских и 270 обывательских прудов [104].

Как видим, 220 тыс. ведер в сутки водопроводной мытищинской и сокольнической воды настолько не удовлетворяли население Москвы, что число колодцев во дворах не только не уменьшалось, но все увеличивалось. Число прудов, используемых главным образом для огородов, уменьшилось очень незначительно, вероятно, только вследствие застройки домами бывших при дворах огородов.

В 1824 г. в Москве считалось 205 огородов, исключая, вероятно, мелкие, имевшиеся почти при каждом доме. У Андросова их показано в этом году 279 [105]. Они занимали шестую часть всей территории города (около 1040 десятин).

В 1830—1831 гг. Андросов пишет: «Из числа бывших в 1824 г. 279 огородов 63 уже нет: места, прежде ими занятые, теперь или застроены, или поступили под улицы» [106].

О московских огородах он пишет: «От бывшего Земляного до самого Камер-Коллежского вала и за оным тянутся обширные огороды... Но это еще не все: кроме самых только заселенных частей города, Тверской и Яузской, во всех прочих есть огороды. Тверской бульвар с левой стороны отделяется только рядом домов от 4 десятин огородов, занимающих всю почти низменность между бульваром, Малою Никитскою, Садовою и Тверскою улицами... Из значительнейших огородов большая часть принадлежит в Хамовнической части чиновникам, в Сущевской — купцам и Ямскому Обществу, а в Таганской — монастырям. С постепенным водворением Европейского порядка вещей, при развивающемся более и более духе промышленности и огороды отодвигаются от центра города за заставы» [107].

Сады занимали также немалое пространство города. «В самых стесненных частях города, где каждый аршин земли имеет ценность, сады занимают еще значительное место. В Городской они занимают 12-ю, в Тверской — 19-ю и в Мясницкой, более других застроенной, 79-ю часть. В прочих же, особенно к северо-восточной и восточной оконечностях города, в частях Сущевской, Рогожской, Лефортовской и Покровской, сады занимают более трети всего пространства. Богатейшие части садами, по числу по крайней мере, Пятницкая (269), Якиманская (259), Басманная (127) и Яузская (115), обитаемые большей частью купцами. Тут каждый сколько-нибудь значительный дом имеет свой сад. Обширнейшие сады находятся в Лефортовской и Пресненской частях: здесь на каждый сад приходится, круглым числом, более десятины. Садов, приносящих доход, немного. Значительнейшие находятся в Серпуховской, Яузской, Басманной и Якиманской частях... Вообще же сады занимают целую 12-ю часть (439 десятин 457 сажен) всего пространства города; числом оных 1639, следовательно, 243 садами более, нежели сколько их было до 1812 г. Замечательно, что 618 садов разведено и устроено в последнее десятилетие» [108].

В 1838 г. частных садов при домах было 1053, в 1842 г. — 1023. Очевидно, 30 садов были за прошедшие четыре года застроены. Публичных (общественных) садов в 1838 г. было 6, в 1842 г. — 7. Бульваров в 1838 г. было 33, в 1842 г. — 15 [109]. Здесь очевидное недоразумение, так как число бульваров в это время не уменьшилось.

Большим достижением в изучаемый период было устройство для москвичей вне тогдашних границ города Петровского парка.

К. А. Полевой так описывал это место, где позже был разбит парк. «Тогда (в 1827 г. — *П. С.*) еще не существовало нынешнее Петровское, т. е. множество дач, окружающих Петровский парк, также не существовавший; все это миловидное предместие Москвы явилось по мановению императора Николая около 1835 года. До тех пор вокруг исторического Петровского дворца, где несколько дней укрывался Наполеон от московского пожара в 1812 году, было несколько старинных, очень незатейливых дач, стоявших отдельно одна от другой, а все остальное пространство, почти вплоть до заставы, было изрыто, заброшено или покрыто огородами и даже полями с хлебом» [110].

Известная мемуаристка, «бабушка» Е. П. Янькова приводит интересные сведения о происхождении дач близ Петровского парка.

Екатерина II во время Румянцевских празднеств 1775 года на Ходынском поле облюбовала себе место в с. Петровском для нового

загородного дворца, который и был выстроен наподобие замка в виде кружала со многими башнями. Парка... «прежде не было, а была роща и пустыри. Самые давнишние там дачи: Апраксинская, кн. Волконской, кн. М. П. Голицына и одной очень богатой женщины Лобковой.

Потом, когда после первой холеры в 1832—1833 гг. (ошибка. — *П. С.*) стали разводить парк в том виде, как он теперь, там были дачи Н. Н. Хитровой, кн. Н. С. Трубецкой. Стали раздавать от казны земли, кто желал, и по 5000 руб. на обстройку... и сделалось модным иметь дачу в Петровском. Устройство парка препоручено Александру Андреевичу Башилову, сенатору, начальнику Московской Комиссии строений»[111] (неверно, Кремлевской экспедиции. — *П. С.*). В 1836—1837 гг. выстроен был воксал. По смерти Башилова Петровский парк пришел в упадок. Это было уже в 50-х годах.

16 мая 1827 г. Кремлевская экспедиция получила от своего главноначальствующего кн. Юсупова «высочайше утвержденный» план парка при подмосковном Петровском дворце, составленный архитектором А. А. Менеласом, и приказала по этому плану составить сметы, поручив это дело архитектору Томанскому. При этом было оговорено, что имевшиеся у дворца аллеи должны быть сохранены.

Через две недели Томанский представил в экспедицию смету, причем сообщил, что исчисление стоимости различного рода посадок сделал не он, а «известный садовый мастер» Унгабаур. В смете говорилось: «Вокруг всего парка на самой границе вырыть ров глубиной 3 аршина, шириной 4,5 аршина, из вынутой же земли ко внутренней стороне парка сделать подобной вышины вал, обложить дерном с прибивкой оного колышками, всего погонных сажен 2200; за работу, по 6 руб. с сажени, 13 200 руб.

Во рву сделать палисад из бревен, длиною каждое 10 аршин, в отрубе — 4,5 вершка, всего 13 200 бревен, обойдется в 33 000 руб. Палисад окрасить зеленой краской — 13 200 руб.

Сделать 1750 сажен дорог езжалых, как делается шоссе, по 13 руб., 126 750 руб. Подле этих дорог сделать 17 725 сажен дорог для пешеходцев из гравия — 209 837 руб. 50 коп.

Сделать столбушки с прогонами возле пешеходных дорог — 1500 руб. Вырыть пруд, обложив берега дерном (кроме 2 плотин), — 40 654 руб. Всего — 450 031 руб. 50 коп.».

Обсадка деревьями, кустами и прочие работы должны были обойтись в 168 350 руб., а весь парк без строений — 618 381 руб. 50 коп. Другая смета, составленная Томанским, в которой шоссе было заменено грунтовыми дорогами, определяла стоимость работ в 536 358 руб.

13 июля 1827 г. министр двора уведомил экспедицию, что последняя сумма утверждена, но будет выдана в течение трех лет начиная с 1828 г. Были назначены торги для желающих взять на себя указанные работы.

У Ямского общества Тверской слободы отнималось для устройства Петровского парка несколько десятин выгонной земли, за которые оно, согласно мнению Государственного совета от 3 марта 1812 г., должно было получить от казны сумму ежегодного дохода, получавшегося с этой земли, — 300 руб., за 20 лет — 6 тыс. руб.

19 ноября 1827 г. архитектор Томанский доносил Кремлевской экспедиции, что совместно с директором Чертежной Комиссии строений Ладыгиным он установил границы для Петровского парка из земель пустоши Масловки и Тверской-Ямской слободы. Земли были обмеже-

ваны между Миусской заставой и Бутырками и от Тверской заставы до Петровского дворца.

17 ноября 1827 г. генерал-губернатор Москвы предписал Московской городской шестигласной думе сделать распоряжение о передаче в дворцовое ведомство выгонной земли для Петровского парка. Но дума, рассмотрев план и место в натуре, нашла, что данная земля принадлежит не городу, а Ямскому обществу и экономическим крестьянам. Ямщикам было уплачено за землю из Кабинета царя 6 тыс. руб.

15 марта 1828 г. архитектор Томанский сообщил Кремлевской экспедиции, что пора уже начинать работы по устройству парка, и представил смету на 1828 г. — на устройство рва, валов и копание пруда, определявшую работы в 73 651 руб. Происходили торги. Крестьяне взялись рыть ров и делать вал не по 6 руб., а по 5 руб. с сажени.

20 марта 1828 г. Кремлевская экспедиция допустила купца Торгашева к поставке рабочих людей, с платежом каждому от 20 до 30 руб. в месяц, для работ в парке под руководством садовника Финкельмона и для земляных работ под руководством архитектора Томанского. Другой «купчина, титулярный советник и кавалер Фирсов» купил сруб для избы сторожей в Петровском парке. Далее Фирсов уже именуется экзекутором Экспедиции кремлевского строения.

Крестьяне деревни Зыковой продолжали выгонять скот для пастьбы на отнятую у них под Петровский парк землю. Так как с 1 мая 1828 г. должны были начаться работы по устройству парка, то Кремлевская экспедиция постановила просить земский суд строжайше запретить крестьянам выгонять сюда скот.

«Присутствующий» в экспедиции действительный статский советник А. М. Гедеонов объявил Присутствию, что в устраиваемом Петровском парке линия со стороны Бутырок Комиссией для строений еще не отведена. Комиссия строений поручила измерить эту линию землемеру Ионину. Экспедиция кремлевского строения потребовала, чтобы он мерил на 11 сажен дальше восточного вала (границы) парка, якобы для насаждения там деревьев заградительной полосы. Но земля за валом принадлежала крестьянам деревни Петровское-Зыково, и Ионин не стал ее измерять, а Комиссия строений запросила Кремлевскую экспедицию, входят ли эти 11 сажен на протяжении всей восточной границы парка в «высочайше утвержденный» план парка.

24 августа 1828 г. Экспедиция кремлевского строения ответила на этот вопрос положительно, и 21 марта 1829 г. Комиссия для строений прислала ею составленный в Чертежной комиссии план Петровского дворца и парка с окрестными владениями. Составлял этот план в январе 1829 г. землемер Ионин, свидетельствовал землемер Одинцов. Подписал его в январе 1829 г. директор Чертежной Комиссии строений Ладыгин.

Из плана видно, что по сторонам и сзади дворца земли и раньше принадлежали Дворцовому ведомству, но отданы были разным лицам под дачи. Например, возле Петербургской дороги (шоссе), к северу от дворца, земля была отдана статской советнице Лопухиной; здесь было разбросано 10 небольших деревянных зданий и одно большое. К югу от дворца находилась дача жены генерал-лейтенанта Берхмана с 8 небольшими деревянными строениями.

Сзади дворца шла параллельно Петербургскому шоссе широкая аллея с красивой клумбой посреди, от которой к северу, северо-востоку и востоку отходили 3 лучевые дороги, пересекаемые на востоке округлой аллеей парка. Между аллеями были уже парковые насаждения.

На юге парка была широкая аллея, шедшая от Петербургского шоссе, в начале которой были ворота в устраиваемый Петровский парк. Такие же ворота были от шоссе в другом конце парка.

Петровский парк, как указано выше, был обведен валом и рвом, а 11-саженная древесная полоса с севера от дворца и с востока от парка защищала дворец и парк от пыли проезжих дорог.

По обе стороны ворот в парке стояли кирпичные сторожки. В юго-восточном углу парка было несколько небольших деревянных строений «для хранения в зимнее время зверей и для житья рабочих людей». Севернее, вдоль заграждений, находился зверинец с огороженным решеткой прудом, питаемым водой р. Пресни.

В северо-восточном углу парка отведено было место для «ресторации с кофейной, разных игр, воксальной беседки для гуляющих».

Все аллеи в парке должны были иметь ширину в проезжей части 5 сажен, а по сторонам — дорожки для пешеходов, по 1,5 сажени, всего 8 сажен ширины. А. М. Гедеонов отменил прирезку к парку 11-саженной полосы, «чтобы не делать казне убыток» вознаграждением за землю крестьянам Петровского-Зыкова, производством насаждений и пр. [112].

Строительство Петровского парка было окончено вчерне к осени 1831 г. [113].

В 1835 г. новый начальник Кремлевской экспедиции А. А. Башилов поднял вопрос об устройстве в Петровском парке театра и воксала для концертов и танцев. Строительство театра вела Контора московских императорских театров. Она известила Московскую дворцовую контору, заменившую Кремлевскую экспедицию, что театр будет окончен к 1 июня 1835 г., и просила сделать к театру шоссе для подъезда экипажей. Смету на шоссе было поручено составить архитектору Томанскому. Но сделали не шоссе, а булыжную мостовую позади театра, обошедшуюся по 6 руб. за квадратную сажень, в 180 руб. за 30 кв. сажен. Делал мостовую подрядчик крестьянин Ф. Кузьмин. Подъезд к театру, очевидно, был со стороны Верхней Масловки. В том же году купец Ф. Ласин поставил вокруг театра 100 столбиков и сделал между ними низкую деревянную ограду в 70 погонных сажен, покрыв ее масляной краской. Обошлось это в 240 руб.

Для служебных целей были построены деревянный корпус «для размещения в нем обслуживающих парк и театр инвалидных солдат», два обшитых досками балагана для рабочих, конюшня и сарай для инструментов [114].

Петровский парк был разбит на аллеи и куртины в 1834 г. по рисунку художника Финкельмона[115].

В 1836 г. недалеко от театра было построено просторное деревянное здание воксала. Вблизи него были сделаны качели «для народа».

Современники отметили в своих воспоминаниях устройство Петровского парка с театром, воксалом и качелями. Писатель М. Н. Загоскин оставил о нем восторженное описание:

«...Создание Петровского парка принадлежит также нашему времени. Давно ли, думал я, подъезжая к этому любимому гулянью московской аристократии, давно ли было здесь чистое поле, на котором не росло ни одного деревца, не красовалось ни одного домика; направо — однообразное и бесконечное Ходынское поле, налево — продолжение того же поля, песчаная земля, глиняные копи, кой-где гряды с тощей зеленью и несколько лачужек, в которых жили огородники, — вот все, что представлялось вашим взорам, когда вы, миновав Петров-

ский дворец, прекрасное здание мавританской архитектуры, переделанной на европейские нравы, продолжали ехать к Тверской заставе. А теперь!.. Посмотрите, каким роскошным ковром раскинулся этот веселый парк, как разбегаются во все стороны его широкие, укатанные дороги; с каким изящным вкусом разбросаны его рощи, опушенные цветами и благовонным кустарником; какой свежей и яркой зеленью покрыты его обширные поляны; как мил и живописен этот небольшой пруд со своими покатыми берегами и прелестными мостиками!

А это тройное шоссе с двумя бульварами, обставленное с обеих сторон загородными домами, которые, начинаясь от заставы, тянутся до самого парка; эти дачи, которые обхватили такою разнообразною и красивою цепью строений большую часть парка; эти чистые и веселые домики, которые столпились вокруг дворца; этот игрушка летний театр со своим греческим портиком и огромный воксал со всеми своими затеями — лет 10 тому назад обо все этом и речи не было. Здесь были «горы», круглые и висячие качели и разные другие детские забавы.

...Миновав воксал, огромное и красивое здание — я дошел до небольшой рощи, в которой играла музыка. Вдоль по опушке этой рощи в открытых беседках, построенных простыми навесами, сидели по большей части дамы.

Воксал... Трудно было бы придумать что-нибудь лучше и приятнее этого сборного места посетителей Петровского парка. Крытые широкие террасы, прекрасные галереи, чистые, красивые комнаты и огромная зала в два света истинно изящной архитектуры; совершенная свобода: все мужчины в сюртуках, все дамы в шляпках; хороший ужин, музыка для желающих танцевать, отличный хор цыган для тех, которые любят цыганские песни; полковая музыка и фейерверк для всех. Одним словом, воксал Петровского парка мог бы стать наряду с лучшими европейскими заведениями в этом роде, если бы у нас было побольше хороших летних дней и поменьше людей, для которых за морем все мило, а дома все не по душе.

...Вот первая ракета зашипела, взвилась под облака и рассыпалась огненным дождем над кровлей воксала... Огненная потеха продолжалась минут десять и окончилась, как следует, павильоном, или букетом, т. е. полсотнею ракет и двумя бураками, которые взлетели в одно время на воздух!» [116].

Одновременно с парком к востоку от шоссе, между Петровским парком и Тверской заставой, появились две улицы, названные Старой и Новой Башиловками — по имени А. А. Башилова, которому было поручено в свое время устройство парка. Очевидно, он воспользовался случаем и захватил там не один участок земли. Но все же потомки должны быть благодарны ему за устройство от Петровского парка до Тверской заставы по сторонам шедшего здесь уже с 1822 г. Петербургского шоссе двух прекрасных бульваров для пешеходов, а между ними и тротуарами у домов — еще по одной шоссированной дороге. Эти три шоссе с двумя бульварами сделали Петербургское шоссе самой широкой улицей Москвы — свыше 51 сажени, или около 110 м. Петровский же парк занимал территорию свыше 60 десятин (65,6 га). До 1850-х годов он был самым модным и людным гуляньем московской аристократии и крупной буржуазии.

Строительство бульваров на Петербургском шоссе было определено царским указом в 1834 г. «между Тверским в Москву въездом и парком Петровского дворца» в одну версту [117]. Велено было по сторо-

нам шоссе устроить аллеи для пешеходов, а землю за аллеями, в поперечнике 40 сажен, разделить на участки и сдать под дачи. Лица, приобретшие участки, получали их в вечное и потомственное владение и на 10 лет освобождались от всех повинностей. Для строительства дач они могли получить ссуду до 5 тыс. руб., но обязаны были закончить стройку за три года. В противном случае незаконченные строения могли быть проданы с публичного торга. Фасады дач должны были иметь «приличную архитектуру». Разрешалось строить двухэтажные деревянные здания, но обязательно с железной крышей и определенной окраски [118].

Устройство Цветного бульвара датируется обычно 1831 г. Но в книге «Москва, или Исторический путеводитель» [119] говорится, что в 1831 г. по территории этого бульвара еще шел «канал речки Неглинной, соединенный с Самотечным каналом». Если Неглинная не была еще здесь спрятана в подземную трубу, то, следовательно, не могло быть на ее месте главной аллеи бульвара.

Что бульвара тогда еще не было, видно также из письма московского почтмейстера А. Я. Булгакова брату в Петербург от 1 декабря 1831 г. [120]. Он пишет: «Между Самотеки и Трубы (Самотечной и Трубной пл. — *П. С.*) будут парк или сады наподобие Кремлевского» (Александровского — *П. С.*). Очевидно, этот бульвар устроен не прежде 1832 г.

Раньше его был устроен Трубный бульвар. «Образованный в недавнем времени, он простирается от так называемой Трубы, находящейся на большом бульваре, образовавшемся из стены Белого города, почти до Кузнецкого моста; он идет над самым водопроводным подземным каналом, известным под именем Мытищинского, и обещает в скорости прекрасное гульбище; в конце, близ Сандуновских бань, видите отлично хорошо устроенный водоем и фонтан, — он имеет прекрасную форму и сделан из дикого камня. Бульвар содержится весьма чисто, обсажен деревцами, но оные еще молоды; на разных расстояниях стоят скамейки, окрашенные зеленою краскою» [121].

Как мы указывали выше, Анненгофская роща еще в 1825 г. была передана кадетскому корпусу, помещавшемуся рядом, в Екатерининском дворце, и была исключена из ведения Экспедиции кремлевского строения [122]. В 1831 г. московский комендант Стааль сообщил генерал-губернатору Д. В. Голицыну об окончании ремонта Камер-Коллежского вала и о включении в черту города Анненгофской рощи, как сада, необходимого для кадет [123].

Дворцовый сад (ныне парк МВО) был открыт в это время для всех, и в нем происходили гулянья днем и вечером.

Кроме того, светская публика посещала в эти годы сад И. Н. Римского-Корсакова, находившийся между Большим Божедомским переулком и Селезневкой, где теперь проходят Самотечные переулки. В XVIII веке эта огромная усадьба, включавшая в себя и пруды Неглинной, принадлежала Л. А. Пушкину, деду поэта. Его сыновья С. Л. и В. Л. Пушкины продали ее в начале XIX века В. И. Нелидову. Тот перепродал ее в 1817 г. московскому генерал-губернатору А. П. Тормасову, устроившему здесь свою летнюю резиденцию. После смерти Тормасова в 1819 г. сын его в 1824 г. продал усадьбу И. Н. Римскому-Корсакову. При этом владельце в сад допускали всякого «прилично одетого». Аллеи сада заблестели потешными огнями и огласились гармоническими звуками прекрасных оркестров. На широких чистых прудах катались на шлюпках, пели песенники. Но это продолжалось не-

долго. По смерти владельца в 1830 г. его наследники в 1831 г. выделили барский дом со службами в отдельную усадьбу, а «Корсаков сад стал общим местом гулянья для всех желающих, начал мало-помалу зарастать травой, пруды покрылись тиной, деревья, оставленные на произвол, разрослись так, что ветвями били по лицу прохожих... Вскоре сад был отдан в аренду итальянцу Педоти, который выстроил здесь кофейню и приглашал играть три раза в неделю оркестр роговой музыки Нарышкина»[124].

Бульвары на месте стены Белого города в 30-х годах XIX века были уже устроены, устроены были также на Садовом кольце Смоленский и Зубовский бульвары.

Но простой народ, весь день с утра до глубокой ночи проводивший в работе, только по воскресеньям выходил на гулянья. Народные гулянья были на Воробьевых горах, в Нескучном саду, когда там не было никого из царской семьи, в Марьиной роще.

В 1830 г. были устроены аллеи с деревьями вокруг Патриаршего пруда на Малой Бронной ул. «Путеводитель» 1831 г. отметил: «Год назад (возле пруда. — *П. С.*) были здесь кругом развалины и пустыри; пруд был запущен, и, словом, неприятно было ходить по сему месту. Теперь старанием Комиссии для строений все здесь расчищено, пруд приведен в хорошее состояние, и, может быть, место сие сделается приятным для окрестных жителей гуляньем»[125].

О том же пишет В. Андросов: «Урочище Патриаршие пруды... представляет теперь вместо болота чистый пруд, обделанный дерновыми склонами по берегам, дорожками и аллеями, что, с поднятыми тут мостовыми, вообще много содействовало к осушению этой низменности, известной в старину, и теперь еще, под названием Козьего болота»[126].

Самым модным местом для гулянья в центре города был в 1820—1840-х годах Тверской бульвар.

Современник в статье «Модное гульбище в Москве» так рассказывает о его прошлом и настоящем:

«Прекрасный, благоухающий резедою и освежаемый фонтанами Тверской бульвар... Этот бульвар привлекал... многочисленнейшую публику, которую во все лето увеселяла музыка, а под осень иллюминация одного частного человека, потом другого, но только одна музыка. Обширная галерея наполнялась дамами, приезжавшими туда с работою. Искательные мужчины занимали их живым, шутливым разговором, смех почти не прерывался, и бульвар — тогда почти единственное гульбище — был местом приятнейшего соединения почти каждый вечер.

Другие времена, другие нравы; но Тверской бульвар, как феникс, возник с новою юностью и, — выключая музыку и иллюминацию, бываемых только в некоторые торжественные дни, — принял свой старинный характер, с тем еще маленьким различием, что дамы беспрестанно прохаживаются вдоль проспекта, отдыхают — и то очень мало — на скамейках и совсем не входят в галерею. Мужчины встречаются с знакомыми дамами и проходят их безмолвно, при легком, едва заметном, поклоне; исключений очень мало.

Не трудно усмотреть, что ныне (вероятно, по законам моды) все носит какую-то печать важности, равнодушия; и когда бульвар окружен экипажами, на нем так тихо, что, закрыв глаза, подумаешь, будто никого нет... Как скоро 8 часов вечера, то уже весь лучший свет на бульваре. Прекрасная погода в продолжение почти 2-х месяцев благо-

приятствует сему, ныне столь любимому гульбищу, и, конечно, одному из лучших в столице как по своему местному положению, так и по своим новым украшениям» [127].

В 1831 г. гулянья на Тверском бульваре бывали только вечером, по вторникам и пятницам [128]. Очевидно, открытие Петровского парка отвлекало туда публику в другие дни.

В книге «Москва, или Исторический путеводитель» пишется о том, кто устраивал и смотрел за Тверским бульваром: «Смотрение за сим, так сказать, общественным садом имеют солдаты военного рабочего батальона; они-то под надзором своих начальников и планируют и обрабатывают как бульвары, так и водоем, а ровно и Кремлевский (до 1831 г. — *П. С.*) сад». Тут же дается описание Тверского бульвара: «Вот место, славное гулянием своим! Средняя большая дорога обсажена липами, уже возмужавшими, в два ряда; между оных проложены еще дорожки параллельно с большою средней. Из всех бульваров он есть теперь лучший!» [129].

Кроме бульваров, садов и парка москвичей привлекали и другие увеселения. В 1830 г. в Нескучном саду был устроен дирекцией казенных театров Воздушный театр, т. е. театр на воздухе, где сцена и партер огораживались деревьями [130].

За Камер-Коллежским валом, между Пресненской и Тверской заставами, сохранялись: «Медвежья травля и при ней строение мещанки Анны Арбековой», очевидно, содержательницы этого своеобразного цирка; «Заячья садка и при ней строение Марьи Кирилловой», тоже, очевидно, ее содержательницы [131]. Здесь подвизались охотники, выпускавшие своих собак вдогонку за ученым зайцем, возвращавшимся через некоторое время к своей хозяйке.

Конские бега, устраивавшиеся в 1820-х годах на Земляном валу (на месте Смоленского бульвара), были в 1834 г. перенесены на Ходынское поле [132]. Вероятно, только после этого на Земляном валу и был насажен Смоленский бульвар. Возможно, что бега и скачки устраивались на Ходынке и до этого времени [133].

Об устройстве бульваров на месте стены, вала и рва Белого города, вала и рва Земляного города, осуществленных главным образом во второй половине 1820-х годов, подробно рассказывает В. Андросов: «Бульвары, занявшие место вала, окружавшего город, сделались местом общественных прогулок. Не говоря уже о Тверском, который отделан и содержится с особенной заботливостью, взглянем на другие. Как хорошо обделаны эти склоны, отлого подымающиеся по горе к Алексеевскому монастырю (в современном Соймоновском пр. — *П. С.*), и какой вид представляют самые стены монастыря, окруженные бульварами! Но, чтобы достойнее ценить положение этого места, надобно взглянуть с этой высоты на Кремль и вверх по течению реки Москвы к подошвам Воробьевских возвышенностей... Сколько надобно было употребить работы, чтобы из безобразной горы, где теперь устроен прекрасный Пречистенский бульвар, сделать такое прекрасное место: тут была произведена обширная планировка... Место, по низменному положению своему, всегда нечистое, площадь на Трубе при устройстве Петровского и Сретенского бульваров видимо улучшилась, по окончании же теперешних работ она будет одна из лучших...

...Все это пространство от Алексеевской горы до устья Яузы, составляющее протяжение на 6 верст, совершенно преобразовано: в иных местах сделаны огромные насыпи, в других целые слои сняты;

везде устроены английские дорожки, во многих местах террасы, а места, оставленные для зелени, усажены липами и устланы дерном.

...Остановимся на этой огромной насыпи, почти соединяющей улицу, находящуюся у Калужской площади, с Остоженкою, ведущей к историческому Крымскому броду. Кто не помнит здесь проезда? Теперь по всему этому пространству, длиною почти на версту, низменному, понимаемому разливом Москвы-реки, устроена прочная насыпь на 370 сажен в длину, в 14 и 15 сажен шириною и в 7,5 аршина в вышину, покрытая шоссе; и проезд сделан удобнейший, какой только здесь существовать может.

В самых отдаленных частях города устроены удобные и красивые места для прогулки; бульваром в Зубове (Зубовским. — *П. С.*) можно полюбоваться и видевши бульвары внутренние. Нельзя не упомянуть и о месте летней скачки, тут же устроенной (на месте Смоленского бульвара. — *П. С.*). Далее, стоит только пробежать Садовую улицу, по многим отношениям оправдывающую свое название, чтобы видеть, какие улучшения сделаны даже в дальних местах: ее пересекают обширные площади: Новинская упланированная, год от году улучшающаяся; Кудринская, Триумфальная, расширенная; площадь между Ново-Слободским рынком и Каретным рядом (Большая и Малая Угольные пл. — *П. С.*), фонтан с прекрасно отделанным прудом Самотеки, две обширные площади по сторонам Сухаревской башни и, наконец, площади у Красных ворот и у Покровского рынка (на Земляном валу, между ул. Чернышевского и ул. Аркадия Гайдара. — *П. С.*). Сколько нужно было работы, чтобы устроить эти две насыпи, вышиной до 15 аршин, простирающиеся к реке Яузе, по обоим берегам оной, и чтобы вырыть для сих насыпей землю от Воронцовской улицы, по обе стороны Яузы на 7—8 аршин, и уравнять с мостом через Яузу вышиною в 17 аршин? Следя далее по этому направлению, снято земли у моста и реки до поперечной Николо-Ямской улицы от 4 до 5 аршин в глубину, а за оною засыпано болото, где не было проезду. Срыта гора до Таганского рынка; наконец, у Краснохолмского моста, по планировке, крутизна горы скопана на 3 аршина. Садовая улица пойдет далее по проезду так называемого Земляного города, через Водоотводный канал до Зацепы. Таким образом, в протяжении она составит до 15 верст.

...Улучшены также въезды у застав: Калужской, Дорогомиловской, Пресненской, Миусской, Семеновской; при них устроены шоссе. Сделаны и особенные дамбы: в Серпуховской части — Кожевническая, а в Покровской — Хапиловская»[134].

О подсыпке Садовой улицы около Высоко-Яузского моста позднее писал в своих воспоминаниях Н. А. Найденов: «Подъезд с нынешней передней стороны (на ул. Чкалова у моста к дому Найденовых. — *П. С.*) был в то время совершенно неблагоустроенным; я слыхал, что при венчании моего отца (осенью 1828 г.) въезжали в ворота от Сыромятников, так как от Земляного вала ездить в каретах было совершенно невозможно; такое положение существовало до устройства нынешней улицы, произведенного посредством насыпи; для этого поступила земля из срытого Земляного вала, срытие которого от церкви Николая Чудотворца в Кобыльском (стоявшей напротив Малого Казенного пер. — *П. С.*) до Таганки было начато в 1827 году. (Точно так же была сделана насыпь для устройства моста и с противоположной стороны Яузы, но та насыпь была короткой в сравнении с сделанной на нашей стороне); насыпь была доведена до Яузы в 1829 г., и в августе началась постройка моста, которая была окончена к 15 июня

1830 г.; устроенная таким образом улица представляла собою тогда высокую дамбу, на которую от имевшихся возле нашего дома ворот был сделан отлогий въезд, в таком виде она существовала весьма долго»[135].

До 1830-х годов Москва имела только две большие каменные набережные — Кремлевскую и Москворецкую, устроенные в конце XVIII века и в 1823—1824 гг. облицованные тесаным камнем. О них так говорится в книге «Москва, или Исторический путеводитель», изданной в 1831 г.: «От устья Яузы... до Каменного моста крутые берега реки прочно обложены диким тесаным камнем, на разных расстояниях поделаны для пешеходцев прекрасные каменные лестницы для схода на самую реку; ...в некоторых местах поделаны вместо лестниц отлогие спуски для съезда за водою... Вся набережная имеет хорошую чугунную решетку. Кроме хорошей мостовой на самом грунте сделаны около перил весьма широкие тротуары»[136].

Софийская набережная еще в 1831 г. подпиралась деревянными стенками. Ширина набережной была так мала, что не позволяла проезда в разных направлениях. Поэтому в 1832 г. по проекту инженера Яниша вместо деревянных стенок были сделаны вдающиеся в реку каменные своды, на них другие, и уже на последних проложена новая поверхность набережной, давшая вместе со старой ширину в 8,73 сажени[137]. Стенки набережной, как и на противоположном берегу, были облицованы тесаным камнем. После устройства Софийской набережной таким же камнем была облицована и соседняя Раушская набережная.

В 1829 г. сгорел находившийся между ними Москворецкий деревянный мост. В 1829—1830 гг. снова был выстроен деревянный, но на четырех каменных опорах (быках), простоявший до 1870 г.[138].

В 1838 г. насчитывалось в Москве 53 моста, в том числе: каменных — 16, чугунных — 2, деревянных — 35. (Число каменных мостов, показанных в этом году, явно ошибочно. Оно корректируется данными следующих лет.)

В 1841—1842 гг. было уже 57 мостов, из них: каменных — 9 (очевидно, учитывались одни только крупные мосты), чугунных — 3, деревянных — 45[139]. Это были мосты не только через Москву-реку и Яузу, но и через мелкие ручьи и овраги.

Через Москву-реку был только один каменный мост — Большой Каменный, через Водоотводный канал тоже один — Малый Каменный, через Яузу — два: Дворцовый и Яузский (на месте современного Астахова); через Неглинную — один Троицкий мост, через речку Чечору у Разгуляя — тоже один. Где находились остальные каменные мосты, нам не удалось выяснить. Из чугунных мостов нам известен только один — напротив Пятницкой улицы через Водоотводный канал (построен инженером де Витте в 1822 г.). Где были два других — неизвестно. Деревянные же мосты были перекинуты и через Яузу, и через другие речки и ручьи.

В 1833—1835 гг. шла работа по углублению и расширению Водоотводного канала с целью сделать его пригодным для судоходства. Канал был расширен по дну до 20 м, между бровками берегов — до 40 м. Откосы канала были вымощены камнем. Одновременно засыпали рукав канала, шедший по Балчугу к Москворецкому мосту, на месте древних «ровушек». Эту засыпку, по договору с городской думой, производил за свой счет купец Телепнев с тем, что за это территория бывшего канала будет отдана ему в собственность под лавки. Но городская

дума нарушила договор и только через много лет уплатила дочери умершего Телепнева небольшую сумму [140].

До постройки в 1687—1692 гг. первого Большого Каменного моста плавание судов по Москве-реке не встречало больших препятствий. Суда были маленькие, и их свободно перетаскивали через бывший на месте будущего моста брод — каменную гряду, в мелководье чуть не выступавшую из реки.

После постройки Большого Каменного моста положение изменилось. Во-первых, мост мешал перетаскиванию судов. Во-вторых, сами суда стали больше, чем в XVII веке, сидели глубже и требовали большей глубины в реке. В-третьих, воды в реке, за исключением времени паводков и дней с большими дождями, стало меньше, чем раньше, так как в верховьях реки было уничтожено много лесов, задерживавших влагу, и река начала мелеть.

Между тем водный транспорт был самым дешевым, а некоторые грузы, например камень, песок и другие строительные материалы, в больших количествах только и могли доставляться водой, а не на подводах. Поэтому, когда после войны 1812 г. началось большое строительство в Москве, был по-деловому поставлен вопрос и о создании надлежащих условий для движения тяжелых барж по Москве-реке как ниже, так и выше Большого Каменного моста. Для этого с 1833 г. и стали превращать в судоходный Водоотводный канал.

В 1836 г. русло Москвы-реки выше Большого Каменного моста и ниже стрелки (начала Водоотводного канала) было перегорожено Бабьегородской разборной деревянной плотиной с отверстием длиной 100 м. Созданный этой плотиной подпор в 2,8 м простирался почти на 15 км до деревни Шелепихи. Одновременно в конце канала, в старом его русле, была построена Краснохолмская плотина с подпором в 3 м над горизонтом старой Перервинской плотины, а в новом русле, прямо продолжавшем канал, устроен был двухкамерный шлюз для проводки судов. Глубина канала в начале его доходила до 2 м. Это дало возможность проходить в центре города большим баржам.

Но ниже Краснохолмской плотины воды в Москве-реке было мало, река изобиловала отмелями, а в некоторых местах глубина ее не превышала 7 вершков, тогда как для проходки барж требовалось никак не менее 8 вершков. Баржи часто садились на мель. Чтобы сдвинуть баржу с мели, требовалось до 200 рабочих и десятки лошадей. Сотни рабочих и табуны лошадей для тяги барж бечевой поджидали караваны судов на мелководных участках. Так продолжалось до конца 1860-х годов [141].

Строительство Водоотводного канала образовало в конце его, у Краснохолмской плотины, островок с новым Островским деревянным мостом и Островскими переулками. В дальнейшем по берегу Водоотводного канала были устроены Якиманская, Кадашевская, Садовническая, Болотная, Овчинниковская, Озерковская и Шлюзовая набережные.

Кроме Островского моста через Водоотводный канал были переброшены мосты: Козьмодемьянский (Малый Каменный), Чугунный, Комиссариатский и Малый Краснохолмский [142].

Посмотрим, как обстояло дело с мощением улиц, число которых неизменно росло. К концу рассматриваемого периода оно увеличилось на 60%. Мы уже указывали, что большинство новых улиц было запланировано и устроено за Садовым кольцом. Число переулков, несколько увеличившееся к 1830 г., затем уменьшилось на 9%. Вероятно, неко-

торые переулки были превращены в улицы, некоторые же закрыты вследствие новой застройки кварталов.

В 1830 г. из 54 площадей было замощено 36, из 188 улиц — 127, из 635 переулков — 351 [143]. В общем, Москва была в это время почти наполовину незамощенной. Но с каждым годом замощенность городских проездов росла, правда, очень медленно, что видно из следующих цифр (в квадратных саженях):

Наименование мостовых	1830 г.[144]	1838 г.[145]	1842 г.[146]
Казенная и городская . .	169 752	163 786	172 632
Обывательская	776 586	765 900	765 900
Всего	946 338	929 686	938 532

Казенная и городская мостовые были, как показывают цифры 1838 г., почти на 90% (146 044 кв. сажени) булыжными, на 10% (14 635 кв. сажен) — шоссированными и на 0,05% (68,5 кв. сажени) — торцовыми. О материале обывательской мостовой у нас нет сведений, но можно предполагать, что она была еще в значительной степени деревянной и только в центре города — булыжной.

В отчетах обер-полицмейстера за 1841 и 1842 гг. находим цифры о тротуарах, в том и другом году одинаковые: 11 180 кв. сажен казенных тротуаров и 177 400 кв. сажен обывательских. Покрыты тротуары были большей частью деревом, значительно реже — камнем; на некоторых улицах появились тротуары из асфальта — мергеля, как его тогда называли.

Известный статистик Вадим Пассек в 1841 г. писал: «В том числе (мостовых и тротуаров Москвы. — *П. С.*) есть небольшие пространства, вымощенные торцами, есть тротуары чугунные, дикого камня, и в последнее время сделаны асфальтовые, которые, кажется, должно предпочесть всем прочим» [147].

С 1843 г. в Москве начали строить тротуары из татаровской и лыткаринской плит [148].

Освещение улиц составляло один из главных видов городского благоустройства. С 1731 г. улицы Москвы освещались масляными фонарями. В 1827 г. в Москве горело 6607 масляных фонарей и 84 так называемых варшавских (спирто-скипидарных) [149]. В 1842 г. на улицах горело 7716 масляных фонарей, содержащихся городом, и 450 — обывателями. Кроме того, горело 98 варшавских фонарей [150].

За освещением улиц, кроме ухода за обывательскими фонарями, наблюдали особые фонарщики, подчинявшиеся полиции.

Очистка улиц и тротуаров перед казенными и городскими зданиями тоже лежала на обязанности людей, подчиненных полиции. Улицы перед обывательскими домами чистили сами хозяева.

Существенную часть городского благоустройства составлял транспорт — экипажи, подводы, сани. Единственной движущей силой в описываемый период была лошадь. В 1838 г. в Москве числилось лошадей: казенных — 1418, извозчичьих — 9894, обывательских — 16 979. Извозчичьи экипажи, по старой терминологии, в отчетах московского обер-полицмейстера называются еще ямскими[151].

Число экипажей разного рода было следующее:

Экипажи	Обывательские	Ямские	Всего
Кареты	2 106	198	2 304
Коляски	1 977	160	2 137
Фаэтоны	170	59	229
Кабриолеты	40	36	76
Дрожки	7 038	3 191	10 229
Сани	10 215	3 028	13 243
Роспуски	1 637	757	2 394
Дровни	2 311	987	3 298
Итого	25 494	8 416	33 910

Из этих цифр видим, что удельный вес наемного извозчичьего транспорта не превышал тогда 25%, а 75% жителей и учреждений Москвы пользовались собственным транспортом.

О московских извозчиках 1830-х годов некоторые интересные сведения дает в своей книге П. Вистенгоф: «На всех площадях и почти на каждом большом перекрестке устроены в Москве биржи для извозчиков; тут вы найдете калиберные дрожки, обыкновенные рессорные и пролетки, запряженные в одну лошадь. Если кто имеет надобность в паре или четверке, тот должен посылать на постоялые дворы, где живут извозчики. Средняя цена извозчика на день: простые дрожки 5 руб., пролетки 10 руб., фаэтон парою 10 руб., коляска и карета четверкою 15 руб. ассигнациями. В Москве есть извозчики (например, некто Ечкин.— *П. С.*), которые содержат огромные заведения, славятся красотою экипажей и богатыми конями; они отпускают свои запряжки на свадебные церемонии, равно на места поденно и помесячно, но берут страшные деньги; обыкновенный же ямской фаэтон с парою лошадей стоит в месяц 300 руб. ассигнациями. Так как при огромности города почти всякому беспрестанно встречается надобность в езде, то по дороговизне извозчиков большая часть обывателей, маломальски имеющих способы, заводят своих лошадей. Московский извозчик удивительно как расторопен, хитер и услужлив, если ожидает, что ему прибавят или дадут на водку, он — большая помощь приезжим при отыскании домов и глухих переулков. Зимою появляется в Москве до 12 000 извозчиков; у них плохие запряжки, но зато они не дорожатся и очень удобны для бедных людей»[152].

Общий облик Москвы в начале 1830-х годов рисуют несколько современников.

В. Андросов в цитированной нами не однажды его работе пишет: «Взглянем ли мы теперь на Москву в ее объеме? Тут все отличительно. Ее необъятное протяжение; громады зданий, заслоняющие одни другие; улицы неровные; извилистые, коленчатые переулки; домы, то готовые выдвинуться на улицу, то скрытые в глубине широких дворов, заросших травою, обращенные фасадами в разные стороны; близкое соседство великолепной пустоты и тесноты заразительной, пышности и бедности; обширные, неправильные площади; во многих местах одичавшие, уединенные сады, пруды, церкви с их мрачною архитектурою, с широкими монастырями (дворами. — *П. С.*), на которых нередко из-под травы выказываются развалившиеся старинные надгробные камни; разнообразные палисады, опрятно выкрашенные, из-за которых часто выглядывают капустные гряды; все это живо, ярко, пестро»[153].

Через 10 лет в «Очерках московской жизни» П. Вистенгоф так описывает московские улицы:

«С каждым годом наружный вид Москвы украшается быстрою постройкою огромных, красивых домов, принадлежащих казне и частным лицам. Тротуары на многих улицах сделаны из асфальта или дикого камня и не представляют тех затруднений для пешеходов, как это было несколько лет назад, площади везде чисты и украшены фонтанами.

Главнейшие улицы, на которых сосредоточивается народная деятельность города, суть: Ильинка, где построены Гостиный двор и Биржа; Кузнецкий мост, на котором помещаются модные магазины, косметики и превосходно устроенная галерея князя Голицына, с отделанными в ней лавками. Здесь встречаете вы экипажи и пешеходов с утра до поздней ночи и преимущественно один чисто одетый народ, потому что московский простолюдин, не имея никогда надобности ни в чем, что продается на Кузнецком мосту, проходит его разве по крайней необходимости.

Тверская — главная московская улица, идущая от Петербургской заставы к Иверским воротам (Китай-города. — *П. С*); здесь находятся лучшие гостиницы для приезжающих, магазины, кондитерские лавки, множество красиво отстроенных домов и дом московского военного генерал-губернатора. Петровская площадь, на которой построен огромный Петровский театр. Вот места, где наиболее проявляется народное движение.

Домы в Москве строятся в один, два и до четырех этажей, последних очень немного, больше строятся в два этажа. Хотя бы еще можно было поименовать несколько больших улиц, но все они не имеют никакого особенного отличия, и огромные домы перемешаны часто с небольшими домиками. Если это противно плану новейших городов, то разнообразие это имеет свою хорошую сторону. Вы видите палаты вельмож и подле мирной хижины ремесленника, которые не мешают друг другу, у каждого своя архитектура, свой масштаб жизни; ходя по Москве, вы не идете между двумя рядами каменных стен, где затворены одни расчеты и страсти, но встречаете жизнь в каждом домике отдельно. Холмы, на которых расположена Москва, доставляют удовольствие наблюдателю, раскидывая перед ним чудесные картины; часто идучи по какой-нибудь кривой, извилистой улице, вы вдруг видите себя на вершине горы, под вами расстилается огромный город, с его бесчисленными башнями, церквами и высокими колокольнями. Лучшие виды Москвы — из Кремля на Замоскворечье и с Воробьевых гор на всю Москву...»[154].

Другой современник, М. Н. Загоскин писал: «Нельзя довольно надивиться, когда посмотришь, что сделано для Москвы в течение последних двадцати пяти лет... Не говоря уже об огромном Петровском театре, о великолепной набережной по той стороне реки, между Каменным и Москворецким мостами (Софийской набережной. — *П. С.*), о бульварах и о множестве других улучшений, имеющих целью одну красоту и великолепие города, — сколько сделано в течение этих двадцати пяти лет для существенной пользы и блага Московских жителей! Крутые спуски, от которых езда по Москве была не всегда безопасна, везде срыты, и грязные, заплывшие тиною пруды превратились в светлые бассейны, обсаженные тенистыми липами.

Придет ли кому в голову, что этот широкий бульвар на Трубе, со своими зелеными полянами и гладкими дорожками был не так еще давно почти непроходимым и зловонным болотом! Кто поверит, что несколько лет тому назад на том самом месте, где теперь красивые

сады опоясывают западную часть Кремлевской стены, был безобразный ров, заваленный всякой отвратительной нечистотою? Любуясь изящною и легкой архитектурой Москворецкого моста, вспомните, что недавно еще один только Каменный мост соединял весною все Замоскворечье с остальной частью города...»[155].

Уже цитированный нами П. Вистенгоф в своих «Очерках московской жизни» дал прекрасное описание того, как проходил день на улицах Москвы в 1840-х годах:

«С наступлением раннего утра в Москве, когда она еще спит глубоким сном, медленно движутся по улицам возы с дровами; подмосковные мужики везут на рынки овощи и молоко, и первая деятельность проявляется в калашнях, откуда отправляют на больших, длинных лотках в симметрическом порядке укладенные калачи и булки; спустя немного времени появляются на улицах кухарки, потом повара с кульками, понемногу выползают калиберные извозчики, а зимой санные ваньки, которые нарочно выезжают для поваров; дворники, лениво потягиваясь, выходят с метлами и тачками мести мостовую, водовозы на клячах тянутся к фонтанам, нищие пробираются к заутрене, кучера ведут лошадей в кузни, обычный пьяница направляет путь в кабак; девушка в салопе возвращается с ночлега из гостей, овощной купец отворяет лавку и выставляет в дверях кадки с морковью и репой; выбегают мастеровые мальчики с посылками от хозяев, хожалый навещает будки.

В восемь часов отворяются магазины, выносятся огромные дверные вывески, юристы и стряпчие едут к секретарям поговорить на дому, купец в тележке спешит в ряды, гувернеры везут детей в пансионы, студенты тянутся в университет, мальчики с сумками, дурачась, бегут в училища, доктора едут по больным, приказные чиновники идут к должности, почтальоны разносят письма, капельдинеры отправляются извещать актеров о репетициях, тянутся театральные кареты, месячные извозчики в экипажах спешат на места, и дрожки выезжают к биржам; помещики едут в Опекунский совет и другие присутственные места. На улицах Москвы появляется множество хорошеньких женщин, которые, не имея ни гроша в ридикюле, отправляются в город в надежде и на кредит купца, и на случайную встречу с обязательным знакомым, который из вежливости иногда платит за покупку.

В конце двенадцатого часа московская мостовая начинает стонать от больших экипажей, несутся парные фаэтоны, пролетные дрожки, коляски, двухместные и четырехместные кареты; сенаторы едут в Сенат, щеголь и щеголиха едут с целью и без цели на Кузнецкий мост, праздный московский юноша, который почти живет в фаэтоне, рыскает по улицам без всякой надобности, высший и средний круги делают визиты, промотавшийся денди спешит к аферисту для сделок, военные в отпуску и женихи, рисуясь, показываются и перегоняют кареты, где мелькают шляпки.

Наконец, в четвертом часу эта живая пестрая толпа умолкает понемногу, и деятельность города засыпает во время обеда; тогда изредка встретите вы на улице пешехода, который идет разве по необходимости, или в знойный летний день лениво пробежит мимо вас дворная собака, свеся на сторону свой язык, или порой как стрела промчится по пустой улице карета московского фешенебля, который всегда и везде опаздывает.

В семь часов вечера деятельность города оживает снова, и столица является уже более праздная, нежели утром; толпы гуляющих

наполняют московские сады и бульвары, дворянство со всех концов города несется в Петровский парк и на дачи, пешеходы и экипажи всякого рода спешат к большому Петровскому театру, множество экипажей сосредоточивается на Дмитровке, на которой линией лежат клубы. Зимой, едва только начинается разъезд у Большого театра, как со всех концов Москвы тянется в несколько рядов бесконечная цепь карет к подъезду Дворянского собрания или на Поварскую, Арбат и Пречистенку, где московские гранды дают балы на славу.

К полуночи деятельность города утихает, но спустя два часа она, как пламя угасающего пожара, вспыхивает вновь на короткое время: тут продолжаются разъезды из Собрания и с балов; в это время, избегая штрафа, возвращается нехотя домой всегдашний посетитель клуба; несколько позже тянется длинный ряд бочек (ассенизационные обозы. — *П. С.*), которые перегоняет усталый игрок, дремлющий в своей покойной карете; наконец, и эта последняя вспышка деятельности утихает; слышны только протяжные звуки благовеста к заутрене и крики петухов, приветствующих московское утро, начинающееся той же картиной, которую вы видели в начале главы.

Но в самое то время, когда большой город живет такой светской разнообразной жизнью, другая его половина, отделенная лишь небольшой рекой, представляет совершенную противоположность его шумной и разгульной жизни. Житель Замоскворечья (разумеется, исключая некоторых домов, где живут дворяне. — *П. С.*) уже встает, тогда как на Арбате и Пречистенке только что ложатся спать, и ложится спать тогда, когда по другую сторону реки только что начинается вечер. Там жизнь деятельная и общественная, здесь жизнь частная, спокойная, которая вся заключается в одном маленьком домике и его семейном быте: в длинных, пересекающихся между собой переулках вы не видите почти никакого движения, и редко прогремит там щегольская карета... Вы найдете в Москве самые верные образчики нашего простого сельского быта, вы отыщете в ней целые усадьбы деревенских помещиков с выгонами для скота, фруктовыми садами и огородами и другими принадлежностями сельского хозяйства.

...Живя в ином городе, разумеется, за границею, вы можете совершенно забыть, что есть на свете деревни; в Москве с вами этого никогда не случится»[156].

В 1834 г. в Москве, имевшей уже на площадях два памятника — Минину и Пожарскому на Красной площади и Красные ворота, прибавился третий — Триумфальные ворота у Тверской заставы.

Их строительство началось в 1827 г. при въезде в Москву со стороны Петербургского шоссе. Строил ворота в 1827—1834 гг. архитектор О. И. Бове. Идея памятника — торжество русского народа над интервентами 1812 г. Но надо думать, что этой идеей Николай I прикрывал свое подлинное желание — иметь более помпезный въезд в Москву: обычно у Тверской заставы царя встречала вся администрация Москвы вместе с почетными представителями дворянства и купечества.

Архитектура Триумфальных ворот описана А. А. Федоровым-Давыдовым:

«Триумфальные ворота относятся к числу лучших созданий Бове и выдающихся произведений архитектуры послепожарной Москвы. Однопролетная арка со всех четырех сторон была украшена сдвоенными колоннами, между которыми стояли фигуры воинов; над ними были помещены барельефы на темы Отечественной войны. Не только

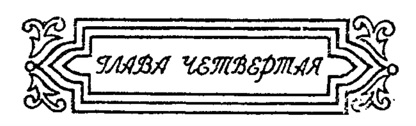
Триумфальные ворота у Тверской заставы, построенные архитектором О. И. Бове в 1827—1834 гг. По сторонам ворот — кордегардии.

скульптура статуй и барельефов, но и колонны с их капителями были отлиты из чугуна и эффектно выделялись на фоне каменной облицовки стен арки. Лежавший на колоннах антаблемент удачно членил сооружение по вертикали, превращая его верхнюю часть в аттик, на котором была помещена мемориальная надпись и который был увенчан скульптурной группой Победы на колеснице, запряженной шестеркой лошадей. Аллегорические фигуры, в свою очередь, хорошо увенчивали отрезки раскрепованного антаблемента, завершавшего сдвоенные колонны, и отчетливо рисовались на фоне аттика. В целом эта триумфальная арка представляла собой прекрасный синтез архитектуры и скульптуры (скульпторы И. П. Витали и И. Тимофеев). Стройность ее пропорций, устойчивый характер форм, свободных вместе с тем от давящей тяжести, хорошо и правдиво отображали в образах архитектуры идею ясного и спокойного сознания победы, уверенности в силе и славе народа. Это был прекрасный и правдивый, проникнутый передовыми идеями эпохи символ торжествующей Москвы, победительницы Наполеона.

По сторонам арки были построены два небольших кубических, покрытых куполами и украшенных дорическими портиками здания кордегардий, соединявшихся с аркой низкой прозрачной металлической оградой. Кордегардии были выдвинуты несколько вперед по направлению к центру города, в силу чего ограда была вогнутой и образовывала как бы небольшую площадку перед аркой. Таким образом, если со стороны въезда в город арка являлась как бы его воротами, то с обратной стороны она служила архитектурным замыканием перспективы Тверской улицы»[157].

Привычной формой народных памятников победы над врагами оставались и храмы. Это было древней русской традицией. Дмитрий Донской в 1380 г., возвратясь в Москву после Куликовской битвы, построил в память своей победы церковь Всех святых на Варварской площади. Иван Грозный после победы под Казанью построил храм Василия Блаженного. Д. М. Пожарский в память освобождения Москвы от польских интервентов в 1612 г. построил на углу Красной площади и Никольской улицы Казанский собор. Александр I, задумав построить храм Христа Спасителя на Воробьевых горах, следовал той же традиции, но его план не осуществился. Поэтому в 1832 г., когда Триумфальные ворота Бове у Тверской заставы были уже почти закончены, был издан указ (2 ПСЗ, УП, № 5288) о возведении огромного храма Христа Спасителя, но уже в Белом городе, на месте Алексеевского монастыря.

Надо думать, что выбор места для сооружения храма Христа Спасителя в центре города, его большая величина и форма в виде куба во многом зависели от уже возведенного к этому времени храма Исаакия Далматского в Петербурге.

ПЛАНИРОВКА, ЗАСТРОЙКА И БЛАГОУСТРОЙСТВО МОСКВЫ В 1843–1862 ГГ.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

Сороковые годы и первая половина пятидесятых в XIX веке были временем жесточайшей правительственной реакции, душившей все живое в русском обществе. Мертвящую руку этой реакции почувствовали на себе и градостроительство и архитектура, как явления глубоко-общественные.

Главное управление путей сообщения и публичных зданий уже в 1842 г. закончило ликвидацию комитетов строений при губернаторах и приняло их дела в свои округа. Оставались лишь в столицах пока не подведомственными ему Гидравлический комитет и Комитет строений в Петербурге, а в Москве — Комиссия для строения Москвы.

Именным указом от 17 октября 1842 г. Комитету министров было поручено подготовить к передаче Главному управлению путей сообщения и публичных зданий петербургские учреждения.

Постановлением Комитета министров от 2 июля 1843 г. Гидравлический комитет и Комитет городских строений в Петербурге, а также Комиссия строений в Москве были упразднены и дела их переданы в округа Главного управления — I (в С.-Петербурге) и IV (в Москве).

На окончание работ Комиссии строений в Москве в 1843 г. было ассигновано 55 656 руб. из средств казначейства и 11 312 руб. из городских сумм.

Выход на открытую сцену молодой русской буржуазии, не овладевшей еще культурным наследием прошлого, и упадок помещичьего класса, который в силу своего экономического банкротства не мог поддержать культурные традиции русского классицизма, повели к упадку планировки и застройки Москвы. Русская архитектура этого времени так характеризуется в «Истории Москвы»[1]:

«Высокое общественно-историческое содержание архитектуры русского классицизма постепенно исчезает, уступая место резкому выражению личных вкусов владельцев, отмеченных чертами мещанства, чванливости и т. д. Здесь, несомненно, сказывается отрицательное влияние буржуазного индивидуализма, неспособность отсталой русской буржуазии создать новый художественный стиль большого общественн-

ного значения. Архитектура как общественное искусство утрачивает свою роль в формировании облика города. Это все усиливающееся явление можно проследить, начиная с 30-х годов XIX века».

С конца 30-х годов XIX века идейная направленность классической школы вступила в резкое противоречие с требованиями реакционной политики русского самодержавия.

Сверху стал насаждаться официальный так называемый «русско-византийский стиль», реакционная сущность которого маскировалась эклектической имитацией византийских и поверхностно истолкованных древнерусских архитектурных форм. Идеологом этого официального направления в архитектуре середины XIX века был архитектор К. А. Тон[2].

С другой стороны, казармы, военные поселения и пр. возводились по раз навсегда установленному казарменному стилю.

Характерным для этого времени является проект храма Христа Спасителя в Москве, разработанный К. А. Тоном.

Зодчие Д. И. Жилярди (1788—1845), А. Г. Григорьев (1782—1868) и Е. Д. Тюрин (1792—1870), замечательные представители классической школы первой трети XIX века, еще жили в это время, но их деятельность была прервана в расцвете их сил «начавшимся кризисом русской классической архитектурной школы, когда наиболее передовые ее представители должны были отойти в сторону, уступая место иным течениям, связанным с началом эклектики и стилизаторства»[3].

В 60-х годах вместо дворцов, храмов, усадебных жилых домов первой половины XIX века строились заводские корпуса, конторы, вокзалы железных дорог, здания городских управлений, специальные школы, многоэтажные жилые дома[4].

Новая техника и новые строительные материалы (железо, бетон и др.) также влияли на изменение архитектуры, равно как и вкусы и взгляды на нее буржуазии.

После 1843 г. Главное управление путей сообщения и публичных зданий продолжало издавать альбомы рекомендуемых фасадов. Эти фасады имеют ярко выраженный городской характер. По своей этажности и размерам здания с этими фасадами предназначены для большого города и рассчитаны на состоятельные круги населения. Фасады 1843—1852 гг. были намечены для зданий в три этажа. Четное число окон на фасадах домов разрешено было законом[5].

Площадь Москвы в 1849—1852 гг., всего города и по отдельным полицейским частям, дается в «Указателе» к плану Москвы этих годов, опубликованном в 1868 г. Из его данных нами составлена таблица (см. приложение 13).

Общая площадь Москвы в пределах Камер-Коллежского вала равнялась в это время 6671 десятине 2243 кв. саж. В ее составе строительные кварталы занимали 5087 десятин 2192 кв. саж. (76,2%), городские проезды — 877 десятин 820,5 кв. саж. (13,1%), зеленые насаждения — 253 десятины 1064 кв. саж. (3,8%), реки, пруды и другие водоемы — 239 десятин 1530 кв. саж. (3,6%), пустыри и прочие угодья — 213 десятин 1436,5 кв. саж. (3,3%).

Сравнительно с 1830 г. площадь под строительными кварталами увеличилась с 3329 десятин 2129 кв. саж. до 5087 десятин 2192 кв. саж., т. е. на 1758 десятин 63 кв. саж., или на 52,7%. Это говорит о большом строительстве в городе за эти годы. Главным образом были застроены пустыри, сады и огороды. За их счет несколько увеличилась

и площадь под городскими проездами, о которых мы скажем в разделе благоустройства Москвы за 1843—1862 гг.

Наибольшую площадь под строительными кварталами имели (в процентах ко всей площади полицейской части): Мещанская часть (88,6), затем Басманная часть (87,1), Пресненская и Сущевская части (по 81,2), Сретенская (77,2), Серпуховская (76,9), Яузская (76,8). Остальные части имели под строительными кварталами от 68,9 до 76,7%, и только Городская часть (Китай-город и Кремль) — 50,8%, что объясняется наличием в ней огромной Красной площади и нескольких площадей в Кремле (см. приложение 14).

В 1852 г. население Москвы составляло 331 543 человека, из них 206 323 мужчины, 125 220 женщин[6]. К 1855 г. население увеличилось до 372 141 человека. В среднем приходилось 304 человека на 10 тыс. кв. саж., или 67 человек на 1 га площади строительных кварталов.

Гуще всех была заселена Городская часть, в которой приходилось на 10 тыс. кв. саж. (или около 4,55 га) в строительных кварталах 1089 человек, или 239 человек на 1 га. Слабее всех были заселены Хамовническая и Сущевская части: в первой приходилось на 10 тыс. кв. саж. строительных кварталов 115 человек, во второй — 119 (на 1 га — 25 и 26 человек). В остальных частях населенность строительных кварталов колебалась от 500 до 704 человек в Садовом кольце и от 140 до 319 человек за ним на 10 тыс. кв. саж. Иначе говоря, исторический центр Москвы в Садовом кольце был населен в 3—4 раза гуще, чем бывшие окраины за ним.

После Крымской войны 1854—1855 гг. и особенно после «освобождения крестьян» в 1861 г. от крепостной зависимости население Москвы уменьшилось. В 1862 г. его насчитывалось 351 627 человек. Но это уменьшение было кратковременным, а за ним последовал бурный рост. В 1865 г. населения было уже свыше 360 тыс. а в 1871 г. — свыше 600 тыс. Земля, лучшая и большая часть которой в 1861 г. была отнята у крестьян, не могла теперь их прокормить, и крестьянин с еще большей, чем прежде, силой устремился в города, в том числе в Москву, на подсобные заработки.

Таблица в приложении 15 указывает количество мужского и женского населения Москвы в 1862 г. Мужчин было 218 955, женщин — 132 672, почти вдвое меньше, чем мужчин. Это говорит о том, что среди мужчин было много пришлого населения, живущего в Москве без семей.

Особенно значительная разница между числом мужчин и женщин (9920 мужчин и 3324 женщины) были в Городской части, части торговой по преимуществу, где в качестве приказчиков и учеников были одни мужчины, почему их и было втрое больше, чем женщин. Почти вдвое больше было мужчин в частях Яузской, Серпуховской, Хамовнической и Рогожской. В полтора раза больше мужчин, чем женщин, было в остальных частях. Любопытно, что из частей, в которых в то время наиболее была развита промышленность, только в Яузской и Рогожской число мужчин вдвое превышало число женщин, в частях же Басманной, Серпуховской и Лефортовской оно превышало их только в полтора раза. Это говорит о начавшемся в московской промышленности применении женского труда.

Большинство пришлых рабочих жило тогда в казармах при фабриках и заводах. Строительства вокруг предприятий домов для сдачи внаймы рабочим почти не существовало. Поэтому на окраинах среди моря одноэтажных и двухэтажных деревянных домишек обывателей

возвышались только каменные церкви да корпуса больших фабрик и заводов.

Следующая (данная в приложении 16) таблица указывает, какие промышленные заведения и с каким числом рабочих в них находились в каждой части и во всей Москве в 1853 г.

Во всей Москве тогда числилось 866 промышленных заведений с 48 395 рабочими. Наибольшее число таких заведений (150) с 11 201 рабочим находилось в Лефортовской части. На втором месте по числу заведений и рабочих в них стояла Серпуховская часть (123 заведения с 6979 рабочими), на третьем — Басманная часть (80 заведений с 6580 рабочими).

Для наших целей более показательно число рабочих в каждой части, чем число фабрик и заводов, так как последние, в зависимости от своей специфики, были и большие и маленькие. Понятно, что число предприятий само по себе не свидетельствует о степени развития промышленности.

После указанных трех частей наибольшее число рабочих было в Хамовнической части (4544 в 49 заведениях), Рогожской (4075 в 77 заведениях), Пятницкой (3125 в 40 заведениях), Пресненской (2677 в 40 заведениях), Яузской (2427 в 31 заведении), Мясницкой (1295 в 57 заведениях), Тверской (1231 в 75 заведениях). В остальных частях было менее 1000 рабочих в каждой.

По числу рабочих на одно промышленное заведение на первом месте стояла Пречистенская часть, в которой было всего 2 заведения: 1 шерстобумажная фабрика с 500 рабочими и 1 экипажное заведение с 30 рабочими, что дало в среднем 265 человек на одно заведение в части. Конечно, это случайное явление. В наиболее же промышленных частях, где было по нескольку очень крупных заведений, но было и множество мелких, среднее число рабочих на одно заведение составляло около 60 человек. Так было в Пресненской, Серпуховской и Рогожской частях, и лишь в Лефортовской части это число поднималось до 74, в Пятницкой и Яузской — до 78, в Баумaнской — до 82, в Хамовнической — до 92.

В *Городской* части наибольшее число рабочих было занято на 4 табачных фабриках (685 человек), в 4 аппретурных и голландровых, (142), в 7 кондитерских (68), в 10 часовых (52). В остальных 3 заведениях — шляпном, оптических и хирургических инструментов и в макаронном — всего 30 человек. Число рабочих промышленных заведений этой части составляло 9,8% общего числа всех мужчин в ней. По отношению ко всему населению части они составляли 7,3%.

В *Тверской* части 358 рабочих были заняты в 22 музыкально-инструментальных и мебельных заведениях, 127 — в 6 табачных фабриках, 246 — в 4 медных и бронзовых заведениях, 148 — в 2 заведениях накладного серебра. Остальные 352 рабочих работали в 41 заведении: шелкокрасильном, шелковом и полушелковом, шляпном, 2 золотопрядильных, мишурных и канительных, булавочно-игольном, 4 перчаточных, 2 кардных и металлических, 1 заведении машин и снарядов, 2 оптических и хирургических инструментов, 4 оружейных, 14 часовых, 2 горчичных, 3 помады и духов, 3 экипажных. Все это были мелкие заведения, каждое из которых имело в среднем менее 10 рабочих. Они обслуживали главным образом население центра Москвы. Ко всему мужскому населению Тверской части рабочие ее 75 промышленных заведений составляли 7,3%, ко всему населению части — 4,3%.

В *Мясницкой* части было 2 бумаготкацкие фабрики с 450 рабочи-

ми, 13 экипажных заведений с 238 рабочими, 5 мебельных и музыкально-инструментальных заведений с 106 рабочими, 8 табачных фабрик с 98 рабочими, 6 мастерских оптических и хирургических инструментов с 80 рабочими. Остальные 323 рабочих заняты были в 3 заведениях машин и снарядов, 5 часовых, 1 воскобойном, 1 восковых свечей, 1 перчаточном, 1 шерстоткацком, 1 шерстоотделочном, 2 шелкокрасильных, 3 аппретурных и голландровых, 2 шляпных, 2 серебряных изделий, 1 медном и бронзовом (98 человек). Исключая последнее довольно крупное заведение, в 22 остальных заведениях было занято 225 рабочих, в среднем по 10 на одно заведение. По отношению к мужскому населению Мясницкой части промышленные рабочие составляли 7,7%, ко всему населению части — 4,5%.

А во всем Бульварном кольце они составляли 7,5% мужского населения, или 4,4% всего населения части включая и женщин.

В Садовом кольце находилось 6 полицейских частей Москвы: Пятницкая, Якиманская, Пречистенская, Арбатская, Сретенская и Яузская.

В *Пятницкой* части 1736 рабочих работали на 4 шерстоткацких фабриках, 492 — на 3 бумаготкацких и набивных, 264 — на 9 золотопрядильных, мишурных и канительных, 137 — на 3 кожевенных заводах, 116 — на 1 пробочной фабрике. Остальные 380 рабочих были заняты в 2 шерстокрасильных фабриках, 1 шелкокрасильной, 2 шляпных, 1 серебряной, 2 оловянных и жестяных, 2 часовых, 1 чугунолитейном заведении, 1 лаковаренном, 1 сургучном, 1 горчичном, 1 помады и духов, 3 восковых свечей, 1 табачной фабрике, 1 солодовенном заводе. В среднем на каждое из этих заведений приходилось по 19 рабочих. По отношению к мужскому населению части промышленные рабочие составляли 26,2%, ко всему населению части — 15,5%.

В *Якиманской* части не было крупных предприятий. Самое большое — шерстобумажная фабрика — имела 240 рабочих, в 2 шерстоткацких было 126, в 4 золотопрядильных, мишурных и канительных — 112 рабочих. Остальные 25 заведений: 2 шелковых и полушелковых, 1 ваточное, 1 бумаготкацкое и набивное, 1 шляпное, 2 серебряных, 2 медных и бронзовых, 1 оловянное и жестяное, 1 булавочно-игольное, 2 кардных и металлических, 1 машин и снарядов, 2 лаковаренных, 1 пиво- и медоваренный завод, 1 помады и духов, 3 восковых свечей, 2 табачных, 2 экипажных — имели 409 рабочих, в среднем по 16 человек на каждое. По отношению к мужскому населению Якиманской части промышленные рабочие составляли 8,7%, по отношению ко всему населению части — 5,1%.

О промышленных заведениях и рабочих *Пречистенской* части мы уже говорили. По отношению к мужскому населению части промышленные рабочие здесь составляли 5,3%, по отношению ко всему населению — 2,9%.

В *Арбатской* части было еще меньше рабочих, чем в Пречистенской: самым крупным заведением в ней было 1 медно-бронзовое с 25 рабочими, а в остальных: 1 оружейном, 2 часовых, 1 горчичном, 1 заводе сальных свечей, 1 табачной фабрике, 4 экипажных и 5 заведениях музыкальных инструментов и мебели — было 162 рабочих, или в среднем по 11 рабочих каждое. К мужскому населению части промышленные рабочие составляли 1,6%, по отношению ко всему населению части — 0,9%.

В *Сретенской* части самым большим был завод машин и снарядов с 170 рабочими. Остальные: 1 шерстоткацкая фабрика, 1 железная, 1 сальных свечей, 3 табачных, 4 экипажных — имели всего 147 рабочих,

по 15 на каждое заведение в среднем. К мужскому населению части промышленные рабочие составляли 2,6%, ко всему населению части — 1,1%.

В *Яузской* части, охватывавшей тогда и Таганку в пределах Садового кольца, около половины предприятий имели по 100—200 рабочих: 1 шерстоткацкая фабрика с 140 рабочими, 3 шерстобумажных с 803, 3 шелковые и полушелковые с 343, 1 отбельная со 120, 6 бумаготкацких и набивных с 511 рабочими. Остальные: 1 шерстопрядильная фабрика, 1 шерстоотделочная, 2 бумагокрасильных, 1 аппретурная и голландровая, 2 шляпных, 1 кардная и металлическая, 2 машин и снарядов, 2 помады и духов, 1 воскобойная, 1 табачная, 2 экипажных, 1 солодовенный завод — имели все вместе 510 рабочих, в среднем по 30 рабочих на каждое заведение. Ко всему мужскому населению части промышленные рабочие составляли 15,1%. Следовательно, она была второй промышленной частью в Садовом кольце после Пятницкой. Ко всему населению части рабочие составляли 10,3%.

Во всех же 6 полицейских частях Садового кольца промышленные рабочие составляли 10,4% их мужского населения и 6,4% всего населения.

По сравнению с центром Москвы в Бульварном кольце удельный вес промышленных рабочих в Садовом кольце был почти в полтора раза больше как в мужском населении, так и во всем населении.

Рассмотрим теперь промышленные заведения и число рабочих в том же 1853 г. за Садовым кольцом.

В *Серпуховской* части по числу рабочих первое место занимали 17 бумаготкацких и набивных заведений: в них было 2333 рабочих. На втором месте стояли шерстобумажные (5 с 733 рабочими), на третьем — кожевенные заводы (19 с 685), на четвертом — бумагокрасильные (8 с 519), на пятом — шерстоткацкие (4 с 360), на шестом — кирпичные заводы (6 с 344), на седьмом — шерстоотделочные (3 с 255), на восьмом — шерстопромывные и сортировочные (5 с 245), на девятом — табачные фабрики (2 с 222), на десятом — отбельные (3 с 207 рабочими). Из других отраслей 1 завод машин и снарядов имел 115 рабочих, 4 химических — 153, 1 помады и духов — 130 рабочих. Остальные 45 промышленных заведений имели 678 рабочих, или в среднем по 15 человек на каждое. Таким образом, бумажная и шерстяная промышленность по числу рабочих была главной в Серпуховской части.

К мужскому населению части промышленные рабочие составляли 50,2%, ко всему населению ее — 33,6%.

В *Хамовнической* части 2176 рабочих работали в 4 шерстоткацких заведениях, 1393 — в 12 бумаготкацких и набивных, 368 — в 2 шерстобумажных, 193 — на заводе стеариновых свечей, 122 — в 3 бумагокрасильных фабриках. Остальные 27 заведений имели 292 рабочих, или в среднем по 10 рабочих каждое.

К мужскому населению части промышленные рабочие составляли 41,5%, ко всему населению — 27,4%.

В *Пресненской* части 5 бумаготкацких и набивных заведений имели 1508 рабочих, 1 бумагопрядильное — 485, 1 шерстобумажное — 216. Остальные 33 заведения (1 шерстопромывное и сортировочное, 1 шерстопрядильное, 1 бумагокрасильное, 1 лакированных изделий, 1 серебряное, 1 пуговичное, 2 железных, 2 чугунолитейных, 2 машин и снарядов, 1 химическое, 2 лаковаренных, 2 водочных, 2 пиво- и медоваренных, 1 салотопенное, 4 сальных свечей, 3 табачных, 2 солодовенных и 4 гончарных) имели всего 468 рабочих, в среднем по 14 рабочих на

одно заведение. К мужскому населению части промышленные рабочие составляли 24,9%, ко всему населению — 15,3%.

В *Сущевской* части самой крупной отраслью промышленности были экипажные заведения: в 5 из них работало 145 человек. В остальных отраслях, имевших по 1—3 заведения, работало не свыше 50 человек в каждой отрасли, что в среднем дает по 15 человек на одно заведение. Из этих заведений в Сущевской части находился единственный в Москве оленнный завод с 8 рабочими. К мужскому населению части промышленные рабочие составляли 4,3%, ко всему населению — 2,6%.

В *Мещанской* части самую крупную отрасль промышленности составляли 2 шелковые и полушелковые фабрики с 250 рабочими, 1 табачная фабрика со 100 рабочими и 1 бумаготкацкая и набивная с 150 рабочими. Остальные 21 заведение имели 332 рабочих, или в среднем по 15 рабочих на каждое. К мужскому населению части промышленные рабочие составляли 7,5%, ко всему населению — 4,7%.

В *Басманной* части в 6 шерстоткацких фабриках работало 1492 человека, в 14 бумаготкацких и набивных — 1314, в 2 бумагопрядильных — 940, в 13 шелковых и полушелковых — 891, в 8 шерстобумажных — 799, в 1 льняно-и пенькоткацкой — 260, в 2 накладного серебра — 155 человек. Остальные отрасли промышленности имели каждая менее 100 рабочих; в 34 заведениях этих отраслей работало 729 рабочих, в среднем по 21 человеку на каждое. К мужскому населению части промышленные рабочие составляли 53,1%, ко всему населению — 33,4%.

В *Рогожской* части более всего рабочих было в 21 заведении бумаготкацкой и набивной промышленности — 1848 человек. 14 заведений шелковой и полушелковой промышленности имели 831 рабочего, 3 шерстобумажных — 478, 4 золотопрядильных, мишурных и канительных — 229, 1 шерстоткацкое — 198, 5 бумагокрасильных — 146. Остальные 29 заведений имели 345 рабочих, или по 12 человек в среднем на каждое. К мужскому населению части промышленные рабочие составляли 35,1%, ко всему населению — 24,5%.

В *Лефортовской* части наибольшее число — 3922 рабочих — было в 17 шерстоткацких заведениях, затем 2781 — в 19 шерстобумажных, 3192 — в 51 бумаготкацких и набивных. Здесь это были наиболее крупные по числу рабочих отрасли промышленности. 340 человек работали на 4 кирпичных заводах, 277 — в 12 бумагокрасильных заведениях, 188 — в 6 шелковых и полушелковых, 169 — в 7 шерстоотделочных. В остальных 34 мелких заведениях работало 332 человека, или в среднем по 10 человек в каждом. К мужскому населению части промышленные рабочие составляли 52,7%, ко всему же населению части — 31,6%.

Управление Москвы претерпело в 1843—1862 гг. большие изменения. В 1843 г. ушел с поста генерал-губернатора занимавший его с 1820 г. князь Д. В. Голицын, и на его место был назначен князь А. Г. Щербатов. Но его управление городом не нравилось Николаю I, обвинявшему Щербатова в том, что он «распустил» Москву. Для того чтобы «подтянуть» ее, был назначен в 1848 г. сподвижник Аракчеева — А. А. Закревский. Последний оправдал надежды царя, своими репрессиями он держал всех в Москве в страхе и трепете. Только случайная дискредитация его в 1859 г. в глазах Александра II избавила Москву от этого генерал-губернатора.

После Закревского генерал-губернатором был назначен престарелый С. Г. Строганов, но в том же году заменен В. А. Тучковым.

Смена за 18 лет (1844—1862) четырех генерал-губернаторов не способствовала устойчивости политики в отношении благоустройства города, его планировки и застройки. Почти при каждом из новых генерал-губернаторов сменялся и глава московской полиции — обер-полицмейстер, от которого во многом зависело благоустройство города. Поэтому не диво, что и органы, которым было вверено это дело, почти бездействовали.

ПЛАНИРОВКА МОСКВЫ В 1843—1862 ГОДАХ

О планировке Москвы за этот период сохранилось очень мало документальных материалов. Почти единственными из них являются общие планы г. Москвы, изданные в 1843, 1848, 1849—1852, 1850—1852, 1859—1862 гг. Путем сравнения этих планов между собою и с планами 1841 и 1917 гг. можно увидеть, что сделано по планировке отдельных местностей в Москве за 1843—1862 гг.

План 1843 г. имеет следующее название: «План столичного города Москвы, разделенный на 50-саженные квадраты, для сочинения топографического и исторического указателя Москвы. М. 1843. Составил П. В. Хавский». На экземпляре, хранящемся в Музее истории и реконструкции Москвы, имеется надпись от руки: «С натурою соображал землемер М. Рудольф».

Масштаб плана — 100 сажен в дюйме. Разделен план на 10 560 (96×110) квадратов и охватывает территорию Москвы в пределах Камер-Коллежского вала. Надписи имеются не на всех улицах и переулках.

«Указатель» Москвы, для которого изготовлялся этот план, вышел только в 1847 г. под названием: «Семисотлетие Москвы 1147—1847, или указатель источников ея топографии и истории за семь веков. Сочинение Петра Хавского. М. 1847».

На основании каких источников составлен план 1843 г.? Это вскрывает Хавский на стр. 335 своего «Указателя»: «При сем брат в руководство последний исправленный план Москвы, гравированный со съемки Г. Шуберта при Военно-топографическом депо 1841 года». Однако, как увидим, кое-чем этот план, не говоря о появившихся на нем вышеупомянутых квадратах, все же отличается от плана Шуберта 1841 г., рассмотренного нами в главе третьей.

Прежде всего, на нем нет местностей за Камер-Коллежским валом, которые имеются у Шуберта. Исключением является лишь изображение на нем местности у села Воробьева и местности между ним и Калужской заст.

На плане Хавского 1843 г. можно найти места некоторых исчезнувших строений (не помеченных на плане), благодаря тому, что «Указатель» дает их координаты; например, в Кремле: Кирилловское, Крутицкое и Троицкое подворья, собор Николая Гостунского и др.

Китай-город и *Белый город* в общем изображены так, как и в 1841 г.

В *Земляном городе* Малая Бронная ул. показана опять доходящей только до Спиридоньевского пер., и нет продолжения Богословского пер. от Большой Бронной ул. к Тверскому бульв.

К северу от Крымского вала на месте сплошных огородов 1841 г. теперь видны продолжения к западу с Большой Якиманки 1-го Бабье-

городского, Земского и 3-го Голутвинского пер., но они все же еще не доходят до Москвы-реки, а вливаются в широкую прибрежную площадь. 3-го Бабьегородского и Крымского пер. еще нет.

На левом берегу Москвы-реки в Земляном городе нет еще Пречистенской набережной. Вместо нее — широкая прибрежная площадь, параллельно которой от 1-го Зачатьевского, названного здесь Савельевским пер., до Крымского пр. показана ул. Киевец-Урочище, частью которой остался теперешний Бутиковский пер.

За *Земляным валом* южнее Жукова пр., между Москвой-рекой и Коломенской-Ямской ул., никакой планировки и застройки не показано.

Малая Дворянская ул. помечена лишь между Зацепой и Стремянным пер., продолжаясь за последним тупиком.

Южнее Стремянного пер. показан параллельный ему переулок от Щипка до Коломенской-Ямской ул. Может быть, это Малый Строченовский пер., но расположен он южнее его.

Между Большой Серпуховкой, Стремянным пер., Щипком, Даниловской ул. (продолжавшей к югу Коломенскую-Ямскую) и 1-м Павловским пер. нет никаких проездов.

Хавско-Шаболовский пер., параллельный Камер-Коллежскому валу, шел от Донского монастыря до Павловской больницы. В юго-западном углу квадрата за Донским монастырем показана Донская слобода (примерно против ворот нового кладбища).

С Большой Калужской ул., между Голицынской и 2-й Градской больницей, показан Старый Титовский пер., названный Калужским. Вдоль южной стороны его местность названа «Обухова гора». Еще южнее — фабрика дворянина (из купцов) А. М. Титова. Дальше к югу — Александринский царский дворец (в Нескучном саду).

Между Хамовническими казармами и Москвой-рекой по-прежнему показаны огороды, но южнее, у самого Камер-Коллежского вала, среди огородов значится Вознесенского (в Кремле. — *П. С.*) монастыря подворье.

Намечены среди огородов и пустырей ул. Малые Кочки, Усачевская и Малая Царицынская. Между ними только один Большой Трубецкой пер. и параллельные ему переулок и тупик с ул. Малые Кочки на восток.

Интересно показано продолжение к востоку — до Новоконюшенного пер. — современного 2-го Вражского пер., его продолжал от Плющихи не существующий теперь Некрасовский пер., параллельный исчезающему в наше время Грибоедовскому пер., уже наполовину застроенному.

В Дорогомилове, по обеим сторонам Большой Дорогомиловской улицы, показана планировка, не имевшаяся на плане 1841 г., но встречавшаяся на планах 1820-х годов: 1-й и 2-й Бородинские пер. продолжаются к юго-западу, на месте современного Киевского вокзала и площади перед ним. К северу и югу от Большой Дорогомиловской ул. показаны по три перпендикулярных ей улицы; их пересекает посредине один проезд.

Кудринская пл. расширена за счет двора Вдовьего дома.

Большой Трехгорный пер., как и на плане 1841 г., идет между Большой Пресней и набережной Москвы-реки, но на всем своем протяжении имеет уже западную сторону.

Вопреки плану 1841 г. Тихвинский и Вадковский пер. снова, как и на предыдущих планах, доходят на западе до Бутырского вала.

Ул. Селезневка шла с Новослободской ул. кривой линией к Мариинской больнице. Продолжения ее от поворота к больнице на восток, до Екатерининской пл., еще не было: на его месте лишь предполагаемый проезд, обозначенный пунктиром.

Показан на плане 1843 г. и не бывший еще на плане 1841 г. Проложенный просп., идущий по прямой линии от северо-западного конца Самотечного пруда к середине здания Екатерининского института. Это — современная Самотечная ул.

С Екатерининской пл. виден отходящий к северу по восточной стороне Мариинской больницы Институтский пер., делающий затем поворот к западу вдоль северной стороны этой больницы и Александровского института. Назывался он тогда Сорокинским пер. Александровская ул., отходящая на север от этого переулка, показана застроенной до Сущевского вала.

На месте Новосущевской ул., Александровской пл., 1-го и 2-го Самотечных пер. и Щемиловского туп. показана Неглинная с прудами и лугами. Ее местность у Божедомского пер. занята обширным Корсаковым садом.

Параллельно двум Волконским пер. на севере шел еще Гужевский пер., ныне не существующий. В отличие от плана 1841 г., на котором не показана сетка из радиальных и поперечных улиц между 1-й Мещанской и Краснопрудной ул., на плане 1843 г. она снова изображена, как на планах 1817—1830 гг.

Сокольнического парка, бывшего на плане 1841 г., естественно, нет на плане 1843 г., так как парк находился за Камер-Коллежским валом. Сокольничье поле изображено не в виде многоугольника, как в 1841 г., а в виде правильного прямоугольника, как на планах 1817—1830 гг. Очевидно, этот прямоугольник — проект, от которого в жизни делались отступления.

Северная сторона Сокольничьего поля шла от Гаврикова пер. до Колодезной ул. Эта улица продолжалась и за Яузой — до Черкизовского вала. Между ним и Яузой, параллельно ей, южнее шла Преображенская ул. От Преображенской ул. до Богородского вала шли 2 параллельные улицы — Потешная и Петровская.

От угла Лесного ряда (части современной Каланчевской ул. до Дьяковского пер.) и Краснопрудной ул. по южной границе современной Комсомольской пл. шла на восток Каланчевская ул., которую продолжал на последнем квартале до Сокольничьего поля пер. Ольховец (начальная ее часть вошла потом в территорию Казанского вокзала, остальная же часть — это современная Ольховская ул.). От предполагаемой станции Петербургско-Московской железной дороги (Ленинградского вокзала) шел на юго-восток Малый Ольховский пер. От него на юг отходил Петропавловский пер., пересекающий Каланчевскую ул. и выходящий на Новую Басманную ул. В него вливался Жеребцов пер., другим концом выходивший в Лесной ряд.

Между Петропавловским пер., Нижней Красносельской, Ольховской и Елоховской ул. не было никаких переулков. Здесь р. Чечора сливалась с ручьем Ольховцем. На Чечоре был один пруд, на Ольховце — 8 прудов.

От Ольховской ул. к Немецкой шел Девкин пер. От его небольшого колена шла на восток параллельно Покровской ул. ул. Переведеновка. До нее с северо-запада доходил Гавриков пер., не имевший тогда продолжения до Покровской ул.

По южной стороне Сокольничьего поля, от Гаврикова пер. до Яузы, шла ул. Матросская Тишина, ныне в первой своей части — до Казанской железной дороги — именуемая Новой Переведеновской ул.

С Сокольничьего поля на Покровскую ул. выходили Рыкунов (Балакиревский) и Николо-Покровский пер.

Мост через Яузу выше Госпитального, напротив Ладожской ул., на плане 1843 г. носит название Цыганов мост. От него по территории современного Военного госпиталя шла к востоку прямая улица, доходившая до улицы перед госпиталем, называвшейся тогда Наличной ул. (теперь здесь Госпитальная пл., на плане 1841 г. названная Лефортовской).

Плац перед Екатерининским дворцом изображен в виде большого прямоугольника, доходящего до Проломной заст. Анненгофская роща все еще не включена в черту города, и на плане ее нет. Лефортовский дворец на правом берегу Яузы показан без теперешних полукруглых флигелей.

Таковы отличия плана 1843 г. от плана 1841 г. Как видим, они незначительны; они и не могли быть значительными, ведь между их изданием прошло только два года и при составлении второго плана был использован первый. Главное отличие в том, что план 1841 г. — план живой действительности, тогда как на плане 1843 г. даны и некоторые планировочные предположения предыдущих планов.

Чрезвычайно интересно на плане 1843 г. дана планировка всей местности, окружающей Екатерининский институт благородных девиц.

До сих пор нам не встречалось в литературе указаний на то, что Комиссия строений, кроме центра, спланировала и на периферии города новый ансамбль улиц и переулков. До XIX века по местности, занятой течением р. Неглинной и Напрудной, проходила только одна магистраль — Божедомский пер. и продолжавший его до Мещанских ул. Салтыковский (Самарский) пер. Строительство в начале XIX века на пустырях, примыкавших к Марьиной роще, двух больших общественных зданий — Александровского института и Мариинской больницы — заставило провести к ним от Палихи до Божедомского пер. ул. Новая Божедомка, соединив ее мостиком через р. Напрудную с ул. Старая Божедомка. Очевидно, в начале 40-х годов XIX века Селезневский пер., шедший с Новослободской ул. к Мариинской больнице, был продолжен до устроенной еще в 1818 г. перед Екатерининским институтом Екатерининской пл. Последняя, очевидно, в это время сделалась центральной, почему на плане 1843 г. показан к ней еще новый проезд-проспект от Самотечного пруда, продолженный до Садового кольца (нынешняя Самотечная ул.). От той же площади пошел на север, на соединение с Александровской ул., Институтский пер. Таким образом, к 1843 г. Екатерининская пл. сделалась центром 7 сходившихся к ней улиц и переулков: Самотечной, Божедомского пер., Селезневки, Новой Божедомки, Институтского пер., Салтыковского пер. и Старой Божедомки. Большие общественные учреждения — Александровский институт, Мариинская больница, Екатерининский институт, Староекатерининская больница, находившаяся невдалеке, и Почтамтская больница, находившаяся тогда в начале Старой Божедомки, — вполне оправдывали прокладку сюда этих улиц и переулков. Нельзя игнорировать и устройство здесь в 1819 г. первого большого общественного парка Москвы — Екатерининского, ныне соединенного с Самотечным бульв.

Этот градообразующий центр имеет значение и в наше время: через него со временем пройдет магистраль Север — Юг, которая соединит Шереметевскую ул. с Самотечной ул., или с Самотечным просп., как называли эту улицу в 1843 г.

Создание этого центра было последним делом Комиссии строений, ликвидированной в 1843 г.

В 1849—1859 гг. были образованы плац-парадные площади в Кремле — Царская, между Спасскими воротами и Ивановской пл., и Императорская — напротив нового Большого Кремлевского дворца.

В 1847—1855 гг. Васильевская пл., ниже храма Василия Блаженного, была заново спланирована и очищена от всяких мелких строений, с нее был устроен проезд к Варварке. Тогда же она была и замощена[7].

От выстроенного вчерне храма Христа Спасителя в 1848 г. проектировался мост через Москву-реку на Якиманскую наб., через который должен был осуществляться прямой проезд с Большой Якиманки в Лесной пр.[8].

С 1846 по 1862 г. шла реконструкция Болотной пл. Позади домов, выходивших на Софийскую наб., был построен ряд амбаров в одну линию, а по сторонам их — каменные полукруглые здания, тоже занятые различными лавками. В середине между ними было большое замощенное место для «привоза» — стоянки возов, с которых продавались различные продукты[9].

В 1850 г. цветочные палатки, располагавшиеся близ стены Китай-города на Театральной пл., были перенесены на Трубную пл. и поставлены в начале современного Цветного бульв., от них и получившего свое название. Трубная пл. одновременно была переименована в Цветочную пл., заново спланирована и замощена[10]. Но название Цветочная пл. не привилось, и площадь доселе называется Трубной.

В 1850—1852 гг. была устроена по новому плану Тишинская пл. и примыкающие к ней переулки Огородный (Большой Тишинский) и Живодерный, а также проложен новый проезд мимо Верхнего Пресненского пруда (Зоологическая ул.). Все эти проезды были замощены[11]. Живодерный пер., открытый в 1846 г.[12], вел от Тишинской пл. в направлении к Патриаршему пруду.

В несомненной связи с предстоявшим в 1847 г. семисотлетием Москвы, вызвавшим появление многих изданий, посвященных истории Москвы, стоит и выпуск новых двух планов.

Первый из них назывался «Специальное обозрение Москвы с политипажами всех церквей, монастырей и казенных зданий, составленное по официальным топографическим сведениям и документам К. Нистремом. Москва, в типографии С. Селивановского, 1846 г.». Широко задуманное издание ограничилось лишь двумя полицейскими частями Москвы (Городской без Кремля и Тверской) и дальше не пошло. Планировка этих частей показана схематично, главное внимание уделено рисункам казенных, общественных и некоторых частных зданий, показывающим их архитектуру, что интересно и для нас.

Второй план назывался «Указатель местности в Кремле и Китае-городе столичного города Москвы, составил М. Рудольф. Выпуск 1. Кремль и Китай-город. При нем план. Москва, в типографии Семена, 1846». Дальше первого выпуска и это издание не пошло. План Москвы дан в нем в масштабе 50 сажен в дюйме, разбит, как и план Хавского 1843 г., в котором принимал участие Рудольф, на квадраты. Но сторона

каждого квадрата не 50, а 25 сажен. Никакой новой планировки города этот план сравнительно с планом Хавского 1843 г. не показывает.

В 1848 г. тот же М. Д. Рудольф издал план всей Москвы в масштабе 300 сажен в дюйме[13]. Он разбит, как и план Хавского, на квадраты, которых 54×70 — всего 3780. Но отличается от него не только масштабом, но и тем, что на нем изображена ближайшая к городу местность за Камер-Коллежским валом, как на плане Шуберта 1841 г. Поэтому и изображенная на нем трасса Петербургско-Московской железной дороги дана не только в пределах Камер-Коллежского вала, но и за ним.

К этому плану в 1848 г. были изданы две части «Указателя», в 1849 г. — третья. Первая часть заключает в себе «подробную местность: храмы, публичные здания, сады, улицы и др.». Вторая часть указывает «правительственные учреждения: казенные, учебные, частные и общественные заведения». Третья часть посвящена «торговой промышленности Москвы».

Посмотрим, что же есть нового в плане Рудольфа в сравнении с планом Хавского 1843 г. (внутри Камер-Коллежского вала) и планом Шуберта 1841 г. (за этим валом).

В Кремле, где в эти годы оканчивалось сооружение К. А. Тоном Большого Кремлевского дворца на месте старого растреллиевского, показана обширная площадь, лежащая между бровкой холма на юге, стеной Кремля и Спасскими воротами на востоке, Вознесенским и Чудовым монастырями, Оружейной палатой (старым зданием), Успенским собором на севере и колокольней Ивана Великого на западе.

В Китай-городе не видно ничего нового.

В Белом городе площадь, предназначенная для храма Христа Спасителя, в северо-западной части — от бывшего переулка перед Алексеевским монастырем до Волхонки — еще занята строениями. Западнее Ленивки и Всехсвятского пер. показан еще один переулок с Волхонки к набережной и на последней близ него — маленькая церковь, очевидно Всех святых, бывшая в стене Белого города и снесенная в 1838 г. Дальше по набережной до Лесного пр. показана аллея деревьев, смыкающаяся с аллеей в этом проезде и доходящая до Пречистенских ворот.

Нет еще Шведского пер., почему Малый Гнездниковский пер. на западе оканчивается тупиком.

Из Богословского пер., на месте бывшего Важенского пер., есть еще тупик к югу, параллельный Большой Дмитровке.

Между Петровкой и Неглинной ул. нет уже продолжения к Петровке Софийки: оно застроено галереей с магазинами М. М. Голицына.

Неглинная ул. от Кузнецкого моста на север названа «Труба»; бульвар на плане показан к северу лишь от Сандуновского пер.

Фроловский пер. продолжается тупиком юго-западнее Юшкова пер.

Малый Успенский пер. уже доходит до Армянского пер.

Покровский и Яузский бульв. объединены под одним названием — Покровский бульв. А название Солянки носит и Большой Ивановский пер.

Переулка между Подколокольным и Петропавловским пер., раньше выходившего, как и они, на Яузский бульв., больше нет. Большой Устьинский пр. у Воспитательного дома засажен деревьями.

В *Земляном городе* Серпуховская пл. изображена такой же круглой, как и Калужская пл., а не овальной.

Большая Полянка названа Космодамианской ул.

Крымский вал засажен по сторонам деревьями; на него выходят только 2 переулка близ Большой Якиманки.

Улица, параллельная Пречистенской наб., частью которой является теперь Бутиковский пер., не выходит уже на Крымский пр., а оканчивается у 2-го Ушаковского (Хилкова) пер. Из Среднего Ильинского пер. показан идущий по диагонали квартала переулок к северо-западу, к началу Остоженки.

Смоленский бульв. ошибочно назван Зубовским.

У конца Сытинского туп. показан не доходящий до него тупик с Большой Бронной ул.

Каретным рядом называется вся улица на протяжении от Петровских ворот до Садовой.

Между Цветным бульв. и Трубной ул. дана трасса старого Мытищинского водопровода, идущая к новому фонтану на Трубной пл. напротив средней аллеи Цветного бульв.; дальше, в Белом городе, она шла по Неглинной ул. до фонтана напротив Рахмановского пер., а еще дальше, срезая юго-восточный угол Малого театра, к фонтану на Театральной пл., затем — до фонтана на Воскресенской пл., напротив главных ворот Александровского сада. Дальше трассы не видно на плане.

Стрелецкий пер. оканчивается на севере у Даева пер. тупиком; продолжающего его к Сухаревской пл. Анановского пер. еще нет.

Малый Казенный пер. показан уже не коленом с Большого Казенного пер., а отходит от него под острым углом.

За *Земляным валом* между Москвой-рекой и Водоотводным каналом на островке, образуемом ими и рукавом канала к Краснохолмской плотине, 2-й Островский пер. не доходил до реки, а вливался в находившуюся здесь площадь.

Коломенская-Ямская ул. продолжалась на юге за Жуковым проездом Даниловской ул. до Павловской больницы и 1-го Павловского пер., шедшего отсюда к Павловской ул.

Щипок за Стремянным пер. продолжается к Валовой ул. двумя переулками. Западный из них впоследствии совсем исчез, а от восточного до настоящего времени остался тупичок к югу в конце ул. Зацепы. Валовая ул. называлась тогда Зацепской-Садовой ул.

Малая Серпуховка доходила уже не до Арсеньевского пер., а до Даниловской пл. Арсеньевский пер. продолжался до Шаболовки.

Хавско-Шаболовский пер. шел уже не от Донского монастыря до Павловской больницы, а отходил от Шаболовки. От него к Серпуховскому валу шла одна улица, впоследствии названная Татищевой.

Донская слобода, располагавшаяся в 1843 г. в юго-западном углу Донского кладбища, на плане 1848 г. показана, но не названа.

Кроме Титовского пер. между Большой Калужской ул. и Москвой-рекой, южнее его, от Калужской заст. по территории современного Нескучного сада проходил к реке еще один переулок, а Камер-Коллежский вал шел южнее — возле Андреевской богадельни.

От Большого Трубецкого (ныне Хользунова) пер. до Камер-Коллежского вала (по которому теперь проходит Окружная железная дорога) показаны пер. Малые Кочки, Усачев и Малый Царицынский (теперь Малая Пироговская ул.). Как и в 1843 г. между ними нет еще Трубецкой ул.

Между Плющихой и Новоконюшенным пер. исчез Некрасовский пер.

В Дорогомилове показана Бережковская слобода с одной улицей. параллельной Большой Дорогомиловской, доходящей до третьей, ей перпендикулярной. К востоку от последней 3 маленьких переулочка и площадь, на которой показана церковь Тихвинской божьей матери в Бережках, доходят до небольшой улицы, параллельной Москве-реке. От этой улицы к реке идут 4 других переулочка, не связанных с первыми тремя. Пер. Варгунихина гора, ныне коленчатый, выходил на Смоленскую ул. не одним, а двумя выходами, причем второй выход, ныне не существующий, являлся продолжением первого колена этого переулка от Шубинского пер.

2-й и 3-й Пресненские пруды показаны с востока до Конюшковской ул., а с запада — до Прудовой ул. (Дружинниковской), обсаженными аллеями деревьев.

На месте Охотнического пер. с Малой Грузинской ул. к Пресненскому валу помечен тупичок, позже развившийся в переулок.

Трындинский пер. назывался в 1848 г. Полевой ул., а улица, продолжавшая его через Тишинскую пл., звалась Старой Живодеркой.

2-я Брестская ул. называлась Задней Тверской-Ямской, а 1-я Брестская ул. — Средней Тверской-Ямской. Третья к востоку улица называлась Верхней Тверской-Ямской.

Обширная Миусская пл. имела в 1848 г. посреди два небольших квадратных квартала, разделенных проездом с запада на восток.

Кроме Селезневской ул. на теперешнем ее месте и Самотечной, шедшей от северо-западной стороны Самотечного пруда до Екатерининского института, в 1848 г. проложена была улица и с западной стороны Самотечного пруда — от Самотечной пл. до Самотечной ул. Теперь все это пространство носит название Самотечной ул.

Между Самотечной и 4-й Мещанской ул., кроме Троицкой ул. с переулком, не было никаких переулков, как и в 1843 г.

Между 1-й Мещанской и Краснопрудной ул. изображены те же проектированные улицы, что и в 1843 г., хотя между ними уже твердо намечены пути Петербургско-Московской железной дороги.

На плане 1848 г. показан и новый путь Мытищинского водопровода: от Алексеевской водокачки за Крестовской заст. до Малой Ярославской ул.; по ней и по 1-й Мещанской до Сухаревой башни; от нее по Сретенке и Лубянке до фонтана на Никольской пл.; затем по Театральному пр. до Театральной пл., по диагонали через нее к фонтану, стоящему на своем месте доныне; при этом водопровод шел под углом дома Челышева (на месте гостиницы «Метрополь»), который тогда выходил лишь на площадь, а по Театральному пр. и во дворе зданий еще не было.

Показан и старый Мытищинский водопровод от угла Садовой-Сухаревской и Трубной ул. до фонтана напротив главных ворот Александровского сада.

Матросская ул., шедшая к Преображенскому (Матросскому) мосту через Яузу, в 1848 г. названа уже Стромынкой, но угол Сокольничьего поля еще ею не срезан для прямолинейного, как теперь, соединения с Сокольническим шоссе.

Между южной стороной Сокольничьего поля и Покровской ул. Гавриков пер. продолжен уже до Покровской ул. Между Гавриковым пер. и р. Рыбенкой, по сторонам бывшего в 1843 г. переулка от Сокольничьего поля до ул. Переведеновки, появилось еще 2 параллельных ему переулка, пересеченных перпендикулярным к ним третьим.

За Яузой, южнее р. Синички, по сторонам улицы, идущей от Военного госпиталя (современной Владимирской), показаны только 3 переулка. Зато между Петропавловской (Госпитальной) ул., улицей между Екатерининским дворцом и Камер-Коллежским валом, где в 1843 г. изображена большая площадь, в 1848 г. показаны близ Петропавловской ул. две параллельные ей улички и четыре переулка на них к Петропавловской ул. Они оставались до 1914 г. и даже позже. Между Яузой и Золоторожской ул. исчез бывший здесь в 1843 г. Строгановский пер.

Между Золоторожской ул. и Камер-Коллежским валом исчез переулок, параллельный валу.

В Заяузье появился новый переулок с Вороньей ул. к Андроньеву монастырю. На ул. Арбатец появился переулок к Симоновскому валу и из него — переулок к северу, к Крутицкому подворью.

ОКРЕСТНОСТИ МОСКВЫ ЗА КАМЕР-КОЛЛЕЖСКИМ ВАЛОМ.

На плане Москвы 1843 г., как сказано выше, их нет, поэтому мы можем провести сравнение лишь с планом Шуберта 1841 г.

От Серпуховской заст. на юг показана обстроенной домами по обеим сторонам только Большая Тульская ул. Малая Тульская изображена в виде проселочной дороги, без домов по сторонам, до переулка с Большой Тульской к Даниловскому кладбищу. Западнее этой дороги помечена еще одна проселочная дорога от Серпуховской заст. к воротам кладбища. Южнее кладбища показан длинный ручей, текущий с Воробьевых гор в Москву-реку. Севернее Даниловского кладбища изображено Татарское кладбище, а еще севернее, почти у самого Камер-Коллежского вала, большой двор со строениями посреди, окруженными садом; он стоит как раз напротив Донского монастыря.

Прямо на юг от Калужской заст., за упомянутым ручьем, виден большой сад с церковью посреди. Между проселочной дорогой, идущей к нему от Калужской заст., и Калужским шоссе — множество разбросанных среди полей небольших строений.

Воробьевское шоссе, тогда еще проселочная дорога, начинается от Калужского шоссе, у северного угла Мамоновской дачи. На шоссе, напротив поворота Москвы-реки на север, показаны три регулярных сада бывшего Воробьевского дворца, а от них к реке — место запроектированного А. Л. Витбергом храма Христа Спасителя. Воробьевская дорога прорезает посреди верхнюю часть места этого храма и идет дальше, имея по своей левой, южной стороне ряд домиков села Воробьева. Позади них, продолжая регулярные сады, идут рощи.

За селом Воробьевом начинается роща и с правой стороны дороги, идущей по холму параллельно берегу Москвы-реки до р. Сетуни. Но сейчас же за селом от него отходит дорожка к Москве-реке. А немного дальше от Воробьевской дороги отделяется проселочная дорога к какому-то поселку с 11 строениями (на плане 1841 г. — это кирпичный завод). Пройдя мимо него, она подходит затем к другому поселку с 12 строениями, находящемуся в петле р. Сетуни. Из рощи за бывшим дворцом идет проселок в большое село Троицкое, «Голенищево тож», строения которого доходят почти до р. Сетуни.

За Сетунью виден лишь скотный двор Воспитательного дома, от которого дорога ведет к Дорогомиловскому Камер-Коллежскому валу.

Севернее показано в виде большой дороги теперешнее Можай-

ское шоссе, идущее от заставы коленом: сначала на запад, затем на юго-запад. Между ним и Москвой-рекой расположены: сперва поселок из больших и малых строений, затем Дорогомиловское кладбище, потом бойня, а за нею, поодаль от шоссе, деревня Фили, вытянутая с востока на запад вдоль большой прямой улицы.

Между Москвой-рекой и Звенигородским шоссе показана у реки дача «Студенец» с улицей, идущей к ней от Трехгорной заст. (современная Мантулинская). Эта улица проходит и западнее — к каким-то строениям (вероятно, к сахарному заводу), но не доходит до ручья, впадающего в Москву-реку; на ручье два пруда севернее сахарного завода, с улицей между ними (современный Шмитовский пр.). Западнее ручья видны рощи, а за ними — большая деревня Шелепиха, лежащая на берегу Москвы-реки.

У Звенигородского шоссе — 2 больших и 3 малых двора со строениями, огражденные стенами.

За Звенигородским шоссе видны два кладбища — большое Ваганьковское и малое Армянское, разделенные улицей, идущей от шоссе на север. Она доходит до Петербургского шоссе напротив начала Петровского парка. На ней справа — большой круг Конской скачки, а налево — 4 параллельные дорожки с закруглениями в конце каждой — Рысистые бега. Это современная Беговая ул.

От Пресненской заст. кроме Звенигородского шоссе показаны 4 радиальные улицы: одна из них ведет к воротам Ваганьковского кладбища (современная Большая Декабрьская ул.); другая — Воскресенское шоссе (современная ул. 1905 года, переходящая за мостом у Беговой ул. в Хорошевское шоссе); третья ведет к улице, идущей мимо Ваганьковского и Армянского кладбищ от Звенигородского шоссе; четвертая направляется к Петровскому парку. Между этой последней улицей и Пресненским Камер-Коллежским валом помещались уже упоминавшиеся Заячьи садки — поле с 2 небольшими строениями посреди. Здесь обучали охотничьих собак.

Между Воскресенским шоссе и р. Ходынкой находилось обширное Лагерное место с 17 одинаковыми домами, вытянутыми в прямую линию с юго-востока на северо-запад. Между лагерями и Петербургским шоссе показана обширная роща напротив деревни Зыково.

Петербургское шоссе изображено уже с двумя рядами деревьев. За Петровским парком к шоссе выходят 4 переулка. 2 из них доходят только до улицы, продолжавшей Дворцовую аллею (т. е. до современной Красноармейской ул.), другие 2 пересекают ее и идут дальше.

В Петровском парке кроме дворца показан театр — в конце первой аллеи, идущей мимо него от шоссе. Она доныне называется Театральной аллеей. За театром, вдоль Задней Прудовой ул. (ныне Петровско-Разумовская аллея), стояло здание воксала.

В юго-восточном конце парка и вдоль шоссе помечены дачи Петровского парка разных владельцев.

В «Указателе» к плану Рудольфа 1848 г. указано, кому принадлежали эти дачи: по левой стороне Петербугского шоссе — Глазенапу, Каменскому, Озерову, Павлову, Толстому, Хомякову, Челышеву, Федоровой; по правой стороне шоссе — Башилову (2), Бове, Брянчанинову, Волкову, Голубину, Давыдову, Коробковой, Мавро-Кордато, Мартынову, Мустафину, Оболенскому, Писареву, Петровскому, Сафонову, Талызину, Хомякову, Щербатову.

Продолжая Петровско-Разумовскую аллею к Петербургскому шоссе, здесь проходила ул. Старая Башиловка. Дачи эти доходили до

Тверской и Бутырской заст. Были они и по другой стороне шоссе, правда, в меньшем количестве.

Бутырки отделялись от Петровского парка и Миусской заст. большим полем, имели 4 параллельные улицы с юга на север и 3 небольших переулка между ними. С одной из улиц (ныне Нижняя Масловка) у заставы шла прямая дорога в Марьину рощу, тогда бывшую действительно рощей.

Севернее этой дороги в Бутырках находился большой пруд. Но не из него вытекала р. Неглинная, как это принято считать: она показана протекающей восточнее его и далеко севернее. На ней восточнее Миусского кладбища были маленький и большой пруды. Проходя через них, Неглинная направлялась за Сущевский вал в город.

Восточнее Лазаревского кладбища показана роща, соединенная проселком с дорогой, идущей в Марьину рощу от Бутырской заст.

От пересечения Ярославского шоссе с линией Петербургско-Московской железной дороги уходила на север (вероятно, к деревне Марьино) проселочная дорога. К востоку от Ярославского шоссе показаны Пятницкое кладбище и Сокольническая роща, уже распланированная по-современному на просеки (7 радиальных просек от круга в центре, недалеко от Сокольнической заставы, и одна круговая просека). Между 6-й и 7-й просеками нет деревьев, а показан ручей, текущий с запада в р. Яузу. Надпись гласит: «Сокольничья роща и парк». За этой рощей Камер-Коллежский вал переходил в восточную сторону Москвы.

За валом помечено село Черкизово на большой дороге, идущей от Преображенской заст. За селом — Черкизовский (или Архиерейский) пруд, из которого вытекала р. Сосенка, впадавшая в р. Измайловку, а та — в Хапиловский пруд. Вытекавшая из этого пруда Хапиловка уже в черте города впадала в Яузу.

В Черкизове к востоку от Сосенки показана Штатная слободка.

У самого Камер-Коллежского вала, к северу от дороги, идущей от Преображенской заст., изображено маленькое Черкизовское кладбище, а к югу от этой дороги — обширные мужская и женская богадельни Преображенского старообрядческого кладбища.

От Хапиловского пруда до дороги на восток от Семеновской заст. разбросаны среди полей поселки из нескольких параллельных рядов зданий, вероятно кирпичные заводы. От самого большого из этих поселков проселочная дорога ведет прямо к заставе.

Южнее большой дороги от Семеновской заст. — такие же поселки и обширное Семеновское кладбище. Еще южнее — роща, село Александровское и у самой р. Синички — Немецкое кладбище.

Южнее Синички показана Анненгофская роща — большой квадрат зелени, пересеченный посредине аллеями — одной с юго-запада на северо-восток, двумя другими — с юго-востока на северо-запад. Но она на плане почему-то названа Перовой рощей. Одним своим углом она почти доходила до Владимирской дороги. На этой дороге за рощей изображен прямоугольник с 2 строениями посреди и надписью: «Звериная травля». Здесь на потеху любителям травили собаками молодых медведей.

Между Проломной заставой и юго-западным углом Анненгофской рощи лежал большой треугольник деревни Андроновки. Ее посреди прорезал ручей Золотой рожок.

По восточной стороне деревни Андроновки шла от Проломной заст. до Владимирского шоссе Проломная (Авиамоторная) ул. По другую сторону шоссе эта улица переходила в дорогу к Рогожскому

старообрядческому кладбищу (ныне здесь Старообрядческая ул.). Она доходила до шоссе, шедшего от Покровской заст. На этом шоссе находились по обеим сторонам его деревня Хохловка и село Карачарово.

Между Покровской и Спасской заст., вдоль дороги от последней, лежала деревня Дубровка, а северо-восточнее ее показано Мирское кладбище. Южнее же, далеко от Камер-Коллежского вала, помечено: «Бывшая батарея» и «Редут», вероятно сооруженные во время войны 1812 г. Юго-западнее Симоновской заст. показан Лизин пруд, а на берегу Москвы-реки — несколько строений, к которым вели проселочные дороги.

Таково содержание плана 1848 г., составленного Рудольфом. На нем сравнительно мало обозначений, но нанесенная на план сетка квадратов и приложенный к плану «Указатель» с большим количеством обозначений и с указанием соответствующего квадрата на плане дают возможность желающим получить необходимые топографические справки. План Шуберта 1841 г. и план Рудольфа 1848 г. в течение 40-х—50-х годов несколько раз переиздавались с небольшими, малосущественными изменениями и дополнениями. Переиздан был в 1853 г. и план Хавского 1843 г.

Совершенно новую, неведомую до того картину Москвы дает план Москвы на 63 планшетах, помещенный в «Атласе столичного города Москвы, составленном по распоряжению московского обер-полицмейстера, свиты ЕИВ генерал-майора Лужина А. Хотевым». «Атлас» издан с утверждения московского военного генерал-губернатора А. А. Закревского. Литографирован при типографии «Ведомостей московской городской полиции» в 1852—1853 гг. Масштаб — 1 : 3360; в 1 сантиметре — 33,6 м[14]. Число планшетов в каждой из 17 полицейских частей Москвы таково: в Городской — 1, в Тверской, Мясницкой, Пятницкой, Якиманской, Пречистенской, Арбатской и Сретенской частях — по 2, в Яузской — 3, в Серпуховской — 9, Хамовнической — 7, Пресненской, Сущевской, Мещанской и Басманной — по 4, в Рогожской — 5, в Лефортовской — 8. Все планшеты сделаны в масштабе 40 сажен в 1 дюйме, хотя в Арбатской и Сретенской частях показан (полагаю, ошибочно) масштаб 200 сажен в дюйме. На последнем листе каждой полицейской части автограф: «Чертил А. Хотев».

Это наводит на размышление: кем он был? Составителем плана или только чертежником? П. Н. Миллер в цитированном выше его докладе сообщил, что он отыскал в книге адресов г. Москвы, изданной Нистремом в 1853 г., «столоначальника московской городской полиции коллежского секретаря Аркадия Семеновича Хотева». Можно не сомневаться, что это и есть чертежник изданного полицией в 1852—1853 гг. «Атласа столичного города Москвы». Сомнительно, однако, чтобы он мог составить этот «Атлас». Вероятно, он только перечертил для него готовые материалы. Но откуда они взялись? Знаем, что при некоторых полицейских частях были планы их улиц и домов, но, вероятно, не в одном масштабе. Специальной же съемки Москвы, производившейся полицией, не известно. Полагаю, что Хотев использовал съемку Москвы, сделанную Шубертом в 1841 г., и отчасти съемку, начатую в 1849 и 1850 гг. геодезистами министерства внутренних дел, о которой будет сказано ниже, так как план Хотева в отдельных частях является чуть ли не копией плана Москвы 1849—1852 гг., изданного в 1868 г.

К плану Хотева приложен в виде книги большого формата «Указатель», изданный в 1852—1853 гг., в котором даны номера владений

в каждой полицейской части и в алфавитном порядке фамилии домовладельцев. Казенные и общественные здания поименованы в списке домовладельцев, а церковные, монастырские и дворцовые даны отдельно. Перед каждой полицейской частью дан ее небольшой план в масштабе 200 сажен в дюйме. По этому «Указателю» можно найти, где находился двор каждого домовладельца.

Всех номеров домовладений в «Указателе» — 11 283. Но с тех пор когда были даны эти номера, многие владения разделились на два, три и более владений, не получив особых номеров. Поэтому они отмечены в «Указателе» литерами «а», «б» и т. д. при старом номере того владения, из которого они выделились. Всех таких владений — 1498.

Перейдем теперь к рассмотрению самого плана. На его планшетах впервые даны по всей Москве все здания в одном масштабе и особой штриховкой отмечены каменные и деревянные из них, а также церкви, сады, пруды, судоходные пристани, полицейские будки, ночные и дневные знаки на пожарных каланчах. Это делает план Хотева и теперь, через сто с лишним лет после его выхода в свет, важнейшим источником для ориентации в планировке и застройке улиц, дворов и целых местностей в середине XIX века. Далеко не во всех отношениях и только в черте Садового кольца его можно сопоставлять с рукописными планами Москвы 1768 и 1817 гг., хранящимися в Центральном военно-историческом архиве.

На 1-м планшете изображена *Городская часть* — Кремль и Китай-город. В Кремле построен уже новый дворец, но Оружейная палата показана еще на старом месте. Близ Боровицких ворот — Императорская пл. напротив Дворцовой ул. и Большого дворца. На месте Ивановской пл. — Царская пл. Между Арсеналом, зданием Присутственных мест и старым зданием Оружейной палаты — Сенатская пл. Подол Кремля занят аллеями и насаждениями. Планировка и застройка в общем те же, что и в 1817 г.

То же самое можно сказать и про Китай-город, за небольшими исключениями. Так, например, старое здание на месте Исторического музея доходит на севере только до середины современного. Верхние и Средние ряды на Красной пл. имеют еще ризалиты — выступы у Никольской и Ильинки и разделены проходами, «линиями», на множество мелких квартальчиков лавок под открытым небом. На месте Биржи на углу Ильинки и Рыбного пер. показаны маленькое здание и церковь позади него по Рыбному пер. Между Большим Черкасским пер. и Новой пл. (№ 10 по ней) вместо нескольких современных торцовых зданий, расположенных параллельно друг другу, показан большой двор с периметральной застройкой. Нет Третьяковского пр. с Никольской ул. на Театральный пр., и дом на его месте принадлежит еще П. И. Глазунову, а не С. М. Третьякову.

На 2-м и 3-м планшетах изображена *Тверская часть* от Москвы-реки до Неглинного пр. Вдоль реки, к западу от Большого Каменного моста, есть еще квартал с полутора десятками зданий, которого не было уже в 1917 г. Это — торговые бани. Благодаря этому кварталу набережная здесь представляла собой не площадь, а ул. Всехсвятский вал. Всехсвятский пер. с набережной к Волхонке показан не в параллельных линиях, а расширяется к Волхонке. Второго переулка к западу от него и церковки перед ним на набережной, показанных в 1848 г., уже нет. Нет и квартала между бывшим перед Алексеевским монастырем переулком и Волхонкой.

Вся местность между Волхонкой, Всехсвятским пер., набережной

и Лесным пр. очищена для храма Христа Спасителя. Последний показан в центре этой местности в виде большого равноугольного креста, вписанного в обширный квадрат — вероятно, предполагаемая площадь вокруг храма. И крест и квадрат не параллельны Волхонке и набережной, а обращены к ним углами.

Между Большим и Малым Знаменскими пер. заметен еще бывший здесь переулок, служивший в 1841 г. длинным въездом с Волхонки во двор 1-й Московской губернской гимназии.

Здания Александровского кадетского корпуса, позже реорганизованного в Военное училище, имеют перед собой обращенные к Пречистенскому бульв. сад и двор, ничем не застроенные. Линия этих зданий согласована с линией домов, стоящих до настоящего времени на Арбатской пл. между ул. Фрунзе и новой станцией метро «Арбатская», напоминая о проходившем здесь в XVIII веке Ивановском пер.

Все три Александровских сада имеют посреди широкую и прямую аллею, а по сторонам — изогнутые аллеи.

В остальных местах Тверской части все улицы и переулки такие же, как в 1848 г. В сравнении с 1917 г. еще нет переулка Петровские линии.

Мясницкая часть изображена на планшетах 4-м и 5-м. Она расположена между Китай-городом и Бульварным кольцом — от Неглинного пр. до Москвы-реки. Театральный пр. на половину своей ширины занят аллеей из двух рядов деревьев, продолжающейся и вдоль восточной стены Китай-города до Варварской пл. На Театральной, Лубянской и Варварской пл. показаны фонтаны напорного Мытищинского водопровода, берущие воду из Сухаревой башни. На Неглинном пр. и Трубной пл. — фонтаны, получающие воду из бассейна старого Екатерининского водопровода. В улицах и переулках мало изменений. Лишь Фроловский пер. потерял свое продолжение за Юшков пер., а Малый Успенский пер. продолжен до Армянского пер.

Пятницкая часть изображена на 6-м и 7-м планшетах. Она ограничена с севера и востока Москвой-рекой, с юга — Садовым кольцом, с запада — Большой Ордынкой и Балчугом.

Планировка части в общем та же, что в 1848 и 1817 гг. Краснохолмский мост — деревянный, на 10 стругах.

Якиманская часть — на 8-м и 9-м планшетах. С севера и запада ее границу составляет Москва-река, с юга — Садовое кольцо, с востока — Большая Ордынка и Балчуг.

На Болотной пл., во всю ее длину от Фалеевского пер. до Всехсвятской ул., показан один длинный сомкнутый ряд лавок, заканчивающийся с обеих сторон полукружиями, что делает площадь замкнутой с трех сторон.

На Москве-реке не показано Бабьегородской плотины. Крымского и 3-го Бабьегородского пер. еще нет. Огороды доходят от Москвы-реки до Крымского вала и у него — до Мароновского пер., который тогда так и назывался: Старый Огородный пер. Серпуховская пл. была уже овальной формы.

Пречистенская часть — на 10-м и 11-м планшетах. На юге она граничит с Москвой-рекой, на западе — с Садовым кольцом, на востоке — с Пречистенским бульв. и Арбатской пл., на севере — с ул. Арбат. Внутренние проезды Зубовского и Смоленского бульв. на этом плане называются Зубовским валом, как и Крымская пл. — Зубовской. Она вытянута во всю длину выходящих на нее Провиантских складов. Современная же Зубовская пл. здесь представляет собой небольшой тре-

угольный перекресток между выходящими на него ул. Пречистенкой и Зубовской, Долгим пер., домом, бывшим в 1917 г. у Зубовского бульв., и Смоленским бульв. Посреди этого перекрестка стоит еще продолговатое небольшое здание, продолжающее западную сторону Зубовской ул.

Берег Москвы-реки между 1-м Ушаковским (Коробейниковым) пер. и Лесным пр. занят дворами до самой реки, а между 1-м Ушаковским пер. и Крымским пр. — пустует. По его западной стороне, продолжению Ушаковского пер., и улице между дворами у реки и старыми дворами на западе показан «проезд по берегу р. Москвы», хотя от Ушаковского пер. он шел уже не по берегу, а между дворов. Впоследствии часть этого проезда между Зачатьевским и Лесным пер., несомненно, составила Нижний Лесной пер.

Чуть севернее Малого Афанасьевского пер. на Арбатской пл. показан фонтан Москворецкого водопровода (вода в нем была неочищенной).

Арбатская часть дана на 12-м и 13-м планшетах. Ее граница на юге проходит по Арбату, на западе — по Садовому кольцу, на востоке — по Никитскому и Тверскому бульв., на севере по Тверской ул.

Число и направление улиц и переулков здесь то же, что в 1848 и 1817 гг., за небольшим исключением. Малая Бронная ул. уже продлена между Спиридоньевским и Ермолаевским пер., хотя за последним ее современное продолжение до Садового кольца носит еще старое название — Банный пер. Патриарший пруд показан в форме квадрата, и вокруг него аллея из двух рядов деревьев, а к Ермолаевскому пер. показан скверик. Исчез тупик к Сытинскому туп., шедший с Большой Бронной на плане 1848 г. Площадь Тверских ворот ошибочно названа Тверской пл. На ней показан фонтан Москворецкого водопровода. Богословский пер., западнее церкви Иоанна Богослова, протянут до Тверского бульв.

План *Сретенской части* — на 14-м и 15-м планшетах. Границы части: на западе — Тверская ул., на севере — Садовое кольцо, на юге — Страстной, Петровский, Рождественский и Сретенский бульв., на востоке — Мясницкая ул.

Страстная пл. называется Тверскими воротами. От нее по внутреннему проезду идет до Петровских ворот аллея Страстного бульв. из двух рядов деревьев. Восточную сторону площади замыкает Страстной монастырь, севернее которого идет Путинский пер. (Путинковский пер.). За монастырем — прямоугольник Сенной пл., а за нею, между Страстным бульв. (аллеей) и зданием Новоекатерининской больницы. — сквер больницы с дорожками и клумбами. Путинский пер. доходил только до Сенной пл.

Ул. Петровка доходит до Дурного (Среднего Каретного) пер., дальше — Каретный ряд.

Цветной бульв. называется Трубным бульв. На его средней аллее от Трубной пл. показаны слева 4, справа — 3 цветочные палатки, от которых он и получил свое современное название. На Трубной пл., как указано выше, напротив средней аллеи Цветного бульв. — фонтан старого Екатерининского водопровода.

Стрелецкий пер. доходит только до Даева пер. Современное продолжение его к Колхозной пл. — Анановский пер. — проложен позднее. Уланский пер. начинается лишь у внешнего проезда Сретенского бульв. Существующего теперь проезда из этого переулка на Тургеневскую пл., как и самой этой площади, еще нет.

Яузская часть изображена на планшетах 16-м, 17-м и 18-м. Она граничит на северо-западе с Мясницкой ул., на востоке — с Садовым кольцом, на западе — с Чистопрудным и Яузским бульв., Устьинским пр. до Яузы и Москвой-рекой за нею до Краснохолмского моста. Таким образом, она имеет в своем составе не только восточную часть Земляного города, но и его юго-восточную часть — Заяузье, или Таганку.

Покровский бульв. между Казарменным пер. и Воронцовым полем (ул. Обуха) уже насажен. Серебрянический пер. не продолжается за Большим Воробинским, а поворачивает коленом к Яузе, и в него, собственно, вливается Большой Воробинский пер., а не идет самостоятельно к Яузе. На Садовом кольце напротив Покровки есть надпись: «Рынок Земляная Покровка», но на нем показана только одна полицейская будка. Вероятно, этот рынок тогда был только привозным. Через Яузу показан Высокояузский мост. Большой и Малый Казенные пер. отходят от площадки у Лялиного пер.

Таганная ул. названа Верхней Болвановской и идет от Яузы до Таганской пл., что неверно: Верхняя Болвановская всегда начиналась только за Тетеринским пер. Направление улиц то же, что в 1848 г.

Рассматривая план 1852—1853 гг. в пределах Садового кольца, т. е. в наиболее старой части Москвы, отраженной еще в планах-чертежах XVII века, мы отметили только те улицы, площади и переулки, которых не было на плане 1848 г., а также те, которые там были, а на плане 1852—1853 гг. исчезли.

Но последний план в пределах Садового кольца дает возможность увидеть между дворами исчезнувшие переулки не только XVIII, но и XVII и, вероятно, более ранних веков. Вскрытие их не входит, собственно, в задачу нашей работы, но в виде иллюстрации приведем некоторые не существовавшие уже в середине XIX века переулки, обозначенные границами между дворами.

Таков, например, Волхонский пер. XVIII века. Мы видим его близ Волхонки, между Антипьевским пер. и Знаменкой. От Знаменки до Воздвиженки — между Ваганьковским и Крестовоздвиженским — Благовещенский пер. Переулок от Нижнего Кисловского до Среднего Кисловского, между Большим и Малым Кисловскими пер., существовал в XVIII веке. От Никитской до Тверской между Брюсовским и Газетным пер. тоже был в XVIII веке параллельный им переулок. От Малого Чернышевского (Елисеевского) пер. до Тверской ул., между Брюсовским и Большим Чернышевским пер., — Вознесенский пер. От Тверской пл. до Большой Дмитровки, между Столешниковым и Глинищевским пер., — Квасной пер. XVII века.

Переходим к изображению на плане 1852—1853 гг. местности между Земляным городом (Садовым кольцом) и Камер-Коллежским валом.

Серпуховская часть изображена на планшетах 19—27-м. Они дают 3 горизонтальных разреза части, в каждом разрезе по 3 планшета. Сперва изображены ближайшие к Земляному валу местности, потом более отдаленные и, наконец, местности, подходящие к заставам.

На плане Хотева нет 2 переулков со Щипка и Стремянного пер. на Валовую ул., бывших на плане Рудольфа 1848 г. Зацепа оканчивается здесь небольшим тупичком в пустопорожнем владении между исчезнувшими переулками. Стремянный пер. доходит до самой Коломенской-Ямской ул. Эта улица очень широка — не в пример прочим

улицам Замоскворечья и даже всей Москвы. Зацепа продолжается к юго-востоку Кожевнической ул. На островке лишь одна улица посредине и пересекающая ее другая, ближе к Краснохолмской плотине. Между Большой Калужской и Донской ул. кроме Ризположенского пер. есть южнее еще Бахметьевский пер., а между Донской и Шаболовкой — один Ризположенский.

Между Мытной и Хавской ул., южнее Арсеньевского пер., изображена большая площадь бывш. Конной скачки. Прямое продолжение к югу за Арсеньевским пер. Малой Серпуховки — Земляная ул. За Жуковым пер., под углом к югу, продолжается Щипок, Дербеневская же улица вскоре за Жуковым пер. переходит в набережную Москвы-реки. Между нею и Гусятниковым пер. — 2 параллельных им Огородных пр.

Камер-Коллежский вал за Калужской заст. сперва устремляется к югу, затем делает колено к западу, за ним другое колено к юго-западу и подходит к Москве-реке южнее Андреевской слободы и Андреевской богадельни.

Донской монастырь с севера и с запада окружен площадью без насаждений, с востока и с юга от монастыря — огороды, на которых к западу находится несколько дворов Донской слободы.

Между Шаболовкой и Мытной ул. очень мало строений, почти сплошь огороды. Между ними посредине один параллельный улицам проезд — Проектированная ул. и 3 перпендикулярных этой улице переулка.

Даниловская ул. изображена огибающей с севера и востока ломаной линией парк Павловской больницы. Между ней и Москвой-рекой — большие огороды, и только по берегу реки — 5 больших дворов.

Хамовническая часть дана на 28-м — 34-м планшетах. Ее граница на востоке — Садовое кольцо от Крымского моста до Смоленской ул., затем — петля Москвы-реки от Крымского моста до р. Сетуни, охватывающая Хамовники и Малые Лужники, далее Дорогомиловский (Бородинский) мост и Дорогомилово.

На 28-м планшете показано Дорогомилово между Большой Дорогомиловской ул., Москвой-рекой на востоке и на севере и Дорогомиловским Камер-Коллежским валом на западе. Застройка дворами помечена лишь между Большой и Малой Дорогомиловскими ул. Малая Дорогомиловская идет от первого переулка у моста до Камер-Коллежского вала. Кроме 2 переулков между этими улицами, все остальное пространство занято огородами и поэтому не имеет ни улиц, ни переулков. На набережной близ Дорогомиловского моста — около десятка дворов.

На 29-м планшете показана местность к югу от Большой Дорогомиловской ул. Здесь от нее идут 2 больших переулка — Никольский и Большой Тихвинский, и от Никольского до Москвы-реки на востоке — пер. Проектированный, проходящий параллельно и вблизи Большой Дорогомиловской ул. К этому переулку с нее выходят еще 2 маленьких переулка. Между Большим Тихвинским пер. и Москвой-рекой — ул. Бережки и параллельный Большому — Малый Тихвинский пер., выходящий к берегу. Других переулков, отмеченных на планах 1843 и 1848 гг., нет. Дальше к югу и к западу лежат огромные огороды, сперва Дорогомиловской слободы, потом казенные.

Между Садовым кольцом от Крымского моста до Смоленской ул., Долгохамовническим пер. и пр. Девичьего поля местность, изображен-

ная на 30-м планшете, имеет те же улицы и переулки, что в 1848 г., только названия некоторых иные. Лишь современная Ростовская набережная в первой своей половине от Дорогомиловского моста показана узкой (на Мухиной горе), а дальше — очень широкой.

На 31-м планшете изображено Девичье поле до самого Новодевичьего монастыря, два огромных пруда к западу от монастыря и один — к югу. Между этими прудами показан Камер-Коллежский вал, подходящий к Москве-реке напротив устья Сетуни. За Москвой-рекой вал поворачивал прямо на север, оставляя влево от себя Красный луг, на котором размещался скотный двор Воспитательного дома.

Малая Царицынская ул. показана выходящей на площадь у восточной стены монастыря. Между этой улицей и лежавшим к востоку от нее Усачевым пер. и за последним — сады и огороды, строений почти нет.

На 32-м планшете Девичье поле вторгается клином к востоку от современной Большой Пироговской ул. до линии пер. Усачева и Оболенского, между Варварским и Трубецким пер.

К востоку от Девичьего поля до Москвы-реки и к югу до Камер-Коллежского вала — большие сады и огороды с несколькими проездами между ними. Огороды с 5 только дворами были и между ул. Чудовкой и Москвой-рекой.

На 33-м и 34-м планшетах показаны Малые Лужники. Здесь две слободы — Лужницкая и Шереметевская с большими огородами, но почти без строений. Только у реки сразу же за Камер-Коллежским валом — 2 двора с множеством маленьких строений и небольшими прудами. От Камер-Коллежского вала Малые Лужники прорезает проезд к Москве-реке, у которого находился лодочный перевоз в село Воробьево.

Пресненская часть дана на четырех планшетах — 35-м — 38-м. Ее границы: на юге — Москва-река и Смоленская ул., на востоке — Садовое кольцо, на северо-востоке — Тверская-Ямская ул., на северо-западе и на западе — Камер-Коллежский вал.

Малая Грузинская ул. не доходит до Камер-Коллежского вала, а за квартал до него продолжается идущим к валу между огородами и садом Проектированным пер. На месте Охотнического пер. есть уже Малый Грузинский пер. Большой Предтеченский пер. доходит до Камер-Коллежского вала. Большой Трехгорный пер. по-прежнему доходит прямой линией до ул. Нижняя Пресня и даже продолжается за нею до Москвы-реки.

Смоленская набережная уменьшена в своей ширине, и продолжением к северу ее восточной стороны является Новопесковский пер., между которым и Москвой-рекой вырос целый квартал.

Сущевская часть имеет тоже 4 планшета: 39-й — 42-й. Ее границы: Тверская-Ямская ул., Камер-Коллежский вал от Тверской до Троицкой заст., 1-я Мещанская ул., Троицкий и Салтыковский пер., Самотецкая ул. и Садовое кольцо от Самотечной до Старой Триумфальной пл.

Миусская пл. показана огромной, окруженной лишь дворами с окаймляющими ее по периметру улицами: 4-й Тверской-Ямской, Оружейной, Новослободской и Лесной. На северо-востоке и на юге площади еще находятся большие огороды. Между южными огородами намечена углом улица — современная 5-я Тверская-Ямская. Посреди площади, названной «Лесной рынок, что под вязками», — по 5 двори-

ков по сторонам небольшой улицы. Косой пер. продолжается к северо-востоку маленьким переулочком, из которого к северу, до Селезневки, идет Щемиловский пер. Между Божедомским пер. и Самотецкой ул. у пруда — только 2 Волхонских пер.

Между Камер-Коллежским валом и Палихой, от Тихвинской до Бахметьевской ул., имеется только один Проектированный пер., продолжающийся затем Лазаревским пер., который ведет к западным воротам Лазаревского кладбища.

Мещанская часть дана тоже на 4 планшетах: 43-м — 46-м. Ее границы: на западе — 1-я Мещанская ул., на севере — Камер-Коллежский вал от Троицкой до Сокольнической заст., на юге — Садовое кольцо до Домниковской ул., на востоке — Домниковская ул., Каланчевское поле, Краснопрудная ул. и Сокольническое шоссе.

Между 1-й Мещанской и Краснопрудной ул. линии Петербургско-Московской железной дороги, ее депо и другие сооружения окончательно разбили сетку проектированных здесь на предыдущих планах радиальных и кольцевых улиц. Первая радиальная улица еще видна на плане, но доходит только до Безымянного пер., а не до Протопоповского, как на всех предыдущих планах. Вторая, третья и четвертая радиальные улицы показаны прерванными посредине путями железной дороги.

Из кольцевых улиц первая, являющаяся продолжением к востоку второго от заставы переулка, переходит через железную дорогу Огородным пер. и дальше — проездом к Верхней Красносельской ул. Вторая кольцевая улица прерывается железной дорогой и продолжается за ней Огородным пр. к Красному пруду. Третья кольцевая улица, продолжая к востоку Банный пер., доходит только до железной дороги. Четвертая, не доходя до нее, поворачивает к югу.

На плане прекрасно изображена речка Ольховка, берущая начало из озерка близ Петербургско-Московской железной дороги.

Чуть севернее современной Средней Переяславской ул. Ольховка пересекает район железной дороги, направляется затем на юго-восток и впадает с севера в Красный пруд, который изображен в виде груши черенком вверх и весьма расширенным близ Краснопрудной ул., где его подпирает плотина.

Станция Петербургско-Московской железной дороги изображена на плане в виде сохранившегося доныне здания вокзала и 12 пакгаузов к западу от нее.

Восточнее видна и другая речка — Рыбенка, берущая начало близ изгиба на севере Камер-Коллежского вала. Она течет в юго-восточном направлении и, немного не доходя до Сокольнического шоссе, образует один большой и 3 маленьких пруда. В последний из маленьких прудов, у самого Сокольнического шоссе, впадает с севера небольшой ручей, вытекающий из маленького озерка.

Басманная часть дана на 4 планшетах: 47-м — 50-м. Она граничит на севере с Краснопрудной ул.; на востоке — с Гавриковым пер., Покровской и Немецкой ул., Салтыковской ул. до Салтыкова моста, р. Яузой до проезда к Проломной заст. и Камер-Коллежским валом; на юге — со Средним Золоторожским пер., Золоторожской ул., владениями по берегу Яузы и Земляным валом у Высокояузского моста; на западе — с Земляным валом, Домниковской ул. и Каланчевским полем до Краснопрудной ул.

Западнее Нижней Красносельской ул. течет из Красного пруда речка Чечора, образующая до Елоховской ул. 9 небольших прудов.

Дальше она течет в прямолинейной канаве и только перед впадением в Яузу питает своей водой еще несколько прудов. На Елоховскую ул. выходит только один Плетешковский пер.

Между Садовой-Спасской ул., Домниковской ул. и Каланчевским пер. нет никаких переулков. На севере перед Домниковской ул., по обеим сторонам Каланчевского пер., показан обширный «Каланчевский лесной ряд».

К востоку от него — громадное Каланчевское поле. На нем напротив угла 1-го Басманного пер. и Рязанской ул. помечены два колодца, названные Каланчевскими родниковыми ключами. На самом деле — это резервуары проходившего здесь в городе старого Мытищинского водопровода.

Гороховская ул. у церкви Вознесения делает прямой угол, за ней еще такой же и вливается в Вознесенскую ул. Сусальный пер. идет параллельно Садовой ул. от Гороховской до Сыромятнической ул.

Рогожская часть изображена на 5 планшетах: 51-м — 55-м. На севере ее границей служит р. Яуза; на западе — Земляной вал, Верхняя и Нижняя Таганские пл., Краснохолмская ул., затем Москва-река до поворота ее на запад; восточная граница идет по ручью Золотой рожок от впадения его в Яузу до Золоторожской ул., немного по этой улице, затем до Камер-Коллежского вала и Москвы-реки. По реке на небольшом промежутке проходит и южная граница Рогожской части.

Воксальный пер. на плане не обозначен. К востоку и к югу от Покровского монастыря — пустые площади, к северу и к западу от него — большие огороды.

Местность за Крутицкими казармами имеет 3 переулка, один из них идет к казармам.

Лефортовская часть дана в «Атласе» на 8 планшетах: 56-м — 63-м. Границы ее: на севере — Богородский Камер-Коллежский вал; на востоке — Черкизовский, Преображенский, Семеновский и Измайловский Камер-Коллежские валы; на юге — проезд от Проломной заст. к р. Яузе и Яуза до Салтыкова моста; на западе — Салтыковский пр. и Немецкая ул., Гавриков пер., Сокольническое поле и проезд со Стромынки к Сокольнической заст.

Между этим проездом, Стромынкой и Яузой — только одна Колодезная ул., продолжающаяся и за рекой на восток к Камер-Коллежскому валу. Ее пересекают от Преображенской ул. до Богородского Камер-Коллежского вала 2 параллельные улицы; от первой из них к Черкизовскому валу идет севернее продолжения Колодезной ул. другая, ей параллельная. Все улицы, кроме одной Петровской, обозначены как проектированные. Действительно, они проходят большей частью среди огородов: из 8 образуемых ими кварталов 5 находятся сплошь под огородами, а один у Яузы — под усадьбой с громадным парком. Теперь здесь психиатрическая больница имени Ганнушкина, а в 1851—1852 гг. была усадьба купцов Котовых.

К востоку от Сокольнической заст. у Богородского (Оленьего) Камер-Коллежского вала было 4 небольших Полевых пер., а дальше к востоку до проезда в Сокольническую рощу никаких улиц и переулков не было. Находящийся теперь между ул. Короленко и р. Яузой Колодезный пер. тогда отсутствовал.

Сокольническое поле потеряло свои прямоугольные очертания. На нем тогда производилась учебная стрельба и находились мишени 2-го Карабинерного полка. За полем протекал ручей Безымянный

(речка Рыбенка). Он впадал в пруды Покровского дворца. Почти напротив пруда, по другой стороне Яузы, в нее впадала речка Хапиловка, к северу от которой шла ул. Генеральная, к югу — Лаврентьевская (теперь обе соединены в Электрозаводскую ул.). За дворами, выходившими на южную сторону Большой Семеновской ул., находились обширные огороды, тянувшиеся до самого Камер-Коллежского вала, а на юге — до проезда от вала к баням близ Рубцова моста. Теперь это Гольяновская ул.

Моста через Яузу напротив Ладожской ул. уже нет. Нет и 2-го Бригадирского пер., выходившего на Немецкую ул. напротив Гарднеровского пер. С Владимирской ул. показан мост через речку Синичку к Немецкому кладбищу.

Таков в общем план Москвы 1852—1853 гг., опубликованный в «Атласе» Хотева. Как видим, с 1848 г. было произведено мало новых планировок в пределах Камер-Коллежского вала, и в этом отношении план не представляет особого интереса. Замечателен он тем, что впервые показал застройку Москвы — не только отдельных кварталов, но и всех дворов.

Мы уже указывали, что с планом Хотева очень схож другой план, составленный в 1849—1852 гг.[15], с «Указателем» к нему в виде особой книги. И план и «Указатель» изданы в 1868 г.[16].

Происхождение этого плана таково. В 1845 г. был учрежден в Москве Комитет о городском хозяйстве столицы. Задачей комитета было «приведение в известность всех городских недвижимых имуществ». По распоряжению этого комитета командированными от министерства внутренних дел гражданскими топографами в 1849—1852 гг. была произведена подробная съемка плана г. Москвы внутри Камер-Коллежского вала в масштабе 25 сажен в дюйме. Первоначально целью этой съемки было определение пространства под всеми улицами, площадями, переулками и проездами. Потом, вследствие предписания министерства внутренних дел, произведено также измерение всех дворовых участков — для выяснения городских земель, неправильно состоящих в пользовании частных лиц. Сверка измеренных участков с документами владельцев производилась особыми чиновниками, состоявшими при комитете. Затем с той же целью, по постановлению комитета от 24 августа 1851 г., теми же топографами была произведена съемка на план земель за Камер-Коллежским валом, назначенных в прежнее межевание 1756—1758 гг. под выгон, в масштабе 100 сажен в дюйме.

Начальником съемки плана Москвы 1849—1852 гг. был инженер-геодезист Н. Белоусов, почему этот план иногда называют Белоусовским. Издан план на 169 листах, выполненных литографским способом в петербургской литографии Емчаниновой. Тираж его составил 400 экземпляров.

По частям города листы плана распределяются так: Городская часть — 3 листа, Тверская — 6, Мясницкая — 6, Пятницкая — 5, Якиманская — 7, Пречистенская — 5, Арбатская — 6, Сретенская — 8, Яузская — 7, Басманная — 12, Рогожская — 12, Серпуховская — 19, Хамовническая — 15, Пресненская — 9, Сущевская — 8, Мещанская — 11, Лефортовская — 15. Кроме того, выгонных земель за Камер-Коллежским валом — 14 листов и 1 лист уменьшенного плана всей Москвы.

Кроме большего масштаба (25 сажен вместо 40) план 1849—1852 гг. отличается от плана Хотева еще и тем, что дает изображение местностей за Камер-Коллежским валом, хотя и в мелком масштабе —

100 сажен в дюйме. Ввиду кажущегося близкого сходства планов Москвы в «Атласе» Хотева 1852—1853 гг. и планов съемки ее геодезистами министерства внутренних дел в те же почти годы часто предпочитают пользоваться «Атласом» Хотева, во-первых, потому, что в нем, при 40-саженном масштабе, в 2 с лишним раза меньше планшетов, чем в работе геодезистов министерства внутренних дел; во-вторых, хотевские планшеты портативнее, чем 25-саженные по масштабу планшеты геодезистов; в-третьих, «Атлас» имеется почти во всех больших библиотеках, тогда как из 400 изданных экземпляров работы геодезистов очень трудно отыскать хотя бы один.

Но план геодезистов сделан группой специалистов-инженеров, с применением научных методов и тригонометрической съемки, тогда как об «Атласе» Хотева мы знаем только, что чертил планшеты коллежский секретарь Хотев, чиновник канцелярии обер-полицмейстера Москвы, а на основании какой съемки чертил — не знаем. Прежде мы предполагали, что Хотев до известной степени воспользовался работой геодезистов, однако выборочное сравнение изображения проездов, дворов и строений в них у Хотева и у геодезистов заставляет отбросить эту мысль.

Мы детально сравнили изображение в обеих работах застройки около 1000 дворов в Городской, Тверской и Мясницкой частях. Количество строений в каждом дворе большей частью совпадает, но конфигурация дворов и строений в них и пропорции последних в длине и ширине чаще всего различны.

Во избежание голословности приведем некоторые отличия в изображении строений и дворов в «Атласе» Хотева, который для краткости условимся обозначать буквой Х., и в работе геодезистов, которую будем обозначать буквой Г.

КРЕМЛЬ

Арсенал у Х. имеет посреди, где главные двери, выступ на фасаде, которого у Г. нет. Наоборот, у Х. нет вдоль фасада площадок для пушек, которые у Г. имеются. Во внутреннем дворе Арсенала у Х. нет 3 маленьких зданий и колодца, которые у Г. изображены.

Здание *Сената* у Х. не имеет маленьких выступов по углам, которые есть у Г. Оружейная палата (старое здание) у Х. не имеет также площадок для пушек вдоль его фасада, имеющихся у Г.

Первый от Троицких ворот *двор по Дворцовой ул.* не имеет у Х. выхода к этим воротам, у Г. он есть. Следующий двор по этой улице у Х. незастроенный, у Г. — застроенный.

На Патриаршем дворе у Х. нет 3 мелких строений между церковью Двенадцати апостолов и старым зданием Оружейной палаты, показанных у Г.

В *Чудовом монастыре* длинный каменный корпус, выходящий торцом на Спасскую ул., у Х. отделен пространством от параллельного ему корпуса Вознесенского монастыря, а у Г. вплотную примыкает к нему.

В *Вознесенском монастыре* Х. не показывает мелких зданий и садиков, которые изображены у Г.

На *подоле* Кремля в западной части у Х. не показаны 2 больших и 3 малых здания, изображенных у Г. Насаждения в восточной части подола даны у Х. в виде клумб между дорожками, у Г. — условными обозначениями.

Ворота в кремлевских башнях Х. изображает сквозными проемами, тогда как у Г. они изображены застройкой с пометкой лишь «Х» (Андреевского креста) на месте ворот.

Китай-город. Между Никольской и Ильинкой от Красной пл. до Ветошного пер. у Х. 8 рядов, у Г. — 7.

Современный дом № 8 по ул. 25 Октября (Никольской) у Х. разделен на два отдельных двора, с узким проходом посреди. У Г. — один двор, с фасадным домом и флигелем, с церковью на конце и широким проходом между нею и строением по южной стороне двора. Дом № 10 по той же улице у Х. имеет строение по улице, у Г. его еще нет.

Часть Новой пл. между Никольской ул. и Малым Черкасским пер. значительно шире у Х., чем у Г.

У Х. Певческий пер. выходит в Ветошный пер., у Г. он уже застроен со стороны Ветошного.

Дом № 3 по Ильинке у Х. показан с воротами на эту улицу, у Г. ворот нет. Очертания большинства зданий по улице и пропорции длины к ширине этой улицы у Х. иные, чем у Г.

Аллея у кремлевской стены от Никольских до Спасских ворот у Х. изображена с двумя рядами деревьев, у Г. — условно.

Между Ильинкой и Варваркой. Биржа у Х. изображена двумя зданиями, соединенными посреди переходом, у Г. — квадратом. Пристройки к зданию с восточной стороны у Х. нет. Во дворах количество зданий у Х. и Г. совпадает, но очертания их разные.

Между Варваркой и Мокринским пер. Нижние ряды имеют у Х. 2 продольных ряда, у Г. — 3. Собор Знаменского монастыря и некоторые другие здания иных очертаний. Живорыбный ряд (северный) у Х. не примыкает к стене Китай-города, у Г. — примыкает.

Между Мокринским пр. и южной стеной Китай-города. Дворы и строения в них у Х. и у Г. разных пропорций и очертаний.

Белый город. Тверская часть. Храм Христа Спасителя у Х. изображен в виде большого креста в масштабе, с окружающей его квадратной площадью, у Г. — только условным крестиком.

Иные очертания и пропорции имеют строения и сад в большом дворе между набережной Москвы-реки, Знаменкой и Лебяжьим пер.

Александровские сады показаны у Х. в Тверской части, у Г. — в Городской.

Александровское военное училище выходит во двор к Пречистенскому бульв. у Х. одним зданием, у Г. — двумя зданиями рядом, причем южное здание ни фасадом, ни очертаниями не похоже на северное.

Северный двор дома № 12 по Никитскому бульв. у Х. дан в виде квадрата, у Г. — в виде прямоугольника, равного двум квадратам. В доме № 14 по тому же бульвару у Х. нет ворот в Калашный пер., у Г. — есть.

Дом № 2 по Тверскому бульв. у Х. с двумя выступами во двор, у Г. — без выступов. В доме № 4 у Х. — 3 здания, у Г. — 2. Дом № 6 у Х. с садом, у Г. — без сада. Северное здание этого дома выходит к бульвару у Х. двумя боковыми флигелями, у Г. — без флигелей.

Возле церкви Малого Вознесенья на Большой Никитской (что на углу теперешней ул. Станкевича) у Х. только сад на эту улицу, у Г. — и огород за алтарями.

Солодовниковский пассаж на Кузнецком мосту, между Петровкой и Неглинной, у Х. изображен в виде двух зданий с переходами, у Г. — в виде одного прямоугольного здания.

Белый город. Мясницкая часть. Между Неглинной ул. и Рождественкой.

В двух дворах, выходящих на Трубную пл., у Х. одно здание, у Г. — 2 здания; то же и по Рождественке. Южнее их у Х. — пустое место, у Г. — большой огород. Нижний Кисельный пер. у Х. соответствует Звонарскому у Г.; переулок, названный у Х. Звонарским, у Г. назван Подколокольным.

Во дворе Сандуновских бань у Х. больше маленьких строений, чем у Г.; у Г. показаны в больших зданиях деревянные галереи, у Х. их нет.

Между Кузнецким мостом и Софийкой двор, выходящий на Неглинную ул., у Х. значительно шире по отношению к длине, чем у Г.

Двор Суздальского подворья на углу Софийки и Рождественки у Х. имеет больше строений, чем у Г.

На Театральном пр. у Х. широкий бульвар в два ряда деревьев, от восточного угла современного здания «Метрополя» до Лубянской пл., почти равен по ширине мостовой, у Г. бульвар совсем не показан.

Между Рождественкой и Большой Лубянкой.

На углу Рождественки и Софийки у Х. показан дом, у Г. — двор, в виде треугольника, Артиллерийского депо с маленьким, выходящим на Софийку зданием в восточной части. К северу от этого двора у Х. нет строения по меже Артиллерийского депо, у Г. — есть.

Между Большой Лубянкой и Мясницкой.

Двор по северной стороне Сретенского пер. у Х. при масштабе 1 дюйм =40 сажен шире, чем у Г. при масштабе 1 дюйм =25 сажен. Совсем иначе застроен у Х., чем у Г., двор церкви Людовика на Малой Лубянке. На углу Мясницкой ул. и Сретенского бульв. (на Тургеневской пл.) у Х. 4 небольших здания по красной линии бульварного проезда, у Г. — пустырь.

Между Мясницкой ул. и Маросейкой.

На дворе Почтамта у Х. на самом углу Мясницкой с Чистопрудным бульв. показано маленькое деревянное здание, которого у Г. нет. У обоих показано по линии бульвара в этом владении по 3 здания, но у Х. они каменные, у Г. — деревянные. К западу от них во дворе Почтамта у Х. 5 деревянных зданий, у Г. только 2. Церковь Гавриила Архангела (Меншикова башня) у Х. имеет отдельный двор, у Г. ее двор соединен с двором Почтамта.

Банковский пер. у Х. называется Кривоколенным, у Г. — Малым Банковским.

Здания, выходящие с Мясницкой во двор дома № 24, имеют у Х. по три выступа, у Г. вовсе не имеют их.

У двора, второго от Мясницкой ул., по восточной стороне современного Кривоколенного пер., у Х. — каменное здание, у Г. — деревянное.

Восточнее Гребневской церкви у Х. выходят на Мясницкую 2 здания, каменное и деревянное, у Г. — одно каменное.

Дом Человеколюбивого общества на южной стороне Лубянской пл. у Г. имеет поперек двора каменный флигель, у Х. флигеля нет.

У церкви Георгия в Лубянском пр. у Х. показано здание, выходящее торцом в проезд, у Г. его нет.

По Ильинскому пр. у Х. пустая площадь с северной стороны, у Г. — деревянные балаганы.

Между Маросейкой и Солянкой.

От стоявшего в глубине двора здания Казенной аптеки на Покровском бульв. у Х. — большой пустырь, у Г. — огород.

Здание Архива иностранных дел в Хохловском пер. у Х., несмотря на меньший масштаб, больше, чем у Г.

Мы не указали здесь зданий в одних и тех же дворах, показанных у Х. и у Г. в разных очертаниях и в различных пропорциях, хотя такие здания встречаются буквально на каждом шагу.

Другие же отличия, отмеченные нами в Городской, Тверской и Мясницкой частях, вполне подтверждают наше мнение, что Хотев не пользовался работой геодезистов при черчении планов для своего «Атласа», а имел другие источники. Трудно сказать, кто из них достовернее наносил на планы застройку дворов и кварталов. Мы отдали бы предпочтение работе геодезистов, пользовавшихся научными методами, если бы не знали, что в их задание входило только измерение территории под зданиями и дворами, а не точное их расположение. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в работе геодезистов в некоторых случаях отражено время, более раннее, чем у Хотева: пустые пространства, где у Хотева здания; старые строения, где у Хотева более новые, и т. д. Но у Хотева есть также явные неправильности, например в соотношении длины и ширины некоторых известных дворов и строений в них.

Поэтому мы приходим к выводу, что для повседневных целей можно пользоваться как тем, так и другим планом, а для научных целей необходимо пользоваться обоими одновременно, проверяя их несогласия данными архивов.

В 1853 г. начат и в 1856 г. окончен план регулирования застройки Москвы, разработанный III, а потом IV округом путей сообщения и публичных зданий и утвержденный 2 апреля 1856 г. Александром II. План определял строительное зонирование Москвы, размещение каменной и деревянной застройки. Сплошная каменная застройка располагалась в пределах Бульварного кольца, а вдоль главных кольцевых и радиальных улиц, за пределами Бульварного кольца, — полосами 6-саженной ширины. Остальная территория предназначалась в основном для деревянной застройки.

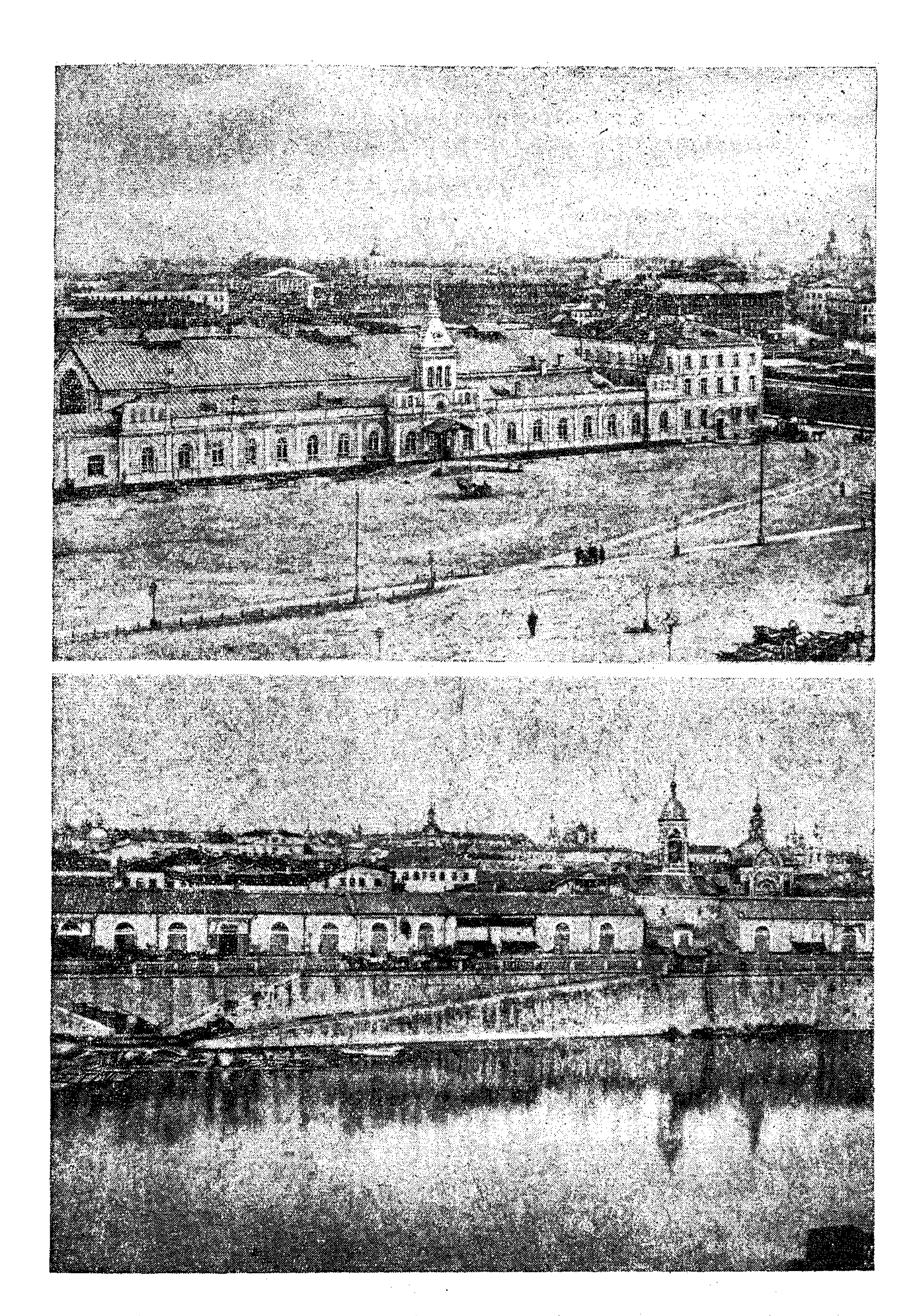
Этот план регулировал размещение застройки почти до 1886 г., когда было начато составление нового плана регулирования застройки Москвы (законченного в 1901 г.).

Все планы Москвы, изданные в десятилетие с 1853 до 1862 г. были перепечаткой ранее изданных, без каких-либо существенных изменений. Так, в 1853 г. был переиздан план Хавского 1843 г. и 3-м изданием вышел план Рудольфа 1848 г. В 1860 г. вышло 5-е издание плана Рудольфа, в том же масштабе (300 сажен в 1 дюйме), с нанесением на нем сети городских труб Мытищинского водопровода, переустроенного к этому времени инженером А. И. Дельвигом[17]. В 1856 и 1858 гг. в Петербурге вышли планы Москвы, повторяющие план Шуберта 1841 г. В 1862 г. вышел изданный Военно-топографическим депо план Москвы новой съемки, произведенной военными топографами в 1859 г. Его масштаб — 150 сажен в дюйме[18]. Он представляет для нас интерес, и поэтому мы на нем задержимся.

Оставляя Кремль без разбора, в *Китай-городе* находим Псковский и Ипатьевский пер. и ул. Ильинку искривленными. Варварка представляет собой ломаную линию, ломаясь у Рыбного пер.

Верхние ряды имеют только 5 проходов с севера на юг и 3 прохо-

Трубная площадь в середине XIX века (вверху). Большой каменный мост, построенный инженером Н. Н. Воскобойниковым в 1859 г.

Рязанский вокзал, построенный в 1862—1864 гг. (вверху). Москворецкая набережная в середине XIX века.

да с запада на восток. В Средних рядах — 7 проходов с севера на юг и 2 с запада на восток. В Нижних рядах — 3 прохода с севера на юг и 2 с запада на восток. В этом же направлении идет и Мытный пер. Из этого переулка в Николо-Мокринский есть переулочек внутри Мытного двора.

Здание Биржи на углу Ильинки и Рыбного пер. дано еще старое, за ним по переулку — церковь Пятницы, а дальше до Варварки — существующий доныне трехэтажный дом.

В Белом городе храм Христа Спасителя показан уже в виде многоугольного здания, а вокруг него по сторонам площади — каменные парапеты будущих скверов.

Волхонка носит это название лишь между Знаменкой и Ленивкой. От Ленивки до бульвара она называется Пречистенкой, причем здесь она вдвое шире, чем до Ленивки.

Здания Александровского военного училища, выходящие к бульвару, оба на одной линии и одинаковой ширины, но имеют посредине разрыв, которого теперь уже нет.

1-я мужская гимназия занимает в Большом Знаменском пер. дом «покоем», перекладина которого расположена по переулку. В Ваганьковском пер. к зданию XVII века во дворе Казенной палаты примыкает подворье Александровского монастыря. На углу Знаменки и Моховой значится 4-я Московская гимназия.

В доме № 9 по Моховой — здание библиотеки университета уже есть, а главное здание университета в глубине двора показано не параллельно Моховой, а под углом.

Место нынешного магазина Военторга занято садом.

На месте нынешней Манежной пл. стоят дома, прорезанные между собой Большим Лоскутным пер., параллельным Александровскому саду, Малым Лоскутным пер. и Обжорным пер. севернее его. Следовательно, тогда здесь выходили на Тверскую 3 переулка, а не один Обжорный, как в 1917 г.

В Долгоруковском пер. показано здание химической лаборатории университета. В Газетном пер. сохранялось с XVII века подворье Никольской пустыни.

На углу Петровского бульв. и Неглинного пр. показаны торговые бани с двумя прудами позади них. По другой стороне Неглинного пр., между Нижним Кисельным пер. и Трубной пл., вместо домов — огороды.

Лубянская пл. изображена в виде квадрата.

Между Чистопрудным бульв. и Потаповским пер., напротив Сверчкова пер., — огромное владение, застроенное лишь по периметру, — Запасная аптека.

В Замоскворечье Болотная пл. застроена полукольцом лабазов, открытым к Водоотводному каналу. К Суконным баням на Всехсвятской ул. ведет тупик с Софийской набережной.

Между Садовнической ул. и набережной Москвы-реки, вокруг церкви Козьмы и Демьяна намечена площадь. На ее восточной стороне — Козьмодемьянский пер., на котором показан двор Вещевого интендантского склада — «Новый Комиссариат», а через несколько дворов восточнее — старый двор этого склада.

Имеются уже на плане Большой и Малый Краснохолмские мосты, а между ними — дамба, по которой теперь идет Нижняя Краснохолмская ул. На ней стоит здание — паровая водокачальня правления IV округа путей сообщения. За ним к югу — соединительный канал между

Москвой-рекой и Водоотводным каналом, с двумя мостами через него. Близ Большого Краснохолмского моста по берегу Москвы-реки, от церкви Николы в Пупышах до дамбы, — Лесной ряд.

От Малого Краснохолмского моста до Серпуховской пл. — Валовая ул. (включавшая в себя и современный Зацепский вал).

Пер. Сорокумовский и Бабьегородский с Большой Якиманки не идут до самой Москвы-реки, как у Хотева, а до площади на берегу. От церкви Николы в Голутвине до Крымского вала помечен Новый Огородный пер., отделяющий застроенную часть местности от незастроенной, прилегающей к Москве-реке. Крымский вал показан в виде прямой и широкой улицы, вдвое шире соседней Большой Якиманки: он назывался тогда Крымским шоссе.

На Крымской пл. были рынок и фонтан-водоразбор.

Между проездом с Крымской пл. к Крымскому мосту и 3-м Ушаковским пер. вся территория занята садом, прилегающим к Михайловскому дворцу, стоявшему фасадом к Остоженке. На этой территории был пруд и несколько маленьких зданий.

На Остоженке, напротив Троицкого (Померанцева) пер., показана церковь Успения, а южнее ее, ближе к Москве-реке, большой дом с садом — заведение искусственных минеральных вод доктора Х. Лодера. Между 1-м Зачатьевским и 1-м Ушаковским пер. обозначен Проектированный пер.

Остоженка от церкви Нового Воскресения на углу 1-го Зачатьевского пер. (на ее месте теперь скверик) до Пречистенских ворот расширена вдвое, сравнительно с остальной своей частью, и выпрямлена.

Между Троицким и Еропкинским пер. половину квартала по Остоженке занимают здание и двор Коммерческого училища.

Между Пречистенкой и Арбатом пер. Малый Левшинский и Денежный показаны как один Денежный пер.

Большой Левшинский пер. назван Покровским — по стоявшей на его углу с Малым Левшинским пер. церкви Покрова в Левшине. Между ним, Пречистенкой и Штатным (Кропоткинским) пер. — обширный двор управления Пречистенской части, занимавший более половины квартала.

На углу Пречистенки и Обухова (Чистого) пер. огромный двор пожарного депо занимал более трети квартала.

Между Староконюшенным и Калошиным пер. от Арбата к югу полквартала занимал большой пустырь.

В здании на углу Арбата и Кривоарбатского пер. помещалось Управление обер-провиантмейстера.

Между Арбатом и Поварской ул. Годеинский пер. неправильно назван Городским. Дом Годеина на углу с Арбатом, недавно снесенный, обозначен как дом Человеколюбивого общества.

На Собачьей площадке (части Композиторской ул.) показан водоразборный фонтан.

Кривоникольский пер. назван Молчановским.

С Новинского бульв. к церкви Рождества в Кудрине и от нее в Трубниковский пер. имеется позднее исчезнувший переулочек.

Между Трубниковским и Борисоглебским пер. на Поварской ул. показан большой казенный двор без надписи. Это — двор Управления коннозаводства (ныне здесь Музей А. М. Горького).

С Большой Молчановки на Поварскую ведет переулочек через двор церкви Симеона Столпника. Ножевый пер. уже носит на плане это название.

Двор церкви Федора Студита у Никитских ворот выходит воротами на Никитский бульв.

На Кудринской пл. показан водоразборный фонтан.

Между Ермолаевским пер. и Большой Садовой ул. от церкви Ермолая к Тверской ул. лежит большой пустырь. Настасьинский пер. назван Медвежьим, Путинковский пр. ошибочно именуется Паутинковским.

Нарышкинский сквер между Большой Дмитровкой и Петровкой показан еще как Сенная пл. с одной аллеей деревьев Страстного бульв. на юге.

Церковь Рождества в Путинках обозначена: «Церковь Рождества Христова (Путники)».

Каретный ряд с частью ул. Петровки от Успенского пер. до Петровских ворот назван единым именем: Петровская ул. От Садовой ул. до 2-го Спасского пер. обе стороны Каретного ряда зачерчены, что, очевидно, обозначает расположенные здесь каретные лавки разных владельцев.

Лихов пер. назван Дурным. Большой Каретный пер. назван Спасской ул. На ней, между 2-м и 3-м Спасскими пер., но по другой стороне, стоит церковь Спаса Преображения на Песках, на дворе которой проживали в разное время знаменитые актеры М. С. Щепкин и М. Н. Ермолова.

Двор Петровских казарм (ныне здесь Управление милиции г. Москвы) занимал почти весь квартал, за исключением узкого ряда дворов по Большому Каретному пер.

Не менее обширный двор занимало управление Сретенской части — от угла 1-го и 3-го Знаменских пер. до церкви Спаса в Большом Каретном пер. К востоку от этого двора у Цветного бульв. показаны два овальных пруда.

Цветной бульв. от Трубной пл. до Самотеки показан на плане лишь с одной продольной аллеей посреди и газонами по ее сторонам, засаженными деревьями. Цветочных палаток на нем нет.

Трубная ул. тогда носила название Драчевский пер. Цветочный пер., параллельный Трубной ул., между Малым Сергиевским и Малым Сухаревским пер. назван Толбинским пер. Большой и Малый Сухаревские пер. названы (по владельцу ткацкой фабрики) Большим и Малым Колосовыми пер. Самотецкая-Садовая ул. показана от Дурного пер. до 3-й Мещанской ул., т. е. включающей в себя часть современной Садовой-Самотечной ул., Самотечную пл. и Садовую-Сухаревскую ул.

Мясной пер. обозначен как Головин пер. Под этим же названием значится и Малый Головин пер. Большой Головин пер. назван Соболевым. Пушкарев пер. назван Сумниковым, Печатников — Пильниковым, Панкратьевский — Понкратским, Даев — Даевским, Сретенский туп. — просто тупиком, Просвирнин пер. — Просфирным, Ащеулов — Ощеуловым, Рыбников — Рыбным. Проезд Сретенского бульв. на всем его протяжении назван Пьяным пер., тогда как позже он назывался так лишь между Стрелецким пер. и Мясницкими воротами.

От Малой Спасской ул. на восток показана Сухаревская-Садовая ул. вместо Садовой-Спасской, а от Уланского пер. до Каланчевской ул. — Черногрязская-Садовая. Большой Козловский пер. назван Морским, а Мясницкий пр. от него к Красноворотской пл. — Мясницкой ул.

Мыльников пер. назван Кривым пер., Лобковский — Безымянным,

Яковлевский — Малым Казенным, Малый Казенный — Казенным кривым. В этом переулке показана полицейская больница. Здание больницы существует здесь доселе, и перед ней стоит памятник доктору Ф. П. Гаазу. В Большом Казенном пер. справа — Медико-фармацевтическое попечительство.

От Красных ворот до Воронцова поля — Садовая ул., а отсюда до Таганской пл. — ул. Земляной вал.

Серебрянический пер. показан выходящим к Яузе, как бы продолжая коленом Большой Николо-Воробинский пер., названный на плане «Воробьевской улицей». На берегу Яузы — бани.

Таганная ул. названа Вшивогорской; Большая Болвановка носит название Швейной горки. Вшивая горка соединена со Свешниковым пер. и названа Курносовым пер.; 3-й Гончарный пер. назван Молочным, а 1-й Гончарный — 3-м Гончарным, Курносов пер. назван Свешниковым.

Как видим, приводя некоторые названия улиц и переулков так, как они действительно назывались в середине XIX века, план 1859 г. многие названия путает, указывая никогда не существовавшие названия или перенося на один переулок название другого. Это, очевидно, было следствием ошибок петербуржцев, делавших надписи на плане, но не располагавших достаточно проверенными материалами. К названиям на этом плане, не согласным с московскими планами 1850-х годов, надо относиться критически.

За Земляным городом продолжается то же самое.

Ул. Зацепа западным своим концом вливалась в большой пустырь, на котором теперь находится Институт имени Г. В. Плеханова. На востоке улица доходила до Большой Кожевнической ул. Переулка с Зацепы в Стремянный пер. уже нет.

Щипок южнее Жукова пр. до Даниловской заст. назван Даниловским пер.

В начале Шаболовки показан огромный двор Серпуховской полицейской части, выходивший и на Мытную ул. Теперь здесь трамвайный парк.

Мытная ул. до Мытного двора не имеет названия, а у Хотева — названа 2-м Коровьим пер. На месте теперешней детской больницы — Конная пл. Рядом с Мытным двором к Малой Серпуховке шел Масляный двор. Мытная ул. названа лишь от Мытного двора до современной Даниловской пл. На ней за Мытным двором лежал Скотный двор, доходивший до Арсеньевского пер.

Земляная ул., как и у Хотева, продолжает Малую Серпуховку от Арсеньевского пер. до современной Даниловской пл. Здесь, между ней и Мытной ул., показан купоросный завод.

Серпуховское шоссе, идущее у Хотева от стыка Арсеньевского пер., Большой Серпуховской и Петропавловской ул. до Даниловской пл., а отсюда к Серпуховской заставе и названное Большой Серпуховской ул., на плане 1859 г. отсутствует. Благодаря этому между местом Даниловской пл. и Серпуховской заставой образована громадная площадь.

Восточнее Серпуховского шоссе, от первой трети Петропавловской ул. до Серпуховской заставы идет улица, названная у Хотева Большой Серпуховской дорогой, а в 1859 г. без названия.

Конный пер., шедший с Шаболовки в Арсеньевский пер., назван Кривопроульским, как и у Хотева.

Хавско-Шаболовский пер., ранее доходивший до Серпуховской дороги, в 1859 г. стал доходить только до Мытной ул. У Хотева этот переулок между Шаболовкой и Хавской ул. и между Мытной ул. и Серпуховской дорогой назывался Проектированным, а в середине, между Хавской и Мытной ул., обозначен как полицейские огороды. Показанного Хотевым Проектированного пер. между указанным выше переулком и Камер-Коллежским валом, параллельного им, на плане 1859 г. уже нет.

На продолжении Шаболовки помечена небольшая Хавская казенная слобода. Между Шаболовкой и Донской ул., севернее Донского монастыря, показаны Донской пр., площадь и огороды вокруг Донского монастыря. Слободка к юго-западу от монастыря показана. Улица шедшая на север от Камер-Коллежского вала, у Хотева названная Проектированной, на плане 1859 г. названа Хавской ул.

Площадь между Хавской и Мытной ул. и Арсеньевским пер., обозначенная у Хотева как площадь бывшей Конской скачки, на плане 1859 г. названа Дровяной пл.

Камер-Коллежский вал между Калужской заст. и Малыми Лужниками на плане 1859 г. показан лишь посреди дуги Москвы-реки.

Андреевская слобода показана на берегу Москвы-реки севернее Московской купеческой богадельни, размещавшейся в бывш. Андреевском монастыре.

Напротив Хамовнических казарм — дом смотрителя и дом полкового командира Хамовнических казарм. Около него проезд к Москве-реке. Другой проезд, Огородный, продолжал к реке улицу, шедшую по южному торцу Хамовнических казарм, — Трубецкой пер.

В 1859 г. Большой Божениновский пер. показан только между Долгим Хамовническим и Теплым пер. Южная его сторона, продолженная на запад, составляла сторону Девичьего поля, застроенную домами до линии современного Олсуфьевского пер., которого тогда еще не было. Между ним, Девичьим полем, Долгим Хамовническим и Оболенским пер. показан большой участок с садом, в 1849—1854 гг. значившийся под № 310, принадлежащий «почетному опекуну Олсуфьеву» и занимающий около 6 десятин земли.

По Долгому Хамовническому пер. к этому владению примыкали другие большие владения с садами, одно из которых в 1882 г. было куплено Л. Н. Толстым.

Квартал между Трубецким пер. и Малой Трубецкой ул., Большой Царицынской ул. и Усачевым пер. в 1859 г. застроен лишь на углу Большой Царицынской и Малой Трубецкой: сюда входило еще большим клином Девичье поле.

Новоконюшенный пер. на плане 1859 г. назван Полуэктовым.

По обеим сторонам Усачева пер. — громадные, почти не застроенные владения.

Девичье поле показано между Новоконюшенным пер. и Малой Трубецкой ул. Отсюда до Новодевичьего монастыря Девичье поле во всю свою ширину названо Большой Царицынской ул.

Плющиха шла по Девичьему полю лишь своей западной стороной до современного 2-го Труженниковского пер.

Камер-Коллежский вал показан за прудом, лежавшим к югу от монастыря.

Ул. Усачева, Малые и Большие Кочки доходят на юге почти до Камер-Коллежского вала, перед которым, соединяя их концы, проходила еще одна улица или дорога.

В Малых Лужниках за Камер-Коллежским валом, среди огородов, лежали проселочные дороги, самая большая из которых шла от юго-восточного угла ограды Новодевичьего монастыря мимо Тихвинской церкви и выходила к берегу Москвы-реки напротив села Воробьева. Близ этой дороги и Камер-Коллежского вала в Малых Лужниках находился небольшой Вавилонов пруд, и, как у Хотева, здесь обозначен и колодец «Вавилон». Показанный у него в конце этой дороги перевоз через Москву-реку на плане 1859 г. не помечен.

Теперешние Серпов и Земледельческий пер. названы на плане 1859 г. Большим и Малым Трудническими.

Между Долгим и Неопалимовским пер. современные 1-й и 2-й Неопалимовские пер. названы Кривым и Теплым. 6-й и 7-й Ростовские пер. названы Благовещенскими, а 1-й и 2-й Ростовские — Тишинскими.

Южная сторона Дорогомилова застроена лишь на один квартал от Большой Дорогомиловской ул. По внешней стороне этого квартала у поля идет Проектированная ул. Имеется застройка еще по современной Бережковской набережной. Все остальное пространство от Москвы-реки до Камер-Коллежского вала покрыто огородами. К северу от Большой Дорогомиловской ул. застройка тоже идет лишь на один квартал, где проходит параллельная Большой — Малая Дорогомиловская ул. Дальше — огороды со сторожками. На современной Дорогомиловской набережной — лишь дом Еремеева близ Дорогомиловского моста.

Смоленский и Зубовский бульв., названные у Хотева правильно и на своем месте, на плане 1859 г. не названы. Внешний проезд Смоленского и внутренний проезд Зубовского бульв. названы Зубовским валом.

Сад Земледельческой школы, очень большой, доходил до Большого Труднического и Неопалимовского пер.

На углу Большого Новинского и Продольного пер. показаны Арестантские роты гражданского ведомства, состоявшие из нескольких параллельных корпусов.

Планировка и название переулков этой местности у Хотева и на плане 1859 г. одинаковы, но не те, что теперь.

Восточная набережная Среднего Пресненского пруда от Девятинского пер. названа Нижней Пресненской ул. Теперь она называется Конюшковской ул. Нижней Пресненской названа и Нижняя Прудовая ул.

Трындинский пер., названный у Хотева Новым, на плане 1859 г. отсутствует. Большой Тишинский пер. назван Безымянным, Столярный — Малым Грузинским.

Лавки, стоявшие тогда посреди Большой Тверской, у Хотева и на плане 1859 г. вошли в особый квартал между Большой Тверской и 2-й Тверской-Ямской ул. Таким образом, в 1859 г. было две Вторых Тверских-Ямских ул.: одна — по правую, другая — по левую сторону от 1-й Тверской-Ямской.

В 1851—1852 гг. обширное Миусское поле было спланировано и превращено в Миусскую пл.[19]. Эта площадь на обоих рассматриваемых планах тянется от Лесной ул. почти до Оружейного пер. Но южная половина площади от Сечкина (Тверского-Ямского) пер. занята огородами, среди которых коленом под прямым углом идет от 4-й Тверской-Ямской ул. современная 5-я Тверская-Ямская ул. На плане 1859 г. ее нет и в проекте, она указана только в «Атласе» Хотева.

В Божедомском пер. в первом налево большом владении в 1859 г. находилась Духовная семинария, а в последнем налево владении — сад «Эрмитаж» с аллеями и куртинами. У Хотева он показан, но еще не распланирован.

За Бутырской тюрьмой у Хотева показаны 2 параллельных переулка, идущих от Новослободской ул. к Бутырскому валу. На плане 1859 г. их нет.

Точно так же нет проектированного у Хотева переулка на восток, продолжавшего Вадковский пер. до Бахметьевской ул. Но близ Бахметьевской ул. на месте этого переулка помечен тупик к западу и Лазаревский пер. к Александровской ул. От Александровской ул. на восток на плане 1859 г. правильно показана по южной стороне Лазаревского кладбища Трифоновская ул., у Хотева же она неправильно названа Бахметьевской (до Орловского пер.).

Между 1-й Мещанской и Верхней Красносельской ул. едва можно отыскать следы планировки 1817 г. — «веер» улиц. Как и на всех планах, начиная с 1810 г., показана Малая Переяславская ул., названная здесь Большим Переславским пер. до Красносельского пер., а от него до Банного пер. — без названия. От 1-й проектируемой радиальной улицы остался только один Астраханцевский пер. с его продолжением — Коптельским пер. и Малой Спасской ул. От Протопоповского пер. к северу продолжает Каланчевский пер. улица-дорога, идущая близ соединительной ветки Николаевской железной дороги с Нижегородской железной дорогой, параллельная ей. Она оканчивается на пустыре близ Красносельского пер. У Хотева этой улицы-дороги нет. Но у Хотева показан севернее конца этой улицы пруд, из которого течет ручей Ольховка, пересекающий пути железной дороги. На плане 1859 г. нет ни пруда, ни ручья. Нет и показанной у Хотева за железной дорогой Круговой ул., доходившей до Верхней Красносельской ул.; нет также и проектированной у Хотева другой улицы за железной дорогой.

Пустырь между 1-й Мещанской и Каланчевской ул. у Хотева показан громадным, а в 1859 г. он несколько уменьшился.

Названия поперечных улиц и переулков от Камер-Коллежского вала до Садового кольца у Хотева и на плане 1859 г. следующие: на обоих планах — Малый и Большой Знаменские пер.; затем у Хотева Малый Знаменский 2-й — в 1859 г. без названия; улица от 1-й Мещанской ул. до линии железной дороги у Хотева названа Малой Красносельской, в 1859 г. — Красносельским пер.; Безымянный пер. у Хотева, на плане 1859 г. отсутствует. Дальше одинаково на обоих планах названы Протопоповский и Грохольский пер.

Показанные у Хотева к востоку от дворов по 1-й Мещанской большие огороды в 1859 г. сменились строительными кварталами.

Показана на плане 1859 г. соединительная ветка Петербургско-Московской дороги, но она идет не к Курской железной дороге, как теперь (этой дороги тогда еще не было), а к Нижегородской (Горьковской) дороге. До нынешнего Курского вокзала эта ветка шла там же, где и теперь, а за Курским вокзалом — по путям Нижегородской дороги до Владимирского шоссе. Там она соединялась с основными путями Нижегородской дороги, шедшими от Покровской заст. Здесь, на Рязанском шоссе, тогда находились и пассажирский вокзал, и товарная станция этой дороги.

Речка Рыбенка показана и у Хотева, и на плане 1859 г. с прямоугольным прудом близ Сокольнического шоссе (ул. Русакова). Но

другой пруд, показанный у Хотева выше по речке, на плане 1859 г. отсутствует.

Каланчевская ул. названа на плане Каланчевским пер., начинающимся у площади Красных ворот.

У Хотева от Краснопрудной ул. отходят Большой Ольховский пер., Нижняя Красносельская ул. и Гавриков пер. То же и на плане 1859 г., только нет Ольховского пер.

Движение на Каланчевскую пл. показано на обоих планах с Домниковской ул. и идет по северной стороне площади. В южной же ее части, недалеко от Петропавловского пер., на обоих планах помечены Каланчевские родниковые ключи, на самом же деле это два бассейна Мытищинского водопровода.

Каланчевский пер. у Хотева начинается от Красных ворот и прерывается у современного Дьяковского пер., которого тогда не было, а от него до Домниковской ул. — Каланчевский лесной ряд. На плане 1859 г. его уже нет, так как здесь проложена ветка от Петербургско-Московского к Нижегородскому вокзалу.

К северо-востоку от Гаврикова пер. показан Лесной ряд, а за ним Депо сжатого переносного газа — большой прямоугольный двор с симметрично расположенными внутри его строениями.

У Хотева Сусальный пер. идет от Гороховской до Сыромятнической ул. почти параллельно Садовой ул. На плане 1859 г. он сохраняется, но у Сыромятников пересекается соединительной веткой двух железных дорог — Нижегородской и Петербургско-Московской.

Рогожская пл. на плане 1859 г. названа Андроньевской.

Севернее Семеновской ул. у Хотева показаны треугольная Воксальная пл. и за ней Воксальный пер. Здесь с конца XVIII века действительно был воксал — увеселительный сад с музыкой, певцами и танцами. На плане 1859 г. большей части площади уже нет, она вошла в строительный квартал, но Воксальный пер. еще значится.

К востоку от Симонова монастыря до Камер-Коллежского вала у Хотева показаны огороды, на плане 1859 г. их пересекают идущий от Пороховых погребов Симонов пр. и другой проезд без названия.

Мы провели детальное сравнение плана 1859—1862 гг. с планом Хотева 1852—1853 гг., не касаясь лишь тех мест, где оба плана совпадают. Это сравнение показывает, что между составлением того и другого плана больших изменений в застройке не произошло. Существенные изменения произошли лишь в районе отчуждения Петербургско-Московской железной дороги и соединительной ветки этой дороги с Нижегородской.

Неправильности в названиях некоторых улиц и переулков на плане 1859 г., как уже сказано, объясняются главным образом тем, что эти названия резали для плана на литографском камне в Петербурге. Москвичи, несомненно, догадались бы, что обозначает то или иное неясное начертание названий, а петербуржцы, не зная Москвы, привносили отсебятину.

План 1859 г. кроме Москвы в границах Камер-Коллежского вала показывает и кое-что за его пределами. Для суждения о происшедших здесь изменениях мы сравним план 1859 г. с планом Шуберта 1841 г., где также изображены ближайшие к Москве местности за Камер-Коллежским валом. При этом мы будем останавливаться лишь на тех местах, где эти планы не совпадают.

На юге за Серпуховской заст., между Большой Тульской ул. и

Москвой-рекой, на плане 1859 г. мы видим Даниловскую слободу с плисовой и суконной фабриками, которые в 1841 г. не были изображены.

К западу от Большой Тульской ул. видим проезд к Даниловскому кладбищу; ко входу в него от Серпуховской заст. идет кривой проезд — будущая Малая Тульская ул. За нею у Серпуховского Камер-Коллежского вала — прямоугольник Чумного кладбища (на его месте теперь большие многоэтажные жилые дома). К западу от Даниловского кладбища — небольшое Татарское кладбище и прилегающее к нему с запада Холерное кладбище. Между этими кладбищами идет на север проселочная дорога, продолжающаяся внутри Камер-Коллежского вала прямой линией к юго-западному углу Донского монастыря, где Донская слободка. Между этой дорогой и Чумным кладбищем за Камер-Коллежским валом — окруженная садом огромная ситцевая фабрика Симонова.

Западнее Холерного кладбища показан большой двор с каменными строениями крестьянина Давыдова, от этого двора идет дорога к Камер-Коллежскому валу.

Южнее течет от Калужского шоссе р. Чура, впадающая в Москву-реку южнее Даниловской слободы. Между этой рекой и Калужской заст. — около десятка двориков Живодерной слободы.

Напротив, по другой стороне Калужского шоссе, тоже несколько небольших двориков, по сторонам которых две проселочные дороги от шоссе к Андреевской богадельне (бывш. Андреевскому монастырю). Севернее богадельни, на берегу Москвы-реки, видна Андреевская слобода.

Паточный завод у Калужской заст., указанный на плане 1841 г., в 1859 г. не обозначен. Рядом с его местом показана фабрика Лопаткина.

Видна на плане, но без названия, Мамоновская дача и кирпичный завод Конькова на Калужском шоссе. Не видно здесь только Воробьевских казарм и «загородного пересыльного замка», обозначенных на плане 1841 г.

За Мамоновской дачей, по другой стороне Воробьевского шоссе, кроме 3 кирпичных заводов, ничего не помечено до самого села Воробьева.

В селе Воробьеве строения и дворы расположены большей частью по левой (от города) стороне. В Малых Лужниках напротив Андреевской богадельни, на берегу Москвы-реки видно около полутора десятков строений ситцевой фабрики Кузнецова с садом и прудом.

Западнее фабрики — прудики и дворы огородников слободы графа Шереметева, а в слободе его господский увеселительный дом.

Дальше показана церковь Тихвинской богородицы, что в Лужниках, а близ Камер-Коллежского вала — пруд и колодезь «Вавилон».

Еще дальше к западу — рощи, а почти напротив Новодевичьего монастыря — большой кирпичный завод Мамонтова.

На р. Сетуни, недалеко от ее впадения в Москву-реку, по обоим берегам — суконные фабрики. Западнее фабрик на Сетуни — дача Николаевского воспитательного института. Дальше — обширные казенные огороды, среди которых у Камер-Коллежского вала, но внутри городской черты показан дом их смотрителя. Отсюда до Можайского шоссе нет никаких строений, одни огороды и у Камер-Коллежского вала маленькие дворики огородников.

Странно, что на плане 1859 г. не показан на Сетуни рядом с дачей Николаевского института скотный двор Воспитательного дома.

По другой стороне Можайского шоссе показано Дорогомиловское христианское кладбище и западнее, рядом с ним, еврейское кладбище. Между Дорогомиловскими кладбищами и Камер-Коллежским валом — каменотесный завод Фомича и бакановая фабрика Боне (изготовлявшая краски).

На Пресне у Москвы-реки обозначена ситцевая фабрика Ермакова, а северо-восточнее ее — дача «Студенец». К ней с западной стороны подходит с севера ручей, питающий ее пруды.

От Трехгорной заст. к западу показаны Студенецкая ул. и на ней, недалеко от заставы, Громовый колодезь. До дачи «Студенец» отмечено еще несколько небольших зданий. К северу от Трехгорной заставы, около Камер-Коллежского вала — «разделки каменного угля». Трасса современного Шмитовского пр. пролегает между двумя большими прудами и доходит до дачи Алексеева. Севернее ее разбросаны здания суконной фабрики и виден малый пруд, через который проходит длинный ручей, впадающий в Москву-реку. Не река Ходынка ли это? Перед северным из двух вышеуказанных больших прудов раскинуты здания шелковой фабрики, имевшей свой особый проезд на Звенигородское шоссе.

Между этим проездом и Пресненской заст. на южной стороне Звенигородского шоссе — щетинная фабрика. На северной же стороне, несколько отступив от шоссе, лежит огромный восьмиугольник Ваганьковского кладбища, с восточной стороны которого между двумя дорогами — параллелепипед Армянского кладбища. На дороге от Пресненской заст., по южной стороне Ваганьковского кладбища, лежит еще какое-то маленькое кладбище без названия, вероятно холерное.

Мимо восточных ворот Ваганьковского кладбища идет прямой линией на север до Петербургского шоссе дорога, на которой за Воскресенским (Хорошевским) шоссе справа виден большой круг Скакового поля, а слева — прямоугольник с параллельными дорожками. Это — Бега. Рысистые бега и Конская скачка на этих же местах были и на плане 1841 г.

На Петербургском шоссе по обеим сторонам от Беговой ул. до Тверской заст. показаны дачи различных владельцев.

Сального завода и постоялого двора на Звенигородском шоссе, которые были помечены на плане 1841 г., теперь нет. Нет и порошкового завода по правой стороне этого шоссе, за Ваганьковским кладбищем.

Петербургское шоссе и его окрестности так описаны современником в 1844 г.: «За пять лет назад места за Тверскою заставой походили на безжизненную степь, на которой ничего не видно было, кроме песку, глины, грязи, огородов да кое-где кирпичных заводов. Теперь как будто каким-нибудь волшебством на этих же самых местах расцвели сады, раскинулись дорожки, выстроились ряды красивых домиков и домов, башенок и башен, то готических, то китайских, то, наконец, совсем фантастических. Это лучшие дачи московские, лучшие и по устройству, и по тону хозяев их; это дачи, где живут люди большого света»[20].

По левой стороне Петербургского шоссе, за дачами, от Беговой ул. ничего не показано. На правой же стороне за дачами по Старой Башиловке виден Петровский парк с затейливо изрезанным прудом в

южной части, с театром — в северной, за которым до Петровского дворца стояли маленькие дворы служителей парка и театра.

За Петровским дворцом к востоку была небольшая круглая площадь, от которой в разные стороны расходилось пять аллей. Две из них, составлявшие прямую линию, шли от театра до деревни Петровское-Зыково, параллельно Петербургскому шоссе. Такая же планировка показана и на плане 1841 г.

Между этой улицей из двух аллей и шоссе помечены 4 параллельных друг другу переулка и строения между ними. По другой стороне улицы — дачи разных владельцев. За ними — дорога в Петровское-Разумовское, доходящая, однако, только до дома лесника, стоящего на параллели деревни Петровское-Зыково. Восточнее, параллельно этой дороге, помечена другая дорога — к дачам Депре, Богатырева и Мешкова.

От Бутырской заст. на север показаны 3 дороги. Первая (современная Нижняя Масловка) имела строения лишь по левой стороне. Вторая — Бутырская ул., по сторонам которой, на некотором расстоянии от заставы, показаны параллельные ей еще 2 улицы. Между заставой и этими улицами лежал Бутырский пруд. Третьей дорогой от Бутырской заст. была дорога в Останкино. До пересечения ее с Петербургско-Московской железной дорогой на ней было расположено Миусское кладбище, а за ним сальный завод. У этой дороги за кладбищем брала начало р. Неглинная, которая сперва текла на восток до небольшого пруда, а от него поворачивала на юг. У пересечения ее с Камер-Коллежским валом показан прямоугольный пруд и возле него — мыльный завод. Восточнее же его — Цыганский трактир. Он стоял к западу от проселочной дороги, идущей от дороги Бутырская заст. — Останкино почти параллельно Камер-Коллежскому валу до путей железной дороги. К северу от этой проселочной дороги расположена Марьина роща, бывшая тогда действительно рощей, без каких-либо строений.

У северо-восточного угла Лазаревского кладбища, прямоугольник которого доходил до Камер-Коллежского вала, за валом показан Русский трактир. От него, уже в черте города, шел восточный вал Лазаревского кладбища, доходивший до Трифоновской ул. Троицкая заст. не обозначена.

Справа от Ярославского шоссе после пересечения его с железной дорогой располагалось Пятницкое кладбище, а за ним — бойни. К югу и к востоку от кладбища шли огороды с несколькими среди них домиками огородников. Бойни на плане 1841 г. не были обозначены.

В 1856 г. была проведена дорога от Ярославского шоссе к Алексеевскому водоподъемному зданию, превратившаяся вскоре в Ново-Алексеевскую ул.[21].

Сокольническая роща на плане 1859 г. называется Сокольницкой Оленьей. Она распланирована в виде семи лучей, идущих из одного центра близ Сокольнической заст., и восьмого луча между заставой и центром. В северо-восточной части рощи показаны дача Андронова и бумажная фабрика близ р. Яузы. На 1-м просеке показан «Механический детский театр». Южнее его «Воксал». От 6-го просека течет в Яузу ручей, образующий у 7-го просека пруд. От Камер-Коллежского вала к Яузе этот ручей идет двумя рукавами. «Немецкие станы» в Сокольниках, на дороге в село Богородское, указанные на плане 1841 г., на плане 1859 г. не обозначены.

Между Яузой и Архиерейскими прудами в Черкизове на плане

1859 г. ничего, кроме стоящего посредине маленького двора огородников с прудом, не указано. Это позволяет думать, что здесь были тогда главным образом огороды.

Ближе к шедшей от Преображенской заст. на восток Стромынской дороге, у Камер-Коллежского вала изображено, как и в 1841 г., небольшое Холерное кладбище, а южнее его — строения, доходящие до самой заставы.

С середины Стромынской дороги, между заставой и Черкизовскими прудами, показаны по обеим сторонам дороги строения большого села Черкизова, продолжающиеся и за вытекающей из прудов к югу р. Сосенкой. На севере за селом — второе Холерное кладбище, а к востоку от прудов — архиерейская дача. Южнее ее до самой Стромынской дороги лежит Штатная слободка с церковью Ильи.

К югу от Стромынской дороги близ Камер-Коллежского вала показаны застроенные кварталы, затем — огражденный стеной четырехугольник бывш. старообрядческого женского монастыря, Преображенская богадельня и прямоугольник бывш. старообрядческого мужского монастыря, за которым до Хапиловского пруда — монастырский скотный двор. (Монастыри названы бывшими потому, что Николай I незадолго до своей смерти, в 1855 г., запретил существование старообрядческих церквей и монастырей). Замечу, что слово «монастырь» в данном случае употреблено неправильно, так как здесь была община старообрядцев-беспоповцев, не признававших церквей и монастырей.

К востоку от скотного двора находилось Старообрядческое кладбище. Между бывш. женским старообрядческим монастырем и р. Сосенкой видно среди полей какое-то поселение, состоящее из 22 длинных и узких прямоугольных строений. Оно связано с селом Черкизовом двумя проселочными дорогами, но не названо. Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что это был кирпичный завод.

На плане 1841 г. показаны только одни монастыри и кладбище, а за ними — огороды.

К югу от Хапиловского пруда до Семеновской заст. показаны три суконные фабрики, одна белильная, а восточнее ее — еще одна суконная фабрика. Дальше к востоку — восемь кирпичных заводов. По северной стороне Измайловского шоссе, недалеко от Семеновской заст., расположены еще четыре кирпичных завода.

К югу от Семеновской заст., вдоль Камер-Коллежского вала изображено обширное Семеновское кладбище. К востоку от него — снова кирпичные заводы и дом (или деревня?) Крюкова. То же изображено и на плане 1841 г. Южнее же намечена пунктиром идущая на восток Рязанская железная дорога.

К юго-западу от нее — большой неправильный четырехугольник, названный «Мыза Лонгиновой», с каменными строениями и обширным садом к юго-востоку от них.

Южнее мызы в одну линию расположено несколько домиков села Александровского, а еще южнее — до р. Синички — огороды с двумя крестьянскими домиками посреди.

К западу от мызы Лонгиновой, у пруда, образованного р. Синичкой у самого Камер-Коллежского вала, показаны 2 прачечные: 1-го кадетского корпуса и учебного батальона и к юго-востоку от них — бойни. К юго-западу от них лежит Анненгофская роща, названная здесь «Гоф интендантской». В ее восточном углу — Полевой двор и «Казенные лабораторные роты.».

Камер-Коллежский вал уже опоясывает Анненгофскую рощу, вво-

дя ее тем самым в территорию города. Между Камер-Коллежским валом, Анненгофской рощей и Владимирским шоссе — деревня Новая Андроновка и Старообрядческое кладбище.

Чуть южнее Владимирского шоссе тянется, отходя от него и затем через довольно большое расстояние снова вливаясь в шоссе, Старая Владимирская скотопрогонная дорога.

Между Владимирским и Нижегородским шоссе проходит ветка, соединяющая Петербургско-Московскую железную дорогу с Нижегородской дорогой, вокзал которой и Товарная станция (пакгаузы) видны за Покровской заст. У Рогожской заст. — обширная Сенная пл., за заставой к юго-востоку — «конный этап» и дегтярный завод.

К северу от Рязанского (Нижегородского) шоссе начертан на плане обширный четырехугольник Рогожского старообрядческого кладбища со многими строениями, четырьмя церквами (здесь была община старообрядцев-поповцев) и в северной части — захоронениями. Восточнее кладбища Нижегородская железная дорога соединялась с Петербургско-Московской дорогой. За последней здесь находился обширный пруд, на западной стороне которого стояло здание Ситцевой фабрики. На Рязанском шоссе, южнее Нижегородской железной дороги, по обеим сторонам шоссе показаны дворы деревни Хохловки, а далее к востоку, почти рядом с этой деревней, дворы села Карачарова.

По другой стороне Рязанского шоссе — большой треугольник Калитниковского кладбища, к нему от Покровской заст. идет проселочная дорога. Недалеко от заставы по одной стороне поселка расположены бойни, по другой — сальный завод.

От боен на восток, к селу Карачарову, течет длинный ручей, сливающийся там с другим ручьем, вытекающим из большого пруда, на котором стоит вышеуказанная Ситцевая фабрика.

От Спасской заст. на юго-восток идет Перервинское шоссе, на котором видно маленькое кладбище, вероятно холерное. У заставы по обеим сторонам шоссе лежит деревня Дубровка.

Между шоссе и Москвой-рекой видны Пороховые погреба, кладбище умерших в 1771 г. от чумы, две батареи 1812 г., а южнее — редут 1812 г.

На самом юге, в конце плана 1859 г., изображена часть деревни Кожухово, с востока от нее — кладбище.

Таково содержание плана 1859 г., изданного в 1862 г. и, несомненно, пополненного материалами с 1859 по 1862 г. Недостатки плана указаны нами при его анализе. Он — последний из планов докапиталистической Москвы. По нему, как и по плану 1841 г., видно, что Москва к этому времени в своем развитии вышла уже за пределы Камер-Коллежского вала — своей официальной границы.

Говоря о планировке Москвы в 40—60-х годах, как и далее — до конца XIX века, нельзя не обратить внимания на серьезный ущерб, причиненный ей отведением для постройки железных дорог, их складов и прочих учреждений территорий, нередко уже полностью или частично застроенных и заселенных жителями Москвы. Мы видели при рассмотрении планов этих лет, что намеченная веерная планировка от 1-й Мещанской до Краснопрудной ул. была почти уничтожена, когда здесь провели Петербургско-Московскую (с 1855 г. — Николаевскую) железную дорогу. Проведение Ярославской железной дороги окончательно ликвидировало остатки веерной планировки. В других местах Рязанская (с 1894 г. — Казанская) и Нижегородская дороги с их товарными станциями, особенно же соединительные ветки между Николаевской и

Рязанской, Николаевской и Нижегородской дорогами, значительно изменили планировку уже обжитых москвичами местностей.

Отвод земель в Москве под железные дороги производился по указаниям центральных органов правительства, с привлечением городской думы лишь как исполнителя этих указаний. Все расчеты по отчуждению городских земель под Николаевскую, Ярославскую и Рязанскую железные дороги были окончены в 1862 г. до преобразования городской думы в 1863 г. в более или менее самостоятельный орган городского управления. Под Нижегородскую дорогу было отчуждено: в 1860 г. — 15 десятин 879 кв. сажен, в 1861—5 десятин 909 кв. сажен, в 1862 г. — 19 десятин 1938 кв. сажен. Всего же до открытия новой городской думы — 40 десятин 1326 кв. сажен[22].

Рязанская железная дорога прошла от Каланчевского поля по землям бывш. Красного села и села Покровского, за Яузой пересекла огороды и большей частью незастроенные пространства восточнее Лефортова и близ Владимирского шоссе построила свою Товарную станцию.

Нижегородская дорога прошла с востока к своей Товарной (первоначально и пассажирской) станции за Покровской заст. и затронула лишь выгонные земли Москвы.

Но устроенная в 1860-х годах соединительная ветка между Николаевской и Нижегородской железными дорогами прошла по заселенному району бывш. Переяславской слободы, отделив Каланчевскую ул. от Каланчевского поля, по территориям бывш. Басманной и Сыромятнической слобод, густо застроенным и заселенным. Лишь за Яузой она была проложена по выгонным, слабо населенными землям до Владимирского шоссе, где соединилась с Нижегородской дорогой.

Соединительная ветка Николаевской и Рязанской дорог прошла по заселенному пространству Сокольнической слободы и по западной окраине Сокольнического поля.

До начала XX века соединительные ветки Николаевско-Рязанской и Николаевско-Нижегородской железных дорог шли по поверхности земли; при пересечении их путей с большими улицами устраивались переезды, что сильно мешало городскому движению. Но вместе с тем железные дороги, особенно их пассажирские вокзалы и товарные станции, способствовали застройке близ них прежде пустых пространств и в этом отношении сыграли положительную роль в развитии города.

ЗАСТРОЙКА МОСКВЫ В 1843—1862 ГОДАХ

Если период с 1826 по 1843 г. в московском строительстве и архитектуре можно считать переходным от высокого стиля русского классицизма и ансамблевого строительства к смешанному стилю из древнерусских и византийских форм и строительству отдельных зданий без увязки с соседними и местностью, то период с 1843 по 1862 г. отмечен полным отходом от классического стиля и ансамблевого строительства, эклектизмом и индивидуальным строительством зданий, ничем между собой не связанных, но удовлетворяющих личным потребностям и вкусам заказчиков.

Основное, что отличает серию проектов 1843—1852 гг. от проектов начала века, — это сознательный отход от классицизма. Отказ от основных принципов ордерной системы и одновременное использование ее отдельных форм в качестве декоративных средств стали отличительной чертой надвигавшегося периода эклектики.

В основе этого явления лежал упадок дворянства и связанной с ним феодально-крепостнической экономики, выход на политико-экономическую арену торгового и промышленного капитализма, диктующего строительству и архитектуре новые требования индивидуально-практического характера.

Уже в 1832 г. в связи с торгово-промышленным ростом русских городов и их населения руководство строительством специальных зданий в стране было передано из министерства внутренних дел в Главное управление путей сообщения, под руководством которого строились в России шоссе, мосты, плотины, водопроводы, артезианские колодцы; проектировались фабрики, заводы, мельницы и прочие промышленные предприятия. В связи с этим Управление путей сообщения приняло в свое название дополнение — «и публичных зданий»[23].

Комиссия для строения Москвы, блестяще выполнившая за 30 лет после 1812 г. поставленную ей задачу, оказалась теперь не ко двору, и надзор за строительством в Москве в 1843 г. был передан сперва III, потом IV округу Главного управления путей сообщения и публичных зданий[24].

Архитектор как строитель-художник также был более не нужен, и Главное управление открыло для подготовки инженеров-строителей свое училище (в Петербурге)[25], а в 1859 г. учредило и новое звание — инженер-архитектор.

В связи с этим прежние образцовые фасады домов, запечатленные в альбомах 1809—1812 и 1820-х гг., были сочтены устарелыми. Взамен их в 1840—1841 гг. департамент военных поселений издал 12 альбомов со 178 новыми образцовыми фасадами частных жилых домов, а Главное управление путей сообщения и публичных зданий после 1842 г. продолжило издание образцовых фасадов новых зданий.

Число окон на фасаде зданий было увеличено до 13[26]. Мотивировалось это требованиями заказчиков. Были изданы: 1 тетрадь с рисунками заборов и ворот, 12 тетрадей частных зданий и 6 тетрадей общественных зданий (гостиных дворов, бирж, рынков, пакгаузов, рядов). Серию в 42 тетради предполагалось закончить проектами церквей[27]. По этим новым проектам шло строительство не только в небольших городах страны, но и в Москве, главным образом на окраинах.

Дворянские и купеческие особняки 1812—1830 гг. постепенно заменялись домами в две-три и более квартиры, предназначенными для сдачи квартир внаем, со входами с улиц, зачастую с лавками в первых этажах.

В 1843—1852 гг. Главным управлением путей сообщения и публичных зданий были изданы новые альбомы образцовых фасадов домов, рассчитанных по своей этажности и размерам на состоятельные группы населения. Доходные дома с середины XIX века получают все большее распространение, при этом они занимали всю длину дворов по улице, вплотную примыкая к соседним домам. Ворота ставились в середине главного фасада. В первом этаже часто планировались рестораны, кафе и магазины. «Увеличение этажности дома средних размеров, плоскостной фасад, постановка дома на красной линии улицы, разнозначность этажей, вход в центре дома, уменьшение количества домов с мезонинами — таковы основные черты фасадов 1843—1852 гг.»[28].

В 1858 г. вышел указ, разрешавший строить дома по проектам, отступающим от апробированных[29]. Несомненно, что только после этого указа мог произойти приведенный Ф. М. Достоевским разговор между купцом и архитектором, строившим для него большой доходный дом[30].

Архитектор предлагал для украшения дома построить венецианское окно, хотя оно и не вязалось с общей архитектурой дома. Купец ответил:

«Дожевское-то окно ты мне, братец, поставь неотменно, потому, чем я хуже какого-нибудь ихнего голоштанного дожа; ну а пять-то этажей ты мне все-таки выведи жильцов пускать; окно окном, а этажи чтобы этажами; не могу же я из-за игрушек всего нашего капиталу решиться».

Рассмотренные нами планы Москвы за период с 1843 по 1859 г. говорят не только об изменениях в планировке Москвы, но и о новой ее застройке. Особенно интересно сравнить районы, на плане 1824 г. лишь намеченные к застройке, и те из них, которые показаны на плане 1859 г. уже застроенными.

Из больших казенных и общественных зданий в 1843—1862 гг. были построены, перестроены или снесены следующие:

В Кремле. Большой Кремлевский дворец (архитектор К. А. Тон и другие) начат постройкой в 1838 г. и закончен в 1849 г. С некоторыми внутренними перестройками, произведенными после 1917 г., дворец стоит и доныне[31].

В 1849—1851 гг. по проекту того же К. А. Тона построено *новое здание Оружейной палаты,* сохранившееся по сей день без изменений[32].

В 1850 г. *старое здание Оружейной палаты* было перестроено и приспособлено под казармы. В начале 60-х годов нашего века здание снесено, на его месте теперь находится Кремлевский Дворец съездов[33].

В 1846 г. была снесена *церковь Рождества Иоанна Предтечи на Бору,* построенная в 1509 г. зодчим Алевизом. Она стояла на месте первой деревянной церкви Москвы, построенной в 1156 г. в крепости Юрия Долгорукого. Снос ее был вызван тем обстоятельством, что она мешала обзору из нового Большого Кремлевского дворца западной части Замоскворечья и Воробьевых гор[34].

В Китай-городе. На Варварке в 1857—1859 гг. архитектором Ф. Ф. Рихтером были построены *Палаты бояр Романовых,* произвольно трактованные в духе палат XVII века. Постройка была возведена на белокаменном подклете, сохранившемся с XVI столетия на бывшем дворе боярина Никиты Романова[35].

В Белом городе. Самым значительным зданием в Белом городе, построенным после пожара 1853 г., было *здание Большого театра,* возведенное архитектором А. К. Кавосом в 1855—1856 гг. Прекрасное описание его фасада и внутреннего расположения, в сравнении со сгоревшим зданием, дано в книге Ю. Д. Хрипунова «Большой театр в Москве» (изд. 1955 г.), к которой мы и отсылаем читателей.

Царское правительство стремилось в эти годы использовать для правительственных нужд старинные особняки вельмож, уступаемые ими за недорогую цену. Мы уже писали, что казна купила для удельного ведомства особняк Нарышкиной на Пречистенском бульваре, для Сиротского училища — дом графа С. С. Апраксина на Знаменке и др.[36].

В середине XIX века Военно-сиротское училище было переведено во вновь купленный казной *дом Пашкова*[37] и вскоре переименовано в 4-ю мужскую гимназию. В бывшем доме Апраксина, где прежде находилось Военно-сиротское училище, в 50-х годах XIX века было размещено *Александровское военное училище,* просуществовавшее до 1917 г.

В 1859 г. 4-я мужская гимназия из дома Пашкова была переведена *на Покровку, в «дом-комод»*[38], купленный казной у князей Трубецких, а в дом Пашкова в 1860 г. были переведены из Петербурга Этнографический музей и Публичная библиотека графа Н. П. Румянцева.

Дом № 3 по Воздвиженке, принадлежавший в XVIII веке Нарышкиным, а затем Трубецкому, в 1826 г. был куплен казной для Горного управления, которое находилось здесь около 50 лет[39]. Двор дома был очень большим, он занимал весь квартал от Моховой до Ваганьковского пер. и полквартала от Воздвиженки к западу. По южной и восточной сторонам двора шел резной каменный забор, за которым стояли ряды пирамидальных тополей. Дом стоял внутри двора, ближе к Ваганьковскому переулку.

Напротив дома Горного управления, на углу Воздвиженки и Моховой, подрядчик Скворцов в 1858—1862 гг. построил дом из камня, оставшегося после разборки Большого Каменного моста. (Ныне в этом доме помещаются *Приемные Председателей Верховных Советов СССР и РСФСР*)[40].

На Воздвиженке (дом № 1) в середине XIX века князь Гагарин построил большой четырехэтажный дом с квартирами для сдачи внаем. Теперь в нижнем этаже этого дома находится *билетная касса Большого театра и Кремлевского Дворца съездов*[41].

К 1862 г. был почти закончен *храм Христа Спасителя у Пречистенских ворот.* В последующие годы шла главным образом внутренняя отделка храма. Большой его купол по высоте соперничал с колокольней Ивана Великого. На углах огромного куба здания находились четыре небольшие колоколенки.

В 1857 г. *в Газетном переулке к старой церкви Успения на Вражке* было пристроено новое здание. Теперь в нем находится часть Московского областного исторического архива.

В 1861 г. *у Покровских ворот* архитектор М. Д. Быковский построил *церковь Троицы в Грязях.* Здание ее сохранилось[42].

В 1845 г. *в Милютинском переулке* было сооруженно *здание католической церкви Петра и Павла*[43]. В наше время оно обращено в жилой дом.

В Земляном городе в 1848 г. архитекторы А. Г. Григорьев и Е. Д. Тюрин закончили постройку *церкви Большого Вознесенья за Никитскими воротами*[44].

В 1849—1855 гг. архитектор М. Д. Быковский построил *стены и колокольню Страстного монастыря*[45].

В 1848 г. построено новое здание *церкви Пимена Старого в Старопименовском пер.*[46].

В 1868 г. *на Софийской набережной* архитектор Н. И. Козловский построил *колокольню церкви Софии* в Средних Садовниках[47].

За Земляным городом. В 1849—1851 гг. архитектор К. А. Тон построил в Москве и в Петербурге два одинаковых здания *вокзалов Петербургско-Московской* (с 1855 г. — Николаевской) *железной дороги.* Оба здания сохранились до настоящего времени[48].

В эти годы частных жилых домов строилось довольно много, но все еще по большей части деревянных там, где они не были запрещены.

После упразднения в 1843 г. Комиссии для строения Москвы, заботившейся о красивых фасадах выходивших на улицы частных деревянных домов, строительство в архитектурном отношении было предоставлено самим владельцам.

В 1843—1862 гг. многие домовладельцы надстроили свои каменные дома третьими и четвертыми этажами для сдачи внаем квартир. На окраинах Москвы фабриканты и заводчики заменяли старые, деревянные здания фабрик большими каменными корпусами в несколько этажей. Строительство особняков для богачей почти прекратилось. Прежние же

Вокзал Петербургско-Московской железной дороги на Каланчевской площади, построенный архитектором К. А. Тоном в 1851 г.

огромные особняки дворян на центральных улицах города были приобретены купцами и перестроены в доходные дома с наемными квартирами и магазинами в первом этаже.

Официальный наблюдатель за архитектурным оформлением — IV округ путей сообщения — кое-как заботился только о публичных зданиях, а наблюдение за частным строительством было отдано всецело в руки полиции. Полиция же ограничивалась требованиями ставить дома по красной линии, не возводить деревянных домов, где им не положено быть, соблюдать пожарные правила и т. п.

На архитектуру влияли вкусы заказчиков проектов. Составление проектов построек поручалось домовладельцами архитекторам по их выбору, с представлением этих проектов в IV округ путей сообщения и публичных зданий. Однако в архиве Архитектурного управления Моссовета, включившем в свой состав архивы бывш. Архитектурного отдела Московской городской управы и IV округа и насчитывающем около 10 тыс. дел отдельных владений Москвы внутри Камер-Коллежского вала, где сохранены документы не только о постройке новых зданий, но и перестройке и ремонте старых, почти никаких документов и чертежей за 1843—1862 гг. нет. Надо думать, что и полиция и IV округ не сохраняли у себя копий утверждавшихся ими проектов.

Правительство в эти годы, не уделяя внимания архитектуре, заботилось только о сохранении домов от пожаров и для этого издало правила, требующие устройства внутри каменных домов каменных и железных лестниц и запрещающие впредь деревянные лестницы[49].

В 1856 г. домов казенных и общественных было 229 каменных и 66 деревянных; частных — 3947 каменных и 9258 деревянных; всего — 4176 каменных и 9324 деревянных[50].

По плану Хотева 1852—1853 гг. можно видеть, что в Китай-городе,

кроме нескольких сараев в Зарядье, деревянных зданий не было, но деревянные галереи вдоль окон второго этажа и деревянные крыльца еще кое-где существовали.

В Белом городе, где по закону 1775 г. тоже не должны были строиться деревянные дома, к середине XIX века еще сохранялось немало старых деревянных зданий, построенных до 1775 г.

В Тверской части мы насчитали около 90 деревянных зданий и сверх того множество деревянных галерей и деревянных крылец у каменных зданий. В Мясницкой части нами насчитано около 270 деревянных зданий, не считая галерей и крылец у каменных зданий. Большая часть деревянных зданий — мелкие, возможно, сараи. Но все же в обеих этих частях было не менее 100 деревянных жилых домов.

В Земляном городе, где раньше никогда не запрещалось деревянное строительство, и особенно за Земляным городом, до застав, было сплошное море деревянных строений, среди которых оазисами выделялись крупные каменные здания. Таким оазисом в Пятницкой части являлось здание нового комиссариата, построенное архитектором Н. Н. Леграном в 1777—1784 гг. В Якиманской части — здание Винно-соляного двора и каменные амбары на Болотной площади. В Пречистенской части: здание Общества искусственных минеральных вод близ Остоженки и Провиантские магазины (склады) на углу Остоженки и Крымской площади, дом Всеволожского между Остоженкой и Пречистенкой, дом Купчинской на углу Зубовского бульвара и Глазовского переулка, дом Коммерческого училища на Остоженке. В Арбатской части — дом Гагарина на Поварской. В Сретенской части — дом Ново-екатерининской больницы на Страстном бульваре и Петровские казармы на Петровке. В Яузской части — Покровские казармы и Яузская больница.

За Земляным городом, в Серпуховской части: здание Мещанских училищ, 1-я Градская больница, Голицынская больница, дворцовые здания Нескучного сада, здание Масляного двора на Малой Серпуховке. В Хамовнической части — Хамовнические казармы. В Пресненской части — Вдовий дом на Кудринской площади. В Сущевской части — Екатерининский институт. В Мещанской части — здания Шереметевской больницы и станции Петербургско-Московской железной дороги. В Басманной части — дом Бахчеева и Запасный дворец на Новой Басманной, Константиновский межевой институт на Старой Басманной, дом 2-й гимназии на Разгуляе. В Рогожской части на Таганской площади стояло небольшое здание Торговых рядов (архитектор О. И. Бове), выделялись и каменные здания Новоспасского монастыря, Крутицких казарм и Симонова монастыря. В Лефортовской части — здание Екатерининского богаделенного дома (бывш. Матросской богадельни), Лефортовский дворец, Ремесленное заведение (ныне здание МВТУ имени Баумана), Военный госпиталь, здания кадетских корпусов.

По указу 1775 г. о «прожектированном г. Москве плане» в Кремле, Китай-городе и Белом городе, т. е. внутри современного Бульварного кольца, строительство деревянных домов, сараев, конюшен и пр. совсем не допускалось. 22 марта 1838 было запрещено строить деревянные дома и за Бульварным кольцом на больших улицах: Тверской — до Триумфальных ворот, Никитской, Арбатской и других подобных, а также около бульваров[51]. 29 декабря 1849 г. запрещено было строить деревянные дома по правому берегу Москвы-реки от Бабьегородской плотины, или от начала Обводного (Водоотводного. — *П. С.*) канала, до Москворецкого моста[52]. Между Москворецким и Краснохолмским

мостами, а также между Москвой-рекой и Водоотводным каналом деревянные постройки совсем не дозволялись[53].

Правление IV округа путей сообщения, отвечая на письмо военного генерал-губернатора Москвы А. А. Закревского о необходимости расширить район исключительно каменного строительства, сообщало 27 января 1856 г:

«Правление до сего времени разрешало каменные постройки на улицах, изъясненных в ст. 259 тома XII Устава строительного, в числе которых: Стоженка, Пречистенская, Арбатская, Никитская, Тверская, Поварская, Сретенская, Мясницкая, Покровская, Николо-Ямская, Шивогорская, Пятницкая, Якиманская, Козьмодемьянская, Дмитровская Малая, обе Басманные, по бульвару от Трубы до Самотечного пруда.

Если же на сих улицах существуют издавна устроенные деревянные дома, то в них капитальных работ и никаких упрочений Правление не дозволяет, а для благовидности разрешает только некоторые ремонтные поправки, как-то: исправление отпавшей штукатурки, вставку стекол, окраску кровель, стен и пр.; в местах, где дозволены деревянные строения, Правление выдает планы с назначением законных разрывов и брандмауэров.

На будущее же время, согласно... предложения Вашего Сиятельства, Правление полагало бы воспретить деревянные постройки еще на следующих местах г. Москвы: 1) На Тверской-Ямской ул. (между Садовым кольцом и заставой. — *П.С.*), 2) на улице в Каретном ряду, 3) на набережной между Крымским и Краснохолмским мостами и вообще на всем пространстве между р. Москвою и Водоотводным каналом, 4) по проезду от Красных ворот к станции жел. дороги (по Каланчевской ул. — *П.С.*), 5) на Таганских площадях, 6) по Большой Алексеевской, 7) по проездам около Земляного вала от Крымского до Краснохолмского мостов по обеим сторонам всей окружности»[54]. Генерал-губернатор А. А. Закревский согласился с этим предложением[55] и предложил войти с ним в установленном порядке, т. е. доложить царю.

Когда домовладельцы указанных улиц просили правление IV округа путей сообщения разрешить им заменить на деревянных домах тесовую крышу железной, им было отказано[56].

2 апреля 1856 г. Александр II утвердил доклад IV округа путей сообщения, представленный ему главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями, но с некоторыми поправками: 1) в местности между Москворецким и Краснохолмским мостами, а также между Москвой-рекой и Водоотводным каналом не дозволять вовсе деревянных построек; 2) на Тверской-Ямской, по Каретному ряду, по проезду от Красных ворот к станции Николаевской железной дороги, на Таганских площадях, на Большой Алексеевской улице, по проездам около Земляного вала от Крымского до Краснохолмского моста по обеим сторонам «не дозволять деревянных построек налицо» (на улицу. — *П.С.*); 3) но во дворах на этих улицах разрешить деревянные постройки с отступлением от линии улицы внутрь двора на 8 сажен, а при участках маломерных — на 6 сажен, и то лишь «в уважение недостаточного состояния владельцев» и с разрешения военного генерал-губернатора Москвы; 4) во всех вообще местах столицы, где воспрещаются деревянные постройки, произвести в течение одного года освидетельствование деревянных зданий и, смотря по их прочности, определить каждому из них срок существования, после которого они должны быть непременно снесены.

Это постановление было внесено в Полное собрание законов[57] и в

«Устав строительный», но просуществовало недолго. Для проведения его в жизнь главноуправляющий путями сообщения 20 апреля 1856 г. предложил А. А. Закревскому образовать комиссию. Она начала действительно работать 1 декабря 1856 г., но за год не успела сделать того, что от нее требовалось, так как многие владельцы домов жили летом на дачах, а купцы были на отдаленных ярмарках, и комиссия поэтому просила отсрочить окончание дела до 1 марта 1858 г.

Комиссия встретила ожесточенное сопротивление владельцев деревянных домов. Многие из них не только не думали об их сносе, но ходатайствовали разрешить им ремонт домов. Другие не соглашались с даваемыми им для сноса сроками в 10—12 лет. Правление IV округа путей сообщения большей частью удовлетворяло претензии домовладельцев и либо разрешало им чинить деревянные дома с обязательством снести их в положенные комиссией сроки, либо удлиняло сроки для сноса.

К 1 марта 1858 г. комиссия закончила работу и представила доклад, по которому в разные сроки во всех 17 полицейских частях Москвы (следовательно, и в центральных — Городской, Тверской и Мясницкой, где уже около 80 лет было запрещено строительство деревянных зданий) надлежало снести 1266 деревянных домов. Так как все эти дома стояли только на указанных выше улицах, то на некоторых из них требовалось снести более половины всех домов. Это ужаснуло даже генерал-губернаторов Москвы (Закревского, потом Тучкова), и они обратились к главноуправляющему путей сообщения и публичных зданий с просьбой об отмене закона о сносе деревянных домов на главных улицах Москвы. Главноуправляющий 6 июня 1860 г. ответил, что закон отменять неудобно, но что генерал-губернаторы, по 2-му пункту 302-й статьи «Устава строительного», изданного в 1857 г., могут сами в конкретных случаях оставлять на улицах деревянные здания или назначать для сноса их другие сроки, чем те, которые назначила комиссия. Вместе с тем, считая, что просьба генерал-губернаторов об отмене закона вызвана неудовлетворительной работой комиссии, главноуправляющий 2 октября 1861 г. предложил Тучкову назначить вторую комиссию и включить в нее архитекторов и генерал-губернаторских чиновников. Дело дошло до сената, и по его представлению царь в 1863 г. отменил закон о сроках сноса деревянных зданий на главных улицах Москвы.

Так окончилась эта эпопея, затеянная Закревским, который сам же потом просил о ее ликвидации[58]. Некоторые деревянные дома на указанных выше улицах, признанные подлежащими сносу, стоят до настоящего времени, т. е. более 100 лет.

Развернутую картину того, как должны были строиться в 1843—1862 гг. казенные и общественные здания, церкви и особенно частные жилые дома, дает опубликованный в томе XII свода законов «Устав строительный», изданный в 1842 г. и повторенный в 1857 г. Укажем на некоторые пункты этого устава, наиболее, с нашей точки зрения, важные.

IV округ путей сообщения унаследовал от ликвидированной Комиссии строений ее компетенцию, Чертежную и еще не израсходованные капиталы. Такими были капитал, отпущенный Комиссии строений в 1831 г. на устройство и украшение Москвы, и капитал, выделенный в 1834 г. на пособие погоревшим жителям Лефортовской и Рогожской частей. Капитал же, отпущенный в 1812 г. для выдачи пособий на постройку домов жителям, дома которых сгорели, в 1827 г. был причислен к остаточному капиталу Московской городской думы, так как вы-

дача ссуд жителям более не представлялась необходимой (ст. 92, прим. 1 и 2 «Устава строительного»).

Города должны были строиться по планам, «высочайше утвержденным» (ст. 298). В случае необходимости, по местным условиям, отступить от плана начальник губернии через главноуправляющего путями сообщения испрашивал на то «высочайшее позволение» (ст. 301). В порядке этих отступлений можно было: 1) производить деревянные постройки в кварталах, предназначенных исключительно для каменной застройки; 2) разрешать только каменную застройку в кварталах, где были дозволены и деревянные постройки (ст. 302).

Запрещалось, как и раньше, застраивать городские выгоны; в случае же их застройки других выгонов городам от казны не отводилось (ст. 303).

В 1827 г. было разрешено городским обывателям свободно распродавать свои участки по частям, не стесняясь их размерами, с тем только, чтобы не было между строениями тесноты (ст. 307).

Особое внимание обращалось на выходящие на улицы фасады домов. Как и раньше, владелец мог выбрать для нового выходящего на улицу дома лишь один из фасадов, приведенных в «высочайше утвержденных» в 1809—1811 гг. альбомах (ст. 312). Пополнение этих альбомов с 1843 г. возлагалось на Главное управление путей сообщения и публичных зданий (ст. 313), и оно издало новые альбомы в 1843—1852 гг. Не разрешалось рядом строить однообразные дома (ст. 314). До 1856 г. требовалось, чтобы на фасадах было нечетное число окон, и только в этом году разрешено было и четное число (ст. 315 и примечание к ней).

Окна в каменных строениях должны были иметь в вышину не менее $2^1/_4$ аршина, в ширину — $1^1/_4$ аршина, исключая мезонины и антресоли, где окна могли быть и меньше. Простенки между окнами должны были быть не уже, чем сами окна. От кровли окна должны были отстоять не менее как на $1^1/_4$ аршина. Разделение и украшение окон должно было соответствовать одному из утвержденных фасадов.

Для маленьких домов высота окон полагалась не менее 2 аршин, ширина — 1 аршин и 2 вершка, ширина простенков — не уже окон, мера от земли — не менее 2 аршин, от окон до кровли с карнизом — не менее 1 аршина (та же ст. 315). Во дворах же определение высоты крыш и окон предоставлялось на усмотрение хозяев (ст. 316).

Здания, выходившие на улицы и не имевшие правильных архитектурных фасадов, колонн, пилястров и фронтонов, должны были иметь крыши в две седьмых ширины строения, не включая в ширину строения карнизов (ст. 317). На маленьких же домах, имеющих в ширину не более 4 сажен, высота кровли полагалась в одну треть ширины строения, как нужная для чердака.

О желании строить здание обыватели должны были подавать заявления в IV округ путей сообщения с указанием размеров. При разрешении строительства указывалось, какие размеры должна иметь крыша, а если здание проектировалось с колоннами и фронтоном, то на чертеже указывалась высота крыши (но не более одной четверти ширины строения) (ст. 320).

Домовладельцы Москвы, желавшие возвести на своих дворах новые строения или перестроить существующие, с выломкой стен и сводов и с устройством вместо них новых, обязаны были представлять в правление IV округа путей сообщения «при фасадах подробные планы расположения всех частей здания по этажам и разрезы их, как про-

дольные, так и поперечные». По рассмотрении всего этого правление IV округа обычно посылало план на утверждение военного генерал-губернатора. После утверждения владельцу выдавали план и разрешение по нему строить. В архиве канцелярии московского генерал-губернатора имеется много таких дел о постройках и перестройках домов.

В «Уставе строительном» говорится и о «правилах для частных построек в городах и об ответственности хозяев за нарушение сих правил» (отделение второе «Устава строительного»).

Чтобы полностью использовать для домов линию улицы, разрешалось каменные дома соседей ставить рядом вплотную, без разрывов, с обязательством лишь возводить на них брандмауэры (ст. 352). Во дворах требовался разрыв между каменными зданиями не менее 2 сажен (ст. 353).

Снаружи каменных домов запрещалось в городах делать деревянные пристройки для лестниц, ходов и галерей, «которые, кроме безобразия, угрожают опасностию в случае пожара» (ст. 354).

Штукатурить снаружи каменные дома, как частные, так и казенные, запрещалось в течение года со времени окончания постройки здания (ст. 355), очевидно, для того, чтобы дать просохнуть стенам и тем избавить помещения от сырости.

Деревянные жилые здания, имеющие печи, должны были иметь в длину без разрыва не более 12 сажен, а разрыв между ними — не менее 4 сажен (ст. 361).

Запрещалось (с 1830 г.) где бы то ни было строить деревянные дома на каменных погребах (ст. 362) и в два этажа (ст. 363). Но мезонины над одноэтажными деревянными зданиями разрешалось ставить, они в счет этажей не входили (ст. 364).

Из предосторожности на случай пожаров дворы требовалось не затеснять строениями; бани строить подальше от жилья и крыть их черепицей или гонтом без скалы (бересты), соблюдать петровские правила 1718 и 1722 гг., а также 1728 г. об устройстве печей и дымовых труб (ст. 367). Последние с 1857 г. разрешалось делать вместо прямых четырехугольных прямыми круглыми из гончарных труб или лекального кирпича (ст. 369).

Крыши разрешалось крыть железом, черепицею или гонтом без скалы; кроме того, еще какими-то «полированными войлоками, выделываемыми на фабрике, принадлежащей флигель-адъютанту Глазенапу» (ст. 371).

Заборы и ворота требовалось строить «по фасадам, высочайше для них в 1811 г. утвержденным» (ст. 374). Огороды в городах требовалось обносить заборами (ст. 375).

При перепланировке после 1812 г. улиц, переулков и площадей появилось много маломерных участков (менее 10 сажен в длину). Их разрешалось соседям прикупать к своим дворам, а посторонним продавать только в тех случаях, когда они обяжутся построить на них каменный дом или деревянный с брандмауэром (ст. 395). Чтобы в будущем избавиться от выхода на улицы деревянных домов на маломерных участках, не только их застройка, но и починка имеющихся деревянных зданий разрешалась лишь правлением IV округа путей сообщения (ст. 397).

В предместьях города и вообще на отдаленных от центра улицах и в переулках соседям разрешалось на маломерных участках ставить рядом, без разрывов, деревянные дома, с тем чтобы общая длина их не превышала 12 сажен (ст. 399).

Маломерные участки, не пригодные для отдельной застройки, в течение одного года должны были быть проданы их хозяевами соседям. В противном случае участки через год отбирались у владельцев правлением IV округа, оценивались особой при нем комиссией и, с утверждения военного генерал-губернатора, делились между соседями, которые обязаны были уплатить известную сумму, передаваемую IV округом первоначальному владельцу. Но если последний давал обязательство застроить свой участок каменным домом или хотя бы оградить его приличной оградой, участок оставлялся за ним (ст. 400).

Глава 4 «Устава строительного» говорит «о постройке в городах фабрик и других заведений». Разрешение на их устройство давалось губернским начальством на основаниях, изложенных в «Уставе промышленном». В «Уставе строительном» запрещалось устройство в городах фабрик и заводов, загрязняющих воздух, а также по течению рек. Где же такие были устроены, делалось представление министерству внутренних дел об их перенесении за город (ст. 408). Нам известен случай, когда, по жалобе окрестных жителей, находившийся в районе Сретенки свечной и мыльный завод купца Кудрявцева был выведен в 1856 г. за город[59].

Заводские и фабричные строения не подлежали никаким правилам об их фасадах, высоте крыш и других «архитектурных правильностях», их наружный вид должен был соответствовать внутреннему расположению, «приспособляемому к потребностям здания» (ст. 410). Но во всех «огнедействующих» заводах все лестницы должны были быть каменными (ст. 411).

Торговые бани требовалось ставить близ воды и в удобных местах, «дабы городским строениям не было от них опасности» (ст. 413). Воду для бань брали тогда из реки, ручья или пруда, так как водопровода на большинстве московских улиц еще не было.

Бойни разрешалось строить только за городом и от мясных рядов особо; предлагалось «копать при них ямы для помещения нечистоты» (ст. 414). При отсутствии в городе канализации с отбросами боен поступали так же, как с нечистотами из выгребных ям; разница состояла только в том, что последние вывозили из домов за город и редко копали для них ямы, боенские же отбросы помещали в ямах при бойнях, так как бойни находились за городом.

«Устав строительный» дополнялся разработанными на основании его IV округом путей сообщения правилами и дополнениями. Эти правила помещались на обратной стороне бланков — разрешений, выдаваемых домовладельцам на постройку или перестройку зданий на их дворах.

Ниже мы помещаем эти правила, найденные нами на обороте плана, выданного IV округом путей сообщения 3 июня 1846 г. протоиерею Казанской церкви Сергею Владимирскому, владевшему домом № 473 в 5-м квартале Якиманской полицейской части (современный дом № 51 по ул. Димитрова)[60].

«Правила, кои наблюдать должен каждый владелец дома.

1-е. Никакие постройки, ни на улицу, ни во дворе, без дозволения Правления (IV округа. — *П.С.*) не могут быть произведены, равно перекрытие крыш, исправление оных, перемена колод в окнах в фасадах на улицу, прорубка дверей на улицу и устройство крылец.

2-е. Строящий дом на самой меже своего двора не должен делать окон на двор или на крышу своего соседа (Свод законов, т. X, изд. 1842 г., ст. 414 и 415).

3-е. Не дозволяется делать ската своей кровли на чужой двор, но обращать оный на свою сторону (Свод законов, т. X, изд. 1842 г., ст. 413).

4-е. Ретирады не должны быть построены к границам соседа, а должны быть построены с указанными разрывами; выгребы нечистот из ретирад не могут быть с улицы.

5-е. Брандмауэр должен быть без окон и дверей, а поставленные в строениях для разрывов должны быть выше крыш и без всяких отверстий.

6-е. А) Под одноэтажными каменными домами фундаменты делать так, что если бы владельцу впоследствии вздумалось надстроить второй этаж, то фундамент мог бы выдержать таковую надстройку. Б) Вменяется владельцу в обязанность, чтобы в каменных домах лестницы были каменные или чугунные. В) Обязан владелец строить дом каменный плотно к своей границе, на тот предмет, дабы между домов ни малейших промежутков не было, которые не только что безобразны, но и вредны для самых строений, ибо туда может заносить снег и прочую нечистоту и вредить стенам сыростью.

7-е. Вследствие высочайшей воли всякому владельцу, имеющему дом или землю в Белом городе около бульваров и на больших улицах, воспрещается возводить деревянные строения.

8-е. Воспрещается прежде возведения брандмауэра, буде он на плане назначен, возводить строения под опасением строгого взыскания.

9-е. Вследствие высочайшей воли не дозволяется по улицам на тротуарах устраивать при входе в дома постоянные глухие тамбуры, но не возбраняется делать железные на чугунных колонках зонтики.

10-е. При постройке владельцами домов на меже соседа воспрещается делать спуски крыш и карнизы в чужой двор, потому что если бы нужно было соседу возводить сплошное строение, то неминуемо должны быть уничтожены карнизы и срезаны крыши, в предупреждение чего правило сие помещается, дабы владелец неведением не отзывался.

11-е. Владелец должен последовавшее ему от Правления дозволение, означенное на сем плане, на постройки всякого рода предъявить до начала оных начальнику Отделения и полиции.

12-е. Вменяется в обязанность, чтобы предварительно приступления к постройкам, которые на основании узаконений должны быть произведены под наблюдением архитекторов, имеющих право на вольную практику, было обращено строгое внимание на свойство грунта земли, чтобы здания, для надлежащей их прочности и устойчивости, были основаны на твердом материке и чтобы вообще постройки были возведены согласно утвержденных планов, фасадов и разрезов.

13-е. Ширина тротуара не должна быть менее 2 аршин, не делая сходов на оный на основании Свода Законов, т. XII, изд. 1842 г., ст. 253, п. 7.

14-е. В местах, где пролегает водопровод, оставлять полосу незастроенной земли, шириною от магистральной линии или середины с каждой стороны на $2^1/_2$ сажени, что составляет общей ширины 5 сажен, а по направлению водопровода от Церкви св. Николая, что в Драчах, до трубы в 4 сажени, что составит в каждую сторону по 2 сажени. Ближе этих расстояний с обеих сторон от магистральной линии водопровода никаких построек не дозволяется. В существующих строениях над кирпичным водопроводом не дозволяется производить ни перестроек, ни починок, под опасением за нарушение сего, а равно и за самовольное возведение новых построек, взыскания, определенного 1361 ста-

тьею «Уложения о наказаниях Уголовных и Исправительных». Вменяется в обязанность владельцев, через дворы коих проложен старый водопровод, не направлять в него стоков из выгребов, от помойных ям и прочих нечистот. Произвольным распоряжением не снабжать себя водою из старого водопровода, но обращаться предварительно в Правление IV округа.

15-е. За всякое отступление от предназначенной в плане постройки будет взыскано на основании Свода Законов, т. XII, ст. 275, п. 3, и Строительного Устава, изд. 1842 года: каждый обыватель отвечает за точную принадлежность ему всего того места, где строится, а равно и за отступление от утвержденного фасада, подвергая строение на чужой земле или в противность плана построенное к сломке, каковую производит полиция на счет виновного, а за землю чужую чинить взыскания по законам.

16-е. Каменное строение, на основании высочайшего повеления от 17 ноября 1835 года, вновь оконченное в одно лето, не дозволяется штукатурить ни внутри, ни снаружи тем же годом.

17-е. Деревянные этажи на каменных не должны обшиваться тесом, а должны быть штукатурены.

18-е. Крыльца и галереи в больших домах должны быть каменные.

19-е. Вследствие высочайшего повеления обыватели при желании возводить новые дома или перестроить существующие, с выломкою стен и сводов и с устройством вместо них новых, обязаны представлять при фасадах подробные планы расположения всех частей здания по этажам и разрезы, как продольные, так и поперечные»[61].

Из каких материалов строились дома в Москве в изучаемый период и где приобретались эти материалы? Большинство домов, как мы знаем, строилось из дерева, бревна и доски для них приобретались в Лесных рядах, которых было в Москве несколько: на набережной Москвы-реки, между Ленивкой и Лесным проездом; на Миусском поле, от которых получила название и соседняя Лесная улица; на Каланчевской улице, между Дьяковским проездом и Домниковской улицей; на Смоленской набережной и в других местах. Некоторые домовладельцы-помещики привозили лес из своих поместий.

Каменные дома строились преимущественно из кирпича. Он приобретался на кирпичных заводах, во множестве разбросанных в ближайших окрестностях Москвы, особенно южных и восточных. Бут и белый камень для фундаментов добывался в каменоломнях в Дорогомилове, на Пресне («Камушки») и в других местах.

Для строительства храма Христа Спасителя белый камень доставлялся по воде из Новгородской и Тверской губерний, уже отесанным в большие плиты, весом около тонны каждая. Для прохода в Москву барж с этим камнем на Сенежском озере был даже устроен (позже запущенный) соединительный канал между притоками Волги и притоками Москвы-реки.

Кровли на деревянных домах, отчасти и на каменных, делались из теса или гонта, но без скалы (бересты), особенно подверженной огню во время пожаров. На каменных домах в центре города (не запрещалось и на деревянных) кровли делали обязательно из железа, которое привозили большей частью с Урала, или черепицы.

Для поощрения устройства кровель из черепицы был даже сооружен казенный черепичный завод, о котором в «Уставе строительном» сказано следующее:

«На продажу черепицы составить предварительно таксу и привести

оную в действие с одобрения Московского Военного генерал-губернатора и с утверждения Министерства Внутренних дел.

С приведением черепичного завода в такое положение, когда оный в состоянии будет безостановочно снабжать жителей потребным количеством черепицы, поставить правилом, чтобы все вновь строящиеся каменные здания крыты были не иначе, как железом или черепицею»[62].

В заключение остановим внимание на самой большой гражданской постройке в Москве 1856 г.

В 1853 г. сгорел Большой театр. Пожар начался утром 11 марта и продолжался неделю. Проекты восстановления театра дали архитекторы К. А. Тон, А. С. Никитин и академик архитектуры Альберт Кавос (1800—1863 гг.), сын композитора и дирижера петербургского Большого театра, известный постройками всех крупнейших театров России. «В своих работах Кавос мало считался с архитектурой переделываемых им театров и бесцеременно изменял их по своему вкусу. Архитектура Кавоса — это тяжелое, монотонно рассыпанное изобилие позолоты, лепнины. Это одинаковое, с небольшими вариантами, убранство царских лож, вычурное соединение амуров, картушей, кокошников, волют и т. п. В то же время все театры, перестроенные Кавосом, намного улучшились в смысле акустики и видимости с различных мест» — так отзывается о работах Кавоса Ю. Д. Хрипунов.

О работе Кавоса в Москве над восстановлением сгоревшего Большого театра И. Рерберг пишет: «Спешность возобновления здания Большого театра, недостаток средств и некоторая протекция, которой пользовался по своему положению архитектор Кавос, оказало неблагоприятное влияние на перестройку здания театра, и первоначальная постройка архитектора Бове значительно пострадала как с внешней, так и с внутренней стороны».

Основные недостатки театра — неудачное выполнение некоторых деталей и грубый декор, невысокие художественные качества которого объясняются не столько недостатком вкуса у Кавоса, сколько общим упадком архитектуры в этот период. Вместо ската крыши сделан верхний фронтон, конкурирующий с нижним. Неузнаваемо переделана и ухудшена стена с аркой и скульптурой Аполлона. Прежняя гипсовая квадрига, погибшая при пожаре, была заменена новой из красной меди по модели скульптора Клодта. Сзади театра построен одноэтажный каменный сарай для декораций.

20 августа 1856 г. театр был открыт. В день открытия шла опера Беллини «Пуритане».

Чтобы дать читателям ясное представление о том, какой была Москва в начале 60-х годов XIX столетия, приведем описание центра города (в пределах Садового кольца), Замоскворечья, а также промышленных частей Москвы — Рогожской и Лефортовской, данное литератором-современником Н. Скавронским в его книге «Очерки Москвы», вышедшей в 1862 г.[63]:

«Кипя, с одной стороны, деятельностью, представляя ряды лавок, магазинов, оживленное движение, даже иногда, в некоторые дни, давку, тесноту, Москва, с другой стороны, хранит в себе такие закоулки, которые своею обстановкой напоминают самые дальние и глухие углы России; часто среди города, где-нибудь невдалеке, в стороне, тянутся огороды, шумят на огромном протяжении сады, располагается фабрика несколькими корпусами, какой-нибудь завод, монастырь с высокими стенками, кельи и все подвиги спасения... Зайдите за ограду, побродите в зелени, шумящей вокруг нее, прислушайтесь к протяжному гу-

лу монастырских часов, и вы подумаете, что бог весть где... а город на глазах, вышли — и он перед вами зашумит.

Движение, вливаясь, положим, хотя от железной дороги, растекаясь по Мясницкой, Покровке, по Тверской, достигает самого быстрого стремления на Ильинке, на Кузнецком мосту, потом как-то неравномерно распределяется по всему пространству, одною стороною задевает соседние улицы с Тверской, наполняет Зарядье, скопляется на Москворецком и Каменном мостах, тихо журча, разливается по Замоскворечью и кой-где отбивает в стороны... Какое, например, различие, какой контраст в распределении и движении, не говоря еще о формах, представляет Замоскворечье с остальною частию города: проезжайте Балчуг, Чугунный мост, Пятницкую, сворачивайте на Ордынку — и перед вами вместо саней, кучи мелькавшего шумного движения, вместо ванек, крикливых кучеров, откормленных рысаков, рассыпающихся во всю ширину улицы розвальней, телег, дровней, жмущихся по краям вместе с теряющимися в толпе мужичками от грозных криков своих собратов, возвысившихся до козел, от палки будочника, от нагайки казака, — вместо пестрой, шумной, разнообразной картины: спуска от Василия Блаженного, картины Москворецкого моста со всею характеристичною обстановкой Кремля, его соборами, башнями, зубчатою стеною, дворцом и колокольней, вместо великолепной панорамы Москвы-реки, замыкающейся с одной стороны Воспитательным домом, а с другой — храмом Спасителя, — вместо всей этой шумной, оригинальной, редкой картины, в рамках которой Москва выказывается громадным, оригинальным, в высшей степени любопытным городом, на Ордынке, Полянке и прочих, им подобных, перед вами раскинется любой губернский или, пожалуй, даже лучшая улица уездного города, длинный ряд домов с запертыми воротами, по улице стая собак, где-нибудь на углу трактир, жизнь по преимуществу купеческая, самостоятельная, отдельная; овощная лавка; лениво, сонливо едущий извозчик, песня без слов вдали; стоит задуматься — и невольно охватит вас и приятная и вместе с тем как-то невольно трогающая тишина: живо представится, что вы будто далеко, где-то на краю, в тиши, жизнь, движенье далеки, и бедное выраженье кругом идущей жизни только... в грустном, в протяжном, в непрерывающемся напеве песни, в глухо, тоскливо льющейся песне... Но пролетит жирный, дорогой, откормленный рысак в щегольских санях, промчится мимо почтовая тройка, со свистом, гиком и гамом ямщика — как они обыкновенно въезжают в свою родную Белокаменную — и все это снова напомнит вам Москву...

Сравните теперь с этим кипучую жизнь Рядов, всю пестроту, всю оригинальность этой жизни, смесь типов, множество приезжих из разных мест, из разных городов, разнообразие наречий, костюмы татар, армян, малороссов, греков, и над всем этим великорусский тип, примесь к нему везде и всюду приютившихся немцев, частичку французов, всю эту смесь характеров, пестроту отношений... Загляните на множество подворий, с их вечным движением и каждый день сменяющимися жильцами, с их чадом, грязью, кипящими целый день самоварами, духотой, жаром, домашними перинами, напоминающими вам, может быть, недавнее прошлое, а может быть, еще в некоторых отношениях и настоящее Москвы; войдите, наконец, в Троицкий трактир, в будничный день, часа в два, три, и вы, смотря на это вечное, неуспокаивающееся движение, этот прилив и отлив, этот неумолкающий глухой шум, переговоры, сделки, продажи, покупки за неизменными тремя, четырьмя, пятью парами чая, легко поймете, какою деятельною жизнию живет

Москва, как оригинальна эта жизнь и как трудно уловить ее кажущееся однообразным выражение.

Три, четыре, пять верст от этого шумного центра, какое-нибудь предместье, хоть Преображенское, Семеновское, — и жизнь и ее обстановка сменяют пред вами свои формы: опять, вместо временем шумных улиц, пред вами длинные пустые расстояния, узкие переулки, опять что-то вроде Замоскворечья, но уже с совершенно новою обстановкой — быт промышленный, фабричный, массы фабрик, огромные корпуса, высокие трубы, сады, дачи, дома фабрикантов, Яуза; с одной стороны Сокольники, с другой — застава, а там поля, село... Другого рода жизнь, другого рода деятельность — фабричный быт русского крестьянина вне дома, жизнь бессемейная, полугородская, полусельская, с одной стороны, с другой — жизнь фабриканта опять в других формах с своими характеристическими особенностями, против жизни купца, торговца...

Поварская, Пречистенка, Дмитровка и прочие в этом роде живут опять своею отдельною жизнию — быт барский, помещичий: дома с подъездами, громкие фамилии и даже еще кой-где львы на воротах; Сеньки, Ваньки, Федьки в ливреях и без ливрей; растворенные ворота, кареты у подъезда и тихо, робко выезжающий крестьянин в ободранном полушубке из ворот; его пустые розвальни, убогая лошадка и обнаженная голова перед барским домом... Сколько форм, сколько разнообразия, сколько непохожих одно на одно явлений в самобытной жизни Москвы: чем более в нее вглядываешься, тем более становится понятно ее давнее название — *сердце России»*.

А вот что еще пишет тот же автор о Замоскворечье[64]: «Откуда бы вы ни въезжали в Замоскворечье — через Москворецкий ли мост, через новый ли Каменный (после 1859 г. — *П. С.*), который невольно и резко напоминает вам стоявшего много лет величавого старика, достойного, кажется, лучшей участи, чем какая постигла его, — отовсюду пахнет на вас своебычностию, особенностью замоскворецкой жизни — вы невольно начнете прислушиваться к биению ее... За Москворецким мостом невольно поразит вас суетня и движение Балчуга; вы, пожалуй, вспомните тут чистилище Дантова ада и сейчас же за этим улыбнетесь такому сравнению. Действительно, эта небольшая улица с тянущимися по обеим сторонам лавками, находится будто в переходном состоянии: тут еще город не хочет уступить своей шумной деятельности мертвящему застою Замоскворечья, и эти два врага ежедневно встречаются на этом пространстве. Пятницкая уже носит на себе много следов жизни более цивилизованной части Москвы, зато вправо и влево начнет, как говорит Гоголь, «писать губерния»...

При переезде через Каменный мост представляются уже другие, более близкие к замоскворецкому быту формы; тут мы хотя и встречаем разные промышленные предприятия, но уже не в форме открытой торговли: это известный по своему разврату трактир «Волчья долина», винный двор, множество бань, которые обставлены несколькими ремесленными заведениями, и в стороне — Болото. Болото не природное, которое может манить к себе поэзиею охоты, а Болото — место торговое, место подвигов по нашей мучной торговле...

От Пятницкой пойдут Кузнецкая, Татарская, Лужники, Кожевники, в стороне Садовники. От Каменного моста, через Малый Каменный мост, потянутся Большая Козьмодемьянская, Якиманка; вправо целою цепью переплетутся множество переулков; все это встретится между собою у Калужских ворот, Зацепою соединится с Серпуховскими и с од-

ной стороны потянется значительными полупустыми пространствами к Серпуховской, а с другой — и Калужской заставам...

Купец — истый законодатель этого мира и сидит в нем крепко, как говорится, на четырех сваях и в пятую упирается... Замоскворечье издавна было, так сказать, темною и мало кому знакомою кузнею для выковки московских капиталов... капиталы росли и умножались большей частью именно в этой самобытной и оригинальной стороне... И как все тут шло своеобразно, как оригинально! Глядишь: стоял где-нибудь в стороне деревянный дикенький домик, долго стоял; жил в нем невзрачный седенький старичок, смирный, скромный, богобоязливый; почитал этот старичок после бога власть, поставленную от бога; стоял в почтительном расстоянии перед благородной полицией, боялся бар; ходил, хлопотал, застегивался, обдергивался, семейство и детей держал в сером теле и в страхе божием; а время шло да шло, обозы на скрипучих русских телегах, управляемые возчиками в дырявых нагольных полушубках, то въезжали на его широкий двор, то выезжали с этого двора... Все было скромно, народно: небольшой садик с беседкою, где отдыхал летом старик, большая цепная собака на дворе, канат для нее перед сараями, кучер, дворник, живший на короткой ноге с хозяином, куры и — разве много, если корова останавливалась вечером, летнею порой, перед его воротами... Но умирал старик, выносили его в дубовой колоде, ногами в ворота, — и вдруг оказывался значительный капитал, а потом на месте дикого деревянного домика вырастал неуклюжий громадный дом, или же самый этот домик разукрашивался затейливыми белендрясами.

Вот в немногих словах одна сторона истории Замоскворечья. Встарь Замоскворечье было большое промышленное село, село, лежащее на кормилице-матушке Москве-реке, под стенами Кремля, село, к которому тяготели все села великой России и где зажиточным хлопотуном-мужичком был московский купец. Мужичок этот вел широкое дело, знал нужду каждого села, имел в нем связи, роднился с разными промышленниками других сел и был для них купцом и краснорядцем. Народонаселение постоянно прибавлялось, росло и распадалось на многие купеческие фамилии, занявшие теперь другие места, как, например, в фабричной Лефортовской части и пр. и во многих окрестных промышленных селах...»

БЛАГОУСТРОЙСТВО И ИНЖЕНЕРНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ МОСКВЫ В 1843—1862 ГОДАХ

Дела Комиссии для строения Москвы, переданные в 1843 г. после ее ликвидации III округу Главного управления путей сообщения и публичных зданий, в 1844 г. находились уже в ведении IV округа этого управления, которому в том же году были отпущены дополнительные средства на устройство и украшение Москвы[65].

Мытищинский водопровод, переустроенный его директором инженером Н. И. Янишем в 1828—1835 гг., давал в сутки 180 тыс. ведер воды, а старый водопровод — 40 тыс. ведер. Всего Москва, таким образом, получала в сутки 220 тыс. ведер воды. Однако галерея от Мытищ до села Алексеевского продолжала разрушаться, приходя в ветхость; разрушались также водосборные бассейны в Мытищах.

Преемник Яниша инженер Максимов перестроил бассейны, но неудачно: воды не прибавилось. Только предложенный инженером

А. И. Дельвигом в 1834 г. новый проект переустройства бассейнов в Мытищах, с некоторым углублением их, приостановил их разрушение. В 1847—1848 гг. до Алексеевской водокачки доходило всего 100 тыс. ведер из 330 тыс., выходивших из Мытищ: две трети воды терялось по дороге, уходя в трещины галереи. Необходимо было ее перестроить.

Инженер Максимов, как и его предшественники, полагал, что из Мытищ нельзя получить в сутки более 330 тыс. ведер. Поэтому обратились к Москве-реке. В 1853 г. на ее берегу в двух местах были воздвигнуты водоподъемные здания — одно у Бабьегородской плотины, другое у Краснохолмского моста. Их снабдили машинами, которые должны были высасывать из реки по 100 тыс. ведер в сутки неочищенной воды. Но когда Бабьегородский водопровод был пущен, выяснилось, что он может давать только 33 тыс. ведер вследствие ошибки строителей, поставивших водопроводные трубы слишком малого диаметра.

От Бабьегородского водоподъемного здания вода шла по трубам в фонтаны, расположенные на площадях Трубной, Арбатской, Тверской и у Пашкова дома (на углу Знаменки и Моховой). Этой же водой снабжались два водоразборных колодца — у Пречистенских и Петровских ворот.

Краснохолмское водоподъемное здание подавало в сутки до 100 тыс. ведер воды. Ею снабжались фонтаны Замоскворечья — Зацепский (на Коломенско-Ямской ул., между Зацепой и Стремянным пер.), Серпуховской, Калужский, Полянский (на площадях с одноименным названием) и Пятницкий (на Пятницкой ул., чуть южнее Климентовского пер.). Водопровод был открыт в 1854 г.

«Почти тотчас же после открытия этих водопроводов обнаружилась полная их непригодность. Вода, бравшаяся для водопроводов в черте города, оказалась плохого качества и вредною для здоровья, фильтров же или каких других сооружений для очищения воды сделано не было. Сверх того, летом вода была тепла и безвкусна, зимой же, почти каждый год, подача воды совсем прекращалась на месяц и более, так как трубы промерзали. Весною водопроводы также не действовали: грязная вода половодья засоряла насосы, и действие их прекращалось. Таким образом, и эта попытка улучшить водоснабжение Москвы оказалась неудачною»[66].

В 1853 г. Максимов умер, и 25 июня 1853 г. директором Московского водопровода был назначен инженер А. И. Дельвиг. Он был убежден, что из мытищинских ключей можно взять не 330 тыс. ведер воды в сутки, а более 500 тыс. ведер, понизив только уровень воды в существующих заборных бассейнах. Его проект переустройства водопровода был утвержден в 1853 г. Как и Максимов, Дельвиг хотел заменить Екатерининскую самотечную галерею чугунными трубами, но сечением не в 20 дюймов, как предполагал Максимов, а больше. Для этого надо было либо заказать за границей новые трубы, либо усилить напор воды в уже заказанных ранее Максимовым трубах. Дельвиг остановился на последнем способе, для чего поставил в Мытищах две водоподъемные паровые 10-сильные машины, посредством которых вода, поступавшая из ключей в устроенный под землею резервуар, перекачивалась в другой резервуар, расположенный на известной высоте, и уже отсюда она самотеком по трубам направлялась в Алексеевский резервуар. Разность уровней верхнего Мытищинского резервуара и нижнего Алексеевского составляла 24,5 фута (6,5 м), длина же чугунного водовода от Мытищ до села Алексеевского составляла 13 верст 129 сажен (13,9 км).

Уровень воды в водосборных бассейнах в Мытищах понизили на 2,5 фута (1,33 м).

На Алексеевской водокачке две старые 24-сильные машины были заменены двумя новыми 48-сильными машинами. Машины работали попеременно и подавали ежесуточно в Сухареву башню 500 тыс. ведер воды, для чего 10-дюймовые трубы были заменены 16-дюймовыми, а в Сухаревой башне к имевшемуся резервуару на 6500 ведер был добавлен новый на 7 тыс. ведер. В связи с этим городская сеть труб была увеличена на 19 верст (20,3 км), что вместе с прежними трубами составило 44 версты (46,9 км). Открытие нового Мытищинского водопровода состоялось 1 ноября 1858 г.

К этому времени водоразборных сооружений в городе насчитывалось 26, из них открытых фонтанов 21, закрытых водоразборных зданий 2 и водоразборных столбов 3. Разность уровней в резервуарах Сухаревой башни и в отдельных водоразборных бассейнах колебалась от 126 футов (38,4 м) в Пречистенском фонтане до 38 футов (11,7 м) в Триумфальном. Такого напора по тому времени было достаточно, так как не приходилось поднимать воду в многоэтажные дома, которых тогда было очень мало, а водоразборных домовых ответвлений почти не существовало. Таким образом, в 1858 г. весь Екатерининский водопровод из Мытищ — водосборные колодцы, водоводы в Москву и фонтаны — оказался замененным новыми устройствами и стал действовать удовлетворительно[67].

Часть Екатерининского водопровода, с 1823 г. доставлявшая из Сокольников по галерее воду в фонтан на Неглинной улице (около 40 тыс. ведер в сутки), сохранилась. Продолжали действовать и водопроводы в Замоскворечье из Краснохолмского водоподъемного здания, и водопровод из такого же Бабьегородского здания, дававшие в общем 100 тыс. ведер воды в сутки. Кроме них оставались старые общественные колодцы, некогда славившиеся своей водой: «Трехгорный» (близ Трехгорной заст.), «Вавилон» (в Малых Лужниках, близ Новодевичьего монастыря) и др.

Мытищинский водопровод после окончания в 1858 г. его переустройства давал 500 тыс. ведер воды в сутки да Краснохолмский — 100 тыс. ведер. Жителей в Москве считалось около 400 тыс. человек, так что на 1 жителя приходилось в среднем 1,5 ведра[68].

Кроме фонтанов и водоразборных колодцев, питавшихся мытищинской и москворецкой водой, по городу в это время были устроены и пожарные колодцы. Воды считалось настолько много, что в 1858 г. разрешено было всем желающим домовладельцам проводить ответвления в свои дома, платя за воду по типовому контракту на основании утвержденных 19 августа 1858 г. правил. Но к 1860 г. было всего несколько владений, присоединившихся к водопроводу, не считая Воспитательного дома, куда вода поступала из Варварского фонтана еще с 1846 г. План Москвы М. Рудольфа, изданный 5-м изданием в 1860 г., показывает распределение по городу сети водопроводных труб, фонтанов и водоразборных колодцев, а также пожарных колодцев. На полях плана вверху дается «Описание московских водопроводов (с плана инженера генерал-майора барона Дельвига)»[69].

В 1847—1856 гг. на Полянской площади был устроен утепленный колодец «для пожарных случаев», превращенный впоследствии в водоразборный колодец[70]. В 1848 г. на Самотечном бульваре был устроен новый колодец в виде большой чугунной вазы на основании из дикого камня[71].

В 1950-х годах на улице Разина (Варварке), между Хрустальным и Зарядьевским переулками, под мостовой, на глубине 1 м был обнаружен большой железный ящик, в который из Хрустального переулка шла по трубе малого сечения (1 дюйм) вода с Никольской улицы. Недалеко от его дна шла в Зарядьевский переулок трубка еще меньшего сечения. Это был искусственный пожарный колодец, постоянно имеющий запас воды, которую не могли дать обычные водопроводные краны.

Главная подающая магистраль нового Мытищинского водопровода шла по 1-й Мещанской улице, Сретенке, Лубянке, Никольской и проходила в Кремле по Арсенальной площади и Дворцовой улице.

Главная же распределительная магистраль шла от Сухаревой башни по Садовому кольцу, к западу доходя до Крымского моста, а к востоку — до Краснохолмского моста. В Замоскворечье магистраль по Садовому кольцу проходила от Нижней Краснохолмской улицы, у Малого Краснохолмского моста, до Калужской площади. По Бульварному кольцу — от Бабьегородского водоподъемного здания до Уланского переулка.

От нее шли ответвления — трубы по Знаменке до фонтана у Пашкова дома, по Моховой, Арбату, Серебряному переулку, Большой Молчановке, Кречетниковскому переулку и Новинскому бульвару до Кудринской площади.

От Садового же кольца ответвления шли по Тверской до Большого Чернышевского переулка и к Старой Триумфальной площади.

От Никольского фонтана одно ответвление шло по Театральному проезду и Театральной площади к фонтану на ней и далее к Воскресенскому фонтану напротив главных ворот Александровского сада. От фонтана же на Театральной площади — в Большой театр, в Челышевские бани, находившиеся на месте гостиницы «Метрополь», и в здание Присутственных мест. Другое ответвление от Никольского фонтана шло по Лубянскому проезду, Варварской площади, Китайскому проезду и Москворецкой набережной в Воспитательный дом, по дороге обводняя Варварский фонтан.

Летом 1856 г. мытищинская вода была проведена и в Кремлевский дворец. Для этого была взята часть воды из фонтана на Никольской площади и проведена в одну из башен близ Комендантского дома (Потешного дворца), откуда ручными насосами вода поднималась в бак, из которого текла в разные части дворца[72].

Новый Мытищинский водопровод охватил своей сетью далеко не все главные улицы внутри Садового кольца, а за ним, кроме северо-восточной части города, по которой проходили и старый и новый Мытищинские водопроводы, почти ничего. Большая часть населения как была, так и осталась без водопроводной воды и продолжала пользоваться старыми общественными и примитивными частными колодцами.

С 1858 по 1863 г. не было произведено ни одной значительной работы по увеличению водоснабжения Москвы.

В 1851—1856 гг. купцы Чижовы, Гусевы, Матвеев и Г. Мертваго пользовались водою Каланчевского канала (Сокольнического водопровода), проведя из него в свои дворы подземные трубы. Городская дума возбудила вопрос об обложении их за это сбором в пользу города[73].

В 1847—1857 гг. обсуждался вопрос об украшении фонтана на Воскресенской площади. Предполагалось использовать для этого скульптурную группу по модели известного скульптора И. П. Витали, на сю-

жет из древнего предания об отроке, спасшем город Киев от печенегов. По проекту у ног отрока должна была лежать русалка[74]. Но это не было осуществлено.

Как и прежде, в описываемый период очень плохо обстояло дело с санитарным состоянием Москвы. «Песчаная почва ее покрылась толстым слоем наносной земли, изобилующей органическими веществами; некоторые естественные водные источники: Самотека, Неглинная и другие или совсем исчезли, или до того загрязнились, что пришлось заключить их в деревянные и кирпичные галереи; вода рек Москвы и Яузы стала почти не годной к употреблению. Причиной такого состояния Москвы является в значительной степени загрязнение почвы вследствие дурной организации удаления из города нечистот. Единственным способом удаления их служил вывоз, неизбежно соединенный с более или менее продолжительным хранением нечистот и отбросов в выгребах и помойных ямах. Выгребные нечистоты и кухонные отбросы, грязная вода от стирки, из бань и т. п., в течение многих лет насыщая почву, заражали ее и являлись причиной развития в городе различных инфекционных болезней, дающих значительный процент смертности». Так писала уже в конце XIX века служившая в статистическом отделении Московской городской управы Е. Н. Каменецкая[75]. Но это было уже после того, как городская дума в 1861 г. за Пресненской, Трехгорной и Тверской заставами на выгонных землях отвела под свалки первые три участка площадью 20 десятин 356 кв. сажен[76]. До этого же нечистоты если и вывозились, то на огороды и пустыри внутри и вне городской черты, а большей частью вовсе не вывозились: после того как ямы в отхожих местах на дворах были заполнены, их забрасывали землею и копали новые ямы.

Вспомним, как описывает М. Е. Салтыков-Щедрин в «Пошехонской старине» въезд в Москву по Ярославскому шоссе, где в 1860—1890 гг. также были устроены свалки нечистот сразу же за городской чертой: «Москва была уже рукой подать. Верстах в трех полосатые верстовые столбы сменились высеченными из дикого камня пирамидами, и навстречу понесся тот специфический запах, которым в старое время отличались ближайшие окрестности Москвы.

— Москвой запахло! — молвил Олимпий на козлах.

— Да, Москвой... — повторила матушка, проворно зажимая нос.

— Город... без того нельзя! Сколько тут простого народа живет! — вставила свое слово и Агаша, простодушно связывая присутствие неприятного запаха с скоплением простонародья.

Но вот уже и совсем близко; бульвар по сторонам дороги просекся, вдали мелькнул шлагбаум, и перед глазами нашими развернулась громадная масса церквей и домов...

— Вот она, Москва — золотые маковки!»[77].

Водостоками, в которые сливали помои, банные и фабричные воды, служили текшие открыто, иногда даже внутри дворов, естественные протоки, выводившие свои воды в Яузу и Москву-реку. Жидкость в них часто застаивалась, отбросы гнили, и зловонный запах распространялся далеко по окрестностям.

Только в Кремле и в Китай-городе продолжали действовать старинные водостоки, выводившие под землей грязные воды в Москву-реку. В Белом городе и за ним даже большие ручьи, как, например, Черторый с Сивкой, текли открыто в обложенных досками или камнем канавах между мостовой и тротуаром. А большая часть ручьев текла в своих естественных руслах. Единственным взятым в подземную трубу

большим водостоком была Неглинная от Самотечной площади до устья. Другие протоки уводились под землю только на местах пересечения их с большими улицами.

В Москве тогда насчитывалось около 100 более или менее значительных протоков. Через них было переброшено 26 мостов: через Москву-реку 5 — Дорогомиловский, Крымский, Краснохолмский (целиком деревянные), Большой Каменный (действительно каменный) и Москворецкий (деревянный на каменных быках); через Водоотводный канал 3 — Чугунный (действительно из чугуна), Малый Каменный (действительно каменный) и Малый Краснохолмский (деревянный); через Яузу 7 — Матросский, Покровский, Госпитальный, Салтыков, Полуярославский, Введенский и Высокояузский (деревянные); странно, что в этом перечне, взятом из Отчета Московского обер-полицмейстера, не указаны каменные Яузский и Дворцовый мосты. Через Синичку 3 — Прачечный, Георгиевский и Шоссейный (все деревянные); через Чечору 3 — Денисовский, Елоховский, Вознесенский (деревянные); через Сусальный проток (р. Золотой рожок) 1 — Сусальный (деревянный); на протоке Красного пруда (Чечоре) 1 — Ольховский (деревянный); на Пресненских прудах (через Пресню) 3 (каменные)[78].

Старый Большой Каменный мост, построенный в 1686—1693 гг., к середине XIX века сильно обветшал. В 1857 г. он был разобран, и в 1859 г. на его месте был построен по проекту инженера Н. Н. Воскобойникова железный мост на каменных быках, который простоял до 1938 г.[79].

В 1859 г. фабриканты братья Алексеевы построили через Яузу деревянный мост от своей фабрики на левом берегу реки к Сыромятническому переулку[80].

Забота об устройстве улиц и их исправном состоянии, как и в XVIII веке, лежала на обязанности полиции.

Под городскими проездами наибольший процент площади был в центральных частях города: в Городской — 27,4%, Тверской — 23,5, Мясницкой — 21,3, Арбатской — 19,3, Пречистенской — 18,5, Якиманской — 18,1%. В Сретенской, Рогожской, Пятницкой, Яузской, Пресненской, Лефортовской, Басманной, Серпуховской и Сущевской частях под проездами было от 10 до 18%. В Мещанской и Хамовнической частях процент земли под проездами был ниже 10.

Ширина улиц определялась от 10 до 15 сажен. Но это соблюдалось лишь при устройстве новых улиц, да и то, если этому не препятствовали ценное здание или дорогостоящий участок земли, при существовании которых ширина улицы могла быть уменьшена. Старые же улицы оставались при той ширине, которая сложилась, и лишь при возведении на них новых зданий требовалось, чтобы они стояли на красной линии улицы.

Для осушения улиц от дождевой воды и тающего снега по сторонам улиц полагалось делать канавки, которые выкладывались булыжником, плитой, хорошо обожженным кирпичом и только в случае недостатка в этих материалах — деревом. Глубина и ширина канавок определялись длиной и рельефом улицы, но они должны были быть достаточными для пропуска воды. Канавки эти, очевидно, были открытые, так как через них требовалось делать мостики, вероятно деревянные, причем их, во избежание загрязнения, полагалось делать не только через самые канавки, а во всю ширину улицы, от одного дома до другого, стоящего напротив[81].

Улиц тогда в Москве было 234 (97 из них считались главными), пе-

реулков — 513. Большая часть их была замощена, кроме некоторых в отдаленных и малонаселенных районах города[82].

Площадей в Москве в 1846 г. было 54, и кроме них 4 «поля» — Сокольническое, Воронцово, Гороховое и Девичье. Торговых площадей считалось 41. Главнейшими из них были: Охотный ряд, Смоленский, Немецкий и Полянский рынки, Болотная и Дровяная площади.

В 1847—1855 гг., как мы уже упоминали, была спланирована, очищена от построек и замощена местность в Городской части, на Васильевской площади, а также устроены проезды от Варварской улицы к кремлевской стене, благодаря чему открылся вид с Москворецкого моста на храм Василия Блаженного.

В 1849—1859 гг. были открыты плац-парадные площади в Кремле (Царская и Императорская), а также на Театральной площади, напротив Большого театра, — середина этой площади была огорожена толстым канатом на столбиках.

В 1851 г. был уничтожен Фонтанный бульвар на Неглинной улице от Кузнецкого моста до Цветочной (Трубной) площади и замощено образовавшееся на его месте пространство. В 1848—1854 гг. была спланирована и замощена Цветочная площадь.

Мостовые тогда требовалось делать только каменные. Строились они за счет городской думы, для чего в ее ежегодную смету вносились определенные суммы, сперва для замощения главных улиц, а затем и второстепенных[83].

Содержание мостовых лежало на обязанности домовладельцев, для чего они обязаны были ежегодно вносить в городскую думу сбор по 20 коп. серебром с каждой квадратной сажени мостовой у своего дома[84]. Но под содержанием мостовой здесь разумелся только текущий ремонт ее, а очистка (подметание) и поливка мостовой продолжали составлять натуральную повинность домовладельцев. Лишь дома, выходящие на площади, были освобождены от сбора на содержание мостовой, которое здесь производилось за счет городской думы[85].

В течение 1846 г. было перемощено 64 066 кв. сажен мостовых и 12 497 кв. сажен тротуаров, из которых 11 777 кв. сажен — из дикого камня.

Разрешение строить тротуары из татаровского или лыткаринского камня было издано в 1843 г.[86]. В том же году было разрешено в отдаленных улицах и в Замоскворечье делать тротуары из шашек песчаника по способу, изобретенному де Монтье, а также использовать для тротуаров путиловскую (чугунную) плиту[87]. Разрешалось, с дозволения IV округа путей сообщения, употреблять для тротуаров и другой камень, лишь бы он был твердый и «от атмосферы не разрушительный»[88].

С 1843 г. тротуары на главных улицах стали устилать плитами из татаровского камня, в виде дорожки на каждом тротуаре, причем каждая из таких дорожек вдоль дома должна была быть соединена с такой же дорожкой соседей. За этим следила полиция. Укладывались эти дорожки в три-четыре плиты (размер каждой плиты был приблизительно 40×40 см), так что ширина дорожки получалась около 1,5 м.

Тротуары из лыткаринского или татаровского камня устраивались каждым домовладельцем у своего дома[89].

На тротуарах не дозволялось устраивать для входа в дома постоянные глухие тамбуры, но разрешалось делать над входами навесы на чугунных или железных колонках.

До начала 1850-х годов освещение улиц производилось исключи-

Зимнее катанье в Москве в 1850-х годах.

тельно конопляным маслом, если не считать нескольких десятков «спирто-скипидарных» фонарей, называвшихся «варшавскими» (конопляники назывались «полицейскими»). Конопляников в 1846 г. было 7723, «варшавских» — 98[90].

В 1848 г. в Петербурге и Москве проводился опыт освещения улиц спиртовым газом. Опыт прошел удачно, и было решено ввести это освещение в городах привилегированных губерний[91].

К 1862 г. число спиртовых фонарей достигло 2200; число конопляников несколько упало, приблизительно до 7 тыс. Затем сначала спиртовые фонари, а затем и конопляники начали заменять керосиновыми. К концу 1864 г. из 6469 уличных фонарей — 2292 фонаря были керосиновыми, а 4177 — масляники[92].

В 1852 г. были изданы правила «Об освещении уличных фонарей в Москве», которыми устанавливался срок освещения улиц с 15 августа по 15 апреля[93].

Однако уличное освещение Москвы оставалось неудовлетворительным, что вызывало справедливое недовольство населения. Предложения об улучшении освещения начали поступать от частных предпринимателей еще в 1849 г., но ни одно из этих предложений не получило движения до начала 60-х годов.

В 1861 г. майнцкий купец Дитерих и петербургские купцы Сименс и Гальске обратились к московскому генерал-губернатору с предложением об устройстве в Москве газового освещения. Это предложение в конце 1862 г. поступило на обсуждение преобразованной тогда Московской городской думы, но до конца изучаемого нами периода ничего сделано не было. Только в 1869 г., после устройства в 1865 г. газового завода, главные улицы Москвы начали освещаться вместо керосина газом.

В Москве в 1850-х годах существовал уже при Большом и Малом

театрах небольшой газовый завод, их обслуживающий. Он помещался в северной части здания Малого театра. В других частях города существовали и небольшие частные заводы. В 1850-х годах сжатый газ из них перевозили в баллонах, поставленных на кареты, в разные магазины Москвы. В 1859 г. был утвержден устав Общества сжатого переносного газа в Москве[94].

Москва середины XIX века изобиловала прудами, используемыми для поливки огородов, садов и других целей. Всего их было в 1846 г. 197, из них при обывательских домах — 163, при церквах, монастырях и общественных учреждениях — 15 и казенных (городских) — 19. К числу последних принадлежали: Верхний, Средний и Нижний Пресненские, Патриарший, два Самотечных, один при даче «Студенец», один при Полицейской больнице в Малом Казенном пер.; Красный, Сокольничий, Хапиловский, 3 Дворцовых (в Покровском дворце), два Прачечных близ Яузы, два при Слободском (Лефортовском) дворце и один — в Военном госпитале[95]. Очевидно, по ошибке в этот перечень не включен Чистый пруд, имеющийся на всех планах 1840—1860-х годов.

Исключая Москву-реку и Водоотводный канал, более или менее значительная площадь под прудами, речками и ручьями была в Лефортовской части — 19 десятин 407 кв. сажен, или 2% территории, в Сущевской части — 2 десятины 371 кв. сажень, или 0,3% территории, и в Рогожской части — 2 десятины 1573 кв. сажен, или 0,3% территории. В остальных частях такая площадь не превышала в каждой 1 десятины, а в Городской, Тверской, Пятницкой, Пречистенской, Арбатской, Яузской и Басманной частях ее вовсе не было.

Бульваров в 1846 г. считалось 19: 3 вокруг Кремля (Александровские сады), Неглинный, Пречистенский, Никитский, Тверской, Страстной, Петровский, Сретенский, Рождественский, Мясницкий (Чистопрудный), Покровский, Яузский, Трубный (Цветной), Екатерининский, Зубовский, Смоленский и «что близ парка» (аллеи на Петербургском шоссе близ Петровского парка).

Приведенные нами в приложении 13 данные о площади, занимаемой зелеными насаждениями, не отражают степени озелененности города, так как в «Указателе к плану г. Москвы», изданному в 1868 г., откуда они взяты, не учтены частные сады внутри строительных кварталов, занимавшие в то время еще значительное место, особенно в отдаленных частях города.

Под зелеными насаждениями, принадлежащими городу, наибольший процент территории был в Городской части (15,7%), главным образом в Кремле и вокруг Кремля, ибо тогда Александровские сады включались в Городскую часть. На втором месте (14,2%) стояла Лефортовская часть, в состав которой входила Анненгофская роща. Из остальных частей только Хамовническая имела 7,7% территории под садами и огородами, а другие — от 0,3 до 4,7% их территории. В Тверской же, Якиманской, Пятницкой и Пресненской частях совсем не было зеленых насаждений. Петровский парк был за чертой города.

Бань в Москве в 1846 г. было 35 (не считая домашних) — 5 городских и 30 торговых, т. е. частновладельческих. В них в течение 1845 г. мылось 3 487 544 человека. К числу крупнейших торговых бань принадлежали бани почетного гражданина Челышева, Пегова и купца Горячего в Тверской части, имевшие в 1846 г. 357 тыс. посетителей; купцов Смирнова и Белова в Пятницкой части — 100 357 посетителей; купцов Горячего, Волкова и Ваулова в Якиманской части — 263 тыс. посети-

телей; купца Шарапова в Серпуховской части — 102 330 посетителей и др.

Городской транспорт оставался в общем тем же, что и раньше. Лишь в 1860-х годах исчезли «калиберы», или «гитары», когда экипажные мастерские получили предписание полиции не вырабатывать более новых калиберов, а старые не чинить[96].

В 1847 г. в Москве впервые появились многоместные экипажи общественного пользования, ходившие по определенным маршрутам, — линейки. В этом году губернский секретарь Сезиневский и купец Астраков испросили в министерстве внутренних дел разрешение завести в Москве летние и зимние десятиместные экипажи для перевозки пассажиров по разным направлениям. В 1848 г. московский генерал-губернатор разрешил купцу Кудреватому с компанией тоже завести линейки, в которых возить пассажиров от Красной площади и Кремлевского сада по тем же линиям.

Первоначально линейки, ходившие по Покровке, отправлялись от здания Биржи на Ильинке, где имели стоянку. Но скоро из-за большого движения по улице стоянка была переведена на Красную площадь, к Лобному месту. В 1856 г. езда на линейках из-за тесноты улиц была запрещена по всему Китай-городу, и стоянка линеек была вновь перенесена, на этот раз к площади у Ильинских ворот, где они становились в один ряд от Ильинских ворот до Москвы-реки, вдоль боковой стены бывших тогда на месте теперешнего сквера деревянных Яблочных рядов[97].

Позже содержатели карет и других экипажей индивидуального пользования, в том числе троечных и четверочных экипажей и саней, тоже превратили свои экипажи в линейки. В конце 60-х годов в Москве насчитывалось уже 22 содержателя линеек, первое место среди которых занимали купец Ечкин и штаб-ротмистр Коронин.

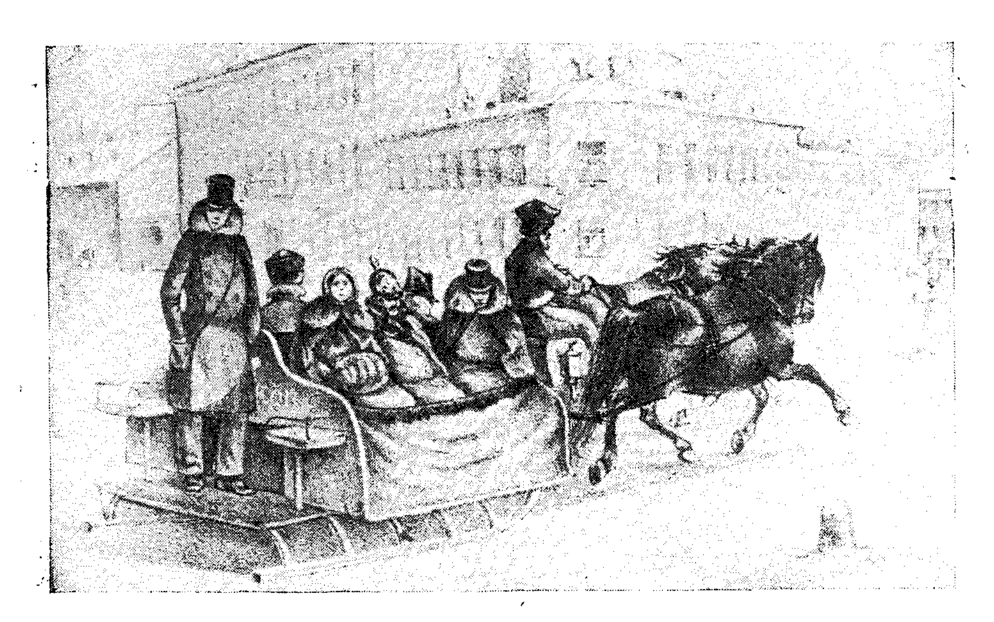
Первые линейки ходили до Покровского моста и Введенской площади[98]. Их нанимали также для сопровождения похоронных процессий, для езды на гулянья и других нужд.

В Петербург и другие города пассажиров перевозили на дилижансах и ямщицких тройках. Но в 1846—1851 гг. между Петербургом и Москвой была построена первая в России (не считая небольшой, построенной в 1837 г. между Петербургом и Царским Селом) железная дорога[99], которая постепенно убила промысел конной перевозки пассажиров между этими городами.

В задачу этой книги не входит описание строительства Петербургско-Московской железной дороги, в 1855 г. переименованной в Николаевскую. Скажем лишь, что дорога была построена по проекту и под руководством инженеров Мельникова и Крафта. Первый строил ее от Петербурга до станции Бологое, второй — от Бологого до Москвы. Дорога шла почти по прямой линии из Петербурга в Москву, как кратчайшей и наиболее выгодной при эксплуатации.

Дорогу фактически строили подрядчики, вербовавшие для работ окрестных крестьян. Рабочих было около 35 тыс. человек. Вследствие тяжелой работы, чрезвычайно антисанитарных условий труда и быта многие из них погибли. Для предотвращения среди рабочих волнений по поводу экономических условий труда было организовано особое железнодорожное жандармское управление во главе с генералом Белосельским-Белозерским. Управление состояло из 4 офицеров, 10 унтер-офицеров и 72 жандармов.

Первым пассажирским поездом должен был проехать из Петер-

Зимняя линейка в Москве в 1850 г.

бурга в Москву Николай I с семейством, чтоб отпраздновать 25-летие своего царствования[100]. За три дня до царского проезда дорогу подвергли последнему испытанию: по ней без всяких происшествий перевезли два батальона солдат — преображенцев и семеновцев. Только после этого в 4 часа утра 18 августа 1851 г. вышел из Петербурга царский поезд[101], прибывший в Москву на другой день, как тогда писали, «после полудня» (это означало — до 6 часов вечера). Это событие считалось началом движения по Петербургско-Московской железной дороге.

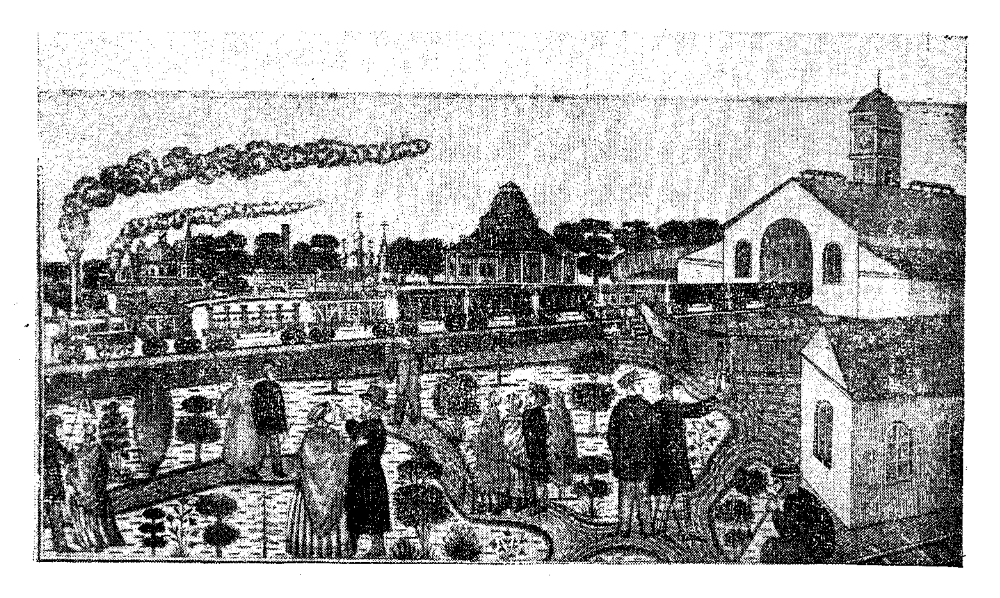
В 1861—1862 гг. была построена Нижегородская железная дорога, с вокзалом за Покровской заставой. В 1862 г. — Рязанская между Москвой и Коломной. В том же году — Ярославская между Москвой и Сергиевым посадом. Рязанский и Ярославский вокзалы, как и вокзал Петербургско-Московской дороги, были построены на Каланчевском поле[102]. Соединительная ветка Николаевской и Нижегородской железных дорог была разрешена в 1860 г. и вскорости была построена [103].

После открытия железной дороги между Москвой и Петербургом началось усиленное общение учреждений и отдельных лиц между этими городами. В 1854 г. был устроен между Петербургом и Москвой электромагнитный телеграф[104].

Движение экипажей и подвод по всем дорогам из Москвы в другие города затруднялось наличием у застав шлагбаумов и военных караулов у них. После Крымской войны, в 1857 г., эти шлагбаумы и караулы были сняты у всех застав, кроме Тверской, контролировавшей движение между Москвой и Петербургом[105].

Яркую картину облика Москвы в середине прошлого века дает в своих воспоминаниях современник, видный судебный деятель, профессор Н. В. Давыдов, давший Л. Н. Толстому тему для романа «Воскресение» и помогший ему правильно описать подробности суда над Катюшей Масловой. Приводим выдержку из его воспоминаний[106]:

«Переносясь мысленно к детским годам моим, я отчетливо вижу

«Вокзал и поезд Петербургско-Московской железной дороги» (лубок). 1850-е годы.

былую Москву... вижу, как громадно она изменилась с тех пор (1850-х годов. — *П.С.*); теперь (в начале XX века. — *П.С.*) благодаря массе вновь построенных и переделанных домов разве две-три улицы в Замоскворечье напоминают несколько внешний вид старой Москвы...

В то время небольшие деревянные, часто даже неоштукатуренные дома и домики, большей частью с мезонинами, встречались на каждом шагу, и не только в глухих переулках, но и на улицах. В переулках с домами чередовались заборы, не всегда прямо державшиеся; освещение было примитивное — гарным маслом, причем тускло горевшие фонари, укрепленные на выкрашенных когда-то в серую краску деревянных неуклюжих столбах, стояли на большом друг от друга расстоянии. Благодаря этому и более чем экономному употреблению в дело фонарного масла, которым не малое количество людей кормилось, не в буквальном, конечно, смысле, в Москве по ночам было решительно темно, площади же с вечера окутывались непроницаемым мраком. Грязи и навозу на улицах, особенно весною и осенью, было весьма достаточно, так что пешеходы теряли в грязи калоши, а иной раз нанимали извозчика специально для переправы на другую сторону площади; лужи, бывало, стояли подолгу такие, что переходить их приходилось при помощи домашними средствами воздвигнутых мостков и сходней.

Полиции на улицах было немного, но зато представители ее, как высшие, так и низшие, были классически хороши, типичны и интересны. То было время «хожалых» и «будочников» (в начале 1860-х годов в Москве их было 1640. — *П.С.*), настоящих будочников, т. е. людей, живших, действительно, в будках; будки были двух родов — серые деревянные домики и каменные, столь же малого размера, круглые здания вроде укороченных башен, первые — темно-серого цвета, а вторые, помнится, белые с светло-желтым. Внутри будок имелось обычно одно помещение, иногда с перегородкой, большую часть которого занимала русская печь. Иногда, если будка стояла, например, на бульваре, около нее ставилось нечто вроде заборчика, и получался крошечный дво-

рик, в котором мирно хозяйствовала супруга хожалого, висело на веревках, просушиваясь, белье, стояли принадлежности домашнего обихода и даже прогуливались куры с цыплятами*.

...Вид самих будочников был поразительный, — продолжает Давыдов, — одеты они были в серые, солдатского сукна, казакины, с чем-то, кажется, красным на вороте, на голове носили каску с шишаком, кончавшимся не острием, как на настоящих военных касках, а круглым шаром. При поясе у них имелся тесак, а в руках будочник, если он был при исполнении обязанностей службы, держал алебарду, совершенно такую, какими снабжают изображающих в театральных представлениях средневековое войско статистов. Орудие это, на первый взгляд и особенно издали казавшееся страшным, а в действительности очень тяжелое и неудобное для какого-либо употребления, стесняло, конечно, хожалых, не обладавших крепостью и выправкой средневековых ландскнехтов, и они часто пребывали без алебарды, оставив ее или у своей будки, или прислонив к забору...**

Будочники были безусловно грязны, грубы, мрачны и несведущи, да к ним никто и не думал обращаться за справками, совершенно сознавая, что они лишь живые «пугала» для злых и для добрых, специально приспособленные для того, чтобы на улицах чувствовалась публикой и была бы воочию видна власть предержащая, проявлявшаяся в том, что учинивший какое-либо нарушение обыватель, впрочем, не всегда и не всякий, а именно глядя по обстоятельствам и по лицам, «забирался» в полицию... Количество имущественных преступлений было не так уж велико, и они сводились главным образом к карманным и другим кражам и грабежам. Иные местности Москвы пользовались в этом отношении дурной славой, и перебираться одному через площади ночью было небезопасно, во всяком случае, приходилось рассчитывать на одного себя.

Дом, в котором жила наша семья, стоял на не существующей теперь больше Сенной площади: на ее месте разбит теперь большой сквер, примыкающий к Страстному бульвару; площадь шла от Екатерининской больницы вплоть до Страстного монастыря и была тем более пустынна, что одной стороной она граничила с бульваром. Я хорошо помню, как иногда при наступившей темноте, но даже еще не поздно вечером, с площади доносились крики: «Караул, грабят!», и от нас более храбрые выбегали на площадь, а менее мужественные отворяли форточки и возможно внушительно и громко возглашали: «Иде-е-м!»

...Площадь наша не напрасно носила название Сенной: два раза в неделю зимой и летом она еще накануне с вечера и рано утром уставливалась рядами возов соломы и сена... А раз в год на площади устраивалось народное гулянье.

...Бульвары того времени находились в большом запущении и были совершенно предоставлены собственной судьбе... травы и газонов никогда не бывало на бульварах».

Особенно неблагоустроенными были улицы, площади и переулки рабочих окраин Москвы. Их так описывает в своей книге уже цитированный нами Н. Скавронский:

Рогожская часть. «Сейчас же у Яузского моста местность эта начинается развалинами с обеих сторон, с лепящимися рядом будкой и по-

---

* Такая деревянная будка еще в 1930-х годах стояла в конце Никитского бульвара, а каменная круглая доныне стоит у Трехгорной заставы. — *П. С.*

** С 1856 г. будочники в Москве перестали носить алебарды.— *П. С.* [107].

Московский будочник с алебардой.

луразвалившимися воротами... Достойно заключив свой путь и переход... в страну заречную Яузским мостом и окружающими его прелестями, полюбовавшись на текущую красками лужу — Яузу... въезжаешь в другой, маловедомый мир, и каково должно быть удивление новичка, когда вместо всего дряхлеющего, как в его воображении укладывается поначалу старый мир, он, во всю длину Таганской и Рогожской, куда бы ни поехал, встречает большие, богатые каменные палаты, широкие улицы, обширные площади с длинными рядами лавок, высоко возносящиеся церкви, особенно громадный их размер и богатство обстановки, и новое, для него непонятное, вдруг охватывающее затишье... Что же это такое? — спрашивает он, — это что-то такое странное, что-то особенное...

Это Таганка, это Рогожская, это место жительства зажиточных людей...

Вот богатая, широкая и длинная Большая Алексеевская — с громадным храмом Мартина Исповедника; вот и Малая: они встречаются у Рогожского рынка, к которому примыкает Тележная с характерным бытом ямщиков; вот грань другого мира, других идей — Новоблагословенная, с недальним от нее Рогожским кладбищем; вот нищета, прикрываемая богатством, лохмотья под богатой лисьей шубой, Дурной переулок и воксал за Большой Алексеевской.

Окруженный стаею собак, по пустынно-грязным, темным улицам добрался я в первый вечер к месту моего пребывания. На дворе был час 9-й в половине вечера, кругом все заперто, почти все окна домов глядели темно и мрачно под блеском стекол; светились только одно-два из них, и то едва заметным слабым светом лампады пред угловыми образами. Пока мне собирались отворить, я еще пристальнее вглядемся в широкую, длинную улицу — ни души! Огромные, почти все каменные дома, тяжелые ворота на запоре, темные окна, широкая улица... вся обстановка большого столичного города и при этом мертвая тишь действуют очень сильно...

Сравнение играет при этом самую важную роль; так, даже наш шумный Петербург кажется смиренным при въезде в него из-за границы; Москва уступает в движении Петербургу... но спускаясь все ниже и ниже по ней, хотя бы от Ильинских ворот к Варварским и потом от них к Солянке и Яузе и, наконец, достигая Рогожской, чувствуешь, как будто погружаешься все глубже в воду... и когда за мной открылись и закрылись ворота, невольно как-то подумалось: «Ну, теперь накрыла последняя волна, и я на дне реки».

Меня встретили две собаки — одна цепная, другая вольная, встретили и проводили громким лаем. Двор зарос травою, в стороне лежала налитая доверху помойная яма, посредине было вырыто что-то вроде погреба с низенькою над ним деревянною постройкою, окрашенною в дикую краску, в стороне стояли ветхие сараи, оштукатуренные, с деревянными затворами, выкрашенные также дикой краской. Мельком взглянув на все это, я взошел на крыльцо, на ступенях которого стояла лужами вода, взошел в комнаты, и уже вполне почувствовал, что я среди нового, мне неведомого мира.

...Обратим внимание на обстановку быта, на, так сказать, общественные учреждения. Мне прежде всего пришлось увидать их. Самым общественным мне показались: трактир, кабак, полпивная лавочка, мелочная лавочка, булочная, цирюльня. Трактиров попадалось во множестве, особенно на обширных Рогожском и Таганском рынках; кабаков не менее трактиров; мелочные или овощные лавки занимают третье

место, и многие из них смотрят большими лавками, при некоторых и винные погребки; цирюльни немногочисленны и крайне грязны, за исключением одной-двух, не более, булочные, содержимые немцами, являются самыми цивилизованными местами.

Из общественных мест, которых значение я не нахожу нужным раскрывать в его полном смысле, остается еще одно — бани. Странно как-то действует на вас, когда, оглядываясь кругом на таком значительном пространстве, не встречаешь ни театра, ни одной книжной лавки, ни библиотеки, ни кондитерской с газетами, как это уже довольно повсеместно развилось, не говоря про европейские города, даже в Петербурге, наконец, ни одного журнала, и очень редки «Московские ведомости» в многочисленных трактирах.

Театр в Рогожской уже был. Старожилы помнят даже место его и то, что в нем разыгрывались «разговорные пиесы»... Это был воксал... Антрепренером сего предприятия был иностранец Медокс... Человек, бывший еще зрителем этого театра и заслуживающий полного доверия, сообщил нам, что здание это нисколько не было похоже на то, что у нас в настоящее время называется воксалом, хотя бы, например, на полуразрушенное здание в Петровском парке. Это был театр в полном и собственном значении этого слова...

...Лефортовская часть принадлежит к числу самых обширных и населенных частей в Москве: в ней считается до 40 000 жителей; она разделена на 7 кварталов, в состав которых входит село Черкизово и деревня Богородское — любимый приют москвичей в летнее время. Вместе с тем в ней же самое большое число и более значительных московских фабрик. Следовательно, часть эта имеет не только двойной, но, так сказать, тройной интерес: в ней городское сословие сталкивается с сельским и между ними ютится во множестве самостоятельный класс — не городской житель и, вместе с тем, уже не селянин.

...В жизни Москвы вообще мало еще удобно приноровленных удовлетворений даже первым потребностям жизни. Недостаток их осязателен еще в самых, так сказать, просвещенных частях города; в некоторых же отдаленных, как, например, в Лефортовской, это удовлетворение становится невыносимо тяжелым.... особенно в жизни класса недостаточного, который, по дороговизне квартир в центральных частях города, ютится большей частью по закоулкам и местам отдаленным, прилегающим к полю, к заставам, с еще памятным всем при них шлахбаумом и караулом.

В Лефортовской части нет ни одного бассейна чистой, здоровой воды; много улиц ее совсем не вымощены; эти грязные, непроходимые пространства занимают целые кварталы... В ней нет ни одной аптеки, множество переулков совсем не освещены, наконец, нет ни одной воскресной школы. Этого пока довольно, чтобы заняться рассмотрением положения этой части.

Вода. Бог наделил Лефортовскую часть маленькой, узкой речкой, слывущей у нас под именем Яузы; фабриканты превратили ее в разноцветную, вонючую лужу; пить из нее нет никакой возможности, особенно летом; если развитие фабричного дела пойдет все кресчендо, то она в скором времени будет способна породить заразу; и теперь уже немало способствует развитию ежегодно нас посещающей холеры...

Пить из нее, как мы сказали, нет возможности; обыватели принуждены или довольствоваться колодезною водою, или, наконец, покупать воду у г. Крюкова, который, в свою очередь, берет колодец на откуп у Приказа Общественного Призрения. Крюкову каждый дол-

жен платить в год от 10 до 25 руб., хотя не каждый из бедных людей в состоянии сделать это; а потому представляем судить, что и как принуждены пить люди недостаточные, у которых нет колодцев с чистою водой и нет средств купить себе здоровой воды...

Улицы... Грязь, которая бывает ежегодно весной и осенью на немощеных улицах Лефортовской части, превосходит всякое приличие. Обращаем внимание в этом отношении на Преображенское, замечательное по многим историческим воспоминаниям, а теперь особенно сильною мануфактурною промышленностию. Так называемая Генеральная, или Большая Преображенская, улица, соединяющая Преображенское через Покровский мост собственно с Москвою (т. е. современная Электрозаводская улица. — *П.С.*), большую часть этого времени буквально не только непроходима, но даже и трудно проезжаема. Обставленная с одной стороны богатыми фабриками, а с другой — бедными лачугами и небольшими деревянными домиками, она в распутицу представляет подвижное болото, наполненное жидкой грязью, с ямами и подводными возвышениями. Экипажу, и особенно бедному ваньке, которого чаще всякого другого закидывает сюда судьба или, скорее, недостаточность обывателей, жутко переехать это немалое пространство: его качает из стороны в сторону, лошадь то уходит по колено в жидкость, то подымается, в то время как погружается экипаж. Еще любопытнее наблюдать обозы с товаром, которые в последнее время ездят через Сокольницкое поле, мучаются особенно много, пока доедут до мостовой, ведущей к Сокольникам; пешеходу тоже невесело пролагать себе путь. Тротуаров на этих пространствах также нет. Нечего уж и говорить о прелестной картине весеннего и осеннего вечера в этих прекрасных местах: она, при господствующей системе освещения, восхитительна! Приходилось не раз проезжать мне их этой порою, припоминались мне... дальние кварталы Лондона, которыми у нас пугают воображение дам; прошли довольно ясно передо мною улицы, ведущие к многочисленным фабрикам, пивоварням и пр., — раем показались они мне перед этой трясиною!.. Только часть зимы да знойное лето устанавливают у нас средство сообщения даже в Москве; а в остальное время и климат, и обычаи, и хозяйственное управление создают неодолимые препятствия и если не прерывают, то замедляют все сообщения, отодвигают по крайней мере на 10 верст и театр, и книгу, и живую речь постороннего посетителя; семейных людей замыкают в ограниченный неисходный круг семьи, бездомному фабричному предоставляют один кабак да грязнейшие в мире трактиры в утешение.

Призадумаешься и над непредвиденными расходами русской мануфактурной промышленности: она не только большую часть материала и вспомогательных продуктов получает из-за моря, но должна еще и готовое свое перевозить чуть не через целое море грязи и слякоти»[108].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В четырех главах этой книги мы на основании изучения архивных материалов и литературных источников изложили в хронологическом порядке фактические данные о пожаре Москвы в 1812 г., о планировке, застройке и благоустройстве (инженерном оборудовании) Москвы за 1812—1825 гг., за 1825—1843 гг. и за 1843—1862 гг. Говоря о каждом из этих периодов, мы давали вначале краткую общую картину жизни Москвы, преимущественно промышленной, торговой и отчасти общественно-культурной.

Сообщим вкратце сведения об образовании, науке и культуре Москвы за 1812—1862 гг., поскольку они, несомненно, влияли на планировку города, его застройку и благоустройство.

Во главе образования в Москве стоял Московский университет, основанный в 1755 г. В 1804 г. он получил устав, весьма повысивший его роль как основного центра науки и культуры в России. Университет получил некоторую автономию в назначении своего ректора, проректора, деканов и профессоров, которые лишь утверждались затем министерством. Университет ведал и судом по университетским делам над профессорами и студентами[1]. По уставу 1804 г., университет имел четыре факультета: 1) нравственных и политических наук, 2) физических и математических наук, 3) врачебных, или медицинских, наук и 4) словесных наук. Срок обучения в университете был установлен трехлетний.

В 1812 г. профессора и студенты были эвакуированы на один год из Москвы в Казань. Библиотека и имущество университета, а также многие частные коллекции профессоров погибли во время пожара и грабежей.

Николай I косо смотрел на Московский университет, считая его крамольным. В 1825 г. права университета были в значительной степени ограничены, и он был отдан под надзор попечителя Московского учебного округа генерал-майора А. А. Писарева, стремившегося превратить университет в казарму[2].

Все же студенты собирались в кружках, где оживленно обсуждали не только научные, но и политические вопросы. Из таких кружков наиболее известны кружки Н. В. Станкевича, В. Г. Белинского и А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

Воспитанниками Московского университета в первой половине XIX века были крупнейшие деятели русской науки и культуры — Грибоедов, Лермонтов, Белинский, Герцен, Огарев, Тургенев, Гончаров, Соловьев, Грановский, Пирогов, Ушинский, Сеченов и многие другие[3].

В июле 1835 г. был опубликован новый университетский устав, отдавший Московский университет под власть попечителя округа, лишивший университет автономии и прав ученой корпорации. Университетский суд был уничтожен. Для облегчения надзора за студентами для них была введена обязательная форма одежды. Создано было новое деление университета на три факультета: философский с двумя отделениями — филологическим и математическим, юридический и медицинский[4]. Из числа преподаваемых предметов были исключены политическая экономия и статистика.

Примерно в эти же годы для расширения университетских помещений было приобретено у Пашковой соседнее с университетом здание. В связи с требованием от студентов обязательного посещения ими церкви в 1836 г. в этом владении, в бывшем манеже на углу Моховой и Большой Никитской улиц, была построена архитектором Е. Д. Тюриным церковь Татьяны.

В 1848 г. плата за обучение в университете была повышена почти на 50%, а в апреле 1849 г. число своекоштных студентов было сокращено до 300 человек. Из учебного плана юридического факультета были изъяты естественное право и государственное право, а также запрещены поездки за границу с научной целью из опасения «революционной заразы».

Несмотря на все эти меры правительства, значение Московского университета в развитии русского общества росло. Увеличивалось и число студентов. К блестящей плеяде старых профессоров университета прибавилось много новых славных имен: Д. М. Перевощиков (астроном и физик), М. Ф. Спасский (физик и метеоролог), И. Е. Дядьковский (физик, химик и ботаник), М. Г. Павлов (физика и сельское хозяйство), Г. Е. Щуровский (геолог и минералог), А. М. Филомафитский (медик), К. Ф. Рулье (естествоиспытатель), С. М. Соловьев (историк), Т. Н. Грановский (историк), Ф. И. Буслаев (филолог), Н. И. Пирогов (хирург), Ф. И. Иноземцев (хирург, терапевт и невропатолог) и ряд других[5].

В 1804 г. при Московском университете были учреждены «Общество истории и древностей российских» и «Общество испытателей природы». В 1805 г. создано «Общество соревнователей врачебных и физических наук». В 1811 г. было открыто «Общество любителей российской словесности».

«Общество истории и древностей российских» опубликовало весьма ценные летописи и древние акты, послужившие материалом для создания истории России.

Большую роль сыграло также «Общество испытателей природы», давшее плеяду замечательных русских ученых, известных всему миру.

В 1819 г. возникло «Московское общество сельского хозяйства». Оно содействовало улучшению различных отраслей земледелия, внедрению сельскохозяйственных машин, выведению новых пород скота и улучшенных сортов злаков. Обществу принадлежал Бутырский хутор, где имелись опытные земельные участки, засеянные улучшенными семенами, дворы улучшенных пород скота[6].

В ведении Московского университета до 1835 г. находились гимна-

зии, уездные и народные училища. Университет способствовал поднятию в них методов преподавания и воспитания учащихся.

Могучим средством народного просвещения был в Москве театр. Единственный московский публичный театр Медокса сгорел в 1805 г., но в конце этого же года его труппа была принята на казенную сцену и стала давать спектакли в различных помещениях Москвы. В 1807—1808 гг. для этой труппы архитектором К. И. Росси был построен большой деревянный театр на Арбатской площади. Однако он сгорел в первые же дни после прихода в Москву французов. После ухода наполеоновской армии казенная труппа играла в наемных помещениях, последним из них был дом Пашковой на углу Моховой и Большой Никитской. Только в 1824—1825 гг. труппа перешла отсюда в новые здания только что построенных казенных театров — Большого и Малого.

В 1840 г. здание Малого театра было перестроено и расширено архитектором К. А. Тоном, а в 1856 г., после пожара 1853 г., был перестроен архитектором А. К. Кавосом и Большой театр.

В этих театрах играли замечательные актеры: П. С. Мочалов, М. С. Щепкин, чета Садовских, В. И. Живокини, И. В. Самарин, Д. Т. Ленский и другие. В репертуаре Малого театра в середине XIX века любимейшими пьесами становятся пьесы А. Н. Островского. На эти спектакли стекалась вся Москва, особенно купцы и мещане.

В Большом театре лучшими певцами в то время были: Н. В. Лавров, А. О. Бантышев, О. А. Петров, Н. В. Репина. Балет возглавлял А. П. Глушковский, из танцовщиц выделялись талантливые балерины Е. А. Санковская и П. П. Лебедева.

Частные театры вельмож к 1860 г. почти прекратили свое существование. Частные же публичные театры возникли только в 1880—1890-х годах.

Большое влияние на культурную жизнь Москвы оказывала русская литература, особенно расцветшая в эти годы. Создали свои лучшие произведения А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. А. Крылов, Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, С. Т. Аксаков, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. И. Герцен, Н. А. Некрасов и другие. Начали свою литературную деятельность И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, И. А. Гончаров, А. Ф. Писемский и другие. Такого обилия первоклассных литераторов Россия ранее не имела.

В первой половине XIX века Москва являлась ареной борьбы двух направлений культуры — старого, реакционного, защищавшего устои самодержавно-крепостнической России, и нового, прогрессивного, пробивавшего путь передовым идеям. Образы Москвы и москвичей, рожденные художественной литературой той эпохи, носят на себе печать этой борьбы. В 20-х и 30-х годах наибольшей популярностью пользовались «Горе от ума» Грибоедова и «Евгений Онегин» Пушкина.

В оживлении литературной жизни Москвы тех лет сыграла большую роль московская молодежь. Чтение Пушкиным «Бориса Годунова» у Соболевского и Веневитинова вызвало всеобщий восторг. В центре литературной жизни Москвы 20-х годов были Д. В. Веневитинов, С. Е. Раич, В. Ф. Одоевский, И. В. Киреевский и другие. Образовался литературный салон у Зинаиды Волконской.

В 20—30-х годах в Москве издавались журналы: «Вестник Европы», «Московский вестник», «Галатея», «Атеней», «Телескоп» и др. Как правило, журналы были недолговечны. Наиболее распространенной газетой были «Московские ведомости».

Значительное влияние на культуру города оказывали живопись и

скульптура. В первой половине XIX века в высших кругах общества было модно заказывать портреты у известных художников. Благодаря этому мы теперь видим в Третьяковской галерее портреты виднейших писателей и общественных деятелей того времени. Многие картины художников изображали внешний вид города и его быт. Из московских художников того времени наиболее замечательны В. А. Тропинин, А. Г. Венецианов, П. А. Федотов и скульптор И. П. Витали.

В 1833 г. в Москве были созданы Московские художественные классы, в 1843 г. преобразованные в Училище живописи и ваяния. Позже в училище влилась Кремлевская школа зодчества, и с той поры оно стало называться Московским училищем живописи, ваяния и зодчества. Это училище выпустило из своих стен много прекрасных художников, творивших во второй половине XIX века[7].

Наиболее тесную связь с планировкой, застройкой и благоустройством Москвы имела архитектура. В 1812—1825 гг., когда Москва только еще отстраивалась после пожара 1812 г. и в ней шло массовое строительство, на него влияла Комиссия для строений в Москве, в которой оформлением фасадов домов ведал архитектор О. И. Бове, ученик М. Ф. Казакова, унаследовавший от своего учителя склонность к мягким, интимным формам классического зодчества. О. И. Бове построил на Красной площади Верхние, Средние и Нижние торговые ряды, связав их между собою общностью замысла и единством архитектурных мотивов. Эти ряды положили в Москве начало единому оформлению целых частей города[8]. Единство архитектурного оформления было особенно заметно в Арбатской и Пречистенской частях города, где до сих пор сохранились великолепные образцы архитектуры того времени.

Другим талантливым учеником М. Ф. Казакова был Доменико Жилярди. Его привлекало в наследии Казакова не интимное и нежное, а сила, величие и строгость. Творчество Д. И. Жилярди по духу и выражению было родственно творчеству петербургского архитектора К. И. Росси, хотя имело несколько иной оттенок. Лучшим образцом творчества Д. И. Жилярди является перестроенный им в 1819 г. Московский университет. Из других памятников, оставленных этим зодчим, наиболее значительны усадьба Усачевых на Земляном валу (ныне санаторий «Высокие горы»), дом Луниных на Суворовском бульваре (№ 12) и здание Опекунского совета на Солянке (теперь здесь Академия медицинских наук).

Это последнее здание Жилярди соорудил вместе со своим постоянным напарником А. Г. Григорьевым. А. Г. Григорьев — архитектор-самоучка — вносил в произведения своего собрата ту мягкость, которая была одной из наиболее характерных особенностей архитектуры Москвы начала XIX века[9]. К единоличным творениям А. Г. Григорьева относятся два великолепных особняка на Пречистенке — дом № 12, бывший дом Хрущевых (теперь здесь Музей А. С. Пушкина), и дом № 11, построенный для Лопухина (ныне Музей Л. Н. Толстого).

В течение 1820—1830-х годов московские улицы украсились высокими зданиями новых церквей и колоколен. Они, как и в старину, обычно занимали места на изгибах и поворотах улиц. Их стройные формы были далеко видны на светлом фоне неба в глубине улиц, завершая их перспективу, — такова, например, церковь Большого Вознесенья за Никитскими воротами[10].

После 1834 г. «формы классицизма стали видоизменяться, теряя свое совершенство и обаяние. С одной стороны, в архитектуру стали

проникать, сперва почти незримые, элементы сухости; с другой — строгие лепные детали, восходившие к прекрасным образцам античности, насыщались мелочными, прихотливо изгибающимися завитками, возрождавшими формы былого барокко»[11].

Новые экономические и политические условия жизни существенно изменяли облик города. Выразителем этих новых условий в зодчестве был архитектор К. А. Тон. Образцами излюбленного Тоном смешения древнерусского стиля с византийским явились построенные им Большой Кремлевский дворец, Оружейная палата и храм Христа Спасителя у Пречистенских ворот.

Архитектор М. Д. Быковский, работавший в 40—50-х годах XIX века, применял в своих зданиях уже стиль ренессанс. В этом стиле им были построены стены и колокольня Страстного монастыря и церковь Троицы у Покровских ворот.

Ученик М. Ф. Казакова Е. Д. Тюрин известен постройкой павильонов в Нескучном саду, церкви Татьяны при новом здании университета (на Моховой ул.) и собора на Елоховской площади. Хотя каждое из этих зданий, взятое в отдельности, представляет собой определенное художественное произведение, все же Е. Д. Тюрин не вырос в крупного мастера[12]. В своих постройках он близок к стилю ренессанс.

Москва уже к 30-м годам прошлого века в значительной степени залечила раны, нанесенные ей пожаром 1812 г. Взору открывался большой город, хранивший памятники старины и в то же время блиставший прекрасными зданиями архитекторов — достойных продолжателей традиций своих великих предшественников[13].

Население Москвы за 50 лет после нашествия французов изменялось следующим образом. В 1811 г., по отчету обер-полицмейстера, оно исчислялось в 275 тыс. человек[14]. Во время нашествия французов оно упало до 10 тыс. человек и восстановилось в довоенном числе лишь к концу 20-х годов XIX столетия. В 1830 г. в Москве считалось, по данным «Статистической записки о Москве» В. Андросова, 305,6 тыс. человек[15], а в 1859 г. численность населения Москвы доходила уже до 379,3 тыс. человек[16].

Если бы не было нашествия на Москву французов, то численность ее населения, несомненно, была бы большей. Это можно видеть из сравнения числа жителей Москвы и Петербурга за эти же годы. Петербург в 1810 г. имел 291 тыс. жителей. Не пережив нашествия врага, он в 1830 г. уже исчислял свое население в 435,5 тыс. человек, а в 1860 г. — 506,6 тыс.[17]. Как видим, превышая Москву по численности населения в 1810—1811 гг. всего на 16 тыс. человек, Петербург, нормально развиваясь, к 1860 г. превышал Москву по населению уже на 127,2 тыс. человек. Можно сделать вывод, что Москва из-за нашествия французов потеряла за 50 лет более 100 тыс. человек населения.

Закончим нашу книгу сжатым общим обзором Москвы, причем не будем указывать ни авторов, ни годов постройки тех зданий, о которых уже упоминали в книге, а будем давать такие справки лишь для тех зданий, о которых прежде не говорили.

КРЕМЛЬ

Перед пожаром 1812 г. прямой улицы между Боровицкими и Спасскими воротами не было. Между Боровицкими воротами и тем местом, где теперь юго-западный угол Большого Кремлевского дворца, стояла церковь Иоанна Предтечи на Бору, построенная Алевизом в 1509 г. на месте самой первой, деревянной, церкви в Москве того же

названия, построенной в 1156 г., которая в XIV веке была заменена каменной. Алевизовская церковь была снесена в 1846 г., когда заканчивалось строительство Большого Кремлевского дворца, так как она заслоняла вид из дворца на запад Замоскворечья.

За алевизовской церковью на месте Большого дворца находился старый дворец, построенный В. В. Растрелли еще в 1750-х годах и к 1812 г. очень обветшавший. От него до бровки склона к Москве-реке шел запущенный регулярный сад. Налево от Боровицких ворот стояли старые конюшни и небольшие домики.

В 1862 г. на месте старого дворца стоял уже нынешний Большой Кремлевский дворец, на месте же конюшен — современное здание Оружейной палаты, между которыми была образована площадь; в конце ее, на высоте третьего этажа, дворец и палата были соединены крытым переходом, в котором находился зимний сад.

Между Боровицкими и Троицкими воротами эту площадь продолжала Комендантская улица, по левой стороне которой в 1862 г. сохранялись стоявшие и до пожара 1812 г. Потешный дворец и другие дома, по правой же стороне были построены жилые здания, так называемые Кавалерские корпуса.

Площадка между дворцом и Оружейной палатой была отделена от современной Боровицкой улицы высокой железной решеткой с воротами посередине. Такой же решеткой была отделена от Боровицкой улицы и Соборная площадь, находившаяся к востоку от дворца и выложенная каменными квадратными плитами. Ее очертания и здания на ней (соборы, Грановитая палата, Красное крыльцо) в 1862 г. были те же, что и до 1812 г.

На Ивановской площади возле колокольни Ивана Великого с 1735 по 1836 г. находилась большая яма, в которой лежал Царь-колокол, весом 60 т, раскаленный пожаром 1737 г. и давший осколок весом 11,5 т. Только в 1836 г. архитектор А. А. Монферран поднял колокол с осколком и поставил на гранитную площадку, на которой он стоял в 1862 г., как стоит и ныне.

По восточной стороне Ивановской площади как в 1812, так и в 1862 г. стоял Чудов монастырь с домом митрополита Платона на южном конце его. В 1812 г. дом был двухэтажным, в 1824 г. его надстроили третьим этажом.

От Ивановской площади до Троицких ворот находилась Троицкая площадь. По западной стороне ее как в 1812, так и в 1862 г. стояло здание Оружейной палаты, построенное в 1807—1810 гг. архитектором И. В. Еготовым, но в 1852 г. переделанное в казармы со снятием с него всех украшений. После 1812 г. возле этого здания были поставлены древние русские артиллерийские орудия, которые стояли здесь и в 1862 г.

По восточной стороне Троицкой площади стоял и в 1812 и в 1862 гг., как стоит и ныне, Арсенал. В 1830-х годах вдоль главного фасада Арсенала были положены на особых подмостках 879 пушек, отбитые у войск Наполеона в 1812 г. Вдоль лицевой стороны Арсенала, обращенной к югу, шла до Никольских ворот Сенатская площадь. Напротив Арсенала на ней стояло здание Сената (ныне дом Совета Министров СССР).

К востоку от Ивановской площади до Спасских ворот идет Спасская улица. До 1817 г. на грани ее с Ивановской площадью стояла древняя церковь Николы Гостунского, но в 1817 г. она была снесена.

За домом митрополита Платона, в 1820 г. превращенным в Нико-

лаевский дворец, находился Вознесенский девичий монастырь с несколькими церквами. И перед 1812 г. и в 1862 г. его строения были одни и те же. Южная сторона Спасской улицы была освобождена от строений еще в XVIII веке. В 1850 г. Спасская улица и площадь, образовавшаяся на месте южной стороны ее до бровки склона к Москве-реке, были названы Царской площадью.

Таким образом, к середине XIX века в Кремле образовалась самая большая и широкая площадь, идущая от Боровицких до Спасских ворот. Середина ее была занята частью старой Ивановской площади. От этой площади до Спасских ворот, как было уже сказано, протянулась Царская площадь, а к западу от Ивановской площади до Боровицких ворот — Императорская площадь.

Южная ее сторона, у бровки склона к Москве-реке, не была застроена, как не были застроены Ивановская и Царская площади.

По северной же стороне Императорской площади стояли новые большие здания Оружейной палаты и Большого Кремлевского дворца, соединенные железной решеткой у тротуара. За Большим Кремлевским дворцом находились, как и теперь, Благовещенский и Архангельский соборы, соединенные такой же решеткой с воротами. За решеткой виднелись Грановитая палата с Красным крыльцом, Успенский собор и западная часть колокольни Ивана Великого.

На Ивановской площади восточная часть этой колокольни, с Царь-колоколом у подножия, и Николаевский дворец с надстроенным третьим этажом продолжали улицу на восток, где, как сказано выше, находился еще Вознесенский девичий монастырь.

Таким образом был создан ансамбль Кремля, который отсутствовал в 1812 г.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Красная площадь в начале 1812 г. представляла собой пространство, замкнутое с востока Гостиным двором (Верхними торговыми рядами), с длинными ризалитами от углов Никольской и Ильинки на запад. На западной стороне площади, у рва перед кремлевскими стенами, стояли двухэтажные Торговые ряды, тоже с большими ризалитами на восток — напротив ризалитов Гостиного двора. Между теми и другими ризалитами было на юге небольшое пространство, через которое не видно было ни храма Василия Блаженного, ни Спасских ворот Кремля. На северной стороне площади ризалиты закрывали Никольские ворота Кремля и здание Присутственных мест (где ныне Государственный Исторический музей).

В пожар 1812 г. Торговые ряды у рва сгорели, частью разрушились от огня также ризалиты этого здания и Верхних торговых рядов. Архитектор О. И. Бове снес остатки Торговых рядов у рва с их ризалитами, уменьшил ризалиты Гостиного двора, исправил его фасад и посредине пристроил портик с колоннами и фронтоном, над которыми соорудил небольшой купол, перекликающийся с куполом здания Сената в Кремле. Перед портиком был поставлен памятник Минину и Пожарскому.

Ров засыпали и на его месте насадили бульвар. Мосты через ров у Спасских и Никольских ворот как ненужные были снесены.

Храм Василия Блаженного, стоящий на «лбу» склона с площади к Москве-реке, с востока, с юга и с запада был подкреплен стеной гранит-

ных контрфорсов. Гора от Спасских ворот к Москве-реке была к западу от храма Василия Блаженного срезана, а южнее, перед Константино-Еленинскими воротами, подсыпана. Таким образом создалась полого спускающаяся к Москве-реке Васильевская площадь. То же самое было сделано с Москворецкой улицей на протяжении от Ильинки до Варварки.

Такой была Красная площадь в 1862 г., такой она сохранялась и позже.

Кремлевская набережная от современной улицы Ленивки до Москворецкой улицы уже в конце XVIII века была засажена аллеей деревьев под кремлевской стеной. В 1812 г. они сгорели, но потом аллея была восстановлена. Со стороны Москвы-реки набережную одели в тесаный камень с лестницами и съездами к воде для водоносов и водовозов.

Большой Каменный мост, построенный в 1686—1692 гг., в 1857—1859 гг. был заменен новым, железным, на каменных быках.

Деревянный Москворецкий мост был сожжен казаками 3 сентября 1812 г. и восстановлен после освобождения Москвы от интервентов, снова сгорел в 1829 г., и новая деревянная ферма моста была положена после этого на каменные быки. Железный мост на его месте появился лишь в 1870 г.

На Москворецкой набережной, у стены Китай-города, стояли каменные амбары, в которых хранилось привозимое на баржах зерно. В первой половине XIX века хлебные амбары освободили от зерна и для него были построены новые амбары на Болотной площади.

КИТАЙ-ГОРОД

Никольская улица, застроенная до 1812 г. маленькими домами, после пожара 1812 г. застроилась большими каменными зданиями, из которых на первом месте по красоте надо назвать Синодальную типографию, с солнечными часами на фасаде.

В 1812 г. Никольская упиралась на востоке в стену Китай-города. В 1820 г. были пробиты Проломные ворота, выводящие улицу на Никольскую площадь.

После пожара Ильинка еще больше Никольской была застроена крупными каменными зданиями с магазинами в первом этаже. Два здания у Ильинских ворот проектировал О. И. Бове. Самым значительным зданием по этой улице была, не по размерам, а по своим функциям, Биржа, построенная в 1839 г. на углу Ильинки и Рыбного переулка.

Варварка в 1812 г. была кривой и извилистой. Дома по южной ее стороне стояли уже в Зарядье. После пожара 1812 г. она была значительно выпрямлена и подсыпана землей, так что к зданиям на ее южной стороне приходилось спускаться по лестницам.

В Зарядье в это время был построен целый квартал двухэтажных каменных домов, с двумя синагогами. Здесь поселилось много евреев-ремесленников.

ВОКРУГ КРЕМЛЯ И КИТАЙ-ГОРОДА

В 1812 г. здесь еще сохранялись земляные укрепления Петра I с далеко выдвинутыми вперед бастионами и рвом перед ними. По этому рву от современной Неглинной улицы протекала мутная и грязная река

Неглинная, а по рву вокруг Китай-города текла вода из подземных источников, находящихся под Никольской площадью. Вода, шедшая по рву перед северными укреплениями Китай-города, вливалась в Неглинную. Был заполнен водой и ров перед восточной стеной Китай-города до Москвы-реки.

После пожара 1812 г. земляные укрепления, как мы уже указывали, были срыты, землей из них были подсыпаны Красная площадь и вновь образованные Воскресенская и Петровская площади. На месте земляных укреплений перед стенами Кремля были разбиты Александровские сады с выходами к Москве-реке, на Воскресенскую площадь и напротив Большой Никитской.

Прекрасная решетка Александровских садов, выходящая к Воскресенской площади, имела пару в другом конце садов — на набережной. К сожалению, эта вторая решетка была уничтожена в 1872 г.

За северной стороной Александровских садов была устроена в 1820 г. новая улица — Неглинная, а на бывш. Моховой площади построено стоящее доныне здание Манежа. Позже была снесена церковь Николы Зарайского, стоявшая у Троицких ворот и называвшаяся в народе по кабаку на Моховой площади — «в Сапожке».

Квартал между Неглинной и Моховой улицами до Знаменки был застроен новыми каменными двух-трехэтажными домами. Квартал же к востоку от Манежа, занятый в 1812 г. мелкими жилыми и торговыми зданиями, также частично был застроен более крупными двухэтажными каменными домами.

Воскресенский мост, переброшенный через реку Неглинную с Тверской улицы на Красную площадь, в 1819 г. был снесен, после того как реку заключили в подземную трубу. Здание долговой тюрьмы — «ямы», стоявшее на Воскресенской площади и не имевшее выхода к северу, получило этот выход. По другой стороне площади были построены каменные дома, в одном из которых разместилась «Большая московская гостиница».

В Охотном ряду до пожара 1812 г. стояли небольшие деревянные лавки, большей частью по южной стороне площади, у бывш. нового Монетного двора. После пожара 1812 г. появились каменные здания лавок, склады и трактир.

Новым центром Москвы стала Петровская (Театральная) площадь. После пожара 1812 г. О. И. Бове распланировал площадь почти в современном виде. На северной ее стороне встало величественное здание Большого театра, по восточной — Малый театр, а на месте теперешней гостиницы «Метрополь» в 1838 г. появилось здание Челышевских бань и меблированных комнат, с магазинами в первом этаже. По западной стороне площади стояли в 1862 г. дома, с переделками сохранявшиеся вплоть до 1970 г. Середина площади была отведена для воинских парадов. Четырехугольник этого места был огражден толстым канатом, натянутым на деревянные столбики. Этот «плац-парад» доходил на юге до фонтана мытищинской воды, стоящего здесь с 1835 г. и доныне. Вокруг «плац-парада» площадь была замощена и освещена спирто-скипидарными фонарями.

После того как реку Неглинную в 1819 г. заключили в подземную трубу, на ее месте, как сказано выше, была устроена Неглинная улица. Высоко поднимавшееся над рекой Неглинной место Пушечного двора, снесенного еще в 1803 г., после пожара 1812 г. было застроено двухэтажными домами частных владельцев. Между этими домами и сте-

ной Китай-города прошел, с Никольской площади к Петровской площади, Китайский проезд, ныне ставший частью проспекта Маркса. При этом была срезана гора, поднимавшаяся над Неглинной, и проезд получил пологий спуск. У самой стены Китай-города шел тротуар, обсаженный с двух сторон деревьями в виде аллеи.

Большая Никольская площадь (в 1862 г. уже Лубянская) была в 1812 г. большей частью занята земляными укреплениями Петра I, за которыми к востоку стояли невысокие домики. После пожара 1812 г., когда земляные бастионы были снесены, а ров с водой засыпан, по южной стороне площади был построен трехэтажный дом Шипова, снесенный лишь в 60-х годах нашего века. По северной стороне площади несколько позже появился большой четырехэтажный дом, а посредине площади был устроен фонтан мытищинской воды. По южной стороне площади (где ныне площадь Ногина) стояла построенная в XVII веке церковь Всех святых, здание которой сохранилось до наших дней, а рядом помещалась ее богадельня. За ними, до самой набережной Москвы-реки, раскинулась территория Воспитательного дома, построенного в 1760—1770-х годах. Ныне здесь помещается Артиллерийская академия имени Дзержинского.

Кроме упомянутых выше площадей в центре Москвы появились новые улицы: Неглинная, Неглинный проезд, Театральный проезд, Лубянский и Китайский проезды. Первые три улицы к 1862 г. были уже застроены двухэтажными каменными домами.

По существу, новой улицей стал и Кузнецкий мост, когда в 1819 г. был снесен большой каменный Кузнецкий мост, тянувшийся от Петровки почти до Рождественки. Образовавшаяся на месте моста улица была названа Кузнецким мостом, а другой конец ее, ближе к Лубянской площади, назывался Введенской улицей. Позднее вся улица от Петровки до Лубянки получила название Кузнецкий мост.

Плохо застроенные участки по сторонам бывшего моста вскоре украсились большими двухэтажными домами. От Петровки до Неглинного проезда по южной стороне появился Голицынский пассаж с множеством лавок, позднее названный Солодовниковским пассажем. На его месте теперь разбит сквер. По северной же стороне дом с лавками, построенный в 20-х годах XIX века и позже несколько перестроенный, стоит и поныне.

Двухэтажные каменные дома были построены также между Неглинным проездом и Рождественкой. В новых домах вскоре появились переместившиеся сюда из Китай-города модные лавки, торговавшие одеждой, обувью, галантереей.

Кузнецкий мост стал излюбленной улицей москвичей из так называемого «высшего общества». Целый день здесь можно было видеть толпы гуляющих и посетителей магазинов. Деньги в изобилии сыпались в модные лавки, что крайне возмущало бережливых отцов семейств.

Тверская улица как была до 1812 г., так и осталась главной улицей Москвы. Пострадавшие от пожара каменные дома ее были поправлены, а на площади перед генерал-губернаторским домом выросло здание Тверской полицейской части и пожарное отделение, с колоннами и портиком и пожарной каланчой на крыше.

Вокзал Николаевской железной дороги, появившийся с 1851 г. на Каланчевском поле, привлекал к себе много приезжающих и отъезжающих пассажиров. Главный путь из центра города к вокзалу проходил

по Мясницкой улице. Она также обстроилась новыми домами, с лавками и конторами больших московских промышленных заведений.

Покровка же сделалась улицей ремесленников — каретников, портных, сапожников.

БУЛЬВАРНОЕ КОЛЬЦО

На Бульварном кольце в 1812 г. был только один благоустроенный Тверской бульв., а к 1862 г. аллеи деревьев появились и на других бульварах — Пречистенском, Никитском, Страстном, Петровском, бывш. Сретенском, Мясницком и Покровском. Лишь Яузский и нынешний Сретенский бульвары в 1862 г. не имели аллей, а на Страстном бульв., между Большой Дмитровкой и Петровкой, лежала обширная Сенная площадь, только в 1879 г. превращенная в Нарышкинский сквер. Точно так же к востоку от западной аллеи Мясницкого бульвара в 1862 г. еще стояли лавки, торговавшие известью, красками и другими строительными материалами.

Целый квартал между Москвой-рекой и Волхонкой, близ Пречистенских ворот, в 1862 г. был занят огромным храмом Христа Спасителя, а четырехугольник большой площади вокруг него имел уже парапеты для будущих пяти скверов.

На внутренних и внешних проездах бульваров за полвека, истекшие после пожара 1812 г., появилось много больших каменных домов, украсивших Бульварное кольцо. К таким домам надо отнести дом Удельного ведомства на Пречистенском бульваре, дом Лунина на Никитском бульваре, дом московского обер-полицмейстера (№ 22) и дома И. Н. Римского-Корсакова на Тверском бульваре, дом Новоекатерининской больницы на Страстном бульваре, два домика с колоннами и портиками, прежде бывшие флигелями несохранившегося дома на Рождественском бульваре, дом Покровских казарм на Покровском бульваре, надстроенный третьим этажом, с дорическим портиком.

ЗЕМЛЯНОЙ ВАЛ

Земляной вал в 1812 г. еще сохранял много земляных насыпей XVI—XVII веков, с узкими проездами по сторонам. В первой половине XIX века все эти насыпи были ликвидированы, и на их месте появилась улица, опоясывающая город. Ее ширину определили только в 10 сажен посредине, а лишние части улицы по обеим сторонам отдали владельцам домов для устройства садиков. По образцу имевшейся уже в Петербурге такой улицы с садиками по сторонам, носившей название Садовой, и Земляной вал вокруг Москвы назвали Садовой улицей, с прибавлением названия местности, по которой она проходила: Садовая-Триумфальная, Садовая-Каретная, Садовая-Самотечная и т. д.

К 1862 г. деревья в садиках разрослись, закрыв даже окна некоторых домов, и поэтому все Садовые улицы по совокупности назвали Садовым кольцом.

На этом кольце у берегов Москвы-реки и Яузы построили большие красивые деревянные мосты, полотно которых лежало на одном уровне с улицами, так что уже не надо было, как в 1812 г., преодолевать крутые спуски и подъемы к мостам. Недаром мост на Яузе, высоко лежавший над водой, назван Высокояузским.

На Садовом кольце появились большие, хорошо оформленные каменные дома, из которых можно назвать, например, следующие: Про-

виантские склады на углу с Остоженкой, дом Дворцового ведомства (№ 27) на Зубовском бульваре, Вдовий дом на Кудринской площади (перестроен заново в 1823 г.), здание бывш. Софийской больницы (№ 15) по Садовой-Кудринской, небольшой особняк (№ 8) на Садовой-Самотечной улице, дом Усачевых (ныне № 53) по улице Чкалова, Торговые ряды на Таганской площади, построенные О. И. Бове.

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

До 1812 г. Замоскворечье было застроено главным образом деревянными домами. В 1812 г. его Пятницкая и Якиманская части почти полностью выгорели и были вновь застроены деревянными и каменными домами.

Лежавшая напротив Кремля Софийская набережная в 1812 г. имела немного каменных домов, среди них старую каменную церковь Софии; проезжая часть набережной была очень узкой. К 1862 г. она совершенно изменила свой облик. Еще до 1836 г. набережная со стороны реки была подперта деревянными обрубами, от которых был подъем в гору, к домам. В 1836 г. на месте этих обрубов была поставлена каменная стенка, сделана подсыпка земли, над ней в два яруса поставили каменные своды, на которых и был устроен проезд, расширивший набережную до 10 сажен.

Вскоре после пожара на Софийской набережной появились два великолепных особняка: дом № 22 в новоклассическом стиле, с портиком и орнаментом на фасаде, и дом № 38 — особняк в том же стиле, снесенный только в 1937—1938 гг. при постройке нового Москворецкого моста. К 1862 г. перед церковью Софии была построена колокольня, а восточнее ее купец Кокорев построил трехэтажное здание самой большой в то время в Москве гостиницы — «Кокоревского подворья». На углу с Всехсвятской улицей тогда еще оставались каменные двухэтажные здания Суконного двора, в которых помещались торговые Суконные бани.

Вместо старого Высокопятницкого деревянного моста в 1822 г. был построен Чугунный мост.

Улица Балчуг, имевшая по западной стороне каменные лавки, к 1862 г. была застроена такими же лавками и по восточной стороне.

Водоотводный канал, который в 1812 г. представлял собою летом грязную лужу, во многих местах пересохшую, к 1862 г. стал полноводным. По нему началось судоходство. Этому предшествовали большие работы, о которых рассказано выше.

Большие улицы Замоскворечья — Пятницкая, Полянка, Большая Ордынка и Большая Якиманка — были застроены новыми, главным образом каменными домами.

За Садовым кольцом каменные дома были построены на Серпуховской и Калужской площадях.

Особенно красивые и большие каменные дома появились на Большой Калужской улице, по западной ее стороне. Здесь в глубине разросшихся палисадников (на месте которых перед 1812 г. были Конные скачки) встали трехэтажные дома мужского и женского Мещанских училищ, за ними здание 1-й Градской больницы. Стоявшая далее Голицынская больница, построенная М. Ф. Казаковым и являющаяся одним из лучших его творений, а за ней другое здание М. Ф. Казакова — бывш. фабрика М. Титова, а после 1862 г. 2-я Градская больница составили прекрасный ансамбль Большой Калужской улицы.

Еще дальше шел Нескучный сад. В 1812 г. он принадлежал трем

владельцам и был недоступен для широкого посещения. Позднее он стал летней царской резиденцией. Когда дворец пустовал, Нескучный сад открывался для посетителей. На открытой сцене устраивались концерты и спектакли, привлекавшие много светской публики. Застроенный архитектором Е. Д. Тюриным новыми каменными зданиями — манежем, павильонами, оранжереями, он дополнял красоту улицы.

В Москве 1812 г. почти не было общественных садов. Гулянья бывали лишь на Тверском бульваре. В 1862 г. кроме бульваров по всему кольцу Белого города в центре Москвы находились Александровские сады, бульвар на Красной площади и на набережной под Кремлем, а также аллеи с деревьями вокруг стен Китай-города. На Садовом кольце устроены были Зубовский и Смоленский бульвары, а на месте спрятанной в трубу реки Неглинной — Трубный и Цветной бульвары. Самотецкий пруд, в который впадала река Неглинная с севера, еще оставался, но от него до Старой Божедомки и Новой Екатерининской площади уже простирался большой Екатерининский парк. Для гулянья был устроен за городом Петровский парк с театром и залом для танцев.

Для прогулок дворян и купцов был открыт Дворцовый сад на левом берегу Яузы. На его главной аллее от 6 до 9 часов вечера можно было встретить нарядных дам и девиц, прогуливающихся в сопровождении изящно одетых кавалеров из дворян, по-модному одетых купцов, иногда местных и приезжих из Петербурга офицеров.

По примеру Нескучного сада открывали для гулянья свои сады и некоторые вельможи. Так, например, был открыт для гулянья избранной публики огромный, в 30 десятин, сад при доме графа А. К. Разумовского на Гороховой улице, доходивший до Яузы.

В конце Божедомского переулка находился большой сад, по которому протекала Неглинная, образовавшая здесь большой пруд. Этот сад, принадлежавший в 1812 г. Нелидову, был в 1824 г. куплен И. Н. Римским-Корсаковым, благоустроен и открыт «для всех прилично одетых посетителей». В саду иногда играла музыка, устраивалось катанье на шлюпках и лодках по пруду, сверкали фейерверки. После смерти Римского-Корсакова в 1830 г. его дом и сад были проданы, причем сад был отделен от дома и постепенно пришел в упадок. Сад арендовал кондитер итальянец Педоти, выстроивший в нем кофейню. Затем сад купил известный антрепренер Морель и назвал его «Эрмитажем». В 1862 г. в этом саду гуляли все, кто хотел, посещали цирк и другие зрелища.

1861 год считается годом конца феодально-крепостнического периода в истории России и начала капиталистического периода.

Крестьяне, обедневшие после реформы 1861 г., потянулись на заработки в города. Началось бурное строительство заводов и фабрик, использовавших дешевые крестьянские руки. Это вызвало широкое строительство новых домов, рынков, магазинов. Но это уже тема IV тома нашей работы, охватывающего период с 1862 по 1917 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА О СОСТОЯНИИ г. МОСКВЫ НА 20 ЯНВАРЯ 1812 ГОДА

1) *Площадь Москвы* 16 120 800 кв. саж. (6717 дес.).

2) Население: мужск. пола — 157 152, женск. пола — 113 032, всех — 270 184.

3) *В том числе:* духовных — 5104, дворян — 17 442, военнослужащих — 13 891, купцов — 19 824, мещан — 18 138, дворовых людей — 80 540, всех прочих сословий — 106 945 (часть не учтена. — *П. С.*).

4) *Движение населения:* в 1811 г. родилось: мужск. пола — 3983, женск. пола — 3762, всего — 7745; умерло взрослых: мужск. пола — 1668, женск. пола — 1556, всего — 3224; умерло младенцев: мужск. пола — 2351, женск. пола — 2076, всего — 4427. Всех же — 7651.

5) Застройка города: церквей — 329, монастырей — 24, часовен — 33, кладбищ — 8, домов: каменных — 2567, деревянных — 6584, тех и других — 9151. Из них выстроено в 1811 г. 4 каменных и 7 деревянных. Казарм для войска — 8, конюшен для кавалерии — 7. Смирительных домов — 1, богоугодных заведений — 17.

Фабрик и заводов — 464. Торговых рядов — 192, в них лавок каменных — 6324, деревянных — 2197, тех и других — 8521. Аптек: казенных — 4, партикулярных — 16. Гербергов — 41, съестных трактиров — 166, кофейных домов — 14, фряжских погребов — 227, полпивных продаж — 118, питейных домов — 200, кухмистерских столов — 17, хлебных изб — 162, калачных изб — 163, харчевен — 145, блинней — 213. Постоялых дворов — 568. Кузниц — 316. Бань: торговых — 41, домовых — 1197.

6) Благоустройство города: мостов каменных — 17, деревянных — 21; мостовой каменной: казенной — 7139 кв. саж., городской — 19 326 кв. саж., обывательской — 572 289½ кв. саж., всего 598 754 кв. саж. Фонарей по улицам — 7294, будок — 360. боен — 7.

7) Народное просвещение и увеселения: университет — 1, академий — 3, гимназий — 1, пансионов — 24, школ — 22, театров — 1, клубов — 2, благородных и купеческих собраний — 2, типографий казенных — 5, партикулярных — 9, всех — 14.

Московский Обер-Полицмейстер
генерал-майор Ивашкин.

(Из книги «Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным», часть IV. М., 1899, стр. 230—231.)

Приложение 2

РАСПИСАНИЕ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ МОСКОВСКОЙ ГРАДСКОЙ ДУМЫ НА 1823 ГОД

ДОХОДЫ

А. По предположению Высочайше учрежденного в 1820 году в Москве Комитета о соображении доходов и расходов Московской Градской думы.

Сборы с обывателей, их домов и заведений

1. Сборы с домов, лавок и мест: Полупроцентного по оценке; Поземельного с пустопорозжих мест; Трех- и шестипроцентного с ямщичьих домов и лавок	950 000
2. Сбора с записки граждан в Городовую обывательскую книгу	22 000
3. Сбора с гостиниц, ресторацій, кофейных домов, трактиров и харчевень	400 000
Сборы с промышленности и промышленников	
4. Четверть-процентного сбора с купеческих капиталов	50 000
5. Сбора с иногородних купцов, мещан и иностранцев	50 000
6. Сбора с торгующих крестьян и иногородних ямщиков	155 000
7. Сбора с пивоварения	60 000
8. Сбора с извозчиков	30 000
9. Сбора с Конторы адресов	200 000
Сборы со взаимных актов и публичной продажи	
10. Сбора с протеста векселей и явки заемных писем	85 000
11. Сбора с аукционной продажи, за вычетом 2% в пользу аукционистов и на содержание Аукционной камеры	7 000
Окладные доходы	
12. Дохода от питейного откупа	42 000
13. Дохода от разных оброчных статей	35 000
14. Дохода от клеймения весов и мер	10 000
15. Дохода от городских бань	44 000
Разные случайные и непредвиденные доходы	
16. Штрафов за тревогу полиции и невзнос в срок разных сборов, пеней, квартирных денег и прочих неожиданных доходов	55 000

Сверх того по предположению министерства внутренних дел

17. Сбора с ренсковых погребов, по отделениям города.
18. Сбора с продажи в питейных домах съестных припасов, или так называемых закусок, в половину противу акциза с харчевень.
19. Сбора с записки у городовых маклеров контрактов, по одному рублю с каждого.
20. Сбора с лотерей, десятая доля с лотерейной суммы.

Примечание. Количество сборов по сим четырем предметам определится действительным поступлением оных.

Итого доходов 2 195 000

РАСХОДЫ

1. По содержанию полиции:

на содержание Управы благочиния	43 433 р. 52 к.
на жалованье чиновникам и служителям полиции	291 256 р. 28 к.
на провиант и амуницию полицейских служителей	225 662 р. 60 к.
на фураж для пожарных лошадей	105 029 р. $29\frac{1}{4}$ к.
на ремонт для пожарных инструментов	5 075 р. —
	670 456 р. $69\frac{1}{4}$ к.

2. По содержанию жандармского дивизиона внутренней стражи:

на обмундирование нижних чинов	16 750 р. 46 к.
на продовольствие их провиантом	12 299 р. $68\frac{1}{2}$ к.
на фураж для лошадей	66 915 р. 46 к.
	95 965 р. $61\frac{1}{2}$ к.

3. По содержанию полицейских зданий, кои суть: домы, занимаемые Обер-Полицмейстером, тремя полицмейстерами, фурманный двор, 20 съезжих дворов и 352 городские будки:

на отопление оных	102 257 р. 74 к.
на освещение	13 020 р. $76\frac{1}{2}$ к.
на очищение в домах нечистоты	5 000 р.
на ремонт для исправления сих зданий	39 836 р. 70 к.
	160 115 р. $20\frac{1}{2}$ к.

4. По содержанию губернского Тюремного замка и временной тюрьмы:

на отопление оных	8 360 р. 25 к.
на ремонт для исправления их	8 000 р.
на содержание устроенного в оных лазарета	5 000 р.
	21 360 р. 25 к.

5. По содержанию 4 департаментов Магистрата, на жалованье и прочие штатные издержки	14 560 р.
6. На содержание Градской думы и квартирной экспедиции:	
на жалованье и проч. штатные издержки Думы	23 550 р.
на квартирную экспедицию	6 521 р. 48 к.
	30 071 р. 48 к.

7. По содержанию Строительной Комиссии:	
на жалованье и прочие штатные издержки	14 620 р.
8. По содержанию Конторы адресов:	
на жалованье чиновникам и служителям	15 800 р.
на заготовление книг и билетов	7 600 р.
на наем дома, отопление и освещение онаго	11 709 р. 50 к.
	35 109 р. 50 к.

9. По содержанию Канцелярии Военного Генерал-Губернатора дополнительных по штату 13 января 1819 года . .	11 289 р. 54 к.
10. По содержанию казарм:	
на отопление	263 063 р. $87\frac{1}{2}$ к.
на освещение	49 220 р. $22\frac{3}{4}$ к.
на очищение нечистот, набивку погребов льдом, вставливание зимних рам и проч.	46 931 р. $47\frac{1}{4}$ к.
на посуду	10 000 р.
на ремонт для исправления казарменных зданий	109 550 р. 92 к.
	478 766 р. $49\frac{1}{2}$ к.

11. По содержанию домов, на отопление оных:

Военного Генерал-Губернатора	13 738 р. 50 к.
Гражданского губернатора	2 236 р. 50 к.
	15 975 р.

12. По богоугодным заведениям:

на отсылку в Приказ общественного призрения	37 800 р.
в добавок к отпускаемым прежде на Московскую гимназию	12 190 р.
	49 990 р.

13. По устройству и содержанию мостов и мостовых:

на починку мостов	60 000 р.
на мостовые, в ведомстве Градской думы состоящие, как-то: на мощение и поправку их, а также и на очищение оных	100 000 р.
	160 000 р.

14. По устройству бульваров:

на жалованье смотрителю оных и разъезды на жалованье двум садовникам на содержание нижней команды или на наем рабочих, а также на содержание в порядке бульваров и заведение их вновь	10 000 р.

15. По освещению столицы:

на масло, фитиль и свечи, устройство вновь фонарей, ремонт для поддержания заведенных фонарей и столбов	146 633 р. 07 $\frac{3}{4}$ к.

16. По содержанию Ордонанс-Гауза:

на жалованье и проч. штатные издержки	20 000 р.
на отопление и освещение дома онаго	15 695 р. 88 $\frac{1}{4}$ к.
на содержание лошадей, коменданту и Плац-адъютантам назначенных	5 110 р. 08 $\frac{3}{4}$ к.
на продовольствие провиантом при них 6 человек извощиков	213 р. 90 $\frac{3}{4}$ к.
на ремонт для лошадей	340 р.
	41 359 р. 87 $\frac{3}{4}$ к.

17. По части квартирной: на выдачу квартирных денег:

военным чинам	30 000 р.
чиновникам полиции	27 200 р.
архитекторам и землемерам Строительной комиссии	7 000 р.
на наем домов для съезжих впредь до выстройки оных	15 800 р.
	80 000 р.

18. На экстраординарные издержки	40 000 р.
Итого расходов	2 076 272 р. 72 $\frac{1}{4}$ к.
Остаток может простираться до	118 727 р. 27 $\frac{3}{4}$ к.

На подлинном
подписано: Граф В. Кочубей

Директор М. Штер
Начальник Отделения Степан Волховский

(«Положение о доходах и расходах Московской столицы и об уплате долгов, на тамошней Думе лежащих, Высочайше конфирмованное в 13 день апреля 1823 года». Москва. В типографии Семена Селивановского, 1823, стр. 135—147).

а) СПИСОК СГОРЕВШИХ, ВЗОРВАННЫХ И УЦЕЛЕВШИХ СТРОЕНИЙ ПОСЛЕ ОСТАВЛЕНИЯ МОСКВЫ ФРАНЦУЗАМИ

Составлен в октябре 1812 г., после 11-го числа.

Настоящее положение Москвы. Взорвано и сожжено: в Кремле 1-е Дворец, 2-е Грановитая палата, 3-е пристройка к Ивановской колокольне, 4-е Комендантский дом, 5-е Арсенал, 6-е башня Алексеевская (Водовзводная. — *П. С.*) до подошвы, 7-е Никольская первая повреждена, 8-е Стены в пяти местах повреждены и прорваны, 9-е Набережная повреждена, 10-е Сенат немного поврежден. Соборы остались целы, с Ивановской колокольни крест снят, и глава повреждена, башни Спасская и Троицкая целы, также и Вознесенский монастырь.

В городе: три лавки и все домы выжжены, остались целы только Греческий монастырь и дом Баца. На Тверской дом графа Салтыкова, князя Прозоровского, Казицкой, графа Разумовского, графа Мамонова да еще 7 целы.

За Москвой-рекой все выжжено, на Дмитровской несколько домов целы, Тверская-Ямская выжжена только при входе, около заставы несколько домов целы.

Сожжены Петровской Дворец, Университет, Дворянское собрание и весь Охотный ряд, от Никитских до Тверских ворот 8 домов, от них вниз до Охотного ряду главные строения, равно Моховая, Дмитровка, Кузнецкая, Лубянка, часть Стретенки, Мясницкая, Покровка, Воспитательной дом до почты; линия от Тверских ворот до Покровских по левой стороне от них, на Гороховом поле и дом графа Разумовского остались целы.

В Немецкой слободе и на других улицах дом, где главный военный Гошпиталь, казенные казармы, и в Старой Басманной дом графа Разумовского, Демидова, князя Куракина, Салтыкова, купца Александрова, на Новой Басманной княгини Куракиной, на Гороховой улице Суслова, Александрова, Колокольникова, госпожи Волковой, Мацневой, Зверевой, Сухова и более 200 д. мастеровых и иностранцев не повреждены пожаром.

За Москвой-рекой в частях Новинской, Пятницкой, Серпуховской, Якиманской, Пречистенской и Хамовнической остались целы 700 домов; Хамовницкие казармы, Голицынская и Петровская больницы, скотной двор Воспитательного дома, винной магазин, монастыри и все церкви остались целы.

Пречистенка, Знаменка, Вздвиженка и Никицкая сожжены, часть Мясницкой, Рождественки и Грузины, одна сторона Покровки и Почт-Амт до Кузнецкого моста целы.

(«Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным», часть I. М. 1897, стр. 57—58.)

б) КРАТКАЯ ЗАПИСКА ОСТАВШИМСЯ В ЦЕЛОСТИ ЗДАНИЯМ В МОСКВЕ

От Никитских до Тверских ворот 8 домов, от Тверских ворот вниз до Охотного ряду, главные строения, равно Малая Дмитровка, Кузнецкая, Лубянка, часть Сретенки, Мясницкая, Покровка, Воспитательной дом, дом Шереметева странноприимный дом, вся почти линия от Тверских ворот до Покровских, также по левой стороне от них около Харитонья в Огородниках, на Гороховом поле, и дом графа Разумовского остались целы, в Немецкой слободе и других улицах... (и т. д., что в предыдущем документе. Только здесь Петровская больница названа Петропавловской. — *П. С.*). (Там же, стр. 55—56.)

в) О СГОРЕВШИХ И УЦЕЛЕВШИХ В 1812 ГОДУ В МОСКВЕ ДОМАХ

В Старой Басманной уцелели только 4 дома:

Хлебниковой, К. Куракиной с Гошпиталем, Запасный дворец, а у Красных ворот в правой руке каменной небеленой дом генерала Толли. Дом же Аршеневского сгорел; также домы гр. Гудовича, Высоцкого, Лясунского, кн. Мих. Петр. Голицына, Мещанинова и все другие.

На Земляном валу все здания сгорели, кроме Шереметевской больницы и большого корпуса Спасских казарм. Дом же Обер-полицмейстера сгорел. Сухарева башня уцелела.

От Никольских ворот до Мясницких все здания уцелели; а от Мясницких до Красных ворот все сгорело, кроме 4 домов, в том числе кн. Ал. Ив. Лобанова, коего один только флигель сгорел. Домы Потуловых и Бутурлиных также сгорели.

От Никольских ворот до Сретенских все здания целы; также и к Кузнецкому мосту, на коем сгорел один только желтый флигель, где была конфектная лавка Гуа.

Дом губернатора Обрескова сгорел, также Анненкова, Решетникова дом с флигелями цел. Графа Ростопчина на Лубянке также, и вообще все дома на Лубянке.

От Воскресенских ворот до дома Главнокомандующего все домы сгорели, в том числе: купленный дом гр. И. В. Гудовичем, в коем был трактир, Главнокомандующего же дом цел, также танцевальный клуб. Барановых дом в переулке сгорел.

От Покровских ворот до Мясницких, валом все домы целы, в том числе: Пашкова, Кутузова и Ступишина.

От Мясницких ворот до Тверских многие здания уцелели, в том числе на бульваре дом А. А. Соколова; флигеля его сгорели, также дом Нечаева с флигелями сгорел и Уваровой. Кн. Дм. Ив. дом цел; гр. Льва Кирилловича и Натальи Абрамовны Пушкиной, также кн. Гагарина (Николая Сергеевича) дом, в коем был Английский клуб, сгорел.

От Покровских ворот до Ильинских все домы по обеим сторонам целы; а за Покровскими воротами уцелели домы: Веревкина, Заборовского, Жеребцова (Соловых сгорел), кн. Ф. Н. Голицына, Голохвастова, кн. А. Б. Куракина, Румянцева гр. Сергея Петровича деревянный дом; гр. Салтыкова, Аникеева и многие другие. Дом кн. И. Д. Трубецкого (зеленый) сгорел, Мясоедова и кн. Мещерского также; Демидова Ив. Ив., у Никиты-Мученика, дом цел. Флигель один только сгорел.

Покровские казармы сгорели: уцелел один только нижний этаж со сводами. Дом деревянный Соколова сгорел, а каменный у Мясницких ворот цел. Мельгунова и Дурасова домы сгорели; также Карповых и Масалова. Глебовых дом деревянный уцелел, а каменные флигели сгорели, также и Лопухиной сгорел, бывший кн. А. П. Мещерского.

У Тройцы в Сыромятниках уцелел дом Ф. Д. Загрядской. А. В. Панина дом сгорел.

Воспитательный дом цел. Половину оного занимали раненые французы, оставленные в Москве злодеем. Их теперь вывезли оттуда в разные больницы. Их 1500 человек; многие померли.

За Москвою-рекою все домы сгорели. Гостиный ряд и весь «город» сгорел (Китай-город. — *П. С.*).

На Никольской целы домы: Шереметева, Духовная типография, Кусовникова и еще дом. Книжные лавки все сгорели.

На Моховой сгорел Университет, дом Нарышкина и Пашкова; также все домы на Пречистенке, в том числе большой дом кн. А. Н. Долгорукого. Дом Всеволжского (Ник. Серг.) и сестры его кн. Мещерской целы. Их спас от пожара француз, редактор в типографии.

На Никитской все домы почти сгорели, как-то: гр. Шереметева, гр. Пушкиной, гр. Орлова, кн. Ю. В. Долгорукого, кн. Дашковой, Кушникова и пр. Уцелел дом гр. Моркова, бывший кн. Меншикова.

На Воздвиженке* сгорел дом Апраксина Ст. Ст.; кн. Ив. Никол Трубецкого и др.

Немецкая слобода вся выжжена, тут и Слободской дворец, который французы зажгли за несколько дней перед выходом своим.

У Богоявления уцелел дом гр. Головкина, а у Вознесения Демидова и гр. А. К. Разумовского.

Из 30 000 домов вряд осталось 5000** (журнал «Сын отечества», к. 2. СПб., 1812, стр. 41).

г) А. Я. БУЛГАКОВ. КРАТКАЯ ЗАПИСКА ОСТАВШИМСЯ В ЦЕЛОСТИ ЗДАНИЯМ В МОСКВЕ

От Никитских до Тверских ворот (уцелело. — *П. С.*) — 8 домов; от них вниз до Охотного ряда большая часть строений целы. Равно Малая Дмитровка, Кузнецкая, Лубянка, часть Сретенки, Мясницкая, Покровка, Воспитательный дом, Шереметева странноприимный дом, вся почти линия от Тверских до Покровских ворот, также по левой стороне от них, около Харитонья в Огородниках, на Гороховском поле и дом графа Разумовского о с т а л и с ь ц е л ы.

В Немецкой слободе и в других улицах: дом, где главный военный госпиталь, казенные казармы; на Старой Басманной — дом гр. Румянцева, Демидова, кн. Куракина, Салтыкова, Аникеева, купца Александрова; на Новой Басманной — кн. Куракиной, на Гороховой ул. купцов: Суслова, Александрова, Колокольникова, г-жи Волковой, Мацневой, Зверевой, купца Сухова и более 200 домов мастеровых иностранцев *не повреждены пожаром.*

---

* Не на Воздвиженке, а на Знаменке. — *П. С.*

** Обе цифры сильно преувеличены. — *П. С.*

За Москвой-рекой в частях: Новинской, Пятницкой, Якиманской, Пречистенской и Хамовнической осталось в целости около 700 домов.

Хамовнические казармы, Голицынская больница, Петропавловская больница, Скотный двор, принадлежащий Воспитательному дому, винный магазин, почти все монастыри и все церкви охранялись от пожара.

В Кремле все соборы, Иван Великий, Сенат, Оружейная новая и частью Арсенал целы.

На Пречистенке один дом Львова цел и у Арбатских ворот — дом кн. Хованского.

Половина Тверской цела.

(«Русский Архив», 1864, № 11—12, стр. 1203—1204).

д) СПИСОК ЦЕРКВЕЙ, СГОРЕВШИХ В 1812 ГОДУ

(Невосстановленные церкви напечатаны крупным шрифтом)

В КИТАЙ-ГОРОДЕ

1. Козмодамианская в Панех (в Старопанском пер.).
2. Богословская под Вязом (Новая пл., 12).
3. Троицкая в Никитниках (угол Ипатьевского и Никитникова пер.).
4. Максимовская на Варварке.
5. Николаевская, что слывет Мокрое (Николо-Мокринский пер.).
6. Зачатейская в Углу (там же, угол Косого пер.).
7. Николаевская у Москворецких ворот (Москворецкая ул.).
8. Успенская у Гостиного двора (Рыбный пер., близ Ильинки).
9. Георгиевская на Варварке.
10. Предтеченская у Варварских ворот (угол Старой пл.).

В БЕЛОМ ГОРОДЕ

11. Знаменская на Знаменке.
12. Борисоглебская на Арбате (Арбатская пл.).
13. Николаевская в Хлынове (Хлыновский туп.).
14. Георгиевская на Красной горке (Моховая ул., 13).
15. Киро-Иоанновская на Солянке.
16. Рождественская на Кулижках (угол Солянки и Подколокольного пер.).
17. ИОАННОМИЛОСТИВСКАЯ В КИСЛОВКЕ (угол М. Кисловского и Калашного пер.).
18. Николаевская близ Старого Каменного моста (у Троицких ворот Кремля).
19. Тихоновская у Арбатских ворот (на Арбатской пл.).
20. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ НА СТАРОМ ВАГАНЬКОВЕ (Ваганьковский пер.).
21. Николаевская на Старом Ваганькове (Ваганьковский пер.).
22. Параскевиевская в Охотном ряду.
23. Успенская на Вражке (Газетный пер.).
24. СПАССКАЯ В КОПЬЯХ (Театральная пл.).
25. ВОСКРЕСЕНСКАЯ У КУЗНЕЦКОГО МОСТА (угол Петровки).
26. ИЛЬИНСКАЯ НА ТВЕРСКОЙ (Между Моховой и Долгоруковским пер.).
27. Князевладимировская в Садех (Козьмодемьянский пер.).
28. Всесвятская на Кулижках (Варварская пл.).
29. Николаевская в Подкопаях (Подкопаевский пер.).
30. Трехсвятительская на Кулижках (Большой Трехсвятительский пер.).
31. Троицкая на Хохловке (Хохловский пер.).
32. Николаевская в Кошелях (на углу Яузской ул. и Устьинского пр.).

В ЗЕМЛЯНОМ ГОРОДЕ

33. Симеоновская на Поварской.
34. Николаевская на Песках (Средний Николопесковский пер.).
35. Ильеобыденская (близ Остоженки).
36. Успенская в Остоженке (между Турчаниновым и Хилковым пер.).
37. СТАРОВОСКРЕСЕНСКАЯ (угол Савеловского пер. и Остоженки).
38. Нововоскресенская (на углу Остоженки и Зачатьевского пер.).
39. Николоявленская на Арбате.
40. Власиевская в Старой Конюшенной (Большой Власьевский пер.).
41. Успенская на Могильцах (там же).
42. Ржевская на Поварской.
43. Афанасиевская на Сивцевом Вражке (Большой Афанасьевский пер.).

44. Спасо-Божедомская (Божедомский пер., угол Гагаринского).
45. Троицкая на Арбате.
46. Троицкая в Зубове (Зубовская ул.).
47. Борисоглебская на Поварской.
48. Предтеченская в Кречетниках (Кречетниковский пер.).
49. Рождественская в Кудрине (Трубниковский пер.).
50. Спасская на Песках (Спасопесковский пер.).
51. Георгиевская на Всполье (Георгиевский пер.).
52. Вознесенская на Царицынской ул. (бывш. церковь Большого Вознесения за Никитскими воротами).
53. Успенская на Дмитровке (в Успенском пер.).
54. Воскресенская в Бронной (на Малой Бронной).
55. Спасская на Песках в Каретном ряду (Большой Спасский пер.).
56. Богословская в Бронной (на Большой Бронной ул.).
57. Рождественская в Путниках (Малая Дмитровка).
58. Знаменская за Петровскими воротами (1-й Знаменский пер.).
59. Пименовская в Старых Воротниках (Старо-Пименовский пер.).
60. Троицкая на Листах (на Сретенке, близ Сухаревой башни).
61. Спасская в Пушкарях (на Сретенке).
62. Николаевская в Дербенском (близ Уланского пер.).
63. Трехсвятительская у Красных ворот.
64 Успенская в Печатниках (угол Сретенки и Рождественского бульв.).
65. Николаевская на Мясницкой.
66. Грузинская на Воронцовом поле.
67. Ильинская на Воронцовом поле.
68. Предтеченская в Казенной (на Покровке близ Земляного вала).
69. Николаевская в Воробине (Воронцово поле).
70. Козмодамианская в Таганной слободе (в Козьмодемьянском пер.).
71. Воскресенская в Гончарах (Гончарная ул.).
72. Спасская в Чигасах (Спасочигасовский пер.).
73. Козмодамианская в Старой Кузнецкой (Гончарная ул.).
74. Архидиаконская за Яузою (ц. Архидиакона Стефана у Николо-Ямской ул.).
75 Покровская на Лыщиковой Горе (там же).
76. Успенская в Гончарах (Гончарная ул.).
77. Никитская за Яузою (на Швивой горке).
78. Троицкая в Серебрениках (на Яузской ул.).
79. Симеоновская за Яузою (Николо-Ямская ул.).
80. Николаевская на Болвановке (Верхняя Болвановка ул.).
81. Скорбященская на Ордынке (Большая Ордынка).
82. Софийская в Средних Набережных Садовниках (Софийская набережная).
83. Никитская в Татарской (Большая Татарская ул.).
84. Николаевская в Кузнецкой (Новокузнецкая ул.).
85. Троицкая в Вишнякове (Вишняковский пер.).
86. Успенская в Казачей (Большой Казачий пер.).
87. Николаевская за Яицкой (Раушская набережная).
88. Спасская на Болвановке (Верхний Болвановский пер.).
89. Троицкая в Лужниках (Большая Лужниковская ул.).
90. Петропавловская на Калужской улице (Большая Якиманка).
91. Мароновская в Старых Панех (в Мароновском пер.).
92. Иоакимanская на Калужской ул. (на Малой и Большой Якиманке).
93. Николаевская в Берсеневке (Берсеневская набережная).
94. Козмодамианская в Кадашеве (на Большой Полянке).
95. Воскресенская в Кадашеве (1-й Кадашевский пер.).
96. Николаевская в Толмачах (Малый Толмаческий пер.).
97. Черниговская под Бором (Черниговский пер.).
98. Климентовская на Пятницкой.
99. Николаевская в Пыжах (Большая Ордынка).
100. Покровская на Малой Ордынке.
101. Екатерининская на Всполье (Большой Екатерининский пер.).
102. Григорьевская на Полянке (Большая Полянка).
103. Спасская в Наливках (1-й Спасоналивковский пер.).

В КАМЕР-КОЛЛЕЖСКОМ ВАЛУ

104. Введенская в бывш. Новинском монастыре (Большой Новинский пер.).
105. Неопалимовская близ Девича поля (Большой Неопалимовский пер.).
106. ПРЕДТЕЧЕНСКАЯ БЛИЗ ДЕВИЧА МОНАСТЫРЯ.
107. Девятинская близ Пресни (Девятинский пер.).

108. Покровская в Кудрине (Кудринская ул.).
109. Предтеченская за Пресней (Большой Предтеченский пер.).
110. Андриановская в Мещанской (на 1-й Мещанской ул.).
111. Спасская во Спасской (Большой Спасский пер.).
112. Троицкая Ирининская в Покровском (Ирининская ул.).
113. Троицкая в Сыромятниках (Верхняя Сыромятническая ул.).
114. Сергиевская в Рогожской (Большая Алексеевская ул.).
115. Алексеевская в Алексеевской (там же, у заставы).
116. Успенская в Крутицах (Крутицкое подворье).
117. Сорокосвятская у Новоспасского монастыря (Сорокосвятская ул.).
118. Воскресенская за Таганскими воротами (близ Таганской пл.).
119. Мартыновская в Алексеевской (на углу М. и Б. Алексеевской ул.).
120. Троицкая в Кожевниках (Большая Кожевническая ул.).
121. Успенская в Кожевниках (Дербеневская ул.).
122. Скорбященская в Ямской-Коломенской (Коломенская-Ямская ул.).
(«Бумаги Щукина», ч. IV, стр. 76—78.)

Указанные в скобках улицы даны П. В. Сытиным.

Приложение 4

ИЗ «ПОЛОЖЕНИЯ» О КОМИССИИ ДЛЯ СТРОЕНИЯ МОСКВЫ

а) Письмо Александра I Ростопчину из Главной квартиры княжества Варшавского, г. Калиш, 14 февраля 1813 г.:

«Граф Федор Васильевич. Желая подать помощь жителям Москвы, потерпевшим от сожжения и разрушения домов их при нашествии неприятеля в прошлом году, и вместе с тем доставить столице сей лучшее устройство и порядок в расположении ее улиц и кварталов, возложил Я уже перед сим на вас попечение и руководство в исправлении плана Москвы в тех частях, где нынешнее ее опустошение представит тому удобность. Ныне, ожидая оного в непродолжительном времени, признаю нужным учредить комиссию для дальнейшего и действительного приведения сего предположения Моего на нижеследующем основании:

1. Именоваться ей комиссиею для строений в Москве.

2. Быть комиссии сей под главным начальством главнокомандующего в сей столице.

3. Комиссии сей, подобно бывшему каменному приказу, состоять из директора, советника, инспектора, архитекторов и прочих чиновников, которые признаны будут нужными, равно в оной присутствовать и обер-полицмейстеру.

4. Предмет оной должен быть: пособие тем, которые потерпели от пожара и разорения в Москве домов их при нашествии неприятеля и наблюдение вообще за устройством и порядком при производстве строений в точности по выдаваемым планам от главнокомандующего Москвы, как в линиях, так и в фасадах.

5. Подобно бывшему каменному приказу, представить комиссии сей право заводить на казенных землях кирпичные заводы, ломку камня, жжение извести и заготовление прочих материалов, нужных для строения.

6. Впрочем, не только не препятствовать, но и наипаче поощрять к распространению подобных заведений частных людей вокруг Москвы с наблюдением приличных правил.

7. Ссуды потерпевшим комиссия может делать как деньгами, так и материалами по цене, какая будет положена; возврат же должен быть уже одними деньгами, но без всяких процентов.

8. Ссуды сии должны производиться по установленным свидетельствам от начальства, по которым выдачи чинить по старшинству поступления требований, с залогом мест и строящегося здания на правилах, кои учреждены будут.

9. На заимообразные выдачи сии назначается отпускать в комиссию в течение 5 лет по одному миллиону рублей в каждый год из государственного казначейства, на что уже и указ министерству финансов последовал.

10. По истечении пятилетнего срока возвращаемый капитал позволить раздавать и в другой раз, если требования на положенном основании не все удовлетворены будут; по истечении же вновь сих пяти лет раздача уже прекращается и поступающие в возврат суммы отсылаются в государственное казначейство.

11. Деревянные строения как в Китае, так и Белом городе по-прежнему не дозволять.

12. В состав сей комиссии можно обратить существующий ныне комитет уравнения городских повинностей в Москве.

13. Построения, Кремлевской Экспедиции порученные, остаются на прежнем основании и в состав сей не входят.

Поручаю вам, основываясь на сих началах и приняв в соображение местные обстоятельства, составить полное образование комиссии и представить по части министра полиции ко Мне на утверждение сколько возможно поспешнее, через нарочного». (Сб. Археологического института, кн. II, отд. II, СПб., 1879, стр. 62.)

б) Выписка из «Положения» о Комиссии для строения Москвы (ПСЗ, XXXII, № 25377), о правах и обязанностях ее членов и служащих.

«*Директора* должность состоит в том, чтобы иметь главное начальство, управление и распорядок над всем, что только принадлежит до ведомства Комиссии, и потому вменяется ему в обязанность иметь попечение о выстройке города, о доставлении к тому всего нужного и о заготовлении потребных материалов; в ведомстве его состоят все чины, в Комиссии находящиеся.

Советника должность присутствовать в Комиссии, иметь смотрение за канцелярским порядком, приходом и расходом денежной казны и материалов, по существующим на таковой предмет узаконениям. Примечание. Поверка же счетов должна происходить в общем присутствии, и книги прихода и расхода по истечении года отсылаются в Казенную палату для обревизования.

Инспектора должность присутствовать в Комиссии, иметь надзор над заводами и промыслами, свидетельствовать материалы по воле Директора или по определению Комиссии; вести подробные ведомости материалам; смотрение иметь за строением в городе и во всем представлять обстоятельные отчеты в Комиссию.

В помощь инспектору назначаются два помощника, которые состоят в его распоряжениях и полной зависимости Комиссии.

Кассир и *Бухгалтер* отправляют должности свои по установленным правилам, равно как и *Правитель Канцелярии, Секретарь* и прочие канцелярские служители.

Жалованье директору, советнику, инспектору, помощникам инспектора, кассиру, бухгалтеру, помощнику их назначается из тех сумм, которые выручаемы будут за продажу кирпича, выделываемого на заводах казенных. Все прочие расходы по Комиссии удовлетворяются на счет тех же сумм, не касаясь Высочайше ассигнованных, которые единственно должны быть обращены на предмет, им предназначенный, исключая единственно сумм, потребных для Казенных заведений и для исправления дома, где ныне Комитет уравнения; но сии суммы должны обращены быть возвратно в тот Комитет, из коего взяты будут заимообразно. *Примечание.* Хотя архитекторы, землемеры, помощники их и канцелярские служители, из Комитета уравнения городских повинностей и штата Московской Управы Благочиния отделяемые, получают некоторое жалованье; но по настоящей дороговизне во всех жизненных потребностях и по многосложности трудов, им предлежащих, можно будет сделать им некоторую прибавку из выручаемых же сумм за продажу кирпича, по усмотрению Комиссии.

Продажа кирпича с казенных заводов должна быть производима тем только обывателям, которые по состоянию своему не будут иметь нужды в вспоможениях посторонних. Кирпичные заводы учреждаются в том единственно предположении, чтоб содержать в пределах умеренности цену вольных промышленников и доставить каждому способ добывать самый материал без излишнего для себя отягощения. Что ж касается до обывателей неимущих, то Комиссия обязанностию иметь будет, смотря по надобности каждого из них, отпускать им в ссуду на постановленных правилах, либо материал, либо Комиссии предоставляется право постановлять по ее соображениям некоторые правила, которые однако же не иначе могут быть приводимы в действо, как с Высочайшего утверждения».

(Штат Комиссии для строений в Москве приведен в книге штатов Полного собрания законов — *П. С.*)

Приложение 5

ПРЕДПИСАНИЕ А. П. ТОРМАСОВА КОМИССИИ ДЛЯ СТРОЕНИЙ В МОСКВЕ 19 МАЯ 1816 ГОДА

«КОМИССИИ ДЛЯ СТРОЕНИЙ В МОСКВЕ

Его Императорское Величество по рассмотрении в Комитете Г. Г. Министров всеподданнейшего доклада моего, относительно устроения Москвы и вспоможения на обстройку потерпевшим от разорения и пожара жителям оной, все предположения мои и Комиссии Строений по предмету сему Высочайше соизволил утвердить, с некоторыми весьма немногими переменами, Комитетом Г. Г. Министров сделанными, повелев согласно с представлением моим доставить мне и все средства к достижению цели сей, как отпуском вполне в назначенные сроки ассигнованных на действия Комиссии пяти миллионов рублей и исчисленных вновь на вознаграждения за отходящие под прожектированные площади обывательские здания — 2 249 042 рубли

и на выпланирование и вымощение Москвы 1 516 790 рублей; так и нарядом для работ 4-х пехотных полков, 2-х пионерных рот и особенно 2-х рабочих баталионов.

Предположения мои, во всеподданнейшем докладе моем Его Императорскому Величеству представленные и Высочайше апробации удостоенные, состоят в следующем:

Первое: Чтобы денежные суммы, на действия Комиссии для Строений в 813 году ассигнованные, именно в течение пяти лет по одному миллиону рублей, сверх заготовления материалов и оказания пособия ссудою тем, кто ее на существующем теперь основании потребует, обратить на следующие предметы:

1. На отделку погорелых каменных домов, кои, находясь на примечательных и видных местах, принадлежат недостаточным людям, с тем, — А, что Комиссия, таковые домы исправя своими материалами и на свои деньги, соображаясь относительно до внутреннего распоряжения с желанием хозяев, по совершенной отделке каждого, отдаст хозяину с обязательством и с залогом того же самого дома, в том, что всю употребленную на отстройку сумму выполнить в пять лет на таком основании, как бы оказана была ему ссуда деньгами и материалами.

Б. Что дома, коих хозяева не пожелают отделывать, Комиссия может по оценке купить и по отделке продать желающим так, чтобы все употребленные на те домы деньги были выручены.

Сие же самое делать с домами разоренными, находящимися в разных местах в залоге, по согласию хозяев и тех мест, где они заложены, дабы не делали городу безобразия.

2. На отделку Петровского театра.

3. На совершенную отделку всех без изъятия казарм.

4. На покупку и отделку домов под полицейские съезжие дворы и для помещения обер-полицмейстера и полицмейстеров.

5. На нивелирование площадей и улиц всего города так, чтобы оные имели скат в реки Москву, Яузу, Неглинную и в Пресненские пруды.

6. На построение, кроме существующего, еще одного каменного или чугунного моста через Москву-реку на том месте, где находится деревянный Москворецкий мост, и одного на отводном канале.

7. На обделку камнем с железною или чугунною решеткою обоих берегов Москвы-реки, также реки Яузы и отводного канала.

8. На закрытие кирпичным сводом канала и бассейнов реки Неглинной.

9. На отделку бульваров вокруг Кремлевской стены и в прочих местах, где они назначены.

Второе. Чтобы для успешного производства всех сих работ и для большего успеха в первоначальной цели учреждения Комиссии, то есть: в заготовлении достаточного количества материалов и в понижении на оные цен, сформировать из рекрут рабочие баталионы, коих Его Императорскому Величеству благоугодно было, как выше сказано, назначить два, по особому положению Высочайше во 2-й день Мая сего года конфирмованному, которое для сведения и в чем следовать будет исполнения со стороны Комиссии при сем в копии прилагается.

В дополнение к сим двум рабочим баталионам, согласно с положением Комитета, Высочайше повелено употреблять в работы линейные войска, в Москве находящиеся, на следующих правилах, именно:

А. Наряжаемым на работы из полков нижним чинам производить от Комитета Строений каждому в рабочий день, коих полагается три только в неделю, по 25 коп., по чарке вина и по фунту говядины.

Б. На счет Комиссии для весеннего, осеннего и зимнего времени сделать им суконные кафтаны наподобие тех, которые имели воины в ополчении; а для лета из холста или равендука кители, дабы через то сберечь их мундиры.

В. Людей сих употреблять в работу только в самой Москве, а не вне города.

Г. На работу наряжать их командами, смотря по числу людей, при штаб-обер- и унтер-офицерах, коих обязанность будет смотреть как за прилежною работою и поведением рабочих, так и за расчетом с Комиссиею, соблюдая с обеих сторон исправность в требовании и выдаче денег.

Д. Плату солдатам, равно как и содержание по положению рабочим баталионам, производить Комиссии из выручаемой за продажу материалов суммы, набавляя все то на цену, по которой материалы ей обходиться будут; но только в сем случае Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы сия накладка располагалася на материалы, отпускаемые для постройки больших частных зданий; самым же бедным обывателям, коим может быть нужда в материалах на триста или на пятьсот рублей, оказывать пособие ссудою оных по истинной цене, во что оные казне обойдутся.

Третье: Чтобы во избежание вновь исчисленных многозначащих издержек на исправление стены вокруг Китая города и всех неудобств, кои от нее происходят,

стену сию разобрать, материал употребить на поправление поврежденной подкопами Кремлевской стены и на построение через Москву-реку моста или на другия общественные здания, а места из-под стены обратить в вознаграждение тем купцам, кои лишились уже лавок своих на Красной площади и должны лишиться таковых же вокруг церкви Св. Василия Блаженного; с тем притом, что Комиссия для строений с помощью военно-рабочих сама построит лавки по лучшей фасаде и вдруг, а не по частям; кои могут быть розданы в виде ссуды, с возвратом издержанного капитала в течение пяти лет без процентов и, следовательно, без всякого для купцов отягощения, и с выгодою для казны, ибо сохранятся те суммы, кои Комиссиею исчислены для вознаграждения тех купцов; оставшиеся же затем места из-под стены могут быть проданы или розданы обывателям для построения домов, наконец, чтобы с уничтожением ветхой стены по набережной реки Москвы, где теперь примыкают к оной безобразные лабазы, окруженные всякою нечистотою, могли устроиться хорошие каменные домы и под ними лавки с приличными столичному городу фасадами.

Комитет же Г. Г. Министров с своей стороны во уважение того, что при некоторых башнях и воротах, в Китайской стене устроенных, есть святые иконы, к коим по обыкновению, издревле существующему, стекается множество людей для поклонения, и для того, чтобы те башни и ворота по внешнему их виду могли бы на вечные времена оставаться памятниками древнего великолепия Московской столицы и означением мест существования Китайской стены, положил таковые башни и ворота оставить и сохранить в древнем их виде, исправляя и поддерживая их ежегодно, подобно Кремлевской стене.

Что касается до предположений Комиссии для строений о прожектировании в Московской столице площадей, проездов, разрывов, улиц и прочего по вновь сочиненному на оную генеральному плану; то Комитет Г. Г. Министров по рассмотрении оных согласно с журналом особого Комитета по Высочайшему повелению для рассмотрения представленного от меня плана Московской столицы и доклада о стене Китая города составленного, отдавая должную справедливость основательности сих прилежно обдуманных предположений Комиссии, почти во всех частях с оными совершенно согласился, кроме нижеследующего:

К 1-му пункту ст. о разрывах по Белому и Земляному Городу Комитет нашел за нужное присовокупить, что поколику каменные здания по Белому Городу, под названием Гостиниц существующие у ворот Пречистенских, Петровских, Никитских, Сретенских, Покровских и Мясницких, долженствуя представлять род кофейных домов, конфектных и модных лавок, или тому подобных благовидных и опрятных заведений, сооружены на местах, открытых со всех четырех сторон, и должны быть украшением города; то и иметь им отовсюду приличные фасады; но чтоб заборов ни с которой стороны не было; а где уже есть заборы, издавна устроенные, там велеть оные в назначенный от меня срок снять и застроить по приличной фасаде. В зданиях сих отнюдь не позволять гербергов, съестных трактиров, питейных домов и вообще никаких заведений и лавок, кои не имеют благовидности и могут произвести нечистоту и неопрятность. По 5-му пункту той же статьи Комитет не видит надобности делать предполагаемого Комиссиею воспрещения в частных домах Гостиниц, разумея под сим домы для приезжих; но напротив полагает существование и вновь подобное заведение в частных домах на установленных правилах не воспрещать.

И, наконец, по 9-му пункту на место предназначенных Комиссиею к уничтожению существующих по обе стороны разрывов общенародных и других бань, Комитет полагает отвести другие по удобности места, предоставляя назначение оных и срок сносу теперешних бань моему распоряжению на общих правилах. Питейные же домы по Белому Городу уничтожить по истечении срока настоящему откупу, а не через год, как Комиссия предполагала, — и тогда перевести их на другие приличные места по моему же назначению.

Относительно же отпуска денежных сумм, на действия Комиссии ассигнованных, Комитет Г. Г. Министров положил: дабы к отпущенным уже двум миллионам рублей, в числе пяти миллионов, в настоящем 1816 году отпустить еще один миллион рублей; в 817 году два миллиона; а остальные затем 3 765 832 рубля отпустить по ровной части в 1818 и 819 годах; все сии отпуски, кроме нынешнего года, производить в начале каждого года.

Наконец, все выше объясненные, предназначенные в Москве построения и работы Высочайше утвержденным журналом Комитета Г. Г. Министров, положено производить по распоряжению моему и под моим наблюдением Комиссии для Строений хозяйственным образом с тем, чтобы производство построений, начиная с самых нужнейших, располагаемо было постепенно, таким образом, чтоб каждое оканчивалось

в год или два и потому не вдруг все работы начинать, но ежегодно столько, сколько в совершенной отделке оных позволяют в распоряжении моем имеющиеся способы.

Сверх сего Его Императорское Величество, на словесный всеподданнейший доклад мой, в облегчение разоренных жителей Московской столицы Высочайше повелеть соизволил следующее:

1. Как в Китае городе, так и в Белом, где было воспрещено делать деревянные заборы, дозволить делать заборы на улицу в каменных столбах с деревянными решетками, а внутри дворов деревянные сплошные, наблюдая только, чтоб в первом случае решетки были порядочные и выкрашены под вид чугунных, а во втором заборы были бы сделаны столярною работою по рисункам, данным от Комиссии, и пристойно выкрашены.

2. В Земляном Городе все существующие прочные деревянные строения, хотя бы длиною были более положенной 12-саженной меры, только бы не выходили за линию, не ломать, но позволять исправлять с тем, чтобы хозяева оные снаружи оштукатурили и покрыли железною крышкою.

3. Площадь каменного Петровского театра назначить регулярным четвероугольником, как Его Императорское Величество собственною Высочайшею рукою на плане карандашом показать соизволил.

4. Открыть вид церкви Св. Василия Блаженного и вместо лавок сделать контрфорсы и сверху террас.

5. По Земляному Городу на улицах, ведущих от застав, домы, кои прочно выстроены, оставлять в виде гостиниц, в длину по валу по примеру как и на Белом Городе, в 30 сажен, а поперек в 18 сажен, или как местное положение позволит, не стесняя проезда. Прочие же места из-под Земляного вала раздать владельцам, кои по обеим сторонам оного имеют свои домы, каждому в длину по мере места; а в ширину, как ограничится назначением посредине улицы, которая предполагается шириною в 12 сажен; с тем, чтобы сии прибавочные места были огорожены порядочными, невысокими, решетчатыми заборами, у коих бы тумбы были совершенно одинакой высоты, толщины и фигуры; а решетка между тумбами по выбору владельцев из рисунков Комиссии; и чтобы в сих присоединенных к каждому двору местах хозяева оных старались разводить садики во всю длину мест своих перед домами по валу; дабы со временем весь проезд вокруг Земляного города с обеих сторон был между садами.

Представленный от меня о сем проект Высочайшего повеления, по рассмотрении в Комитете Г. Г. Министров и по одобрении от оного, в вышеупомянутых пяти пунктах Высочайше в 24-й день минувшего Апреля утвержден; с тем притом, чтобы об означенных в последнем пункте домах, в виде Гостиниц оставляемых, представляемы были Его Императорскому Величеству планы, с означением местного тех домов положения.

Дав знать таковым образом Комиссии для строений о последовавшем от Его Императорского Величества Высочайшем учреждении всех моих и ее предположений относительно устройства и приведения в приличное благолепие первопрестольного града Москвы, приведение коих в самое действие должно теперь составлять главнейшую цель всех занятий и особенных попечений Комиссии, сообразно той чести, славе и самому благоволению Монарха, каковые приобретет она успешным достижением конца в столь важном, обширном и трудном подвиге, я предварительно предписываю Комиссии следующее:

I. Вследствие Высочайшего Его Императорского Величества указа на имя мое, в 4-й день сего месяца последовавшего, немедленно заняться составлением полного плана Москвы, сообразно последовавшим переменам, в вышепрописанных пунктах означенным, с подробным описанием и с показанием прожектных линий — и представить мне для поднесения на Высочайшую Его Императорского Величества конфирмацию.

II. Самый первый и главнейший предмет, к коему Комиссия немедленно приступить долженствует, есть совершенно прочное исправление всех вообще казарм и постройка съезжих домов; почему Комиссия должна как можно поспешнее представить мне сметы и планы на утверждение и между тем со своей стороны, не теряя времени, приступить к предварительному приуготовлению всего, что к самому производству работ необходимо нужно.

Засим:

III. Комиссия обязана согласно с вышеупомянутым положением Комитета Г. Г. Министров, Высочайше утвержденным, тщательно сообразить — приемля в рассуждение время, настоящие способы, и так скорое сформирование рабочих баталионов, к каким именно работам на сей год приступить она может с увереннос-

тию, что оные могут быть в год или два окончены — и мне свое мнение о сем представить на утверждение.

IV. Доколе рекруты, для сформирования рабочих баталионов назначенные, и пионерные роты не придут, Комиссия может употребить в городские работы солдат из квартирующих здесь пехотных полков; и потому имеет мне заблаговременно представить, на какой предмет и сколько ей нужно, дабы я мог предписать, кому следует сделать наряд.

V. Так как для рабочих непременно должно будет построить положенную для работ одежду, то предварительно Комиссия должна озаботиться заготовлением хозяйственным образом летнего платья, т. е. холстинных, или равендучных кителей, судя по числу людей, какое потребно будет употребить на первой случай в работу, и как в сем случае приличнее признает распорядиться, представить мне на разрешение; для скорейшей и дешевейшей постройки сей одежды, я могу со своей стороны доставить казенных портных из полков, из коих Комиссия под надзором одного из ее чиновников составит швальню; в августе месяце Комиссия должна будет приуготовить осеннюю и зимнюю одежду.

VI. Если для сего имеющихся у нее налицо денег будет недостаточно, то о сем представить мне немедленно; дабы я мог дать ей разрешение на вытребование нужного количества денег из одного миллиона рублей, в сохранной казне опекунского Совета находящегося.

VII. Равномерно Комиссия должна озаботиться закупкою потребного количества необходимо нужных для производства работ инструментов, и что именно, по какой цене приторговано ею будет, мне на утверждение представить.

VIII. Поколику в распоряжение Комиссии будут поступать суммы на три разные предмета: 1-е — на вспоможение обывателям и на вышеупомянутые строения и работы ассигнованные прежде 5-ть миллионов рублей, 2-е — на вознаграждение по исчислению Комиссии за отходящие под площади земли и строения 2 249 042 рубли, и 3-е — на выпланирование и вымощение Москвы 1 516 790 рублей и как притом из первых пяти миллионов одна часть капитала употреблена будет на отделку театра, казарм, домов для полиции и прочие упомянутые работы без возврату; а другая часть капитала обращена будет через вспомоществование деньгами, материалами или самою выстройкою обывательских домов в ссуду, с возвратом в пять лет без процентов, и по возврате поступит паки на подсобное вспомоществование в течение других пяти лет; то для порядочного и верного отчета в обороте всех сих сумм порознь, отнюдь не смешивая одной с другою, Комиссия должна озаботиться учреждением порядочной бухгалтерии и, приготовив для записки прихода и расхода сих сумм потребное число книг, представить мне для подписания и, впоследствии представляя мне ежемесячные отчеты, делать оные о каждой сумме особыми ведомостями.

IX. Согласно с вышеупомянутым Высочайшим повелением, Комиссия должна приступить к сочинению планов домам, в виде Гостиниц оставляемым, и представить мне для всеподданнейшего представления Государю Императору.

X. Равномерно Комиссия должна сочинить план предполагаемого по Земляному валу проезда в 12 сажен шириною, с означением, во-первых, домов, долженствующих остаться в виде Гостиниц, присовокупя и фасады оным; а во-вторых, того, сколько кому земли по обе стороны сего проезда к домам отойти должно, и мне представить на утверждение.

XI. Желая всемерно облегчить тех обывателей, кои должны будут снести свои строения, я нужным нахожу потребовать от Комиссии ее мнения, основанного на точном и беспристрастном соображении с преднамереваемыми ею работами и временем производства оных, для каких именно зданий, к слюмке подлежащих, какой прилично назначить срок, дабы обыватели, лишившись сих мест своих, могли скорее быть вознаграждены и как можно менее бы через то потерпели убытка.

XII. Все те пункты Высочайше утвержденного проекта, по Именному Его Императорского Величества повелению, заготовленного мною для всеподданейшего словесного доклада, кои, изображая Высочайшую Его Императорского Величества к разоренным обывателям милость и сострадание, должны быть им известны, Комиссия обязана сделать через ведомости или через полицию, как то за способнее признает, обвещение, дабы каждый обыватель мог знать, где какое строение производить Высочайше дозволено и чего и по какому праву может он от Комиссии требовать.

Подлинное подписал Генерал от Кавалерии ТОРМАСОВ. № 624-й.

Мая 19 дня 1816 года. Москва».

(Из книги «Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным», часть IV, М., 1899, стр. 266—273.)

ССУДА НА ПОСТРОЙКУ И ПОПРАВКУ ДОМОВ ПОСЛЕ ПОЖАРА 1812 г., ВЫДАННАЯ МОСКВИЧАМ ИЗ 5 000 000 РУБ., АССИГНОВАННЫХ НА ЭТО ДЕЛО*

Год выдачи ссуды	Дворянству и чиновникам	Духовенству	Купцам и разночинцам	Всего
1815	30 000	—	—	30 000
1816	325 600	23 000	80 000	428 600
1817	332 820	18 700	81 260	432 780
1818	27 956	5 800	27 260	61 016
1819	266 856	20 000	71 500	358 356
1820	95 950	21 192	79 220	196 362
1821	233 611	2 515	33 900	270 026
1822	135 100	17 161	76 000	228 261
1823	111 429	—	28 000	139 429
1824	28 731	—	—	28 731
1825	115 224	7 500	16 525	139 249
1815—1825	1 703 277	115 868	493 665	2 312 810
1826	—	—	—	—
1827	15 000	—	—	15 000
1828	—	—	—	—
1829	2 500	—	2 480	4 980
1826—1829	17 500	—	2 480	19 980
1815—1829	1 720 777	115 868	496 145	2 332 790
Число лиц, воспользовавшихся ссудою	189	25	66	280
Размер ссуды на одного в среднем	9104 руб.	4634 руб.	7517 руб.	8331 руб.

* Таблица взята из книги В. Андросова «Статистическая записка о Москве». М., 1832, стр. 43—44, и переработана П. В. Сытиным.

СВЕДЕНИЯ ПО МОСКВЕ 1817 г.

(Статистические сведения Москвы до нашествия неприятеля сравнительно с 1817 г.)

	До нашествия неприятеля было	Ныне состоит
Соборов	7	7
Церквей	302	286
Монастырей	24	21
Кладбищ	14	14
Часовен	30	30
Богоугодных заведений	64	44
Домов до нашествия неприятеля было:		
каменных	2 567	
деревянных	6 591	
По выходе неприятеля осталось:		
каменных		626
деревянных		2 100
Возобновлено постройкою:		
каменных		2 514
В прошедших годах выстроено вновь:		
каменных		623
деревянных		5 551
Казарм для войск	9	9
Конюшен для кавалерии	2	5
Губернский замок	1	1
Временная тюрьма	1	1
Смирительный дом	1	1
Фабрик и заводов	441	376
Торговых рядов	192	192
В них лавок:		
каменных	7 979	6 917
деревянных	542	447

	До нашествия неприятеля было	Ныне состоит
Аптек:		
казенных	3	5
партикулярных	21	20
Учебных заведений:		
университет	1	1
академий	2	2
гимназий	2	1
институтов	2	2
пансионов	18	22
школ	21	17
Типографий:		
казенных	6	5
партикулярных	6	3
Публичных собраний:		
театров	1	1
клубов	2	2
Благородных и купеческих собраний	2	2
Гербергов	41	40
Съестных трактиров	204	181
Кофейных домов	9	6
Кухмистерских столов	4	14
Фряжских погребов	170	162
Полпивных продаж	99	87
Питейных домов	200	132
Хлебных изб	159	110
Калашных изб	132	98
Харчевен	182	57
Блинней	142	43
Постоялых дворов	568	395
Бань:		
домовых	1 050	600
торговых	41	33
Площадей	25	25
Улиц	183	164
Переулков	401	539
По улицам фонарей	7 292	4 341
Будок	360	362
Кузниц	316	237
Боен	19	20
Мостов	80	106
Прудов	297	253
Колодцев	3 670	3 793
Огородов	248	233
Садов	1 393	1 021
Оранжерей	111	107
Застав	16	16
Земли (квадратных сажен)		16 120 800
Мостовой каменной (квадратных сажен):		
казенной		7 139
городской		19 326
обывательской		572 289
Жителей:		
мужского пола		197 482
женского пола		114 518

ЦГВИА, фонд ВУА, № 18865.

КРАТКАЯ ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ И СТАТИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА МОСКВЫ

(Из „Путеводителя в Москве“, изд. С. Глинкою по французскому подлиннику Г. Лекоента де Лаво, М., 1824, с некоторыми изменениями и дополнениями, сделанными П. В. Сытиным)

Означение 20 частей (полицейских)	ЧИСЛО																													
																							Колодцев							
	Больших улиц	Переулков	Монастырей	Приходских церквей	Гостиниц	Обывательских домов	Казенных зданий	Лавок в домах	Рынков	Лавок на рынках	Харчевен	Пивных лавок	Кабачков	Трактиров	Постоялых дворов	Винных продавцев	Калачников	Хлебников	Кузниц	Прудов	Садов	Огородов	Оранжерей	общественных	домовых	Торговых бань	Фабрик	Будок	Фонарей	Жителей
Городская (Китай-город)	4	15	4	16	4	175	(6)	495	3*	5115	6	7	9	—	13	70	5	—	3	—	3	—	—	—	67	—	—	10	398	13 137
Тверская	8	38	3	26	1	324	17	32	15	336	32	5	10	9	—	16	7	9	21	9	43	4	8	3	283	1	—	24	852	19 209
Мясницкая	9	31	3	25	1	332	17	166	1	8	10	9	6	6	10	13	7	9	13	6	57	3	5	5	243	4	—	21	478	25 599
Пятницкая	7	37	—	18	12	512	4	62	1	24	16	2	7	—	17	3	6	8	2	2	84	10	4	11	291	1	8	20	333	11 884
Якиманская	7	37	—	16	6	479	6	116	6	168	20	1	6	3	22	3	5	6	19	—	52	9	1	5	385	3	9	23	223	11 478
Пречистенская	3	46	1	13	2	446	3	81	1	5	6	3	7	—	4	1	6	2	4	6	24	3	2	—	220	1	—	20	333	10 259
Арбатская	5	49	—	18	1	489	3	117	2	40	17	3	11	—	2	7	6	7	14	5	14	8	8	2	35	1	—	20	322	18 125
Сретенская	7	36	1	14	3	627	3	221	5	?	14	7	5	—	10	7	12	9	34	12	52	7	3	15	232	—	3	20	262	14 101
Яузская	8	38	—	22	2	593	6	59	3	?	8	3	9	2	14	4	3	7	11	17	59	2	8	3	241	4	8	20	256	13 283
Серпуховская	12	26	2	8	7	710	9	194	1	17	18	5	7	1	35	1	7	7	11	34	91	25	11	26	297	1	59	20	266	11 392
Хамовническая	7	17	1	8	1	321	3	22	—	—	1	1	4	—	2	—	—	2	10	40	76	12	26	3	195	1	27	16	102	13 307
Новинская	3	40	—	7	—	466	5	77	3	13	6	2	5	—	28	1	4	7	8	2	39	6	3	3	76	1	31	15	141	7 551
Пресненская	10	41	—	6	1	420	5	98	5	24	12	—	2	—	52	—	8	5	18	24	48	18	6	22	207	3	13	12	120	6 864
Сущевская	9	41	—	7	1	666	6	113	11	146	14	1	9	—	94	3	13	8	29	34	94	31	5	63	180	3	8	24	220	10 867
Мещанская	10	15	—	7	4	527	13	85	—	—	11	5	5	1	33	1	4	2	9	20	76	20	14	19	196	1	2	16	108	9 595
Покровская	9	19	—	3	1	381	8	69	1	?	9	—	6	1	13	1	4	2	6	21	23	9	2	18	119	2	34	13	39	13 593
Басманная	10	32	—	10	3	391	7	81	2	?	9	—	6	1	9	2	2	8	21	45	122	11	19	6	231	2	13	16	227	6 092
Лефортовская	10	13	—	3	2	346	9	35	7	124	8	2	4	1	10	2	2	6	3	25	32	13	4	13	159	3	11	18	187	14 047
Рогожская	9	29	1	7	4	5'2	4	199	1	?	19	1	7	1	74	—	11	7	13	6	40	8	2	56	222	2	29	13	136	10 447
Таганская	11	8	3	5	3	561	3	73	7	?	8	1	6	—	34	—	4	4	2	6	53	6	1	2	112	—	6	10	109	5 618
Всего	158	608	19	239	59	9 358	137	2395	75	602.	244	58	131	26	476	135	116	115	251	314	1 082	205	132	275	4 041	34	261	351	5112	246 538

* Верхние, Средние и Нижние ряды на Красной площади.

ОПИСЬ КАМЕННОЙ РАБОТЫ НА ИСПРАВЛЕНИЕ СТЕН И БАШЕН, ОГРАЖДАЮЩИХ КИТАЙ-ГОРОД (ПРЕДСТАВЛЕНА ОБЕР-ПОЛИЦМЕЙСТЕРУ ШУЛЬГИНУ ПОЛИЦМЕЙСТЕРОМ РОВИНСКИМ 21 ДЕКАБРЯ 1817 ГОДА)

1. На дистанции от Воскресенских ворот до первой башни пробраны трещины от самого верху до низу в шести местах, всего до 6 квадратных сажен насквозь, и выкрошившиеся снизу кирпичи в иных местах, где нужно, подделаны новым кирпичом, а в других обтесано.

2. Возле сей башни обвалившаяся стена, на 10 сажен в длину, в вышину на 4 сажени, толщиною снизу в 3, а сверху в $1^1/_2$ аршина, сделана на том же фундаменте прямая из нового кирпича, вышиною против старой стены.

3. На Софийской площади четвероугольная башня за ветхостью разобрана до основания; кирпича и камня очищено и сложено в клетки, из оных материалов складена на том же месте прямая стена в одну линию с старою стеною, длиною в 5 сажен, толщиною и вышиною против старой.

4. К Варварской башне подведены по стене цельные контрфорсы, всего погону 4, в высоту 2 сажени, а толщиною снизу в 4 кирпича, а вверху на скате, и три трещины пробраны насквозь в ширину на 1 аршин, и заделаны из белого камня, выкрошившийся по стене кирпич в разных местах подделан, где нужно, новым кирпичом и обтесан.

5. С правой стороны Варварских ворот стена на 20 погонных сажен с лица выкладена новым кирпичом, толщиною снизу в 4, а вверху в 3 кирпича, вышиною равна с старою стеною.

6. С левой стороны сих ворот также обвалившаяся стена в длину на 25 сажен, в высоту от фундамента до 4 сажен, складена с лица вновь, толщиною в 4 кирпича.

7. В башне на набережной трещина вверху стены разобрана и перекладена вновь, и цоколь вокруг с лица подведен белым камнем.

8. Все трещины пробраны и стены перекладены в перевязь с заливною известью с частью алебастра.

9. Все вообще башни и стены Китай-города выбелены по наружности с обеих сторон известию в 2 раза, с прибавлением песка.

10. Под Варварскую башню вместо старого кирпича подведен цоколь из белого камня, и тут же по стенам сделаны три контрфорса из кирпича, шириною 9, вышиною 13 аршин, а от оной башни до Москворецкой угольной башни обделан цоколь и стена на 4 квадратных сажени.

11. В наугольной набережной башне подведен цоколь из белого камня.

12. Там же круглая башня сверх проборки трещины обделана вновь.

13. Против Неглинной за Греческим монастырем сделаны стены на 73 погонных саженях.

14. От угольной до четвероугольной башни сделаны три контрфорса из кирпича.

15. Позади Греческого монастыря подведены два контрфорса, вышиною 7, шириною 3 аршина из кирпича.

16. Против Неглинной к Софийской площади сделано стены 17 сажен из кирпича.

17. Позади Присутственных мест подделана стена, 18 сажен, новым кирпичом.

18. Вычинены Никольские ворота, трещина пробрана, арка сомкнута из нового кирпича, и оные обелены.

19. Исправлены ветхости в Ильинских воротах, и оные обелены.

20. От Москворецких до Варварских ворот и от оных до Никольских на стенах лещадь переправлена с добавкою новой.

ВЕДОМОСТЬ

о пристройке к Китайской стене, представленная 1818 года июля 25 дня полицмейстеру Ровинскому от пристава Городской части Токарева

№ дома. Кому принадлежит	Какие пристройки
В 1 квартале:	
4. Заиконоспасскому монастырю	В четырех арках сделаны чуланы, под башней погреб и в прочих арках нечистоты
5. Греческому монастырю	В осьми арках сделаны погреба
6. Духовной типографии	Два погреба и одно нужное место и на башне сарай для складки угольев
7. СПБ купцу Глазунову	Один погреб с деревянным строением, в двух арках чуланы и приделанный сарай
70. Прихода ц. Троицы в Полях церковному причту	Три погреба в арках и одно нужное место
12. Г-же Беловой	В арке один погреб
13. Графу Орлову	У стены деревянное нужное место
15. Московскому мещанину Ашмарину	В арке одно нужное место и чулан
16. Церкви Владимирской божией матери	Под башней кладовая, два нужные места и погреб

Архиепископ Августин известил Обер-полицмейстера Шульгина, что им дано распоряжение «принадлежащие Заиконоспасскому монастырю и здешней Синодальной типографии построения, сделанные в городской Китайской стене, уничтожить и заделать».

31 августа 1818 года.

(«Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным», часть VI. М., 1901, стр. 91—94).

Приложение 10

М. МОСТОВСКИЙ. ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ХРАМА ВО ИМЯ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ В МОСКВЕ. МОСКВА, 1883 г.

(Выписки о построении храма на Воробьевых горах)

Стр. 4. «Из значительного числа представленных проектов был «высочайше» избран в 1816 году составленный академиком живописи Карлом Витбергом проект, поражавший величием и колоссальностью. Витберг... угадал идею царя, желавшего создать отечественный памятник, достойный русского народа, памятник, который своей колоссальностью и величием выражал бы силу и могущество России... Воодушевленный этими идеями, живописец Витберг, не знавший прежде архитектуры, изучает ее в течение двух лет и облекает идеи свои в соответствующие формы».

Стр. 5. «Местом для сооружения храма были избраны Воробьевы горы (32 саж. высоты), с которых открывается один из живописнейших видов на Москву и ее окрестности... между Смоленскою и Калужскою дорогами, по одной из которых неприятель вступил, по другой вышел из Москвы. Кроме красоты местоположения и указанных исторических событий, принимались в расчет экономические выгоды, так как в горах было изобилие кирпичной глины и речного песку...

...Человека художник представляет состоящим из тела, души и духа. Храм поэтому тоже должен был иметь три части.

Нижний храм, изображавший тело человека, посвящен Рождеству Христа, принявшего на себя смертное тело. На расстоянии 70 сажен от проектированной набережной реки Москвы начиналась лестница в 50 сажен ширины, которая через уступы вела к нижнему храму, имеющему форму параллелограмма. Эта форма напоминала собою гроб, куда кладется бездушное тело».

Стр. 6 и далее. «Нижний храм тремя сторонами прислонялся к земле, и только с востока проникал в него свет через огромные окна, с изображением на стеклах

Рождества Христова. Гранитные столбы должны были поддерживать свод и стены храма. Темные катакомбы, куда предполагалось перенести кости убитых воинов 1812 года, заканчивали нижний храм. По обеим его сторонам простиралась колоннада в 300 сажен длины, составлявшая как бы бока горы. На стенах ее предполагалось написать историю побед 1812 года, а на концах — два памятника, по 50 сажен высотой каждый, из пушек, отбитых у неприятеля.

Нижний храм посредством внутренних лестниц соединялся с средним храмом — «душевным». Кругом среднего храма шел обход или предхрамие, шириной в 5 сажен, представлявший также колоннаду и поддерживавший главный купол храма, имевший 25 сажен в диаметре. Вокруг этой колоннады помещались статуи главных добродетелей... Они открывали путь в истинный храм Христа.

Средний храм имел форму равноконечного креста... посвящен Преображению Господа... В храме предполагался полусвет в знак того, что в душе — воле происходит постоянная борьба добра и зла. Алтарь же освещался через изображение на его стеклах Преображения. Барельефы среднего храма представляли различные события из жизни Христа и апостолов. Наружность среднего храма украшалась изображениями пророков, свидетельствовавших о пришествии Христа еще в Ветхом Завете, но которые сами не могли быть в храме новом.

Верхний храм посвящался воскресению Христа. Он имел форму круга, как выражение бесконечности нашего духа, и был бы настолько освещен, насколько это позволяла бы архитектура. Плафон купола, изображавший отверстое небо, должен был освещаться невидимыми окнами. Алтарь же получал свет через окна, на стеклах которых изображалось воскресение Христа.

Все здание оканчивалось одною большою и 4 малыми главами. На последних предполагалось повесить 48 колоколов, которые подобрать так, чтобы они составили 4 музыкальных аккорда. Вышина храма от вершины горы до креста простиралась до 80 сажен, а от подошвы горы — на 110 сажен. Предположенные размеры храма делали его огромнейшим зданием, превышавшим все существовавшие тогда в мире постройки.

12 октября 1817 года, в день, когда в 1812 г. французы оставили Москву, совершена была торжественная закладка храма на Воробьевых горах в присутствии царя, двух цариц, великих князей и проч. Витбергу царем была поручена и постройка храма, хотя он от нее отказывался из опасения интриг.

Витберг хотел уехать за границу посоветоваться со специалистами и представить на утверждение проект в таком виде, чтобы не могло встретиться никаких препятствий при его исполнении. Но этого не случилось, и проект никогда не был окончательно доработан Витбергом. Последний рисунок, или составленное изображение храма — уже не с пятью, а с одной главой и с отдельной колокольней.

Экономический проект постройки был представлен Витбергом и окончательно утвержден царем в 1820 году. Для приведения его в действие была учреждена комиссия из 2 первоприсутствующих — генерал-губернатора и митрополита, и 2 непременных членов, из коих один, в звании директора строения, был Витберг, а другой, в качестве советника, — коллежский советник Корсаков.

Сущность экономического проекта состояла в следующем: 1) занять в Московском Опекунском совете 10 миллионов рублей и на них купить 10 000 крестьян, которые были бы рабочими на стройке храма; 2) с 1821 года вносить в государственную роспись по 2 миллиона рублей ежегодно, пока не окончится постройка храма. Из этих 2 миллионов рублей платить проценты в Опекунский совет и постепенно погашать 10-миллионный заем.

В течение 4 лет комиссия по устройству храма приобрела имений на 9 317 170 рублей с населением в 23 254 души. Это усложнило очень работы комиссии, а рабочих все-таки не хватало.

В 1821 году комиссия, имея в распоряжении 11 275 рабочих, начала на Воробьевых горах земляные работы с целью преобразовать косогор, состоявший из оврагов и холмов, имеющих до 12 сажен высоты, в ровное и правильное пространство для нижней площадки храма и вместе с тем место для склада и обтесанного камня, необходимого для фундамента храма и для набережной Москвы-реки. Длина этой площади равнялась 500 сажен, ширина — 100 сажен, а высота от поверхности воды — до 10 сажен. Прежде всего предполагалось устроить каменную набережную и водоотводные трубы, затем приступить к выемке земли, которою предназначалось засыпать рвы и овраги».

Стр. 17. «Одновременно с выравниванием площади устраивались деревянные укрепления канав, временные фашинные укрепления мест, которым угрожали дожди и ключевые источники, сооружались плотины для удержания течений родников, производились разные деревянные постройки для помещения архитекторов, рабочих и

прочих лиц, занимавшихся при строении храма, склады для хранения провианта и инструментов, больница на 60 человек, баня, кухня и проч. Всех работавших в 1821 г. на Воробьевых горах было до 1500 человек.

На земляные работы, по расчету Витберга, требовалось от 3 до 4 лет. В течение их он предполагал окончательно обработать чертежи храма и заготовить необходимые материалы, чтобы не было задержек при дальнейшем его строении. Действительно, в 1822 г. сделан запас строевого и дровяного леса, разного железа, бутового и штучного камня для набережной.

Березовая роща, находившаяся на Воробьевых горах, была увеличена посадкой буковых и кленовых деревьев, которые к окончанию сооружения храма сравнялись бы высотой со старой частью рощи.

В 1823 году приступлено было к ломке камня при деревне Григоровой в 100 верстах, Верейского уезда, близ верховья р. Москвы, и к соединению верховья с нижней частью реки каналом. Построенные зимой 55 барок весною доставили на Воробьевы горы 1200 куб. сажен камня».

Стр. 18. «Вместе с ломкою камня начались работы по устройствам для постоянного судоходства по Москве-реке. Для этого озера Голодное и Тростенское у ее верховьев превращены в резервуары для спуска воды во время хода барок. У Каменного моста сделаны приспособления для возвышения воды; очищен Водоотводный канал в Москве и на нем устроен шлюз с мельницей, а на Болотной площади бассейн. Работы вел майор-инженер Сомов. Стоили они 22 000 рублей.

В 1824 г. покупка населенных мест была окончена, и приобретенные 23 254 души, по расчету тягол, доставили в течение года до 6000 работников. Заготовление материалов, достигнув значительных размеров, стоило уже больших издержек, между тем видимого успеха в строительстве не замечалось, о чем сенатор Кушников, член комиссии по построению храма, доложил Александру I.

Последний велел Витбергу представить в комиссию план храма и смету по его фундаменту. Но Витберг, находя предварительное испытание грунта в 1819 г. недостаточным для основательных соображений о фундаменте и способе его укрепления, заявил, что смета будет представлена по окончании выемки земли и достаточном ее углублении; что же касается плана, то, имея его при себе в одном экземпляре, обещал представить в комиссию по изготовлении второго экземпляра».

Стр. 19. «Увеличившееся количество рабочих на тесном пространстве вызвало среди них повальные болезни, почему они были распущены в отпуск по своим домам. Из 4123 рабочих 2619 заболело в течение рабочего времени, 649 обязались внести за себя деньги, остальные были, большей частью, малолетние, слабые, даже безрукие, слепые и помешанные.

В 1825 г. состоялось «высочайшее» решение о соединении между собой Волги и Москвы-реки для доставки к храму находившихся в изобилии близ Волги каменных материалов. Работы велись в течение нескольких лет, но безуспешно. Груженные камнем барки не могли пройти по каналу даже в полую воду (на каждой было 10 куб. сажен камня). 100 барок с камнем, по 10 000 пудов на каждой, сели на мель и не сдвинулись.

Комиссия же израсходовала: на устройство судоходства в верховье Москвы-реки 278 057 руб., на построение барок 292 887 руб., на соединение верховья Волги с верховьем Москвы-реки — 123 848 рублей».

Стр. 21. «С учреждения комиссии прошло 5 лет, вынуто 110 636 куб. сажен земли, но грунт все еще не был исследован точным образом: никаких данных для дальнейших соображений об устройстве фундамента и набережной не выработано, никаких определенных назначений относительно хода работ и употребления в дело запасенных материалов не существовало, поэтому комиссия не имела возможности что-либо узнать, а тем более — приступить к исполнению работ.

В 1825 г. Витберг отправился в Петербург и подал Александру I докладную записку, в которой жаловался, что члены комиссии делают то, против чего он не в силах бороться, и в частности просил о приостановлении подряда на перевозку камня, за который комиссия, несмотря на его протест, умышленно передает подрядчику более 300 тысяч рублей. Царь передал записку на рассмотрение Комитета министров, самого же Витберга обязал не выезжать из Петербурга, чтобы совместно с оберпрокурором Св. Синода пересмотреть правила, которыми комиссия руководствуется, составить общие правила и представить их ему на утверждение. Но Александр I скоро умер, а Николай I приказал приостановить производство работ по храму и для обсуждения проекта Витберга составил «Искусственный Комитет» под председательством инженер-генерала Оппермана, в который входили инженеры: Карбоньер, Базен, архитекторы Михайлов, Монферран, Стасов и др.

Комитет должен был ответить на вопросы: 1) можно ли на Воробьевых горах построить храм по проекту Витберга; 2) можно ли на том же месте построить храм по другому проекту; 3) при осуществлении проекта Витберга избрать ли одну поверхность горы отдельно от крутизны ее.

На все три вопроса комитет дал отрицательные ответы, так как крепкий грунт лежит на горах очень глубоко, а на сыпучих грунтах нельзя строить фундаментального сооружения.

...Напрасно Витберг оправдывался: следователь был на стороне его противников. В результате 16 апреля 1827 г. комиссия по сооружению храма Христа Спасителя была закрыта, Витберг и другой член комиссии Рунич преданы суду Московской уголовной палаты, а чиновники Государственного контроля подсчитали, что комиссия произвела растрату на 900 000 рублей.

Указом 1828 г. имения Витберга, Рунича и др. членов комиссии были секвестрованы, Витберг же по окончании суда, признавшего его виновным, в 1835 году был сослан в Вятку в заточение».

Стр. 25. «Все приобретенные для храма материалы были переданы разным ведомствам, а строения на Воробьевых горах — городу.

...Строительство храма Христа Спасителя на Воробьевых горах обошлось казне в 4 132 560 рублей 74 копейки».

ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИЕ И КРУПНЫЕ РЕМЕСЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ г. МОСКВЫ В 1843 г.

(ПО «АТЛАСУ ПРОМЫШЛЕННОСТИ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ» Л. М. Самойлова. М., 1845 г.)

№ п/п	Отрасли промышленности	Городские полицейские части																	
		Городская	Тверская	Мясницкая	Пятницкая	Якиманская	Серпуховская	Пречистенская	Арбатская	Сретенская	Яузская	Хамовническая	Пресненская	Сущевская	Мещанская	Басманная	Рогожская	Лефортовская	Всего
1	Шелкокрасильные заведения (фабрики)	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	3	—	—	2	1	—	2	9
2	Шелковые и полушелковые фабрики	—	1	1	1	3	2	1	—	-	3	—	3	1	2	18	17	11	64
3	Шерстопромывные и сортировочные фабрики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	2
4	Шерстопрядильные фабрики	—	—	—	—	—	2	1	—	1	1	—	1	—	1	—	—	1	8
5	Шерстокрасильные фабрики	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	3
6	Шерстоткацкие фабрики	—	—	—	6	4	8	—	—	2	2	3	4	—	—	4	6	16	55
7	Шерстоотделочные фабрики	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	1	—	—	2	—	1	8
8	Шерстобумажные фабрики	—	—	—	—	—	1	—	—	1	2	1	—	1	—	2	2	9	19
9	Бумагопрядильные фабрики	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	3
10	Бумагосучильные фабрики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1

№ п/п	Отрасли промышленности	Городская	Тверская	Мясницкая	Пятницкая	Якиманская	Серпуховская	Пречистенская	Арбатская	Сретенская	Яузская	Хамовническая	Пресненская	Сущевская	Мещанская	Басманная	Рогожская	Лефортовская	Всего
		Городские полицейские части																	
11	Бумагокрасильные фабрики	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	2	5	5	15
12	Отбеливальные фабрики	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2	—	1	—	—	1	—	1	6
13	Ваточные фабрики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	2
14	Бумаготкацкие и набивные фабрики	—	—	4	5	1	29	—	—	1	6	13	7	—	1	12	17	41	137
15	Льняно- и пеньковоткацкие фабрики	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	3
16	Шляпные фабрики	2	2	2	1	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	9
17	Лакированных изделий фабрики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	2
18	Писчебумажные и обойные фабрики	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
19	Бумажно-табакерочные фабрики	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	3
20	Золотопрядильные, мишурные и канительные фабрики	—	3	1	7	4	3	—	—	—	—	—	—	2	—	—	2	—	22
21	Серебряные фабрики	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
22	Накладного серебра фабрики	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—	—	6
23	Медные и бронзовые заводы	—	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	1	—	—	8

№ п/п	Отрасли промышленности	Городские полицейские части																	
		Городская	Тверская	Мясницкая	Пятницкая	Якиманская	Серпуховская	Пречистенская	Арбатская	Сретенская	Яузская	Хамовническая	Пресненская	Сущевская	Мещанская	Басманная	Рогожская	Лефортовская	Всего
24	Колокольные заводы	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	3
25	Жестяные заводы	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
26	Пуговичные фабрики	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	2
27	Булавочно-игольные фабрики	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
28	Железные заводы	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	2
29	Чугунолитейные заводы	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	1	4
30	Кардные и бердочные заводы	—	2	1	—	3	2	—	—	2	1	—	—	—	—	2	2	—	15
31	Механические заведения по изготовлению машин и снарядов (заводы)	—	1	—	—	2	1	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	6
32	Часовых дел мастерские (ремесленные заведения)	4	12	4	—	—	—	3	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	25
33	Химические заводы	—	—	—	—	—	8	—	—	—	—	3	—	—	2	2	1	—	16
34	Лаковарочные заводы	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	3
35	Сургучные фабрики	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	2	4

№ п/п	Отрасли промышленности	Городские полицейские части																	
		Городская	Тверская	Мясницкая	Пятницкая	Якиманская	Серпуховская	Пречистенская	Арбатская	Сретенская	Яузская	Хамовническая	Пресненская	Сущевская	Мещанская	Басманная	Рогожская	Лефортовская	Всего
36	Мыловаренные заводы	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	3
37	Водочные заводы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	1	—	1	5
38	Пивоваренные и медоваренные заводы	—	1	—	—	2	7	—	—	—	2	2	8	1	—	1	—	—	24
39	Горчичные заводы	—	2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
40	Картофелепаточные заведения (заводы)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	1	3
41	Уксусные заводы	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	2
42	Помады и духов фабрики	1	3	3	2	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	14
43	Стеариновых свечей заводы	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	2	—	—	4
44	Олеинный завод	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
45	Кожевенные заводы	—	—	—	2	1	15	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2	21
46	Воскобойный и медотопный завод	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
47	Восковых свечей заводы	1	—	—	6	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	10
48	Салотопенные заводы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	4	—	—	—	6
49	Сальных свечей заводы	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	4	—	—	—	1	3	9
50	Табачные фабрики	5	8	8	7	3	2	1	6	3	1	—	—	2	2	3	1	1	53

Продолжение

№ п/п	Отрасли промышленности	Городские полицейские части																	
		Городская	Тверская	Мясницкая	Пятницкая	Якиманская	Серпуховская	Пречистенская	Арбатская	Сретенская	Яузская	Хамовническая	Пресненская	Сущевская	Мещанская	Басманная	Рогожская	Лефортовская	Всего
51	Перчаточные фабрики	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3	—	—	—	—	5
52	Экипажные заведения (ремесленные)	—	—	2	—	1	—	—	5	7	8	1	—	3	—	1	—	—	28
53	Музыкальных инструментов и мебельные заведения (ремесленные)	—	23	7	—	—	—	2	7	1	1	—	—	—	—	—	—	—	41
54	Солодовенные заводы	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	3	2	—	—	2	1	10
55	Кирпичные заводы	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	10
56	Гончарные заводы	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	2	2	—	2	—	1	—	8
	Всех 462 фабрики, 178 заводов, 94 ремесленных заведения =734	13	66	37	46	32	103	8	19	23	33	36	44	24	21	61	60	108	734

Приложение 12

ПЛАНИРОВКА МОСКВЫ С 1820 ПО 1830 ГОД

(Из «Статистической записки о Москве» В. Андросова, М., 1832)

«Преобразования и улучшения, произведенные в последнее десятилетие в физической топографии Москвы, делают статью сию сколько занимательною, столько и достойною особенного внимания. Они показывают, какие колоссальные, благодетельные следы оставляет по себе просвещенное управление. Надобно видеть, что было и что теперь. Означим работы главнейшие.

Неглинная существует теперь по одним только преданиям. Все место ее течения, от Самотечного канала до устья, смрадное и гнилое, слишком памятное каждому из московских жителей, закрыто; по оному пролегают теперь улицы, площади, дорожки

для прогулок и сады. Сколько удобств и какая невыразимая, неоцененная польза для народного здоровья! Большая решетка Кремлевских садов могла бы быть предметом удивления, если бы прочие предметы, ее окружающие (особенно строения с правой стороны), более соответствовали ее огромности и отличному рисунку.

Церковь Василия Блаженного только своим названием теперь (Спас на Рву) напоминает о том, что между сим готическим строением и Кремлевской стеною был некогда глубокий ров; теперь на его месте широкая отлогая площадь, простирающаяся до самой набережной. Какое удобство и красивую опрятность представляют английские дорожки, обсаженные липами, тянущиеся параллельно с набережною, облегчая угрюмые Кремлевские стены к Москве-реке! Вообще, Кремль, окруженный густою юною зеленью, представляет, особенно со стороны больших садов, вид прелестный: мрачная огромность Арсенала и башен ярко отражается на зелени густых лип.

Напрасно любопытный стал бы искать теперь и *Кузнецкого моста:* его нет и следов, самая улица, подымающаяся к Лубянке, весьма много срыта и значительно сделана отложе. Далее все место низменное, некогда грязное и нечистое, от Трубы до самых теперешних Кремлевских садов поднято почти на 4 аршина. Сколько труда!

Но зато погляните на эту огромную прелестную *Театральную площадь:* отделкою и перспективою она едва ли уступит лучшим площадям столиц европейских! На одной стороне правильность и симметрия Петровского театра с окружающими строениями; с противоположной — цветочный сад, а за ним старинные стены Китай-города, из-за которых возвышаются верхи церквей; далее массивное здание Присутственных мест; огромный Арсенал, и по зелени Кремлевского сада взор останавливается на легком куполе Пашковского дома.

Новая *Никольская площадь,* уступая первой в обстройке, столько же замечательна по планировке и обширности. Дерновые склоны на *Варварскую площадь* много придают красоты сему месту, особенно когда будет кончен устрояемый здесь фонтан.

Бульвары, занявшие место вала, окружавшего город, сделались местом общественных прогулок. Не говоря уже о *Тверском,* который отделан и содержится с особенной заботливостью, взглянем на другие. Как хорошо обделаны эти склоны, отлого подымающиеся по горе к Алексеевскому монастырю, и каков вид представляют самые стены монастыря, окруженные бульварами! Но чтобы достойнее оценить положение этого места, надобно взглянуть с этой высоты на Кремль и вверх по течению реки Москвы к подошвам Воробьевских возвышенностей. Сколько надобно было употребить работы, чтобы из безобразной горы, где теперь устроен прекрасный *Пречистенский бульвар,* сделать такое приятное место: тут была произведена обширная планировка: срыли почти целую гору, которая была не ниже главы церкви Покрова, что на Грязях, находящейся на другой стороне улицы.

Арбатская площадь, оканчивающая сей бульвар и разделяющая его от Никитского, есть одна из лучших площадей в столице. Ее много украшает и обделка около Борисо-Глебской церкви.

Место по низменному положению своему всегда нечистое, *площадь на Трубе,* при устройстве Петровского и Сретенского бульваров видимо улучшилась; по окончании же теперешних работ она будет одна из лучших. Удобный всход, ведущий с нее на Сретенский бульвар, устроен прекрасно: два отлогие скаты по сторонам, между коими сделан простой, но очень красивый родник чистой воды.

Чистый пруд, урочище старинное, находящееся в конце Покровского бульвара, отделан в виде овала; вокруг оного устроены планированные откосы и в них сходы к воде и водостоки с шлюзами из дикого камня; пруд окружен аллеями и дерном. Короче: все это пространство от Алексеевской горы до устья Яузы, составляющее протяжение на 6 верст, совершенно преобразовано: в иных местах сделаны огромные насыпи, в других целые слои сняты; везде устроены Английские дорожки, во многих местах террасы, а места, оставленные для зелени, усажены липами и устланы дерном.

Оставляя будущему времени заметить выгоды, удобства и красоту строящегося теперь Москворецкого моста и набережных, которые украсят некогда правый берег реки, мы остановимся на этой огромной насыпи, почти соединяющей улицу, находящуюся у Калужской площади, с Остоженкой, ведущею к историческому Крымскому броду. Кто не помнит бывшего здесь проезда? Теперь по всему этому пространству, понимаемому разливом Москвы-реки, устроена прочная насыпь на 370 саженей в длину, в 14 и 15 с. шириною и в $7^1/_2$ аршин в вышину, покрытая шоссе; и проезд сделан удобнейший, какой только существовать может.

В самых отдаленных частях города устроены удобные и красивые места для прогулки; *бульваром в Зубове* можно полюбоваться и видевши бульвары внутренние. Нельзя не упомянуть об месте летней скачки, тут же устроенной.

Далее стоит только пробежать *Садовую улицу,* по многим отношениям оправдывающую свое название, чтобы видеть, какие улучшения сделаны даже в дальних местах; ее пересекают обширные площади: Новинская, упланированная, год от году

улучшающаяся, Кудринская, Триумфальная, расширенная, площадь между Ново-Слободским рынком и Каретным рядом, фонтан с прекрасно отделанным прудом Самотеки, две обширные площади по сторонам Сухаревой башни и, наконец, площади у Красных ворот и у Покровского рынка. Сколько нужно было работы устроить эти две насыпи, вышиною до 15 аршин, простирающиеся к реке Яузе, по обеим сторонам оной, и чтобы вырыть для этих насыпей землю от Воронцовской улицы, по обе стороны Яузы на 7—8 аршин и уравнять с мостом через Яузу, вышиною в 17 аршин? Следя далее по этому направлению, снято земли у моста и реки до поперечной Николо-Ямской улицы, от 4 до 5 аршин в глубину, а за оною засыпано болото, где не было проезду; срыта гора до Таганского рынка; наконец, у Краснохолмского моста, по планировке, крутизна горы скопана на 3 аршина. Садовая улица пойдет далее по проезду так называемого Земляного города, через водоотводный канал до Зацепы. Таким образом, в протяжении она составит до 15 верст.

Улучшены также въезды у застав: Калужской, Дорогомиловской, Пресненской, Миусской, Семеновской; при них устроены шоссе. Сделаны и особенные дамбы: в Серпуховской части Кожевническая, а в Покровской Хапиловская.

Планируются улицы, пролегающие мимо Екатерининского института, бывшего Слободского и Лефортовского дворцов и около нового дома малолетних Кадетского корпуса: тут делаются значительные углубления, от 3 до 6 аршин.

Улицы около Пресненских прудов планируются: в некоторых местах земля срывается, а в других насыпается до 2 аршин. Тут готовится шоссе.

Урочище Патриаршие пруды, замечательное в историческом и топографическом отношениях, представляет теперь вместо болота чистый пруд, обделанный дерновыми склонами по берегам, дорожками и аллеями, что с поднятыми тут мостовыми вообще много содействовало к осушению этой низменности, известной в старину, и теперь еще, под народным названием Козьего болота.

Но какую неоцененную, общественную пользу доставило городу осушение огромного болотного, кочковатого пространства, занимавшего около 300 десятин, находящегося за Бутырскою заставою! Где за 9 лет перед сим были гнилые топи, наполнявшие окрестность всегдашнею сыростию — там теперь луга и богатые поля».

СОСТАВ ТЕРРИТОРИИ МОСКВЫ в 1849—1854 гг.

Полицейские части	Строительные кварталы		Городские проезды, площади, переулки		Реки, пруды и другие водоемы		Зеленые насаждения		Пустыри и прочие угодья		Всего	
	Десят.	Саж.	Десят.	Саж.	Десят.	Саж.	Десят.	Саж.	Десят.	Саж.	Десят.	Саж.
1. Городская	52	298	28	242	5	1289	16	1843	—	—	102	1272
2. Тверская	162	1620	51	732	3	135	—	—	—	1494	217	1581
3. Мясницкая	150	1348	42	2060,5	2	1228	—	998	—	1736,5	197	171
4. Пятницкая	156	20	34	2113	18	602	—	—	6	1720	215	2055
5. Якиманская	151	262	39	1491	22	562	—	—	2	2159	215	2074
6. Пречистенская	125	2206	31	606	8	88	1	1384	1	53	167	1937
7. Арбатская	139	1148	35	1410	—	2220	5	2279	—	—	181	2257
8. Сретенская	137	692	31	534	—	65	8	873	—	1683	177	1447
9. Яузская	175	1401	34	1145	6	920	5	669	6	1732	228	1067
10. Басманная	450	103	56	767	4	98	1	1361	4	667	516	596
11. Рогожская	297	1786	76	910	16	1347	3	1037	37	1873	431	2153
12. Серпуховская	682	1789	90	1471	45	1041	4	1474	65	1434	889	9
13. Хамовническая	547	694	57	1051	74	849	60	409	32	575	771	1178
14. Пресненская	303	2031	48	1672	10	430	—	—	11	662	373	2395
15. Сущевская	428	2173	53	1792	2	371	11	1754	31	1038	527	2328
16. Мещанская	481	660	54	626	—	1878	3	1843	2	1922	542	2129
17. Лефортовская	645	761	110	1398	19	407	129	1940	8	1888	913	1594
Всего	5087	2192	877	820,5	239	1530	253	1064	213	1436,5	6671	2243
%	76,2		13,1		3,6		3,8		3,3		100	

(«Указатель к плану г. Москвы, напечатанный Московскою городскою распорядительною думою в 1868 г.», Москва, 1868).

ЗАСТРОЙКА И ЗАСЕЛЕННОСТЬ МОСКВЫ ПО ПОЛИЦЕЙСКИМ ЧАСТЯМ в 1855 г.

№ п/п	Название полицейских частей	Общая их площадь в тыс. кв. сажен	Площадь строительных кварталов в тыс. кв. саженей	%	Число дворов под номерами	Средн. площадь 1 двора (кв. саж.)	Население*	Населения на тыс. кв. саж. стр. кв. дворов
1	Городская	246,1	125,1	50,8	214	584	13 634	108,9
2	Тверская	522,4	390,4	74,7	501	779	27 510	70,4
3	Мясницкая	473,0	361,6	76,4	451	801	25 385	70,2
4	Пятницкая	518,0	374,4	72,2	685	546	19 560	52,2
5	Якиманская	518,1	362,7	70,0	695	522	20 520	56,5
6	Пречистенская	402,7	302,2	75,4	603	501	15 109	50,0
7	Арбатская	436,6	334,7	76,6	604	554	17 855	53,3
8	Сретенская	426,2	329,5	77,2	720	457	20 261	61,1
9	Яузская	548,3	421,4	76,8	658	640	22 990	54,5
10	Серпуховская	2 133,6	1 638,6	76,7	754	2 173	22 991	14,0
11	Хамовническая	1 851,6	1 313,5	70,9	644	2 038	15 144	11,5
12	Пресненская	897,6	729,2	81,2	724	1 007	22 167	30,4
13	Сущевская	1 267,1	1 029,4	81,2	696	1 479	12 268	11,9
14	Мещанская	1 302,9	1 155,1	88,6	746	1 550	20 209	17,4
15	Басманная	1 239,0	1 080,1	87,1	641	1 685	31 564	28,2
16	Рогожская	1 036,6	714,6	68,9	1 025	697	22 852	31,9
17	Лефортовская	2 192,8	1 548,8	70,6	915	1 692	42 122	27,2
	Всего	16 012,6	12 211,3	76,2	11 276	1 083	372 141	30,4

(«Указатель к плану города Москвы, напечатанный Московскою городскою распорядительною думою в 1868 году», Москва, 1868.)

* Цифры ориентировочные.

ПРОСТРАНСТВО И НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ МОСКВЫ В 1860-х ГОДАХ*

Городские части	Пространство		Народонаселение		
	десятин	кв. саж.	мужск.	женск.	всего
1. Городская	109	607	9 920	3 324	13 244
2. Тверская	217	1 581	16 830	11 739	28 569
3. Мясницкая	917	205	16 781	11 917	28 698
4. Пятницкая	213	2 048	11 903	8 146	20 049
5. Якиманская	213	1 803	10 107	7 170	17 277
6. Пречистенская	167	1 817	9 961	7 935	17 896
7. Арбатская	181	2 157	11 193	7 769	18 962
8. Сретенская	177	1 405	12 132	6 801	18 933
9. Яузская	227	1 643	15 977	7 606	23 583
10. Серпуховская	888	2 102	13 902	6 813	20 715
11. Хамовническая	771	159	10 951	5 606	16 557
12. Пресненская	374	1 226	10 699	6 776	17 475
13. Сущевская	522	1 275	12 319	8 076	20 395
14. Мещанская	541	1 956	11 046	6 629	17 675
15. Басманная	516	499	12 387	7 267	19 654
16. Рогожская	431	2 153	11 598	4 982	16 580
17. Лефортовская	913	2 016	21 249	14 116	35 365
Всего	7 387	652	218 955	132 672	351 627

* (Н. Скавронский. «Очерки Москвы», выпуск II. «Физиология города и общества». Москва, 1866.)

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Экспликация: 1—число заведений,

№ п/п	Промышленные заведения по отраслям	Городские поли															
		Городская		Тверская		Мясницкая		Пятницкая		Якиманская		Пречистенская		Арбатская		Сретенская	
		1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
1	Шерстопромывальные и сортировальные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	Шерстопрядильные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—
3	Шерстокрасильные	—	—	—	—	—	—	2	10	—	—	—	—	—	—	—	—
4	Шерстоткацкие	—	—	—	—	1	5	4	1736	2	126	—	—	—	—	1	16
5	Шерстоотделочные	—	—	—	—	1	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6	Шерстобумажные	—	—	—	—	—	—	—	—	1	240	1	500	—	—	—	—
7	Шелкокрасильные	—	-	1	12	2	7	1	3	—	—	—	—	—	—	—	—
8	Шелковые и полушелковые	—	—	1	27	—	—	—	—	2	52	—	—	—	—	—	—
9	Льняно- и пеньковоткацкие	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10	Бумагопрядильные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11	Ваточные	—	—	—	—	—	—	—	—	1	4	—	—	—	—	—	—
12	Бумагокрасильные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13	Отбеливальные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14	Бумаготкацкие и набивные	—	—	—	--	2	450	3	492	1	70	—	—	—	—	—	—
15	Аппретурные и голландровые	4	142	—	—	3	44	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
16	Шляпные	1	2	1	10	2	15	2	48	1	13	—	—	—	—	—	—
17	Лакированные изделия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
18	Писчебумажные и обойные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
19	Бумажно-табакерочные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20	Золотопрядильные, мишурные и канительные	—	—	2	60	—	—	9	264	4	112	—	—	—	—	—	—
21	Серебряные	—	—	—	—	2	72	1	55	2	34	—	—	—	—	—	—
22	Накладного серебра	—	—	2	148	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
23	Медные и бронзовые	—	—	4	246	1	98	—	—	2	60	—	—	1	25	—	—

МОСКВЫ В 1853 г.

2—число рабочих в них

цейские части

Яузская		Серпуховская		Хамовническая		Пресненская		Сущевская		Мещанская		Басманная		Рогожская		Лефортовская		Всего	
1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
—	—	5	245	—	—	1	40	—	—	—	—	1	18	—	—	—	—	7	303
1	95	1	55	—	—	1	47	—	—	1	80	1	45	—	—	—	—	5	322
—	—	4	57	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3	—	—	7	94	14	164
1	140	4	360	4	2176	—	—	—	—	—	—	6	1492	1	198	17	3922	41	10171
1	41	3	255	—	—	—	—	—	—	—	—	1	45	—	—	7	169	13	517
3	803	5	733	2	368	1	216	—	—	—	—	8	799	3	478	19	2781	43	6918
—	—	5	53	1	50	—	—	—	—	2	11	4	58	3	20	5	31	24	245
3	343	1	24	1	15	—	—	—	—	2	250	13	891	14	831	6	188	43	2621
—	—	1	40	—	—	—	—	—	—	—	—	1	260	—	—	—	—	2	300
—	—	-	—	—	—	1	485	—	—	—	—	2	940	—	—	—	—	3	1425
—	—	1	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	18	—	—	4	29
2	145	8	519	3	122	1	3	—	—	1	6	3	91	5	146	12	277	35	1309
1	120	3	207	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	18	5	345
6	511	17	2333	12	1393	5	1508	2	34	1	150	14	1314	21	1848	51	3192	135	13295
1	5	—	—	1	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	19	12	216
2	19	—	—	—	—	—	—	1	20	—	—	—	—	—	—	—	—	10	127
—	—	3	45	—	—	1	35	1	30	1	3	—	—	2	14	1	5	9	132
—	—	3	56	—	—	—	—	—	—	1	8	1	10	2	40	1	12	8	126
—	—	—	—	—	—	—	—	1	4	—	—	—	—	—	—	—	—	1	4
—	—	3	59	1	5	—	—	1	10	1	25	2	78	4	229	—	—	27	842
—	—	2	53	—	—	1	12	—	—	—	—	—	—	2	64	2	14	12	304
—	—	—	—	—	—	—	—	1	20	—	—	2	155	2	16	—	—	7	339
—	—	—	—	—	—	—	—	1	50	—	—	—	—	6	75	—	—	15	554

№ п/п	Промышленные заведения по отраслям	Городские поли															
		Городская		Тверская		Мясницкая		Пятницкая		Якиманская		Пречистенская		Арбатская		Сретенская	
		1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
24	Колокольные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
25	Оловянные и жестяные	—	—	—	—	—	—	2	61	1	18	—	—	—	—	—	—
26	Пуговичные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
27	Фольговые	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
28	Булавочные изделия	—	—	1	12	—	—	—	—	1	10	—	—	—	—	—	—
29	Железные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	25
30	Рессорные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
31	Чугунолитейные	—	—	—	—	—	—	1	82	—	—	—	—	—	—	—	—
32	Кардные и металлические	—	—	2	44	—	—	—	—	2	42	—	—	—	—	—	—
33	Машинные и снарядные	—	—	1	10	3	6	—	—	1	34	—	—	—	—	1	170
34	Оптические и хирургические	1	13	2	17	6	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
35	Оружейные	—	—	4	10	—	—	—	—	—	—	—	—	1	9	—	—
36	Часовые	10	52	14	61	5	47	2	2	—	—	—	—	2	10	—	—
37	Химические	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
38	Лаковарные	—	—	—	—	—	—	1	7	2	4	—	—	—	—	—	—
39	Сургучные	—	—	—	—	—	—	1	70	—	—	—	—	—	—	—	—
40	Мыловаренные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
41	Водочные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
42	Пиво-медоваренные	—	—	—	—	—	—	—	—	1	15	—	—	—	—	—	—
43	Горчичные	—	—	2	9	—	—	1	10	—	—	—	—	1	9	—	—
44	Картофелепаточные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
45	Рафинадные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
46	Уксусные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
47	Помады и духов	—	—	3	10	—	—	1	2	1	4	—	—	—	—	—	—

цейские части

Яузская		Серпуховская		Хамовническая		Пресненская		Сущевская		Мещанская		Басманная		Рогожская		Лефортовская		Всего	
1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	40	—	—	—	—	—	—	3	40
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	7	—	—	4	86
—	—	2	40	—	—	1	14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	54
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	10	1	10
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	22
—	—	—	—	—	—	2	48	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	73
—	—	—	—	—	—	—	—	1	30	—	—	1	6	—	—	—	—	2	36
—	—	—	—	—	—	2	44	1	35	1	20	—	—	1	16	1	7	7	204
1	17	2	26	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	1	29	—	—	9	160
2	33	1	115	—	—	2	36	—	—	1	35	1	7	—	—	2	23	15	469
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	110
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	6	—	—	—	—	6	25
—	—	—	—	—	—	—	—	1	4	—	—	1	2	—	—	—	—	35	178
—	—	4	153	2	4	1	5	1	20	1	5	3	10	1	4	1	2	14	203
—	—	1	2	—	—	2	7	2	6	2	28	—	—	—	—	—	—	10	54
—	—	1	3	—	—	—	—	—	—	—	—	1	6	—	—	1	20	4	99
—	—	1	4	3	32	—	—	1	8	—	—	—	—	—	—	1	2	6	46
—	—	—	—	—	—	2	33	—	—	1	8	1	6	—	—	—	—	4	47
—	—	2	48	2	24	2	52	1	5	—	—	1	68	—	—	—	—	9	212
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	28
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	21	—	—	1	16	2	37
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	15	1	15
—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2
2	18	1	130	2	71	—	—	—	—	—	—	1	6	—	—	—	—	11	241

№ п/п	Промышленные заведения по отраслям	Городские поли															
		Городская		Тверская		Мясницкая		Пятницкая		Якиманская		Пречистенская		Арбатская		Сретенская	
		1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
48	Стеариновых свечей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
49	Олеинные заводы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
50	Фосфоро-спичечные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	-	—	—
51	Кожевенные	—	—	—	—	—	—	3	137	—	—	—	—	—	—	—	—
52	Клееварные	-	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
53	Воскобойные	—	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
54	Восковых свечей	—	—	—	—	1	14	3	18	3	30	—	—	—	—	—	—
55	Воскобелильные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
56	Салотопенные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
57	Сальных свечей	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—	1	3	1	4
58	Табачные фабрики	4	685	6	127	8	98	1	6	2	4	—	—	1	6	3	23
59	Пробочная фабрика	—	—	—	—	—	—	1	116	—	—	—	—	—	—	—	—
60	Перчаточные	—	—	4	32	1	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
61	Экипажные заведения	—	—	3	38	13	238	—	—	2	15	1	30	4	65	4	79
62	Музыкальных инструментов и мебельные	—	—	22	358	5	106	—	—	—	—	—	—	5	60	—	—
63	Макаронные заводы	1	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
64	Кондитерские заводы	7	68	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
65	Солодовенные заводы	—	—	—	—	—	—	1	6	—	—	—		—	—	—	—
66	Гончарные заводы	—	—	-	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
67	Кирпичные заводы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Всего в Москве	28	977	75	1231	57	1295	40	3125	32	887	2	530	16	187	11	317

(Тарасов. „Статистическое обозрение промышленности Московской губер

цейские части

Яузская		Серпуховская		Хамовническая		Пресненская		Сущевская		Мещанская		Басманная		Рогожская		Лефортовская		Всего	
1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
—	—	1	22	1	193	—	—	—	—	—	—	1	75	—	—	—	—	3	290
—	—	—	—	—	—	—	—	1	8	—	—	—	—	—	—	—	—	1	8
—	—	1	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	10
—	—	19	685	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	4	—	—	23	826
—	—	4	22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	22
1	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	5
—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	1	15	1	10	—	—	10	89
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	20	2	20
—	—	1	13	1	8	1	6	1	20	2	6	—	—	—	—	—	—	6	53
—	—	1	2	2	16	4	27	1	3	1	7	—	—	1	5	3	24	15	91
1	18	2	222	1	6	3	5	—	—	1	100	1	88	1	2	—	—	35	1390
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	116
—	—	—	—	—	—	—	—	1	30	—	—	—	—	—	—	—	—	6	68
2	110	1	30	6	35	—	—	5	145	—	—	3	55	—	—	—	—	44	840
—	—	—	—	3	12	—	—	1	17	1	28	1	8	—	—	—	—	38	589
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	22	—	—	—	—	—	—	2	37
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—	7	68
1	6	1	3	—	—	2	11	1	5	—	—	—	—	1	7	—	—	7	38
—	—	—	—	1	8	4	43	3	27	—	—	—	—	1	14	—	—	9	92
—	—	6	344	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	340	10	684
31	2427	123	6979	49	4544	40	2677	30	531	25	832	80	6580	77	4075	150	11201	866	48395

нии". М., 1856.)

СПИСОК ЦЕРКОВНЫХ ЗДАНИЙ МОСКВЫ, СНЕСЕННЫХ ПОСЛЕ ПОЖАРА 1812 ГОДА И ПОСТРОЕННЫХ ВНОВЬ ЗА 1812—1862 гг.

В пожар 1812 года в Москве погорело множество церквей, но большей частью незначительно: сгорели деревянные крыши и стропила, поддерживающие черепичные или железные крыши, коробки окон, дверей и самые полотна их, деревянные части внутри церквей, деревянные дома причта вокруг них и т. п. Эти «порухи» скоро были восстановлены. Но некоторые церкви погорели более основательно, и их пришлось снести, заменяя новыми зданиями. Как увидим ниже, эти церкви стояли несколько лет после пожара разрушенными и только после утверждения в 1817 г. Александром I «прожектированного» плана Москвы были снесены.

Профессор Н. А. Скворцов в своей работе «Уничтоженные церкви Москвы», опубликованной в «Московских церковных ведомостях» за 1896—1898 гг., дает списки этих церквей, а также снесенных позже по другим причинам. Ссылка на этот источник дается ниже под сокращением — МЦВ, ссылка на книгу М. И. Александровского «Указатель московских церквей» (М., 1915 г.) дается под сокращением — УМЦ; на книгу «Музеи и достопримечательности Москвы» (М., 1926 г.), под редакцией В. В. Згуры, под сокращением — МиДМ.

С 1812 по 1825 г.

О сносе в 1817 г. церкви Николы Гостунского *в Кремле* мы уже говорили выше, в тексте книги.

В Белом городе в 1816 г. были снесены: ц. Воскресения Словущего на Петровке у Кузнецкого моста; ц. Воскресения в Скоморошках на углу Космодемианского пер. (ныне части Столешникова пер.) и Большой Дмитровки; ц. Иоанна Предтечи между Знаменкой и Антипьевским пер. близ Арбатской пл.; ц. Луки Евангелиста в Антипьевском пер. близ Пречистенского бульв.; ц. Василия Неокесарийского на углу Брюсовского пер. и Тверской ул.

В 1817 г. были снесены: ц. пророка Ильи на Тверской ул. близ Моховой; ц. Спаса в Копье на Петровской пл. перед современным Детским театром; ц. Иоанна Милостивого на углу Калашного и Малого Кисловского пер.; ц. Благовещенская в Ваганьковском пер.

В 1818 г. снесена ц. пророка Елисея в Брюсовском пер. (МЦВ, 1896—1897 гг.).

В Земляном городе была снесена в 1816 г. ц. Старого Воскресения, стоявшая на углу Остоженки и Савеловского пер. (МЦВ, 1896 г., № 24).

За Земляным городом. В 1819 г. снесена церковь Иоанна Предтечи, стоявшая около Новодевичьего монастыря и взорванная французами.

С 1812 (после пожара) по 1825 г. *построены* следующие новые церкви и колокольни:

1) в 1815 г. Живоначальной троицы, что в Вишнякове на Пятницкой ул., угол Лужниковского пер. (УМЦ, 40); по другим данным — в 1824—1826 гг. (ИАПМ, 15).

2) ц. Афанасия и Кирилла на Сивцевом Вражке. Главная ц. — XV века, перестроена в 1815 г. Трапезная и колокольня построены в 1836—1856 гг. (УМЦ, 40);

3) ц. Вознесения господня на Царицынской (Большой Никитской) ул. Построена в 1798—1816 гг. по проекту архитектора М. Ф. Казакова (УМЦ, 40). Постройка церкви окончательно завершена только в 1840-х годах, и в ней, по другим данным, принимали участие архитекторы А. Г. Григорьев и Е. Д. Тюрин. Вопреки первоначальному проекту, колокольня не соединена с трапезной притвором, имеющим с юга и севера широкие входные двери.

4) в 1819 г. ц. Живоначальной троицы, что у Салтыкова моста, на Новоблагословенной ул., в Единоверческом монастыре (УМЦ, 41);

5) в 1821 г. ц. Рождества Богородицы, что на Стрелке, на Солянке, угол Подкопаевского (Подколокольного) пер. (УМЦ, 41);

6) в 1818—1824 гг. ц. Седьмого вселенского собора на Большой Царицынской (Большой Пироговской) ул. (УМЦ, 41);

7) в 1823 г. ц. Софии, Веры, Надежды и Любови на Миусском кладбище (УМЦ, 41);

8) в 1823 г. ц. Николая чудотворца, что в Котельниках (УМЦ, 41);

9) в 1824 г. ц. Воскресения Словущего на Ваганьковском кладбище (УМЦ, 41);

10) в 1825 г. ц. Введения богородицы во храм. близ Салтыкова моста, на Новоблагословенной ул., в Единоверческом монастыре (УМЦ, 41);

11) в 1818—1820-х гг. была построена Лютеранская церковь Петра и Павла в Старосадском пер. (МВ, 1826 г., № 29), позже замененная новой.

С 1825 по 1843 г.

С 1825 по 1843 г. снос старых церквей и колоколен и постройка новых шли значительно слабее, чем в предыдущем периоде. Снос зданий происходил почти исключительно из-за их обветшалости, а постройка новых — для замены снесенных.

В Китай-городе были снесены две старые церкви — Иоанна Богослова под Вязом на Новой пл. у Китайской стены в 1825 г. и Николая Чудотворца на Москворецкой ул. в 1829 г. На их фундаментах построены новые здания этих же церквей (УМЦ, 41 и 43).

В Белом городе за эти годы снесены: в 1838 г. — ц. Всех святых на набережной у бывш. Каменного моста; две церкви Алексеевского девичьего монастыря для постройки на месте монастыря храма Христа Спасителя; ц. Николая Чудотворца в Сапожке у Троицкого моста Кремля; в 1840 г. — ц. Петра Вериг в Петроверигском пер. (МЦВ, 1896 г., № 4 и 18, и 1898 г., № 1).

В Земляном городе в 1831 г. снесена старая ц. Большого Вознесения на Большой Никитской ул., возведенная в 1665—1689 гг., ввиду постройки рядом новой церкви с тем же наименованием, сохранившейся и в настоящее время (УМЦ, 40).

Построены за этот период следующие церковные здания: в 1835 г. архитектором Козловским колокольня и стены Рождественского монастыря; в 1827—1830 гг. на Малой Лубянке архитектор А. О. Жилярди (двоюродный брат знаменитого архитектора Д. И. Жилярди) построил католическую церковь св. Людовика (МиДМ, 432); в 1828—1833 гг. архитектор О. И. Бове построил на Большой Ордынке главную часть ц. Скорбящей Богоматери (ИАПМ, 8); в 1840-х годах в Милютинском пер. возведено большое здание католической церкви.

За Земляным валом построены: в 1830 г. ц. Живоначальной троицы на Пятницком кладбище (УМЦ, 42); в 1832 г. ц. Сошествия св. духа на Даниловском кладбище (УМЦ, 42); в 1834 г. ц. Всех скорбящих радости на Калитниковском кладбище (УМЦ, 42); в том же 1834 г. ц. Воскресения Словущего в Даниловской слободе (УМЦ, 42); в 1835—1839 гг. колокольня Симонова монастыря (арх. К. А. Тон) (МиДМ, 434); в 1835—1845 гг. архитектором Тюриным построена ц. Богоявления в Елохове (МиДМ, 413).

С 1843 по 1862 г.

В 1843—1862 гг. снос старых церковных зданий и постройка новых происходили таким образом.

В 1846 г. была разобрана ц. Рождества Иоанна Предтечи на Бору *в Кремле,* здание которой было построено зодчим Алевизом в 1509 г. (УМЦ, 44).

В 1858 г. *в Китай-городе,* в Юшковом пер., было построено новое здание ц. Николая чудотворца Красный Звон (УМЦ, 46).

В Белом городе построены: в 1857—1860 гг. ц. Успения Богородицы на Вражке, в Газетном пер. (УМЦ, 46), и в 1861 г. архитектором М. Д. Быковским ц. Живоначальной троицы на Покровке, у Покровских ворот (УМЦ, 46).

В Земляном городе в эти годы построены: в 1848 г. ц. Пимена Старого в Пименовском пер. (УМЦ, 44); в 1846 г. ц. Николы Явленного на Арбате (УМЦ, 44); в 1855 г. архитектором М. Д. Быковским возведены колокольня и стены Страстного монастыря (УМЦ, 45); им же в 1858—1863 гг. построена ц. Никиты в Старых Толмачах в Татарской (УМЦ, 46); в 1862—1868 гг. архитектором Н. И. Козловским построена колокольня ц. Софии на Софийской набережной (УМЦ, 47).

За Земляным городом построены: в 1845 г. колокольня и трапезная ц. Василия Кесарийского на 1-й Тверской-Ямской (УМЦ, 42); в 1844—1847 гг. ц. Благовещения в Петровском парке (УМЦ, 44); в 1848 г. ц. Иоанна Богослова в бывш. Андреевском монастыре (УМЦ, 44); в 1855 г. ц. Вознесения Словущего на Семеновском кладбище (УМЦ, 45); в 1862 г. ц. Флора и Лавра на Коломенско-Ямской (УМЦ, 46).

Особо шло с 1832 по 1882 г. строительство храма Христа Спасителя (УМЦ, 46), который к 1862 г. был вчерне снаружи окончен и вошел в ансамбль города.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

Допущенные в Указателе источников сокращенные обозначения

Андросов — *В. Андросов.* Статистическая записка о Москве. М., 1832.

Будылина. Диссертация — *М. В. Будылина.* История планировки и восстановления Москвы Комиссией для строений в первые 5 лет после пожара 1812 года. Диссертация, 1946.

Будылина: «Арх. наследство» — *М. В. Будылина.* Планировка и застройка Москвы после пожара 1812 г. «Архитектурное наследство», 1951, № 1.

Будылина. Манеж — *М. В. Будылина.* История постройки Манежа в Москве. «Архитектурное наследство», 1952, № 2.

Гастев — *М. Гастев.* Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы, ч. I. М., 1841.

ГАФКЭ — Государственный архив феодально-крепостнической эпохи.

ГИБ — Государственная Историческая библиотека.

ГИМ — Государственный Исторический музей.

Дубровин — *Н. Дубровин.* Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.). СПб., 1882.

Згура — *В. В. Згура.* Монументальные памятники. В путеводителе «Музеи и достопримечательности Москвы». Изд. Московского коммунального хозяйства, 1926.

ИАПМ — «Историко-архитектурные памятники Москвы». Изд. на правах рукописи Отдела охраны памятников Мосгорисполкома. М., 1953.

ИМ — «История Москвы», т. III. М., Изд-во Академии наук СССР, 1948.

ИП — «Москва, или Исторический путеводитель по знаменитой столице государства Российского», т. I—IV. М., 1827—1831.

ИРА — «История русской архитектуры. Краткий курс». М., 1951.

Клепиков. Планы — *С. А. Клепиков.* Библиография печатных планов Москвы XVI—XIX вв. М., 1956.

МИиРМ — Музей истории и реконструкции Москвы.

МГВ — «Московские губернские ведомости». Газета.

МВ — «Московские ведомости». Газета.

МОИА — Московский областной исторический архив.

Обер-полицм. — «Отчет московского обер-полицмейстера».

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи до 1825 г. (1-е собрание).

2 ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи с 1825 г. (2-е собрание).
РА — «Русский архив». Журнал.
РВ — «Русский вестник». Журнал.
РС — «Русская старина». Журнал.
Сытин. ИПиЗМ — *П. В. Сытин.* История планировки и застройки Москвы, т. I, 1950; т. II, 1954.
Сытин. ИИМУ — *П. В. Сытин.* Из истории московских улиц. Изд. 3-е, 1958.
Федоров-Давыдов. — *А. А. Федоров-Давыдов.* Архитектура Москвы после войны 1812 г. М., 1953.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив Ленинграда.
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.
Чернозубова. Проекты — *Л. Е. Чернозубова.* Разработка серий «образцовых» фасадов жилых домов в первой трети XIX века и их применение в строительстве. В сб. «Образцовые проекты в жилой застройке русских городов XVIII—XIX вв.». М., 1961.
Чернозубова. Застр. М. — *Л. Е. Чернозубова.* Из истории застройки Москвы в первой половине XIX века. «Архитектурное наследство», 1959, № 9.
Щепкин — *М. П. Щепкин.* Общественное хозяйство Москвы. Ч. I, вып. 1 и 2. М., 1887.
Щукин — «Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным». Ч. 1—10. М., 1897—1908.

К главе первой («Москва в 1812 году»)

1. «Ленинград. Путеводитель», 1931, стр. 27.
2. Сытин. ИПиЗМ, т. II, стр. 423—424.
3. *Н. Розанов.* Бородинский мост, газ. «Вечерняя Москва» № 200, 1962.
4. *П. А. Вяземский.* Очерки Москвы. Огиз, 1944, стр. 46.
5. ИМ, т. III, стр. 168; Щукин, т. IV, стр. 225—228, 230—231.
6. Сытин. ИПиЗМ, т. II, стр. 399.
7. *К. Н. Батюшков.* Сочинения. М., 1955, стр. 308.
8. ИМ, т. III, стр. 238.
9. ИМ, т. III, стр. 256.
10. ИМ, т. III, стр. 74.
11. РА, 1891, кн. 8, стр.173.
12. Гастев, стр. 31.
13. «План Москвы 1810 г.» (ЦГВИА, ф. ВУА, № 22179).
14. Энциклопедический словарь. М., 1955, стр. 576. Ст. «Отечественная война».
15. *А. Балтийский.* Бородинское поле сражения. Изд. Ген. штаба, 1911, стр. 10, 12, 67—68.
16. *Е. В. Тарле.* 1812 год. Изд-во АН СССР, 1959, стр. 559.
17. *С. Глинка.* Записки о 1812 годе. СПб., 1836, стр. 65—67.
18. *Е. Лабом.* Вступление в Москву. По кн. М. Н. Коваленского «Москва в истории и литературе». М., 1916, стр. 232.
19. *Сегюр.* Поход в Россию. Там же, стр. 234.
20. РС, 1901, стр. 374 и 378; *В. И. Левенштерн.* Записки. По кн. Е. В. Тарле «1812 год». М., 1959, стр. 582.
21. ИМ, т. III, стр. 97.
22. *Сюрюг,* аббат. 1812 год. Французы в Москве, стр. 197—200. РА, 1882, т. 4.
23. *О'Мэара.* Наполеон в изгнании. В сб. «Россия и Наполеон», изд. 2-е. М., «Задруга», 1913, стр. 192.
24. «Бюллетень Наполеона I» № 20. ИМ, т. III, стр. 109.
25. *Е. В. Тарле.* 1812 год. М., 1959, стр. 652.
26. *Щукин,* ч. 1, стр. 55—58.
27. Там же, стр. 103, 105.
28. «Русские и Наполеон Бонапарте», М., апрель, 1813.
29. *Е. В. Тарле.* 1812 год. М., 1959, стр. 651.
30. «Исторический, статистический и географический журнал», кн. 1, ч. III, 1823 г.
31 *М. Маракуев.* Москва после пожара. В сб. «Россия и Наполеон», изд. 2-е. М., «Задруга», 1913, стр. 334 и 353.
32. РА, 1866, стр. 706—727.
33. *Ростопчин.* Сочинения. Изд. Смирдина. СПб., 1853, стр. 199.
34. *А. С. Пушкин.* Евгений Онегин, гл. VII.
35. *М. Ю. Лермонтов.* Бородино.
36. РА, 1895, кн. 10, стр. 150 (ст. Ланжерона).

К главе второй (1812—1825 гг.)

1. ИМ, т. III, стр. 97, 164, 168.
2. Там же, стр. 164.
3. Там же, стр. 168.
4. Там же, стр. 8.
5. Там же, стр. 178.
6. Там же, стр. 178—180.
7. Там же, стр. 182—185.
8. Там же, стр. 191.
9. Там же, стр. 190, 196.
10. Там же, стр. 256—262.

11. 2ПСЗ, т. 1, № 88; Згура, стр. 450.
12. Гастев, стр. 32.
13. Щукин, т. IV, стр. 98—99.
14. Там же, стр. 96—99.
15. ЦГВИА, фонд ВУА, № 22179.
16. Дубровин, стр. 393.
17. Музей им. А. В. Щусева, фонд № 500.
18. Дубровин, стр. 430, 461.
19. Там же, стр. 487.
20. ПСЗ, XXXII, № 25377.
21. Там же.
22. Будылина. «Арх. наследство», 1951, № 1, стр. 153.
23. *Н. М. Клементьевский.* Историческое развитие межевого дела в Москве и современные его задачи, 1913, стр. 11.
24. Щепкин, ч. 1, вып. II, стр. 202—204.
25. Дубровин, стр. 494.
26. Там же, стр. 499.
27. Дубровин, стр. 499—502.
28. Там же, стр. 496—498.
29. Там же, стр. 509.
30. Щукин, IV, стр. 265—266.
31. Дубровин, стр. 514—515.
32. Там же, стр. 517—518.
33. Там же, стр. 527.
34. Щукин, IV, стр. 265—266.
35. Будылина. «Арх. наследство», стр. 145. Ссылка Будылиной: МОИА, «Журнал Комиссии строений» № 4, лл. 225 и 225 об.
36. Там же. Ссылка Будылиной: МОИА, «Журнал Комиссии строений» № 31, лл. 358, 358 об. — 360.
37. МОИА, фонд 163, «Журнал Комиссии строений» № 8, лл. 158—180 об.
38. ЦГВИА, фонд ВУА, № 22179.
39. Там же, № 22183.
40. Будылина. «Арх. наследство», стр. 151.
41. МОИА, фонд 163, «Журнал Комиссии строений» № 29, лл. 455—457.
42. Будылина. Диссертация, стр. 82. Ссылка Будылиной: МОИА, «Журнал Комиссии строений» № 31, лл. 348—357.
43. Будылина. «Арх. наследство», стр. 152.
44. Щукин, IV, стр. 266—273.
45. ЦГВИА, фонд ВУА, № 22185.
46. Там же, № 22184.
47. МИиРМ, фонды, № 3078.
48. ЦГВИА, фонд ВУА, № 22193.
49. Будылина. «Арх. наследство», стр. 172. Ссылка Будылиной: МОИА, «Журнал Комиссии строений» № 13, л. 354.
50. Там же, стр. 169. Ссылка Будылиной: МОИА, «Журнал Комиссии строений» № 2, л. 43.
51. Там же, стр. 172. Ссылка Будылиной: МОИА, «Журнал Комиссии строений» № 13, л. 347 об.
52. *П. В. Сытин.* Перепланировка центра Москвы в начале XIX века. Журнал «Коммунальное хозяйство», 1929, № 5—6, стр. 23.
53. Там же.
54. МОИА, фонд 163, «Журнал Комиссии строений» № 43, лл. 403—404.
55. Там же, фонд 163, опись 3, дело № 4, отношение № 2414, л. 13.
56. Там же, лл. 28—31.
57. ЦГВИА, фонд ВУА, № 22193.
58. Будылина. Диссертация, стр. 220.
59. «Ежегодник Музея архитектуры», изд. Всесоюзной академии архитектуры, вып. 1, 1937. Ст. В. И. Алексеева.
60. МОИА, фонд 163, опись 2, дело № 22.
61. *П. В. Сытин.* Перепланировка центра Москвы в начале XIX века. Журнал «Коммунальное хозяйство», 1929, № 5—6, стр. 25.
62. Там же, стр. 27.
63. МОИА, фонд 163, «Журнал Комиссии строений» № 49, л. 185.
64. МГВ, 1841 г., № 42, стр. 648.
65. Там же.
66. МИиРМ, фонды, № 4113.
67. МОИА, фонд 16. Канц. ген.-губ., опись 4, № 429 и 104.
68. ЦГАДА, Дворцовый архив, № 69351.
69. МИиРМ, фонды, № 3081.
70. Там же, фонды, № 4113.
71. Там же.
72. Там же.
73. ЦГВИА, фонд ВУА, № 18865.
74. Щепкин, ч. 1, вып. 1, стр. 111—114.
75. *Д. Благово.* Рассказы бабушки. Спб., 1885, стр. 198.
76. *Ф. Ф. Вигель.* Записки, ч. IV. М., 1892, стр. 121—122.
77. *Д. Н. Свербеев.* Записки, т. I, М., 1899, стр. 146.
78. Щукин, II, стр. 11.
79. Дубровин, стр. 481—482.
80. Там же, стр. 430.
81. Там же, стр. 461.
82. Там же.
83. Щукин, VII, стр. 399.
84. ПСЗ, XXXII, 25340.
85. ПСЗ, XXXII, 25378.
86. Щукин, III, стр. 137.
87. Там же, стр. 138.
88. Там же, стр. 139.
89. Там же.
90. Там же, стр. 140.
91. Дубровин, стр. 481—482.
92. Чернозубова. Проекты, стр. 119, Ссылка Чернозубовой: ЦГИАЛ, фонд 1293, опись 74, дело 1009.
93. Там же, стр. 120.
94. Там же, стр. 124.
95. Там же, стр. 128.
96. Там же.
97. Там же, стр. 132.
98. Там же, стр. 133.
99. Дубровин, стр. 456—457.
100. Там же, стр. 459.
101. Чернозубова. Проекты, стр. 150.
102. Чернозубова. Застр. М., стр. 26. Ее ссылка: № 2.
103. МОИА, фонд 163, «Журнал Комиссии строений» № 11, стр. 33—34.
104. Будылина. «Арх. наследство», стр. 154.
105. ПСЗ, XXXII, 25407.

106. МОИА, фонд 163, «Журнал Комиссии строений» № 1, л. 7.
107. ПСЗ, XXXII, № 25407.
108. ПСЗ, XXXIV, № 27180.
109. Будылина. «Арх. наследство», стр. 166—169.
110. МВ, № 36, 1820, стр. 993.
111. *А. Бунин.* История градостроительного искусства. М., 1953, стр. 443—444.
112. Дубровин, стр. 498—499.
113. ПСЗ, XXXIII, № 25252.
114. Будылина. Диссертация, стр. 110—114.
115. МОИА. Канц. ген.-губ., фонд 16, св. 299, № 208, л. 189.
116. Будылина. Диссертация, стр. 100—105.
117. Щукин, X, стр. 49—50.
118. Будылина. Диссертация, стр. 110—114.
119. МОИА, фонд 163, «Журнал Комиссии строений» № 54, л. 179 об.
120. Андросов, стр. 29.
121. Будылина. «Арх. наследство», стр. 157.
122. Там же, стр. 158.
123. Там же, стр. 159.
124. ИРА. М., 1951, стр. 270.
125. *П. В. Сытин.* Перепланировка центра Москвы в начале XIX века, журнал «Коммунальное хозяйство», 1929, № 5—6, стр. 25.
126. МОИА, фонд 163, оп. 2, дело № 22.
127. ЦГАДА, Дворцовый архив, дело № 69351, стр. 2.
128. Там же, стр. 3.
129. Там же, стр. 4.
130. Там же, стр. 8.
131. Там же, стр. 11.
132. Там же.
133. Там же.
134. Федоров-Давыдов, стр. 11, 13.
135. ПСЗ, XXXIV, № 26782.
136. ПСЗ, XXXVII, № 28856.
137. Будылина. Диссертация, стр. 202.
138. Федоров-Давыдов, стр. 14.
139. Будылина. Диссертация, стр. 199.
140. *С. Глинка.* Путеводитель в Москве. М., 1824, стр. 177.
141. Новый путеводитель по Москве. М., 1833, стр. 202, 264—265.
142. *Будылина.* Манеж, стр. 167.
143. ПСЗ, XXXIV, № 26639.
144. Федоров-Давыдов, стр. 16.
145. П. В. Сытин, ИИМУ, стр. 143.
146. *А. П. Базиянц.* Лазаревский институт восточных языков. М., 1959.
147. ИРА, стр. 215.
148. ИМ, III, стр. 673; РА, 1901, стр. 92.
149. ИАПМ, стр. 45.
150. Сытин, ИИМУ, стр. 133.
151. Згура, стр. 443.
152. ИАПМ, стр. 53.
153. Там же.
154. Згура, стр. 437.
155. Там же, стр. 416.
156. Там же, стр. 420.
157. ИАПМ, стр. 15.
158. *Н. Крашенинникова.* Из неопубликованных работ И. и Д. Жилярди. «Архитектурное наследство», 1951, № 1, стр. 201.
159. ИАПМ, стр. 24.
160. Там же, стр. 21.
161. Там же, стр. 13.
162. ПСЗ, XXXVI, № 28347 и 28433.
163. *В. Л. Снегирев.* Архитектор А. Л. Витберг. М.—Л., 1939, стр. 66—68.
164. *Соколов.* Указатель жилищ и зданий. М., 1826.
165. Сытин. ИПиЗМ, т. II, стр. 386; «Дамский журнал», ч. 15, 1826, № 13, стр. 35.
166. МОИА, фонд 163, «Журнал Комиссии строений» № 49, л. 185.
167. *Петунников.* Пути сообщения в г. Москве. М., 1915, стр. 34, 106, 143 и 280.
168. Там же, стр. 45 и 279.
169. ЦГАДА, портфель А. Ф. Малиновского, № 38, л. 41.
170. *Ольхова.* Решетка Александровского сада в Москве. «Архитектурное наследство», 1959, № 9, стр. 197.
171. Московский городской листок, 1847, № 83, стр. 332.
172. РА, 1892, IV, «Записки» Ф. Ф. Вигеля.
173. *М. Н. Загоскин.* Москва и москвичи вып. II. М., 1844, стр. 5—7.
174. МОИА, фонд 16. Канц. ген.-губ., оп. 4, № 460 (83184).
175. Щукин, I, стр. 120.
176. Дубровин, стр. 526—527.
177. *Кондратьев.* Седая старина Москвы. М., 1893, стр. 228.
178. Андросов, стр. 13—18.
179. МОИА, фонд 163, «Журнал Комиссии строений» № 35, л. 274.
180. *Петунников.* Пути сообщения в г. Москве. М., 1915, стр. 83, 116, 126, 232—235.
181. *П. В. Сытин.* Палисадники на Садовых улицах г. Москвы. Журн. «Коммунальное хозяйство», 1926, № 21—22, стр. 19.
182. МОИА, фонд 163, «Журнал Комиссии строений» № 50, л. 757 и далее.
183. Там же, «Журнал Комиссии строений» № 83 от 4 мая 1820 г., л. 73.
184. Там же, «Журнал Комиссии строений» № 50, л. 757.
185. Андросов, стр. 15—17.
186. ПСЗ, XXXVIII, № 29424.
187. МОИА, фонд 16. Канц. ген.-губ., № 83662.
188. РА, 1892, № 5. «Записки» Ф. Ф. Вигеля.
189. Там же, № 6. «Записки» Ф. Ф. Вигеля.
190. Там же, 1901, III, стр. 556. Письма А. Я. Булгакова к брату.
191. *А. И. Дельвиг.* Мои воспоминания, т. I. М., 1912, стр. 22.

К главе третьей (1825—1843 гг.)

1. Федоров-Давыдов, стр. 5.
2. Там же, стр. 26.
3. ИМ, III, стр. 670.
4. Сб. «Изгнание Наполеона из Москвы». М., 1893, стр. 326.
5. Андросов, стр. 30, примечание.
6. 2 ПСЗ, IV, № 3230.
7. Сытин, ИИМУ, стр. 302.
8. МВ, 1843, № 8, стр. 49.
9. Там же.
10. ИМ, III, стр 168.
11. Андросов, стр. 52—53.
12. ИМ, III, стр. 168.
13. Там же.
14. Андросов, стр. 157, примечание.
15. Там же, стр. 158, примечание.
16. 2 ПСЗ, IX, № 7191.
17. 2 ПСЗ, V, № 3811.
18. Андросов, стр. 162.
19. Андросов, стр. 158.
20. *Л. М. Самойлов.* Атлас промышленности Московской губернии, 1845.
21. Клепиков. Планы, стр. 58, 59, № 85, 86, 87.
22. Там же, стр. 62, № 97.
23. Там же, стр. 63, № 99 и 101; ГИМ, Отд. арх. графики 70156 (л. 242) и 45856 (л. 245).
24. ПСЗ. Книга чертежей и рисунков. Планы городов. СПб., 1839.
25. Клепиков. Планы, стр. 66, № 108.
26. Там же, № 110.
27. Там же, стр. 67, № 114, и МИиРМ, фонды, план 1841 г. (3084).
28. Там же, стр. 65 и 67, № 106 и 114; МИиРМ 3078 (7—5—3) и 4113.
29. 2 ПСЗ, IV, № 3230.
30. *Н. А. Скворцов.* Археология и топография Москвы, 1913, стр. 67.
31. Клепиков. Планы, стр. 65, № 106.
32. *Н. М. Клементьевский.* Историческое развитие межевого дела в Москве и его современные задачи. М., 1913, стр. 13.
33. *В. Г. Белинский.* Соч., изд. 2-е, Павленкова, IV, стр. 197.
34. Клепиков. Планы, стр. 66, № 110.
35. Там же, стр. 67, № 114.
36. Андросов, стр. 35.
37. «Исторический, статистический и географический журнал», кн. 1, ч. III, 1823; Андросов; Отчеты обер-полицмейстера за 1839, 1840 и 1842 гг.
38. Андросов, стр. 33—37.
39. Отчет обер-полицмейстера за 1842 г. и Андросов, стр. 31.
40. Андросов, стр. 41.
41. Там же, стр. 44.
42. Там же, стр. 31.
43. Там же, стр. 45.
44. Там же, стр. 49—50.
45. ИМ, III, стр. 226.
46. Згура, стр. 429.
47. Там же, стр. 428.
48. ИАПМ, стр. 29.
49. Згура, стр. 434.
50. Там же, стр. 437.
51. *Покровская.* О. И. Бове. М., 1965.
52. Згура, стр. 417.
53. Там же, стр. 452.
54. ИАПМ, стр. 48.
55. Там же, стр. 40.
56. Там же, стр. 18.
57. Там же, стр. 51.
58. Згура, стр. 450.
59. Сытин. ИИМУ, стр. 138 и 147.
60. ИАПМ, стр. 42.
61. Сытин. ИИМУ, стр. 169.
62. 2 ПСЗ, т. XII, № 10420.
63. Згура, стр. 444.
64. Там же, стр. 432.
65. Там же, стр. 439, и ИАПМ, стр. 54.
66. *Покровская.* О. И. Бове. М., 1965.
67. Сытин. ИИМУ, стр. 327.
68. Там же, стр. 351.
69. Згура, стр. 451.
70. Там же, стр. 419.
71. ИАПМ, стр. 36.
72. Згура, стр. 424.
73. Сытин. ИИМУ, стр. 549.
74. Згура, стр. 423.
75. ИАПМ, стр. 9.
76. Згура, стр. 421.
77. ИАПМ, стр. 31.
78. Згура, стр. 450.
79. Там же, стр. 419.
80. Там же, стр. 351.
81. Щепкин, ч. 1, вып. 1, стр. 116.
82. МОИА, фонд 16. Канц. ген.-губ., опись 4, св. 299, д. 103, л. 176.
83. Там же, д. 12 (88470).
84. Там же, опись 4, св. 299, д. 103, лл. 336—337.
85. Сытин, ИИМУ, стр. 686.
86. *Белецкая, Крашенинникова, Чернозубова и Эрн.* Сб. «Образцовые проекты в жилой застройке русских городов XVIII—XIX вв.». М., 1961.
87. Андросов, стр. 23—24.
88. ИП, IV, изд. 1831 г., стр. 145.
89. Андросов, стр. 37—39.
90. Там же, стр. 68.
91. Там же, стр. 69 и 75.
92. «Холера 1830 г. в Москве». «Вестник судебной медицины и общественной гигиены», т. III, ч. VI, 1884, стр. 51—52.
93. Ведомость о состоянии города Москвы, № 1—106, с 23 сентября по 6 января 1831 г.
94. ИП, III, стр. 213.
95. Там же, стр. 356.
96. 2 ПСЗ, VI, № 4654, 1831 г.
97. 2 ПСЗ, II, № 993.
98. ИП, III, стр. 134—135.
99. *Н. Горчаков.* О Московском Мытищинском водопроводе. «Московский городской листок», 1847, № 83, стр. 331; «Водоснабжение Москвы в 1779—1902 гг.». М., 1902, изд. Московской городской управы.

100. *С. Глинка.* Путеводитель в Москве. М., 1824.
101. Андросов, стр. 3.
102. ИП, III, стр. 392.
103. Обер-полицм., 1838, стр. 35.
104. Обер-полицм., 1842, стр. 62.
105. Андросов, стр. 25.
106. Там же.
107. Там же, стр. 24—25.
108. Там же, стр. 22—24.
109. Обер-полицм., 1838 и 1842 гг.
110. *К. А. Полевой.* Записки. В сб. «Пушкин в воспоминаниях современников». Гослитиздат, 1950, стр. 373.
111. РВ, 1878, март. «Из рассказов бабушки». Благово.
112. ГАФКЭ, Дворцовый архив, дело № 69352, начатое 16 мая 1827 г.
113. «Молва», 1831, № 31, стр. 69.
114. ГАФКЭ, Дворцовый архив, дело № 69357 за 1835 г.
115. ИАПМ, стр. 45.
116. *М. Н. Загоскин.* «Москва и москвичи», вып. 2, 1844, стр. 8—12 и 17—19.
117. 2 ПСЗ, IX, № 6882, 1834.
118. Там же.
119. ИП, III, стр. 357.
120. РА, III, 1902, кн. 1, стр. 155.
121. ИП, III, стр. 69.
122. МОИА, фонд 16. Канц. ген.-губ., опись 4, дело № 2517 (85427).
123. Там же, л. 401.
124. Сытин, ИИМУ, стр. 632.
125. ИП, III, изд. 1831 г., стр. 350.
126. Андросов, стр. 17—18.
127. «Дамский журнал», ч. 15, 1826, № 13, стр. 35.
128. *А. И. Дельвиг.* Мои воспоминания, т. I, стр. 141.
129. ИП, III, изд. 1831 г., стр. 87—89.
130. ИП, IV, изд. 1831 г., стр. 209.
131. МОИА, фонд 16. Канц. ген.-губ., опись 4, дело № 2523 (85433).
132. *Д. Д. Сонцов.* Альбом пятидесятилетнего юбилея императорского московского общества любителей конского бега. М., 1884, стр. 31.
133. МОИА. Канц. ген.-губ., 1846, дело № 36 (6953).
134. Андросов, стр. 13—17.
135. *Н. А. Найденов.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 1903, стр. 32—33.
136. ИП, III, 1831, стр. 215.
137. *А. Н. Петунников.* Пути сообщения в г. Москве. М., 1915, стр. 258, и Сытин, ИИМУ, стр. 356.
138. «Сборник очерков по г. Москве», 1897 г.; «Исторический очерк инженерных сооружений», стр. 24—25, и Каталог Московского коммунального музея, 1-й отдел, добавление 1-е, изд. МКХ, 1927, № 64.
139. Обер-полицм., 1838 и 1842 гг.
140. Сытин, ИИМУ, стр. 354.
141. *Ф. Я. Нестерук.* Водное строительство Москвы. М., 1950, стр. 136—143.
142. *А. Н. Петунников.* Пути сообщения в г. Москве. М., 1915, стр. 39.
143. Андросов, стр. 40.
144. Там же.
145. Обер-полицм., 1838 г.
146. Обер-полицм., 1842 г.
147. МГВ, 1841, № 7, стр. 63.
148. 2ПСЗ, XVIII, № 16485.
149. ИП, I, 1827, стр. 315.
150. Обер-полицм., 1842 г.
151. Обер-полицм., 1838 г.
152. *П. Вистенгоф.* Очерки московской жизни. М., 1842, стр. 176.
153. Андросов, стр. 50—51.
154. *П. Вистенгоф.* Очерки московской жизни. М., 1842, стр. 4—7.
155. *М. Н. Загоскин.* Москва и москвичи, вып. 2. М., 1844, стр. 5—8.
156. *П. Вистенгоф.* Очерки московской жизни. М., 1842, стр. 176—178.
157. Федоров-Давыдов, стр. 46—47.

К главе четвертой (1843—1862 гг.)

1. ИМ, III, стр. 670.
2. ИРА, стр. 288.
3. Там же, стр. 282.
4. Там же, стр. 291.
5. 2 ПСЗ, XXXI, № 31251, 1856 г.
6. *Захаров.* Указатель Москвы, ч. 2, 1852 г., стр. 214.
7. МОИА. Канц. ген.-губ., опись 16/14, № 57.
8. ЦГИАЛ, фонд 1298, опись 852, № 208.
9. МОИА. Канц. ген.-губ., опись 16/30, № 346.
10. Там же, опись 16/14, № 53.
11. Там же, № 51.
12. Там же, опись 16/15, № 1 (6950).
13. *Рудольф.* План Москвы. Изд. 1848 г., и Клепиков. Планы, № 124, стр. 71.
14. *А. Хотев.* Атлас г. Москвы, изд. 1852—1853 гг., и Клепиков. Планы, № 137, стр. 74.
15. *Белоусов и др.* План Москвы 1849—1852 гг., изд. 1868 г.
16. «Указатель к плану г. Москвы», изд. 1868 г.
17. Клепиков. Планы, № 141, стр. 75.
18. Там же, № 151, стр. 77.
19. МОИА. Канц. ген.-губ., опись 16/14, № 50.
20. *А. Ишимова.* Каникулы 1844 года, или Поездка в Москву. 1846, стр. 101.
21. МОИА. Канц. ген.-губ., опись 16/14, № 83.
22. Щепкин, ч. I, вып. II, стр. 451.
23. 2 ПСЗ, VII, № 5624.

24. 2 СПЗ, XIX, отд. 2-е, 1844, СПб., 1845. прибавление к т. XVIII, № 16998а, § 13.
25. 2 ПСЗ, XVII, № 16345.
26. ЦГИАЛ, фонд 218, опись 1, л. 167.
27. *И. В. Эрн.* Последние серии образцовых фасадов и постепенный отход от их применения. Ст. в сб. «Образцовые проекты в жилой застройке русских городов XVIII—XIX вв.», М., 1961, стр. 170.
28. Там же, стр. 176.
29. 2 ПСЗ, XXXIII, № 33155 за 1858 г.
30. *Ф. М. Достоевский.* Соч., т. XI, 1929, стр. 110.
31. Згура, стр. 428.
32. Там же, стр. 429.
33. ИАПМ, стр. 7.
34. *Н. А. Скворцов.* Уничтоженные церкви в Москве (см. приложение 17).
35. Згура, стр. 167.
36. Там же, стр. 452.
37. Там же, стр. 434, и ИАПМ, стр. 51.
38. Згура, стр. 452.
39. Сытин, ИИМУ, стр. 190.
40. Там же, стр. 179.
41. Там же, стр. 190.
42. Згура, стр. 422.
43. «По Москве», изд. Сабашниковых. М., 1917.
44. ИАПМ, стр. 49; Згура, стр. 417; ЦГИАЛ, фонд 1488, опись 352, № 35.
45. Згура, стр. 448.
46. Там же, стр. 441.
47. Там же, стр. 447.
48. Там же, стр. 422.
49. В кн. «Устав строительный». СПб., 1891 г., стр. 195.
50. *Захаров.* Указатель Москвы, ч. 2, 1852, стр. 214.
51. Свод законов, т. XII; Устав строительный, п. 302, ст. «Ж».
52. 2 ПСЗ, XXIV, № 23782.
53. Свод законов, т. XII; Устав строительный, п. 302.
54. МОИА. Канц. ген.-губ., опись 16, № 17016, т. I, стр. 16 и след.
55. Там же. Отношение № 906 от 3 февраля 1856 г., стр. 18.
56. Там же, стр. 20.
57. 2 ПСЗ, XXXI, № 30329, Устав строительный, т. XII, изд. 1857 г.
58. 2 ПСЗ, XXXVIII, № 40046.
59. МОИА, Канц. ген.-губ., опись 15, № 85 (6987).
60. Там же, опись 16, № 17016-а, л. 14.
61. Там же.
62. 2 ПСЗ, XI, № 8842 от 4 февраля 1836 г.
63. *Н. Скавронский.* Очерки Москвы. М., 1862, вып. 1, стр. 19.
64. Там же, стр. 105.
65. 2 ПСЗ, XIX, № 18038.
66. «Водоснабжение г. Москвы в 1799—1902 гг.». М., 1902, стр. 11.
67. Там же, стр. 12 и 13.
68. *А. И. Дельвиг.* Мои воспоминания, т. 2, стр. 446.
69. Клепиков. Планы, № 141, стр. 75.
70. МОИА, Канц., ген.-губ., опись 16/14, № 67.
71. Там же, № 70.
72. *А. И. Дельвиг.* Мои воспоминания, т. 2, стр. 398.
73. МОИА. Канц. ген.-губ., опись 16/14, № 108.
74. Там же, № 69.
75. «Сборник очерков по г. Москве». М., 1897, «Канализация», стр. 1.
76. «Указатель к плану Москвы», изд. 1868 г., стр. VI.
77. *М. Е. Салтыков-Щедрин.* Пошехонская старина. М., Гослитиздат. 1951, стр. 202.
78. Обер-полицм., 1846 г.
79. *Н. И. Фальковский.* Москва в истории техники. М., 1950, стр. 97.
80. МОИА. Канц. ген.-губ., опись 16/15, № 28 (6971).
81. Свод законов, т. XII, Устав строительный, ст. 280—281 и 283—284.
82. Обер-полицм., 1846 г.
83. Свод законов, т. XII; Устав строительный, ст. 285 и 287.
84. Там же, ст. 288.
85. Там же, ст. 290.
86. 2 ПСЗ, XVIII, № 16485.
87. Там же, № 17433.
88. Свод законов, т. XII; Устав строительный, ст. 296 и приложение «б».
89. Там же, ст. 291 и приложение «б».
90. Обер-полицм., 1846 г.
91. 2 ПСЗ, XXIII, № 22484.
92. «Сборник очерков по г. Москве». М., 1897; *Н. Скавронский.* Очерки Москвы, вып. 2, М., 1866, стр. 200.
93. 2 ПСЗ, XXVII, № 26337.
94. 2 ПСЗ, XXXIV, № 34836.
95. Обер-полицм., 1846 г.
96. *И. А. Слонов.* Из жизни торговой Москвы. М., 1914, стр. 49.
97. Доклад Московской городской управы, № 13 от 10 февраля 1883 г.
98. Там же.
99. *Б. Великин.* Петербург—Москва. Из истории Октябрьской железной дороги. Л., 1934.
100. *А. И. Дельвиг.* Мои воспоминания, т. 2, стр. 280.
101. *Б. Великин.* Петербург—Москва. Из истории Октябрьской железной дороги. Л., 1934 г.
102. Сытин. ИИМУ, стр. 651.
103. ЦГИАЛ, фонд 1293, опись 352, № 181.
104. 2 ПСЗ, XXIX, № 28211.
105. 2 ПСЗ, XXXII, № 32094.
106. *Н. В. Давыдов.* Из прошлого. М., 1914.
107. *Н. Н. Найденов.* Из воспоминаний о виденном, слышанном и испытанном, ч. 1. М., 1903, стр. 74.
108. *Н. Скавронский.* Очерки Москвы, вып. 1. М., 1862, стр. 105.

К «Заключению»

1. ИМ, III, стр. 478.
2. Там же, стр. 480.
3. Там же.
4. Там же, стр. 481.
5. ИМ, III, стр. 486—502, и *Б. С. Земенков.* Памятные места Москвы. М., 1959.
6. ИМ, III, стр. 503—508.
7. *Б. С. Земенков.* Памятные места Москвы. М., 1959, стр. 323—339.
8. ИМ, III, стр. 654—655.
9. ИМ, III, стр. 660.
10. Там же, стр. 664.
11. Там же, стр. 668.
12. Там же, стр. 664.
13. Там же, стр. 668—669.
14. Там же, стр. 168.
15. Андросов, стр. 52.
16. ИМ, IV, стр. 233.
17. «Путеводитель по Ленинграду на 1931 г.», изд. 1932 г., стр. 27.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

(цифрами обозначены страницы)

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Р

С

Т

У

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

(цифрами обозначены страницы)

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Ш

Щ

Э

Ю

Я

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ СЫТИН

М., «Московский рабочий
400 с. М (09) С—95 322

Редактор *А. Назарова.* Художественный редактор *П. Зубченков*
Художник *Б. Никифоров.* Технический редактор *М. Шлык*
Издательство «Московский рабочий», Москва, ул.Куйбышева, 21

Л111246 Подписано к печати 15/X-1971 г. Формат бумаги 70×108 1/16
Бум. л. 12,25 Печ. л. 34,65 Уч-изд. л. 34,99 Тираж 2000
Цена 2 р. 24 к. Зак. 986

Типография ГОСИНТИ, Москва, Б. Полянка, д. 43